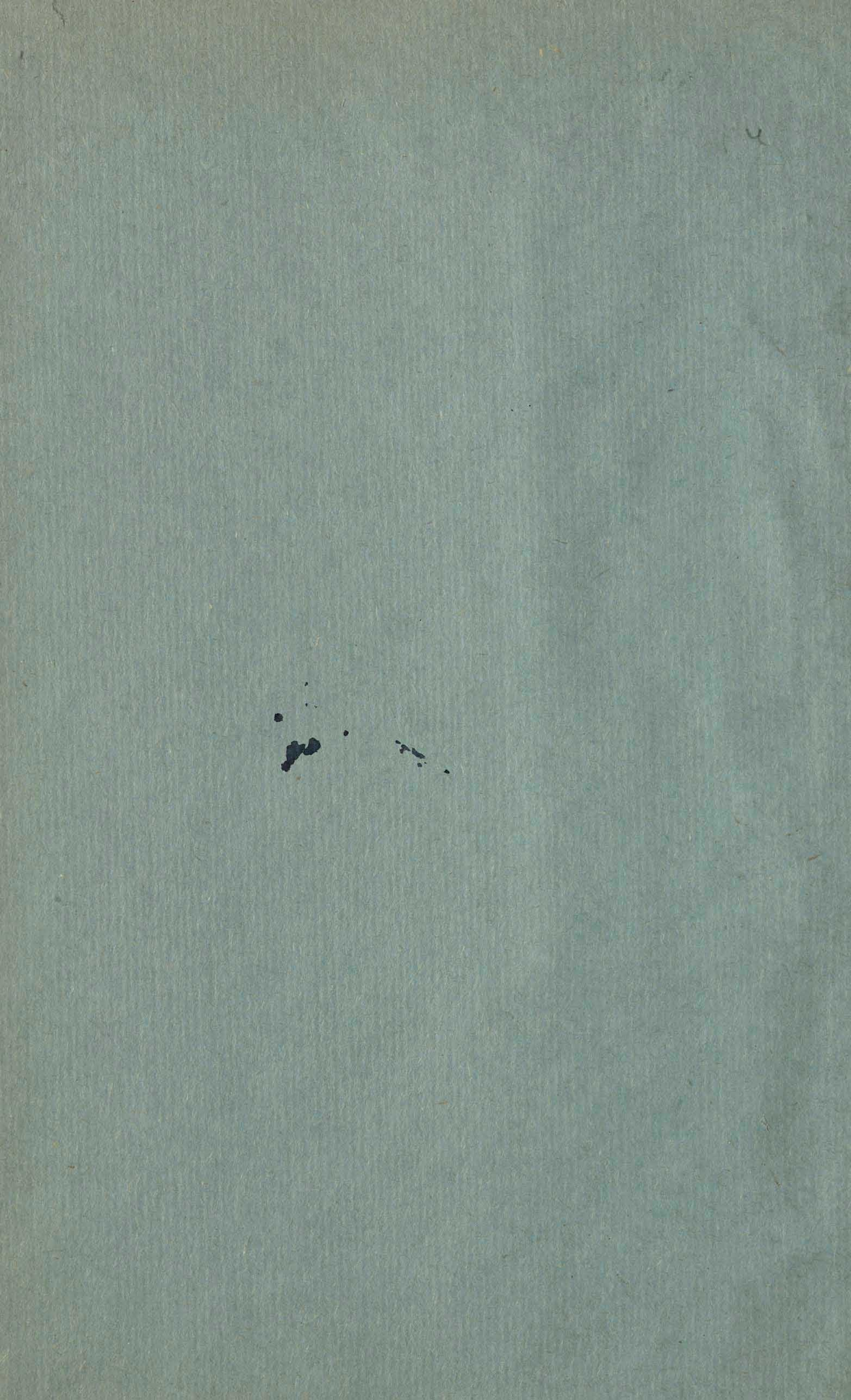


ИСТОРІЯ НРАВОВЪ.



12/IV 87 92 ил

13/9-87 92 в 83

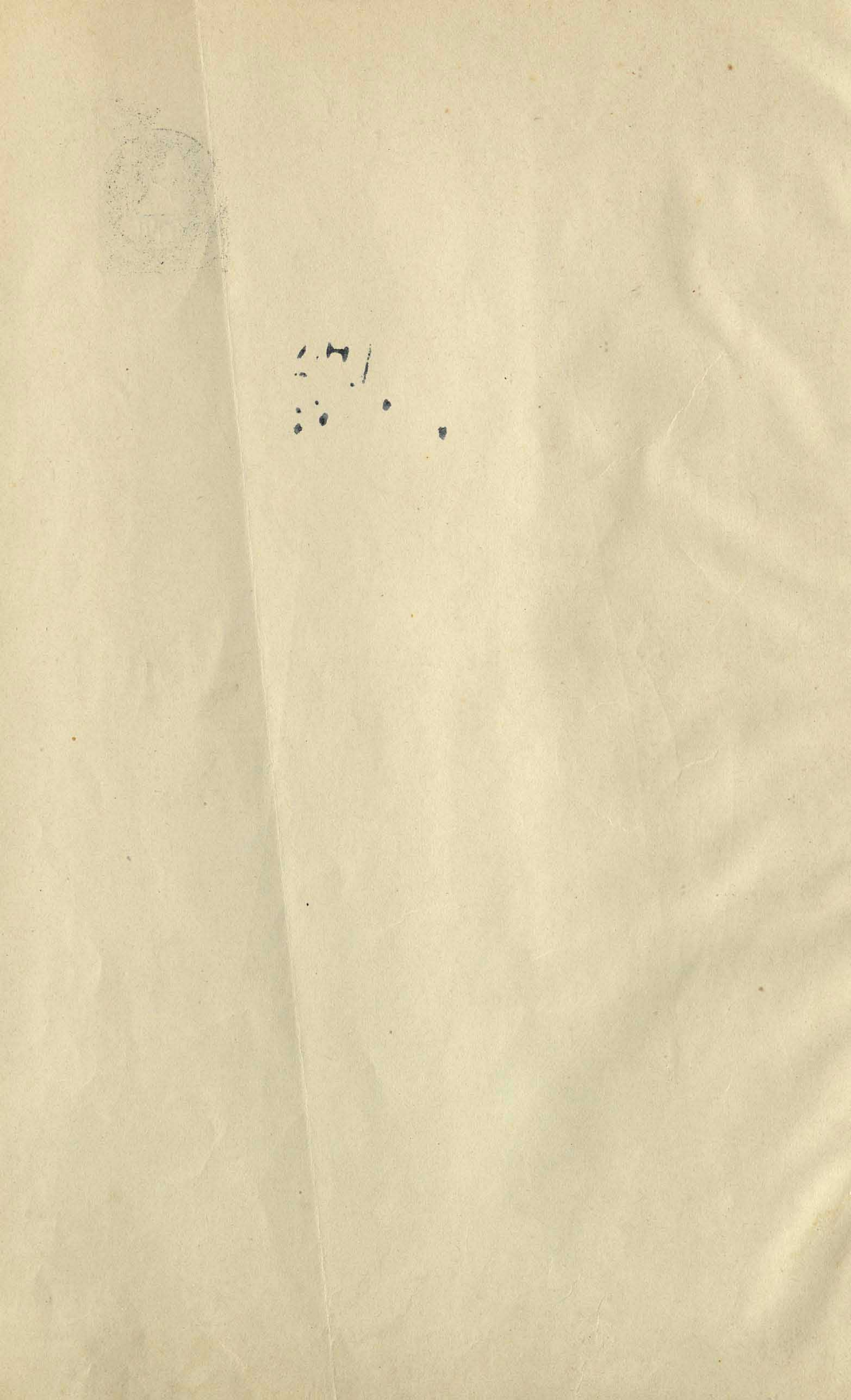
25/10 87 92 вкл

22/11 87 92 вкл

16/I 89 - 92 вкл

20/I 89 - 92 вкл


СОВРЕМЕННЫЯ
ПРОБЛЕМЫ



Иллюстрированная исторія нравовъ.



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ».

Эдуардъ Фуксъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ НРАВОВЪ

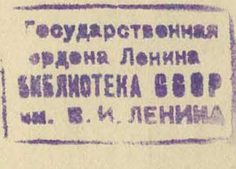
Томъ III. Буржуазный вѣкъ.

Переводъ **В. М. Фриче.**



МОСКВА.—1913.

Типографія Акц. О-ва издат. и печатн. дѣла „Московское Издательство“,
Б. Дмитровка, 26.





нет стр 1-64

КНИГА ИМЕЕТ

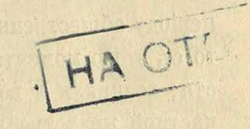
Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	1980 г.
	1	т. III	[redacted]		80	7	388/2	



ОГЛАВЛЕНІЕ.


MONT
DE
PIETE.

Вступленіе.



Буржуазнымъ вѣкомъ называется вѣкъ современнаго капитализма, выстраивающагося на возникшей въ XVIII ст. экономической системѣ товарнаго производства. А современный капитализмъ является въ свою очередь наиболѣе грандіознымъ развитіемъ института частной собственности, обусловливающаго всю нашу общественную и политическую культуру. Соотвѣтствующія этимъ новымъ экономическимъ условіямъ политическія и соціальныя формы возникли въ Англіи въ эпоху революціи 1648 г., завершившейся лишь въ 1688 г., а на европейскомъ континентѣ въ эпоху великой французской революціи. Оба этихъ грандіозныхъ переворота сокрушили тѣ государственныя и общественныя образованія, которыя являлись преградой для новаго исторически необходимаго способа производства, и создали взамѣнъ тѣ политическія и соціальныя формы, въ которыхъ новый экономическій принципъ нуждался, какъ въ предпосылкахъ и въ рамкѣ для своего успѣшнаго развитія.

Въ силу этихъ своихъ послѣдствій революціи 1648 и 1789 гг. носили не только мѣстный англійскій или французскій характеръ,— онѣ были «революціями общеевропейскаго стиля». Онѣ дали европей-

скому человѣчеству совершенно новую внѣшность, новый видъ. «Онѣ не были побѣдой опредѣленнаго общественнаго класса надъ старымъ политическимъ порядкомъ, а провозглашеніемъ политическаго порядка для новыхъ европейскихъ обществъ. Правда, побѣдила буржуазія, но ея побѣда была тогда равносильна побѣдѣ новаго общественнаго порядка, побѣдой буржуазной собственности надъ феодальной, національности надъ провинціальной обособленностью, конкуренціи надъ цехами, дробленія надъ майоратомъ, власти собственника земли надъ властью земли надъ собственникомъ, просвѣщенія надъ героической лѣнью, буржуазнаго права надъ средневѣковыми привиллегіями («Новая Рейнская Газета» отъ 15 дек. 1848 г.).

Этотъ переворотъ уничтожилъ или совершенно пересоздалъ прежніе классы, изъ которыхъ состояло общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ теченіемъ времени возникали новые классы съ совершенно новыми потребностями, сыгравшіе также извѣстную роль въ историческомъ процессѣ. Все общественное бытіе получило такимъ образомъ постепенно совершенно новую физіономію. А такъ какъ каждому новому періоду общественнаго бытія соотвѣтствуетъ и новая половая мораль, то съ этого момента начинается и новая эпоха половой нравственности: возникли и воцарились совершенно новые законы публичной и частной нравственности.

Эпоха княжескаго абсолютизма провозгласила открыто передъ лицомъ всего міра, какъ свой высшій законъ, культъ необузданной и утонченной чувственности. Эта мужественная откровенность однако вовсе не была доказательствомъ, что тогда господствовали болѣе свободные и широкіе взгляды на половыя отношенія, чѣмъ, скажемъ, въ настоящее время, нѣтъ, эта откровенность была только циническимъ проявленіемъ неограниченности абсолютизма. Господствующіе классы XVIII в., придворная аристократія и крупная финансовая буржуазія, еще не стояли лицомъ къ лицу съ способными на борьбу другими классами, критика которыхъ могла бы стать опасной для ихъ господства. Вотъ почему они имѣли возможность всецѣло отдаваться во власть своихъ инстинктовъ и провозгласить высшимъ смысломъ бытія разнузданный культъ этихъ инстинктовъ.

Въ эпоху буржуазной культуры, смѣнившую абсолютизмъ, взаимныя отношенія господства и подчиненія совершенно измѣнились между отдѣльными классами. Средніе и низшіе классы стали во всѣхъ странахъ такимъ факторомъ, который своей критикой такъ или иначе вліялъ на общественную жизнь. Вотъ почему съ этого

именно момента законы общественной нравственности должны были получить совсѣмъ новую формулировку. Впрочемъ не только по этой причинѣ, но и потому, что содержаніе жизни и потребности новаго времени стали совершенно иными.

Буржуазное государство возвело повсюду, гдѣ оно осуществилось, подданнаго изъ состоянія крѣпостного на степень гражданина, дало ему права, провозгласило равноправіе. Съ боевымъ кличемъ «Свобода, равенство и братство» ринулось третье сословіе въ борьбу съ феодализмомъ, и битва эта увѣнчалась рядомъ безсмертныхъ побѣдъ. Буржуазное государство свело и женщину съ пьедестала, на которомъ она впродолженіе почти полутораста лѣтъ стояла въ позѣ офиціально признанной высшей богини. И это было для нея не униженіемъ, а, напротивъ, возвышеніемъ. Впервые, начиная съ среднихъ вѣковъ, женщина стала человѣкомъ. Изъ рабыни, лишенной права имѣть свои сужденія, изъ простого орудія наслажденія она все болѣе превращалась въ товарища и подругу мужчины. Единственнымъ нравственно допустимымъ базисомъ брака была признана во всѣхъ классахъ и всѣми классами индивидуальная половая любовь. Связующимъ людей звеномъ должна была стать солидарность. Высочайшія психическія и физическія цѣли ставились отнынѣ идеалу человѣческой красоты. Всѣ формы и цѣнности жизни, искусство, философія, право, языкъ, наука — все подвергалось такимъ образомъ критикѣ и поправкамъ со стороны буржуазнаго вѣка.

Современное буржуазное государство хотѣло быть вѣнцомъ всего предыдущаго развитія семьи, государства и общества, постройкой, отмѣченной въ худшемъ случаѣ лишь нѣкоторыми эстетическими недостатками. Вотъ почему оно стремилось также и къ тому, чтобы сойти за осуществленіе «истиннаго нравственнаго міропорядка». Оно хотѣло быть конкретнымъ воплощеніемъ этой идеи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уже одно это стремленіе внесло въ европейскую исторію огромный запасъ нравственныхъ мотивовъ и что эти послѣдніе привели съ теченіемъ времени къ такому физическому и духовному возвышенію народовъ, котораго даже и отдаленно не достигала ни одна изъ прежнихъ формъ общественнаго развитія. Многіе политическіе и соціальные идеалы, ранѣе бывшіе не болѣе какъ смѣлыми грезами отважныхъ утопистовъ, стали осязательной дѣйствительностью уже по одному тому, что они являлись и являются знаменемъ въ борьбѣ милліоновъ вдохновенныхъ борцовъ. Въ области науки и искусства каждый день прино-

ситъ съ собой все новыя и все болѣе смѣлыя созданія. Во всѣхъ сферахъ духовной жизни царитъ безпрерывная революція, Revolution in Permanenz.

То же самое приложимо и къ преобразованію половой морали и всѣхъ связанныхъ съ ней областей. И хотя это новое положеніе вещей и нельзя сравнить съ побѣдою дня надъ ночью—все же многообѣщающая заря поднялась надъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ.

И однако мы должны оговориться.

Всѣ эти черты, которыя могли бы въ своей совокупности образовать понятіе истиннаго нравственнаго міропорядка, являются въ лучшемъ случаѣ лишь идеалогіей буржуазнаго государства, являются только его искусственнымъ рефлексомъ, а не его доподлинною сущностью. Все это только ореолъ, которымъ оно окружило свою собственную голову въ майскіе дни, когда въ его лицѣ новая эра желѣзной поступью ступала по землѣ, все революціонизируя, сокрушая старыя формы, наполняя ихъ новымъ содержаніемъ, когда буржуазное государство—что не подлежитъ спору—искренно вѣрило, что именно оно является идеальнымъ осуществленіемъ всѣхъ этихъ идей. Реальное содержаніе этой идеологіи, однако, очень скоро и безжалостно разбилось о принципіальную несовмѣстимость идеи съ приктическимъ базисомъ эпохи, послѣдней и высшей цѣлью которой было и есть повышеніе прибыли, этотъ присущій капиталистическому товарному производству основной законъ.

Идеалы буржуазнаго вѣка не могли осуществиться, стать дѣйствительностью потому, что освобожденіе человѣка является для буржуазнаго государства не самоцѣлью, а только средствомъ для цѣли. Человѣкъ, какъ представитель массы, долженъ былъ получить свободу, потому что только такимъ путемъ можно было заручиться тѣми силами и рабочими руками, въ которыхъ новый экономическій принципъ все болѣе нуждался для завоеванія міра. Всѣ официальные идеалы буржуазнаго государства должны были поэтому подвергнуться поправкамъ именно въ интересахъ этой рѣшающей и высшей потребности капиталистическаго общества. Чѣмъ рѣшительнѣе совершалось это исправленіе во имя кошелька и власти буржуазіи, чѣмъ ярче оно противорѣчило поднятому знамени, чѣмъ глубже была пропасть между истиннымъ содержаніемъ вещей и идеологической драпировкой, тѣмъ упорнѣе цѣплялась буржуазія за эту послѣднюю. Она не только хотѣла быть и остаться высшимъ осуществленіемъ нравственнаго порядка, дальше котораго итти некуда,

она должна была такъ поступить: ибо если бы она отреклась отъ своей идеи, то это было бы равносильно смертному приговору, произнесенному ею же надъ собою. А на такой шагъ способенъ общественный классъ только въ томъ случаѣ, если прошелъ всѣ возможныя стадіи развитія и въ дверь его стучится банкротство.

Самое разительное противорѣчіе между дѣйствительностью и видимостью, какое только знаетъ исторія—таково конечное послѣдствіе этой эволюціи и вмѣстѣ съ тѣмъ характерная сущность современнаго буржуазнаго общества. Единственнымъ средствомъ затушевать истинное положеніе вещей было лицемѣріе. Только оно могло скрыть зіяющее противорѣчіе между дѣйствительностью и идеаломъ. Черта, отличавшая раньше всегда только отдѣльные слои общества, стала въ эпоху господства буржуазіи всеобщей. Мѣсто дѣйствительности заняла видимость. Былъ провозглашенъ диктаторскій законъ: ты долженъ казаться нравственымъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, во что бы то ни стало. Спеціально въ области половой морали возникло моральное лицемѣріе, какъ половая идеологія, и это моральное лицемѣріе порой доходило до безстыднѣйшей pruderie. Почетомъ и уваженіемъ пользуется тотъ, кто умѣетъ сохранить эту видимость во всѣхъ даже самыхъ неблагопріятныхъ об стоятельствахъ. А тотъ, кто при всей своей личной порядочности пренебрегаетъ видимостью, подвергается опалѣ.

Такова буржуазная мораль въ ея поперечномъ, а не продольномъ разрѣзѣ,—послѣдній состоитъ въ постоянныхъ зигзагахъ этой эволюціи.

Освѣтить половую жизнь и ея отраженіе въ идеологіи въ разныхъ классахъ въ вѣкъ господства буржуазіи—такова рамка и таково содержаніе этого тома.

Относящійся сюда документальный матеріалъ неисчерпаемо богатъ и безконечно многообразнѣе того, которымъ историкъ могъ пользоваться для выясненія и для иллюстраціи половыхъ нравовъ предыдущихъ эпохъ. Такъ какъ въ настоящее время каждый классъ ведетъ самостоятельное политическое существованіе, то каждый классъ выражаетъ по-своему свои взгляды и требованія относительно половой нравственности. Каждый классъ пользуется къ тому же почти одинаковой возможностью выражать эти свои взгляды и требованія, причемъ первымъ и главнымъ средствомъ является въ данномъ случаѣ періодическая печать. Газета всюду заняла мѣсто такъ-называемаго летучаго листка. Картина также стала очень скоро и притомъ удивительно удачно составною частью газеты, сначала

въ видѣ самостоятельнаго приложенія, потомъ какъ комментарій, дополненіе и иллюстрація къ тексту. Въ концѣ-концовъ картина сдѣлалась во многихъ случаяхъ важнѣе текста, исполнявшаго роль лишь оріентирующаго прибавленія.

Вліяніе газеты какъ иллюстрированной, такъ и состоящей изъ одного только текста огромно уже потому, что ея постановка получила въ виду ея періодическаго характера планомѣрную организацію. Отдѣльная личность получаетъ теперь не только случайныя и поверхностныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ и объ общемъ положеніи общественной и частной жизни индивидуумовъ, классовъ и народовъ, которыми въ дни летучаго листка должны были довольствоваться массы—нѣтъ, теперь всѣ могутъ расчитывать на самую детальную информацію какъ при помощи иллюстраціи, такъ и путемъ текста.

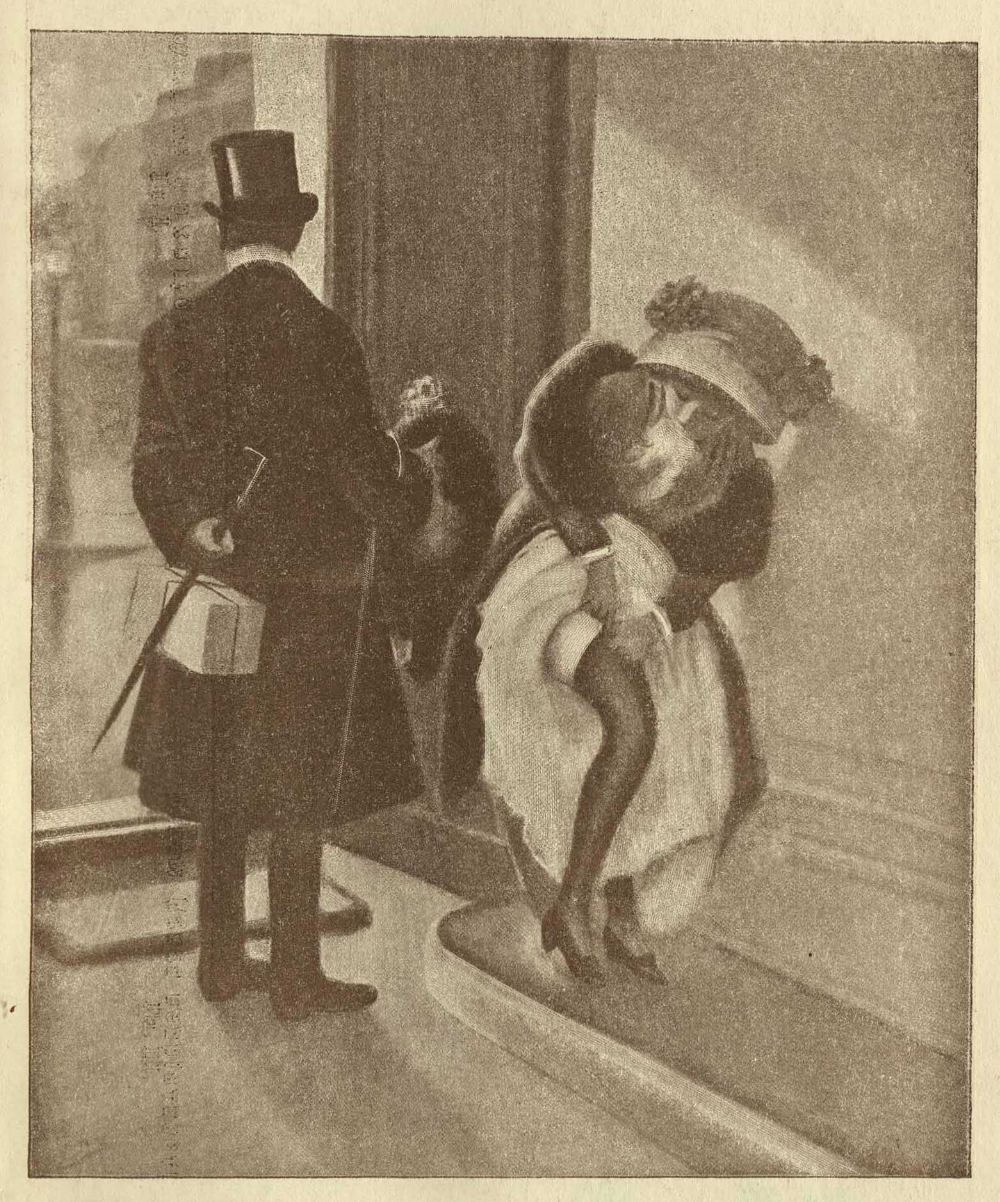
Эта широко поставленная информація, это вліяніе на массы были въ значительной степени обусловлены фотографіей, облегчавшей начиная съ 60 годовъ XIX в. работу рисовальщикамъ и художникамъ. Фотографія не только расширила до послѣднихъ предѣловъ сферу подлежащихъ воспроизведенію предметовъ, но и повысила документальную точность картины и притомъ всѣхъ картинъ. Даже художникъ могъ теперь черпать матеріалъ для изображенія невиданныхъ имъ предметовъ уже не въ своемъ воображеніи, какъ онъ это дѣлалъ раньше очень часто и безъ всякаго стѣсненія—фотографія давала ему въ огромномъ большинствѣ случаевъ необходимыя свѣдѣнія. Да и не могъ онъ теперь поступать такъ, какъ прежде, такъ какъ фотографическіе снимки появлялись все чаще на рынкѣ, облегчая публикѣ возможность контроля.

Если сократилась такимъ образомъ область представленій, почерпнутыхъ изъ воображенія, если цѣнность этихъ послѣднихъ значительно понизилась, то наши пластическія представленія о предметахъ стали, несомнѣнно, болѣе точными и болѣе содержатеьными. А съ тѣхъ поръ, какъ были изобрѣтены открытки, картина заняла вообще господствующее положеніе. Взоры наши падаютъ ежеминутно на картины и мы не въ состояніи отъ нихъ бѣжать. Если бы мы стали даже игнорировать иллюстрированныя газеты и открытки, то все же остался бы плакатъ, иллюстрированная реклама, преслѣдующая насъ на всѣхъ предметахъ обихода, чтобы навязать намъ свои мнѣнія—и свою мораль.

Послѣднее—также очень важно. Ибо все: газета, картина, открытка, плакатъ, фотографія, предметы обихода являются въ

очень значительной степени носителями, посредниками, а часто и прямо пропагандистами опредѣленныхъ половыхъ взглядовъ. И потому всѣ они безъ исключенія являются важными документами для характеристики нравовъ нашего вѣка.

Дать правильное представленіе о ростѣ богатства этого документальнаго матеріала было бы одной изъ главныхъ задачъ иллюстративной части этого третьяго тома. Придется однако ограничиться болѣе скромною задачей и дать хотя бы приблизительное о немъ представленіе. Благодаря своему крупно-капиталистическому размаху буржуазный вѣкъ разбивается на милліоны отраженій и нѣтъ никакой возможности уловить ихъ хотя бы отчасти: такъ точно многообразіе жизни и ея проблемъ можетъ быть теперь охвачено отдѣльной личностью уже только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, а не въ совокупности. Поднять избранную частицу общей картины на высоту характеристическаго описанія, возсоздать магистральную линію частно-капиталистической культуры—вотъ отнынѣ то, что еще можетъ сдѣлать отдѣльный историкъ.



Гильомъ: Маленькая непріятность (1906).
Гл. II.

Лендэ: Да это не моя жена! (1854).
Гл. I.

Малле: Она встаетъ. (1806).
Гл. II.



Леженъ: Сравненіе.
Гл. II.



Добродѣтельная служанка. Французская гравюра (1805).
Гл. II.

I.

Буржуазный вѣкъ.

Развитіе торговли вывело европейское человѣчество изъ мрака среднихъ вѣковъ на высоту Ренессанса. Переходъ отъ мануфактуры къ машинно-фабричному производству въ XVIII в. упразднилъ въ свою очередь абсолютизмъ и поставилъ на его мѣсто современное буржуазное общество.

Юный гигантъ новаго способа производства долженъ былъ имѣть свободу безпрепятственнаго движенія, чтобы развить безъ остатка свои силы. Онъ нуждался въ такихъ государственныхъ и общественныхъ формахъ, которыя были бы приспособлены къ нему, которыя не только не задерживали бы его тенденцію наивозможно большаго развитія, но всячески способствовали бы ей... Въ рамкахъ абсолютистическаго государства эти возможности были на лицо только въ ограниченномъ размѣрѣ, а въ концѣ XVIII в. онѣ оказались и совсѣмъ исчерпанными.

Абсолютистическое государство не могло больше существовать. Буржуазія, носительница новаго способа производства, должна была добиться того, чтобы государство служило исключительно ея интересамъ, т. е. интересамъ капитала. Въ формѣ представительнаго государства буржуазія завоевала себѣ и создала для себя такой политическій строй, который болѣе всякаго другого соотвѣтствовалъ ея политическому и соціальному господству.

Переходъ отъ мануфактурнаго производства къ производству машинно-фабричному, относящійся ко второй половинѣ XVIII в., былъ, разумѣется, не случайностью, а логическимъ и исторически-неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей эволюціи. Развитіе техники, изобрѣтеніе машинъ, введеніе пара, какъ двигательной силы, не являются поэтому конечными и рѣшающими причинами происшедшаго

переворота—нѣтъ, это развитіе техники само было лишь результатомъ вновь назрѣвшихъ потребностей.

Истинныя причины экономическаго переворота лежатъ гораздо глубже и восходятъ къ болѣе отдаленному времени, а именно къ эпохѣ открытій. Открытіе новыхъ торговыхъ путей въ XV и XVI вв. не только привело къ накопленію большихъ богатствъ въ средѣ купечества—оно быстро и во все возраставшемъ размѣрѣ расширило рынокъ для промышленности тѣхъ націй, которыя вели морскую торговлю. Сначала для Испаніи, Голландіи и Англіи, потомъ главнымъ образомъ для Англіи, все болѣе становившейся царицей морей. Удовлетворить эти быстро растущія потребности рынка ремеслу оказалось подъ конецъ не по плечу. *Массовый сбытъ* предполагалъ *массовое производство*.

Вторая половина XVIII в. знаменуетъ собой этотъ поворотный пунктъ въ исторіи. А эта потребность въ массовомъ производствѣ сказалась, естественно, прежде всего въ области производства такихъ предметовъ, которые и раньше производились въ особо большомъ количествѣ для рынка и даже раньше составляли важнѣйшій предметъ торговли: а именно въ ткацкомъ производствѣ. Въ этой отрасли особенно рано обнаружилось, что ремесленное производство отстаетъ отъ потребностей рынка. Какъ извѣстно, первымъ доказало свою несостоятельность патріархальное веретено. Благодаря возраставшему производству въ срединѣ XVIII в. оказалось, что «для всѣхъ находившихся на лицо веретенъ уже не было достаточно пряжи, такъ какъ одинъ ткачъ могъ привести въ движеніе шесть или восемь веретенъ. Каждый станокъ часто и подолгу бездѣйствовалъ, такъ какъ не было нужной пряжи».

Главнѣйшей потребностью времени было такимъ образомъ устройство такой машины, которая «пряла бы безъ помощи пальцевъ» и столько пряжи, сколько нужно было станку, чтобы безпрерывно находиться въ работѣ. Такъ обозначилась главнѣйшая техническая проблема эпохи. Проблему эту рѣшило изобрѣтеніе прядильной машины, знаменитой Fenny mule. Она была изобрѣтена и усовершенствована почти исключительно ткачами, такъ какъ они особенно остро ощущали эту потребность. Брадобрѣй Аркрайтъ, которому исторія неосновательно приписала главную честь этого изобрѣтенія, былъ на самомъ дѣлѣ только первымъ его безсовѣстнымъ эксплоататоромъ.

Аналогичныя потребности вызвали и изобрѣтеніе и усовершенствованіе паровой машины. Въ интересахъ все большаго повышенія

работоспособности прядильной машины послѣдняя обслуживалась сначала руками, потомъ лошадиными силами, наконецъ, водой, мельничными колесами. Производитель былъ теперь прикованъ къ опредѣленному мѣсту. Насущнѣйшая же потребность фабриканта заключалась въ возможности производить товаръ вездѣ и прежде всего тамъ, гдѣ онъ могъ найти самыя дешевыя «руки» для обслуживанія машинъ и гдѣ онъ не зависѣлъ бы отъ отдѣльнаго рабочаго. Такую возможность онъ могъ найти тогда только въ городѣ. Изобрѣтенная Джемсомъ Уаттомъ паровая машина и давала возможность ставить гдѣ угодно механическое веретено, а потомъ и механическій станокъ, о которыхъ однихъ только и шла рѣчь.

Такъ началась та огромная промышленная революція, которая шагъ за шагомъ втягивала въ свой круговоротъ всѣ продукты и всѣ потребности и которая продолжается еще и понынѣ. Ея проявленія и успѣхи становились все болѣе крупными и грандіозными. Она въ концѣ концовъ совершенно упразднила изъ области техники слово «невозможно». Во всеоружіи этой техники буржуазія, распоряжавшаяся этими силами, совершила такіе подвиги, въ сравненіи съ которыми все сдѣланное раньше человѣчествомъ, даже самое крупное, кажется дѣтской игрушкой. «Буржуазія создала совершенно иныя чудеса, чѣмъ египетскія пирамиды, римскіе акведуки и готическіе соборы. Она предприняла совершенно иныя движенія, чѣмъ переселеніе народовъ или крестовые походы».

А совершить всѣ эти подвиги при помощи техники современная буржуазія сумѣла только потому, что массовое производство, крупное производство значатъ ни что иное, какъ гигантская прибыль: прибыль въ дотолѣ неизвѣстныхъ размѣрахъ, прибыль, постоянно повторяющаяся и постоянно повышающаяся. Какъ уже упомянуто во вступленіи, вмѣстѣ съ машиннымъ способомъ производства родился современный капитализмъ, не знающій предѣловъ для своего колоссальнаго развитія. Если деньги представляютъ собой самый революціонный факторъ, когда-либо выступавшій въ исторіи—ибо родившійся вмѣстѣ съ ними законъ неустаннаго обмѣна равносиленъ принципу безпрерывнаго движенія, а слѣдовательно и безпрерывной революціи,—то современный капитализмъ является наиболѣе грандіознымъ развитіемъ этого фактора. Другими словами: только въ рамкахъ современнаго капитализма обнаруживается въ полномъ объемѣ и съ своими конечными послѣдствіями революціонизирующее вліяніе денегъ. А эти послѣдствія касаются всѣхъ элементовъ, всѣхъ сторонъ жизни. Давно уже нѣтъ больше ни единой области мысли, ни единой

области жизни, которыя не были бы пропитаны потребностями капитализма, которыя не находились бы подъ его властнымъ вліяніемъ: всѣ проявленія физическаго и духовнаго бытія нынѣ—его созданія.

Такъ какъ современное буржуазное государство является не болѣе, какъ политическимъ выраженіемъ побѣды новой формы производства во всѣхъ областяхъ товарнаго хозяйства, то каждое отдѣльное государство переходило къ такъ называемой конституціонной формѣ правленія по мѣрѣ того, какъ оно достигало высоты указаннаго экономическаго развитія.

Во главѣ шла Англія. Иначе и быть не могло. Здѣсь вся историческая ситуація сдѣлала ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ возможнымъ воцареніе новаго способа производства. По этой только причинѣ здѣсь и вспыхнула раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, буржуазная революція, т. е. такая революція, въ которой буржуазные интересы торжествовали побѣду надъ интересами абсолютизма.

Благодаря своему удобному географическому положенію Лондонъ сдѣлался первымъ естественнымъ центромъ міровой торговли. Вотъ почему здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сосредоточилось наибольшее количество крупныхъ купцовъ и вотъ почему здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, были на лицо всѣ данныя, благопріятныя для развитія крупной индустріи. Къ этому надо еще присоединить завоеваніе въ XVIII в. Индіи, облегченное Англіи ея положеніемъ властительницы морей, завоеваніе, открывшее новый большой рынокъ. Беззастѣнчивая эксплуатація Индіи—въ этомъ прежде всего и притомъ впродолженіи многихъ десятилѣтій заключалось ея «пріобщеніе» къ культурѣ—дала англійской промышленности такой мощный толчокъ развитія, какого не удостоилась никакая другая нація. Баснословнѣйшія богатства притекали безпрерывно изъ Индіи въ Англію и такъ какъ необходимо было эти богатства выгодно «пристроить», то они и дали возможность индустріи, вызванной къ жизни всеобщей потребностью въ массовомъ производствѣ, расширить и усилить свою дѣятельность въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ.

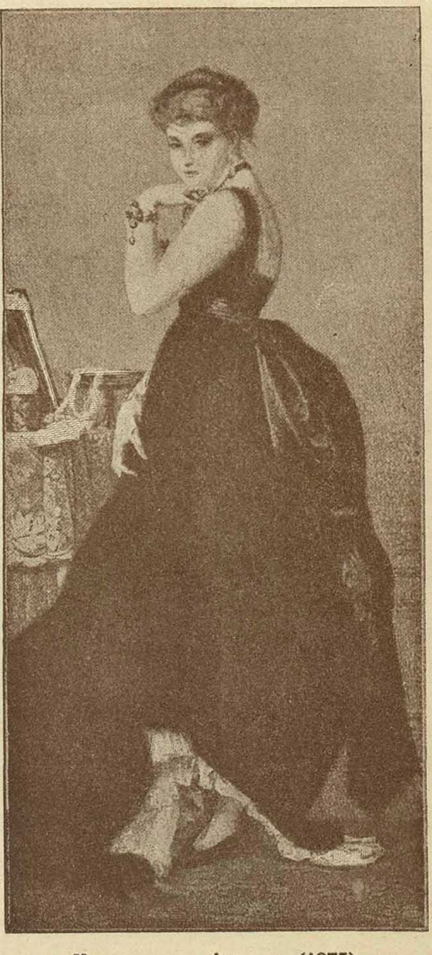
Всѣ эти причины объясняютъ намъ, почему въ Англіи раньше и крѣпче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, консолидировалось буржуазное государство. Онѣ же объясняютъ намъ и тотъ фактъ, что здѣсь впервые опредѣлилась типическая физіономія буржуазіи, какъ физическая и моральная, такъ и интеллектуальная.

За Англіей послѣдовала Франція. Какъ уже упомянуто во вступленіи, она присоединилась въ концѣ XVIII в. къ хороводу, открытому Англіей, и провозгласила начало буржуазной эры на кон-



Англійскія моды (1814 г.).
Гл. III.

Деверіа: Она ждетъ.
Гл. II.



Маршаль: Фрина (1875).
Гл. II.

тиненте. Ради точности необходимо, впрочемъ, замѣтить, что французская революція разразилась вовсе не 14 іюля 1789 г., а началась полстолѣтіемъ раньше и съ той поры царила in Permanenz: революція 1789 г. была только акушеркой при рожденіи новаго порядка вещей—роль, которую всегда исполняетъ насиліе. Необходимо поэтому сказать такъ: если буржуазное государство и родилось на континентѣ въ 1789 г., оно было создано не одною только революціей.

Во Франціи такъ же, какъ въ Англіи, были на лицо нѣкоторыя благопріятныя для развитія новаго способа производства условія. Рядомъ съ Лондономъ Парижъ былъ вторымъ естественнымъ центромъ міровой торговли. Такъ возникло и здѣсь очень богатое купеческое сословіе, которому постоянная потребность абсолютизма въ деньгахъ доставляла все новые и все болѣе крупные доходы. Съ другой стороны французская индустрія извлекала также огромную прибыль изъ абсолютизма, а именно изъ колоссальнаго сбыта всевозможныхъ предметовъ роскоши, въ которыхъ господствующіе классы нуждались для своей пышной, посвященной наслажденію, жизни. Достаточно вспомнить, что многія дамы придворнаго общества имѣли сотни роскошныхъ платьевъ, а Марія Антуанетта и того больше. Необходимо имѣть въ виду, что парижская шелковая индустрія и парижскіе портные были впродолженіи цѣлаго столѣтія поставщиками всего европейскаго придворнаго общества. Изъ французскихъ фабрикъ и мастерскихъ ежегодно отправлялись одному только русскому двору тысячи кусковъ французскаго шелка и столько же готовыхъ платьевъ. При смерти императрицы Елизаветы въ ея гардеробѣ нашлось болѣе 15000 роскошныхъ костюмовъ, выписанныхъ изъ Парижа. Вся почти тогдашняя индустрія изготовляла поэтому предметы роскоши.

Раннее возникновеніе въ Англіи и Франціи центральной власти представляло также своеобразное преимущество для быстраго развитія ихъ промышленности. Это обстоятельство давало съ одной стороны капиталу возможность пышнаго развитія въ собственной странѣ, а съ другой—оно служило ему надежной охраной въ его международныхъ предпріятіяхъ, охраной, возбуждавшей духъ предпріимчивости, такъ какъ позволяла рисковать.

Всѣхъ этихъ условій не было въ Германіи. Германія поэтому вступила на путь указаннаго развитія позже Англіи и Франціи. Ей пришлось на шестьдесятъ лѣтъ дольше ступать по удушливому и вонючему болоту открытаго и замаскированнаго абсолютизма. Нѣтъ поэтому ничего болѣе невѣрнаго и глупаго, какъ частое въ устахъ благонамѣренныхъ историковъ утвержденіе: только потому, что Фран-

ція находилась въ болѣе глубокомъ упадкѣ, чѣмъ Германія, тамъ вспыхнула революція уже въ XVIII в. Въ дѣйствительности имѣло мѣсто, какъ разъ обратное. «Нѣмецкій народъ, въ массѣ своей со временъ тридцатилѣтней войны истощенный и разбитый, до мозга костей изнуренный ужаснѣйшимъ деспотизмомъ, не имѣлъ силъ для революціоннаго подъема, позволившаго французской буржуазіи покончить съ феодально-абсолютистическимъ режимомъ». Такъ обстояло дѣло въ дѣйствительности.

Происходили революціи, правда, и въ Германіи, но только въ воздушныхъ сферахъ фантазіи, въ области философіи и поэзіи, и только во снѣ люди дерзали быть свободными. Сидя за письменнымъ столомъ въ Іенѣ или въ скромной комнатѣ въ Веймарѣ—не въ крупномъ даже городѣ!—грезилъ Шиллеръ о гражданской свободѣ Германіи. Это была въ самомъ дѣлѣ простая мечта философа и писателя, которая очень скоро и разбилась о несомнѣнно логическую, хотя и отнюдь не эстетическую дѣйствительность. Максъ Мауренбрехеръ очень удачно описалъ тогдашнее положеніе вещей въ Германіи словами:

«Носители буржуазной мысли въ Германіи держались того мнѣнія, что они должны осуществить свои идеалы не въ борьбѣ, не насиліемъ, а моральнымъ и эстетическимъ, словомъ, чисто духовнымъ воздѣйствіемъ на правителей. Такое міровоззрѣніе не могло, естественно, имѣть никакихъ практическихъ результатовъ. Если въ Германіи царило такое противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью, если здѣсь отсутствовало активное стремленіе къ осуществленію идеала, то это объясняется тѣмъ, что буржуазные идеалы родились не на нѣмецкой почвѣ, выросли не изъ нѣмецкихъ условій, а обязаны своимъ возникновеніемъ французскому вліянію. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣмецкіе поэты и философы въ ужасѣ отвернулись отъ французской революціи и впали на долго въ непобѣдимый пессимизмъ, когда французская буржуазія стала добиваться своихъ правъ путемъ не морально-эстетической пропаганды, а грубой силы».

Впрочемъ такіе писатели, какъ напр. мужественный Лессингъ, которые позволяли себѣ говорить болѣе сильнымъ и яснымъ языкомъ, видѣли себя вынужденными или пойти на службу къ мизерной личности или же эмигрировать, чтобы умереть только духовно, а не къ тому же еще буквально съ голоду.

Эта печальная историческая ситуація коренится въ столь же печальной соціальной отсталости Германіи. Если ближе всмотрѣться

въ эту отсталость, то охватившая Германію летаргія уже не покажется столь удивительной. Въ концѣ XVIII в. нѣмецкая индустрія еще даже и не родилась. Не существовало здѣсь ни значительной угольной, ни значительной металлургической промышленности, ткацкое производство еще не носило фабричнаго характера. Нельзя говорить даже о болѣе или менѣе развитой мануфактурѣ. Большинство производствъ представляли крохотныя мастерскія, гдѣ работалъ обычно кромѣ мастера только одинъ ученикъ, а подмастерье имѣлся въ менѣе чѣмъ половинѣ такихъ учрежденій.

Еще въ 1845 г. въ Пруссіи, напр., насчитывались 46000 ремесленныхъ производствъ, въ которыхъ было занято 38500 подмастерьевъ и учениковъ. На шесть самостоятельныхъ ремесленниковъ приходилось такимъ образомъ тогда въ среднемъ только пять подмастерьевъ. Другими словами не во всякой мастерской имѣлся подмастерье. Передъ нами самая неразвитая форма производства, какую только можно себѣ представить. Она носитъ почти еще средневѣковой характеръ. Такъ какъ въ Германіи отсутствовали даже еще зародыши капитализма, то здѣсь еще и не могло быть мѣста буржуазіи, не могло быть и мѣста буржуазному классу, серьезно стремившемуся къ политическимъ правамъ. И въ самомъ дѣлѣ, тогда въ Германіи были одни только бѣдные и слабосильные мѣщане и нѣсколько такъ называемыхъ «разсвирѣпѣвшихъ философовъ».

Только начиная съ сороковыхъ годовъ XIX в. капиталистическій способъ производства началъ замѣтно развиваться и въ Германіи. Только въ эту эпоху абсолютизмъ могъ быть поэтому побѣжденъ и могло возникнуть настоящее буржуазное общество. Стало быть, почти на два столѣтія позже, чѣмъ въ Англіи, и на пятьдесятъ лѣтъ позже, чѣмъ во Франціи. Разстояніе слишкомъ значительное, чтобы Германія могла догнать эти страны. И исторія буржуазной «свободы» Германіи потомъ доказала и притомъ самымъ трагическимъ образомъ правильность этого положенія.

Побѣда буржуазнаго общественнаго порядка надъ абсолютизмомъ является съ какой бы то ни было точки зрѣнія значительнымъ прогрессомъ. Не безъ основанія было замѣчено, что лишь вмѣстѣ съ абсолютизмомъ завершились средніе вѣка, что они умерли вмѣстѣ съ нимъ и въ тотъ же день. Подъ средними вѣками въ данномъ случаѣ слѣдуетъ понимать эгоистическое господство самаго узкаго индивидуализма, считающагося только съ своими ближайшими лич-

ными интересами, отличающагося самымъ ограниченнымъ горизонтомъ, не имѣющаго никакого представленія о высокихъ, міровыхъ идеалахъ человѣчества и объявляющаго имъ войну, когда эти послѣдніе грозятъ хотя малѣйшимъ ущербомъ его матеріальнымъ интересамъ.

Вотъ почему раньше понятіе солидарности, этотъ источникъ всякой истинной культуры, почти не было извѣстно и не играло существенной роли ни въ жизни общины, ни въ международныхъ отношеніяхъ. Косо посматривалъ каждый на своего сосѣда, каждый видѣлъ въ другомъ врага, только и думавшаго о томъ, чтобы занять его мѣсто у кормового корыта. Идея солидарности родилась только вмѣстѣ съ буржуазнымъ обществомъ. Она перестала быть простымъ чувствомъ состраданія, или красивымъ, исключительнымъ фактомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, что «двѣ прекрасныя души нашли другъ друга». Она впервые стала основнымъ закономъ существованія.

И эта добродѣтель очень скоро обнаружила свою тайную чудесную силу: солидарность со всѣмъ тѣми, которые носятъ образъ и подобіе человѣка, сдѣлала революціонныя арміи Франціи освободительницами всей Европы. Идея, которая въ самомъ началѣ буржуазной эры сообщала ея идеаламъ побѣдоносную силу и обезпечила имъ длительность побѣды, привела съ теченіемъ времени къ еще болѣе выжнымъ послѣдствіямъ. Солидарность перешла съ середины XIX в. въ чувство убѣжденія, что человѣчество не только поднимается постоянно все выше, но и совершаетъ это восхожденіе во все болѣе благородныхъ формахъ.

Классическимъ доказательствомъ можетъ служить грандіозная освободительная борьба пришедшей къ самосознанію трудящейся массы всѣхъ странъ. Это эмансипаціонное движеніе довело чувство солидарности до такой идеальной высоты развитія, до какой оно никогда не поднималось въ предыдущія эпохи аналогичныхъ движеній. Если мы прибавимъ, что крѣпкое чувство солидарности всегда родится только изъ сознанія общности матеріальныхъ интересовъ, то такое замѣчаніе только объясняетъ, а отнюдь не унижаетъ самое это чувство. Что человѣкъ питается, въ этомъ нѣтъ ничего стыднаго: стыдно развѣ только то, чѣмъ и какъ онъ питается.

Не признающее никакихъ границъ чувство солидарности является идеологической идеализаціей буржуазнаго общества. А такъ какъ явленія входятъ въ сознаніе людей всегда сначала въ ихъ идеологической идеализаціи, а не въ ихъ матеріальной сущности, то начало новой эры привѣтствовали ликуя, какъ вѣкъ осуществленія

всѣхъ упованій. Люди были убѣждены, что наступилъ золотой вѣкъ. Осуществленъ истинно нравственный міропорядокъ. Отнынѣ есть только люди. Нѣтъ больше дѣленія на господъ и рабовъ, на поработителей и порабощенныхъ. Есть только свободные отъ рожденія граждане. Воцарятся добродѣтели, точно мрачныя тѣни ночи исчезнутъ пороки. Разсѣются, какъ дымъ, нужда, заботы, страхъ и отчаяніе. По странѣ пройдетъ богиня богатства, расточая безъ устали всѣмъ и каждому свое благословеніе. Только во имя великихъ идеаловъ будутъ лихорадочно работать мозги людей. Война станетъ сказкой временъ сѣдой старины, когда человѣкъ еще не проникся сознаніемъ своего достоинства и величія. Свобода, братство и равенство будутъ служить связующимъ звеномъ не только между отдѣльными гражданами въ каждой странѣ, но и между всѣми странами земного шара. Во Франціи, въ странѣ, подарившей міру эту волшебную формулу, слова эти отнынѣ сіяли въ видѣ огненныхъ письменъ въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ, чтобы тысячью языковъ пропагандировать эту истину... Они были девизомъ, украшавшимъ каждое офиціальное зданіе, каждую офиціальную бумагу.

Такова была великая и, несомнѣнно, искренняя вѣра эпохи на зарѣ новаго буржуазнаго порядка. Люди серьезно и честно вѣрили, что только феодализмъ мѣшаетъ общему благу и что послѣ его уничтоженія непремѣнно должно наступить время всеобщаго счастья, время, когда виноградъ будетъ созрѣвать для всѣхъ. И эту вѣру они облекли въ желѣзныя формулы, провозгласивъ эти формулы вѣчными и неизмѣнными правами человѣчества. Отнынѣ самымъ страшнымъ преступленіемъ должно быть признано посягательство на эти вѣчныя права. Всякая подобная даже попытка посягательства вполнѣ оправдала бы новую революцію.

Прежде всего и громче всего раздалась эта гордая фанфара въ эпоху объявленія Соединенными Штатами своей независимости, когда въ 1776 г. они возстали противъ поработившей и эксплуатировавшей ихъ англійской метрополіи. Въ этомъ объявленіи говорится: «Всѣ люди равны. У нихъ есть неотъемлемыя права, между прочимъ право на жизнь, свободу и счастье. Чтобы обезпечить людямъ эти права, были созданы правительства съ согласія и съ вѣдома управляемыхъ. Если правительство уничтожаетъ эти неотъемлемыя права, то народъ обязанъ перемѣнить или совсѣмъ упразднить его. Народъ можетъ создать и новое правительство по такимъ принципамъ и такимъ образомъ, какъ это кажется ему наиболѣе выгоднымъ для его безопасности и для его благополучія».

Такими эффектными фразами начиналось объявленіе независимости американскихъ штатовъ. Почему во главѣ угла было положено провозглашеніе народнаго суверенитета и права на революцію, какъ перваго и высшаго изъ всѣхъ правъ человѣка, ясно мотивировалъ авторъ деклараціи Томасъ Джефферсонъ еще на склонѣ лѣтъ: «Этотъ документъ долженъ былъ сіять міру, какъ огненный столбъ, дабы люди разбили тѣ цѣпи, которыми опутали ихъ шею поповское невѣжество и суевѣріе. Пусть люди поймутъ наконецъ, что они не родятся съ сѣдлами на спинѣ, на которыя могутъ взобраться нѣсколько легитимныхъ всадниковъ, чтобы по желанію пустить въ ходъ шпоры и кнутъ. Человѣкъ обязанъ развивать свой разумъ и свои способности, чтобы участвовать въ самоуправленіи, для котораго онъ родился».

Гордому примѣру американцевъ послѣдовали семнадцать лѣтъ спустя достойнымъ образомъ французы. Они тѣмъ временемъ усвоили себѣ совѣтъ Мирабо: «Учитесь у амриканцевъ свободѣ» и испробовали этотъ совѣтъ на практикѣ. Знаменитая конституція 1793 г. открывается слѣдующей «деклараціей правъ гражданина и человѣка»: «Руководясь убѣжденіемъ, что во всѣхъ невзгодахъ человѣчества виноваты были только забвеніе и пренебреженіе естественными правами человѣка, французскій народъ рѣшилъ пояснить въ торжественной деклараціи святыя и неизмѣнныя права, дабы граждане имѣли возможность неустанно сравнивать дѣйствія правительства съ истинными цѣлями общественнаго устройства и никогда не позволяли бы тиранамъ поработить и унижать ихъ, дабы народъ всегда имѣлъ передъ своими глазами основы своей свободы и своего права, правительство—свои обязанности, законодатель—свой долгъ».

Первые и важнѣйшіе пункты конституціи 1793 г. гласили:

1. Цѣлью общественнаго устройства является всеобщее счастье. Правительство создано для того, чтобы обезпечить людямъ пользованіе ихъ естественными и вѣчными правами.

2. Этими правами являются: равенство, свобода, безопасность, имущество.

3. Всѣ люди равны отъ природы и передъ закономъ.

4. Законъ является свободнымъ и торжественнымъ выраженіемъ общей воли. Онъ одинаковъ для всѣхъ, защищаетъ ли онъ или караетъ.

5. Законъ можетъ принуждать лишь къ тому, что справедливо и полезно обществу и запрещать лишь то, что ему вредно.

6. Свобода состоитъ въ томъ, что человѣкъ имѣетъ право дѣ-

лать все, что не вредитъ другому; ея основой является природа, ея правиломъ—справедливость, ея охраной—законъ, а ея моральнымъ ограниченіемъ—максима: не дѣлай другому того, относительно чего ты не хотѣлъ бы, чтобы оно было сдѣлано тебѣ».

Таковъ былъ языкъ поколѣнія, освободившаго міръ отъ абсолютизма, и этотъ языкъ находилъ свое оправданіе въ его поступкахъ.

Не менѣе возвышенной должна была быть и половая идеологія, съ которой буржуазія вступила на арену исторіи, тотъ идеалъ любви, которымъ она мечтала пересоздать міръ. Вмѣстѣ съ торжествомъ буржуазныхъ идей долженъ былъ вѣдь наступить вѣкъ истиннаго нравственнаго міропорядка. Свободный гражданинъ не долженъ былъ подчиняться низкимъ страстямъ. Неоходимо было идеализировать любовь, освободить ее изъ-подъ власти грубо-чувственнаго наслажденія, подъ гнетомъ котораго она находилась въ эпоху стараго режима.

Любовь снова должна была стать естественной. Чистымъ цѣломудреннымъ чувствомъ, подобно священному пламени, должна она горѣть въ людскихъ сердцахъ. Человѣкъ долженъ любить въ другомъ прежде всего его душу, его умъ. Только благородная натура можетъ стать предметомъ, достойнымъ любви. Красивую внѣшность отнынѣ любятъ только ради ея болѣе прекраснаго внутренняго содержанія. Таковы основныя положенія новой буржуазной любви, соединяющей отнынѣ противоположные полы, сообщающей жизни всѣхъ болѣе чистое содержаніе.

Въ евангеліи буржуазной идеологіи любви, въ «Новой Элоизѣ», которую Руссо подарилъ міру, какъ новое откровеніе, всѣ эти требованія выставлены и обоснованы съ огромнымъ краснорѣчіемъ. Въ своемъ первомъ письмѣ къ обожаемой имъ Юліи Сенъ-Прё, этотъ новый мужчина пишетъ:

«Нѣтъ, прекрасная Юлія, ваша красота могла, конечно, ослѣпить мои глаза, но не могла бы она увлечь мое сердце, если бы ее не одухотворяла иная, болѣе могучая красота. Въ васъ я обожаю трогательное сочетаніе живого чувства и неизмѣнной кротости, нѣжное состраданіе къ другимъ, ясную мысль и изысканный вкусъ, коренящійся въ вашей чистой душѣ, словомъ, я обожаю въ гораздо большей степени вашу очаровательную душу, чѣмъ вашу внѣшность. Я готовъ допустить, что вы могли бы быть еще прекраснѣе, но представить васъ душевно еще болѣе привлекательной, представить васъ еще болѣе достойной любви мужчины, это, дорогая Юлія, невозможно».

Тѣ же чистыя и идеальныя представленія проникаютъ чувство Юліи, т. е. новой женщины. Она пишетъ Сенъ-Прё:

«Развѣ истинная любовь не самая цѣломудренная изъ всѣхъ связей? Развѣ любовь не самый чистый и самый прекрасный инстинктъ? Развѣ она не проходитъ мимо низкихъ и гнусныхъ сердецъ, вдохновляя только великія и сильныя души? И развѣ она не облагораживаетъ всѣ чувства, развѣ она не удваиваетъ наше существо, не возвышаетъ насъ надъ самими собой?»

Эта чистая любовь однако вовсе не хотѣла оставаться платонической, простой мечтой духа. Источникомъ ея, правда, должна была быть душа, изъ ея глубины она должна была получать свою лучшую пищу, но только затѣмъ, чтобы освятить физіологичсекое чувство и сдѣлать его такимъ образомъ высочайшей изъ всѣхъ страстей. Мѣсто галантной фразы должна была занять правдивость и искренность. Страсть должна была всколыхнуть до самаго основнаія все существо любящаго, вознести его среди ликованій и восторговъ къ небесамъ и дать ему такимъ образомъ самыя чудесныя откровенія.

На третье письмо Сенъ-Прё Юлія отвѣчаетъ признаніемъ, дышащимъ блаженствомъ упоенія.

«Тщетно обращаю я свои мольбы къ небу. Оно не внимаетъ молитвамъ слабыхъ. Все служитъ пищей для пыла, снѣдающаго меня, во всемъ я должна полагаться только на себя, или—вѣрнѣе—все отдаетъ меня во власть тебѣ. Вся природа какъ будто твоя союзница. Всѣ мои попытки побороть себя не приводятъ ни къ чему. Я склоняюсь передъ тобой противъ воли. И развѣ мое сердце, оказавшееся неспособнымъ къ противодѣйствію, когда оно было во всеоружіи, сможетъ отдаться теперь только наполовину? Ужели мое сердце, неспособное ничего отъ тебя утаить, смогло бы скрыть отъ тебя остатокъ моей слабости?»

Это драгоцѣнное признаніе возлюбленной возноситъ Сенъ-Прё на небо. Блаженство и ликованіе текутъ по его душѣ бурными волнами. Экстазъ счастія достигаетъ своихъ послѣднихъ границъ.

«О, небеса! У меня имѣлась сила сносить горе, дайте мнѣ силы снести блаженство! Любовь, истинная жизнь души, приди и укрѣпи мое сердце, которое грозитъ разорваться. Невыразимое очарованіе добродѣтели, непобѣдимая прелесть голоса возлюбленной! Счастье, радость, упоеніе, какъ ваши стрѣлы пронзительны! Кто въ силахъ вынести боль отъ ихъ ранъ? Гдѣ взять силу, чтобы не утонуть въ морѣ блаженства, вливающемся въ мое сердце?»

Такое возвышенное чувство имѣетъ только начало, но не конецъ.

Дериффэ: Нельзя!
Гл. II.

Нѣмецкая проститутка 1852 г.
Гл. V.

Деверіа: Неожиданный визитъ.
Гл. II.

Бердслей: Дама съ розой.
Гл. II.

Любовь—вѣчна и неизмѣнна. Она уничтожаетъ понятіе пространства и времени. Любовь навсегда приковываетъ мужчину и женщину другъ къ другу, хотя бы ихъ разъединяли моря и страны. Они стали единымъ существомъ. Сердца сливаются въ одномъ ударѣ, мозги въ одной мысли. Передъ этимъ закономъ любви безсильно все на свѣтѣ.

Юлія пишетъ Сенъ-Прё:

«Судьба можетъ разъединить наши тѣла, но не наши души. Отнынѣ мы будемъ раздѣлять и горе и радость. И подобно магнитамъ, о которыхъ вы разсказали, въ разныхъ мѣстахъ совершающимъ тѣ же движенія, такъ насъ будутъ воодушевлять тѣ же чувства, хотя бы мы и находились на противоположныхъ концахъ свѣта».

Такъ какъ любовь такъ глубоко срослась съ человѣческой природой, то для любящаго не существуетъ болѣе угнетающей мысли чѣмъ та, что его возлюбленная можетъ быть отнята у него и быть вынужденной принадлежать другому. Когда Юлія сообщаетъ Сенъ-Прё сердцемъ, истекающимъ кровью, что отецъ предназначилъ ея руку другому, онъ вскрикиваетъ въ отчаяніи:

«Что ты сказала мнѣ?.. На что ты смѣешь намекать?.. Ты проведешь свою жизнь въ объятіяхъ другого?.. Другой будетъ обладать тобою... Ты не будешь больше моей?.. Или что еще ужаснѣе, ты будешь не только моей?.. И мнѣ придется претерпѣть эту муку?.. Я долженъ буду видѣть, какъ ты подаришь дѣтей другому... Нѣтъ, ужъ лучше я потеряю тебя совсѣмъ, чѣмъ буду раздѣлять тебя съ другимъ. Зачѣмъ небо не дало мнѣ мужества излить клокочущее во мнѣ бѣшенство и пустить его въ дѣло! Собственноручно я вонзилъ бы въ твою грудь кинжалъ, прежде чѣмъ позволить тебѣ унизить себя подобнымъ проклятымъ, отвергаемымъ любовью, осуждаемымъ честью союзомъ. Прежде чѣмъ ты запятнала бы свое цѣломудренное сердце невѣрностью, оно истекло бы кровью, а съ твоей кровью я соединилъ бы ту, которая горитъ неугасающимъ пламенемъ въ моихъ жилахъ. Въ твои объятія я упалъ бы и умеръ бы, прижавъ мои уста къ твоимъ. Испуская свой духъ, я восприняль бы въ себя твой последній вдзохъ».

Это языкъ истинной страсти, находящей въ себѣ силы вызвать на бой цѣлый міръ, одинаково великой, и когда она торжествуетъ и когда она гибнетъ.

Такъ очеловѣчила и въ то же время обоготворила буржуазная идеологія любовь ставшей величайшимъ переживаніемъ, возвышеннѣйшимъ вѣнцомъ бытія...

Буржуазный вѣкъ далъ всѣмъ и каждому право самоопредѣле-

нія, предполагая въ свою очередь, какъ свое естественное дополненіе, чувство отвѣтственности. Право немыслимо безъ обязанностей. Всѣ безъ исключенія обязаны подчиняться принципу: ты долженъ. Этотъ законъ диктуетъ и любви ея специфическія цѣли. Очищенная въ горнилѣ чистой страсти индивидуальная половая любовь должна была найти свое высшее завершеніе въ бракѣ. Таково теперь ея первое и главное назначеніе. Любовная связь лишь предверіе брака. Тѣло и душа должны быть связаны узами гармоніи на всю жизнь. А высшей цѣлью брака признаны теперь дѣти. Половой актъ уже не является однимъ только наслажденіемъ, а получаетъ свое освященіе и оправданіе въ желаніи произвести потомство. Дитя становится цѣлью брака и не только какъ наслѣдникъ имущества и имени, но и какъ продолжатель идеи человѣчества, носителемъ и служителемъ котораго каждый обязанъ быть. Бракъ поэтому всеобщая обязанность.

Эта важность брака для государства дѣлаетъ его нравственнымъ учрежденіемъ или вѣрнѣе единственной законной формой половыхъ отношеній. Отсюда слѣдуетъ прежде всего строгое требованіе добрачнаго цѣломудрія и безусловной взаимной вѣрности обоихъ супруговъ. Супруги живутъ только для дѣтей и другъ для друга. Далѣе изъ этого положенія слѣдуетъ, что всякія незаконныя половыя сношенія становятся для тѣхъ, кто въ нихъ повиненъ, позоромъ. Кокетство и флиртъ съ третьимъ лицомъ позоритъ бракъ.

Прелюбодѣяніе — не только преступленіе, совершенное по отношенію къ личности, но и преступленіе государственное.

Наслажденіе продажной любовью является на основаніе той же логики самымъ презрѣннымъ, что есть только на свѣтѣ. Проститутка уже не пикантная мастерица любви, а развратница.

Бракъ, провозглашенный единственнымъ нравственнымъ способомъ половыхъ сношеній, сдѣлался какъ бы палладіумомъ государства, какъ нравственнаго понятія. Бракъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ почетнымъ званіемъ, ставившимъ женатыхъ и замужнихъ высоко надъ холостыми.

Изъ этой идеализаціи буржуазной идеологіей брака, вытекали, естественно, соотвѣтствующія послѣдствія для всѣхъ областей взаимнаго ухаживанія, разнообразныя требованія, такъ называемаго, публичнаго и частнаго приличія въ сферѣ языка, жестовъ, поведенія, свѣтскихъ отношеній и т. д.

Нѣтъ надобности подробнѣе останавливаться здѣсь на этихъ второстепенныхъ областяхъ, такъ какъ пока намъ важно только уста-

носить основныя принципы половой идеологіи буржуазнаго общества. А эти послѣднія сводятся исключительно къ идеализаціи брака и его чистоты.

Какъ политическіе идеалы буржуазіи, такъ, естственно, и ея идеалы половой жизни выросли изъ почвы ея особыхъ потребностей, коренятся въ этихъ послѣднихъ. Только рамки упорядоченнаго семейнаго хозяйства могли обезпечить полную безопасность буржуазнаго существованія. Слѣдуетъ помнить также, что авангардныя стычки буржуазнаго вѣка были, прежде всего, дѣломъ мелкой буржуазіи.

Великая англійская и великая французская революція были совершены революціонерами—мѣщанами. Изъ рядовъ портныхъ и перчаточниковъ вербовалъ Кромвель свое правительство желѣзнобокихъ и изъ ихъ рядовъ вышли во Франціи члены якобинскихъ клубовъ. Пролетаріатъ, какъ самостоятельный классъ, организовался лишь постепенно по мѣрѣ развитія промышленной революціи,а тогдашніе капиталисты пропагандировали, естественно, эпикурейскую философію: собственно они и служили въ конечномъ счетѣ образцомъ для придворной знати и ея пышнаго развратнаго образа жизни.

Буржуазный вѣкъ открывается, слѣдовательно, преимущественно мелко-буржуазной идеологіей.

Необходимо помнить еще одно обстоятельство: буржуазная идеологія родилась изъ борьбы противъ абсолютизма. Необходимо было заклеймить безнравственность господствующихъ соціальныхъ силъ, а этого легче всего было достигнуть чѣмъ, что имъ противополагалась демонстративно собственная, болѣе высокая нравственность.

Эта боевая позиція обусловила внѣшнія формы новыхъ идеаловъ, ихъ особую формулировку.

Всякая боевая мораль всегда носитъ демонстративный характеръ. Въ дни стараго режима любовь была простымъ развлеченіемъ, забавой, игрой, которую играли иногда съ цѣлой дюжиной и которая во всякомъ случаѣ предполагала постоянную смѣну дѣйствующихъ лицъ. Этому флирту теперь демонстративно противополагается глубокая, неизмѣнная страсть, направленная на одну личность. Въ эпоху стараго режима бракъ находился среди господствующаго класса въ глубочайшемъ упадкѣ. Теперь ему противополагается идеалъ чистоты супружеской жизни. Дѣти были въ дни стараго порядка мѣшающимъ баластомъ и отъ нихъ старались какъ можно скорѣе отдѣлаться, довѣряя ихъ чужимъ заботамъ. Буржуазная идеологія

напротивъ провозгласила воспитаніе дѣтей родителями высшей нравственной обязанностью. Мать, сама не кормящая своего ребенка, совершаетъ преступленіе. Проститутка была въ эпоху стараго режима высшимъ божествомъ, передъ которымъ весь міръ, куря фиміамъ, склонялъ колѣни. Буржуазная идеологія низводитъ ее поэтому на степень самаго низменнаго и презрѣннаго существа и т. д.

Эта сознательная, демонстративная боевая позиція объясняетъ намъ также тотъ фактъ, что идейные борцы буржуазіи считали свой путь тѣмъ болѣе правильнымъ, чѣмъ болѣе страстную ненависть возбуждали въ господствующихъ классахъ ихъ идейныя программы. Таковъ ихъ методъ провѣрки. Руссо требуетъ, чтобы романъ, которому эпоха приписывала главную роль въ воспитаніи людей, обладалъ слѣдующими качествами:

«Романъ долженъ подвергать критикѣ принципы свѣтскаго общества, долженъ вскрыть всю ихъ ложь и низменность, т. е. изобразить ихъ таковыми, какіе они есть на самомъ дѣлѣ. Если романъ будетъ удовлетворять всѣмъ мною выставленнымъ требованіямъ или если онъ по крайней мѣрѣ хочетъ принести пользу, то по всѣмъ этимъ причинамъ модники должны осмѣять его, какъ глупую химерическую книгу, должны ненавидѣть его и ославить его. Такъ можете вы убѣдиться, сударь, что мудрымъ является именно то, что въ глазахъ свѣта является глупостью».

Такъ какъ люди стояли тогда исключительно на идеологической почвѣ, такъ какъ они выводили дѣйствительность изъ идей, вмѣсто того, чтобы объяснять идеи дѣйствительностью, то господствующая роль принадлежала идеямъ. Неизбѣжнымъ отсюда послѣдствіемъ было то, что борцы и законодатели буржуазіи хотѣли быть прежде всего воспитателями. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли былъ, естественно, хорошій примѣръ. Всѣ поэтому предлагали примѣры для подражанія: проповѣдникъ приводилъ ихъ въ своихъ проповѣдяхъ, писатель изображалъ ихъ въ романахъ и стихотвореніяхъ, художникъ— на своихъ картинахъ. Когда въ Англіи началась буржуазная реакція противъ абсолютизма эпохи реставраціи, журналъ The guardian (Опекунъ) писалъ: наша задача состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно глубже вкоренить въ душу людей религію и мораль, представить имъ высокіе образцы любви родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, возбудить ненависть къ пороку и уваженіе къ добродѣтели».

По такому же рецепту поступали нѣсколько десятилѣтій спустя во Франціи. Руссо писалъ о воспитательной роли романа:

«Радость охватываетъ меня при мысли, что двое супруговъ, ко-



Аудіенція: у министра. Немҍцкая гравюра на деревҍ. (1848).
Гл. IV.



Проститутки. (1789). Виньетка изъ календаря.
Гл. V.



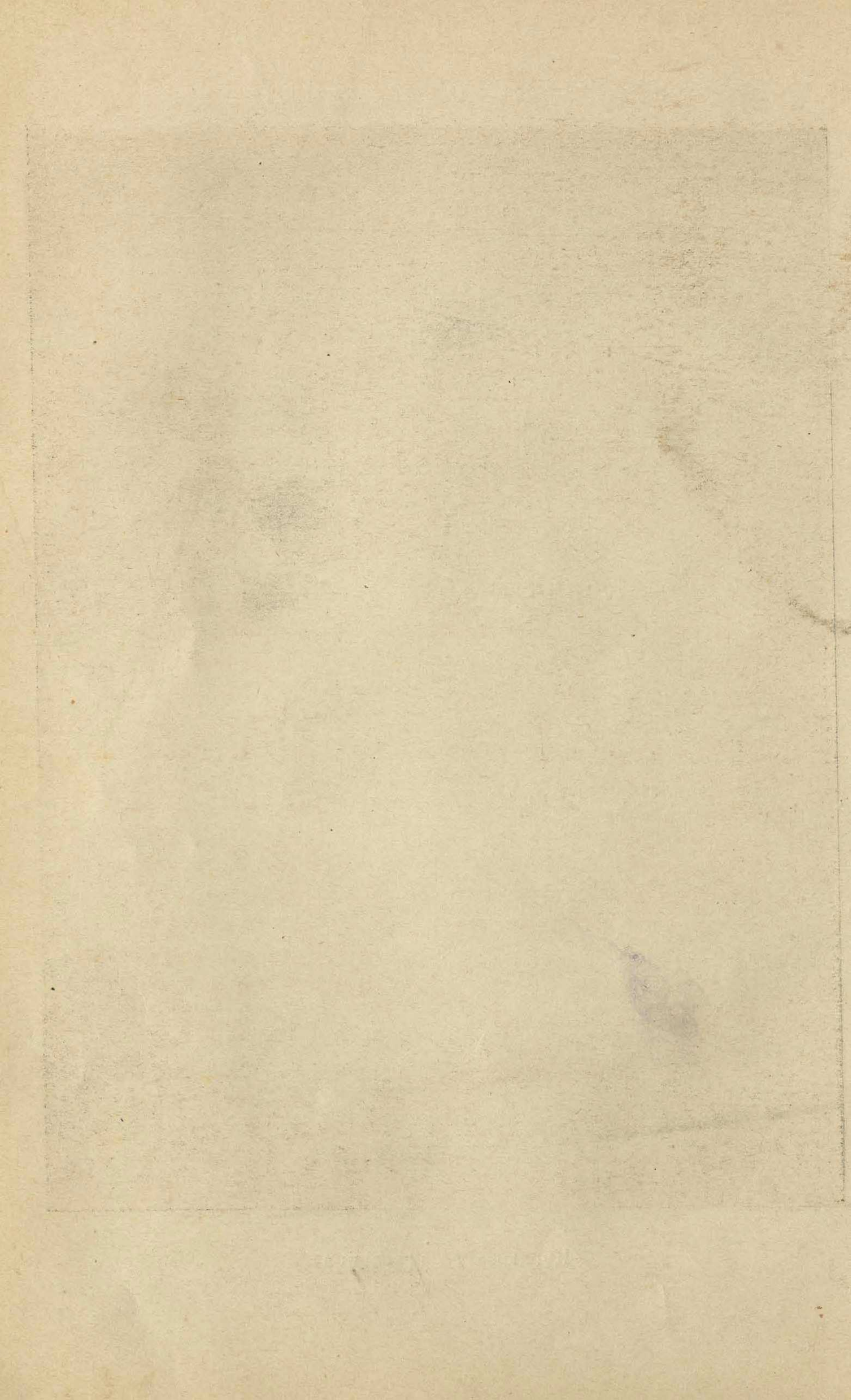
Гаварни: Маскарадъ.

Гл. VI.



Купающаяся красавица.

6



торые вмѣстѣ прочтутъ этотъ романъ, почерпнутъ въ немъ новое мужество, чтобы освѣжиться послѣ совмѣстныхъ работъ и что передъ ними раскроются новыя перспективы, какъ цѣлесообразнѣй использовать плоды своихъ трудовъ. Ужели ихъ взоры будутъ съ восторгомъ покоиться на картинѣ счастливаго домашняго быта, а въ ихъ душѣ не возникнетъ желаніе подражать такому привлекательному образцу? Ужели очарованіе счастливаго брака тронетъ ихъ, а они, даже если сошлись не по любви, не почувствуютъ потребности болѣе тѣснаго и сердечнаго общенія?»

Точно также поступали и въ Германіи. Буржуазное самосознаніе нашло въ лицѣ Лессинга своего носителя и проповѣдника. Для Шиллера театръ былъ прежде всего моральнымъ учрежденіемъ и т. д. Тѣми же идеями была проникнута и буржуазная живопись. Гогартъ, Шарденъ, Грёзъ, первые великіе представители буржуазной мысли въ области пластическихъ искусствъ, всѣ воспроизводили хорошіе примѣры, противоставляемые ими плохимъ, исходившимъ отъ господствующихъ классовъ стараго режима.

Изъ опредѣленной идеи выводила пришедшая къ сознанію буржуазія права человѣка и гражданина. Въ идеѣ, слѣдовательно, въ болѣе высокой нравственности, должны были поэтому корениться и самыя эти права. Привести соотвѣтствующіе документы въ подтвержденіе этой болѣе высокой нравственности: такова была задача, выполненная вышеуказаннымъ образомъ ея идеологіей.

И на этотъ разъ дѣйствительность также оказалась сильнѣе идей и притомъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ. О грубую логику этой весьма роковой дѣйствительности очень скоро разбилось, если не форма, то содержаніе этихъ идей.

Вѣкъ всеобщаго счастья не могъ наступить вмѣстѣ съ побѣдой буржуазіи потому, что вышедшій изъ распада феодальнаго общества новый буржуазный порядокъ не упразднилъ классовыхъ противоположностей, а лишь «поставилъ на мѣсто старыхъ классовъ новые и взамѣнъ старыхъ создалъ новыя условія порабощенія и новыя формы борьбы».

Въ этомъ простое рѣшеніе загадки.

Уже французская революція вскрыла отчетливо эти новыя классовыя противоположности и притомъ она вскрывала ихъ все яснѣе съ каждымъ новымъ шагомъ, т. е. чѣмъ логичнѣе она развертывалась, а развивалась она послѣдовательнѣе всякаго другого революціоннаго переворота, чѣмъ и обусловлены ея великіе, ничѣмъ не

устранимые результаты. Извѣстный этнологъ Генрихъ Куновъ, написавшій вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ лучшихъ книгъ о французской революціи (Die revolutionäere Zeitungslitteratur wäehrend der Jahre 1789—94). въ слѣдующихъ словахъ ясно и точно описалъ возникновеніе этихъ новыхъ классовыхъ противорѣчій въ эпоху французской революціи:

«Уже въ концѣ 1789 г., менѣе восьми мѣсяцевъ спустя послѣ созыва генеральныхъ штатовъ, не только представительство третьяго сословія въ національномъ собраніи распалось на разныя энергично боровшіяся другъ съ другомъ партіи, но и среди парижскаго населенія бушевала партійная борьба: и почти каждое изъ этихъ разнообразныхъ теченій уже имѣло свою газету, которая для него пишетъ и борется. Даже низшіе соціальные слои имѣютъ свои органы. Радикальная интеллигентная мелкая буржуазія и большинство полупролетарской интеллигенціи читаютъ «Парижскую революцію» Лустоло; студенты, литераторы, необезпеченные, безвѣстные художники, начинающіе адвокаты читаютъ «Революціи Франціи и Брабанта» Камилла Демулена, а интеллигентные рабочіе, мелкіе мастера, отчасти и интеллигентный пролетаріатъ читаютъ «Друга народа» Марата.

Противоположность матеріальныхъ интересовъ врывается во всѣ буржуазныя идеологіи, обнаруживая невозможность единой общей идеологіи. Еще не кончился 1789 г., и уже газета Марата объявляетъ себя представительницей интересовъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ, проповѣдуя борьбу противъ финансистовъ, крупныхъ купцовъ, рантьеровъ, надменныхъ академиковъ, тогда какъ «Французскій патріотъ» Бриссо выступаетъ въ качествѣ представителя почтенной состоятельной буржуазіи противъ неимущей multitude.

Классовыя противорѣчія обострялись тѣмъ больше, чѣмъ дальше развивалась революція, чѣмъ больше рѣчь шла уже не объ отраженіи реакціонныхъ поползновеній, не объ обсужденіи разныхъ красивыхъ принциповъ освободительнаго движенія, а объ ихъ примѣненіи къ практическимъ задачамъ управленія, объ ихъ претвореніи въ законодательные проекты. Теперь, когда предстояла задача практически испробовать новые провозглашенные политическіе принципы, обнаружилось, какъ разно понимались эти принципы и какъ ихъ послѣдовательное примѣненіе на практикѣ разбивалось о стѣну разнообразныхъ классовыхъ интересовъ.

Либеральный конституціонализмъ распадается. Противъ либерализма Сіейса выступаетъ якобинство, а отъ послѣдняго уже въ

концѣ 1791 г. откалывается фракція жирондистовъ и партія Дантона. Но и очищенное такимъ образомъ якобинство состоитъ изъ разныхъ направленій, соотвѣтствующихъ интересамъ разныхъ хозяйственныхъ группъ. Рядомъ съ робеспьеровскимъ направленіемъ стоитъ, напр., болѣе радикальный «маратизмъ», приверженцы Марата, а рядомъ съ этимъ радикально-демократическимъ направленіемъ поднимается индивидуалистическое теченіе съ анархистскимъ оттѣнкомъ, представителями котораго были Анахарсисъ Клоотсъ и Геберъ.

Умѣренное якобинское крыло завладѣло государственной властью. Оно господствовало въ комитетѣ общественнаго спасенія, тогда какъ «ультра-революціонная» фракція Марата и Шометта главенствовала въ парижскомъ городскомъ самоуправленіи».

На вопросъ о конечной причинѣ этой борьбы историки-идеологи, для которыхъ форма—все, отвѣчаютъ обыкновенно: этой причиной является взаимная зависть вождей. Противъ такого объясненія справедливо вооружается Куновъ:

«Это одна изъ величайшихъ нелѣпостей. Видѣть причину борьбы между Бриссо и Робеспьеромъ въ ихъ личномъ соперничествѣ можетъ только идеологъ, не имѣющій никакого представленія объ экономической подоплекѣ революціи и совершенно не понимающій образа мыслей, противоположнаго идейнаго содержанія обоихъ этихъ политиковъ. Кто возьметъ на себя трудъ прослѣдить взгляды обоихъ этихъ дѣятелей и ихъ отношеніе къ вопросамъ времени, тотъ, напротивъ, удивится, что они такъ долго могли итти рядомъ. Въ чемъ же коренятся въ такомъ случаѣ мотивы этой партійной розни, мотивы борьбы отдѣльныхъ направленій другъ съ дургомъ? Они коренятся въ классовыхъ противоположностяхъ, обусловленныхъ разнообразіемъ экономическихъ условій существованія и положеніемъ отдѣльныхъ группъ въ общемъ экономическомъ процессѣ и вытекавшей отсюда общностью или враждебностью интересовъ».

Дальнѣйшая эволюція все болѣе обостряла эти возникшія уже въ эпоху французской революціи классовыя противоположности, какъ яснѣе яснаго видно изъ исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ, начиная съ середины истекшаго столѣтія. Противорѣчія, столкнувшіяся въ грандіозной революціонной драмѣ на склонѣ XVIII ст., «не устранены и понынѣ, такъ что современная борьба является во многихъ отношеніяхъ лишь продолженіемъ борьбы 1789—94 гг.».

Въ политическихъ формахъ, къ которымъ привелъ отдѣльныя государства въ ихъ совокупности грандіозный переворотъ, сказалось

если не раньше всего, то во всякомъ случаѣ для всѣхъ наглядно, что дѣйствительность была сильнѣе идей...

Проблема вѣка состояла въ томъ, чтобы подчинить отнынѣ политическую власть исключительно интересамъ побѣдоносной буржуазіи. Эта цѣль была въ самомъ дѣлѣ достигнута. Интересы капитала стали отнынѣ единственными рѣшающими во всѣхъ государствахъ. Однако въ политическихъ организаціяхъ эта черта вездѣ—за исключеніемъ Америки—завуалирована компромиссомъ съ силами прошлаго. Государственной формой, лучше всего соотвѣтствовавшей бы совершенно измѣнившимся экономическимъ условіямъ, была бы буржуазная республика, парламентарное управленіе, въ которомъ всегда ясно обнаруживалась бы воля всѣхъ и соблюдались бы интересы не отдѣльныхъ классовъ, а всѣхъ.

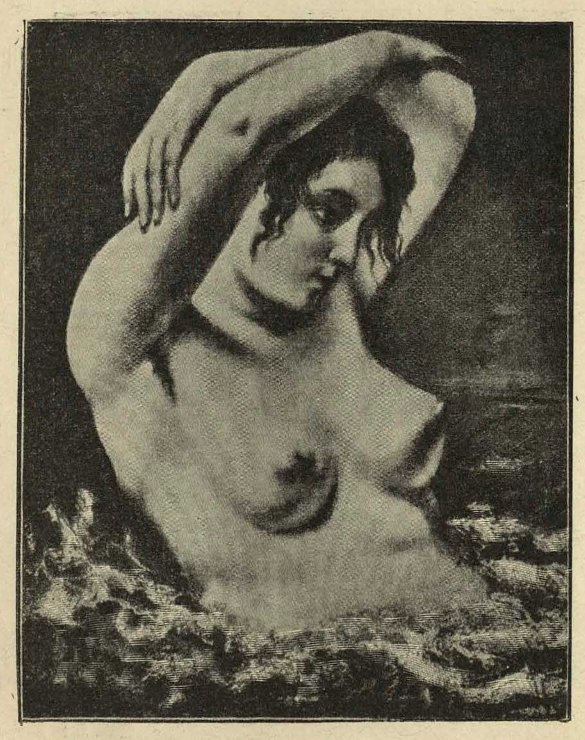
Таковъ и былъ первоначальный идеалъ.

Ради этой цѣли участвовали съ никогда не ослабѣвавшимъ вдохновеніемъ во всѣхъ революціяхъ народныя массы. И всегда въ день побѣды провозглашалась именно эта цѣль, въ 1793, въ 1830 и въ 1848 гг. Какъ бы ни были радикальны по существу всѣ эти перевороты, въ концѣ концовъ однако довольствовались тѣмъ, что новое вино вливали въ старые мѣхи. Буржуазія пріобщала въ большинствѣ случаевъ къ новой фирмѣ монархическую власть, а съ ней и тотъ классъ, который послѣдняя воплощала, все еще полуфеодальное дворянство. Правда, путемъ конституціоннаго строя буржуазія подчиняла своимъ интересамъ и дворянство, но она сохранила за дворянствомъ и монархіей фикцію власти. Чѣмъ слабѣе чувствовала себя буржуазія, тѣмъ болѣе призрачной была эта фикція.

Раньше и ярче, чѣмъ въ другихъ странахъ, была монархическая власть подчинена интересамъ буржуазіи въ Англіи, но именно интересамъ только буржуазіи, а не всего народа. Такъ называемая славная революція 1688 г. получила отъ буржуазныхъ историковъ этотъ почетный эпитетъ на томъ основаніи, что она представляла компромиссъ между короной и буржуазіей, т. е. между финансовыми силами, въ томъ направленіи, что первая соглашалась быть исполнительницей воли парламента, т. е. воли буржуазіи. Хотя потомъ англійская монархія часто и пыталась повернуть колесо исторіи назадъ—до сихъ поръ она не смогла внести существенныхъ измѣненій въ продиктованную ей революціей роль. Гладстонъ могъ спокойно бросить въ лицо лордамъ гордое слово: пока я пользуюсь довѣріемъ нижней палаты, мое положеніе прочно.

Во Франціи монархія была, правда, въ 1870 г. совершенно уп-

Давидъ: Похищеніе собинянокъ Гл. II.



Курбе: Женщина. Гл. II.

Ланглимэ: Красавица. Гл. II.



Послѣ купанія. Вѣнская литографія. Гл. II.

разднена и офиціальной носительницей власти стала буржуазія, но до этой эпохи компромиссы слѣдовали за компромиссами, доставлявшими долгое время наибольшія преимущества монархіи, такъ что послѣдняя надолго могла себѣ присваивать самыя ярко выраженныя абсолютистическіе пріемы и манеры. Уступки, во Франціи лишь временно сдѣланныя силамъ прошлаго, остались въ Германіи правиломъ до настоящаго времени.

Нѣмецкая буржуазія устроила съ абсолютизмомъ компромиссъ наиболѣе плачевный и жалкій. Правда, и она низвела дворянина-юнкера на степень простой преторіанской гвардіи, все назначеніе которой сводится къ тому, чтобы защищать ея прибыль отъ посягательствъ неимущихъ классовъ. Но такой порядокъ вещей вообще коренится въ сущности капиталистическаго вѣка, въ которомъ все подчинено интересамъ капиталистической прибыли, слѣдовательно также и самыя условія существованія короны и юнкерства. Превращеніе политической власти въ служебный аппаратъ капитала не является такимъ образомъ спеціальнымъ подвигомъ именно нѣмецкой буржуазіи. Спеціальнымъ же для нея позоромъ служитъ то обстоятельство, что буржуазія позволяетъ юнкерству исполнять эту функцію унизительнымъ для нея образомъ.

Нѣмецкое бюргерство предоставило дворянству не только фикцію власти, но и самую власть. Нѣмецкій бюргеръ не имѣетъ никакихъ офиціальныхъ правъ на болѣе высокое мѣсто въ правительственной машинѣ, тогда какъ послѣдній дворянинъ имѣетъ это право уже въ силу одного своего происхожденія. Всѣ болѣе высокія чиновничьи должности, всѣ правительственныя мѣста, всѣ высшіе военные чины доступны только дворянамъ. Одинъ только юнкеръ носитъ во всей Германіи въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ. За рѣдкими исключеніями, конечно, не способности позволяютъ ему добиться этого жезла, а наряду съ происхожденіемъ такія важныя обстоятельства, какъ связи, ростъ, борода и т. д.

Человѣкъ бюргерскаго происхожденія, какъ бы онъ ни былъ талантливъ, не выйдетъ за предѣлы чисто буржуазной профессіи. Онъ можетъ сдѣлаться только коммерціи совѣтникомъ, гофратомъ, регирунтратомъ, въ лучшемъ случаѣ тайнымъ совѣтникомъ. Только въ моментъ крайней опасности ему дается иногда высшее назначеніе, именно тогда, когда своимъ умомъ онъ долженъ спасать страну изъ затрудненія, въ которое ее повергло феодальное скудоуміе. Подобное положеніе вещей для нѣмецкой буржуазіи тѣмъ постыднѣе, что ни одна аристократія такъ не чуждается культурнаго прогресса,

какъ именно нѣмецкая. Ни одна аристократія такъ не бѣдна талантами, какъ именно нѣмецкая, даже въ тѣхъ областяхъ, которыя она считаетъ своими—въ области милитаризма и управленія! Гдѣ мыслители, философы, композиторы, поэты—за исключеніемъ Клейста,—вышедшіе изъ ея рядовъ? Ни въ какой другой странѣ наука, литература и искусство такъ мало связаны съ дворянствомъ, нашли въ его средѣ такой плохой пріютъ. Гдѣ аристократы-меценаты? Гдѣ созданные дворянствомъ публичные библіотеки и музеи? Гдѣ портретныя галлереи предковъ, написанныя кистью великихъ мастеровъ? Что создано нѣмецкимъ юнкерствомъ въ интересахъ цивилизаціи? Ничего подобнаго вы не найдете. Зато нигдѣ не пользовался и не пользуется такой симпатіей позорный девизъ: «лошади, собаки, женщины».

Что сказано объ отсутствіи творческихъ способностей въ средѣ юнкерства, приложимо и къ нѣмецкимъ государямъ. Со времени Фридриха II на нѣмецкихъ престолахъ не было ни одного государя, имѣющаго право претендовать на эпитетъ относительно выдающейся личности. Впрочемъ, все это не личная вина нѣмецкихъ дворянъ и государей, а трагическій рокъ, тяготѣющій надъ исторической дѣйствительностью Германіи (какъ уже было выяснено во второмъ томѣ).

Такой же метаморфозѣ подверглась и идея личной свободы, провозглашенная новымъ временемъ во всѣхъ странахъ высшимъ благомъ всѣхъ и каждаго. Правда, нынѣ нѣтъ больше подданныхъ и крѣпостныхъ. Мѣсто ихъ занялъ гражданинъ. Но намъ дали комментаріи къ понятію «свобода», комментаріи неопровержимые. Девизъ «свобода, равенство, братство», получилъ болѣе выразительное толкованіе: пѣхота, кавалерія, артиллерія... Правда, есть у насъ право свободнаго выраженія своихъ мыслей, зато рядомъ существуютъ параграфы о государственной измѣнѣ, оскорбленіи величества и богохульствѣ. Правда, имѣется у насъ право собраній и союзовъ,—даже въ Германіи!—зато вездѣ полиціи дана дискреціонная власть пускать въ ходъ резиновый хлыстъ или браунингъ. Всѣ могутъ расчитывать на справедливость, такъ какъ передъ закономъ вѣдь всѣ равны, но это право вездѣ комментируется чисто классовой юстиціей, функціонирующей съ баснословной увѣренностью и т. д.

Приведенныя противорѣчія являются наиболѣе разительными и наиболѣе извѣстными примѣрами этой исторической нелогичности, въ которую претворились идеи.

Если вы спросите: гдѣ же причина?, то отвѣтъ можно облечь въ сжатую формулу: всегда и вездѣ страхъ передъ преемникомъ. Этимъ преемникомъ, передъ которымъ новый вѣкъ почувствовалъ страхъ уже почти въ самый часъ своего рожденія, было четвертое сословіе, пролетаріатъ, отдѣлившійся уже въ эпоху французской революціи, какъ самостоятельный классъ, отъ третьяго сословія.

Этотъ страхъ передъ пролетаріатомъ былъ, правда, вполнѣ логиченъ. Изъ всѣхъ, выше описанныхъ, классовыхъ противоположностей, родившихся вмѣстѣ съ воцареніемъ буржуазнаго общественнаго порядка, самой грозной была съ самаго начала противоположность, опредѣлявшаяся все больше между рабочими классами и не однимъ какимъ нибудь другимъ общественнымъ классомъ, а всѣми общественными классами. И если эта противоположность долгое время и не понималась ясно, она съ самаго начала чувствовалась самымъ роковымъ образомъ.

Одинаковость положенія объединила остальные классы. Она позволила имъ вдругъ уяснить себѣ тотъ факторъ, который ихъ всѣхъ объединялъ, понять, что этотъ именно факторъ для нихъ всѣхъ самый важный: необходимость обезпечить отъ посягательствъ пролетаріата свое имущественное право. Требованія пролетаріата въ этомъ пунктѣ грозили одинаковой опасностью всѣмъ другимъ классамъ. Этотъ пунктъ и привелъ къ компромиссу между буржуазіей, побѣдившей, замѣтьте, только при помощи пролетаріата, и только-что низложенной монархіей, къ компромиссу, восторжествовавшему по всей линіи—за исключеніемъ Америки. Лицомъ къ лицу съ мнимо-общимъ врагомъ, буржуазія искала себѣ союзниковъ и снова уступила, цѣною болѣе или менѣе ярко конституціонно выраженныхъ обязательствъ и ограниченій, политическую власть монархіи и дворянству.

И опять нигдѣ страхъ передъ грознымъ наслѣдникомъ буржуазнаго общественнаго порядка не былъ такъ великъ, какъ именно въ средѣ нѣмецкаго бюргерства. Впрочемъ, и нигдѣ онъ не былъ столь основательнымъ. Въ Германіи, какъ мы видѣли, капиталистическій способъ производства установился позже, чѣмъ въ остальныхъ крупныхъ европейскихъ странахъ, послѣ того, какъ его антагонистическій характеръ уже успѣлъ во Франціи и Англіи обнаружиться очень шумно въ рядѣ историческихъ движеній. Когда нѣмецкая буржуазія выступила на историческую сцену, она не только увидѣла, что этотъ наслѣдникъ уже занялъ на ней свое мѣсто, но и готовится настойчивѣйшимъ образомъ провести въ жизнь свои требованія. Это обсто-

ятельство и увѣковѣчило жалкое положеніе нѣмецкаго бюргерства. Оно привело въ первую голову, къ тому, что объединеніе Германіи не состоялось уже въ 1848 г., а далѣе къ тому, что, когда подъ давленіемъ экономической необходимости это объединеніе осуществилось, оно совершилось цѣною жалкаго компромисса между бюргерствомъ и абсолютизмомъ. Великій историческій моментъ 1848 года не нашелъ въ Германіи буржуазіи, способной временно побѣдить феодализмъ и абсолютизмъ, не говоря уже о томъ, чтобы навсегда подчинить ихъ себѣ. На лицо было лишь поколѣніе, которое уже на другой день послѣ битвы—мы не преувеличиваемъ—испугалось своей собственной побѣды и, ломая руки, умоляло побѣжденнаго смилостивиться и помочь ему противъ того, кто его же освободилъ изъ неволи.

Такъ случилось, что нѣмецкая буржуазія добилась въ сравненіи съ англійской и французской ничтожной доли политическаго могущества и лишь очень скромнаго политическаго вліянія. И здѣсь, впрочемъ, рѣчь идетъ не о личной винѣ, виной была вышеописанная экономическая отсталость Германіи, коренившаяся въ конечномъ счетѣ въ послѣдствіяхъ тридцатилѣтней войны, изнурившей страну до самаго основанія и сдѣлавшей ее игрушкой въ рукахъ сотни мелкихъ и болѣе крупныхъ деспотовъ...

Хотя капиталистическое развитіе, вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, какъ охватило всѣ страны, а въ передовыхъ достигло небывалаго расцвѣта, могущество буржуазіи страннымъ образомъ нигдѣ не возрасло. Даже больше. Оно вездѣ значительно пало. Внѣшнимъ признакомъ этого упадка является всюду появившаяся, всюду пускающая корни идея имперіализма, охватившая даже Америку. И это явленіе, на первый взглядъ, въ высокой степени нелогично. На самомъ же дѣлѣ эта новѣйшая фаза развитія чрезвычайно логична и вытекаетъ въ конечномъ счетѣ изъ того же основного мотива капиталистическаго общества, изъ желанія обезпечить прибыль. Капиталистическая прибыль получила постепенно въ общественной жизни такое исключительное значеніе, что всѣ политическіе идеалы кажутся буржуазнымъ классамъ въ сравненіи съ ней пустякомъ. Буржуазія готова примириться съ самой отчаянной реакціей во всѣхъ областяхъ—капитализмъ можетъ, ничѣмъ не рискуя, вынести самое тяжелое реакціонное бремя—лишь бы ей гарантировали на долго достигнутую высокую прибыль. Это стало быть, конечная и неизбѣжная политическая логика капиталистическаго развитія: идея перекинулась въ свою собственную противоположность.

Но что значать всѣ эти политическіе компромиссы съ силами прошлаго въ сравненіи съ экономическими, духовными и моральными послѣдствіями современнаго капитализма? Рядомъ съ послѣдними они кажутся второстепенными. Характерные для этой стороны факты, именно факты, а не ихъ резюме, требуютъ всесторонняго и детальнаго выясненія. Въ этихъ послѣдствіяхъ коренятся вѣдь особенности половыхъ отношеній буржуазнаго вѣка.

Буржуазія, собственница средствъ производства и потому представительница капиталистическаго способа производства, достигла, благодаря все возраставшей прибыли, доставляемой капиталу массовымъ производствомъ, очень скоро и повсемѣстно огромныхъ богатствъ.

Посмотримъ, что сдѣлало богатство изъ отдѣльныхъ его представителей? Вознесло ли оно ихъ въ духовномъ, душевномъ и моральномъ отношеніяхъ надъ ихъ прежнимъ уровнемъ? Пробудило ли оно въ нихъ высшія добродѣтели? Создало ли оно поколѣніе героевъ? Нѣтъ, произошло какъ разъ обратное. Отвратительныя денежныя машины, лишенныя всякаго чувства, всякой чуткости—вотъ что сдѣлалъ прежде всего капиталъ изъ тѣхъ, кто имъ владѣлъ и кто имъ командовалъ. Раньше всего и ярче всего обнаружились эти черты въ физіономіи англійской буржуазіи. Такъ какъ англійская буржуазія раньше другихъ европейскихъ странъ, вступила на путь капиталистическаго производства, то она могла здѣсь дольше всего развиваться свободно и потому здѣсь специфическій типъ буржуазіи могъ получить свое наиболѣе характерное выраженіе. Здѣсь онъ и встрѣчается долгое время въ чистомъ видѣ. Это ничѣмъ неограниченное развитіе достигло въ періодъ между 1830 и 1840 гг. одной изъ своихъ вершинъ. Посмотримъ, какъ характеризуетъ съ психической и моральной точки зрѣнія англійскую буржуазію Томасъ Карлайль, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ своей эпохи. Онъ посвятилъ этой темѣ довольно пространную брошюру, появившуюся въ 1843 г. въ Лондонѣ подъ заглавіемъ Pastand Present (Прошлое и настоящее). Тамъ между прочимъ говорится.

«У насъ нѣтъ больше Бога. Божьими законами является одинъ только принципъ: принципъ наивозможно большаго счастья...

Такъ какъ мѣсто старой религіи надо было однако чѣмъ нибудь заполнить, то намъ дали новое евангеліе, вполнѣ соотвѣтствующее пустотѣ и безсодержательности вѣка—евангеліе Мамоны. Отъ христіанскаго неба отказались, какъ отъ сомнительнаго, отъ ада—какъ

отъ нелѣпости и вотъ мы получили новый адъ; адомъ является для современнаго англичанина сознанье, что онъ «не пробьется», что онъ «не заработаетъ денегъ».

Къ страннымъ поистинѣ, послѣдствіямъ привело насъ наше мамоново евангеліе. Мы говоримъ объ обществѣ, а стремимся къ разъединенію, къ изоляціи. Наша жизнь не взаимная поддержка, а взаимная вражда съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ военныхъ законовъ, «разумная конкуренція» и т. д. Мы совершенно забыли, что расчетъ наличными не единственная связь между людьми. «Мои рабочіе голодаютъ?»—удивляется богатый фабрикантъ. «Развѣ я не нанялъ ихъ на рынкѣ по всѣмъ обычаямъ и правиламъ? Развѣ я не заплатилъ имъ до послѣдней копейки, что имъ слѣдовало по договору? Какое мнѣ еще до нихъ дѣло?» Поистинѣ, культъ Мамоны— печальная религія».

Даже между супругами единственной связью являются, по мнѣнію Карлайля, въ 99 случаяхъ «деньги». Гнусное рабство, въ которомъ деньги держатъ буржуазію, отражается даже на языкѣ. He is worth ten thousand pounds—этотъ человѣкъ стоитъ 10000 фунтовъ, т. е. онъ имѣетъ 10000 фунтовъ. У кого деньги, тотъ достоинъ уваженія, онъ respectable, онъ принадлежитъ къ отборному обществу: the better sort of peorle, онъ вліятеленъ, influential, и все, что онъ дѣлаетъ, составляетъ въ его средѣ эпоху. Духъ наживы пропиталъ весь языкъ, всѣ отношенія выражаются въ понятіяхъ, заимствованныхъ изъ торговаго міра, въ экономическихъ категоріяхъ. Спросъ и предложеніе, supply and demand—такова, по словамъ Карлайля, та формула, по которой логика англичанина оправдываетъ всѣ явленія жизни. Въ особенности интересно слѣдующее мѣсто:

«Удивительно, до какой степени умственно пали и извратились высшіе классы общества, тѣ слои, которые англичане называютъ respectable people, the better sort of people. Исчезла энергія, дѣятельность, содержательность. Земледѣльческая аристократія охотится, финансовая обложила себя торговыми книгами и въ лучшемъ случаѣ интересуется столь же пустой и безсильной литературой. Политическіе и религіозные предразсудки переходятъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Теперь все достигается легко и нѣтъ надобности ломать себѣ голову надъ принципами, какъ раньше; еще когда мы лежимъ въ пеленкахъ, они сами готовыми летятъ къ намъ въ ротъ, неизвѣстно откуда. Чего еще!

Мы получили хорошее воспитаніе, т. е. въ школѣ насъ безрезультатно мучили римлянами и греками, во всемъ прочемъ мы respectable, т. е. являемся собственниками столькихъ и столькихъ тысячъ фунтовъ и не о чемъ намъ заботиться, развѣ о томъ, чтобы взять себѣ жену, если таковой еще нѣтъ...

А что сказать о томъ чучелѣ, которое люди называютъ «духомъ!» Куда его пристроить? Все китайски-строго установлено и ограничено —горе тому, кто выйдетъ за тѣсныя границы, горе, трижды горе тому, кто посягаетъ на почтенный предразсудокъ, девять разъ горе ему, если это предразсудокъ религіозный. На все существуетъ только два отвѣта: въ духѣ виговъ и въ духѣ торіевъ, а самые отвѣты давно заранѣе установлены мудрыми оберцеремоніймейстерами обѣихъ партій.

Нѣтъ надобности предаваться размышленіямъ, вдаваться въ подробности. Все уже готово. Дикки Кобденъ и лордъ Джонъ Рессель сказали такъ-то, а Боби Пиль или герцогъ par excellence, т. е. герцогъ Велингтонъ, сказалъ такъ-то—и такъ будетъ и останется во вѣкъ.

Въ «образованныхъ кругахъ» общественный предразсудокъ диктуется или торіями или вигами или въ крайности радикалами—да и это послѣднее уже считается не очень respectable.

Пойдите въ компанію образованныхъ англичанъ и скажите, что вы чартистъ или демократъ—и васъ сочтутъ за сумашедшаго и будутъ избѣгать вашего общества. Или заявите, что вы не вѣрите въ божественность Спасителя, и всѣ отъ васъ отвернутся. Признайтесь, наконецъ, что вы атеистъ, и на другой же день никто вамъ не подастъ руки. И даже въ томъ случаѣ, когда свободный англичанинъ начнетъ думать, что случается впрочемъ чрезвычайно рѣдко; когда онъ сброситъ съ себя воспринятые вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ предразсудки, то и тогда у него рѣдко бываетъ мужество свободно высказать свое убѣжденіе, даже и тогда онъ для публики надѣваетъ маску по крайней мѣрѣ терпимаго мнѣнія и радъ, когда можетъ излить свою душу съ глазу на глазъ».

Такихъ проницательныхъ и безжалостныхъ критиковъ, какъ Карлайль, англійская буржуазія находила не часто, все же онъ былъ не единственнымъ. Къ той же самой эпохѣ относится не менѣе отчетливая характеристика, сдѣланная Фридрихомъ Энгельсомъ, бывшимъ тогда купцомъ въ Манчестерѣ.

«Нигдѣ я не встрѣчалъ такого глубоко деморализованнаго, такого до мозга костей испорченнаго эгоизмомъ, такого разъѣденнаго

ракомъ разложенія и не способнаго ни къ какому прогрессу класса, какъ англійскую буржуазію—я имѣю въ виду здѣсь преимущественно настоящую буржуазію, либеральную, стремящуюся къ упраздненію «хлѣбныхъ законовъ». Для нея все на свѣтѣ существуетъ только ради денегъ, не исключая и ея самой, потому что она живетъ исключительно для того, чтобы наживать деньги, для нея нѣтъ другого блаженства, какъ быстрое пріобрѣтеніе, другого горя—какъ потерять деньги. При такой алчности и жаждѣ наживы никакая мысль, никакое воззрѣніе не могутъ остаться незапятнанными».

О религіозномъ лицемѣріи англійской буржуазіи тотъ же Энгельсъ писалъ въ Нѣмецко-французскихъ ежегодникахъ въ 1844 г.

«Когда Жизнь Христа Штрауса появилась въ Англіи, то ни одинъ «порядочный» человѣкъ не отважился ее перевести, ни одинъ видный издатель не дерзнулъ ее напечатать. Ее перевелъ, наконецъ, соціалистическій lecturer, человѣкъ, занимающій нефешенебельное общественное положеніе, незначительный соціалистическій издатель напечаталъ ее выпусками по одному пенни, а рабочіе Манчестера, Бирмингема и Лондона были единственными читателями Штрауса въ Англіи».

Эта набросанная въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія характеристика англійской буржуазіи осталась правильной и для 60 годовъ, да и въ настоящее время черты ея существенно не измѣнились къ лучшему, развѣ только болѣе завуалированы.

Важнѣе же всего слѣдующее: все, что сказано объ англійской буржуазіи, примѣнимо къ буржуазіи всѣхъ странъ, гдѣ господствуетъ капиталистическая система производства.

Карлайль нарисовалъ, въ сущности, портретъ всей международной буржуазіи. Вы не найдете здѣсь ни одного бѣлаго ворона. Да и не можетъ этого быть. Указанныя черты характера коренятся не въ особыхъ качествахъ англійской души, а являются неизбѣжными послѣдствіями вліянія на психику выбиванія капиталистомъ прибыли.

По мѣрѣ того, какъ отдѣльныя страны вступали на путь промышленнаго капиталистическаго способа производства и въ зависимости отъ степени интенсивности, съ которой совершался этотъ процессъ въ отдѣльныхъ странахъ, сообразно особымъ условіямъ, въ которыхъ эти страны находились, вырабатывалась въ средѣ имущихъ классовъ таже специфическая буржуазная физіономія, менѣе ярко въ такихъ странахъ, гдѣ, какъ во Франціи, Италіи, Испаніи, долго еще господствовало ремесло, зато тѣмъ ярче и рѣзче въ такихъ странахъ,

Тулузъ Лотрекъ: Проститутка. Гл. V.

Гдѣ мы будемъ ужинать? Берлинская литографія. Гл. V.

LA CHUTE EXTRAORDINAIRE DES ANGLAIS ET DES ANGLAISES DES ENORMES MONTAGNES RUSSES

Парижское народное увеселенie 1815 г. Гл. VI.



Ропсъ: Въ полѣ. Гл. IV.

какъ Америка, гдѣ крупному машинному производству не приходилось еще сначала уничтожать старые способы производства, гдѣ оно могло свободно развить всѣ присущія ему тенденціи. Всѣ черты специфически буржуазной физіономіи нашли въ средѣ американской буржуазіи по-истинѣ чудовищное выраженіе. И такой она является тамъ и теперь.

Каждый американецъ не болѣе, какъ раффинированно устроенная счетная машина, пренебрегающая всякой декоративностью, всякой облагораживающей линіей.

Этому вліянію капитализма на отдѣльныхъ его представителей соотвѣтствуетъ аналогичное его вліяніе на весь общественный организмъ, такъ какъ капиталистическая система производства стала основнымъ базисомъ всей жизни. Все стало товаромъ, все капитализировано, всѣ поступки, всѣ отношенія людей. Чувство и мысль, любовь, наука, искусство сведены на денежную стоимость. Человѣческое достоинство опредѣляется рыночнымъ вѣсомъ: таковъ товарный характеръ вещи.

Всякое другое отношеніе къ предметамъ и людямъ считается комическимъ и въ лучшемъ случаѣ вызываетъ презрительное состраданіе. Само собой понятно, что съ тѣхъ поръ, какъ деньги выступили на историческую сцену, матеріальный интересъ игралъ всегда во всемъ нѣкоторую роль. Въ этомъ и заключалось ихъ революціонизирующее значеніе. Всегда существовали браки ради денегъ и всегда даже люди науки и искусства стремились къ тому, чтобы «заработать». Разница состоитъ въ данномъ случаѣ въ томъ, что современный капиталистическій вѣкъ отбросилъ всякія другія соображенія и провозгласилъ единственнымъ мѣриломъ чистый товарный характеръ вещи. «Сколько стоитъ?» «Какая будетъ прибыль?»— «Прибыльное ли это дѣло?»

Всѣ до сихъ поръ сдѣланныя попытки стушевать этотъ особый характеръ вещей, не привели ни къ чему. Не видѣть его можетъ только или нежеланіе или невѣжество. И вотъ люди напали на хитрую мысль провозгласить эту черту естественнымъ свойствомъ вещей. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, однако только въ обществѣ, построенномъ на базисѣ частно капиталистическаго производства. Въ предѣлахъ такого общества подобное воззрѣніе даже и вполнѣ разумно, ибо укрѣпляетъ основы этого общества.

Житейской философіи капитализма соотвѣтствуютъ, естественно, самые ужасающіе методы накопленія капитала. Тамъ, гдѣ молчатъ сердце и душа, нѣтъ мѣста совѣсти. Если мы хотимъ вскрыть эти

методы, то мы должны вернуться къ эпохѣ первоначальнаго накопленія. Происхожденіе капитализма лучше всего объяснить намъ его сущность.

Въ обѣихъ странахъ, гдѣ раньше всего воцарился капитализмъ, а именно въ Голландіи и Англіи, генезисомъ капитализма была торговля рабами. Изъ безсовѣстнаго лишенія человѣка свободы родился современный капитализмъ. Такъ мало благородно было его начало. Прибыль, получавшаяся отъ этого благороднаго гешефта, была такъ велика, что въ обѣихъ странахъ очень скоро рѣшили бросить всякія христіанскія сомнѣнія. и открыто обсуждать благопріятные шансы торговли рабами.

Въ своемъ «Капиталѣ» К. Марксъ пишетъ:

«Вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго производства въ мануфактурный періодъ общественное мнѣніе Европы потеряло последніе остатки стыда и совѣсти. Отдѣльныя націи хвастали цинично всякой гнусностью, разъ она являлась средствомъ накопленія. Прочтите для примѣра наивныя торговые анналы почтеннаго Андерсона. Здѣсь во всеуслышаніе провозглашается высшей государственной мудростью Англіи, что она вырвала во время утрехтскаго мира у испанцевъ привиллегію, въ силу которой она получала право вести торговлю неграми не только между Африкой и англійской Индіей, но и между Африкой и испанской Америкой. Англія получила другими словами право снабжать до 1743 г. испанскую Америку ежегодно 4800 неграми. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта привилегія служила и маской для британской контрабанды. На базисѣ торговли рабами пышно расцвѣлъ Ливерпуль. Торговля рабами была его способомъ первоначальнаго накопленія. И до сей поры ливерпульская «почтенность» осталась Пиндаромъ торговли рабами, которая «повышаетъ до страсти коммерческую предпріимчивость, воспитываетъ прекрасныхъ моряковъ и приноситъ огромный доходъ». Въ 1730 г. торговлей рабами были заняты въ Ливерпулѣ 15 кораблей, въ 1751 г.—53, въ 1760 г. 96, а въ 1792 г.—132».

Тамъ, гдѣ туземцы мѣшали интересамъ капитала, гдѣ, какъ напр. въ Америкѣ, они не годились въ рабы, ихъ просто систематически искореняли.

Въ томъ же мѣстѣ «Капитала» Марксъ приводитъ слѣдующіе разбойничьи методы и премiи.

«Обращеніе съ туземцами отличалось, естественно, особенной дикостью въ плантаціяхъ, предназначенныхъ исключительно для экспорта, какъ въ Вестиндіи, и въ богатыхъ, густо населенныхъ

странахъ, спеціально предназначенныхъ для грабежа, какъ Мексика и Остиндія. Но и въ колоніяхъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, ярко выступалъ христіанскій характеръ первоначальнаго накопленія. Трезвые виртуозы протестантизма, пуритане установили въ 1703 г. рѣшеніемъ своей Assembly премію въ 40 ф. за каждый индійскій скальпъ и за каждаго взятаго въ плѣнъ краснокожаго, въ 1720 г. премія поднялась до 100 ф. за каждый скальпъ, а въ 1744 г., послѣ того, какъ какое то племя было провозглашено въ Massachussets—Bay бунтовщическимъ, были установлены слѣдующія цѣны: за мужской скальпъ, начиная съ двѣнадцатилѣтняго мальчика, 100 ф. новой чеканки, за мужского плѣннаго—105 ф., за взятыхъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей—55, за женскій и дѣтскій скальпъ 50 ф.

Дѣло было настолько выгодно, что отъ него низачто не хотѣли отказаться и вотъ ради его пропаганды, на всякій случай, притянули и Господа Бога.

Въ эпоху расцвѣта торговли рабами британскій парламентъ просто провозгласилъ сниманіе скальповъ и натравливаніе на дикарей жестокихъ договъ «средствами, кои самъ Богъ и сама природа дали ему въ руки».

Совершенно логично, что классъ, выросшій изъ такихъ матеріальныхъ низинъ, извлекавшій изъ нихъ свои лучшія соки, не могъ и въ своей собственной странѣ разыгрывать роль филантропа, всѣмъ открывающаго свои объятія. Это и не пришло ему, разумѣется, въ голову. Напротивъ, его самое горячее желаніе заключалось въ томъ, чтобы и въ родной странѣ пользоваться, хотя и въ замаскированномъ видѣ, тѣми методами, которые онъ sans phrase пускалъ въ ходъ въ новомъ свѣтѣ. И, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ рабствомъ было въ первыя десятилѣтія промышленнаго развитія положеніе европейскихъ наемныхъ рабочихъ.

Шедшая впередъ гигантскими шагами промышленность выбрала себѣ на первыхъ порахъ самаго покорнаго раба. Hands, «руки», привлеченныя капитализмомъ въ первую очередь въ свои фабрики, были «ручки», бѣдныя маленькія дѣтскія ручонки, еще нуждавшіяся въ нѣжномъ родительскомъ попеченіи. Ихъ вырвали изъ лона семьи и приковали съ ранняго утра до позней ночи къ работѣ, къ маховому колесу прядильной машины, къ столу, на которомъ сортировались лохмотья и т. д.

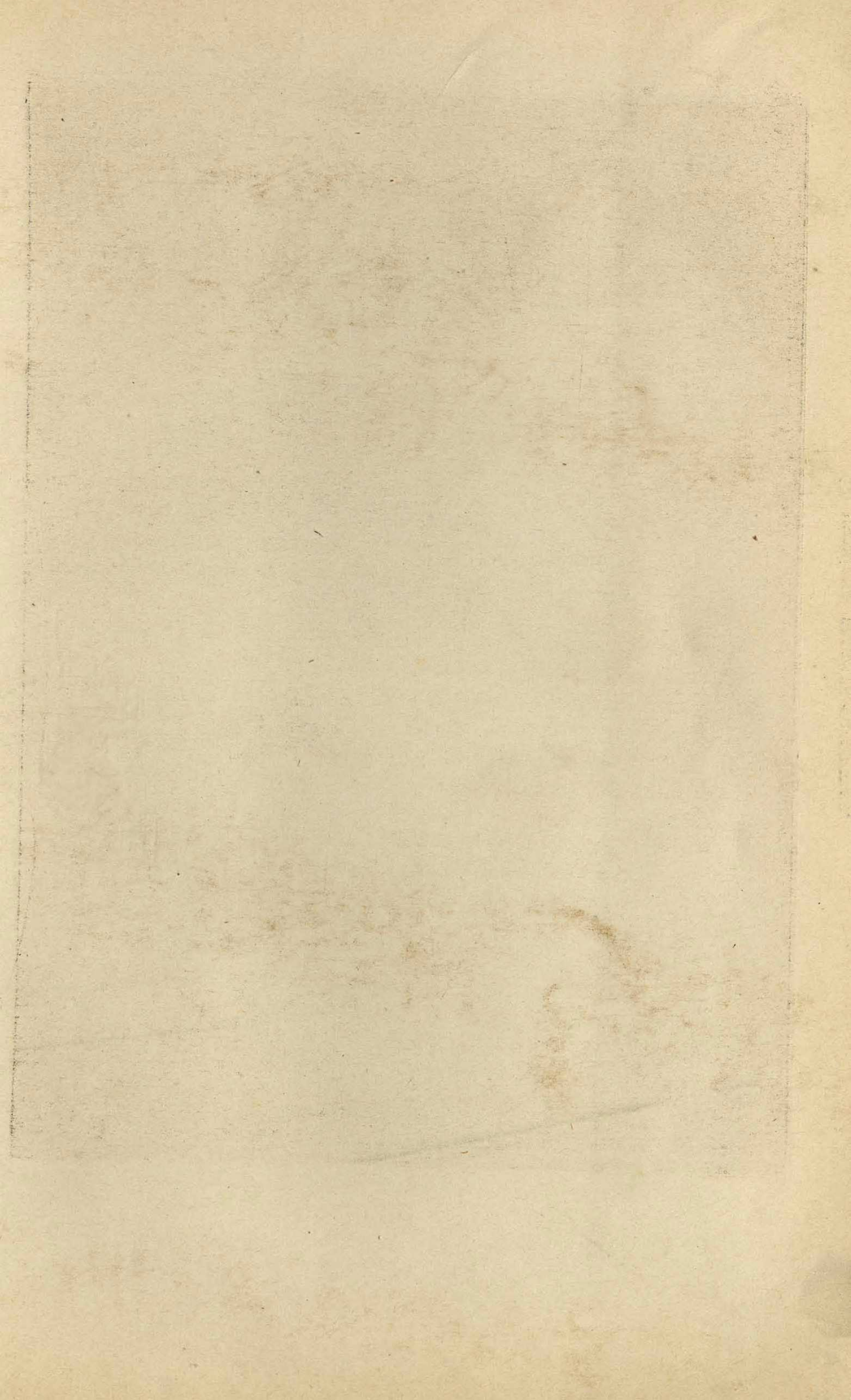
Ихъ сковали цѣпями безжалостнѣй даже, чѣмъ черныхъ невольниковъ. Здѣсь дѣйствовала, конечно, не личная злонамѣренность

отдѣльныхъ фабрикантовъ, а сказывалось послѣдствіе введенія машины, сдѣлавшей излишней мускульную силу.

«Поскольку машина дѣлаетъ мускульную силу ненужной, она становится средствомъ пользоваться рабочими, лишенными этой мускульной силы или отличающимися незрѣлымъ развитіемъ тѣла, зато обладающими большой гибкостью членовъ. Женскій и дѣтскій трудъ были поэтому первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машинъ». (Марксъ).

Наиболѣе характерную иллюстрацію къ этому положенію даетъ та же Англія, не потому, что въ другихъ странахъ вызванные капитализмомъ переворотъ и развитіе совершались гуманнѣе, а потому что здѣсь, въ силу выше изложенныхъ причинъ, самая эволюція отличалась особеннымъ размахомъ. Поэтому въ распоряженіи изслѣдователя здѣсь находится богатый матеріалъ. Имѣются у насъ характерныя данныя уже для ранней стадіи машинной индустріи въ Англіи. Къ концу XVIII в. относится слѣдующее сообщеніе Джона Фильдена:

«Въ Дербиширѣ, Нотингемширѣ и въ особенности въ Іоркширѣ недавно изобрѣтенныя машины примѣнялись на большихъ фабрикахъ около рѣкъ, способныхъ привести въ движеніе водяное колесо. Вдругъ оказалось необходимымъ имѣть здѣсь, далеко отъ городовъ, тысячи рукъ. Въ особенности Ланкаширъ, когда-то мало населенный и безплодный, нуждался теперь въ цѣломъ населеніи. Особенный же спросъ былъ на маленькіе, ловкіе пальцы. И сейчасъ же возникъ обычай выписывать учениковъ (!) изъ разныхъ мастерскихъ при приходскихъ домахъ Лондона, Бирменгема и др. Тысячи маленькихъ безпомощныхъ созданій отъ семи и до тринадцати и четырнадцати лѣтъ отправлялись такимъ образомъ на сѣверъ. Мастера (т. е. похитители дѣтей) обычно одѣвали учениковъ, обучали и устраивали ихъ въ ученическомъ домѣ около фабрики. Были приглашены надсмотрщики, которые должны были слѣдить за ихъ работой. Въ интересахъ этихъ надсмотрщиковъ было какъ можно больше истомлять дѣтей работой, такъ какъ они сами получали тѣмъ больше, чѣмъ больше продукта они выбивали изъ нихъ. Естественнымъ послѣдствіемъ была жестокость... Во многихъ фабричныхъ округахъ, въ особенности въ Ланкаширѣ, эти безобидныя, лишенныя покровительства созданія, всецѣло отданныя во власть фабриканта, подвергались душу раздирающимъ пыткамъ. Ихъ замучивали до крайности напряженной работой, ихъ били кнутами, сажали на цѣпь и пытали съ утонченнѣйшей жестокостью. Часто ихъ морили голодомъ, а под-





За чтеніемъ галантнаго романа.



Заглавный листъ журнала Z'amour.
Гл. VII.

PHÄNOMEN
Cigaretten

Реклама. Гл. VII.

Бассажэ: Студенческіе годы. Гл. IV.

Вольфъ: Въ отдѣльномъ кабинетѣ. Гл. VI.

нятый надъ нимъ кнутъ принуждалъ ихъ къ работѣ. Были отдѣльные случаи, когда они кончали съ собой. Уединенныя, красивыя, романтическія долины Дербишира, Ноттингемшира и Ланкашира стали жуткими пустынями пытокъ и — часто! — убійствъ! А фабриканты получали баснословную прибыль, еще болѣе раздражавшую ихъ волчій аппетитъ. Они ввели ночныя работы, т. е. изнуривъ одну группу дневнымъ трудомъ, они готовили другую для ночной работы. Дневная группа ложилась въ постели, только что покинутыя ночной смѣной и наоборотъ. Въ Ланкаширѣ существуетъ народная поговорка, что постели никогда не простываютъ».

Уже одно это сообщеніе подтверждаетъ все, что выше было сказано о дѣтскомъ трудѣ, какъ о трудѣ рабскомъ. Какъ рабовъ и покупали дѣтей. Фабриканты обращались или непосредственно или черезъ посредство агентовъ въ комитеты по призрѣнію бѣдныхъ въ Лондонѣ и Бирмингемѣ и просили о присылкѣ имъ бѣдныхъ дѣтей. А комитеты всегда охотно шли навстрѣчу такимъ требованіямъ, такъ какъ они самымъ простымъ образомъ освобождали ихъ отъ необходимости заботиться о пропитаніи дѣтей. И какъ безличный товаръ переходили отнынѣ безпомощныя созданія изъ одной человѣколюбивой руки въ другую. Когда въ 1815 г. сэръ Р. Пиль внесъ свой билль объ охранѣ дѣтей, членъ парламента Горнеръ заявилъ:

«Достовѣрно извѣстно, что съ другимъ имуществомъ одного обанкротившагося купца была объявлена къ продажѣ и въ самомъ дѣлѣ продана группа фабричныхъ дѣтей. А два года тому назадъ передъ Kings Bench разбиралось отвратительное дѣло. Рѣчь идетъ о нѣсколькихъ мальчикахъ. Лондонскій приходъ передалъ ихъ фабриканту, а тотъ въ свою очередь передалъ ихъ другому. Нѣсколько филантроповъ встрѣтили ихъ въ концѣ концовъ въ состояніи полнаго истощенія. Другой еще болѣе гнусный случай былъ сообщенъ мнѣ, въ качествѣ члена парламентской слѣдственной комиссіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ лондонскій приходъ совершилъ съ ланкаширскимъ фабрикантомъ договоръ, въ силу котораго послѣдній обязывался брать на каждыя двадцать здоровыхъ дѣтей одного идіота».

О колоссальныхъ размѣрахъ примѣненія дѣтскаго труда въ особенности въ ткацкихъ мастерскихъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ 1788 г. наряду съ 26000 муж. и 31000 женщ. работало не менѣе 35000 дѣтей, значительная часть которыхъ была моложе десяти лѣтъ. Но и въ другихъ отрасляхъ промышленности дѣтскимъ трудомъ пользовались въ не менѣе широкихъ размѣрахъ, въ особен-

ности въ отрасли вышиванія и производства галантерейныхъ товаровъ. И не только въ такихъ областяхъ, гдѣ требовалась, прежде всего, легкая рука — нѣтъ, дѣти должны были исполнять даже тяжелую работу взрослыхъ мужчинъ. Еще въ 1865 г. въ металлургической промышленности Бирмингема и окрестностей «работали 30000 дѣтей, молодыхъ людей и 10000 женщинъ, исполняя большей частью очень тяжелую работу.»

Въ сферѣ домашней промышленности несчастныя дѣти страдали не только отъ чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня—часто съ пяти часовъ утра до десяти вечера,—но и отъ самыхъ ужасныхъ условій жизни. Приведемъ только двѣ иллюстраціи изъ быта производства кружевъ, гдѣ еще вполнѣ царилъ кустарный способъ производства. Въ докладѣ образованной въ 1864 г. англійскимъ парламентомъ комиссіи, слѣдившей за дѣтскимъ трудомъ, говорится между прочимъ:

Въ Ноттингемѣ часто отъ 14 до 20 дѣтей втиснуто въ маленькую комнату не болѣе 20 кв. футовъ, причемъ изъ 24 часовъ 15 уходили на работу, изнурительную вслѣдствіе однообразія и отвращенія къ ней, на работу, протекавшую среди самыхъ антигигіеническихъ условій. Даже самыя маленькія дѣти работаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ удивительной быстротой и почти никогда не замедляютъ движеній своихъ пальцевъ, почти никогда не даютъ имъ отдыха. Когда къ нимъ обращаются съ вопросомъ, они не отрываютъ глазъ отъ работы, изъ боязни потерять хоть одну минуту. Чѣмъ болѣе удлиняется рабочее время, тѣмъ чаще пускаютъ надсмотрщицы—misstresses—въ дѣло «длинную трость» въ качествѣ возбуждающаго средства. Постепенно дѣти утомляются, а къ концу своего прикрѣпощенія къ однообразному занятію, портящему зрѣніе, изнуряющему своимъ однообразіемъ тѣло, они становятся безпокойными, какъ птички. Настоящій рабскій трудъ».

Иные мануфактуристы нанимали ежегодно 3000 такихъ домашнихъ работниковъ, еще находившихся въ дѣтскомъ возрастѣ, имѣвшихъ въ среднемъ шесть лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, фабриканты не были такъ безсердечны, чтобы лишить и болѣе юныхъ возможности зарабатывать деньги. Въ докладѣ той же комиссіи говорится въ другомъ мѣстѣ:

«Въ кружевной мастерской имѣется 18 дѣвушекъ и мастерица, на каждую приходится 35 куб. фут. Въ другой, гдѣ стоитъ ужасная вонь, 18 человѣкъ, на долю каждаго приходится 24½ куб. фут.

Въ этой отрасли производства примѣняется трудъ даже дѣтей, которымъ два или два съ половиной года».

Въ производствѣ спичекъ работали вообще почти только дѣти и притомъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ.

Подобное массовое примѣненіе дѣтскаго труда, да еще при такихъ ужасныхъ условіяхъ жизни, походило на настощее избіеніе младенцевъ. Таковъ и былъ печальный итогъ. Даже еще во второй половинѣ XIX в. примѣненіе дѣтскаго труда было систематическимъ убійствомъ дѣтей. На сотни тысячахъ дѣтскихъ трупиковъ воздвигъ паръ свое господство надъ міромъ. И рабочіе это знали. Въ возникшей въ 1844 г. пѣснѣ бирмингемскаго поэта Э. П. Мида о «Царѣ-парѣ» сказалось мрачное настроеніе рабочаго класса.

«На свѣтѣ есть царь, этотъ царь ужасенъ. То не образъ царя, созданный мечтой поэта, а тиранъ, хорошо извѣстный бѣлымъ рабамъ. Этотъ свирѣпый царь называется—паромъ. У него одна только рука, желѣзная рука, но въ ней живетъ чудодѣйственная сила, пригнетающая милліоны.

Какъ у его предка, свирѣпаго Молоха, засѣвшаго когда-то въ долинѣ Гиммонъ, его внутренностями является огонь, а дѣти его пища. Его жрецы, лишенные всякихъ человѣческихъ чувствъ, исполненные кровожадности, гордости и бѣшенства, направляютъ—о позоръ!—эту гигантскую руку и изъ крови создаютъ, точно кудесники, золото. Во имя своего бога, гнуснаго золота, они топчутъ въ грязь права человѣка, горе женщины для нихъ развлеченіе, слезы мужчинъ для нихъ предметъ насмѣшекъ. Для ихъ слуха предсмертные крики бѣдняковъ звучатъ, какъ музыка, скелеты дѣвушекъ и дѣтей наполняютъ адъ царя-пара. Этотъ адъ здѣсь на землѣ. Онъ распространяетъ смерть кругомъ во всей странѣ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ господствуетъ паръ, гибнетъ заодно и тѣло и душа людей. Поэтому долой царя-пара, долой свирѣпаго Молоха. Вы, работники, свяжите его, или онъ погубитъ всю нашу страну. И какъ съ самимъ идоломъ, этимъ чудовищемъ, такъ гнѣвъ народа пусть покончитъ и съ его намѣстниками, съ милліонерами-лордами, блещущими золотомъ и запятнанными кровью».

Что это не поэтическая гипербола, доказываетъ докладъ назначенной въ 1840 г. парламентской комиссіи для разслѣдованія вопроса о дѣтскомъ трудѣ. Изданный ею въ 1842 г. докладъ развертываетъ по словамъ Н. В. Сеньора «самую ужасающую, когда либо представавшую глазамъ міра картину алчности, себялюбія и жесто-

кости капиталистовъ и родителей, картину нужды и вырожденія, убійства дѣтей и отроковъ».

Наряду съ рабочей силой дѣтей особымъ спросомъ пользовалась, какъ уже упомянуто, рабочая сила женщинъ. Женщина не только весьма пригодна для цѣлаго ряда производствъ, она была къ тому же гораздо болѣе покладистымъ работникомъ, нежели мужчина. Женщина всегда находилась въ особо подчиненномъ положеніи. Кромѣ тѣхъ же причинъ, которыя приковали къ машинѣ мужчину, ее связывало съ ней и съ фабрикой еще одно изъ самыхъ благородныхъ чувствъ, не останавливающееся ни передъ какимъ самопожертвованіемъ,—материнская любовь.

Сотни тысячъ женщинъ отправлялись ежедневно на фабрику, тратя на ходьбу нѣсколько часовъ, только для того, чтобы доставить хлѣбъ дѣтямъ, у которыхъ не было отца или заработокъ котораго былъ недостаточенъ, чтобы прокормить семью. Эта любовь побуждала ихъ брать на себя самую тяжелую и для ихъ пола опасную работу. Ради нея карабкались онѣ, нагруженныя тяжестью, по колеблющимся лѣсамъ постройки. Ради нея онѣ ни на минуту не отрывались отъ стучащей швейной машины и быстро скользящей иглы. Ради нея онѣ соглашались на все болѣе продолжительный рабочій день и покорно сносили всѣ притѣсненія предпринимателей—только бы не лишиться работы.

Относящееся къ 1842 г. сообщеніе о положеніи англійскихъ работницъ, занятыхъ въ модныхъ мастерскихъ, гласитъ:

«Во время фешенебельнаго сезона, продолжающагося около четырехъ мѣсяцевъ, рабочій день, даже въ лучшихъ предпріятіяхъ, доходитъ до пятнадцати часовъ и даже — въ случаѣ спѣшныхъ заказовъ — до восемнадцати.

Въ большинствѣ магазиновъ рабочее время даже не установлено, такъ что дѣвушка никогда не имѣетъ для сна и отдыха болѣе шести, а часто только трехъ или четырехъ, иногда даже только двухъ часовъ, работая отъ девятнадцати до двадцати двухъ часовъ, а порой—что бываетъ достаточно часто—всю ночь. Единственнымъ предѣломъ, положеннымъ для ихъ работы, является физическая невозможность держать въ рукѣ иглу. Были случаи, что несчастныя работницы впродолженіи девяти дней ни разу не раздѣвались, растягивась для отдыха на нѣсколько минутъ на матрасѣ, куда имъ приносили ѣду, нарѣзанную маленькими кусочками, чтобы онѣ могли ее какъ можно скорѣе проглотить.

Словомъ, эти несчастныя работницы принуждаются силой мо-



Курбе: Спящая женщина.



Виртцъ: Можно войти?



Ленерта: Полька. 1830 г. Гл. VI.



Вильертъ: Богема. Гл. II.

ральнаго рабства — угрозой разсчета — къ такой безжалостной и продолжительной работѣ, которая не по силамъ и крѣпкому мужчинѣ, не говоря уже о дѣвушкѣ въ нѣжномъ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ. Прибавьте къ этому спертый воздухъ рабочаго помѣщенія и спаленъ, необходимость при работѣ постоянно наклоняться, плохую неудобоваримую пищу и т. д.»

Слѣдующее сообщеніе характеризуетъ положеніе англійскихъ швей:

«Швеи обыкновенно живутъ въ крошечныхъ мансардахъ, въ страшной нищетѣ, по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, въ ужасной тѣснотѣ, причемъ зимой одна только теплота тѣлъ служитъ имъ топливомъ. Тамъ сидятъ онѣ, склонившись надъ своей работой, и шьютъ съ четырехъ или пяти утра до полуночи, разрушая свое здоровье и рано погибая, не въ силахъ доставить себѣ самаго необходимаго для жизни».

Ибо недѣльный заработокъ этихъ измученныхъ созданій составлялъ всего отъ двухъ съ половиной до трехъ шиллинговъ.

Вспомните «Пѣснь о рубашкѣ» Томаса Гуда.

Даже плакать возбраняется швеѣ, такъ какъ слезы омочили бы нитку и иглу и нельзя было бы дальше шить.

Въ многочисленныхъ другихъ отрасляхъ производства, въ которыхъ были заняты женщины, положеніе ихъ было не лучше. Вездѣ онѣ были подавлены самыми ужасными, убійственными для здоровья условіями труда: безконечнымъ рабочимъ днемъ, низкой заработной платой, унизительнымъ обращеніемъ. Вотъ почему прикованная къ фабрикѣ женщина кончала такъ же плохо, какъ и дѣти, занятыя въ промышленности. Съ самаго момента своего воцаренія царь-паръ питался такими же гекатомбами женскихъ, какъ и дѣтскихъ тѣлъ. Чахотка, тифозная лихорадка, въ особенности женскія болѣзни убивали преждевременно милліоны женщинъ.

Новое поколѣніе, которое онѣ носили подъ сердцемъ, было уже въ материнской утробѣ заклеймлено печатью нужды. Большинство пролетарскихъ дѣтей голодали уже тамъ. Преждевременные роды были самымъ обычнымъ явленіемъ. Большинство женщинъ рожали до срока или рожали мертвыхъ. Если же дѣти появлялись на свѣтъ живыми, то по статистикѣ города Манчестера, относящейся къ 1840 г., 57% умирало до трехлѣтняго возраста. Изъ этихъ 57 % двѣ трети умирали уже въ грудномъ возрастѣ. Это такъ понятно. Бѣдныя дѣтки должны были дома голодать, тогда какъ прикованныя нуждою матери истекали молокомъ. Въ предпринятой имъ

анкетѣ лордъ Эстли сообщаетъ, между прочимъ, о слѣдующихъ случаяхъ:

«М. Г., двадцати лѣтъ, имѣетъ двоихъ дѣтей, младшее еще грудной младенецъ, за которымъ ухаживаетъ старшее. Утромъ въ пять часовъ она отправлятся на фабрику, откуда возвращается въ восемь часовъ. Днемъ молоко вытекаетъ изъ ея грудей такъ, что платье ея насквозь мокро.

Г. В., имѣетъ троихъ дѣтей, уходитъ въ понедѣльникъ въ пять часовъ утра и возвращается только въ субботу вечеромъ въ семь часовъ. Приходится такъ много хлопотать, что раньше трехъ утра она не ложится. Часто она до костей промокаетъ отъ дождя и въ такомъ положенiи она должна работать. Она буквально заявила: «грудь страшно болѣла у меня, и я была вся мокрая отъ молока».

Масса грудныхъ младенцевъ погибала отъ опiя. Прикованныя къ швейной машинѣ бѣдныя матери не могли ухаживать за своими младенцами и поэтому видѣли себя вынужденными успокаивать ихъ сонными средствами: теперь машина могла стучать сколько угодно! Выжившiя дѣти страдали обычно по наслѣдству и въ силу недоѣданiя золотухой и рахитизмомъ.

Рабство, собаки-ищейки, снимание скальповъ, убiйство женщинъ и дѣтей — таковъ генезисъ современнаго капитализма. И все таки это еще не все. Свобода, достигнутая рабочимъ классомъ въ буржуазномъ государствѣ, была на самомъ дѣлѣ для него равносильна свободѣ подвергаться эксплуатацiи, а его равенствомъ было равенство передъ голодомъ и лишенiями. Положенiе мужчинъ-рабочихъ было не менѣе тяжелымъ и безвыходнымъ. Имъ также приходилось приносить ужасающiя жертвы на алтарь капитализма. Нуждавшiяся въ ихъ помощи машины ежегодно калѣчили сотни тысячъ. Ни одна война не поглощаетъ такой массы жертвъ. Нужда, голодъ, отчаянiе — общая всѣмъ доля.

Выше приведенный парламентскiй докладъ говоритъ о жестокомъ отношенiи родителей къ дѣтямъ. Родители жестоки однако только потому, что сами голодали, только потому, что ихъ собственный заработокъ былъ недостаточенъ, а заработокъ дѣтей, даже если онъ составлялъ всего нѣсколько грошей въ день, для нихъ насущная придача. А между тѣмъ, какъ масса умираетъ съ голода, богатство собственниковъ производства достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. Въ своей уже процитированной брошюрѣ «Прошлое и настоящее» Карлайль говоритъ:

«Положенiе Англiи считается—и притомъ съ полнымъ основа-

ніемъ,—однимъ изъ самыхъ грозныхъ и странныхъ, когда либо существовавшихъ. Англія переполнена богатствами всякаго рода и все таки умираетъ съ голоду. Изъ года въ годъ цвѣтетъ и зеленѣетъ всегда съ одинаковой пышностью почва Англіи, волнуются поля золотой ржи, густо заселена она мастерскими, изобилуетъ она всевозможными ремесленными орудіями, въ ней пятнадцать милліоновъ работниковъ, слывущихъ за самыхъ сильныхъ, умныхъ и трудолюбивхъ, когда либо существовавшихъ въ нашей странѣ. Работа, сдѣланная ими, плоды, взращенные ими, лежатъ повсюду въ величайшемъ изобиліи. И вдругъ раздается приказъ, точно изъ устъ кудесника, приказъ, гласящій: не трогайте этихъ плодовъ, вы рабочіе, вы—господа-работники, вы—господа праздные. Никто изъвасъ не долженъ ихъ касаться, никто изъ васъ не долженъ ими наслаждаться — ибо плодъ этотъ заколдованный.»

Это положеніе Карлайль дополняетъ слѣдующимъ комментаріемъ, взятымъ изъ дѣйствительности.

«Судъ присяжныхъ въ Стокпортѣ (Чеширѣ) разсматривалъ обвиненіе, предъявленное отцу и матери, которые отравили трехъ своихъ дѣтей, чтобы такимъ образомъ обмануть похоронное бюро на три фунта восемь шилинговъ, подлежавшихъ выдачѣ послѣ смерти каждаго ребенка. Обвиняемые были осуждены. Власть, говорятъ, намекаетъ на то, что это не единственный въ этомъ родѣ случай и что, быть можетъ, лучше не докапываться до истины. Такіе примѣры похожи на высочайшія вершины горъ, вырисовывающіяся на горизонтѣ,—а внизу раскинулась цѣлая горная мѣстность и еще не видимая долина. Отецъ и мать, носящіе образъ и подобіе человѣка, спрашиваютъ другъ друга, что намъ дѣлать, чтобы избѣжать голодной смерти? Мы низко пали здѣсь въ нашемъ подвалѣ, а помощь — гдѣ ее найти? О! Въ голодной башнѣ, гдѣ замурованъ Уголино, совершаются серьезныя дѣла: къ ногамъ отца палъ мертвымъ маленькій любимецъ Гадди. И вотъ стокпортскіе родители думаютъ и говорятъ: «а что, если нашъ бѣдный маленькій, голодный Томъ, цѣлый день съ крикомъ просящій хлѣба, которому здѣсь на землѣ суждено увидѣть только горе, а что, если онъ вдругъ избавится отъ нужды, а мы остальные были бы спасены! Придумано, сказано, сдѣлано! И вотъ, когда Томъ умеръ, когда всѣ деньги были истрачены, очередь доходитъ до бѣднаго маленькаго, голоднаго Джека или до бѣднаго, маленькаго Вилли! О какъ они обдумываютъ пути и средства!

Въ осажденныхъ городахъ, въ дни гибели подпавшаго гнѣву

Господа Іерусалима, раздалось пророчество: руки гнусныхъ женщинъ приготовятъ себѣ въ пищу собственыхъ дѣтей. Мрачная фантазія еврея не могла представить себѣ болѣе черной пропасти ужаса. То было послѣдней ступенью паденія павшаго, Богомъ проклятаго человѣка — а мы, современные англичане, дошли до этого, хотя и окружены изобиліемъ богатства! Какъ это произошло? Почему такъ должно быть?

Все это имѣло мѣсто въ 1841 г. Прибавлю еще, что пять мѣсяцевъ тому назадъ въ Ливерпулѣ была арестована Бетти Eules изъ Больтона, по той же причинѣ отравившая троихъ собственныхъ дѣтей и двухъ пасынковъ».

Наиболѣе достовѣрнымъ средствомъ провѣрки общаго положенія рабочихъ классовъ является всегда изслѣдованіе жилищныхъ условій. Какъ только повышается заработокъ рабочаго, какъ только въ его распоряженіи больше свободнаго времени, чѣмъ нужно для сна, улучшаются, прежде всего, жилищныя условія. Съ другой стороны эти послѣднія тѣмъ хуже, чѣмъ безотраднѣе общее матеріальное положеніе работника. Рабочій прежде всего экономитъ на квартирѣ, такъ какъ здѣсь, какъ ему кажется, онъ имѣетъ больше всего основанія экономить. Разъ въ его распоряженіи только короткая ночь разъ у него не остается времени для семейной жизни, онъ готовъ, въ случаѣ надобности, довольствоваться для ночного отдыха конурой.

Жалкой конурой, вмѣсто жилища, и были впродолженіи многихъ десятилѣтій вынуждены довольствоваться милліоны работниковъ, и только въ послѣднее ремя въ этой области замѣчается нѣкоторое улучшеніе.

Въ 1866 г. англійскій врачъ д-ръ Гёнтеръ предпринялъ широкую анкету по поводу жилищныхъ условій, въ которой о Лондонѣ между прочимъ говорится:

«Два пункта не подлежатъ сомнѣнію. Во-первыхъ: существуетъ въ Лондонѣ болѣе двадцати большихъ колоній, приблизительно въ 10000 человѣкъ каждая, отчаянное положеніе которыхъ превосходитъ все, что только можно себѣ вообразить, и вызвано оно главнымъ образомъ плохими жилищными условіями; и во-вторыхъ: состояніе этихъ переполненныхъ и разваливающихся домовъ гораздо хуже, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ».

А въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ:

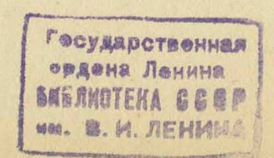
«Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что во многихъ кварталахъ Лондона и Ньюкестля жизнь походитъ на адъ».

Что и въ другихъ мѣстностяхъ жизнь рабочихъ массъ была не лучше, доказываетъ тотъ же авторъ своими данными о жилищныхъ условіяхъ углекоповъ въ Нортумберлендѣ и т. д. Самое выпуклое представленіе о господствовавшихъ жилищныхъ условіяхъ даетъ намъ однако докладъ агента одного страхового рабочаго общества въ Бредфордѣ. По его словамъ расположились на ночлегъ, ибо слово «жить» здѣсь уже не подходитъ—на разныхъ улицахъ въ шести комнатахъ по десяти и одиннадцати чел., въ одной комнатѣ— двѣнадцать, въ трехъ — по тринадцати, въ другихъ трехъ — по шестнадцати, въ одной — семнадцать, а въ другой — восемнадцать человѣкъ. Но и это еще не худшее. Бо́льшая часть безчисленной арміи существующаго во всѣхъ городахъ люмпенпролетаріата и теперь еще не имѣетъ ночлега, а вынуждена ночевать на площадяхъ, въ пустыхъ бочкахъ или ящикахъ или подъ мостомъ.

Въ изданной въ 1910 г. И. Блохомъ книгѣ испанца К. Б. де Киросъ: «Преступность и проституція въ Мадридѣ» слѣдующимъ образомъ описывается жизнь такъ называемыхъ golfos, т. е. босяковъ.

«Они живутъ въ городахъ, какъ жили на землѣ первобытные люди, не сѣютъ, не жнутъ, грабя то, что лежитъ по дорогѣ. Часто подобное воровство не сопряжено ни съ какими опасностями, какъ напр. при собираніи кочановъ капусты, иногда, напротивъ, оно весьма опасно, напр. когда они крадутъ гранатныя трубки и осколки картечи на мѣстѣ стрѣльбы, гдѣ ихъ подстерегаетъ и часто уноситъ смерть. Иногда они удятъ рыбу или ловятъ ящерицъ въ деревнѣ, крысъ и мышей въ городѣ и готовятъ изъ нихъ обѣдъ или тутъ же въ полѣ или въ своихъ городскихъ трущобахъ. Болѣе удачливые ищутъ себѣ прибѣжище въ харчевняхъ и ночлежкахъ, въ «босяцкихъ отеляхъ», какъ ихъ прозвалъ кто-то, а запоздавшіе довольствуются мѣстечкомъ на кирпичномъ заводѣ или теплой навозной кучѣ или ночуютъ, какъ настоящіе троглодиты, въ пещерахъ или же въ городѣ въ пустынныхъ уголкахъ, подъ воротами или за дверями, гдѣ они не спятъ, а только дремлютъ, такъ какъ каждую минуту ихъ можетъ накрыть не знающая пощады ночная полиція».

Зимой эти бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ находили когда-то убѣжище въ домахъ, которые тотъ же авторъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Раньше въ этихъ кварталахъ, на старой улицѣ de la Comadre, нынѣ del Ampare, стояла ночлежка, пользовавшаяся дурной славой. Посѣтители называли ее piltra del tio largo (до-



момъ терпимости толстаго дяденьки) или «гостинницей: веревка». Мы говорили съ людьми, ночевавшими въ этомъ учрежденіи. Въ одной комнатѣ была растянута толстая веревка, на которую посѣтители клали голову. Веревка исполняла также обязанности будильника. Когда «толстый дядюшка» видѣлъ, что его кліенты не хотятъ вставать, то онъ отвязывалъ веревку на одной сторонѣ стѣны, такъ что спавшіе падали, больно ударяясь, а онъ восклицалъ: «вставайте же, вставайте.»

Подобныя «ночлежки» существовали не только въ Испаніи, а въ серединѣ XIX в. также во многихъ промышленныхъ городахъ Англіи и Франціи. Ясное представленіе о такой парижской ночлежкѣ даетъ намъ рисунокъ Домье, относящійся къ 1840 г.

Если при нормальныхъ условіяхъ жизнь пролетарской массы была часто ничѣмъ инымъ, какъ медленной голодной смертью, то въ періоды кризисовъ, неизбѣжныхъ при капиталистическомъ способѣ производства, для тысячи и тысячи пролетаріевъ голодная смерть становилась уже прямо неотвратимой и неизбѣжной судьбой. Впродолженіи десятилѣтій фактическая голодная смерть была обычнымъ явленіемъ въ промышленныхъ городахъ Англіи. Когда въ такіе моменты, какъ это имѣло мѣсто въ 1866 г. во время большого хлопковаго кризиса, рабочіе находили мужество показать демонстративно свою нужду на улицѣ, то эта массовая трагедія входила по крайней мѣрѣ, какъ фактъ, въ сознаніе публики, хотя она и не понимала ея причинъ, и ужасъ охватывалъ всѣхъ.

4 апр. 1866 г. газета Standard замѣчаетъ на другой день послѣ демонстраціи безработныхъ и голодныхъ пролетаріевъ:

«Ужасающее зрѣлище развернулось вчера на нѣкоторыхъ улицахъ столицы. Хотя тысячи безработныхъ истенда и не демонстрировали массами и съ черными флагами, все же толпа была очень внушительна. Вспомнимъ, какія страданія приходится переживать этой части населенія. Она умираетъ съ голоду. Таковъ ужасный въ своей простотѣ фактъ. Ихъ 40000. На нашихъ глазахъ умираетъ безъ помощи, съ голоду, 40000 человѣкъ въ одномъ изъ кварталовъ нашей чудесной столицы, бокъ о бокъ съ чудовищнѣйшимъ накопленіемъ богатства, когда либо виданнымъ! Эти тысячи врываются теперь и въ другіе кварталы. Всегда полуголодные, они кричатъ намъ въ ухо о своемъ горѣ, а крикъ ихъ достигаетъ небесъ. Они говорятъ намъ о своихъ очагахъ, заклеймленныхъ печатью нужды, говорятъ намъ о томъ, что для нихъ невозможно найти работу и безполезно просить милостыню. Требованія прихода довели даже

мѣстныхъ плательщиковъ налога въ пользу бѣдныхъ до края нищеты».

Въ такіе періоды кризисовъ единственымъ спасеніемъ отъ голодной смерти былъ для сотни тысячъ рабочій домъ (workhouse). А это «спасеніе», предлагаемое христіанскимъ обществомъ голодающей массѣ, состояло въ кускѣ хлѣба и шести коп. въ день, взамѣнъ чего приходилось однако или щипать паклю, или разбивать камни. О громадномъ наплывѣ въ эти рабочіе дома и объ ихъ переполненіи въ эпоху большого хлопковаго кризиса 1866/67 гг. корреспондентъ газеты Morning Star подробно сообщалъ въ январьскомъ номерѣ 1867 г.:

«Мнѣ стоило большихъ трудовъ протиснуться къ воротамъ рабочаго дома въ Поплярѣ, такъ какъ его осаждала изголодавшаяся толпа. Она ожидала выдачи хлѣбныхъ чековъ, но время ихъ раздачи еще не наступило.»

О переполненіи отдѣльныхъ помѣщеній рабочаго дома говорится:

«Въ другомъ мѣстѣ двора стоялъ небольшой рахитическій деревянный домъ. Когда мы открыли дверь, то увидѣли, что все помѣщеніе было переполнено мужчинами, тѣснившимися другъ къ другу, чтобы согрѣться. Они щипали паклю и спорили, кто изъ нихъ способенъ, при наиболѣе скудной пищѣ, проработать больше всѣхъ, такъ какъ выносливость для нихъ point d'honneur. Въ одномъ этомъ рабочемъ домѣ получали пропитаніе 7000 чел., среди которыхъ было нѣсколько сотъ, получавшихъ шесть или восемь мѣсяцевъ назадъ, въ качествѣ квалифицированныхъ рабочихъ, самую высокую заработную плату. Число ихъ было бы вдвое больше, если бы многіе, истощившіе свои послѣднія денежныя средства, не предпочитали закладывать, что у нихъ имѣлось, вмѣсто того, чтобы обращаться за помощью къ приходамъ.»

Тотъ же сотрудникъ газеты описываетъ намъ и то, что происходило въ квартирахъ безработныхъ. Изъ цѣлаго ряда описаній выбираемъ два наиболѣе ужасныхъ:

Разсказывая горестную исторію прошедшихъ дней, мать сто-

«Потомъ мы посѣтили жену ирландца, работавшаго на верфяхъ. Исхудалыя дѣти ухаживали за ней. Они выглядѣли такъ, какъ будто сами нуждались въ материнскомъ уходѣ. Девятнадцать недѣль вынужденнаго бездѣйствія довело ихъ до такого состоянія.
Она заболѣла отъ недоѣданія и лежала одѣтая на матрасѣ, накрывшись кускомъ ковра, такъ какъ все постельное бѣлье было въ закладѣ.

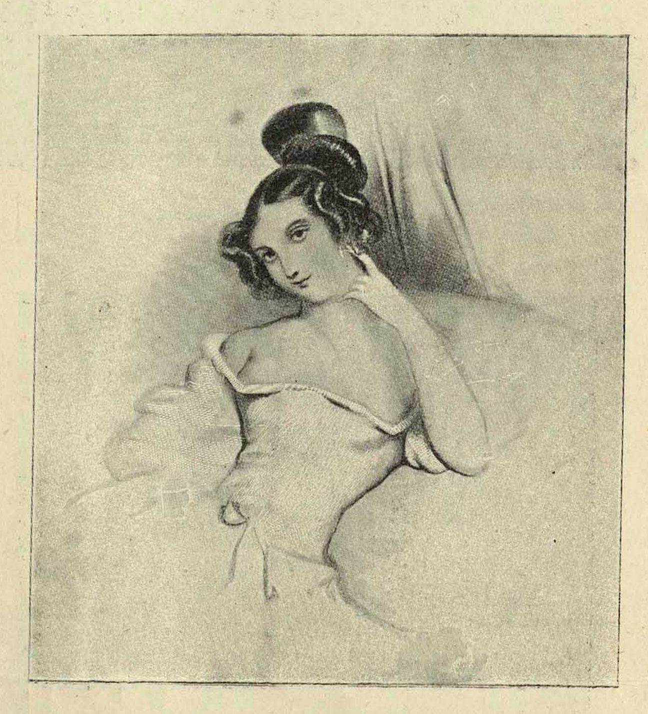
нала, какъ будто потеряна вся надежда на лучшее будущее. Когда мы вышли изъ дома, къ намъ подбѣжалъ молодой человѣкъ, прося заглянуть къ нему и сдѣлать что нибудь для него. Молодая женщина, двое хорошенькихъ ребятъ, куча закладныхъ, и совершенно голая комната — вотъ все, что онъ намъ могъ показать.»

Что эта ужасающая массовая нужда, становившаяся въ эпохи кризисовъ, удѣломъ всѣхъ слоевъ рабочаго класса, въ средѣ извѣстныхъ группъ и, конечно, прежде всего въ средѣ рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности, длится хронически, что нужда этихъ послѣднихъ продолжается и нынѣ, несмотря на всѣ гуманитарныя фразы, въ этомъ должно было признаться даже англійское правительство. Свою, предпринятую уже на рубежѣ XX в., анкету относительно такъ называемой «потогонной системы» верхняя палата видѣла себя вынужденной резюмировать слѣдующимъ образомъ:

«Едва ли возможно преувеличить это зло! Заработка низшихъ слоевъ рабочихъ едва хватаетъ, чтобы хоть какъ нибудь просуществовать. Рабочій день такъ продолжителенъ, что жизнь рабочаго превращается въ одну безпрерывную каторгу, жестокую и часто вредящую здоровью. Царящія здѣсь гигіеническія условія вредны не только для рабочаго, но и для общественной жизни, въ особенности въ портновскомъ ремеслѣ, гдѣ заразныя болѣзни такъ легко передаются черезъ посредство платья, изготовленнаго въ пропитанныхъ заразой мастерскихъ. Мы дѣлаемъ эти замѣчанія въ полной увѣренности въ ихъ правдивости и считаемъ себя обязанными выразить свое удивленіе по поводу того мужества, съ которымъ эти страдальцы переносятъ свою судьбу. Мы не преувеличиваемъ вовсе съ цѣлью вызвать состраданіе къ нимъ».

Приведенные до сихъ поръ факты и документы, свидѣтельствующіе о пріобрѣтеніяхъ рабочаго класса въ вѣкъ промышленнаго переворота и индустріальнаго развитія, мы заимствовали изъ исторіи Англіи потому, что, какъ уже упомянуто, Англія раньше другихъ стала типической страной капитализма, а не потому вовсе, что такихъ явленій не было въ капиталистическомъ развитіи другихъ странъ. Передовая нація всегда показываетъ отставшимъ ихъ собственное будущее. Фарисеямъ-шовинистамъ слѣдовало бы поэтому быть поскромнѣе. Нѣсколько данныхъ о положеніи нѣмецкихъ рабочихъ пусть подтвердятъ это положеніе. Въ данномъ случаѣ мы преднамѣренно возьмемъ примѣры изъ новѣйшаго времени. Статистическія данныя для Вѣны 90 годовъ истекшаго столѣтія выяснили, что «изъ ста портныхъ отъ болѣзни легкихъ умирало 72». Въ одномъ

Какой вы робкій! Вѣнская гравюра. 1835 г.



Деверіа: Желаніе. 1832 г.

Грогартъ: Передъ зеркаломъ.



Символическое изображенiе брака.

сообщеніи берлинскихъ прачекъ, относящемся къ тому же времени, говорится между прочимъ:

«Одна прачка сообщаетъ, что раньше она шила на машинкѣ дамскія жакетки, но заболѣла отъ работы. Теперь она дѣлаетъ петли въ мужскихъ рубашкахъ, получая за дюжину — 15 пфениговъ. Въ зависимости отъ количества заказовъ ея недѣльный заработокъ колеблется между 3 и 4 марками.»

Бывшій пасторъ Гёре опубликовалъ въ 1906 г. брошюру объ изученныхъ имъ условіяхъ жизни и труда кустарей Рудныхъ горъ. Изъ нея мы узнаемъ слѣдующія цифры о заработкѣ домашнихъ работниковъ. Семья, занятая производствомъ дѣтскихъ игрушекъ, состоящая изъ мужа, жены и въ среднемъ двухъ или трехъ дѣтей, зарабатываетъ 350, въ лучшемъ случаѣ 400 марокъ. Ткачи и прядильщики — 400 или 480 марокъ, гвоздари отъ 450 до 500 марокъ. Замѣтимъ здѣсь въ скобкахъ, что 51% всего прусскаго населенія имѣетъ ежегодный заработокъ ниже 900 марокъ.

О жизни, которую вынуждены вести кустари Рудныхъ горъ Гёре сообщаетъ:

«Нужда, никогда не прекращающаяся нужда — вотъ естественное послѣдствіе жалкихъ условій труда для этого несчастнаго, бѣднаго населенія. Въ годъ они зарабатываютъ отъ 350 — 400 мар., другими словами въ день 1 марку и 7 пфениговъ. А семья — замѣтьте — часто состоитъ изъ болѣе чѣмъ пяти головъ. Часто на долю каждаго члена семьи приходится не болѣе 20 или 30 пф. Этими деньгами приходится оплачивать жилище, одежду, отопленіе, освѣщеніе и прежде всего питаніе! Кто самъ не видѣлъ своими глазами этой жизни, тотъ не повѣритъ. И однако эти люди справляются съ такой нелегкой задачей. Только не спрашивайте: какъ? Это возможно только при самой скудной пищѣ. Главными ея предметами являются: хлѣбъ, льняное масло, (не маргаринъ, который для нихъ слишкомъ дорогъ, и уже, конечно, не масло), кофе (само собой понятно цикорій, а не аравійскій) и картофель. Картофель ихъ главная пища. Его ѣдятъ за раннимъ завтракомъ, за обѣдомъ и ужиномъ. Главная кулинарная задача женъ кустарей, занятыхъ производствомъ дѣтскихъ игрушекъ, состоитъ въ томъ, чтобы съ неослабѣвающей изобрѣтательностью придумывать все новыя картофельныя блюда, дабы сдѣлать картофель вкуснымъ и сноснымъ для стола мало требовательныхъ желудковъ дорогой семьи. Мясо ѣдятъ только въ исключительныхъ случаяхъ и, разумѣется, очень небольшими порціями. Не брезгуютъ они и кониной. Чаще позволяютъ себѣ

роскошь покупки селедки. Селедку поэтому называютъ карпіемъ Рудныхъ горъ».

Эти данныя подтвердилъ потрясающимъ описаніемъ одинъ бѣдный ткачъ въ собраніи, въ которомъ говорилъ пасторъ Гёре.

«Мы, родители и дѣти, имѣемъ только ту одежду, которая на насъ. Недавно постучалась къ намъ въ дверь коробейница, торгующая бѣльемъ и другимъ товаромъ. Она предлагала то одно, то другое, то и дѣло сбавляя цѣну. Мы — жена и я качали головой, продолжая работать. «Или вамъ ничего не нужно?» — спросила, наконецъ, торговка грубымъ голосомъ. «Мало ли намъ нужно, милая!» воскликнула жена. Нужны намъ рубашки, кальсоны, юбки, чулки, полотенца, простыни, всего намъ нужно — да нѣтъ у насъ ни одного гроша, чтобы купить все это».

Имѣйте въ виду, выше приведенный заработокъ кустарей Рудныхъ горъ относится не къ серединѣ истекшаго столѣтія, когда выведенный изъ терпѣнія народъ сочинилъ стихи «Палачами являются господа Цванцигеры» (имя фабриканта), а къ нашему времени. Еще въ наши дни для тысячи семействъ кустарей кусокъ колбасы изъ конины—настоящее лакомство!

Жилищныя условія рабочихъ большихъ городовъ пусть иллюстрируютъ слѣдующія цифры для Берлина.

Изъ 757000 квартиръ, зарегистрированныхъ въ 1910 г. статистическимъ бюро, 218000 состояли изъ двухъ комнатъ и кухни, 253000 — изъ одной комнаты и кухни, 40000 изъ одной только комнаты, а 5000 — изъ одной только кухни. Итакъ: 45000 семействъ въ современномъ Берлинѣ должны и нынѣ еще довольствоваться одной только комнатой, служащей самымъ разообразнымъ цѣлямъ! Такъ какъ семья состоитъ въ среднемъ изъ пяти человѣкъ, то безусловно недостаточными являются однако и квартиры, состоящія изъ двухъ комнатъ и кухни. Другими словами: болѣе двухъ третей берлинскаго населенія (515000 изъ 757000 хозяйствъ) ведутъ еще и въ наши дни жизнь, недостойную человѣка.

Что дѣлается въ пролетарской квартирѣ, видно изъ слѣдующаго описанія Г. Сабата въ статьѣ Einige Bilder uber die Hamburger Konfection, помѣщенной въ профессіональномъ органѣ портныхъ въ номерѣ отъ 24 окт. 1896 г.

«Во дворѣ на улицѣ Нидернъ живетъ рабочій, работающій на одинъ изъ первыхъ модныхъ магазиновъ. Если вы хотите посѣтить его квартиру, то вы должны сначала пройти узкій полутемный корридоръ, приблизительно десять метровъ длины, у входа съ улицы

онъ имѣетъ въ ширину одинъ метръ, въ серединѣ 86 сантиметровъ. Изъ корридора вы выходите въ маленькій дворъ, гдѣ находится знаменитый гамбургскій домъ-задворки. Узкая крутая лѣстница ведетъ къ лежащей въ первомъ этажѣ квартирѣ. Лѣстница настолько крута, что необходимо быть при восхожденіи очень осторожнымъ, иначе можно легко расшибить колѣни о ступеньки. Еще опаснѣе однако спускъ. По словамъ рабочаго они уже давно привыкли, что дѣти при этомъ непремѣнно падаютъ. Когда вы войдете въ квартиру, вашимъ глазамъ предстанетъ картина нищеты. Обстановка самая бѣдная, какую только можно себѣ представить. Правда, квартира состоитъ изъ трехъ помѣщеній, которыя пользуются громкимъ названіемъ комнатъ. Комната, служившая мастерской, была занята рабочимъ столомъ, машиной и шкапомъ, оставлявшими свободнаго мѣста, едва достаточнаго для двухъ человѣкъ. Въ другой комнатѣ стоялъ старый диванъ, служившій также постелью, комодъ, столъ и пара стульевъ — для большаго числа уже не хватало мѣста. Третья «комната» не имѣла окна, была совершенно темной, получая воздухъ и свѣтъ изъ сосѣдней. Она служила спальней и была такъ мала, что совершенно заполнялась двумя постелями. Вся квартира была такъ низка, что средняго роста мужчина могъ безъ труда коснуться потолка. Семья, обитавшая въ этой квартирѣ, состояла изъ шести человѣкъ: отца, матери и четверыхъ дѣтей. Какъ красиво звучитъ въ статистической таблицѣ фраза: «квартира изъ трехъ комнатъ въ первомъ этажѣ»! Но и здѣсь не все то золото, что блеститъ».

Если тѣмъ не менѣе позволительно утверждать, что подъ вліяніемъ роста и силы ихъ организацій экономическое положеніе рабочихъ повсюду постепенно улучшилось въ сравненіи съ ихъ положеніемъ въ дни дѣтства капитализма, то съ другой стороны необходимо замѣтить, что въ такихъ странахъ, какъ Испанія и Италія, теперь лишь вступающихъ на путь современнаго товарнаго производства, господствуютъ еще и теперь допотопныя, ужасныя формы массовой нужды.

Въ Испаніи, напр., еще и теперь тысячи людей ночуютъ изъ году въ годъ въ пещерахъ, т. е. въ квартирахъ, которыя бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ вырыли себѣ при помощи куска желѣза изъ песка и камня въ окружающихъ города холмахъ и горахъ. Подобныя пещеры встрѣчаются въ огромномъ количествѣ подъ Мадридомъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ своей выше цитированной книгѣ Бернальдо де Киросъ слѣдующимъ образомъ описываетъ

эти пещеры, ихъ «роскошь», а также грозящія обитателямъ опасности.

«Главное мѣсто этихъ пещеръ находится нынѣ въ Матане дель Принсипе Поп, на склонѣ, ведущемъ отъ пустыннаго и дикаго Пассо дель Рей до возвышености Аренеросъ. Тамъ толпа босяковъ и скитальцевъ, юныхъ гольфосъ, бродягъ, нищихъ и проститутокъ поточили поверхность горы, чтобы выстроить себѣ свои пещеры, Существуетъ два вида пещерныхъ построекъ: спальня и собственно пещера. Послѣднія иногда такъ просторны, что могутъ вмѣстить дюжину и больше людей. Для ихъ постройки, требовавшей не мало терпѣнія, гольфосъ пользовались ложкой или кускомъ олова. Нѣкоторыми такими пещерами, начинающимися отъ стѣны квартала, способными вмѣстить цѣлое капральство, они очень гордятся, какъ шедеврами инженернаго искусства. Есть однако и не мало пещеръ, разрушенныхъ людьми или стихіей.

Въ этихъ пещерахъ можно найти все, нужное для жизни: цыновки, посуду, даже книги, изъ босяцкаго быта. Мы нашли тамъ «Бандитовъ королевы» Кондэ и Саласара и «Хосе Маріа ель Тельрапиле» Фернандеса и Гонсалеса. Впрочемъ, этому факту не слѣдуетъ придавать особаго значенія, такъ какъ эти книги читаются охотно и простонародіемъ. У входа въ пещеру находится очагъ. Здѣсь стряпаютъ, чистятъ кухонную посуду и совершаютъ туалетъ.

Двѣ большія опастности грозятъ пещернымъ людямъ: оползни и наводненія. Съ ужасомъ вспоминается смерть «царицы гольфосъ», случившаяся вслѣдствіе оползня вблизи тюрьмы Моделo. Во время страшныхъ ливней опасность сбиваетъ съ толку даже храбрѣйшихъ. Съ горныхъ вершинъ низвергаются внизъ настоящіе потоки, заполняя всѣ дыры, и спастись можно только, скатываясь внизъ. Впрочемъ, это только рѣдкіе и короткіе эпизоды въ жизни пещерныхъ людей. Впродолженіи сколькихъ ночей находитъ здѣсь убѣжище жалкая толпа, живущая въ безпорядочномъ смѣшеніи половъ и возрастовъ. Часто заполнены даже отверстія для воздуха, устроенныя какимъ нибудь начитаннымъ товарищемъ, узнавшимъ, сколько кубическихъ метровъ воздуха нужно, чтобы человѣкъ могъ дышать».

Путешествующему по Испаніи иностранцу показываютъ обыкновенно только пещеры, гдѣ ютятся цыгане въ Гренадѣ, да и то обычно лишь ту, гдѣ живетъ цыганскій атаманъ, а эта послѣдняя устроена такъ, чтобы поразить и выжать какъ можно больше денегъ изъ туристовъ, и не даетъ поэтому настоящаго представленія не толь-

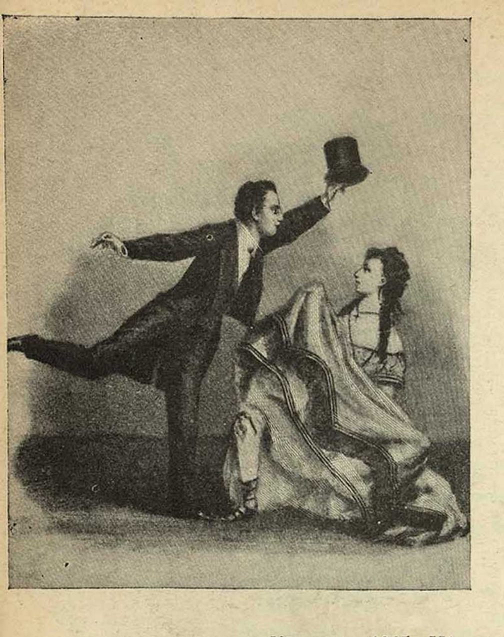


Танцовщица Пепита. Гл. VI.

Танцовщица Тальони. Гл. VI.



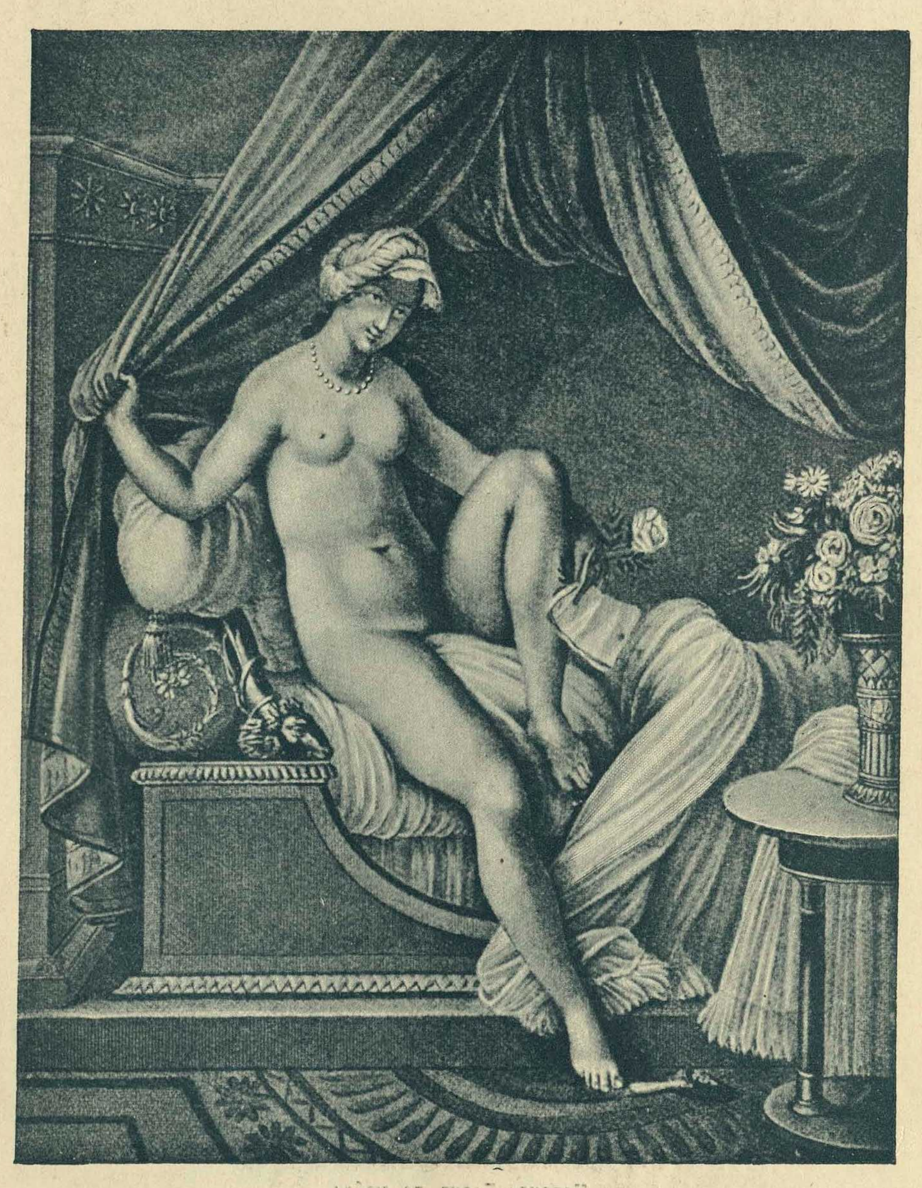
Фанданго. VI.



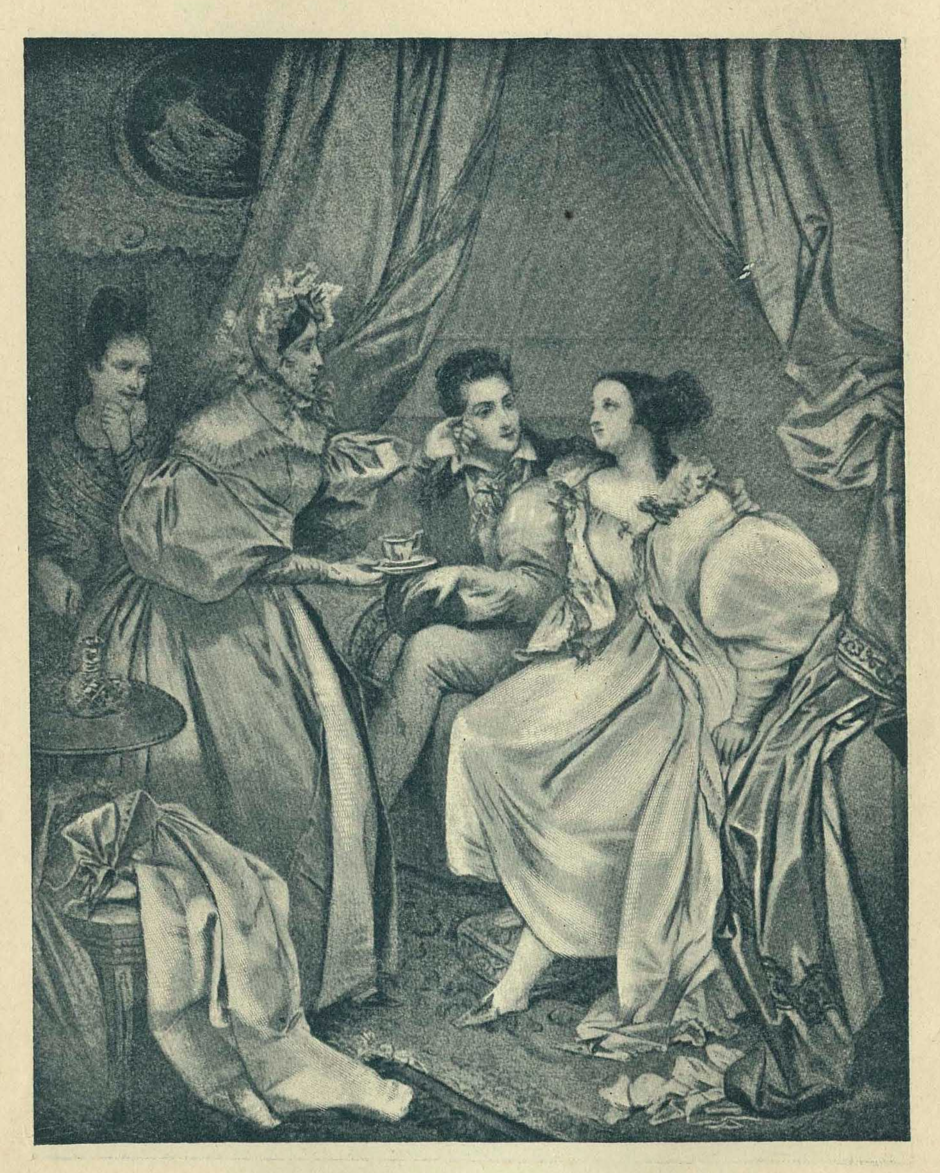

Канканъ. 1865. Нѣмецкая литографія. Гл. VI.



Танцовщица Р. Сенъ-Дени. Гл, VI.



Блезо: Она встаетъ. (1810).
Гл. II.



Моренъ: Бракъ по любви.
Гл. II.

ко о «пещерахъ», но даже и объ обычныхъ жилищахъ цыганъ. При всемъ томъ обитатели этихъ пещеръ достойны во многихъ отношеніяхъ зависти по сравненію съ пролетаріатомъ, втиснутымъ въ узкіе и грязные кварталы, насыщенные всевозможными болѣзнями и отчаяніемъ. Кто, прогуливаясь по улицамъ Барселоны и Мадрида, заглянетъ въ эти жилища, тотъ въ самомъ дѣлѣ броситъ взглядъ въ глубочайшую пропасть нужды.

Какъ ни ничтожна испанская промышленность, она для женщинъ и дѣтей настоящій адъ. А самый ужасный адъ зіяетъ на самомъ югѣ Испаніи, въ Андалузіи, именно на знаменитой государственной фабрикѣ сигаръ въ Гранадѣ. Осужденными па вѣчныя муки являются здѣсь пять тысячъ работницъ, las cigarreras, изъ которыхъ каждая старается изо дня въ день скрутить три тысячи сигаръ. Взорамъ посѣтителя этой большой фабрики предстанетъ ужасающая картина. Въ узкомъ тоннелѣ длиной въ пятьсотъ футовъ сидятъ четырьмя рядами работницы, тѣсно прижатыя другъ къ другу, склонившись надъ столами, гдѣ лежитъ табакъ. Въ одномъ этомъ тоннелѣ работаютъ полторы тысячи работницъ, столы покрыты многими тысячами фунтовъ табаку и нѣтъ никакой вентиляціи, пропускавшей бы свѣжій воздухъ.

Шведскій романистъ Андерсенъ Нексо нарисовалъ недавно въ книгѣ, описывающей его путешествіе по Андалузіи, очень наглядно картину этого ада, въ которомъ томятся гранадскія женщины—и дѣти, такъ какъ рядомъ со многими женщинами стоитъ колыбель, гдѣ спитъ или играетъ ихъ ребенокъ. Бѣдная испанская работница не въ состояніи отдать свое дитя кому нибудь на попеченіе и потому беретъ его съ собой на фабрику, гдѣ оно дышетъ не солнечнымъ свѣтомъ, а ѣдкой табачной пылью.

Нексо говоритъ по этому поводу:

«Вотъ стоитъ прямо передъ нами, почти спрятанная за столами —ужели это правда?—деревянная колыбель. Ее качаетъ блѣдная женщина съ бѣлыми пластырями на вискахъ противъ головной боли. Коричневая табачная пыль покрываетъ ея волосы, ложится на бѣлыя пеленки и образуетъ кругъ около раздувающихся ноздрей ребенка. А ребенокъ спитъ себѣ спокойно, несмотря на шумъ и отравленный воздухъ. На его щечкахъ играетъ даже легкій румянецъ. А судорожно сведенныя черты лица матери то и дѣло пронизываетъ улыбка, точно яркое солнце освѣтило кричащимъ свѣтомъ бѣлую стѣну.

Вдоль тоннеля стоятъ еще и другія колыбели—около сорока.

Въ нѣкоторыхъ дѣти сидятъ и играютъ съ табакомъ, словно уже принимаясь за работу. Я склоняюсь надъ однимъ изъ младенцевъ, который начинаетъ безпокоиться. Какая-то женщина говоритъ: «не узнаешь собственнаго отца». Всѣ разражаются хохотомъ, мать на мгновенье смотритъ внимательно на меня и качаетъ съ улыбкой головой.—

Есть ангелы, живущіе въ разрѣженномъ эфирѣ, есть бактеріи, способныя существовать только въ глубочайшихъ клоакахъ. Но обладаетъ ли какое нибудь другое существо такой жизнеспособностью, какъ человѣкъ?

Вотъ здѣсь сидятъ въ самой антигигіенической обстановкѣ три поколѣнія женщинъ и поочереди укачиваютъ четвертое. Намъ показали четырнадцатилѣтнюю мать, протягивающую грудь своему кричащему первенцу, и сто-шестилѣтнюю старуху, проработавшую на фабрикѣ послѣдніе восемьдестъ лѣтъ».

Вотъ нѣсколько десятковъ документовъ, показывающихъ, во что капитализмъ превратилъ для рабочей массы идеи гражданской свободы и всеобщаго счастья, которыя должны были стать дѣйствительностью вмѣстѣ съ паденіемъ феодализма. Можно было бы привести ихъ тысячами. Ибо въ этомъ и заключается сущность капитализма—а нынѣ онъ проникъ и въ самые захудалые уголки,—что на ряду съ колоссальными богатствами онъ создаетъ и массовую нищету, нищету въ такихъ размѣрахъ и такую безысходную, равной которой еще не бывало въ европейской исторіи. Нужда перестала быть единичнымъ явленіемъ, она стала отнынѣ явленіемъ типическимъ, неотвратимой судьбой для большинства людей.

Консервативные противники буржуазной эры въ тысячи картинахъ изобразили ужасы французской революціи, чтобы вызвать отвращеніе къ порожденному ею общественному порядку. Нѣтъ сомнѣнія, буржуазное государство родилось изъ крови, крещеніе его было настолько кровавымъ, что новое общество чуть не захлебнулось въ крови. Предки нашихъ крупныхъ промышленниковъ, коммерціи совѣтниковъ и банковыхъ директоровъ были не очень щепетильными людьми. И однако только невѣжды или лицемѣры могутъ приходить въ «крайнее возмущеніе» при видѣ такихъ ужасовъ. Всѣ ужасы французской революціи, вмѣстѣ взятые, оказались дѣтской игрой по сравненію съ неслышными убійствами, совершенно безпрепятственно совершенными впродолженіи десятилѣтій развивавшимся капитализмомъ.

Гильотина поглотила въ общей сложности около 5000 жертвъ,

а современный капитализмъ, современныя колоссальныя богатства выжаты изъ страдальческой жизни и смерти четырехъ пятыхъ всего человѣчества.

Развернутая картина была бы однако недостаточно полной, даже больше, она была бы безусловно невѣрной, если бы мы дали приспѣшникамъ феодализма возможность, съ фарисейской гордостью противопоставить промышленному развитію идиллическія отношенія, характерныя будто для земледѣлія.

Если мы назовемъ положеніе сельскихъ рабочихъ столь же безысходнымъ, а не какимъ нибудь болѣе мрачнымъ эпитетомъ, то такая характеристика будетъ лишь самой мягкой, какую можно сдѣлать. Здѣсь жилищныя условія также служатъ уже сами по себѣ достаточно яркимъ доказательствомъ. Жилищныя условія сельскихъ батраковъ просто не поддаются описанію.

Приведемъ лишь три коротенькія, но болѣе чѣмъ краснорѣчивыя иллюстраціи, заимствованныя изъ уже цитированной, относящейся къ 1865 г., анкетѣ д-ра Гентера.

Вотъ одинъ примѣръ, касающійся Беркшира.

«Домъ сданъ за 8 Д (въ недѣлю); длина 14 футовъ 6 дюймовъ; ширина 7 футовъ; вышина кухни 6 футовъ. Спальня безъ оконъ, печи, дверей, единственное отверстіе ведетъ въ коридоръ. Сада нѣтъ. Здѣсь недавно жилъ отецъ съ двумя взрослыми дочерьми и сыномъ-подросткомъ. Отецъ и сынъ спали на постели, дочери въ корридорѣ. У каждой родился ребенокъ, когда семья жила здѣсь, одна изъ дочерей, впрочемъ, разрѣшилась отъ бремени въ работномъ домѣ, послѣ чего вернулась».

О Бедфоршире говорится:

«Посѣтили 17 квартиръ, изъ нихъ только въ четырехъ болѣе одной спальни, но и эти четыре были переполнены. На односпальныхъ постеляхъ спали трое взрослыхъ съ тремя дѣтьми, замужняя чета съ шестью дѣтьми и т. д.»

О Бекингемширѣ, гдѣ какъ разъ царила эпидемія скарлатины, говорится:

«Молодая, заболѣвшая лихорадкой, женщина спала въ одной комнатѣ съ отцомъ, матерью, незаконнымъ ребенкомъ, двумя молодыми людьми, ея братьями, и двумя сестрами, каждая изъ которыхъ также имѣла незаконнаго ребенка, въ общемъ 10 человѣкъ. Нѣсколькими недѣлями раньше въ этомъ помѣщеніи спали 13 дѣтей».

И это вовсе не исключенія. Анкета д-ра Гентера изобилуетъ по-

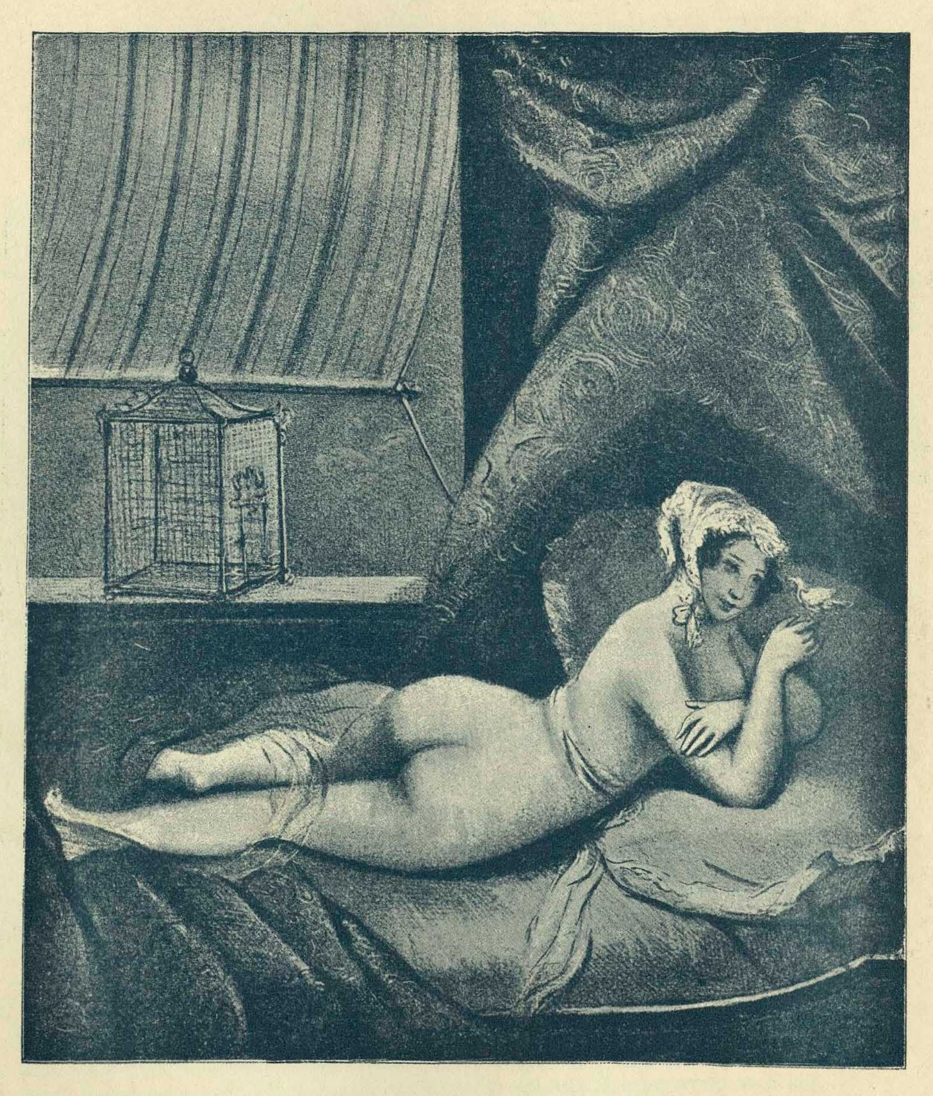
добными примѣрами. Подобные факты можно было бы привести и о современной Германіи.

Разъ помѣщикъ-аграрій предоставляетъ сельскимъ батракамъ лишь столько воздуха и пищи, чтобы они не околѣли, то нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ заботится о ихъ просвѣщеніи лишь настолько, насколько это въ его интересахъ. Доказательствомъ можетъ служить рѣчь, произнесенная недавно однимъ депутатомъ—аграріемъ на одномъ остельбскомъ собраніи противъ открытія гимназіи въ деревнѣ.

«Вы—говорилъ депутатъ—хотите воспитать поколѣніе, которое стало бы нравственнымъ, трудолюбивымъ и дѣятельнымъ. Мысль почтенная. Я же не держусь того мнѣнія, будто экономическая мощь народа обусловливается возможно болѣе высокимъ уровнемъ образованія. Нѣкоторое образованіе, конечно, необходимо, но слишкомъ большое образованіе вредно (смѣхъ). Какъ только молодой человѣкъ пройдетъ классическую школу, онъ проникается ненавистью къ физическому труду. Въ особенности это бросается въ глаза намъ, сельскимъ хозяевамъ. Какъ только работникъ умѣетъ складывать три да пять, онъ уже не хочетъ работать. Начальная школа должна собственно сообщить дѣтямъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Разъ человѣкъ, вынужденный существовать физическимъ трудомъ, знаетъ законъ Божій, умѣетъ считать, читать и писать, то онъ также хорошо проживетъ свой вѣкъ, какъ и образованный. Въ деревнѣ нужна физическая работа. И я не вижу, почему человѣкъ, предназначенный для физическаго труда, долженъ отягчать свой мозгъ знаніями. Онъ гораздо счастливѣе, если не знаетъ всей этой премудрости.

Единственнымъ средствомъ противъ разнузданности молодежи является порка. На учителя, отодравшаго, какъ слѣдуетъ, ученика, доносятъ, и потому учителя относятся къ такимъ озорникамъ равнодушно. Разъ исполнительной власти будетъ дано право энергичнаго вмѣшательства, то намъ не будутъ нужны никакія школы. Я остаюсь при своемъ мнѣніи: Міромъ правитъ Богъ, а людьми дубина».

Эта аргументація ничего оригинальнаго не представляетъ. То старый рецептъ всѣхъ тѣхъ, кто провозглашаетъ высшимъ созданнымъ Богомъ закономъ, что одни родятся съ шпорами, а другіе съ сѣдлами на спинѣ. И потому этотъ рецептъ всегда звучалъ одинаково. Въ этомъ и заключается цѣнность приведенной рѣчи, что она культурный документъ. Ея преимущество передъ другими аналогичными



Бассажэ: Красавица съ канарейкой.
Гл. II.



Доре: Любимецъ дамъ предмѣстья (1831).
Гл. IV.

документами состоитъ лишь въ ея недвусмысленной ясности и въ ея новѣйшей датѣ.

Логика современнаго капиталистическаго развитія привела къ тому, что идея перекинулась въ свою собственную противоположность не только въ области политики и экономіи, но и въ сферѣ половыхъ отношеній.

Необходимо уже здѣсь показать на нѣсколькихъ характерныхъ примѣрахъ, во что развилась выше описанная буржуазная половая идеологія, любовь-страсть, кульминирующая и исчерпывающаяся въ единобрачіи. Хотя всѣ эти вопросы будутъ разсмотрѣны въ дальнѣйшихъ главахъ подробнѣе, все же необходимо уже здѣсь сдѣлать нѣсколько предварительныхъ краткихъ замѣчаній, такъ какъ только изъ противорѣчія между первоначальной половой идеологіей піонеровъ буржуазнаго общества и фактическими половыми отношеніями можно вывести сущность капиталистической морали, которую намъ и предстоитъ вкратцѣ охарактеризовать въ концѣ этой первой главы.

Противоположность, въ которую очень быстро по всей линіи перекинулась первоначальная идеологія буржуазіи въ области половыхъ отношеній, можетъ быть сжато опредѣлена такъ: нѣтъ такой формы разврата, нѣтъ такой половой извращенности, съ которыми мы встрѣтились бы въ періодъ господства буржуазіи. Какъ бы чернымъ по черному вы не изображали специфическія формы разврата, никогда вы не изобразите ихъ достаточно черными. И это одинаково приложимо къ обоимъ полюсамъ общества, къ верху и къ низу.

Необходимо, правда, признаться, что всѣ эти ужасные пороки и преступленія въ области половой жизни не порождены самимъ капитализмомъ. Едва ли найдется въ вѣкъ господства буржуазіи хоть одна форма разврата, которая не нашла бы своего раффинированнаго культа уже въ эпоху стараго режима. Зато капитализмъ повиненъ въ другомъ: онъ придалъ всему характеръ массового явленія, какъ беззастѣнчивому разврату, облегченному богатствомъ, такъ и нравственному вырожденію, къ которому приводитъ нищета.

Развитіе капитализма—начнемъ съ перваго явленія—дало многочисленному и все богатѣвшему классу капиталистовъ возможность позволять себѣ всѣ тѣ дорого стоющія удовольствія, которыя раньше были доступны только верхушкѣ финансовой аристократіи и богатому придворному дворянству, а кромѣ нихъ еще только мо-

гущественнымъ деспотамъ. Это значитъ другими словами: въ настоящее время десятки тысячъ могутъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ въ эпоху абсолютизма пользовалось лишь нѣсколько десятковъ въ лучшемъ случаѣ, лишь нѣсколько сотенъ людей. И нынѣ, въ самомъ дѣлѣ, десятки тысячъ наслаждаются подобными изысканными эротическими удовольствіями. Вмѣстѣ съ возможностью всѣмъ наслаждаться родилась, естественно, и все сызнова зарождается у многихъ тысячъ людей во всѣхъ странахъ и потребность отдаваться самому раффинированному эротическому разврату.

Она и является рѣшающимъ мотивомъ.

Съ другой стороны страшная нервная напряженность, въ которую повергаетъ большинство бѣшеная погоня за милліонами, вызываетъ потребность въ сильно дѣйствующихъ наркозахъ. Безмятежная пастушеская идиллія уже не способна ни успокоить взвинченныя нервы, ни отвлечь ихъ, ни вновь возбудить. Это въ состояніи сдѣлать лишь очень изысканное наслажденіе. Массовый спросъ на раффинированныя эротическія наслажденія, естественно, привелъ и въ этой области къ организаціи предложенія на крупно капиталистическихъ основахъ, способной удовлетворить самыя далеко идущія требованія. Достиженіе этихъ особыхъ эротическихъ удовольствій не должно было быть болѣе сопряжено ни съ какими трудностями для потребителя— это также было чрезвычайно важнымъ требованіемъ. Люди хотятъ быть въ состояніи въ любой моментъ требовать, выразить желаніе, имѣть возможность получить то или другое удовольствіе: черезъ недѣлю, черезъ два дня, въ случаѣ надобности, черезъ два часа въ самой удобной формѣ и въ самомъ изысканномъ видѣ.

Любовью поэтому уже давно торгуютъ, точь въ точь какъ хлопкомъ, и доставляютъ ее такъ же аккуратно, какъ хлопокъ. Только стихійная сила, а отнюдь не люди могутъ помѣшать правильному функціонированію этого механизма. Необходимой предпосылкой для рѣшенія и этой проблемы было то обстоятельство, что капитализмъ лишилъ взаимныя отношенія людей всякаго идеальнаго оттѣнка и свелъ ихъ къ ихъ денежной стоимости. Каждая женщина, равно какъ и всякій капризъ, хотя бы самый гнусный, могутъ быть переведены на языкъ денежныхъ знаковъ. Все имѣетъ свою «цѣну». Правда, цѣна порой очень высока, но все же это «цѣна». Осуществленіе извѣстнаго желанія отнынѣ вполнѣ зависитъ лишь отъ платежеспособности человѣка. А такъ какъ нынѣ тысячи имѣютъ въ своемъ

распоряженіи какія-угодно суммы для удовлетворенія своихъ капризовъ, то любой капризъ въ настоящее время осуществимъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Нѣкій Крёзъ видитъ на одномъ изъ парижскихъ бульваровъ, въ Буа де Булонь, или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ элегантную даму, возбуждающую его любопытство, и онъ поэтому желаетъ ею обладать. Не жениться, конечно, хочетъ онъ на ней, а просто пріятно провести съ ней нѣсколько часовъ. И онъ будетъ обладать этой дамой, хотя она, по всѣмъ вѣроятіямъ, замужняя и во всякомъ случаѣ изъ хорошей семьи. Все, что заинтересованному предстоитъ сдѣлать, это послать un petit bleu по адресу одного изъ крупныхъ maison de rendez-vous, коихъ нынѣ въ Парижѣ имѣется отъ 90 до 100, и заявить завѣдующей какъ о своемъ желаніи, такъ и о томъ, сколько онъ намѣренъ заплатить. Агентша даннаго maison de rendez-vous и устроитъ все прочее въ баснословно короткій промежутокъ времени.

Что это не вымыселъ фантазіи, доказываютъ имѣющіеся у насъ документы. Пространный этюдъ, написаный по мысли и съ помощью умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ начальника парижскаго сыскного отдѣленія Побаро французскимъ писателемъ Морисомъ Тальмейръ и недавно опубликованный имъ, даетъ намъ наглядную характеристику какъ методовъ, такъ и успѣшной дѣятельности этихъ посредницъ. Въ сопровожденіи высшаго полицейскаго чина, на обязанности котораго лежало слѣдить за тѣмъ, чтобы завѣдующія этими учрежденіями давали интервьюеру достовѣрныя свѣдѣнія, Морисъ Тальмейръ посѣтилъ рядъ наиболѣе видныхъ изъ этихъ фирмъ. Вотъ два примѣра въ доказательство того, что за извѣстную сумму «любой заказъ можетъ быть исполненъ». Завѣдующая однимъ изъ наиболѣе шикарныхъ maison de rendez-vous сообщаетъ слѣдующія данныя:

«Недавно явился ко мнѣ господинъ, желавшій познакомиться съ одной дамой, и заявилъ, что въ случаѣ надобности готовъ заплатить 14000 фр. Я разыскиваю даму и передаю свою карточку. Она появляется очень не въ духѣ. «Кто вы, мадамъ»?—«Вы же прочли мое имя»?—«Да, мадамъ, но это имя ничего мнѣ не говоритъ».—«Такъ вотъ, мадамъ у меня есть пріятель, который очень хочетъ познакомиться съ вами—и который очень щедръ».—«Не понимаю, что вы хотите сказать этимъ и что вамъ вообще нужно отъ меня».—«Въ такомъ случаѣ, простите за безпокойство, мадамъ... Вы знаете мой адресъ»?—«Да, мадамъ».—«Вы позволите мнѣ оставить

вамъ мою карточку... Вы можете мнѣ написать, когда вамъ будетъ угодно... До свиданія, мадамъ!—«До свиданія!»

Недѣлю спустя я получаю письмо, приглашающее меня въ читальню магазина, находящагося вонъ тамъ напротивъ, и я прихожу. Какъ только дама увидѣла меня, она подходитъ и довольно грубо спрашиваетъ: «вы были у меня нѣсколько дней тому назадъ и разсказали мнѣ о чьей то небывалой щедрости. Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать. Прошу васъ, объясните обстоятельнѣе!»—«Съ удовольствіемъ. У меня есть пріятель, располагающій 14000 фр.»—«Хорошо, я подумаю!»—«До свиданія!»—«До свиданія, мадамъ».

Недѣлю спустя новое письмо, назначающее мнѣ свиданіе въ томъ же мѣстѣ. Прихожу и спрашиваю: «Ну, что? обдумали?»—Она довольно равнодушно отвѣчаетъ.—«Да, но по моему, этого мало!» —«Прекрасно, мадамъ, я переговорю со своимъ пріятелемъ».

И дѣло уладилось за 20000 фр.»

Съ этимъ сообщеніемъ вполнѣ совпадаетъ слѣдующій разсказъ завѣдующей другимъ такимъ домомъ. Интервьюёръ началъ съ вопроса, всегда ли знаетъ мужской кліентъ, съ какой дамой онъ имѣетъ дѣло? Отвѣтъ гласилъ:

— Смотря по тому... Обычно имена не произносятся. Когда же рѣчь идетъ о крупныхъ дѣлахъ, имя всегда фигурируетъ, такъ какъ имъ въ значительной степени обусловлена цѣна. Иногда дѣло вообще зависитъ исключительно отъ имени, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда кліентъ хочетъ черезъ насъ познакомиться съ вполнѣ опредѣленной дамой. Иногда насъ посылаютъ и къ дамамъ свѣта, т. е. къ такимъ, къ которымъ приходится явиться самимъ. Въ такихъ случаяхъ мы дѣйствуемъ двоякимъ образомъ, или мы посылаемъ къ нимъ «ищейку» или идемъ сами. Я обычно предоставляю работать моей «ищейкѣ» (агентшѣ), которую посылаю утромъ къ дамѣ. Такая женщина не вызываетъ подозрѣнія, она одѣта, какъ прислуга, которой дали порученіе, и обязана говорить только съ мадамъ. Единственно, чѣмъ она рискуетъ, это или ее не примутъ, или, если примутъ, то быть можетъ спустятъ съ лѣстницы. Обычно ее принимаютъ, но даже, если и прогонятъ, то и тогда еще не все потеряно.

Все зависитъ въ сущности отъ цѣны. Конечно, къ добродѣтельнымъ дамамъ мы подходимъ иначе, къ остальнымъ же вы можете спокойно подойти, разъ у васъ туго набитый кошелекъ. Когда дама слышитъ низкую цѣну, она иногда краснѣетъ, при высокой, однако, это бываетъ лишь чрезвычайно рѣдко... Въ слѣдующій разъ я отправляюсь сама. У меня есть манеры. Или я узнаю, у какой портнихи

она шьетъ свои платья, портниху эту я, случайно, знаю. Я являюсь къ ней въ тотъ же часъ, когда тамъ и дама, вступаю съ ней въ разговоръ, восхищаюсь ея туалетомъ, поддерживаю разговоръ и присматриваюсь, что можно сдѣлать. Есть и портнихи, которыхъ можно посвятить въ тайну. А если портниху нельзя втянуть, то всегда можно найти манекенщицу, которая и скажетъ, что сами мы сказать не можемъ».

«О чемъ же надо говорить»?

«О деньгахъ и только о деньгахъ. Барышня обращаетъ вниманіе дамы на тотъ или другой туалетъ, убѣждаетъ ее заказать себѣ такой же. Когда дама спрашиваетъ о цѣнѣ, то барышня замѣчаетъ, что этотъ вопросъ можно такъ или иначе уладить. Если дама не понимаетъ, то барышня бросаетъ тему разговора, хотя бы временно. Если же она понимаетъ,—это сразу видно,—то дѣло обычно тутъ же и улаживается.

У дамы можетъ быть далѣе автомобиль, и это даетъ прекрасную возможность вступить съ ней въ сношенія. Я являюсь къ ней съ тысячью извиненій: «простите, ради Бога, мадамъ, но мнѣ столько наговорили о вашемъ автомобилѣ. Я тоже хочу заказать себѣ такой же и мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть, какія вы ввели усовершенствованія». «Съ удовольствіемъ, мадамъ, я въ восторгѣ, идемъ внизъ, я покажу вамъ»... Знакомство завязывается, становится интимнымъ и, въ большинствѣ случаевъ дѣло бываетъ сдѣлано.

Вообще, автомобилизмъ въ настоящее время одно изъ лучшихъ средствъ завязать съ кѣмъ нибудь сношенія.

Словомъ: предложите деньги и васъ выслушаютъ. Разъ вы можете предложить хорошую цѣну, то и всѣ средства хороши, чтобы вступить съ кѣмъ нибудь въ сношенія, а если цѣна низкая, то и лучшія средства безполезны. Попробуйте предложить 20,000 фр. и вы можете быть спокойны: васъ не выгонятъ. А разъ бесѣда завязалась, надо дѣйствовать ловко. Говоришь напр.: «у меня есть пріятель, готовый пожертвовать 20000 фр., но не раньше мѣсяца. Я взяла на себя предупредить васъ заранѣе. Но, если вы не прочь... Мои кліенты очень порядочные люди... Зачѣмъ отказываться отъ жирнаго кусочка»...

Третій примѣръ показываетъ, что магнаты капитала готовы тратить на такія маленькія развлеченія и еще гораздо болѣе крупныя суммы. Завѣдующая другимъ учрежденіемъ разсказала интервьюеру о красивой американкѣ изъ хорошей семьи, которую она

доставила одному изъ своихъ кліентовъ. На вопросъ о подробностяхъ, она замѣтила:

«Это была жена англійскаго фабриканта. Мужъ не живетъ съ ней, но даетъ ей ежегодно 100000 фр. Меня послалъ къ ней богатый американецъ съ порученіемъ просто спросить ее о цѣнѣ. Она потребовала 100000 и онъ далъ ей 100000».

Такъ какъ большинству мужчинъ пріятнѣе развлекаться съ замужней женщиной, чѣмъ съ проституткой, то они охотно платятъ за это удовольствіе дороже. Они предпочитаютъ заплатить замужней женщинѣ пятьсотъ и больше, чѣмъ профессіональной проституткѣ—сто. Поэтому сотни замужнихъ женщинъ и готовы заниматься систематически такими «дѣлами». Одна устраиваетъ такія дѣла разъ въ недѣлю, другая всего нѣсколько разъ въ годъ, третья—какъ можно чаще. Замужняя женщина, стремящаяся систематически дѣлать подобныя «дѣла», являются оборотной стороной или, лучше, дополненіемъ къ выше приведеннымъ примѣрамъ. На свои вопросы относительно этого пункта, Тальмейръ получилъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Вы можете быть увѣрены, что maisons de rendez-vous посѣщаются замужними женщинами гораздо больше и чаще, чѣмъ принято думать. О, если бы вы только знали! Каждый разъ, когда онѣ находятся въ нѣкоторомъ денежномъ затрудненіи, онѣ приходятъ ко мнѣ. Я ихъ банкиръ. Я знаю даму, имѣющую 50000 ренты и всегда нуждающуюся въ тысячѣ франкахъ. Другой вѣчно нужно пятьсотъ. Какая нибудь сумма имъ вѣчно нужна. Два раза въ недѣлю я остаюсь дома и тогда онѣ навѣщаютъ меня. Онѣ разсказываютъ мнѣ, что имъ нужно, какое «дѣло» имъ особенно по сердцу. О, если бы вы только ихъ послушали! Когда онѣ приходятъ въ первый разъ, онѣ говорятъ: «мнѣ хочется устроить въ мѣсяцъ одно только «дѣло»... мнѣ очень нужны деньги, но одного довольно... больше не нужно». По прошествіи нѣкотораго времени онѣ приходятъ къ чаю и какъ ни въ чемъ не бывало говорятъ: «Боже! Вы же знаете, какъ я нуждаюсь... я охотно сдѣлала бы въ мѣсяцъ два «дѣла». Проходитъ еще нѣкоторое время: «просто не вѣрится, не могу свести концы съ концами, мнѣ нужно больше денегъ... Сдѣлайте такъ, чтобы у меня было два «дѣла» каждую недѣлю».

Въ концѣ концовъ она готова ежедневно имѣть два «дѣла». Всѣ онѣ единодушно требуютъ одного: высокихъ цѣнъ. Какъ только деньги на столѣ, онѣ тутъ какъ тутъ»...

Такимъ образомъ увеличиваютъ свой бюджетъ или достаютъ себѣ средства содержать любовника женщины самыхъ разнообраз-

ныхъ общественныхъ слоевъ—отъ почтенной мѣщанки и жены чиновника вплоть до дамы высшаго свѣта. Наведенныя Тальмейромъ справки обнаружили прежде всего тотъ фактъ, что въ настоящее время существуетъ не мало замужнихъ женщинъ, дѣлающихъ, какъ гласитъ техническое выраженіе, подобныя «дѣла», ибо этотъ вопросъ онъ и хотѣлъ обслѣдовать и обрисовать въ своей книгѣ (Конецъ одного общества). Какъ классическое доказательство приведемъ разговоръ автора съ упомянутымъ выше начальникомъ парижскаго сыскного отдѣленія, во время котораго этотъ послѣдній навелъ его на мысль о его изслѣдованіи, продемонстрировавъ ему нѣсколько яркихъ случаевъ, занесенныхъ въ полицейскіе протоколы.

«Бываете вы часто въ обществѣ»?—спросилъ меня Побаро. «Никогда».

«Вы, стало быть, не знаете тѣхъ, кого тамъ обычно можно встрѣтить?»—«Никого!»—«Такъ... Обождите минутку». Онъ позвонилъ и велѣлъ вошедшему человѣку принести связку протоколовъ. Связка была внушительныхъ размѣровъ. Онъ раскрылъ ее и вынулъ большую фотографическую карточку. «Знаете вы эту даму?»—«Нѣтъ».—«Вглядитесь, какъ слѣдуетъ». Карточка изображала молодую женщину въ бальномъ туалетѣ. Она была очень недурна, походила на аристократку, шатеновые волосы были украшены перомъ цапли, а шея—алмазнымъ ожерельемъ. Держа въ красивой рукѣ раскрытый вѣеръ, она стояла прислонившись къ баллюстрадѣ, выходившей на фонѣ въ паркъ.

«Вы видите, это свѣтская дама. Это не деклассированная женщина. Никогда она не фигурировала ни въ одномъ скандалѣ. У нея бываетъ лучшее общество. Она очень интеллигентна, съ интеллектуальными запросами и не безъ художественнаго дарованія. У нея нѣтъ страстей, нѣтъ порочныхъ наклонностей, нѣтъ никакой морали, хотя она и считаетъ своей обязанностью казаться нравственной.

Она, видите ли, аморалистка и дѣлаетъ, какъ нынѣ принято выражаться, «дѣла» съ крупнѣйшими своднями, а такое дѣло обходится въ 10000 фр. Такова ея цѣна. Ежегодно она дѣлаетъ три-четыре такихъ дѣлъ... Двѣ тысячи получаетъ сводня, восемь тысячъ—она. Ежегодно она зарабатываетъ отъ 25000 до 30000 фр... Такой суммы какъ разъ недостаетъ ей. Она пополняетъ ея бюджетъ и освобождаетъ ее отъ необходимости жить на свой капиталъ».

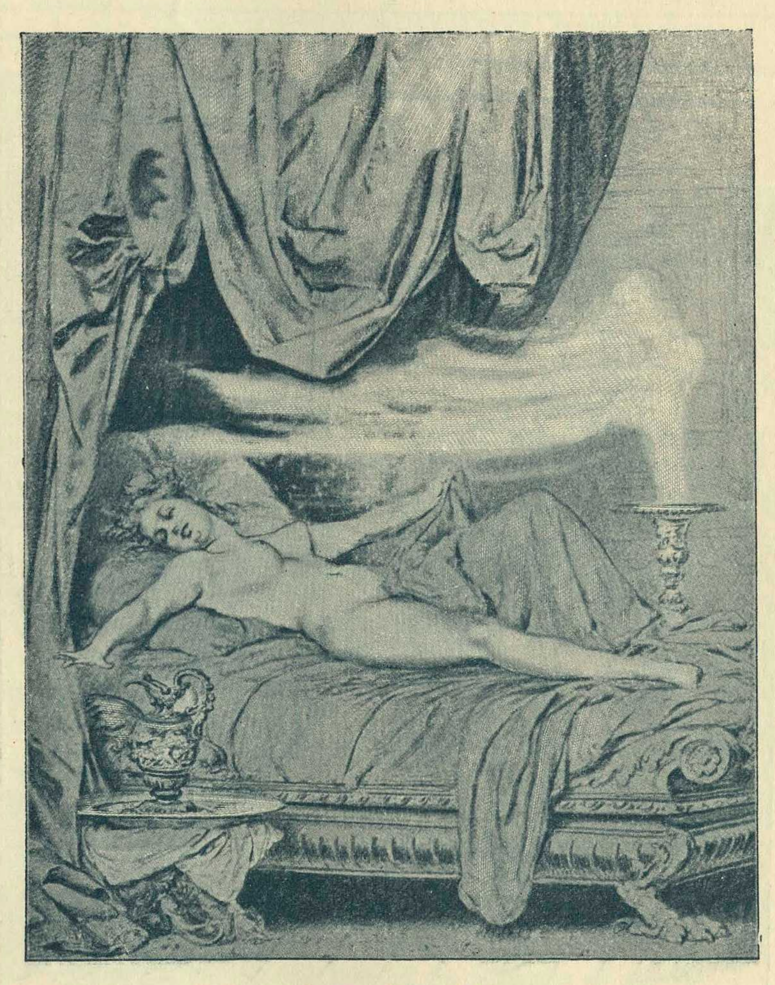
Тѣ же методы увеличенія бюджета встрѣчаются, по словамъ

начальника парижской сыскной полиціи, также и въ среднихъ чиновничьихъ кругахъ.

«Трудно повѣрить, какія опустошенія производитъ и къ какой деморализаціи приводитъ въ извѣстныхъ кругахъ это выраженіе: «дѣлать дѣла». Если бы вы доставили себѣ удовольстіе и провели время отъ времени часокъ въ бюро извѣстныхъ швейцаровъ отелей, то вы увидѣли бы довольно часто, какъ тамъ появляется хорошенькая, весьма соблазнительная женщина. Съ виду она олицетвореніе добродѣтели. Это жена служащаго въ N—, мать семейства, образованная, воспитанная и интеллигентная. Словомъ, обладаетъ всѣми преимуществами и выглядитъ воплощеніемъ порядочности. Ея concierges дадутъ о ней самыя благопріятныя свѣдѣнія. Eh bien! Знаете, что она дѣлаетъ? Она отправляется въ maisons de rendez-vous, притомъ иногда въ самые грязные, устраиваетъ иногда въ день отъ трехъ до четырехъ «дѣлъ»—о чемъ между прочимъ знаетъ мужъ, образцовый чиновникъ. Можетъ быть, вы когда нибудь ее встрѣтите, вы вступите съ ней въ бесѣду и невольно подумаете: «Какая порядочная дама». А если вы посмотрѣли бы на мужа въ его бюро, какъ онъ обходится съ публикой, какъ онъ исполняетъ свою работу, которая словно вся его поглотила, вы бы сказали: «Что за славный человѣкъ, какой образцовый чиновникъ». А когда вы заглянули бы въ ихъ квартиру и увидѣли бы ихъ вмѣстѣ, вы все еще держались бы того мнѣнія, что это необыкновенно счастливый бракъ. И въ самомъ дѣлѣ! Вы не услышите здѣсь шума, не бываетъ здѣсь скандаловъ, ничто не могло бы навести на мысль о дурныхъ привычкахъ или низкомъ образѣ мысли. Все прилично! Постарайтесь глубже заглянуть въ эту жизнь и вы увидите, что я правъ. И эта маленькая женщина находитъ еще время являться къ намъ и оказывать намъ изподтишка услуги».

Остается еще отвѣтить на вопросъ: что обязаны исполнять дамы свѣта и почтенныя мѣщанки за тѣ суммы, которыя имъ платятъ. Отвѣтъ гласитъ: все, что мужская извращенность требуетъ и получаетъ отъ любой профессіональной проститутки. Эти дамы и мѣщанки удовлетворяютъ и исполняютъ самые извращенные капризы и желанія. Иначе вѣдь и быть не можетъ. На вопросъ, какая разница существуетъ между поведеніемъ замужней дамы и поведеніемъ проститутки, одна изъ своденъ отвѣтила:

«Вы не уловили бы никакого различія между ними. Откуда бы ко мнѣ не являлись женщины, изъ общества или же съ улицы, съ того момента, какъ онѣ приходятъ ко мнѣ, онѣ всѣ равны и одина-



Лоссо: Даная.
Гл. II.



Роуландсонъ: Трактиръ.
Гл. VI.

ковы. Есть, впрочемъ, быть можетъ и разница, но я затрудняюсь сказать, будетъ ли она въ пользу замужнихъ. Если дама изъ общества порядочна, то я ее не знаю и это тѣмъ лучше для нея. Если же она не порядочна, то въ наше время уже нѣтъ границъ ея непорядочности. Профессіональная проститутка иногда чувствуетъ угрызенія совѣсти, она раскаивается въ той жизни, которую вынуждена вести. Ничего подобнаго не происходитъ въ душѣ замужней. Когда я пишу своимъ кокоткамъ или актрисамъ, я часто получаю отказъ. Онѣ отвѣчаютъ: «Нѣтъ, это глупая исторія... Я не въ духѣ...» Или: «Въ этотъ часъ у меня репетиція... Я играла вчера... Должна выступать сегодня... Завтра—утренникъ... Нѣтъ, благодарствую». Замужняя женщина и въ особенности свѣтская дама тѣ, напротивъ, готовы примчаться съ экстреннымъ поѣздомъ и устроить въ одинъ вечеръ два или три дѣла».

Самъ Побаро замѣчаетъ: «Никто такъ не готовъ на все, какъ свѣтская дама, охотно дѣлающая дѣла. Вы можете отъ нея потребовать даже того, что требуется обыкновенно только отъ самыхъ отъявленныхъ проститутокъ. Къ ней и идутъ обыкновенно ради отвратительнѣйшаго удовлетворенія половой потребности». Это также логично, какъ и готовность со стороны замужнихъ женщинъ. Ибо наивысшая пикантность связи съ такъ называемой порядочной женщиной состоитъ для развратнаго мужчины именно въ томъ, чтобы вести себя съ ней, съ «порядочной женщиной», какъ можно неприличнѣе...

Англія иллюстрируетъ другую характерную сторону современнаго разврата, а именно манію лишать дѣвушекъ невинности. Это удовольствіе считается въ Англіи особымъ лакомствомъ. Соблазнить дѣвушку, въ незрѣломъ къ тому же возрастѣ—мало ли охотниковъ до «неспѣлыхъ плодовъ»!—для большинства платежеспособныхъ мужчинъ однако дѣло слишкомъ затруднительное. Не говоря уже о томъ, что они слишкомъ дорожатъ своимъ удобствомъ, нѣтъ у нихъ для этого ни достаточно свободнаго времени, ни связей съ соотвѣтствующими слоями населенія. Кромѣ того многіе желаютъ насладиться этимъ удовольствіемъ не только разъ въ жизни и не только разъ въ годъ, а если возможно каждыя двѣ недѣли разъ, если только не каждую недѣлю.

Въ виду такого спроса возникли въ Англіи настоящія предпріятія, взявшія на себя заботы о соблазненіи дѣвушекъ, доставляющія въ любой моментъ по опредѣленному тарифу завѣдомыхъ дѣвственницъ, дѣвушекъ, согласныхъ, чтобы ихъ лишилъ невинно-

сти мужчина, котораго онѣ раньше никогда не видали и имя котораго онѣ такъ никогда и не узнаютъ. Доставляются дѣвушки и спеціально для изнасилованія, если таково желаніе кліента. Въ такихъ случаяхъ дѣвушка отдается беззащитная въ его руки. Такъ какъ и въ этой области замѣчается массовый спросъ, то торговля дѣвушками получила въ Англіи характеръ торговли оптомъ—со всей безопасностью и со всей выгодой для покупателя. Послѣдній получаетъ какую угодно «марку»: возрастъ, фигура, цвѣтъ лица,—все по его желанію. А сверхъ всего онъ получаетъ еще медицинское свидѣтельство о физической нетронутости данной дѣвушки!

Имѣются у насъ достовѣрныя свѣдѣнія и объ организаціи оптовой торговли дѣвушками. То—обстоятельное изслѣдованіе, предпринятое въ 1884 г. въ сотрудничествѣ съ кентерберійскимъ архіепископомъ и двумя другими сановниками церкви извѣстнымъ апостоломъ мира, редакторомъ газеты Pall Mall м-ромъ Стедомъ. Ужасающіе результаты своихъ продолжительныхъ наблюденій онъ опубликовалъ въ свое время въ газетѣ Pall Mall въ рядѣ статей подъ заглавіемъ: «Дѣвичья дань въ современномъ Вавилонѣ», произведшихъ, какъ извѣстно, огромную сенсацію. Свои наблюденія Стедъ резюмировалъ слѣдующимъ образомъ:

«*Изнасилованіе дѣвушекъ*». Говорить объ этой темѣ въ духѣ безстрастнаго и философски-спокойнаго изслѣдованія кажется даже наиболѣе равнодушнымъ и научно-объективнымъ наблюдателямъ дѣломъ нелегкимъ. Однако, факты, добытые добросовѣстнымъ и кропотливымъ изученіемъ, столь ужасны, а отвращеніе, ими вызываемое, такъ подавляюще, что вдвойнѣ важно подойти къ темѣ съ величайшимъ скептицизмомъ, съ скептицизмомъ, способнымъ побѣдить все—за исключеніемъ несокрушимаго доказательства. Фактъ тотъ, что у насъ функціонируетъ система, къ обычнымъ проявленіямъ которой относится лишеніе дѣвушекъ ихъ невинности, что эти дѣвушки находятся въ большинствѣ случаевъ въ нѣжномъ возрастѣ и слишкомъ еще молоды, чтобы понять сущность преступленія, безвольными жертвами котораго онѣ сдѣлались, что эти преступленія совершаются почти безнаказанно и что самое это преступленіе обставляется съ такой простотой и цѣлесообразностью, которыя покажутся невѣроятными всѣмъ еще не убѣдившимся въ томъ, какъ легко могутъ совершаться преступленія.

Нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣвушекъ прямо ловятъ и насильно лишаютъ невинности или при помощи усыпительнаго напитка или послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго противодѣйствія въ за-

пертой комнатѣ, гдѣ болѣе слабая должна въ концѣ концовъ пасть жертвою силы. Другихъ продаютъ по всѣмъ правиламъ за столько то и столько-то, заманиваютъ подъ разными предлогами въ роковую комнату, изъ которой ихъ выпускаютъ только послѣ того, какъ онѣ потеряли то, что дѣвушкамъ слѣдовало бы ставить выше жизни».

Нѣсколькими абзацами ниже говорится о безопасности предпринимателей.

«Прежде, чѣмъ приступить къ моему изслѣдованію, я имѣлъ конфиденціальную бесѣду съ однимъ опытнымъ чиновникомъ, долго занимавшимъ постъ, позволявшій ему знакомиться со всѣми фазами совершаемыхъ въ Лондонѣ преступленій. Я спросилъ его: правда-ли, что швейцаръ порядочнаго дома, гдѣ я хорошо принятъ, можетъ мнѣ достать въ опредѣленное время нетронутую дѣвушку? «Разумѣется», отвѣтилъ онъ, не задумываясь. «За какую цѣну».— продолжалъ я спрашивать. «Это вопросъ трудный»—отвѣтилъ онъ. «Мнѣ вспоминается случай, дошедшій до моего свѣдѣнія въ бытность мою чиновникомъ въ Скотландъ-Іардъ. Въ этомъ случаѣ сошлись на 20 фунтахъ. Нѣсколько лицъ изъ Ламбеса изъявили свою готовность за такую сумму высвободить дѣвушку изъ дома съ дурной репутаціей. Такіе случаи, безъ сомнѣнія, не рѣдкость въ Лондонѣ.

«Скажите, пожалуйста!»—продолжалъ я. «Добровольно ли или же вынужденно участвуютъ дѣвушки въ такихъ дѣлахъ?» Онъ удивленно взглянулъ на меня и отвѣтилъ съ удареніемъ: «Само собой понятно, что онѣ дѣлаютъ это противъ воли и обыкновенно даже не знаютъ, чего отъ нихъ хотятъ». «Другими словами, вы хотите сказать,—продолжалъ я ошеломленный—что эти дѣвушки подвергаются систематически насилованію, которое карается закономъ».—«Безъ сомнѣнія». «Да вѣдь такая мысль способна привести въ движеніе адъ»—воскликнулъ я. «Разумѣется»,—отвѣтилъ онъ. «Но она не приводитъ въ движеніе не только адъ, а даже сосѣдей. Впрочемъ, крики даже не помогли бы бѣдной дѣвушкѣ. Подумайте: въ случаѣ убійства мужчина или женщина кричитъ или визжитъ не болѣе двухъ минутъ». «Да, но вѣдь стоитъ же на своемъ посту полицейскій». «Онъ не имѣетъ права вмѣшиваться, даже если что нибудь услышитъ. Допустимъ, что полицейскій имѣлъ бы право войти въ домъ, откуда раздается женскій крикъ: въ такомъ случаѣ полицейскіе присутствовали бы также неизмѣнно при родахъ, какъ и врачи. Разъ дѣвушка очутилась въ такомъ домѣ, она почти без-

помощна и ее можно соблазнить совершенно безопасно». «Но вѣдь такое изнасилованіе уголовное преступленіе. Ужели она не можетъ подать въ судъ?» «Какъ начать преслѣдованіе виновнаго? Вѣдь она его не знаетъ даже по имени. Она, вѣроятно, не узнала бы его, если бы встрѣтилась съ нимъ. А если бы она его узнала, кто повѣритъ ей? Дѣвушка, лишившаяся своей дѣвственности, является всегда свидѣтельницей, почти не заслуживающей довѣрія. Тотъ фактъ, что она была въ дурномъ домѣ, можетъ быть использованъ, какъ доказательство ея согласія. Швейцаръ и вся прислуга будутъ клясться, что она вошла своею волей. Они будутъ клясться, что дѣвушка никогда и не думала кричать, и ее осудили бы, какъ искательницу приключеній».

«И все это продолжается и понынѣ!»

«Конечно! И такъ останется, и ничего вы не измѣните, пока у мужчинъ есть деньги. Сводни ловки, а женскій полъ слабъ и неопытенъ».

Слѣдуетъ прибавить, что множество лондонскихъ полицейскихъ находится къ тому же въ союзѣ со сводням, что также удалось доказать Стеду.

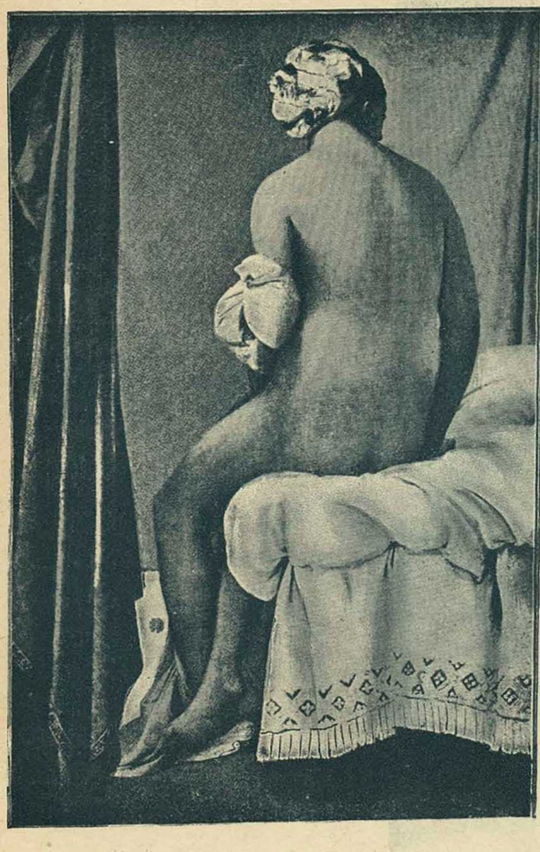
Нѣкоторое представленіе о размѣрахъ спроса и потребленія дѣвичьяго мяса даетъ слѣдующій случай—не исключительный,— приводимый Стедомъ:

«Позвольте привести разговоръ, единственный въ своемъ родѣ. «Я слышалъ (замѣтилъ я собственницѣ одной изъ наиболѣе крупныхъ и удачливыхъ своднических фирмъ Лондона), что спросъ на невинныхъ дѣвушекъ очень упалъ». «Нашъ опытъ позволяетъ намъ дѣлать иное заключеніе»—возразила старшая компаньонка фирмы, женщина недюжинная, отличавшаяся несмотря на свое отвратительное ремесло твердымъ характеромъ, рядомъ съ которымъ характеръ палача пріятно поражаетъ большей долей порядочности. «По моему на рынкѣ замѣчается, напротивъ, оживленіе, и спросъ становится все больше... Можетъ быть, пала нѣсколько цѣна, а это объясняется тѣмъ, что наши кліенты отказались отъ крупныхъ заказовъ. Такъ напримѣръ, д-ръ N., одинъ изъ моихъ пріятелей, раньше бралъ еженедѣльно одну дѣвушку за 200 марокъ, а теперь онъ беретъ каждыя двѣ недѣли трехъ за сумму отъ 100 до 140».— «Что вы!»—воскликнулъ я. «Вы доставляете ежегодно одному только мужчинѣ 70 дѣвушекъ?»—«Ну да!»—отвѣтила она. «Онъ не отказался бы и отъ сотни, если бы мы могли достать ихъ ему. Но онъ требуетъ непремѣнно дѣвушекъ старше 16 лѣтъ».



Валлэ: Визитъ не во время.
Гл. II.

17



Энгръ: Въ гаремѣ (деталь).
Гл. II.

Моренъ: Галантная литографія (1832).
Гл. II.

Достаточно этихъ трехъ цитатъ. Болѣе подробныя иллюстраціи будутъ приведены въ дальнѣйшемъ въ соотвѣтствующихъ главахъ. Здѣсь мы укажемъ еще на то, что огромное впечатлѣніе, произведенное въ свое время на всю Европу этими разоблаченіями, не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій. Все осталось по прежнему. Впрочемъ: одно послѣдствіе эти разоблаченія все же имѣли, а именно вся офиціальная Англія была very shoked indeed: цѣна дѣвичьяго мяса временно повысилась. Должны же были поставщики вознаградить себя за страхъ, что дѣло можетъ каждую минуту разстроиться.

Ограничимся здѣсь приведенными данными о «морали» высшаго общества. Дополняющая ихъ картина морали трудящихся массъ—насколько эта тема можетъ быть сейчасъ разсмотрѣна—въ настоящее время значительно отстала отъ этого образца, однако, была до 60 годовъ истекшаго столѣтія вполнѣ его достойна, если не по внѣшней формѣ, то по крайней мѣрѣ по содержанію. Развратъ могъ въ средѣ пролетаріата облечься, естественно, только въ грубую форму, такъ какъ здѣсь онъ связанъ всегда съ нищетой и грязью, тогда какъ у такъ называемаго «общеста», тратящаго на свои удовольствія огромныя суммы, онъ по этой причинѣ обыкновенно отличался и отличается элегантностью.

Между тѣмъ, какъ капитализмъ позволялъ имущимъ наслаждаться множествомъ самыхъ разнообразныхъ удовольствій, онъ предоставилъ пролетаризированной имъ большой массѣ только два развлеченія, которыми она могла себя вознаградить за возложенную на нее огромную тяжесть труда: алкоголизмъ и низшіе виды разврата. Естественнымъ послѣдствіемъ этого суженія для пролетаріата сферы наслажденія было то, что рабочіе «сосредоточили всѣ свои душевныя силы на этихъ двухъ удовольствіяхъ и стали имъ отдаваться систематически и до крайности, чтобы хоть что нибудь взять отъ жизни. Когда человѣка ставишь въ положеніе, пріемлемое только для животнаго, то ему остается только или возмутиться или погрузиться въ животное состояніе».

Въ эпоху, къ которой относится эта характеристика рабочаго (1844) и притомъ англійскаго рабочаго, англійскій пролетаріатъ предпочиталъ второй выходъ: погрузиться въ животное состояніе. Возмущаться онъ сталъ гораздо позже, когда въ немъ проснулось классовое самосознаніе. Ту же эволюцію прошли и другія страны, гдѣ возникъ и развивался капитализмъ. Разница лишь та, что въ другихъ странахъ, напримѣръ, во Франціи и Германіи, этотъ пер-

вый періодъ продолжался не такъ долго, потому что здѣсь политическая эмансипація массъ почти совпала съ моментомъ ихъ экономической эксплуатаціи.

Первый толчокъ къ неизбѣжному половому разврату занятыхъ въ индустріи массъ дала совмѣстная работа обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ въ тѣсныхъ, чрезмѣрно жаркихъ помѣщеніяхъ, а это явленіе имѣло почти вездѣ мѣсто въ первый періодъ промышленнаго развитія. Отчасти вслѣдствіе жары, отчасти чтобы свободнѣе двигаться, женщины почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности одѣты лишь въ самое необходимое, а въ другихъ, напримѣръ, въ угольныхъ шахтахъ, мужчины и женщины работаютъ полуголые. Вся одежда углекоповъ состоитъ изъ однихъ только штановъ и башмаковъ, а работницъ—изъ рубашки и коротенькой юбки, не стѣсняющихъ ихъ движеній.

При такихъ условіяхъ мужчины и женщины, естественно, соблазняютъ другъ друга, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о людяхъ, не получившихъ ни интеллектуальнаго, ни нравственнаго воспитанія. Языкъ и манеры могутъ въ такой атмосферѣ отличаться только грубостью и испорченностью. А тамъ, гдѣ душевное и духовное цѣломудріе каждую минуту подвергается новымъ опасностямъ и насильственно искореняется, тамъ не можетъ уцѣлѣть и цѣломудріе физическое. Оба пола теряютъ поэтому свою невинность, какъ только наступаетъ періодъ возмужалости. Половыя сношенія совершаются по той же причинѣ на базисѣ не любви, а почти исключительно разврата. Не только всѣ мужчины, но и безчисленное количество дѣвушекъ и женщинъ сходились въ молодости не съ однимъ только, а съ цѣлымъ рядомъ представителей другого пола; а многіе поддерживаютъ такія сношенія въ одно и то же время со многими.

Любовь здѣсь только дѣло случая. Ночная работа представляла поэтому въ такихъ производствахъ, гдѣ работаютъ оба пола, новую сильную опасность для нравственности, ибо во время ночной работы легко соблазнить женщину даже уже въ предѣлахъ самой фабрики.

Цѣлый рядъ статистическихъ данныхъ доказываетъ, что съ введеніемъ ночной работы вездѣ поднялась, а въ иныхъ случаяхъ и удвоилась цифра незаконныхъ рожденій. Въ первой трети XIX в. на англійскихъ фабрикахъ было нерѣдкостью, если почти половина незамужнихъ работницъ постоянно бывала беременна. Когда женщины не отдавались добровольно, мужчины то и дѣло безсовѣстно

прибѣгали къ грубой силѣ. Въ Лондонѣ въ одинъ 1850-ый годъ насчитывалось ровно двѣ тысячи судебныхъ преслѣдованій за преступленія противъ нравственности. Не меньшее число осталось, вѣроятно, безъ наказанія, не считая случаевъ косвеннаго насилія, которому подвергала женщинъ зависимость отъ работодателя и мастера. Работница зависитъ отъ мастера, такъ какъ послѣдній можетъ ей дать выгодную работу, и отъ фабриканта, который можетъ лишить ее ея мѣста.

Въ своей книгѣ о «Положеніи рабочаго класса въ Англіи» Ф. Энгельсъ говоритъ:

«Само собой понятно, что фабричная зависимость предоставляетъ въ такой же, если только не въ большей степени, чѣмъ всякая другая, хозяину право первой ночи—ius primae noctis. Фабрикантъ и въ этомъ смыслѣ хозяинъ надъ тѣломъ и красотой своихъ работницъ. Лишеніе мѣста является въ девяти случаяхъ изъ десяти, или, вѣрнѣе, въ девяносто девяти изъ ста достаточной угрозой, чтобы сломить противодѣйствіе дѣвушекъ, у которыхъ и безъ того нѣтъ основанія отличаться особеннымъ цѣломудріемъ».

Фабрика и была на самомъ дѣлѣ въ сотнѣ случаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гаремомъ владѣльца. То, что было обычнымъ явленіемъ въ начальный періодъ фабричной промышленности, когда «большинство фабрикантовъ были выскочками безъ образованія и безъ склонности примѣняться къ общественному лицѣмѣрію», было не рѣдкостью и сорокъ—пятьдесятъ лѣтъ спустя и не рѣдкость даже и въ настоящее время, какъ видно изъ цѣлаго ряда судебныхъ процессовъ.

Объ Англіи 1884 г. Стедъ пишетъ:

«Часть лондонскаго общества смотритъ на женщинъ тѣми же глазами, какими султанъ смотритъ на дамъ своего гарема. Владѣльцы магазиновъ нанимаютъ въ служащія обычно самыхъ красивыхъ дѣвушекъ».

И далѣе:

«У меня есть достаточно данныхъ, позволяющихъ мнѣ утверждать, что многіе магазины, гдѣ служатъ сотни дѣвушекъ, являются несмотря на прекрасную организацію ничѣмъ инымъ, какъ ужасными передними, ведущими въ домъ терпимости».

Выше мы особенно подчеркнули ужасающія жилищныя условія, отъ которыхъ и теперь еще страдаетъ большинство рабочаго люда, подъ гнетомъ которыхъ когда-то былъ вынужденъ «жить» весь рабочій классъ. Дѣло въ томъ, что жилищныя условія являют-

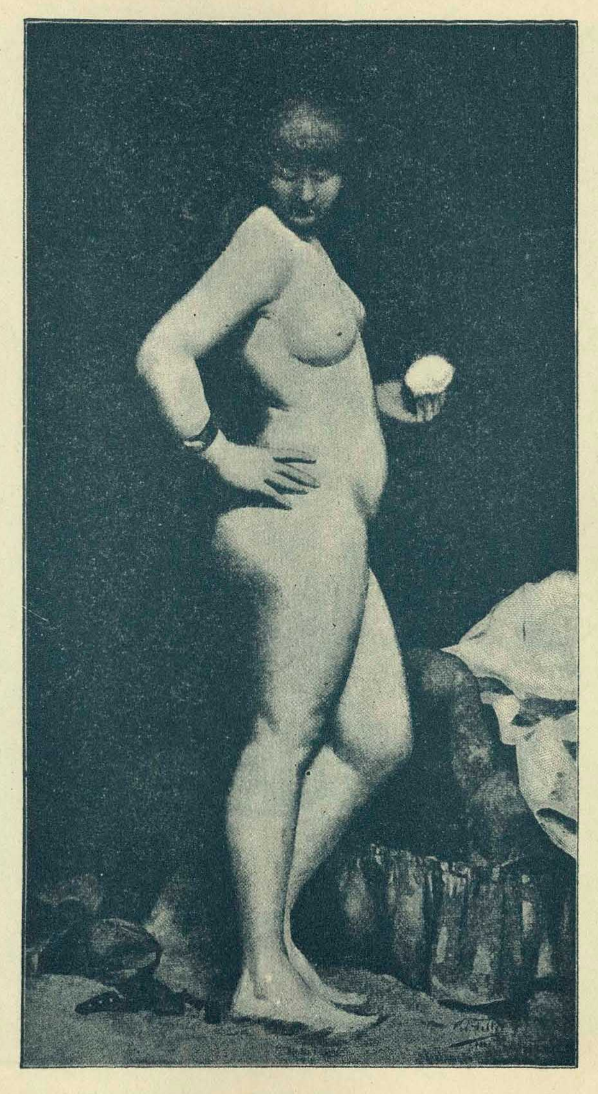
ся самымъ важнымъ факторомъ въ процессѣ образованія общаго состоянія нравовъ. Помѣстительное жилище приводитъ само по себѣ къ повышенію нравственныхъ требованій отдѣльной личности и облагораживаетъ тѣмъ самымъ и ея половую жизнь. Тѣсное помѣщеніе, напротивъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ такую же быструю и систематическую всеобщую деморализацію.

Тамъ, гдѣ массы не жили, а только проводили ночь въ квартирѣ,—а до семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія это было повсюду обычнымъ явленіемъ,—ихъ половая жизнь могла, естественно, вылиться только въ самыя отвратительныя формы. Таковъ и былъ характерный признакъ половой жизни рабочей массы. Любовь была почти только непристойностью. Люди были все время вмѣстѣ и поэтому не было мѣста чувству стыда. У дѣтей оно не могло развиться, а взрослые, быть можетъ, когда-нибудь и обладавшіе имъ, очень скоро теряли его. Для нужды и въ данномъ случаѣ законы не писаны. Тамъ, гдѣ дѣти и взрослые вынуждены спать вмѣстѣ, постель къ постели, въ тѣсномъ помѣщеніи, дѣти бываютъ еще задолго до половой зрѣлости посвящены во всѣ подробности половой жизни. Половое чувство пробуждается въ такомъ возрастѣ, когда бы ему еще слѣдовало дремать, а инстинктъ подражанія побуждаетъ въ свою очередь незрѣлыхъ дѣтей дѣлать то же самое, что на ихъ глазахъ дѣлаютъ родители или женатые и замужніе братья и сестры, лежащіе рядомъ съ ними въ постели.

Беременныя двѣнадцатилѣтнія дѣвочки были тогда явленіемъ обычнымъ. А такъ какъ подобные опыты продѣлывались прежде всего братьями и сестрами, то кровосмѣшеніе никогда не было такъ распространено, какъ именно въ тѣ десятилѣтія. Матери становились беременными отъ собственныхъ сыновей, дочери отъ родныхъ отцовъ.

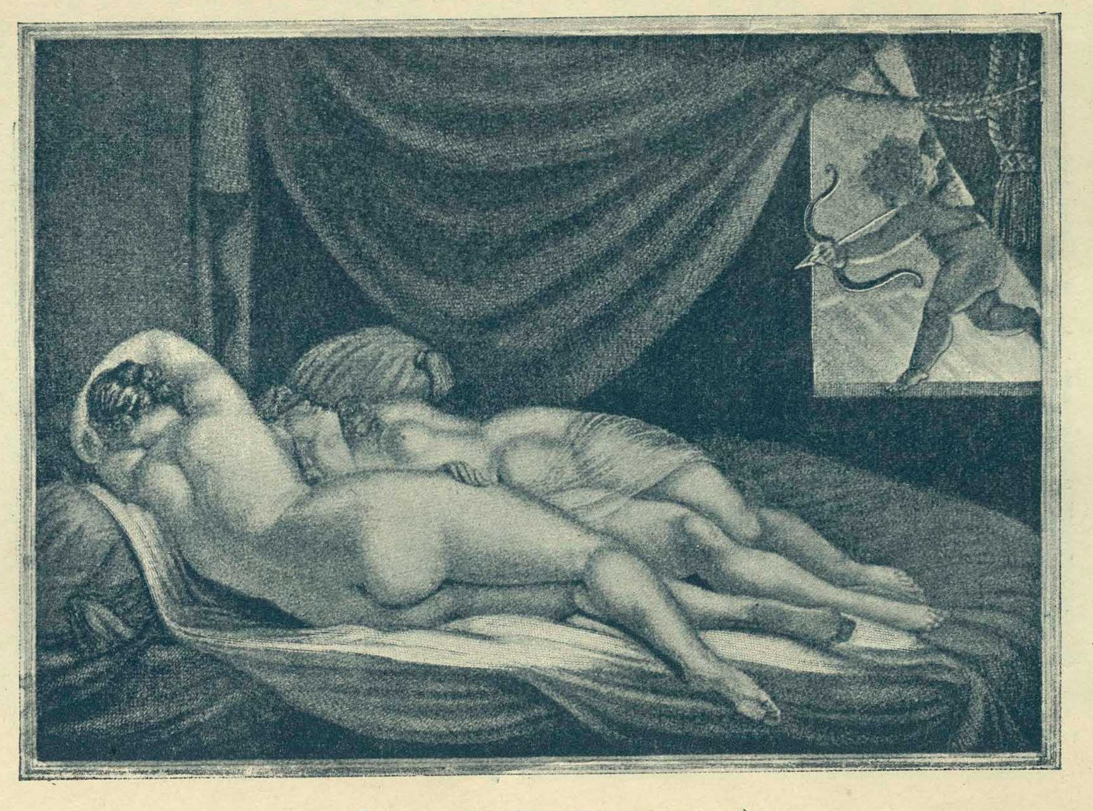
Особенно отталкивающую картину представляли нравы тамъ, гдѣ въ единственной комнатѣ спали кромѣ семьи еще и коечники. Усталая, измученная работница, бросившаяся на постель, и полусонная позволявшая дѣлать съ ней, что угодно, въ большинствѣ случаевъ даже не знала, отдалась ли она мужу, брату или парню, снимающему у нихъ уголъ. ««Не все ли равно?»—отвѣтила одна измученная трудомъ работница апатично члену парламента на соотвѣтствующій вопросъ... Совмѣстная работа обоихъ половъ на фабрикѣ представляла такимъ образомъ благопріятную почву для деморализаціи, которая и не замедлила обнаружиться.

Всѣ розысканія и сообщенія о положеніи рабочихъ подтвер-



Пеллэ: Нана.
Гл. II.

18



Сонъ о любви (Англійская гравюра).
Гл. II.

ждаютъ это положеніе. Въ докладѣ парламентской слѣдственной комиссіи по вопросу о дѣтскомъ трудѣ, представленномъ въ 1864 г. англійскому парламенту, говорится:

«Нѣтъ ничего удивительнаго, что среди населенія, выростающаго въ такихъ условіяхъ, царятъ невѣжество и пороки... Нравственность стоитъ здѣсь на чрезвычайно низкомъ уровнѣ... Значительное число работницъ имѣетъ незаконныхъ дѣтей, притомъ въ такомъ незрѣломъ возрастѣ, что даже люди, освѣдомленные въ области уголовной статистики, приходятъ въ ужасъ».

Въ своей анкетѣ о жилищномъ вопросѣ уже цитированный нами д-ръ Гёнтеръ замѣчаетъ:

«Мы не знаемъ, какъ воспитывались дѣти до нашего вѣка массоваго скопленія бѣдноты и надо быть смѣлымъ пророкомъ, чтобы предсказать, на какое поведеніе можно расчитывать со стороны дѣтей, получающихъ нынѣ въ странѣ воспитаніе, для котораго трудно отыскать параллель, воспитаніе, которое должно сдѣлать ихъ опаснымъ классомъ, такъ какъ дѣти проводятъ полночи безъ сна, въ обществѣ взрослыхъ, пьяные, циничные и сварливые».

А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

«Молодые супруги едва ли являются назидательнымъ примѣромъ для взрослыхъ братьевъ и сестеръ, спящихъ съ ними въ одной комнатѣ. И хотя отдѣльные примѣры и не подлежатъ регистраціи, у насъ есть достаточно данныхъ утверждать, что великое горе, а часто и смерть являются неизбѣжной долей участницъ въ преступленіи кровосмѣшенія».

Въ Испаніи это преступленіе и теперь еще является не рѣдкостью среди низшихъ слоевъ пролетаріата. Въ своей уже цитированной нами книгѣ де Киросъ пишетъ:

«Мужчины и женщины спятъ въ той же постели, подобно тому, какъ они ѣдятъ изъ одной миски. И вотъ однажды ночью мужчина, подчиняясь инстинкту или находясь въ состояніи полуопьяненія, видитъ себя въ объятіяхъ дочери, сестры или сосѣдки, когда приходитъ въ себя. Иногда вы наталкиваетесь на сожительство трехъ или четырехъ лицъ, жены съ мужемъ и любовникомъ или мужа съ женой и любовницей. Часты случаи гомосексуализма. Конкубинатъ—обычное явленіе».

Есть цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ объ опасности, грозящей въ разныхъ производствахъ нравственности дѣтей.

Въ Англіи всегда особенно подчеркиваютъ опасность въ этомъ

смыслѣ быта кирпичниковъ Въ подробномъ докладѣ парламентской слѣдственной комиссіи 1866 г. говорится:

«Ребенку невозможно пройти чистилище кирпичнаго завода безъ величайшаго ущерба для его нравственности. Циничная рѣчь, которую онъ слышитъ съ малыхъ лѣтъ, грязныя, безстыдныя и непристойныя привычки, среди которыхъ онъ выростаетъ, одичалый и невѣжественный,—все это дѣлаетъ его на всю жизнь негоднымъ, испорченнымъ и распущеннымъ. Страшнымъ источникомъ деморализаціи является и жилище. Каждый moulder (свѣдующій въ своемъ дѣлѣ рабочій, стоящій во главѣ цѣлой группы) предоставляетъ въ своей хатѣ или cottege квартиру и столъ находящимся подъ его начальствомъ семи помощникамъ. Всѣ, принадлежащіе и не принадлежащіе къ его семьѣ, мужчины, мальчики, дѣвушки спятъ въ одной избѣ. Она состоитъ обычно изъ двухъ, лишь изрѣдка изъ трехъ комнатъ, лежащихъ въ первомъ этажѣ, почти безъ всякой вентиляціи. Тѣла такъ истощены дневной работой, что никому не приходитъ въ голову соблюдать условія гигіены, опрятность и приличія. Многіе изъ этихъ коттеджей—образцы безпорядка, грязи и пыли»...

Величайшимъ зломъ системы, пользующейся трудомъ молодыхъ дѣвушекъ, является то обстоятельство, что она приковываетъ ихъ обычно съ раннихъ лѣтъ и на всю жизнь къ самой отъявленной черни. Дѣвушки становятся грубыми, злоязычными парнями, прежде чѣмъ природа сумѣетъ научить ихъ, что онѣ женщины. Одѣтыя въ жалкія, грязныя лахмотья, съ обнаженными выше колѣнъ ногами, съ волосами и лицомъ, испачканными грязью, онѣ привыкаютъ относиться съ презрѣніемъ къ чувствамъ скромности и стыда. Во время обѣденнаго отдыха онѣ растягиваются въ полѣ или смотрятъ, какъ мальчики купаются въ сосѣднемъ каналѣ. Окончивъ свой нелегкій дневной трудъ, онѣ переодѣваются и идутъ съ мужчинами въ пивную...

Самымъ худшимъ является однако то, что сами кирпичники давно махнули на себя рукой. «Вы съ такимъ же успѣхомъ исправите дьявола, какъ и рабочаго, занятаго на кирпичномъ заводѣ»—замѣтилъ одинъ изъ болѣе выдающихся рабочихъ соусольфильдскому каплану».

Когда вы читаете подобныя сообщенія,—мы привели только нѣкоторыя характерныя среди сотни другихъ!—вы склонны притти къ тому заключенію, что половая нравственность не можетъ опуститься ниже. И все-таки возможенъ и въ этой области еще ре-

кордъ и этотъ рекордъ опять таки побили аграрныя условія. Среди англійскихъ сельскихъ рабочихъ держалась вплоть до семидесятыхъ годовъ XIX в. поговорка: «Большинство дѣвушекъ не помнитъ, были ли онѣ когда-нибудь невинны».

Вышедшій изъ деревни полицейскій чиновникъ, исполнявшій много лѣтъ обязанности сыщика въ худшихъ кварталахъ Лондона, такъ характеризуетъ дѣвушекъ родного села:

«Во всю свою жизнь полицейскаго въ худшихъ кварталахъ Лондона я нигдѣ не видѣлъ такой грубой безнравственности въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, такую дерзость и такое безстыдство. Онѣ живутъ, какъ свиньи. Парни и дѣвки, отцы и матери всѣ спятъ вмѣстѣ въ перемежку».

Такъ называемая англійская «артельная система» возводила возможность безудержнаго разврата въ цѣлую сельскохозяйственную организацію. Вотъ какъ описываютъ эту систему:

«Артель состоитъ изъ десяти, иногда сорока и пятидесяти лицъ, женщинъ, молодыхъ людей обоего пола (отъ 13 до 18 лѣтъ),— мальчики, впрочемъ, послѣ 13 лѣтъ обычно уходятъ—и дѣтей обоего пола (отъ 6 до 13 лѣтъ). Во главѣ стоитъ мастеръ, обыкновенный сельскій рабочій, обычно негодяй, распутникъ и пьяница, но не лишенный предпріимчивости и нѣкотораго savoir faire. Онъ и нанимаетъ артель, работающую подъ его руководствомъ, а не подъ начальствомъ арендатора. У послѣдняго онъ находится на сдѣльной платѣ и его заработокъ, обычно не многимъ превышающій заработокъ рядового батрака, почти всецѣло зависитъ отъ его умѣнія выжать въ наикратчайшій срокъ наивозможно больше труда изъ подчиненной ему группы работниковъ. Арендаторы сдѣлали открытіе, что женщины работаютъ, какъ слѣдуютъ, только подъ мужской диктатурой, и далѣе, что разъ женщины и дѣти втянулись въ работу, то онѣ расходуютъ свои силы съ настоящимъ безуміемъ.

«Тѣневыми сторонами» системы являются переутомленіе дѣтей и молодежи, огромые перевалы, которые имъ приходится дѣлать ежедневно на пути къ помѣстьямъ, отстоящимъ на пять, шесть, а иногда и семь миль, наконецъ деморализація артели. Хотя мастеръ или какъ его называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «погонщикъ», the driver,—вооруженъ длинной палкой, онъ пускаетъ ее въ ходъ очень рѣдко и жалобы на жестокое обращеніе—исключеніе. Онъ демократическій императоръ или нѣчто въ родѣ Крысолова изъ Гаммельна. Онъ нуждается въ популярности среди своихъ подданныхъ и привлекаетъ ихъ къ себѣ процвѣтающимъ подъ его

эгидой цыганскимъ образомъ жизни. Грубая разнузданность, веселая шумливость и циничная дерзость окрыляютъ артель. Обычно мастеръ расплачивается въ кабакѣ, изъ котораго возвращается домой, шатаясь, поддерживаемый справа и слѣва коренастой бабой, во главѣ шествія, которое замыкаютъ дѣти и молодежь, бѣснуясь, распѣвая насмѣшливыя и скабрезныя пѣсни. На обратномъ пути на очереди дня то, что Фурье назвалъ «фанерогаміей». Не рѣдко, что тринадцати и четырнадцатилѣтнія дѣвочки становятся беременными отъ своихъ сверстниковъ.

Деревни, поставляющія членовъ артели, превращаются въ Садомъ и Гоморру (половина дѣвушекъ изъ Бидфорда погублена такими артелями), и въ нихъ число незаконныхъ рожденій превышаетъ вдвое число незаконныхъ рожденій во всемъ королевствѣ. Уже выше было указано, какова нравственность этихъ дѣвушекъ, когда онѣ выходятъ замужъ. Дѣти ихъ, если только онѣ не устраняютъ ихъ путемъ опія, являются уже отъ рожденія рекрутами артели».

Не нужно быть спеціалистомъ этого вопроса, чтобы знать, что подобные деревенскіе нравы не «дѣла давно минувшихъ дней» и что они повторяются и въ другихъ странахъ. Среди польскихъ и галиційскихъ батраковъ, наводняющихъ ежегодно Германію во время жатвы, царятъ приблизительно такіе же нравы, какъ и въ англійской артели. Незамужнія женщины, стоящія въ рядахъ этихъ рабочихъ колоннъ, возвращаются обыкновенно домой беременными, часто не зная въ точности, кто отецъ будущаго ребенка, такъ какъ онѣ должны были отдаваться многимъ мужчинамъ отряда, если только не всѣмъ. Не лучше и положеніе туземныхъ батрачекъ. Часто онѣ являются дичью, за которой свободно можетъ охотиться любой батракъ, свой и пришлый. Впрочемъ, уже въ первомъ томѣ мы привели соотвѣтствующія доказательства...

Болѣе низкаго уровня нравовъ, чѣмъ только что освѣщенный никогда не существовало въ исторіи именно потому, что все здѣсь приведенное является въ эпоху господства буржуазіи не индивидуальнымъ, а массовымъ явленіемъ.

Такъ низко нигдѣ и никогда не падала «любовь».

Зіявшее между идеей и дѣйствительностью во всѣхъ областяхъ общественной и частной жизни страшное противорѣчіе нуждалось, естественно, въ какомъ нибудь коррективѣ. Рѣчь шла ни объ отреченіи отъ идеала, ни о поднятіи жизни на высоту идеала, ибо о

первомъ буржуазія не думала, а второго она не хотѣла. Отъ идеала отказаться она не хотѣла, а отказаться отъ дѣйствительности она не могла, по крайней мѣрѣ по столько, по сколько она сама въ ней участвовала. Ибо дѣйствительность, кульминировавшая въ столь для нея выгодномъ распредѣленіи имущественныхъ отношеній, и обусловленныя имъ возможности безудержнаго наслажденія жизнью казались ей гораздо заманчивѣе призывовъ высокаго идеала, осѣнявшаго когда-то первые шаги ея господства.

Необходимымъ коррективомъ явилась, слѣдовательно, сознательная маскировка существовавшей пропасти. Если въ области политики подобнымъ коррективомъ служитъ мнимый конституціонализмъ, то въ области половыхъ отношеній было выдвинуто демонстративное нравственное лицемѣріе. «Грѣхъ» изгнали съ улицы за запертыя двери. Тамъ онъ могъ дѣлать, что угодно, самая же дверь получила нравственную окраску. Всѣ стали наружно нравственными. Но это еще не все. Не только старались сохранить видимость, эту послѣднюю кромѣ того еще подчеркивали, осуждая публично въ самыхъ рѣзкихъ словахъ все то, чѣмъ тайкомъ тѣмъ усерднѣе забавлялись и наслаждались. Категорическимъ нравственнымъ закономъ буржуазнаго общества была провозглашена мораль фиговаго листка, осуждающая не самый развратъ, а только его публичность.

Такъ было найдено средство перекинуть мостъ черезъ открывшуюся неизбѣжно пропасть между идеей и дѣйствительностью, послѣ того какъ выяснилось, что буржуазія и не желаетъ и не можетъ устранить этого противорѣчія. Къ такому коррективу господствующіе классы пришли въ эпоху господства буржуазіи, однако, не по собственной инціативѣ, а подъ безжалостнымъ гнетомъ обстоятельствъ. Какъ уже было указано во вступленіи, буржуазное общество не только хотѣло казаться воплощеніемъ мірового нравственнаго порядка по рецепту ея первоначальной идеологіи, но и должно было такъ поступить въ извѣстный моментъ своего историческаго развитія, иначе ея господство подверглось бы крайней опасности.

Каждая специфическая эпоха всегда стремится, безъ сомнѣнія, къ тому, чтобы сойти за высшее осуществленіе всѣхъ возможностей развитія. Каждая изъ до сихъ поръ бывшихъ такихъ эпохъ выдавала себя всегда за воплощеніе божественнаго порядка вещей. По крайней мѣрѣ подобными ссылками каждая обосновывала и оправдывала свое существованіе и свое поведеніе. Однако, не

каждый режимъ непремѣнно нуждался въ томъ, чтобы народъ вѣрилъ въ эту фикцію. Это всегда зависѣло отъ даннаго соотношенія силъ. Абсолютизмъ могъ предаваться безумству и наслажденіямъ съ откровенной циничностью и его мало заботило, будутъ ли люди считать его режимъ дьявольскимъ, а не божественнымъ порядкомъ вещей, такъ какъ нравственное негодованіе массъ сравнительно мало подтачивало основы его господства. Это господство покоилось, какъ мы уже знаемъ, исключительно на классовой борьбѣ между восходящей буржуазіей и нисходящимъ феодальнымъ дворянствомъ, позволявшей носителю короны стоять на плечахъ обоихъ классовъ.

Этому «режиму» грозило, слѣдовательно, только неравное развитіе могущества этихъ двухъ классовъ и, какъ извѣстно, именно это неравное развитіе привело въ концѣ концовъ къ его упраздненію.

Совершенно иначе обстояло дѣло въ вѣкъ крупной промышленности. Массы стали вездѣ въ значительной степени однимъ изъ рѣшающихъ политическихъ факторовъ. Изъ крѣпостныхъ и подданныхъ массы должны были превратиться въ гражданъ, такъ какъ только такимъ способомъ можно было использовать всѣ тѣ силы, которыя были необходимой предпосылкой для новаго способа товарнаго производства. А такъ какъ массы стали экономически самостоятельнымъ факторомъ, то ихъ умственная и политическая эмансипація стала неизбѣжной, была лишь вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ. Можно было осуждать эту духовную и политическую эмансипацію массъ, можно было противъ нея бороться, но нельзя было задержать ее. Это было тѣмъ менѣе возможно, что умственное развитіе массъ все болѣе становилось однимъ изъ важнѣйшихъ условій безпрерывнаго техническаго прогресса и косвенно безостановочнаго и всесторонняго развитія капитализма. При помощи безграмотныхъ мужиковъ и илотовъ можно еще обработать пашню, но не строить и обслуживать утонченнѣйшія машины съ ихъ точно дѣйствующимъ механизмомъ.

Приходилось за одно расплачиваться другимъ: за гигантскую прибыль высоко развитой индустріи—неудобствомъ постоянной критики со стороны созрѣвшаго класса.

Ослабить разрушительное дѣйствіе этой критики можно было только въ томъ случаѣ, если бы удалось—по крайней мѣрѣ до извѣстной степени—навязать массѣ сказку о томъ, что въ буржуазіи олицетворенъ истинно нравственный міропорядокъ. *На почвѣ этой категорической необходимости и возникъ законъ моральнаго ли-*

цемѣрія. Была сдѣлана уступка по отношенію къ формѣ съ тѣмъ, чтобы какъ можно дольше сохранить содержаніе: а именно владѣніе средствами производства и обусловленную имъ возможность широко пользоваться удовольствіями жизни.

Этотъ конфликтъ зародился во всѣхъ странахъ вмѣстѣ съ зародившимся буржуазнымъ обществомъ, потому что его эволюція привела не къ устраненію противорѣчій, а только къ проясненію всѣхъ характерныхъ для этого строя проблемъ, а также и потому, что мечтательный идеализмъ буржуазіи, какъ мы видѣли, очень быстро исчезъ. Само собой понятно, что этотъ конфликтъ обнаружился не сразу. Пролетаріатъ еще долженъ былъ сначала осознать себя самостоятельнымъ политическимъ классомъ. А этотъ историческій процессъ совершался хотя и безостановочно, зато лишь медленно. Только начиная съ сороковыхъ годовъ XIX в. пролетаріатъ становился повсюду политическимъ факторомъ, съ которымъ господствующимъ классамъ приходилось такъ или иначе считаться.

До сороковыхъ годовъ моральное лицемѣріе было поэтому офиціальной классовой моралью только въ средѣ мелкой буржуазіи, въ средѣ мѣщанства, т.-е. тамъ, гдѣ въ силу узкихъ экономическихъ предпосылокъ существованія она была въ ходу всегда, во всѣ времена. Буржуазія, напротивъ, жила и вела себя, какъ истый парвеню, а вѣдь такимъ парвеню она и была на самомъ дѣлѣ. Она безцеремонно выставляла на показъ свой свободный образъ жизни. Передъ кѣмъ мы будемъ стѣсняться? Кому обязаны мы отдавать отчетъ? Намъ принадлежитъ міръ! Мы можемъ себѣ все позволить! Нашъ денежный мѣшокъ—вотъ нашъ законъ и наша мораль! Такъ гласила житейская философія буржуазіи, выраженная самыми недвусмысленными словами и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Исторія англійской буржуазіи, съ начала XVIII и до начала XIX в., представляетъ безпрерывный и почти гротескный комментарій, подтверждающій указанную житейскую философію.

Съ шумомъ и гамомъ жила себѣ изо дня въ день, пируя и наслаждаясь, англійская буржуазія. Буржуазная свобода обнаруживалась въ видѣ безпредѣльной разнузданности, въ видѣ отказа отъ всякихъ общественныхъ условностей. Каждый городъ походилъ до извѣстной степени на сплошную матроскую таверну. Всѣ чувства выставлялись на показъ, такъ какъ парвеню не любитъ ничего скрытаго и тайнаго. Онъ хочетъ показать свое богатство такъ,

чтобы всѣ его видѣли. Если онъ лишенъ этой возможности, то даже самое изысканное наслажденіе не доставляетъ ему никакого удовольствія.

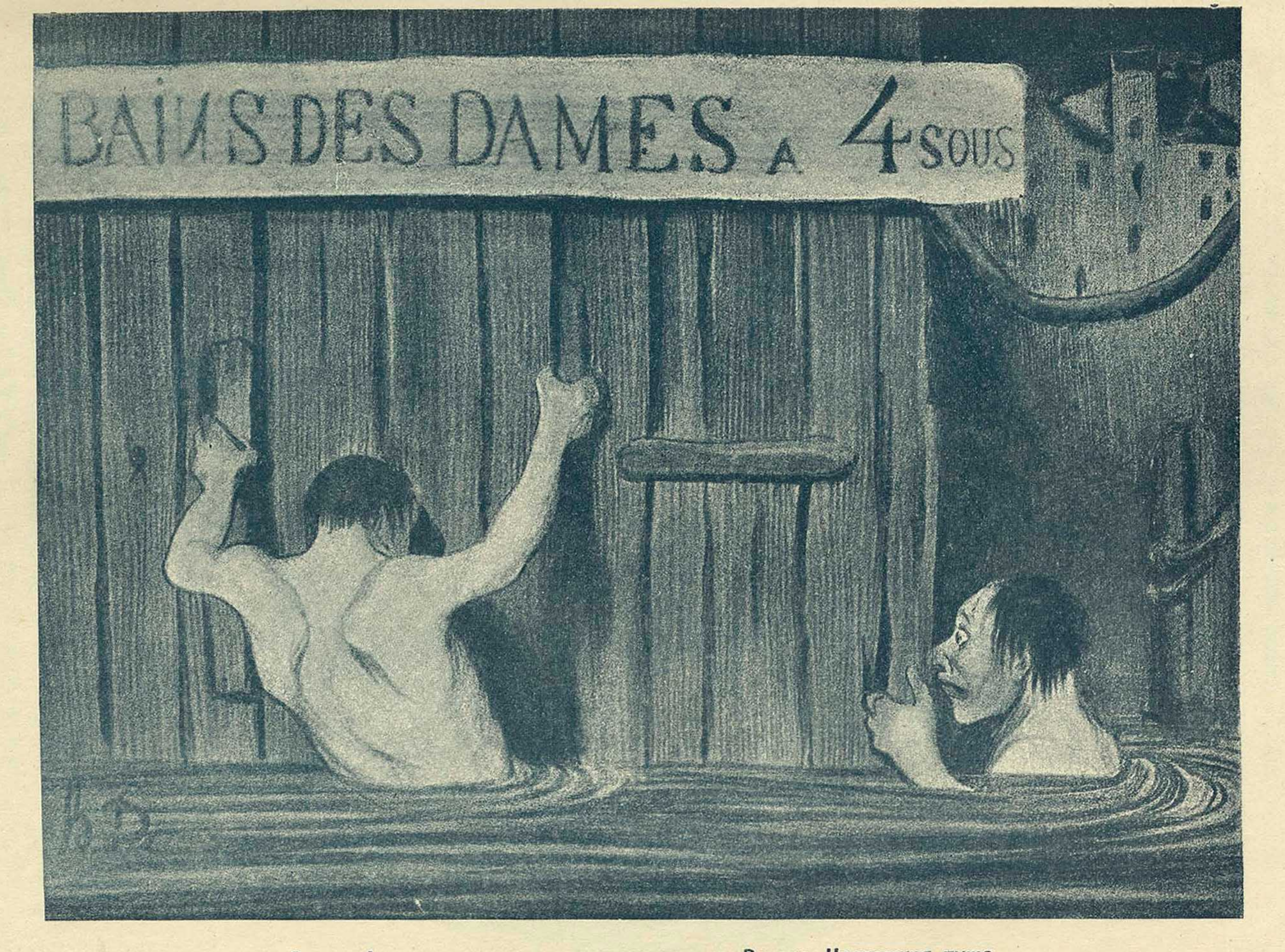
Вся его физіономія похожа на его манеры. Руки его не холены, туалетъ небреженъ. При всей элегантности костюмъ его не имѣетъ ничего общаго съ изысканной линіей, свойственной костюму стараго режима. Демонстративная роскошь подчеркиваетъ кричащимъ образомъ, что онъ стоитъ очень дорого. Костюмъ является гротескной оболочкой, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующей гротескному содержанію. Въ особенности это доказываютъ драгоцѣнности, которыя носитъ, или—вѣрнѣе—которыми обвѣшиваетъ себя парвеню. Если руки не холены, туалетъ небреженъ, движенія неуклюжи и дубоваты, то у него есть зато другая особенность: лицо въ большинствѣ случаевъ выразительно, костисто, не одухотворено.

То люди, которые несмотря ни на что «уже размышляютъ надъ всѣми проблемами, порожденными новымъ вѣкомъ». Картины Гогарта и Роуландсона служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ.

Такъ какъ большинство англійской буржуазіи состояло изъ выскочекъ, то наслажденія, которымъ она предавалась, отличались всѣ безъ исключенія грубостью и необузданностью. Много ѣли, много пили и много «любили»—безъ всякой аристократичности и безъ всякой изысканности. Наслаждались такъ сказать, «уплетая за обѣ щеки».

За деньги можно купить огромныя куски баранины: люди подчеркивали поэтому, что у нихъ деньги, не зная удержа въ ѣдѣ. За деньги можно купить «любовь»—поэтому безъ проститутки не обходилось ни одно удовольствіе. Безбрежнымъ потокомъ наводняли проститутки всѣ улицы. Люди раскошеливались и брали, что нравилось. Здѣсь дочь, тамъ мать, а то заодно и мать и дочь. Похищенія особенно замужнихъ женщинъ и совращенія были обычными явленіями.

Англійская разнузданность стала типичной, вошла въ поговорку. Ею и отличались повсюду англичане, гдѣ бы они ни появлялись. Ни въ одной другой странѣ эти черты выскочки такъ ярко не выступали въ физіономіи буржуазіи, потому что нигдѣ не было на лицо такихъ благопріятныхъ для ихъ безпрепятственнаго развитія условій, какъ именно въ Англіи. По существу однако эти люди новаго вѣка, которые были въ тоже время и его царями, были во всѣхъ странахъ одинаковы.



Домье: А мы думали, что она изящна, какъ Венера. Настоящая туша.
Гл. III.



Эрскинъ; Туалетъ Венеры (1780).
Гл. II.

Современникъ великой революціи, Гримо де ла Рейньеръ, говоритъ о вынесенныхъ ею на поверхность жизни французскихъ буржуа-парвеню:

«Въ связи съ обусловленной революціей перемѣной въ имущественныхъ отношеніяхъ людей, въ связи съ переходомъ большихъ богатствъ въ другія руки, чѣмъ тѣ, которые ими владѣли до сихъ поръ, находится увлеченіе чисто животными наслажденіми. Сердце этихъ неожиданно разбогатѣвшихъ парижанъ подверглось измѣненію и стало подобно зобу голубя. Ихъ желаніе не болѣе, какъ аппетитъ, ихъ ощущенія не болѣе, какъ прихоть».

Другой современникъ, извѣстный французскій бытописатель Мерсье подмѣтилъ такимъ же образомъ черты характера французскаго парвеню эпохи директоріи и имперіи:

«Нѣтъ ничего болѣе несноснаго, какъ бесѣда, которую эти люди ведутъ за обѣдомъ. За чрезмѣрно обильно уставленнымъ всякими яствами столомъ говорятъ только о кухонныхъ рецептахъ, о талантахъ того или другого повара, объ изобрѣтателѣ новаго сорта рагу, о цѣнѣ хранящихся въ погребкѣ винъ, о пиршествахъ и ихъ пышности. Гостей почти насильно заставляютъ ѣсть и пить и не даютъ имъ покоя своимъ приставаніемъ».

Тѣ же самыя свѣдѣнія имѣются у насъ и о Германіи. Въ одномъ своемъ сочиненіи уроженецъ Гамбурга Іоганнъ Петеръ Галласъ говоритъ:

«Темой бесѣдъ въ этихъ кругахъ являются наряды, прически, обѣды, разводы, банкротства. Ѣдятъ за обѣдомъ много, послѣ ѣды играютъ въ Bouillotte или совершаютъ прогулку въ Carrik'ѣ, возвращаются къ чаю, болтаютъ, не вслушиваясь въ вопросы, зѣваютъ во весь ротъ, отправляются, наконецъ, спать и дѣлаютъ завтра то же, что дѣлали сегодня».

Итакъ: повсюду новые господа жизни были выскочками съ манерами выскочекъ. Вся разница только въ томъ, что во Франціи и въ Германіи все носило болѣе мелкобуржуазный оттѣнокъ. Правда, съ перваго взгляда было видно, что эти люди уже переросли мѣщанскія традиціи, и однако, они слишкомъ къ нимъ привыкли, чтобы сразу отъ нихъ отдѣлаться, когда занялась заря новой жизни.

Переломъ—или, если угодно, конецъ возраста шалостей, конецъ Flegeljahre буржуазнаго общества—обозначился прежде всего въ Англіи, а именно въ періодъ между 1820 и 1830 гг. Переломъ былъ такой основательный, что на первый взглядъ можетъ

показаться, будто опять наступилъ совершенно новый періодъ: настолько измѣнилась по сравненію съ только что закончившейся эпохой физіономія людей и вещей. На самомъ дѣлѣ, однако, содержаніе измѣнилось лишь настолько, насколько того требовалъ новый костюмъ. Люди просто надѣли новый фракъ,—фракъ солиднаго почтеннаго обывателя—и этотъ фракъ отнынѣ долженъ былъ носить каждый, кто хотѣлъ считаться членомъ порядочнаго общества.

Во Франціи и въ Германіи этотъ переломъ не такъ бросался въ глаза, хотя и былъ не менѣе основательнымъ, именно потому, что, какъ уже упомянуто, здѣсь буржуазія не отказалась вполнѣ отъ своего прежняго мѣщанскаго, обывательскаго костюма. Здѣсь людямъ поэтому было достаточно лишь принять серьезное и «степенное» выраженіе лица, чтобы достойнымъ образомъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни...

Происходившая во внѣшней физіономіи общественной жизни перемѣна была, впрочемъ, ускорена еще однимъ особымъ обстоятельствомъ, а именно спеціально экономическимъ положеніемъ, въ которомъ тогда находилась промышленная эволюція. Профессія коммерсанта становилась не только все прибыльнѣе, но и требовала въ виду гигантскаго прогресса техники и связаннаго съ нимъ расширенія производства все большаго и большаго напряженія всѣхъ силъ. Къ тому же теперь всюду по сосѣдству сидѣлъ какой нибудь безсовѣстный конкурентъ. Итакъ: надо было быть на чеку. А если для имущихъ классовъ въ этомъ положеніи вездѣ и всюду не было иного выхода, какъ отнынѣ разыгрывать демонстративно роль олицетворенной морали, если оказалось недостаточнымъ ограничить прежнюю эпикурейскую жизнь праздничными днями, то въ этомъ виновато было то обстоятельство, что какъ разъ въ это время въ конторахъ буржуазіи появился пролетаріатъ съ своими требованіями господства и настойчиво заявилъ о своемъ желаніи быть на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ прилично оплачиваемымъ компаньономъ при раздѣлѣ имъ же созданной прибавочной стоимости.

Для мотивировки своихъ разнообразныхъ требованій пролетаріату, потерявшему всякое уваженіе къ своимъ господамъ, было, естественно, чрезвычайно важно разоблачить истинную сущность осуществленнаго будто бы буржуазіей нравственнаго міропорядка. Такъ какъ имущіе классы оправдывали свое право на политическую опеку надъ массами ихъ нравственной будто бы малоцѣнно-

стью, то это право могло быть заподозрѣно, разъ массы оказывались все болѣе въ состоянiи считать болѣе высокую нравственность своей привиллегiей. При такихъ условiяхъ господствующимъ классамъ оставался одинъ только выходъ, а именно подновить основательно фасадъ своей жизни, разъ они хотѣли вырвать изъ рукъ посягавшихъ на ихъ имущество и на ихъ власть по крайней мѣрѣ оружiе никогда не попадающей впросакъ критики. Иная тактика была бы равносильна циническому самоотреченiю.

Это значило бы заранѣе признаться въ своемъ пораженiи. А на такой шагъ общественный классъ способенъ, какъ уже было упомянуто во вступленiи, только въ томъ случаѣ, если онъ прошелъ уже всѣ возможныя фазы развитiя и неизбѣжно въ его дверь стучится близкое банкротство. Тогда онъ провозглашаетъ своимъ девизомъ слова: «Послѣ насъ пусть разразится потопъ». Въ такомъ положенiи еще не находилась тогда ни одна буржуазiя. Буржуазное общество, напротивъ, всюду поднималось, какъ вскорѣ доказало экономическое и политическое развитiе всѣхъ государствъ.

Такъ смѣнились недавнiя откровенныя манеры выскочекъ не менѣе откровеннымъ моральнымъ лицемѣрiемъ. Такой метаморфозѣ подверглась однако не только буржуазiя, но и всѣ классы буржуазнаго общества. Все было подчинено этому закону. И не только временно, но окончательно и безповоротно, вплоть до нашихъ дней. Противъ господствующей буржуазной морали сознательно и рѣзко протестовали только отдѣльные индивидуумы, а не цѣлые классы. Къ такому поведенiю побуждало буржуазное общество еше одно спецiальное обстоятельство.

Въ вѣкъ капитализма любовь, какъ проблема жизни, становилась все болѣе сложной.

Подобно тому, какъ капитализмъ привелъ въ своемъ развитiи къ удивительному многообразiю жизни, такъ выдвинулъ онъ и сотни сложныхъ проблемъ любви, большинство которыхъ разрѣшимо въ рамкахъ частнокапиталистическаго хозяйства только путемъ компромисса. Вотъ почему лицемѣрiе стало для каждаго—хотя бы до извѣстной степени—драконовскимъ закономъ жизни. Можно бороться противъ господствующаго общественнаго порядка, но нельзя его отрицать, такъ какъ «внѣ» его нѣтъ никакой реальности, а есть только идейныя построенiя, которыя, какъ бы логичны они ни были, никогда не могутъ замѣнить собой реальности.

«Соблюдайте внѣшнiя приличiя»—такъ гласилъ, слѣдовательно, законъ буржуазнаго общества, которому всѣ и каждый должны

были подчиняться. И не только, чтобы удостоиться всеобщаго уваженія, а просто, чтобы вообще быть терпимыми въ средѣ такъ называемаго «хорошаго общества». Черный сюртукъ, на рукахъ черныя перчатки, на почтенной головѣ еще болѣе почтенный цилиндръ, таковы были для мужчины внѣшніе символы этой новой, истинно буржуазной морали. Они—мундиръ внѣшняго приличія. И этотъ мундиръ придуманъ очень цѣлесообразно. Сюртукъ и цилиндръ допускаютъ только степенныя движенія, а перчатки изолируютъ чувства, дѣлаютъ равнодушнымъ. Обязательнымъ для женщины мундиромъ, который она носитъ публично, является застегнутое до самой шеи платье. Нарушеніе законовъ внѣшняго приличія карается безжалостнымъ изгнаніемъ изъ общества, въ особенности, если виновницей является женщина.

Главной сущностью внѣшняго приличія является возможно болѣе рѣшительное исключеніе изъ публичнаго поведенія всего полового. Любовь какъ будто перестала существовать. Люди стали безполыми. Они не ведутъ себя, какъ влюбленные, они не говорятъ о любви—т.-е. по крайней мѣрѣ громко,—они не видятъ, когда другіе ведутъ себя, какъ влюбленные. Любовь отрицается. Такое поведеніе принято называть корректнымъ. Другой характерной чертой приличнаго поведенія является стремленіе избѣгать въ разговорѣ тщательнѣйшимъ образомъ такихъ выраженій, которыя не только содержатъ, но даже только могутъ содержать намекъ на половыя отношенія. Тщательно избѣгаются даже серьезные разговоры о половыхъ вопросахъ. Говорить объ этомъ съ женщиной считается прямо безтактнымъ. Порядочная женщина о такихъ вещахъ ничего не знаетъ.

Строго возбраняется точно обозначать тѣ части женскаго тѣла и женскаго костюма, которыя дѣйствуютъ эротически возбуждающе. Обо всемъ этомъ позволено говорить только съ «деликатными» намеками. У женщины нѣтъ ни бедеръ, ни икръ, есть только ноги! Говорить о бедрахъ женщины! Fi donc! Груди именуются грудью, въ крайнемъ случаѣ допускается слово: бюстъ. Животъ замѣненъ желудкомъ. Задняя часть тѣла совсѣмъ не существуетъ. Корсетъ называется лифчикомъ. Нижняя юбка именуется благородно и прилично «жюпономъ». Женщина не беременна, а «въ такомъ положеніи».

Внѣшнее приличіе требуетъ далѣе строго избѣгать всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые могли бы благопріятстуютъ соблазну. Неприлично, если молодой человѣкъ и молодая дѣвушка остаются одни въ



Бертье: Поклоненіе Пріапу. (Эпоха великой революціи).
Гл. II.

20

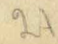
Роуландсонъ: **Похищеніе.**
Гл. I.

Леженъ: **Какая непріятность!** (1885 г.)
Гл. III.

Брачная ночь. Испанская гравюра.



Медовый мѣсяцъ. Гл. IV.



Моренъ: Блаженство. Гл. IV.

комнатѣ; одинокая женщина, разъ она дорожитъ своей честью, никогда не будутъ принимать у себя мужчинъ; ни одна дѣвушка, ни одна порядочная женщина не выйдетъ вечеромъ одна на улицу. Общаться съ мужчинами порядочной женщинѣ вообще разрѣшается только въ присутствіи постороннихъ лицъ. Даже женихъ и невѣста имѣютъ до свадьбы право разговаривать и встрѣчаться только въ обществѣ взрослыхъ. Дама, идущая по улицѣ, не должна оборачиваться ни назадъ, ни въ сторону, а итти лучше всего съ опущенными внизъ глазами, ни слишкомъ быстро, ни слишкомъ медленно, иначе можно подумать, что она приглашаетъ мужчинъ познакомиться съ ней. Съ тщательнымъ стараніемъ обязана порядочная женщина избѣгать на улицѣ поднимать юбки. Только проститутки показываютъ ноги. До восьмидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія запрещалось показывать даже ступню ногъ, и потому, когда въ моду вошли короткія юбки, они считались неприличными въ такъ называемомъ «обществѣ». Если мода и разрѣшаетъ дамѣ дѣлать большой вырѣзъ въ бальномъ платьѣ, то дома показаться постороннему въ неглижэ, хотя бы и самомъ скромномъ, ей строжайшимъ образомъ воспрещено и т. д.

Можно было бы наполнить цѣлыя страницы подобными «требованіями приличія».

Искусство, театръ, литература—должны также сообразоваться съ этой институтской моралью. Нагота находится въ опалѣ. Она—безстыдство. Смотрѣть на нагую статую, на картину съ голыми или полуголыми фигурами доказываетъ, что у человѣка нечистые желанія и помыслы. Приличные люди знаютъ только одѣтаго человѣка. Въ романахъ и въ драмахъ, которые читаются и смотрятся приличными людьми, герои любятъ только самымъ законнымъ образомъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи объ адюльтерѣ, о незаконныхъ дѣтяхъ, о продажной любви. Любовь кончается непремѣнно бракомъ или же въ противномъ случаѣ отчаяніемъ, что бракъ не состоялся и т. д.

Всѣ нарушающіе эти правила приличія подвергаются безжалостному гоненію: всѣ, поступающіе открыто и честно, всѣ, отдающіеся горячей страсти, не обращая вниманія на внѣшнія формы. Дѣвушка или женщина, цѣлующая неофиціальнаго жениха, незаконнаго мужа, тѣмъ самымъ уже потеряла свою честь. Молодая дѣвушка, которую поцѣловалъ мужчина, который тогда былъ ея женихомъ, уже не можетъ потомъ выйти замужъ за порядочнаго человѣка. Всякая добрачная связь женщины считается безнравственной. Дѣвушка забеременѣвшая на вѣки-вѣчные лишается уваженія

всѣхъ порядочныхъ людей. Всѣ двери запираются передъ нею. Она —отверженная, на которую всѣ указываютъ пальцами. На дѣвушку-мать же всѣ смотрятъ, какъ на развратницу, ея незаконное дитя опорочено на всю жизнь. А если женщина пойдетъ такъ далеко, что будетъ открыто исповѣдовать принципъ «свободной любви», то ее сочтутъ за проститутку, къ которой можно относиться только съ отвращеніемъ и презрѣніемъ.

Таковы важнѣйшіе и извѣстнѣйшіе параграфы интернаціональнаго закона о внѣшнемъ приличіи. Это, такъ сказать, его офиціальная часть. Въ этой своей формѣ онъ всѣми признанъ и всегда на устахъ всѣхъ порядочныхъ людей. Неофиціальная часть этого закона, неизбѣжный выходъ изъ дилеммы, касается самого поведенія и облеченъ въ слѣдующее категорическое требованіе: если вы не можете жить цѣломудренно, то развратничайте по крайней мѣрѣ тайкомъ. Такъ гласилъ когда-то и девизъ монаховъ. Если это требованіе строго соблюдается, то общество готово при извѣстныхъ условіяхъ закрыть глаза на поведеніе этихъ людей. Другими словами: разъ соблюдается это требованіе, то общество разрѣшаетъ мужчинѣ все, а женщинѣ—очень многое.

Большинство людей охотно сообразуетъ свое поведеніе съ этимъ правиломъ. Мужчина имущихъ классовъ часто имѣетъ свою любовницу, но онъ никогда не пройдется съ ней по улицѣ и вообще будетъ показываться съ ней какъ можно рѣже. Онъ чрезвычайно часто сходится съ проститутками, но дѣлаетъ это тайно. На улицѣ проститутка и для него злокачественный и отвратительный нарывъ на тѣлѣ общественнаго организма. Часто и порядочная дама считаетъ ласки одного или нѣсколькихъ постороннихъ мужчинъ заманчивѣе наслажденія, даруемаго ей мужемъ. Но она не скомпрометируетъ ни себя, ни мужа и будетъ всѣми силами стараться, чтобы прислуга ничего не знала. Безусловно корректная дама, дорожащая «чистотой квартиры», требуетъ обыкновенно, чтобы ея любовникъ содержалъ особую квартиру, гдѣ можно устраивать не бросающіяся никому въ глаза свиданія.

Заказывая себѣ бальное платье, дама будетъ строго считаться съ тѣмъ, чего требуетъ въ данный моментъ приличіе, принятое модой, и однако она устроитъ такъ, что любопытство и вожделѣнія осчастливленнаго партнера будутъ удовлетворены. Съ удивительной ловкостью рѣшаетъ она задачу быть голой и въ тоже время одѣтой. К. Пельтанъ рисуетъ въ своемъ трудѣ объ обществѣ второй имперіи слѣдующую интимную сценку:

«Взгляните, напримѣръ, на эту молодую мать, мечтающую у колыбели ребенка. За ширмой огонь въ каминѣ поетъ чудесную мелодію, въ комнату ложатся благодаря матовому, заглушенному къ тому же голубыми окнами освѣщенію блѣдныя лунныя пятна. Въ этой очаровательной сумеречной тишинѣ не слышно даже тиканія часовъ. Желая увѣковѣчить часъ незабвеннаго визита, мадамъ испортила механизмъ часовъ. Окруженная волной воздушнаго кашмира, она прижимается къ мягкимъ подушкамъ кушетки и оперевъ голову украшенной браслетами рукой, полузакрывъ глаза, размышляетъ надъ моральной геометріей, надъ вопросомъ, какъ устроить такъ, чтобы ея новое бальное платье позволяло ей казаться голой, тогда какъ она на самомъ дѣлѣ одѣта. И знаете почему? Какой-то смѣлый кавалерійскій офицеръ сравнилъ ее съ Венерой Милосской. И вотъ она хочетъ доказать, что она можетъ побѣдить и олимпійскую богиню».

Когда между дочерью и претендентомъ на ея руку завязываются серьезныя отношенія, почтенная мамаша сдѣлаетъ все, что въ такихъ случаяхъ является вдвойнѣ обязанностью женщины, дорожащей хорошей репутаціей. Никогда не оставитъ она молодыхъ людей вдвоемъ, дабы пресѣчь въ корнѣ возможность всякихъ сплетенъ. Однако, возвращаясь съ бала или изъ общества домой, она не рѣдко, если ихъ сопровождаетъ ухаживатель дочки, будетъ въ каретѣ засыпать. Нѣтъ такого брака, въ которомъ главную роль не играла бы любовь! Обѣ стороны воодушевлены самыми благородными намѣреніями! Девизъ жениха всегда гласилъ: «я женюсь только по любви, деньги меня не интересуютъ».

Девизъ невѣсты звучитъ: «я выйду только за человѣка, котораго буду уважать, положеніе его не играетъ для меня никакой роли, въ противномъ случаѣ я лучше останусь въ дѣвушкахъ».

Оба они и руководились въ самомъ дѣлѣ этими возвышенными принципами. Всѣ знаютъ, что они влюблены другъ въ друга до безумія. «Они точно созданы другъ для друга»—сообщаютъ сіяющіе отъ радости родители всякому, желающему слушать. И прибавляютъ, поясняя: «Онъ—или она—могъ бы сдѣлать гораздо болѣе выгодную партію, если бы онъ—или она—только захотѣли. Но онъ— или она—вбили себѣ въ голову, что свяжутъ свою жизнь только съ нею—или съ нимъ!» Если бы кто-нибудь дерзнулъ возразить: это просто союзъ двухъ именъ, соединеніе двухъ состояній—всѣ закричатъ: какая гнусная клевета!

Только изрѣдка, находясь среди своихъ, когда поза приличія

не стоитъ затрачиваемаго на нее труда, случается, что покровъ цинически снимается и положеніе вещей обнаруживается въ настоящемъ свѣтѣ.

Въ своей книгѣ Пельтанъ воспроизводитъ съ натуры и такую сцену:

«Нѣсколько дней тому назадъ зашелъ я въ читальню, очень посѣщаемую сливками Сенъ Жерменскаго предмѣстія. Молодой человѣкъ, подобравъ ногу до самаго подбородка, дожидался кѣмъ-то взятаго романа изъ жизни богемы, насвистывая на набалдашникѣ тросточки каватину Беллини. Вскорѣ появился другой молодой человѣкъ, его пріятель по части развлеченій, къ которому онъ обратился прямо, безъ обиняковъ, съ вопросомъ: «Сколько принесетъ тебѣ женитьба?»—«Сто тысячъ»—отвѣтилъ тотъ.

— Признайтесь, господа!—замѣтила хозяйка читальни,—что вы предпочли бы приданое безъ дѣвушки.

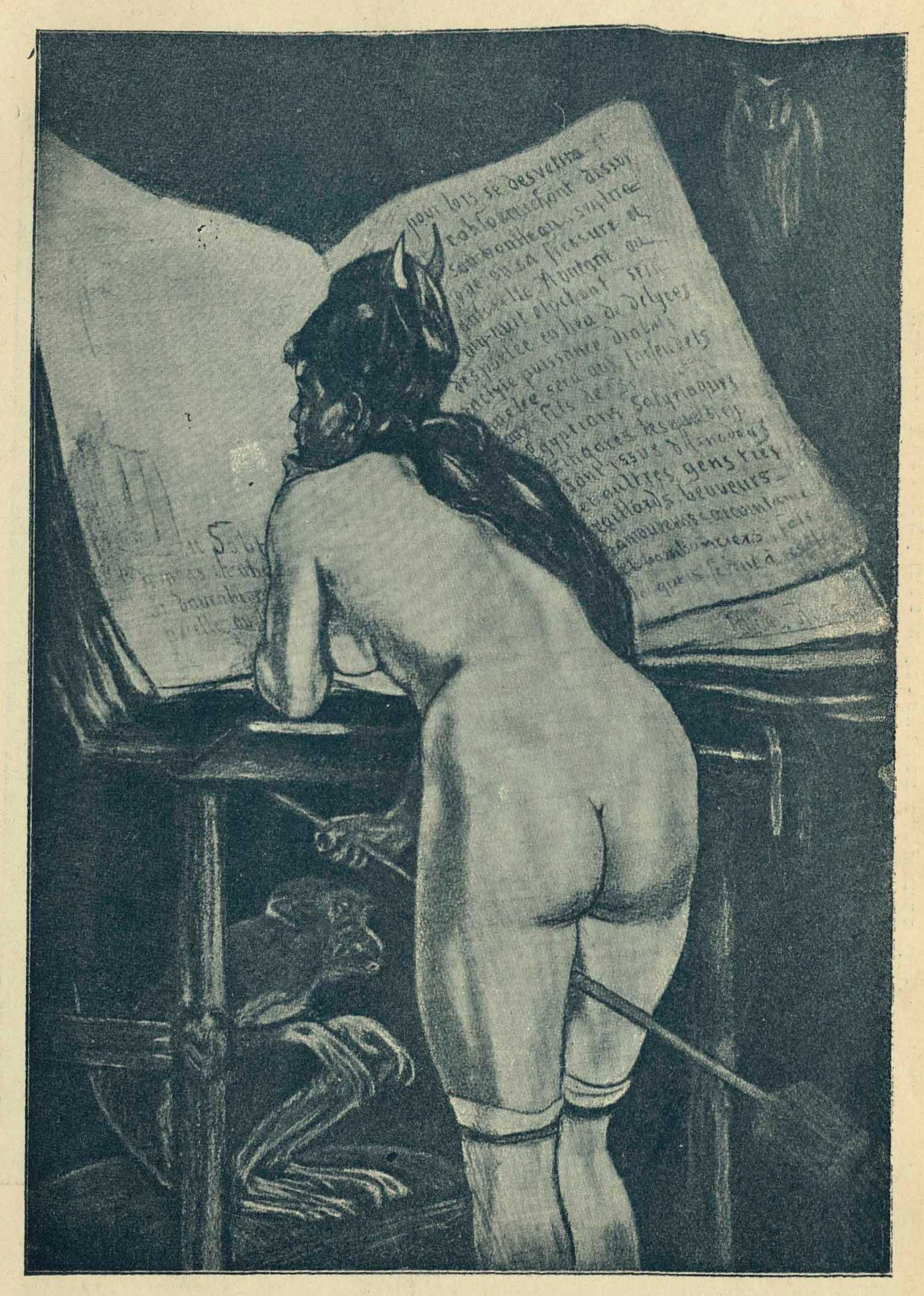
— Несомнѣнно!—отвѣтили оба, какъ одинъ человѣкъ.

Оба были молоды и судя по элегантному костюму и виду, по всѣмъ вѣроятіямъ, также и богаты Въ Парижѣ такъ разсуждаютъ въ годы иллюзій всѣ герои польки.

«Сколько принесетъ мнѣ женитьба?» Таковъ лозунгъ извѣстной части молодежи, для которой бракъ только источникъ пополнить истощившійся кошелекъ, только послѣднее средство оплатить сапожника и портного.

Ставъ собственникомъ горячо жданнаго приданаго, мужъ снова принимается за прежній образъ жизни со всѣмъ пыломъ счастливаго игрока, съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ дольше приходилось изъ экономіи отказываться отъ удовольствій. Онъ посѣщаетъ клубъ, кофейни, вечеромъ идетъ въ театръ. Рано покидая свой домъ, онъ возвращается поздно, чтобы избѣжать скуки и жены, одинъ видъ которой возбуждаетъ въ немъ угрызенія совѣсти».

Вотъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ моральное лицемѣріе буржуазнаго общества спеціально въ области половыхъ отношеній. Эта же самая мораль фиговаго листка охватываетъ однако всѣ стороны жизни буржуазнаго вѣка. Буржуазное общество низачто не хочетъ обнаруживать истинной сущности вещей. Такими же безупречными, какъ индивидуальная половая мораль, провозглашаются и соціальныя отношенія. «Кто бѣденъ и нуждается, тотъ въ этомъ самъ виноватъ». «Кто хочетъ найти работу, всегда найдетъ ее». «Кто дѣлаетъ сбереженія, тотъ всегда выйдетъ въ люди». Къ тому же развѣ «мы не заботимся по человѣчески о бѣд-



Ропсъ: Вѣдьма.
Гл. II.



Норскотъ: Трудолюбивая и безпутная служанка (1796).

Гл. I.

ныхъ и несчастныхъ?»—«Развѣ нѣтъ больницъ для больныхъ, пріютовъ для бездомныхъ, дѣтскихъ садовъ для дѣтей, сиротскихъ домовъ для сиротъ, богадѣленъ для слѣпыхъ, калѣкъ и стариковъ?» «Развѣ мы ежечасно не жертвуемъ собой для общаго блага?»—Развѣ мы не являемся членами всевозможныхъ благотворительныхъ обществъ?»—Развѣ наши жены не устраиваютъ необыкновенно доходные благотворительные базары, дни маргаритки и другихъ цвѣтовъ?» «Наши жены даже цѣлуются и танцуютъ въ пользу бѣдныхъ!» Чего же, въ самомъ дѣлѣ, еще?

Все это носитъ, какъ уже сказано, международный характеръ, но любопытно то, что за исключеніемъ Америки это моральное лицемѣріе нигдѣ такъ пышно не процвѣтаетъ, какъ въ Англіи. Если нѣмецкая дама не произнесетъ слова: «бедра», то благовоспитанная англичанка поступаетъ неприлично, уже произнося слово «ноги». «Рубашка» и «корсетъ» совершенно не существуютъ въ ея лексиконѣ. Не имѣетъ права произносить подобныя слова и писатель, въ противномъ случаѣ онъ подвергается опасности, что его книги и сочиненія будутъ изгнаны изъ всѣхъ читаленъ,—а это равносильно его литературной смерти. Пьеса, въ которой встрѣчаются такія слова, никогда не будетъ поставлена. Даже наукѣ воспрещено въ Англіи свободно обсуждать половые вопросы. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи такое значительное изслѣдованіе, какъ «Мужчина и женщина» Хавлокъ Эллиса было запрещено, какъ безнравственное, и ни одинъ книгопродавецъ не дерзалъ продавать открыто его книгу.

Съ духомъ этой институтской морали должны сообразоваться всѣ стороны хорошаго общества въ Англіи. Распространенные въ респектабельномъ обществѣ иллюстрированныя изданія не только избѣгаютъ давать изображенія наготы, хотя бы самаго идеальнаго свойства, не только изображенія декольтэ и retroussé, но и лишаютъ изображаемыхъ людей всѣхъ половыхъ признаковъ, воспроизводятъ ихъ безполыми. Только сюртуки и юбки отличаютъ другъ отъ друга представителей обоихъ половъ. Классическимъ образчикомъ можетъ служить издававшійся впродолженіи 70 лѣтъ лондонскій Пончъ, самый филистерскій изъ всѣхъ журналовъ міра.

Не менѣе характеренъ, впрочемъ, тотъ фактъ, что общество, подвергающее такому гоненіе слово и картину, относится тѣмъ болѣе снисходительно къ поведенію людей. Нѣтъ другого болѣе убѣдительнаго доказательства, какъ произведшее въ 70 годахъ довольно большую шумиху дѣло полковника Бэкера. Въ своей книгѣ

La pudique Albion Г. Франсъ сообщаетъ объ этомъ дѣлѣ слѣдующее:

«Полковникъ Валентинъ Бэкеръ находился однажды вдвоемъ съ хорошенькой и кокетливой дѣвушкой въ купе вагона. Послѣ того, какъ миссъ Дикенсонъ довольно долго храбро флиртовала съ не менѣе мужественнымъ офицеромъ, она сдѣлала видъ, что засыпаетъ... Офицеръ немедленно же воспользовался удобнымъ случаемъ и осыпалъ почтенную молодую даму ласками, которыя она принимала преспокойнѣйшимъ образомъ. Когда же онъ въ пылу страсти воскликнулъ громко: My darling! My ducky!, то цѣломудренная дѣвица, стерпѣвшая любовныя ласки, но очень чувствительная къ нѣжнымъ словамъ, вскочила и подняла шумъ. Сбѣжались люди, бѣднаго офицера арестовали, отправили въ тюрьму и разжаловали. Когда десять лѣтъ спустя англійское офицерство подало петицію о включеніи въ англійскую армію Бэкера-паши, отличившагося тѣмъ временемъ на турецкой службѣ въ войнѣ съ Россіей (1877) и въ Египтѣ, то вскорѣ появилась контръ-петиція, подписанная тысячами англійскихъ дамъ, такъ возмущенно протестовавшихъ, что королева не отважилась дать ходу петиціи несмотря на вмѣшательство принца Уэльскаго, близкаго пріятеля Бэкера».

«Въ газетахъ было напечатано не мало забавныхъ криковъ возмущенія, сорвавшихся съ женскихъ устъ. Одна дама заявила, что въ лицѣ миссъ Дикенсонъ оскорблены всѣ англійскія женщины. Другая была поражена тѣмъ, что могли найтись англійскіе офицеры, поздоровавшіеся съ Бэкеромъ за руку, когда тотъ вернулся въ Лондонъ, что они обѣдали за однимъ столомъ съ такимъ отъявленнымъ субъектомъ. Третья писала, что уже одно его пребываніе въ Англіи является оскорбленіемъ для всѣхъ женщинъ націи, а четвертая держалась того мнѣнія, что уже одно произнесеніе его имени грубая непристойность. Необходимо поэтому запретить говорить о немъ».

Подобные факты не удивительны: тайный развратъ принимаетъ такіе большіе размѣры, что даже слово—простое слово—грозитъ изобличить его. Чопорные люди являются безъ исключенія развратниками, по крайней мѣрѣ въ воображеніи. И потому противъ словъ возстаютъ особенно страстно. Такъ возникъ другой законъ моральнаго лицемѣрія: то, о чемъ не говорятъ, не существуетъ.

Таково приблизительно положеніе вещей и въ Америкѣ, какъ

уже упомянуто. Никто не ведетъ себя такъ грубо-грязно, какъ американецъ, путешествующій по Европѣ. Тѣмъ чопорнѣе онъ зато на родинѣ. Живущій въ Нью-Іоркѣ нѣмецкій писатель Баумфельдъ писалъ очень мѣтко въ одномъ помѣщенномъ въ газетѣ Berliner Tageblatt этюдѣ о путешествующихъ американцахъ:

«Другіе люди путешествуютъ ради отдыха, американецъ—чтобы перебѣситься. To have a good time значитъ на самомъ дѣлѣ дѣлать то, чт о дома онъ не можетъ или не долженъ дѣлать изъ чувства самоуваженія. Кто часто разъѣзжалъ по океану, замѣчаетъ съ удивленіемъ, какъ быстро улетучиваются подъ вліяніемъ морского воздуха тотъ пуриценскій духъ, то псевдо-мораль, которые дѣлаютъ жизнь въ Америкѣ такой несносной. Капитаны, являющіеся на палубѣ высшей полицейской инстанціей, могли бы изъ собственнаго опыта привести не мало цѣнныхъ свѣдѣній о томъ, какой грубой выглядитъ на самомъ дѣлѣ даже самая очищенная society moral, разъ она не сознаетъ надъ собой никакого контроля. Въ высшей степени забавно видѣть, какъ даже тѣ янки, которые сначала находятъ подобное поведеніе shoking, сами потомъ становятся на сторону согрѣшившихъ.

Въ увеселительныхъ центрахъ Европы нынѣ прекрасно знаютъ, что американка требуетъ еще болѣе острыхъ развлеченій, даже, чѣмъ американецъ. И ихъ подносятъ ей съ той же исправностью, съ какой обслуживаются вообщо хорошіе кліенты. Въ послѣднее время я часто имѣлъ возможность разговаривать съ однимъ господиномъ изъ Каира, однимъ изъ лучшихъ знакомыхъ тамошней жизни, о невѣроятномъ нравственномъ паденіи арабовъ, одной изъ наиболѣе чистыхъ въ нравственномъ отношеніи расъ. Онъ объясняетъ это явленіе просто заманчивыми предложеніями обладателей долларовъ, не останавливающихся ни передъ какой гнусностью, создавшихъ цѣлые промыслы противоестественныхъ пороковъ, на которыхъ они поистинѣ помѣшаны.

Этотъ характерный фактъ понятенъ, какъ реакція противъ жизни, опутанной неестественными и мнимыми добродѣтелями. Столь прославленная чопорность этой націи является по существу чѣмъ-то извращеннымъ. Душевно порядочные люди не нуждаются въ томъ, чтобы постоянно громко доказывать свое alibi. Съ естественной увѣренностью избѣгаютъ они всего того, что болѣе всего привлекаетъ путешествующаго американца. Прошедшей зимой пьеса Гальбе «Юность», поставленная въ Англіи, была единодушно объявлена грубымъ проявленіемъ тевтонской безнравственности. И

это дѣлается тѣми людьми, которые въ Парижѣ краснѣютъ, если оказывается, что они вообще еще способны краснѣть...

Изъ заграничнаго путешествія американецъ рѣдко привозитъ что-нибудь кромѣ такихъ вещей, ради которыхъ онъ такъ охотно обманываетъ бдительную таможню. Только въ исключительныхъ случаяхъ будетъ онъ говорить о незабываемыхъ красотахъ природы, о неизгладимыхъ впечатлѣніяхъ искусства. Зато онъ знаетъ адреса рѣшительно всѣхъ шантановъ, ресторановъ и роскошныхъ магазиновъ и любитъ ихъ громко произносить. А тихо прибавитъ онъ всѣ тѣ адреса, о которыхъ уже нельзя говорить вслухъ, какъ только онъ вернулся домой».

Каждый, кто знакомъ съ американской жизнью, согласится, что такая характеристика американцевъ правильна. Въ нѣкоторыхъ американскихъ штатахъ даже поцѣлуй между мужемъ и женой считается предосудительнымъ. Оба подлежатъ въ такомъ случаѣ судебному преслѣдованію, ибо,—какъ мотивировалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ судья въ Нью-Джерсеѣ свой приговоръ—«приличные люди публично не цѣлуются». Имѣть у себя «непристойную литературу»,—а подъ этотъ терминъ въ Америкѣ подводится добрая половина новѣйшей литературы,—правда, не возбраняется, зато пересылка по почтѣ такой литературы считается во многихъ штатахъ преступленіемъ.

Произведенія въ родѣ Декамерона Боккаччьо относятся, естественно, къ числу самыхъ гнусныхъ. Въ 1909 г. бывшій судья Ричардъ Шегардъ былъ присужденъ къ невѣроятному наказанію, къ двумъ годамъ каторжныхъ работъ за то, что «использовалъ почту для непозволительныхъ цѣлей», а именно за то, что переслалъ по почтѣ, какъ выяснилъ почтовый сыщикъ, одинъ экземпляръ Декамерона. На прошеніи о помилованіи, поданномъ Рузвельту писателями, сенаторами и другими видными людьми, президентъ написалъ: «Въ помилованіи отказываю. Жаль, что не могу наказать этого господина пожизненнымъ заключеніемъ».

Надо, однако, остерегаться одностороннихъ сужденій. Такова не только американская «мораль», къ такому идеалу стремятся на всѣхъ парусахъ и въ Германіи. И нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо. Краснорѣчивымъ доказательствомъ могутъ служить народныя пѣсни, изданныя въ послѣдніе годы почтенными педагогами для нѣмецкаго юношества. Въ прелестной пѣснѣ: «Тамъ внизу на мельницѣ» мѣсто исчезнувшей возлюбленной занялъ въ школьномъ изданіи—дядюшка. Въ пѣснѣ о дикомъ охотникѣ изъ-за кустовъ вы-

ходитъ уже не смуглая дѣвушка, а рѣзвый молодой—олень. Въ очаровательной пѣснѣ: «Когда вѣтерокъ цѣлуетъ твои щеки и руки, вѣрь, что это вздохи, которые я посылаю тебѣ»—послѣднія слова переиначены такъ: «вѣрь, что это письма, которыя я посылаю тебѣ». Слова: «Что значитъ мой сонъ, будто умерла моя милая?» исправлены такъ: «Что значитъ, что падаютъ съ деревьевъ увядшія листья?»

Нѣтъ ни одной пропасти между идеей и дѣйствительностью, какъ бы она ни была глубока и широка, которую буржуазное общество не старалось бы и все снова старается затушевать самымъ тщательнымъ образомъ. И притомъ весьма успѣшно. Вводящая въ обманъ кулиса и нынѣ еще принимается милліонами за подлинную дѣйствительность, сдѣланная изъ папье-маше мораль—за каменный утесъ истинной и неизмѣнной нравственности.

Необходимо сказать здѣсь въ заключеніе еще нѣсколько словъ о рамкахъ и границахъ этого третьяго и послѣдняго тома нашей исторіи нравовъ. Такъ какъ капиталистическое товарное производство является базисомъ буржуазнаго государства, то главной рамкой служитъ, естественно, XIX столѣтіе. Девятнадцатый вѣкъ является для всѣхъ странъ кульминаціонной точкой капитализма, подобно тому, какъ кульминаціоннымъ пунктомъ абсолютизма для всѣхъ странъ—кромѣ Англіи—былъ восемнадцатый вѣкъ. Однако, начало XIX столѣтія опредѣлить довольно трудно, во всякомъ случаѣ относительно Англіи и Франціи, гдѣ, какъ мы знаемъ, буржуазное общество стало дѣйствительностью значительно раньше. А что касается современности, то мы нарочно не ставимъ здѣсь никакихъ границъ, такъ какъ стремимся показать всегда историческое развитіе въ его поперечномъ, а не продольномъ разрѣзѣ.

II.

Идеалъ физической красоты въ вѣкъ господства буржуазіи.

Каждая специфически новая историческая эпоха создаетъ всегда и свой специфическій идеалъ физической красоты современнаго человѣка. Хотя это положеніе было уже развито и подтверждено доказательствами въ двухъ первыхъ томахъ, здѣсь необходимо прибавить еще нѣкоторыя дополненія къ этому общему тезису.

Было бы безусловно неправильнымъ предполагать, что этотъ идеалъ существуетъ только въ головахъ людей, какъ идея. Во многихъ отношеніяхъ онъ осязаемъ тѣлесно и существованіе его доказуемо, именно потому, что люди стараются какъ можно больше приспособиться къ этому идеалу красоты, порожденному, правда, идеей, но обусловленному всѣмъ комплексомъ жизненныхъ потребностей, постоянно, какъ мы знаемъ, мѣняющихся. Это приспособленіе совершается при помощи жестовъ, движеній, поведенія, костюма, словомъ всего жизненнаго обихода. Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что люди отличаются такими особенностями гораздо отчетливѣе, чѣмъ ростомъ или тѣлосложеніемъ, то отсюда слѣдуетъ, что люди разныхъ эпохъ должны рѣзко отличаться другъ отъ друга и въ этомъ особомъ физическомъ отношеніи. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ эпохи Ренессанса имѣетъ свою особую только ему свойственную линію, какъ и человѣкъ галантнаго вѣка и человѣкъ современнаго капиталистическаго періода. Каждый представляетъ совершенно непохожій на другихъ типъ.

Превращеніе одного типа въ другой никогда не происходитъ, естественно, очень быстро. Идеалъ физической красоты, создава-

емый людьми, находится благодаря дѣйствующимъ здѣсь законамъ въ процессѣ постояннаго видоизмѣненія. На примѣрѣ пластическихъ искусствъ можетъ человѣкъ, умѣющій видѣть, очень хорошо уяснить себѣ эту постоянную смѣну, такъ какъ пластическія искусства увѣковѣчили намъ, такъ сказать, тоску и мечту каждой эпохи о красотѣ, сегодняшней, вчерашней и позавчерашней. Происходитъ вѣчная смѣна, ибо ни одинъ день исторіи не похожъ на предыдущій. Сумма условій жизни становится съ каждымъ днемъ другой, хотя, правда, различіе сводится обыкновенно къ незначительнымъ оттѣнкамъ.

Въ тонкихъ оттѣнкахъ и выражается поэтому обыкновенно и отраженіе въ эстетической области этой постоянной смѣны историческаго положенія вещей. Какъ бы, однако, ни были незначительными эти оттѣнки, одно остается безспорнымъ. Если бы вы захотѣли въ одинъ прекрасный день устранить промежуточныя звенья и сравнить современный моментъ эволюціи съ ея исходной точкой, то вамъ пришлось бы констатировать, что изъ первоначальнаго образа выросъ совсѣмъ другой идеалъ. Оглядываясь назадъ на болѣе или менѣе продолжительную эпоху, вы далѣе увидите, что—а это очень важно—начиная съ извѣстнаго момента эти оттѣнки всегда лежатъ въ одномъ направленіи. Такъ слагается постепенно совершенно новый идеалъ, причемъ тотъ идеалъ, которому нынѣ поклоняются, на который нынѣ молятся, представляетъ въ своихъ идеализированныхъ тенденціяхъ нѣчто совершенно противоположное, даже враждебное первоначальному образу, передъ которымъ люди когда-то склоняли колѣни. Но именно эти противоположныя линіи считаются теперь единственно красивыми, провозглашаются сущностью новой красоты, выставляются, какъ канонъ будущаго.

Мечта данной эпохи объ идеальной красотѣ является поэтому принципіально иной, чѣмъ та, которая господствовала въ болѣе или менѣе далекомъ прошломъ, такъ какъ потребности стали совершенно иными: люди стремятся теперь къ инымъ цѣлямъ. Фактъ этотъ долго остается въ области безсознательнаго, но въ одинъ прекрасный день онъ все-таки входитъ въ сознаніе. Какъ мы уже выяснили въ первомъ томѣ, это имѣетъ обыкновенно мѣсто въ революціонныя эпохи. Въ этомъ смыслѣ революціонными эпохами являются такія, когда измѣнившаяся, неизбѣжно сложившаяся историческая ситуація входитъ во всеобщее сознаніе.

Если же переработка старыхъ идеаловъ совершается уже не

безсознательно, не какъ результатъ инстинктивнаго слѣдованія извѣстному закону, а преднамѣренно, то она отличается тѣмъ большей радикальностью и послѣдовательностью. Люди стремятся къ поставленной цѣли уже напрямикъ. Вотъ почему съ другой стороны эти эпохи вызываютъ ложное впечатлѣніе, будто ими создана новая форма, тогда какъ на самомъ дѣлѣ данная революціонная эпоха подводитъ лишь итогъ работѣ давно дѣйствовавшихъ силъ и въ лучшемъ случаѣ доводитъ процессъ развитія къ его цѣли кратчайшимъ путемъ.

А цѣль всегда одна и таже: снова привести въ гармонію форму и содержаніе.

Вотъ почему и буржуазный идеалъ физической красоты былъ созданъ не французской революціей и не художникомъ-истолкователемъ, Ж. Давидомъ, а сложился уже гораздо раньше въ Англіи, да и былъ уже подготовленъ въ своихъ существенныхъ чертахъ во Франціи. Правда, нѣкоторыя наиболѣе характерныя черты и линіи онъ получилъ лишь въ эпоху великой французской революціи потому именно, что послѣдняя очень скоро вступила въ сознательную оппозицію завершенному ею прошлому, эпохѣ абсолютизма.

Въ своемъ окончательномъ видѣ буржуазный идеалъ красоты явился діаметральной противоположностью идеалу абсолютизма. Онъ долженъ былъ находиться въ такомъ же рѣзкомъ противорѣчіи къ послѣднему, въ какомъ нѣкогда идеалъ красоты Ренессанса находился късредневѣковому идеалу красоты. Ибо снова стояли передъ человѣкомъ, этимъ живымъ орудіемъ исторіи, иныя цѣли, и снова долженъ былъ онъ сыграть въ жизни иную роль, чѣмъ прежде.

Такъ какъ идеалъ красоты каждой специфической новой эпохи всегда диктуется интересами политически господствующихъ или по крайней мѣрѣ задающихъ тонъ классовъ, то въ эпоху абсолютизма красивымъ считался человѣкъ, предназначенный къ бездѣйствію и бездѣлію. Все, что во внѣшней физіономіи человѣка напоминало о систематической работѣ, все, что съ виду благопріятствовало ей, считалось—не красивымъ. Этотъ паразитическій идеалъ, идеалъ бездѣльника, возведенный въ идеалъ человѣческой красоты, получилъ свое наиболѣе точное и наиболѣе раффинированное выраженіе въ царствованіи Людовика XV. Въ эпоху Рококо онъ праздновалъ свой высшій и всѣми признанный тріумфъ (см. второй томъ).



Прюдонъ: Сладострастіе.
Гл. II.

23



Галантная французская гравюра.
Гл. II.

Роуландсонъ: Мать и дочь (1799).
Гл. II.

Въ эту же эпоху намѣтился однако и переломъ, ибо тогда уже назрѣвала новая эпоха. По мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ ускореннаго фабричной индустріи процесса капитализаціи мѣнялся весь общественный организмъ, по мѣрѣ того, какъ распространялись вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазныя идеи, мѣнялся и идеалъ красоты Рококо, перекидываясь уже до начала революціи въ свою выше подчеркнутую прямую противоположность. Эта діаметральная противоположность соотвѣтствовала, естественно, совершенно измѣнившимся потребностямъ общества. Исторія поставила передъ рвавшейся къ господству буржуазіей самыя сложныя и трудныя проблемы и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ.

Необходимо было сызнова урегулировать всѣ взаимныя отношенія между людьми. Рѣшить эти выросшія изъ исторической ситуаціи задачи могъ лучше всего человѣкъ ума и воли или, вѣрнѣе, только онъ одинъ и могъ рѣшить эти задачи. Высшей потребностью времени было, слѣдовательно, соединеніе обоихъ этихъ качествъ въ одномъ лицѣ и притомъ въ возможно большемъ количествѣ лицъ, ибо рѣшеніе предстоявшихъ очередныхъ задачъ времени требовало сотрудничества всѣхъ.

Эпоха провозгласила поэтому идеаломъ именно эти линіи: ясный, энергичный взглядъ, прямую и напряженную осанку, жесты, исполненные силы воли, оттѣнокъ самосознанія въ голосѣ, руки, способныя не только хватать, но и удержать захваченное, ноги, энергично ступающія и твердо стоящія на завоеванной позиціи. Таковы были линіи, отличавшія отнынѣ тонко организованную, исполненную сильной воли человѣческую машину, и эти качества хотя и требовались преимущественно отъ мужчины, однако должны были до извѣстной степени воплощаться и въ женщинѣ.

Другой существенной составной частью новаго идеала красоты является душевная красота. Болѣе высокая жизненная цѣль, не исчерпывающаяся уже однимъ только паразитическимъ наслажденіемъ жизнью, сознаніе, что высшіе идеалы человѣчества лежатъ не позади, а впереди—все это предполагаетъ особыя качества, а именно свободный, высокій лобъ, за которымъ живутъ «чудесныя, великодушныя мысли, подобно орламъ, привыкшимъ купаться въ лучахъ золотого солнца», солнечно-ясный глазъ и гордый взоръ, блистающій откровенностью и великой любовью къ людямъ, наконецъ, характеръ, способный страстно увлечься тѣмъ, что онъ призналъ за правду.

Сочетаніе въ одномъ лицѣ физической и душевной красоты

замѣтно отличало человѣка буржуазной эры отъ господствующаго въ эпоху абсолютизма типа, такъ какъ именно этихъ линій нѣтъ въ идеалѣ красоты абсолютизма.

Не менѣе существенной метаморфозѣ подвергся въ буржуазной идеологіи и человѣкъ, какъ орудіе эротики. Въ эпоху буржуазнаго возрожденія человѣчество снова переживало свою молодость, чувствовало себя во второй разъ послѣ среднихъ вѣковъ какъ бы вновь рожденнымъ. Поэтому вновь торжествовало творческое начало: сила, здоровье, жажда дѣятельности, ибо таковы всегда характерныя признаки молодости. Этимъ качествомъ соотвѣтствовали особыя черты и въ идеальномъ образѣ физической красоты. Тѣло мужчины и женщины было уже не только, какъ въ эпоху Рококо, объектомъ рафинированнаго наслажденія, функціи котораго исчерпывались однимъ только физическимъ удовольствіемъ. Половая способность и половое наслажденіе подчинены теперь задачамъ и цѣлямъ всего человѣчества.

Такъ само собой долженъ былъ пасть рафинированно-извращенный идеалъ красоты Рококо, считавшій самымъ заманчивымъ и привлекательнымъ дѣтскую незрѣлость формъ, красоту мальчика и дѣвочки (см. второй томъ). Теперь снова выше всего цѣнятъ мужчину и женщину въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Мужчина пересталъ быть игрушкой въ рукахъ женщины, онъ ея бурно-страстный повелитель, на котораго она взираетъ съ гордостью и нѣжностью. Женщина предпочитаетъ мужчину съ мускулами, съ крѣпкими ляжками и икрами.

Въ относящемся къ 1799 г. «Опытѣ философіи моды» (Beitrag zur Philosophie der Mode) говорится въ пикантныхъ выраженіяхъ, все еще характерныхъ для эпохи:

«Подобно тому, какъ мужчины чувствуютъ величайшее отвращеніе къ толстой женской шеѣ..., такъ ненавидятъ женщины тонкія икры. Икры мужчинъ являются истиннымъ термометромъ ихъ нѣжности на практикѣ, барометромъ ихъ физической силы, счетами, на которыхъ они отмѣчаютъ число данныхъ ими уроковъ любви, книгой, куда они записываютъ свои расходы на женщинъ. Повѣрьте мнѣ, коллеги-мужчины, женщины лучшіе, какихъ вы только можете себѣ представить, знатоки икръ; взоры ихъ подоютъ внизъ, какъ наши обращаются вверхъ».

Женщина обязана рожать дѣтей. Она должна поэтому имѣть широкій тазъ. Она должна сама кормить произведенныхъ ею на свѣтъ дѣтей, а эта обязанность предполагаетъ наличность полной

и крѣпкой груди. Таковы отнынѣ типы, воплощающіе красоту человѣка. Или выражаясь кратко: въ физической области снова восторжествовала красота цѣлесообразности. Новый человѣкъ такимъ образомъ весьма напоминаетъ человѣка эпохи Ренессанса и мы въ самомъ дѣлѣ находимъ въ его созданномъ идеологіей идеальномъ образѣ не мало линій, считавшихся достоинствами и людьми эпохи Возрожденія. И это совершенно логично, такъ какъ современный буржуазный вѣкъ является ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ Ренессанса. Вновь родившійся идеалъ красоты превосходитъ однако идеалъ эпохи Возрожденія преобладаніемъ въ немъ элементовъ духовныхъ и душевныхъ. Этимъ отличается вообще новый буржуазный идеалъ красоты отъ соотвѣтствующаго идеала всѣхъ предыдущихъ эпохъ.

И потому этотъ идеалъ является высшимъ изъ всѣхъ до сихъ поръ порожденныхъ человѣческой мечтой о красотѣ. Онъ превосходитъ—это также слѣдуетъ здѣсь подчеркнуть—даже античный идеалъ, хотя и не отличается свойственной послѣднему единственной въ своемъ родѣ гармоніей. Античный идеалъ красоты по существу идеалъ чисто физіологической красоты: вотъ почему здѣсь голова занимаетъ такое же мѣсто, какъ и всѣ остальные члены тѣла. Въ новомъ буржуазномъ идеалѣ красоты голова, какъ мѣсто мысли, души и чувствъ, господствуетъ, напротивъ, надъ всѣми остальными частями тѣла. Она главенствуетъ надъ тѣломъ, но не въ средневѣковомъ духѣ, не въ томъ смыслѣ, что она его порабощаетъ, а въ томъ смыслѣ, что она воплощаетъ особенно ярко всѣ свои естественныя цѣли и функціи.

Въ этомъ заключается въ наши дни торжество духа надъ тѣломъ, если не въ жизни, то въ идеологіи.

Подобно тому, какъ оппозиціонное отношеніе буржуазіи къ абсолютизма опредѣлило собой первую формулировку новой половой идеологіи, такъ было оно и первымъ факторомъ, опредѣлившимъ идеалъ физической красоты. Можно сказать, не преувеличивая, что на первыхъ порахъ некрасивымъ демонстративно считалось то, что идеализировала и чему поклонялась эпоха абсолютизма. И это касается не только человѣка, но и вообще всѣхъ сторонъ жизни. По той же причинѣ была предана всеобщему презрѣнію господствовавшая до той поры идеологія красоты.

Въ особенности отрицательно относились къ Рококо съ его воздушными и нѣжными линіями. Его прямо ненавидѣли. Насколько глубока была ненависть буржуазіи къ Рококо, лучше всего до-

казывается тѣмъ, что пренебреженіе, въ которое перешла эта ненависть послѣ того, какъ уже не приходилось бояться скрывавшагося за Рококо политическаго принципа, длилось болѣе трехъ четвертей столѣтія. Впродолженіи этого долгаго періода появлялись во всѣхъ странахъ, и даже во Франціи, только отдѣльные изслѣдователи, пытавшіеся понять и освоиться съ міромъ красоты этой эпохи. Во Франціи къ ихъ числу относятся, какъ извѣстно, братья Гонкуры. Этотъ фактъ служитъ доказательствомъ вовсе не неспособности пониманія и враждебности культурѣ со стороны буржуазіи разныхъ странъ, а огромнаго антагонизма между буржуазіей и абсолютизмомъ.

Оба эти міра ни въ чемъ не сходились и потому буржуазія могла развѣ только удивляться искусству эпохи абсолютизма, но отнюдь не восхищаться имъ. Восхищаться имъ буржуазія стала лишь тогда, когда сумѣла ближе ознакомиться съ этимъ искусствомъ. А распространенное нынѣ повсюду увлеченіе искусствомъ Рококо доказываетъ въ свою очередь не только, что утончилось пониманіе искусства и чувство стиля, а еще въ гораздо большей степени то, что между культурой Рококо и культурой капитализма въ его новѣйшемъ развитіи существуетъ не мало точекъ соприкосновенія.

Буржуазія, когда-то бывшая борцомъ, теперь все болѣе становится сибаритомъ. И вотъ ея мечты и симпатіи, естественно, обращаются къ эпохѣ, когда сибаритъ былъ идеальнымъ человѣкомъ.

Въ качествѣ относящагося сюда, хотя и не вполнѣ совпадающаго съ даннымъ случаемъ, литературнаго примѣра можно привести отвратительный культъ Гёте, въ которомъ нынѣ упражняется нѣмецкая буржуазія и который находитъ между прочимъ свое наиболѣе характерное выраженіе во все новыхъ и все болѣе роскошныхъ изданіяхъ его произведеній. Поклоняются не великому революціонеру Гёте, творцу Прометея, а эпикурейцу Гёте, или— какъ выражаются эстеты—художнику жизни. Какъ технически драгоцѣнныя лакомства публика и покупаетъ его произведенія Само собой понятно, что этотъ культъ обставляется всевозможными красивыми фразами въ родѣ, напр.: «нѣмецкая нація обязана чтить своего величайшаго сына и такимъ (!) путемъ она, наконецъ, выполняетъ эту свою обязанность» или другой подобной ерундой. Что это не болѣе, какъ ерунда, доказывается контръ-вопросомъ: почему тѣ же соціальные слои совершенно не поклоняются Лессингу? Отвѣтъ гласитъ очень просто: потому что Лессингъ былъ гор-

Лероллъ: Туалетъ.



Гильомъ: Туалетъ.

Тассаръ: Ты всегда будешь любить меня?



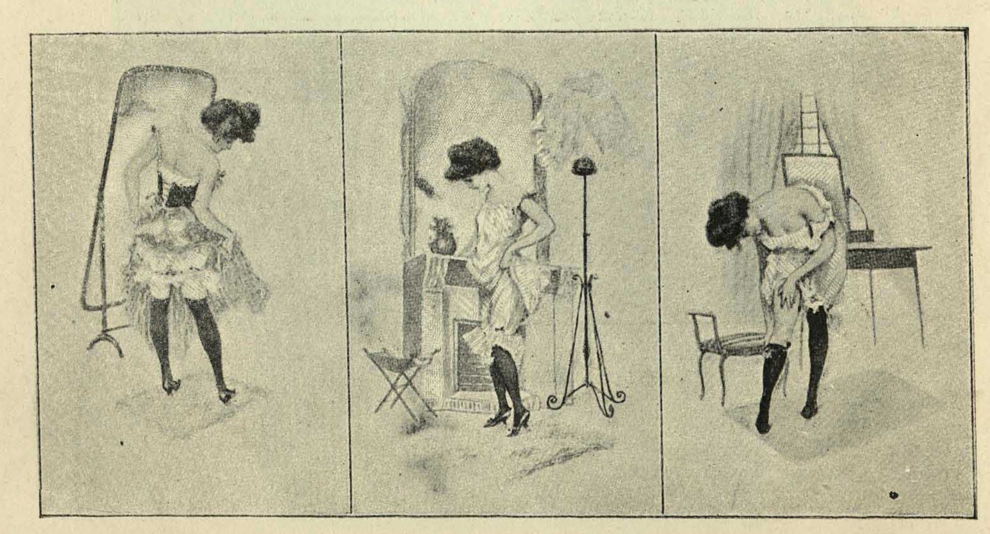
Бассажэ: Брачная ночь.



Линдеръ: Велосипедистки. Гл. III.

25

Кринолинъ. Гл. Ш.



Дессу элегантной дамы.

дымъ борцомъ. Когда нѣмецкое бюргерство само еще имѣло политическіе идеалы и само еще стояло въ боевой позѣ, оно чтило Лессинга и забыло Гёте.

Другимъ факторомъ, опредѣлившимъ первоначальный буржуазный идеалъ красоты, было то обстоятельство, что буржуазія стала господствующимъ классомъ только послѣ продолжительной и героической борьбы. Эпоха нуждалась въ герояхъ. Каждый хотѣлъ быть героемъ и чувствовалъ себя въ самомъ дѣлѣ героемъ въ качествѣ побѣдителя абсолютизма. Такъ зародился прежде всего идеалъ героической красоты. Такъ какъ каждая эпоха стремится найти для своихъ новыхъ потребностей уже готовыя идеи и образы—или для того, чтобы легче популяризировать свои потребности или потому, что новая идеологія создается не сразу,—то она охотно возвращается къ такимъ эпохамъ и охотно дѣлаетъ заимствованія у такихъ эпохъ, когда аналогичное историческое содержаніе уже выработало анологичныя идеологическія формы.

Этимъ объясняется начавшееся въ царствованіи Людовика XVI и достигшее своего апогея въ дни французской революціи увлеченіе античнымъ міромъ. Въ древнемъ Римѣ нашли люди то героическое поколѣніе, которымъ они хотѣли сами быть. Вотъ почему тѣлесныя формы древняго Рима ощущались, какъ высшая красота, и провозглашались, какъ высшее мѣрило. Эпоха, нуждающаяся въ герояхъ, ежеминутно готовыхъ пожертвовать, не колеблясь, жизнью во имя дѣла, относится, естественно къ противоположному типу съ величайшимъ презрѣніемъ. Если передъ героемъ преклоняются, то его антипода ненавидятъ. А именно героическихъ чертъ былъ лишенъ прежде всего и болѣе всего petitmaitre стараго режима, бывшій типическимъ мужчиной эпохи, такъ какъ онъ особенно ярко воплощалъ характерный для абсолютизма идеалъ мазохистскаго культа женщины.

Новая идеологія дѣлала поэтому фронтъ прежде всего противъ этого типа. Противъ этого женоподобнаго мужчины повели атаку ранѣе всего, естественно, въ Англіи, болѣе другихъ странъ пропитанной буржуазнымъ духомъ. А вмѣстѣ съ нимъ подверглись, естественно, осмѣянію и нападенію и женщины, все еще увлекавшіяся этими «позолоченными игрушками».

Въ появившейся около 1775 г. книгѣ: Thoughts of Galantry, Love and Marriage говорится:

«Есть еще одинъ типъ мужчинъ, который слѣдовало бы изгнать изъ общества тонко чувствующихъ женщинъ. Это такъ назы-

ваемые Fops и Fribbles, петиметры нашего вѣка. Эти красивые парни (pretty fellows) состоятъ изъ пудры, эссенцій и духовъ. Я спрашиваю, можетъ ли найти образованная женщина удовольствіе въ обществѣ такого достойнаго всякаго презрѣнія мужчины? Единственнымъ предметомъ его заботъ является его собственная драгоцѣнная особа. Каждое его желаніе сосредоточено на немъ самомъ и никогда его мысль не идетъ дальше его собственнаго я. Вотъ, сударыни, достойный предметъ для вашихъ шутокъ и для вашего остроумія, вотъ на кого можетъ обрушиться ваша сатира. Fop—мужчина въ маскѣ и какъ таковой заслуживаетъ вашего крайняго презрѣнія. И однако—увы! Какъ далеко отъ презрѣнія ваше обычное отношеніе къ этимъ позолоченнымъ игрушкамъ, къ этимъ блестящимъ ничтожествамъ! Вмѣсто того, чтобы презирать эти «бездѣлушки изъ шелка», вы слишкомъ часто пристрастными похвалами и восхищеніемъ укрѣпляете въ нихъ ихъ тщеславіе».

Когда во Франціи вмѣстѣ съ образованіемъ буржуазнаго государства все болѣе претворялась въ жизнь и буржуазная мысль, мужчины подчеркивали это внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что сравнительно долго прямо разыгрывали противоположность развѣнчаннаго петиметра, т. е. силача. Въ одномъ сочиненіи о директоріи писатель Лакуръ говоритъ:

«Эти молодые люди стремились къ тому, чтобы блеснуть тѣлосложеніемъ, крѣпкими мускулами, красивымъ ростомъ, широкой грудью, сильными руками и ляшками. Вотъ почему они такъ увлекались цирковыми представленіями, атлетическимъ спортомъ, гимнастическими упражненіями».

Какъ видно, то полная противоположность идеалу эпохи стараго порядка. Внѣшность этого новаго типа еще рѣзче подчеркивалась соотвѣтствующимъ поведеніемъ. Гримо де ла Рейньеръ говоритъ объ этой чертѣ эпохи директоріи:

«Эти молодые люди на видъ очень любезны, но, повидимому, имѣютъ о правилахъ приличія и вѣжливости такъ же мало понятія, какъ о грамматикѣ и орфографіи. Взглядъ ихъ болѣе, чѣмъ дерзокъ, манеры ихъ неуклюжи и порывисты, тонъ—грубо-солдатскій, а въ разговорѣ они неловки. Никогда не снимая шляпы, даже въ коляскѣ, всегда, даже по вечерамъ въ высокихъ сапогахъ, съ дубиной въ рукахъ, они похожи скорѣе на погонщиковъ стада быковъ. Когда они предоставлены всецѣло себѣ и своимъ вкусамъ, они только и знаютъ, что ругаться, курить, играть въ карты и

пьянствовать. Къ старикамъ они не чувствуютъ никакого почтенія, къ женщинамъ—никакого уваженія».

Въ Германіи протестъ рвавшейся впередъ молодежи противъ свѣтской культуры абсолютизма сказался также прежде всего въ оппозиціи господству петиметровъ. А выражался этотъ протестъ въ томъ, что петиметра, любимца дамъ, осыпали насмѣшками, становясь при этомъ въ позу силача. Эта мода,—а въ Германіи дѣло часто не заходило дальше простой моды—была распространена всюду, въ особенности же—что вполнѣ естественно—въ средѣ студенчества, гдѣ она и продержалась дольше всего. О своемъ пребываніи въ гиссенскомъ университетѣ магистръ Лаукхартъ сообщаетъ, что все, напоминавшее манеры петиметра, находилось подъ запретомъ, т. е. прежде всего, конечно, галантный культъ дамъ.

«Только немногіе студенты въ Гиссенѣ ухаживаютъ за женщинами (machen Knoepfe), замѣчаетъ онъ—ибо это считается признакомъ петиметра, недостойнымъ настоящаго бурша».

Поставленный студенчествомъ на мѣсто идеала петиметра идеалъ силача, не представлялъ, правда, болѣе высокой культуры. Въ томъ же самомъ мѣстѣ Лаукхартъ говоритъ: «Кто обвинитъ гиссенскихъ студентовъ въ петиметрствѣ, тотъ будетъ несправедливъ. Большинство вело себя—какъ говорится въ пѣсенкѣ—какъ свиньи». Слѣдуетъ добавить, что гиссенскіе студенты не являлись исключеніемъ, и что увлеченіе новымъ типомъ сильнаго человѣка обнаруживалось во всѣхъ университетскихъ городахъ одинаково грубо. Какъ ни мало привлекателенъ фактъ, онъ вполнѣ понятенъ. То была въ значительной степени неизбѣжная реакція противъ элегантной изнѣженности мужчинъ, тѣмъ болѣе отвратительной, что она вела къ банкротству. Культъ сильнаго человѣка скрывалъ въ себѣ все же стремленіе къ возрожденію. Въ немъ сказывалось въ карикатурномъ видѣ сознаніе, что изнѣженное поколѣніе не сможетъ восторжествовать надъ враждебнымъ міромъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что начинавшійся процессъ оздоровленія Германіи иначе, какъ въ карикатурныхъ формахъ, и не могъ обнаружиться, такъ какъ упадокъ страны мѣшалъ плодотворному проявленію накипѣвшей въ буржуазіи силы.

Подобное увлеченіе физически-сильнымъ человѣкомъ потомъ еще нѣсколько разъ повторялось въ Германіи, а именно каждый разъ, когда народъ дѣлалъ новую попытку политической эмансипаціи. Распространившееся послѣ монархически - освободительной

войны 1813 г., а также въ 40-хъ г., такъ называемое турнерство было по своему существу ни чѣмъ инымъ. Такъ какъ въ эти только что указанные періоды напряженіе силы было несовсѣмъ безплоднымъ, такъ какъ оно добилось кое-какихъ фактическихъ результатовъ, то оно и не обнаруживалось въ такой же степени, какъ прежде, въ дикомъ пьянствѣ и въ скандалахъ. Во всѣ эти періоды типъ сильнаго мужчины, Kraftmensch, съ широкой грудью—высшій символъ мужественности—былъ также и особо чтимымъ идеаломъ красоты боровшихся за свою эмансипацію классовъ.

Уже выше было указано, что въ эпоху выступленія на историческую сцену буржуазіи и женщины превращались въ героинь. Первоначально и здѣсь возрожденіе началось съ того, что женщина хотѣла во всемъ быть противоположностью того, въ чемъ эпоха абсолютизма видѣла ея красоту. Если вѣкъ Рококо болѣе всего преклонялся передъ женщиной съ едва распустившейся, какъ бутонъ, грудью и съ граціозною фигуркой, передъ женщиной, напоминавшей фарфоровую статуэтку, то начиная съ середины XVIII в. англійская буржуазія ставила выше всего не пышную, но все же статную фигуру Туснельды, суровую красоту женщины, символъ цвѣтущаго здоровья (См. картины Петерса: «Соблазнительная красавица», Эрскина «Туалетъ Венеры» и въ особенности Гора (Hoare): «Купающаяся красавица»). Если въ картинѣ Петерса еще чувствуется сильное вліяніе Рококо, то «Купающаяся красавица» является воплощеніемъ свѣжести и здоровья. Это уже не тѣ женщины, которыя хотѣли быть прежде всего пикантными орудіями наслажденія. То поколѣніе, мечтающее удостоиться черезъ посредство любви почетнаго титула матери. Грудь этихъ женщинъ не только вздымается на встрѣчу ласкающей руки возлюбленнаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ пышущій богатствомъ источникъ жизни. Грудь женщины теперь даже прежде всего именно источникъ жизни. Изображаемая теперь искуствомъ грудь женщины напоминаетъ всегда наполненную молокомъ грудь беременной женщины.

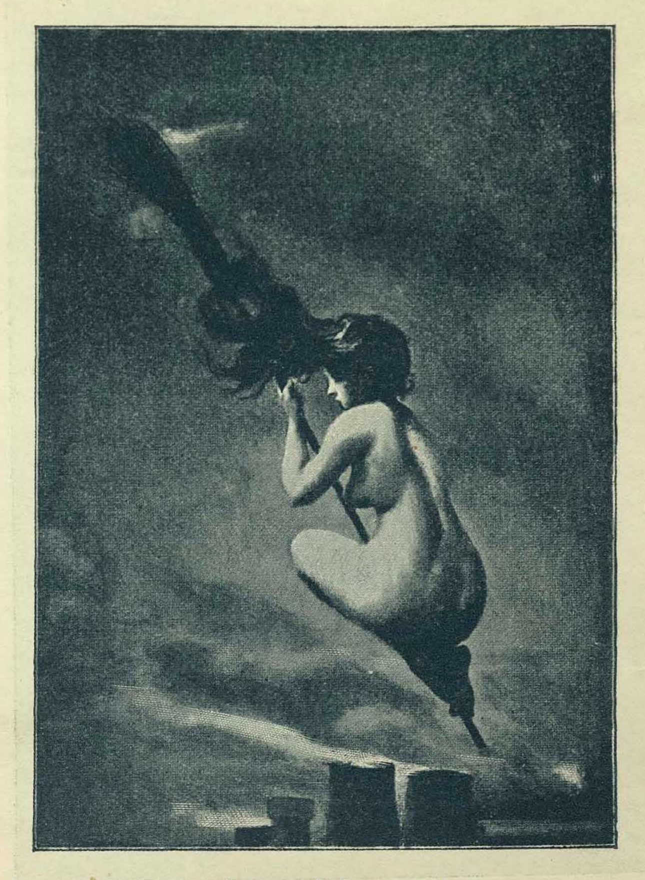
Во всѣхъ странахъ женщинамъ, приближавшимся къ этому идеалу красоты, устраивался настоящій культъ. Газеты помѣщали ихъ подробнѣйшія описанія, а когда онѣ показывались на улицѣ, вокругъ нихъ сейчасъ же собиралась толпа восторженныхъ зрителей. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ примѣровъ такого культа можетъ служить уже упомянутая во второмъ томѣ исторія двухъ сестеръ Gunning, двухъ отличившихся ослѣпительной красотой молодыхъ ирландокъ, прибывшихъ въ 1751 г. въ Лондонъ и долго

Де-ла-Ришардьеръ: **Сладострастіе** (1480).
Гл. II.

Иллюстрація къ Лефонтену (эпоха имперіи).
Гл. II.



Моrо: Пробный поцѣлуй.
Гл. II.



Фалеро: Вѣдьма.
Гл. II.

время стоявшихъ въ центрѣ всеобщаго вниманія. Знаменитый Горасъ Вальполь пишетъ въ 1751 г. (18 іюня) сэру Горасу Мэнну:

«Здѣсь говорятъ только о нихъ. Ихъ считаютъ красивѣйшими женщинами міра. Когда онѣ появляются въ паркѣ или въ вокзалѣ (Vauxhall, вокругъ нихъ собирается огромная толпа, такъ что онѣ вынуждены уйти».

Этотъ культъ былъ отнюдь не платоническимъ. Не прошло и года, и обѣ сестры вышли замужъ за богатыхъ лордовъ.

Такую же сенсацію произвела нѣсколькими десятилѣтіями позже знаменитая лэди Эмма Гамильтонъ, впослѣдствіи любовница адмирала Нельсона. Архенхольцъ такъ описываетъ ея наружность:

«Она высокаго роста, хорошо сложена, ножки маленькія. У нея крѣпкія кости и отличается она поразительной полнотой. У нея бюстъ Аріадны, тонкія черты лица, изящная форма головы и ушей. Зубы ея несовсѣмъ правильны, зато довольно бѣлы, глаза свѣтлоголубые, причемъ на одномъ коричневое пятно, недостатокъ, не портящій однако ея красоты и выраженія ея лица. Брови и волосы у нея черные, цвѣтъ лица не очень нѣжный. Выраженіе лица часто мѣняется и интересно, ея движенія въ будничной жизни не граціозны, голосъ у нея громкій, но пріятный».

Гёте также имѣлъ возможность видѣть лэди Гамильтонъ, а именно, когда она находилась съ мужемъ въ Италіи. Гёте восхищался преимущественно прелестью и граціей ея пластическихъ позъ,—искусство, въ которомъ впервые выступила она.

Вмѣстѣ съ побѣдой революціи зарождался и во Франціи аналогичный идеалъ женской красоты. Любопытно видѣть, какъ даже знаменитѣйшіе художники стараго режима, продолжавшіе еще работать, подлаживались подъ этотъ новый женскій идеалъ. А это доказываетъ, что есть нѣчто болѣе мощное, чѣмъ прирожденная индивидуальность, а именно общая историческая ситуація.

Во Франціи отпечатокъ героичности получилъ въ сосбенности идеалъ женской красоты, что, впрочемъ, вполнѣ совпадало съ жизнью. Безчисленное множество француженокъ были тогда героинями въ истиннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Когда потомъ республику смѣнила имперія, то героизмъ превратился въ величіе. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить анонимная картина «Не забудь меня». Быть можетъ, чище всего обнаруживается царственная линія, которой теперь дается предпочтеніе, въ интересной во многихъ отношеніяхъ статуѣ принцессы Боргезе работы Кановы. Женщина хотѣла быть богиней. Канова воспроизвелъ по-

этому здѣсь не столько Паулину Буонапарте, какъ физическое явленіе, а скорѣе воплощенную въ ней идею величія. Другими характерными въ этомъ отношеніи примѣрами могутъ служить многія помѣщенныя въ нашей книгѣ иллюстраціи. Все это не смертныя женщины, а греческія или римскія богини.

Если въ рамкахъ Рококо беременная женщина производила почти комическое впечатлѣніе, такъ какъ беременность считалась несчастіемъ, вызваннымъ неловкостью, то идеологія французской революціи объявила ее состояніемъ, достойнымъ величайшаго уваженія. И потому тогда снова, какъ нѣкогда въ дни Ренессанса, беременная женщина считалась красивымъ явленіемъ и постоянно изображалась, какъ символъ. Счастливый бракъ изображается символически въ видѣ нѣжной супружеской четы, причемъ мужъ упивается въ восторгѣ видомъ жены, находящейся въ послѣднемъ періодѣ беременности.

Подобныя сцены изображены цѣлымъ рядомъ художниковъ. Къ числу лучшихъ образцовъ можно отнести серію картинъ Сентъ-Обена: «Счастливый бракъ» и гравюру Шалля: «Гротъ Гименея». Женская грудь, насыщенная молокомъ, считалась и во Франціи очень долго, до послѣднихъ дней имперіи, наиболѣе красивой.

Совершенно логично, если женщина-мать, идеалъ эпохи, очень часто появляется вмѣстѣ съ ребенкомъ. Изображенія, гдѣ мать и ребенокъ соперничаютъ въ красотѣ и здоровьѣ, были до извѣстной степени высочайшимъ апофеозомъ женщины въ эту эпоху. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить относящаяся къ 1799 г. гравюра Роуландсона «Мать и дитя».

Другое послѣдствіе того же специфически здороваго воззрѣнія состояло въ томъ, что тѣло женщины перестало быть простымъ соединеіемъ груди, лона и бедеръ,, какъ въ эпоху стараго режима (см. второй томъ нашей «Исторіи нравовъ»). Теперь женщина снова стала единой и цѣльной, соединеніемъ тѣла, ума и души. Третьимъ послѣдствіемъ провозглашенія здоровья, какъ высшаго идеала красоты, было то обстоятельство, что въ моду вошелъ и всячески прославлялся естественный цвѣтъ кожи и прежде всего розовый цвѣтъ здоровья. Женщина и мужчина не хотѣли болѣе казаться старыма. Они хотѣли сіять свѣжестью. Прекратилось массовое потребленіе пудры. Исчезъ также обычай неумѣренно румянить лицо, свойственный эпохѣ стараго режима. Если же женщи-

ны продолжали еще румяниться, то онѣ красились по крайней мѣрѣ въ цвѣтъ здоровья.

Хотя политическій переворотъ совершился въ Германіи лишь полстолѣтіемъ позже, все же культура абсолютизма была уже въ концѣ XVIII в. превзойдена и здѣсь. Наполеоновскія войны уничтожили къ тому же внѣшнимъ образомъ послѣднія ея остатки, всюду распространяя и давая гражданское право идеямъ революціи. Это имѣло своимъ естественнымъ послѣдствіемъ, что и въ Германіи произошли тѣ же перемѣны, какъ въ Англіи и во Франціи. Здѣсь также восторжествовалъ идеалъ физическаго здоровья, идеалъ цѣлесообразной красоты. Нѣтъ болѣе яркаго примѣра, какъ Гёте. Гёте и Шиллеръ знаменовали собой бюргерскую революцію, отраженную въ сферѣ поэзіи. А какой здоровый воздухъ вѣялъ на этихъ высотахъ, доказываютъ тысячи стиховъ, сорвавшихся съ пѣвучихъ устъ Гёте. Достаточно привести одно стихотвореніе, посвященное имъ своей Кристель (своей женѣ Христинѣ Вульпіусъ) «Часто я бываю въ мрачномъ, угнетенномъ настроеніи и кровь тяжело течетъ въ моихъ жилахъ. Но стоитъ мнѣ только увидѣть мою Кристель и все опять хорошо. Я разсматриваю ее со всѣхъ сторонъ и не знаю, почему она мнѣ такъ нравится. Когда я гляжу въ ея черные плутовскіе глазки подъ черными бровями, то сердце мое такъ и таетъ. Найдется ли другая, у которой были бы такія милыя губки и такія круглыя милыя щечки. А налюбоваться ея круглой грудью— не налюбуешься!»

Это уже языкъ не галантности, а самой доподлинной здоровой чувственности.

Буржуазное общество никогда вполнѣ не отрекалось офиціально отъ первоначальной своей идеологіи красоты, возникшей въ Англіи, а потомъ совершившей вмѣстѣ со всѣми остальными идеями великой французской революціи свое побѣдное шествіе по всѣмъ странамъ, организовавшимся на основахъ капиталистическаго производства, отъ идеала красоты, основнымъ базисомъ котораго былъ здоровый, гармонически развитой человѣкъ. Въ наши дни этотъ идеалъ нашелъ даже чрезвычайно успѣшное распространеніе въ процвѣтающемъ особенно въ Германіи культѣ наготы (Nacktkultur), представляющемъ явленіе единственное въ своемъ родѣ. «Путемъ гармоническаго развитія красоты къ болѣе высокой нравственности»—такъ гласитъ гордая программа современныхъ апостоловъ этого ученія.

Такъ какъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ намъ еще придется вернуться къ этому движенію, то мы здѣсь ограничимся однимъ только упоминаніемъ.

И все таки: именно въ этомъ офиціальномъ поклоненіи первоначальному идеалу красоту, сказалось также безусловное господство нравственнаго лицемѣрія. Ибо на практикѣ преслѣдовались совсѣмъ иные идеалы и потому въ мужчинѣ и въ женщинѣ цѣнились совсѣмъ иныя качества. И прежде всего, естественно, въ женщинѣ. Но и въ мужчинѣ... Да это и понятно... Тенденція капитализма, развивавшагося въ какомъ угодно другомъ направленіи, только не въ сторону усовершенствованія человѣчества въ болѣе высокомъ смыслѣ этого слова, должны были систематически и побѣдоносно проявиться по всей линіи.

Въ нашъ вѣкъ капитализма царемъ міра является купецъ, преимущественно фабрикантъ. А купецъ менѣе всего герой, во всякомъ случаѣ не герой въ античномъ смыслѣ слова. Онъ отнюдь не чувствуетъ потребности мужестенно рисковать своей жизнью, еще менѣе, конечно, пожертвовать собой для другихъ. Совсѣмъ напротивъ: онъ стремится *жить*, какъ можно болѣе за счетъ другихъ. Онъ хочетъ нажить какъ можно больше денегъ. Его собственное я представляется ему важнѣйшимъ факторомъ въ быстро бѣгущей смѣнѣ явленій. Также мало является онъ вершиной человѣческаго совершенства, ибо его способности, равно какъ его успѣхи зависятъ всецѣло отъ безусловно односторонняго развитія его интересовъ.

Все односторонне сведено у него къ расчету. Все недѣловое, все, что не представляетъ для него шансовъ матеріальной наживы, относитъ онъ въ рубрику удовольствій, на которыя онъ тратитъ развѣ часть своего свободнаго времени. Къ той же категоріи относитъ онъ свѣтскую жизнь, науку, искусство, политику, заботы о здоровьѣ и красотѣ тѣла и т. д.

Въ исторіи на самомъ дѣлѣ никогда болѣе не повторялась столь односторонне развитая человѣческая физіономія. Этотъ типъ купца сдѣлался въ буржуазномъ обществѣ до извѣстной степени идеаломъ мужчины вообще. Онъ вырисовывался все отчетливѣе и ярче, становился все болѣе господствующимъ, пока не сдѣлался въ наше время единодержавнымъ, оттѣснивъ на задній планъ всякій другой мужской типъ. Въ настоящее время, напр., никому не придетъ въ голову охарактеризовать Германію, разъ только онъ знакомъ съ страной и ея населеніемъ, типами ея мыслителей и

поэтовъ. Эти послѣднiе могли считаться идеальными образами только въ такую эпоху, когда буржуазное государство существовало только, какъ идея. Когда оно изъ идеи превратилось въ реальность, его идеальнымъ воплощенiемъ долженъ былъ стать его представитель, т. е. купецъ.

Чрезвычайно характерной чертой этого идеальнаго образа является тотъ фактъ, что половая и животная сторона жизни не дали никакого матерiала для его образованiя. Купецъ на видъ не болѣе, какъ чистое соединенiе логики, цѣпкой энергiи и неутомимѣйшей дѣятельности. Въ машинный вѣкъ онъ самъ не болѣе, какъ машина, и само собой понятно машина, всегда находящаяся въ процессѣ производства, иначе она вѣдь не «капитализировалась» бы. А это было бы недочетомъ, совершенно не примиримымъ съ экономическими основами жизни. При всей своей односторонности это все же очень богатый типъ, въ высшей степени дифференцированный и сложный. Хорошо функцiонирующая счетная машина при всей своей простотѣ, какъ извѣстно, также одна изъ наиболѣе сложныхъ машинъ, какiя только существуютъ. И потому она какъ ни какъ— идеалъ машины. Какъ уже упомянуто въ началѣ этого абзаца, противоположность дѣйствительности первоначальному идеалу красоты сказалась однако ярче въ той метаморфозѣ, которую пережилъ въ теченiи XIX в. идеалъ женщины, созданный мечтой мужчины этой эпохи. Идеалъ женской красоты измѣнился въ направленiи противоположномъ тому, въ какомъ измѣнился идеалъ мужской красоты, что однако не мѣшало тому, что и это измѣненiе какъ нельзя болѣе отвѣчало потребностямъ развивавшагося капитализма.

Въ женскомъ идеалѣ снова на первый планъ выступаетъ, чтобы остаться господствующей, специфически эротическая линiя въ отношенiи какъ физическомъ, такъ и духовномъ. Развитiе капитализма снова сдѣлало женщину предметомъ роскоши для мужчины господствующаго класса и притомъ, что вполнѣ естественно, наиболѣе драгоцѣннымъ предметомъ роскоши. А, какъ извѣстно, предметы роскоши существовали во всѣ времена только для того, чтобы ими наслаждались и притомъ наслаждались въ матерiальномъ смыслѣ этого слова. Воображенiе поэтому подчеркиваетъ, какъ красивыя, тѣ линiи, которыя способствуютъ такому наслажденiю, а ими являются, само собой понятно, только эротическiя красоты женщины! Ихъ и подчеркиваютъ особенно рѣзко.

Потребность имущихъ классовъ видѣть въ женщинѣ прежде всего снова не болѣе, какъ эротически-лакомый кусочекъ, находи-

ла себѣ кромѣ того опору въ фактическія не измѣнившемся общественномъ положеніи женщины. Какъ уже было выяснено въ предыдущей главѣ, побѣда буржуазнаго порядка надъ идеями абсолютизма сдѣлала женщину только въ теоріи равноправнымъ человѣкомъ. На самомъ же дѣлѣ она находилась въ такой же зависимости отъ мужчины, какъ и прежде. Только въ законномъ бракѣ имѣла она и теперь право удовлетворять такъ называемую потребность природы. Ей потому приходилось и теперь добиваться любви мужчины, тѣми же способами, что и прежде. Другими словами: если только самъ мужчина не домогался ея руки изъ денежныхъ соображеній, она должна была заманить мужчину въ свою сѣть тѣми своими качествами, которыя его соблазняли, какъ самца, т. е. тѣми эротическими наслажденіями, которыя могъ расчитывать найти у нея человѣкъ, готовый связать съ ней свою жизнь.

Искусство и въ данномъ случаѣ разоблачаетъ намъ эту сокровенную мечту мужчины. Всѣ изображенія женщины проникнуты этими тенденціями. Классическимъ литературнымъ примѣромъ можетъ служить геніально-остроумная «Пѣсня пѣсенъ» Гейне, этотъ гимнъ въ честь женскаго тѣла. Женщина только лакомый кусочекъ для чувственности, олицетвореніе наслажденія. Она только красивое тѣло. Умъ и душа ея не играютъ никакой роли для мужчины, который ищетъ и находитъ у нея совсѣмъ нѣчто другое.

Впервые появилась и восторжествовала эта специфически эротическая нотка въ новомъ идеалѣ женской красоты въ эпоху директоріи, стало быть въ концѣ XVIII в. Въ этотъ періодъ античныя богини получили явно выраженный пикантный оттѣнокъ древнихъ жрицъ любви. Такія женщины считались и въ жизни наиболѣе прекрасными. Достаточно указать на г-жу Рекамье, которую неосновательно обвиняли въ холодности и нравственномъ ригоризмѣ, и особено на г-жу Тайенъ, развратную подругу Барра. Считался въ эту эпоху этотъ типъ наиболѣе прекраснымъ и въ Англіи. Какъ на доказательство можно сослаться на картины Роуландсона, прославлявшаго въ своихъ безчисленныхъ женскихъ фигурахъ безъ исключенія именно этотъ специфическій идеалъ женской красоты. Тотъ же идеалъ переняла и Германія: создать свой собственный она не могла въ виду своей зависимости отъ Англіи и Франціи.

Послѣ паденія наполеоновской имперіи наступила реакція въ томъ смыслѣ, что теперь совершенно исчезаютъ величественныя фигуры. Мѣсто ихъ заняла мѣщаночка. Послѣ мучительныхъ родовъ, произведшихъ на свѣтъ новое буржуазное общество, люри

жаждали покоя. Послѣдующая эпоха провозгласила поэтому идеаломъ женщину, рядомъ съ которой надѣялись найти уютъ, тихое семейное счастье, рядомъ съ которой мужчина не испытывалъ ни вѣчнаго безпокойства, ни великой страсти. Необходимо принять во вниманіе и то обстоятельство, что благоразумное и степенное мѣщанство стало тогда надолго—по крайней мѣрѣ во Франціи и въ Германіи—задававшимъ тонъ классомъ. Но то былъ лишь переходный моментъ, да кромѣ того эпоха подготовительная, эпоха, подготовлявшая почву для собственно современной жизни, когда капитализмъ достигъ своего полнаго развитія и когда соотвѣтственно съ этимъ былъ выставленъ новый идеалъ женской красоты.

Отнынѣ можно было наслаждаться полными глотками, ибо теперь были на лицо средства, позволявшія доставлять себѣ какія угодно наслажденія. И люди въ самомъ дѣлѣ наслаждались съ жадностью и упоеніемъ изголодавшихся, а эти люди были вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы знаемъ, пышущіе силой parvenus. Пышность и роскошь—таковъ ихъ вкусъ. Эта историческая ситуація породила пресловутый идеалъ женской красоты второй имперіи во Франціи. Женщина являлась тогда не только красивымъ тѣломъ, передъ которымъ преклонялись и романтики, но и кромѣ того цвѣтущимъ и пышномъ тѣломъ, въ которомъ такъ пріятно было потонуть. Эпоха любящая внѣшнюю помпу, отдаетъ всегда предпочтеніе пышному тѣлу, такъ какъ послѣднее назойливо бросается въ глаза. Новымъ идеаломъ красоты была женщина, съ крупными формами, съ описанными Гейне формами kolosaller Weiblichkeit, женщина съ могучимъ туловищемъ, крѣпкой, скорѣе слишкомъ большой, чѣмъ слишкомъ маленькой грудью, грудью, грозящей разорвать корсетъ, съ ослѣпительными, величественными плечами, съ выступающими бедрами и выпуклыми ляжками. То женщина, всюду распространяющая ароматъ своего тѣла, приводящая мужчину въ возбужденное состояніе, женщина, которой онъ подчиняется, которой онъ приноситъ въ даръ огромныя состоянія, словомъ—женщина-кокотка. Въ образѣ Нана Золя нарисовалъ наиболѣе вѣрный и точный портретъ этого женскаго типа. А новѣйшіе художники: Кабанель, Бугеро, Ропсъ, Виртцъ, Пеллэ, Шапленъ, Леженъ и др. и др. сотни разъ изображали ее въ своихъ картинахъ. Въ эту эпоху у женщины ищутъ и отъ нея требуютъ тѣхъ же наслажденій, какъ въ публичномъ домѣ, и потому со всѣхъ этихъ картинъ на насъ смотрятъ красавицы изъ публичнаго дома. Является ли женщина на этихъ картинахъ одѣтой, раздѣтой, голой, decolletée или retroussée, всегда отъ нея

исходитъ запахъ дома терпимости. Всѣ онѣ—какъ выразился однажды Либерманъ въ разговорѣ съ авторомъ этой книги—«точно нарумянены румянами проститутки».

Въ Германіи наиболѣе извѣстными истолкователями этого идеала были В. Каульбахъ, Г. Лоссо и Макартъ. Большинство созданныхъ этими художниками женскихъ тѣлъ носятъ отпечатокъ тѣлъ публичныхъ женщинъ. Это конечно, нисколько не умаляетъ непреходящей славы послѣдняго, снова внесшаго въ нѣмецкую живопись сверкающія краски.

Этотъ идеалъ салонной кокотки, какъ его можно было бы назвать, господствовалъ въ продолженіи многихъ десятилѣтій во всѣхъ странахъ, въ Англіи и Германіи, во Франціи и Австріи. Его родиной былъ, какъ уже упомянуто, Парижъ, и отсюда онъ покорилъ себѣ весь міръ. И это очень характерно для инстинныхъ причинъ, опредѣляющихъ идеалъ красоты всѣхъ эпохъ. Ими являются не расовые признаки. Ибо если пышное женское тѣло съ полными соблазнительными формами и отвѣчаетъ вполнѣ расовому вѣнскому типу, то съ парижскимъ оно не имѣетъ ничего общаго. Парижанка, какъ извѣстный расовый типъ, хотя и отличается чувственными округлыми формами, все же стройна. Никогда величественная или помпёзная пышность не была ея специфической расовой чертой. И несмотря на это именно въ Парижѣ возникъ этотъ идеалъ, и здѣсь особенно громко раздавалась его хвала въ краскахъ и словахъ.

И это вполнѣ логично.

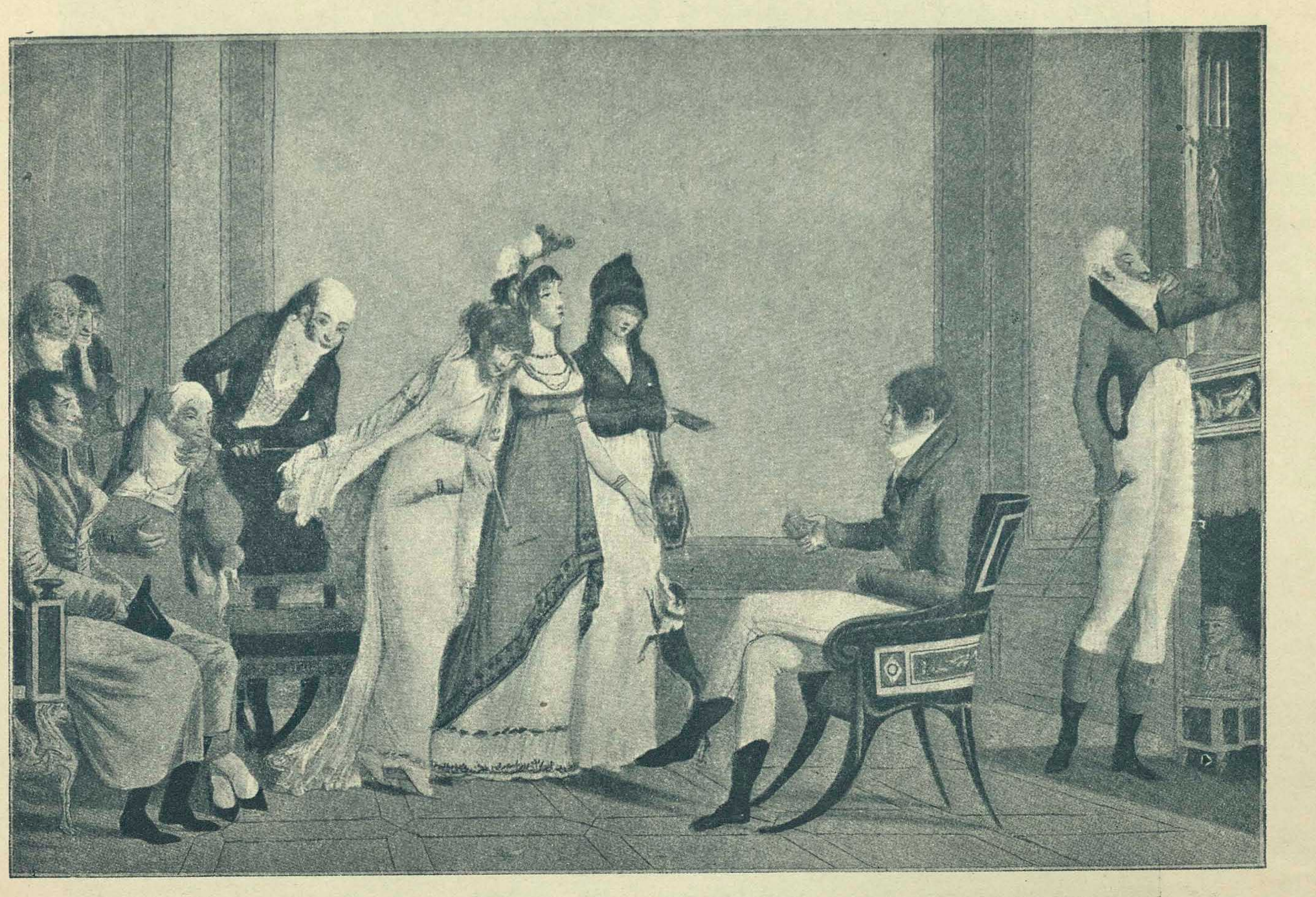
То былъ естественно родившійся идеалъ внезапно разбогатѣвшей буржуазіи, для которой любовь была равносильна наслажденію, которая хотѣла наслаждаться, не боясь никакихъ эксцессовъ. А Парижъ эпохи второй имперіи представлялъ для этихъ тенденцій не только очень благопріятную, но до извѣстной степени даже единственную въ своемъ родѣ историческую почву. Начавшійся во Франціи при королѣ-мѣщанинѣ экономическій расцвѣтъ доставилъ французской буржуазіи огромныя состоянія. Въ эпоху второй имперіи этотъ процессъ достигъ еще болѣе грандіозныхъ размѣровъ. Такъ были на лицо не только необходимыя экономическія предпосылки, но и самый стимулъ къ роскошной жизни буржуазіи. А что эти предпосылки осуществились здѣсь въ такомъ смѣломъ масштабѣ, какъ ни въ одной другой странѣ, объясняется въ свою очередь особыми условіями наполеоновскаго владычества.

Наполеоновскій режимъ былъ правительствомъ незаконнымъ. Пусть онъ выстраивался на коалиціи рясы и сабли, противъ него



Морландъ: За туалетомъ (1780).
Гл. III.

27



Дебюкуръ: Судъ Париса.
Гл. III.

была вся роялистская аристократія. Наполеону III приходилось поэтому опираться въ общественномъ отношеніи на разбогатѣвшую, лишенную всякихъ политическихъ идеаловъ буржуазію. При такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ стать покровителемъ роскоши. Ибо это была единственная форма, въ которой онъ могъ подѣйствовать на сердца буржуазныхъ дѣлателей денегъ, равнодушныхъ ко всему прочему. Характерная для эпохи роскошь должна была достигать своихъ крайнихъ предѣловъ при дворѣ Наполеона и отсюда сіять надъ Парижемъ, а также и оплодотворять его. Такъ долженъ былъ далѣе Парижъ стать для всего міра магнитной горой наслажденія и удовольствій. Такъ оно и случилось и притомъ въ самомъ широкомъ масштабѣ.

Парижъ второй имперіи сдѣлался для всѣхъ, кто хотѣлъ до дна испить чашу наслажденія, своего рода Меккой. Этой жаждѣ наслажденія и роскоши вполнѣ соотвѣтствуетъ выше описанный по существу грубый и вульгарный идеалъ красоты. Развратъ былъ для женщины этой эпохи физической потребностью и вмѣстѣ средствомъ доставлять себѣ роскошь, безъ которой она не могла обойтись. Такъ какъ въ другихъ странахъ и городахъ имущіе классы не находили тѣхъ же благопріятныхъ для удовольствій условій, то тамъ, напр., въ Германіи, типъ женщины-кокотки и не получилъ такого же развитія.

Этотъ идеалъ не исчезъ вмѣстѣ съ второй имперіей, такъ какъ аналогичныя условія вскорѣ опредѣлились и установились и въ другихъ странахъ. Онъ продолжалъ господствовать въ слегка смягченномъ видѣ до восьмидесятыхъ годовъ. Только эпоха такъ называемаго fin de siècle'а внесла въ этотъ идеалъ новый и яркій коррективъ. Чувственныя удовольствія все болѣе утончались и потому мѣсто крѣпкаго и здороваго заняло все рафинированное, такъ какъ только въ немъ находили новое возбужденіе люди сытые и пресытившіеся. Формы женщины должны были, естественно, стать менѣе полными и крупными. Типъ женщины, обнаруживающей здоровый, любовный аппетитъ, производилъ теперь отталкивающее впечатлѣніе. Предпочтеніе и премія даются теперь артисткѣ любви, умѣющей, какъ волшебница, изъ ничего создавать цѣлое меню изысканныхъ блюдъ.

Истинная артистка любви должна имѣть очень тонкіе нервы. Она поэтому состоитъ изъ однихъ только нервовъ. Линіи тѣла, становились въ силу этого не только все деликатнѣе и капризнѣе, но и все стройнѣе. Высшей точкой этого развитія является декадент-

скій вкусъ, считающій красивой женщину съ мало развитыми бедрами и грудью. Въ настоящее время мы находимся какъ разъ подъ знакомъ этого вкуса. Свѣтская дама, отличающаяся не только «вкусомъ», но и «полными формами» отдается ежедневно въ руки массажистки, умѣющей смягчить естественную полноту ея бедеръ, таліи и т. д. Или она систематически моритъ себя голодомъ или принимаетъ пилюли, освобождающія съ будто бы достовѣрной безусловностью женщину отъ излишней съ точки зрѣнія господствующаго вкуса тѣлесной полноты.

Подобныя пилюли попадаютъ на рынокъ, напр., подъ названіемъ Pilules Apollo—мы ограничимся здѣсь однимъ только примѣромъ изъ многихъ, ежедневно встрѣчающихся въ отдѣлѣ объявленій.

«Отнынѣ—говорится въ этомъ объявленіи—у васъ, милостивыя государыни, нѣтъ извиненія для недостатка,—не упускайте этого изъ вида—столь же опаснаго, какъ и некрасиваго... Снова вернутся къ вамъ всѣ радости жизни. Подумайте объ этомъ, прежде чѣмъ отложить въ сторону наше объявленіе. Вамъ дается возможность превратить вашу несчастную жизнь въ жизнь, полную счастья и т. д.».

Женщина съ слабо развитыми бедрами и грудью въ ея идеальномъ воплощеніи встрѣчается въ искусствѣ только одѣтая: какъ на примѣръ можно указать на всѣмъ извѣстныя карточки Клео де Меродъ.

Здѣсь необходимо упомянуть, что въ нѣдрахъ нашей эпохи заложены однако и другія тенденціи. Уже нѣсколько десятилѣтій, какъ человѣчество инстинктивно стремится къ новому возрожденію. Грядущія поколѣнія должны быть здоровыми, сильными, способными къ творчеству, такъ какъ ихъ ожидаютъ новыя, великія задачи. Если нужно указать на художественныя воплощенія этого стремленія ввысь, то достаточно вспомнить типы великаго Курбэ и безсмертнаго Родена. Такъ называемая «монденность» въ нихъ уже совершенно отсутствуетъ. Женщины Курбэ похожи на здоровую, жизнь творящую и жизнь поддерживающую природу. А Мыслитель Родена уже не только воплощеніе духа, не только счетная машина, но и великолѣпнѣйшее соединеніе тѣла, духа и энергіи.

Если современный идеалъ женской красоты состоитъ въ чрезмѣрной стройности и, слѣдовательно, въ отсутствіи не только развитыхъ бедеръ и задней части, но и развитой груди, если въ частности послѣдняя нынѣ считается многими женщинами некрасивой,

то это однако нисколько не мѣшаетъ имъ видѣть именно въ этомъ отсутствіи развитого бюста величайшее несчастіе, которое только можетъ ихъ постигнуть. Если женщина еще мирится съ отсутствіемъ развитыхъ бедеръ, то отказаться отъ хотя немного развитого бюста она ни за что не хочетъ. Такимъ же великимъ несчастіемъ считаетъ женщина дряблыя груди. Ничто не характеризуетъ стремленіе устранить эти недочеты фигуры лучше того факта, что на этой почвѣ возникла цѣлая отрасль индустріи, вотъ уже десятилѣтія какъ питающая въ каждомъ городѣ сотни и больше лицъ и помѣщающая десятками свои рекламныя объявленія въ каждой газетѣ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ объявленія о томъ, какъ достигнуть «идеальнаго бюста», «великолѣпнаго бюста», «пышнаго бюста», «красивыхъ полныхъ формъ» или какъ вернуть груди утерянную упругость, заполняютъ цѣлыя страницы.

Рекомендуются или пилюли для внутренняго потребленія: «Pilules orientales», или питательные порошки, оказывающіе особенное вліяніе именно на ростъ груди, или же мази для натиранія или, наконецъ, пневматическія приспособленія для массажа небольшой или отцвѣтшей груди. Для иллюстраціи приведемъ одно такое объявленіе, встрѣчающееся въ газетахъ особенно часто. «Если вы хотите имѣть идеальный бюстъ, то потребляйте Pilules orientales, единственныя, которыя, *не нанося вреда здоровью,* могутъ обезпечить женщинѣ пышныя и *упругія формы* бюста». Слѣдуютъ цѣна и адресъ. Реклама не менѣе часто рекомендуемаго питательнаго порошка гласитъ:

«Пышный бюстъ! Если вы хотите имѣть красивыя, полныя формы тѣла, покупайте порошокъ «Юнона»... Не менѣе часто встрѣчается объявленіе, восхваляющее необычайную мазь: «*Мнѣ, наконецъ, удалось рѣши ъ задачу.* Мазь «Аглая» единственная, способная дать женщинѣ *великолѣпный бюстъ*»...

Къ сожалѣнію, всѣ эти средства имѣютъ одинъ лишь недостатокъ—они увеличиваютъ только кошелекъ купца и только кошелекъ купца получаетъ благодаря такимъ средствамъ упругую форму, а не грудь женщинъ, пользующихся ими. Всѣ эти средства разсчитаны на легковѣріе. Врачи придаютъ нѣкоторое значеніе, да и то условное, только развѣ массажу, считая всякое тайное лѣченіе, всякое лѣченіе, стремящееся придать тѣлу полноту, безцѣльнымъ и отчасти даже вреднымъ...

Искусство доказываетъ особенно наглядно, до какой степени и теперь еще большинство мужчинъ выше всего цѣнятъ въ жен-

щинѣ красоту и въ особенности полноту бюста. Во всѣ эпохи столь богатой исторіи искусства XIX в. вы найдете безчисленное множество художниковъ и произведеній, усматривающихъ если не главную, то во всякомъ случаѣ одну изъ важнѣйшихъ задачъ въ изображеніи или подчеркиваніи специфической красоты женской груди.

Такія требованія предъявляетъ къ женской груди мужчина, ибо преимущественно его вкусы выражаются въ искусствѣ.

Необходимо разсмотрѣть здѣсь еще вопросъ, въ какомъ отношеніи находится къ этимъ идеаламъ не только въ частностяхъ, но и въ совокупности,—дѣйствительность. Другими словами: существуетъ ли въ жизни еще тотъ идеально-прекрасный, физически-совершенный человѣкъ, котораго такъ великолѣпно изображало древнегреческое искусство. Вопросъ этотъ часто ставится и такъ же часто на него отвѣчаютъ рѣшительнымъ «нѣтъ». Въ доказательство ссылаются обыкновенно на современныхъ художниковъ, въ произведеніяхъ которыхъ мы тщетно будемъ искать совершенныя тѣла, подобныя изображеннымъ античнымъ искусствомъ.

И однако съ другой стороны какъ разъ художники утверждаютъ, что всѣ грѣхи цивилизаціи не смогли разрушить и уничтожить человѣческой красоты Каждый день она родится сызнова. По ихъ мнѣнію среди насъ есть безчисленное множество Аполлоновъ и Венеръ. Краснорѣчивѣе всего выражалъ это мнѣніе Роденъ, какъ устно, такъ и печатно. Интереснымъ освѣщеніемъ его взглядовъ на этотъ вопросъ является слѣдующій его разговоръ о женской красотѣ съ художественнымъ критикомъ Полемъ Гзелль, разговоръ, воспроизведенный послѣднимъ въ газетѣ Matin:

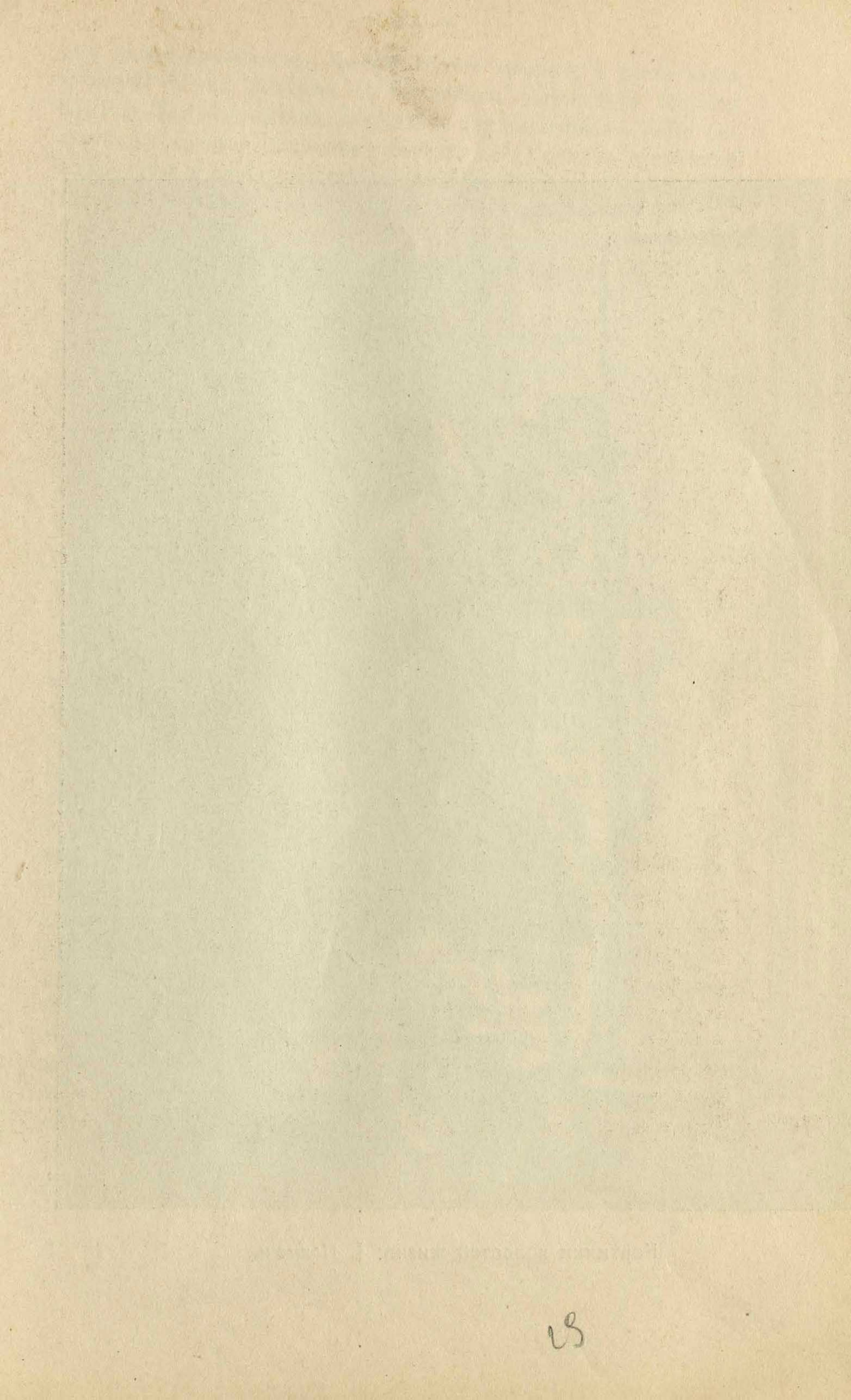
«Нѣсколько дней тому назадъ навѣстилъ я великаго художника. Мы разсматривали съ нимъ нѣкоторые его этюды, передававшіе преимущественно разнообразный ритмъ женскаго тѣла. «Вамъ не трудно находить красивыя модели?»—спросилъ я. «Нисколько».—«Красота у насъ, стало быть, не рѣдкость?»—«Совсѣмъ нѣтъ».—«А долго ли она сохраняется?»—«Она быстро принимаетъ другую форму: я не хочу сказать, что женщина подобна пейзажу, видъ котораго зависитъ отъ солнца. Но такое сравненіе было бы почти правильнымъ. Истинная молодость, время дѣвичьей зрѣлости, время, когда тѣло находится въ соку и цвѣту, одновременно и боясь любви и призывая ее, длится не болѣе шести мѣсяцевъ. Дѣвушка становится женой. Это уже другой родъ красоты, очаровательной, хотя и менѣе чистой».—«Но вѣдь античная кра-



Бурдъ: Жизнь женщины (изъ Charivari, 32).



Невѣрная жена (Англійская гравюра (1820 г.).


28



Картинки холостой жизни: I. Полночь.

сота далеко превосходила красоту нашего времени, и ужели наши женщины могутъ поспорить съ женщинами, служившими когда-то моделью Фидію?»—«Я на этотъ счетъ другого мнѣнія».—«Но безупречная красота греческихъ Венеръ...»—«Античные художники имѣли глаза и видѣли эту красоту, наши же—слѣпы. Въ этомъ вся разница. Греческія женщины были красивы, но въ этомъ виноватъ былъ также и глазъ художника, изображавшаго ихъ. Въ настоящее время есть не мало женщинъ, которыя не менѣе красивы».

Роденъ безусловно правъ. Венера и Аполлонъ не вымерли. Они существуютъ еще во множествѣ экземпляровъ. Въ особенности правильно его замѣчаніе, что красота греческихъ женщинъ зависѣла въ значительной степени отъ глаза ваятеля, изображавшаго ихъ. Эти женщины были созданы тогдашнимъ идеаломъ красоты, тогда какъ нынѣ многіе художники сознательно стремятся къ безусловной правдѣ. Насъ интересуетъ однако не та мысль, которую Роденъ доказываетъ или лучше подкрѣпляетъ своимъ авторитетомъ. Роденъ говоритъ въ сущности только о томъ, что специфическія расовыя качества не поддаются уничтоженію, если только, разумѣется, не происходитъ смѣшенія расъ.

Насъ интересуетъ здѣсь иной вопросъ, а именно, въ какой мѣрѣ современная цивилизація способствуетъ или же мѣшаетъ этой естественной способности выживанія красоты? А отвѣтъ на этотъ вопорсъ мало утѣшителенъ, даже больше, въ высшей степени подавляющъ. Цивилизація не только не помогаетъуспѣшно развиваться вверхъ тому, что изъ рукъ природы выходитъ все снова и снова въ сіяющей красѣ, а преслѣдуетъ его тысячами опасностей, отъ которыхъ рано или поздно—обыкновенно же рано—погибаетъ все, что изначала отличалось красотой.

Достаточно вспомнить вліяніе моды: въ короткое время она уродуетъ большинство тѣлъ, въ особенности, конечно, тѣло женщины, но и тѣло мужчины. Нѣтъ ни одной модницы, тѣло которой было бы красиво. Это доказываютъ съ неопровержимой наглядностью многочисленныя мнѣнія врачей объ опустошеніяхъ, производимыхъ модой. Вспомните далѣе послѣдствія неправильнаго питанія, въ частности злоупотребленіе алкоголемъ, а также связанныя спеціально съ нашей цивилизаціей нервныя болѣзни—и картина станетъ все болѣе мрачной. Если уже въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о десяткахъ, даже сотняхъ тысячъ, то все это однако

ничто въ сравненіи съ истиной трагедіей современной, построенной на базисѣ индустріи капиталистической культуры.

Только слѣпой можетъ не видѣть убійственнаго уничтоженія сохранившейся еще въ народѣ физической красоты, производимаго опустошительнымъ дѣйствіемъ чрезмѣрной и однообразной работы на службѣ капиталистически эксплуатируемой машины. А здѣсь рѣчь идетъ уже не о десяткахъ или сотняхъ тысячъ, а о милліонахъ, о большой массѣ народа. Итальянскій соціологъ Акилле Лоріа посвятилъ недавно этой ужасной трагедіи цѣлую монографію. Въ Италіи можно особенно хорошо наблюдать послѣдствія индустріи, такъ какъ здѣсь только теперь начинается торжество машины и ей подпадаетъ здѣсь часто населеніе, не тронутое еще цивилизаціей. Лоріа говоритъ:

«Между тѣмъ, какъ прежній ремесленникъ отличался мужественной красотой, современный рабочій обыкновенно безобразный, захудалый и во всякомъ случаѣ не красиво-сложенный человѣкъ. Въ этой дегенераціи виновата наша растущая съ лихорадочной быстротой индустрія, возлагающая на современнаго человѣка, все равно на ребенка или взрослаго, безрадостную, однообразную и бездушную работу. Промышленный рабочій отличается поэтому и неправильными чертами лица, которыхъ мы не найдемъ у крестьянина, работа котораго разнообразнѣе и потому менѣе изнуряетъ. Одинъ влюбленный въ красоту путешественникъ, объѣздившій весь міръ и всюду искавшій настоящихъ красивыхъ женщинъ, разсказывалъ мнѣ, что нашелъ безупречныхъ красавицъ только въ Сканно, маленькомъ, отдаленномъ отъ желѣзной дороги и отъ мірового сообщенія первобытномъ, такъ сказать, дѣвственномъ мѣстечкѣ въ Абруццахъ: здѣсь его восхищеннымъ глазамъ то и дѣло представали прекрасные греческіе профили съ темными, черными глазами. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и красавицы изъ Сканно превратятся въ тривіальныя, будничныя лица.

Въ уединенное отъ міра мѣстечко въ Абруццахъ ворвется все разъѣдающая и все нивеллирующая промышленность и исчезнутъ классическіе, греческіе профили. Это не выдумка фантазіи, а истина, подтверждаемая фактами. Когда-то женщины Буранто были чудесами красоты, но эта красота скоро исчезла, когда съ введеніемъ кружевной индустріи имъ пришлось тяжело работать. Или вотъ другой примѣръ: въ одномъ городѣ въ Піемонтѣ и въ другомъ между Миланомъ и Туриномъ женская молодежь отличалась пышной красотой, прежде чѣмъ тамъ стали, какъ изъ земли,

выростать промышленныя предпріятія, и именно оттуда выписывали себѣ жители обѣихъ столицъ обыкновенно кормилицъ. А послѣ возникновенія фабрикъ женщины стали здѣсь такими изможденными и безсильными, что при видѣ ихъ невольно проникаешься состраданіемъ».

Въ Германіи, какъ и вообще во всѣхъ странахъ съ развитой промышленностью, эта трагедія завершилась уже нѣсколько десятилѣтій назадъ, а то и раньше.

Правда, эти печальныя послѣдствія международнаго индустріализма ложатся на плечи только трудящихся массъ. Кто настолько слѣпъ, что считаетъ одни лишь верхніе и имущіе классы представителями человѣчества, тотъ поэтому можетъ съ спокойной совѣстью говорить о несомнѣнномъ расцвѣтѣ въ наши дни культуры тѣла. Стремленіе къ индивидуальному здоровью, къ способности болѣе продолжительнаго наслажденія привело въ широкихъ кругахъ имущихъ классовъ къ разнообразнымъ видамъ спорта, благопріятное вліяніе котораго на красоту тѣла этихъ индивидуумовъ и слоевъ теперь едва ли приходится отрицать. Въ этихъ кругахъ возникъ даже совершенно новый типъ, соединеніе здоровья, силы и элегантности, равнаго которому до сихъ поръ не существовало. Наиболѣе ярко обнаружился до сихъ поръ этотъ типъ въ Америкѣ. Его женскимъ представителемъ являются такъ называемая Gibson-Girls.

Въ Америкѣ, правда, видную роль играетъ пользующееся большимъ почетомъ скрещеніе расъ и ему многимъ обязано существованіе и развитіе этого типа. Однако тотъ фактъ, что этотъ типъ въ его совершенномъ видѣ выходитъ не только преимущественно, но исключительно изъ имущихъ классовъ, изъ тѣхъ слоевъ и круговъ, гдѣ жизнь посвящена всевозможнымъ видамъ спорта, служитъ не менѣе важнымъ доказательствомъ въ пользу того, что освобожденіе отъ однообразнаго труда является *въ конечномъ счетѣ* рѣшающимъ факторомъ при образованіи красоты тѣла. Безъ этого освобожденія отъ односторонняго и чрезмѣрнаго труда не могутъ проявиться и хорошія стороны происшедшаго смѣшенія разной крови.

Освободить массы хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ отъ напряженности, однообразія и чрезмѣрности труда—эта задача неразрѣшима въ рамкахъ частно-капиталистическаго производства. Высота капиталистической прибыли какъ разъ покоится

на этой чрезмѣрности и на этомъ однообразіи труда, проведенныхъ въ жизнь съ всевозможной рафинированностью. И потому иной болѣе высокой ступени производства предстоитъ возстановить и довести до еще большаго совершенства красоту человѣческаго образа, безжалостно уничтожаемую алчнымъ стремленіемъ капитализма къ прибыли.



Мода эпохи революціи (1794 г.).

Греческій костюмъ 1796 г.



Моренъ: Зеркало 1900 г.

III.

Буржуазный костюмъ.

Послѣ побѣды великой французской революціи неизмѣнной рамкой жизни всѣхъ европейскихъ культурныхъ странъ сдѣлалась демократія въ смыслѣ всеобщей жизненной формы европейскихъ культурныхъ народовъ. Устроенный впослѣдствіи буржуазіей компромиссъ съ силами прошлаго только стеръ и затушевалъ внѣшнимъ образомъ этотъ фактъ, измѣнить же его онъ не могъ. Демократія въ смыслѣ всеобщей жизненной формы является именно неизбѣжнымъ соціальнымъ послѣдствіемъ современнаго крупно капиталистическаго производства, служа, какъ уже было указано въ началѣ вступленія, необходимымъ его базисомъ.

Демократичнымъ, т. е. буржуазнымъ, bürgerlich, долженъ былъ отнынѣ стать и специфическій характеръ всего костюма. Прежнія придворныя моды должны были уступить модамъ буржуазнымъ. И притомъ также у представителей прошлаго, какъ слѣдуетъ предположить на основаніи только-что сказаннаго. А такъ какъ демократическимъ сдѣлался костюмъ не только большой массы, широкихъ слоевъ населенія, но въ самомъ дѣлѣ и этихъ представителей прошлаго, то уже одно это убѣдительно доказываетъ, что интересы буржуазнаго государства царили надъ всѣми сторонами жизни. Вы добровольно одѣнете тотъ или другой мундиръ только тогда, когда вы и духовно побѣждены носителями новыхъ идей, воплощенныхъ въ этомъ мундирѣ, а каждый специфическій костюмъ воплощаетъ всегда по своему специфическія господствующія или вліяющія идеи. Вотъ почему оппозиціонный духъ часто сказывается и въ костюмѣ. Упрямое сохраненіе стараго придворнаго костюма во время офиціальныхъ монархическихъ манифестацій при дворѣ является въ нѣкоторомъ смыслѣ протестомъ также противъ новаго буржуазнаго вѣка.

Буржуазный костюмъ возникъ въ Англіи, какъ нѣкогда придворный въ Испаніи, такъ какъ въ Англіи впервые опредѣлилось господство буржуазіи, какъ нѣкогда въ Испаніи господство абсолютизма. Ярко обнаружились формы, главныя линіи которыхъ остались до сихъ поръ принципіально преобладающими въ мужскомъ и женскомъ костюмѣ, однако лишь въ эпоху, послѣдовавшую за паденіемъ первой имперіи во Франціи.

Основнымъ элементомъ буржуазнаго костюма является его единообразіе. Отнынѣ существуютъ только равноправные граждане. Отнынѣ поэтому костюмъ уже не отличаетъ, какъ прежде, людей другъ отъ друга опредѣленными признаками, дозволенными одному, а другому возбраняемыми подъ страхомъ наказанія. Что нравится одному, тѣмъ и другой имѣетъ право украситься. Это единообразіе представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прямую противоположность линіи величественности, господствовавшей въ модахъ стараго режима. Величественность предполагаетъ превосходство одного надъ другимъ. Теперь каждый является и по своему костюму частью единаго цѣлаго. Онъ принадлежитъ къ этому цѣлому. Эта особенность буржуазнаго костюма обнаруживаетъ въ свою очередь соціальный характеръ новаго времени, солидарность отдѣльной личности съ общественнымъ организмомъ.

Это принципіальное единообразіе костюма является чертой не національной, а интернаціональной. Люди одѣваются принципіально одинаково въ Англіи и Франціи, въ Германіи и Америкѣ и т. д. Въ настоящее время любая мода интернаціональна и только развѣ во второстепенныхъ подробностяхъ она варьируетъ сообразно мѣстнымъ потребностямъ каждой страны. Современное крупно-капиталистическое производство носитъ международный характеръ и создаетъ поэтому въ каждой странѣ одинаковыя общественныя условія существованія. По мѣрѣ того, какъ прогрессируетъ процессъ развитія капиталистической промышленности, по мѣрѣ того, какъ онъ подчиняетъ себѣ самые захолустные уголки, исчезаютъ постепенно отдѣльныя специфическія національныя одежды, уступая мѣсто международному мундиру буржуазнаго общества.

Отсюда можно сдѣлать выводъ, что тамъ, гдѣ до сихъ поръ еще сохранился исконный національный костюмъ, еще не побѣдилъ окончательно процессъ индустріализаціи, и тамъ все еще господствуетъ натуральное хозяйство, которому соотвѣтствуютъ сотни частныхъ интересовъ. Если же рѣчь идетъ объ энклавахъ, находящихся среди совершенно индустріализированныхъ странъ—

напр., въ Германіи въ баденскомъ Шварцвальдѣ—то передъ нами обыкновенно только декоративная и искусственно поддерживаемая традиція. Такіе костюмы вообще могутъ быть сохранены для будущаго только искусственнымъ путемъ.

Если наиболѣе бросающейся въ глаза чертой буржуазнаго костюма является интернаціональное единообразіе, то черта, отличающая его отъ эпохи абсолютизма, состоитъ прежде всего въ томъ, что мужчина уже не играетъ прежней роли чичисбея,—въ характеристичныхъ линіяхъ своего костюма онъ уже не подчеркиваетъ культъ галантности, культъ женщины. Его костюмъ сдѣлался болѣе мужественнымъ. Это вполнѣ отвѣчаетъ сущности буржуазной культуры. Эта послѣдняя—культура безусловно мужественная, продуктивная и творческая. По этой причинѣ ея истиннымъ представителемъ является именно мужчина. Тонъ задаетъ мужчина. Онъ—царь. Вызванная современнымъ капиталистическимъ производствомъ—пока, правда, только намѣченная—эмансипація женщины знаменуетъ только діалектическое противорѣчіе внутри капиталистическаго способа производства.

Мужской костюмъ долженъ былъ, слѣдовательно, получить специфически мужской характеръ, подобно тому, какъ женскій костюмъ отличается женственностью. Начался и этотъ процессъ въ Англіи. Такъ какъ кромѣ того въ Англіи буржуазныя идеи получили свою наивысшую разработку и такъ какъ здѣсь онѣ получили болѣе яркое выраженіе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то Англія не только была родиной буржуазныхъ идей, но и Лондонъ остался до извѣстной степени навсегда метрополіей буржуазнаго міра. Вотъ почему до сихъ поръ Лондонъ играетъ такую же роль въ области мужской моды, какъ Парижъ въ области женской.

Третья характерная черта, отличающая, быть можетъ, особенно наглядно буржуазный костюмъ отъ моды стараго режима, состоитъ въ томъ, что онъ есть костюмъ трудящагося, неутомимо дѣятельнаго человѣка. Въ эпоху стараго режима торжествовалъ бездѣльникъ, тунеядецъ. Костюмъ ярко подчеркивалъ, что человѣкъ предназначенъ къ бездѣйствію, осужденъ на тунеядство. Костюмъ былъ только средствомъ позировать и представительствовать. Онъ не допускалъ свободныхъ, непроизвольныхъ и въ особенности быстрыхъ и внезапныхъ движеній. Человѣкъ могъ двигаться въ такомъ костюмѣ только размѣреннымъ шагомъ. Костюмъ былъ приспособленъ только къ паркету и салону. Свѣтскій человѣкъ разучался бодро шагать. Онъ не ходилъ, а приплясывалъ. Онъ вѣчно нуждался въ

коляскѣ и если приходилось сдѣлать какую нибудь сотню шаговъ, то каждый мало-мальски обезпеченный человѣкъ прибѣгалъ къ носилкамъ. Если же онъ ходилъ по улицѣ пѣшкомъ, онъ двигался, какъ по паркету.

Властитель буржуазнаго вѣка долженъ находиться въ иномъ положенiи. Онъ долженъ двигаться безпрепятственно, бодро и быстро, ибо жизнь развертывается уже не размѣреннымъ шагомъ, не среди салонныхъ условностей, а все болѣе быстрымъ и то и дѣло мѣняющимся темпомъ. Костюмъ не долженъ мѣшать человѣку, напротивъ долженъ ему содѣйствовать. Поступь его должна быть твердой и увѣренной, жестъ энергичнымъ. Важнѣйшiя фазы его жизни развертываются уже не въ салонѣ, не на паркетѣ, а на фабрикѣ или въ конторѣ. Буржуазный костюмъ и долженъ былъ символизировать эту идею добывающей, наживающей, неутомимой дѣятельности, ставшей главнымъ содержанiемъ жизни, и онъ въ самомъ дѣлѣ воплощаетъ эту идею яснѣе яснаго. Исчезла всякая помпа, всякая декоративность. Костюмъ сведенъ къ простымъ главнымъ линiямъ. Нѣтъ больше мѣста праздничной пестротѣ. Краски стали безцвѣтными, какъ ариѳметическая задача.

Таковы существенныя черты буржуазнаго костюма.

Необходимо, однако, принять въ разсчетъ еще одно важное явленiе, другое принципiальное отличiе отъ прошлаго, а именно все болѣе частую отнынѣ смѣну моды.

Эта частая смѣна моды является въ области костюма въ буржуазный вѣкъ, несомнѣнно, одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей. Никогда раньше мода не мѣнялась такъ часто и такъ быстро. Типическiя линiи костюма теперь постоянно измѣняются. Работающiй въ этомъ направленiи изобрѣтательный генiй поражаетъ и ошеломляетъ если не всегда красотою формъ, то всегда безпредѣльнымъ богатствомъ все новыхъ комбинацiй. Этой частой смѣнѣ моды подлежитъ главнымъ образомъ, конечно, женскiй костюмъ, но и мужская мода мѣняется въ XIX в. чаще, чѣмъ раньше.

Эта характерная для буржуазнаго вѣка частая смѣна моды объясняется, безъ сомнѣнiя, глав нымъ образомъ никогда не исчезающей тенденцiей внѣшне выражаемаго классоваго обособленiя. Именно потому, что сословныя разграниченiя офицiально упразднены, и всѣ люди стали гражданами, надѣленными будто бы одинаковыми правами и одинаковыми обязанностями, именно потому, что—за исключенiемъ военнаго мундира—не существуетъ больше

законовъ и установленій, запрещающихъ носить рабочему тотъ или иной покрой платья, а горничной или мѣщанкѣ платье изъ той или иной матеріи или пользоваться тѣми или иными украшеніями, на томъ основаніи, что они будто составляютъ «привиллегію» однѣхъ только женщинъ изъ верхнихъ десяти тысячъ и т. д.— именно поэтому послѣднія чувствуютъ потребность публично отличаться какъ можно явственнѣе отъ misera plebs, отъ жалкой черни. Другими словами: при всемъ видимомъ равенствѣ онѣ хотятъ быть чѣмъ-то лучшимъ, высшимъ, болѣе благороднымъ.

Объ этой тенденціи извѣстный юристъ Іерингъ говоритъ очень мѣтко:

«Современная мода продиктована не индивидуальными, а соціальными мотивами и только уяснивъ себѣ правильно эти послѣдніе, можно понять ея истинную сущность. Этимъ мотивомъ является стремленіе *высшихъ* классовъ *обособиться* отъ *низшихъ* или вѣрнѣе среднихъ, такъ какъ низшіе не идутъ въ счетъ, ибо нѣтъ опасности смѣшенія съ ними. Мода есть ничто иное, какъ постоянно вновь воздвигаемая, потому что постоянно уничтожаемая грань, при помощи которой высшее общество пытается отгородить себя отъ среднихъ классовъ, она—*скачка сословнаго тщеславія,* во время которой то и дѣло повторяется одно и тоже явленіе: одни стараются хоть немного обогнать своихъ преслѣдователей, которые въ свою очередь стараются сейчасъ же снова ихъ догнать, усваивая себѣ новую моду».

Въ разныя эпохи, а именно, когда та или другая часть костюма или особый покрой платья были внѣшнимъ символомъ принадлежности къ какой нибудь партіи, было сравнительно нетрудно выявить въ костюмѣ классовую противоположность. Это замѣчаніе въ особенности приложимо къ эпохамъ, когда временно господствовала реакція, въ Германіи, слѣдовательно, къ печальной памяти до-мартовской эпохѣ, отъ вѣнскаго конгресса и до 1848 г., а потомъ къ пятидесятымъ годамъ, къ такъ называемой эпохѣ реакціи. Въ такіе періоды извѣстная мода служила выраженіемъ консервативныхъ убѣжденій и политической благонадежности, тогда какъ демонстративное уклоненіе отъ нея являлось не менѣе откровеннымъ протестомъ противъ господства реакціи и заявленіемъ о своей солидарности съ оппозиціей.

Въ области мужской моды наиболѣе характерными доказательствами въ пользу этого положенія является прежде всего фасонъ шляпы, галстука и сюртука. Въ эпоху первой имперіи всѣ изъявля-

ли свое восхищеніе Наполеономъ тѣмъ, что носили характерную для Наполеона треуголку или же—имѣя въ виду его военные успѣхи—шляпу, походившую на медвѣжьи шапки его знаменитой гвардіи, «уланки» улановъ и т. д.—Этотъ послѣдній головной уборъ носили охотно также женщины и притомъ во всѣхъ странахъ. Когда Наполеонъ палъ, то побѣдители возненавидѣли когда-то столь популярную треуголку, символъ его могущества, и аристократы, дипломаты и все войско чиновниковъ стали носить цилиндръ. Цилиндромъ украшали свои почтенныя головы также всѣ тѣ, кто хотѣлъ продемонстрировать свои консервативныя и легимистическія убѣжденія. Кто оставался вѣренъ знамени Наполеона, по прежнему носилъ наполеоновскую треуголку.

Та же самая участь постигла другіе символы наполеонизма, какъ-то лавръ и орловъ, бывшихъ типическимъ моднымъ мотивомъ украшенія въ тогдашнемъ женскомъ костюмѣ.

Такъ какъ, впрочемъ, цилиндръ остался и потомъ символомъ консервативныхъ убѣжденій и политической благонадежности, то каждый разъ, когда хотѣли выразить иныя настроенія, демонстративно противополагали ему иного вида шляпы. Начиная съ сороковыхъ годовъ эту роль исполняла демократическая шляпа, шляпа съ отвислыми полями, отъ которой, по мнѣнію даже современныхъ строго-аристократическихъ круговъ, исходитъ все еще «запахъ революціонной сволочи». Подобно чопорному цилиндру долгое время признакомъ консервативныхъ убѣжденій служилъ бѣлый завязываемый галстукъ, ставшій начиная съ вѣнскаго конгресса модой дипломатовъ, стремившихся такимъ путемъ усилить впечатлѣніе неприступности, принципіальной замкнутости и величія. Впослѣдствіи къ этимъ частямъ костюма присоединился еще застегнутый на всѣ пуговицы сюртукъ. Такой костюмъ является въ самомъ дѣлѣ адэкватнымъ выраженіямъ любви къ порядку, субординаціи, цѣпкой приверженности ко всему установленному и т. д. и ненависти ко всему прогрессивному, такъ какъ послѣднее вноситъ въ жизнь безпокойство и неувѣренность. Если кто въ этихъ буржуазныхъ кругахъ хотѣлъ почеркнуть свои монархическія убѣжденія, то онъ надѣвалъ цилиндръ, туго завязанный бѣлый галстукъ и длинный на всѣ пуговицы застегнутый сюртукъ, а кто стоялъ за прогрессъ, тотъ завязывалъ галстукъ такъ, что концы его свободно развѣвались по вѣтру, и предпочиталъ короткій и открытый сюртукъ.

Все это представляло, какъ сказано, очень простое средство подчеркнуть при помощи костюма свое отличіе отъ верха и низа,

отъ правыхъ и лѣвыхъ. По мѣрѣ того, однако, какъ мѣриломъ для общественнаго мнѣнія и всеобщей оцѣнки становилось богатство, люди хотѣли уже казаться не только политически благонадежными и консервативными, но еще въ большей степени состоятельными. А выразить при помощи костюма эту сторону было куда сложнѣе. Уже по одной той хотя бы причинѣ, что, исходя изъ пословицы «по платью можно судить о человѣкѣ» (Kleider machen Leute) средніе классы также рьяно стремились какъ можно больше затушевать разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ имущихъ. Эти слои добросовѣстно копировали имущихъ, чтобы обмануть общественное мнѣніе и также прослыть за имущихъ.

Въ двадцатахъ годахъ одинъ франтъ жаловался: «Въ наши дни послѣдній бѣднякъ можетъ носить платье съ длинною таліей, панталоны à la Mameluk, жилетъ съ откиднымъ воротникомъ, пальто à la Mina, такъ что намъ приходится по-неволѣ одѣваться по своему, иначе насъ не отличишь отъ толпы». Если такимъ образомъ возникаютъ экстравагантныя, франтовскія моды, то для тѣхъ, кто не желаетъ выдаваться курьезно-страннымъ костюмомъ, остаются только два выхода: какъ можно чаще мѣнять моду, чтобы менѣе состоятельные люди не могли съ ними тягаться, и во-вторыхъ, одѣваться какъ можно элегантнѣе. Первое привело къ тому, что мода среди имущихъ классовъ мѣняется не только каждый годъ, но даже каждый сезонъ, причемъ измѣненія, вносимыя въ костюмъ, такъ ощутительны, что ни одинъ знатокъ не приметъ прошлогодняго костюма за послѣднюю моду. Второе изъ этихъ стремленій привело въ свою очередь къ роскоши, превосходящей роскошь всѣхъ предшествующихъ эпохъ. Роскошь и элегантность— таковъ лозунгъ имущихъ классовъ. Истинная элегантность стоитъ всегда дорого, даже когда она отличается простотой, и потому въ послѣднемъ случаѣ она вся построена на оттѣнкахъ.

Если стремленіе къ обособленію классовъ является очень важной причиной частой смѣны моды, то главная ея причина все же коренится въ чемъ то другомъ, а именно въ особыхъ потребностяхъ капиталистическаго способа производства. Какъ извѣстно, капиталистическій способъ производства покоится на массовомъ производствѣ, предполагающемъ въ свою очередь, какъ свое естественное дополненіе, массовое потребленіе. При машинномъ производствѣ любой предметъ для фабриканта становится прибыльнымъ только въ качествѣ массоваго продукта,—поэтому каждая мода, каждая матерія, каждый цвѣтъ, каждая комбинація должны сразу стать популярными, дабы всѣ возымѣли желаніе ихъ пріобрѣсти.

Если какой-нибудь предметъ сегодня въ модѣ среди избранныхъ, то завтра онъ долженъ войти въ моду ужъ и среди массы—такова насущная потребность разсчитанной на массовое производство фабричной промышленности.

Въ противоположномъ случаѣ предприниматели должны были бы время отъ времени пріостанавливать или сокращать свое производство, вмѣсто того, чтобы его увеличивать и расширять, а къ этому послѣднему они стремятся больше всего и прежде всего въ интересахъ повышенія прибыли. Уже одинъ этотъ законъ заставляетъ поэтому постоянно стремиться къ созданію все новыхъ модъ, ибо машина нуждается все въ новыхъ заказахъ, а въ одинъ прекрасный день рынокъ все же будетъ насыщенъ даннымъ товаромъ. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо придумать какую-нибудь новую форму, которую публика должна покупать, замѣняя ею старую.

Въ силу указанныхъ причинъ постоянная смѣна моды тѣсно связана не только въ средѣ имущихъ, но и въ народныхъ массахъ съ современнымъ крупно капиталистическимъ способомъ производства. Она ея высшая, насущнѣйшая потребность и распространяется поэтому не только на костюмъ, но и на множество другихъ предметовъ потребленія.

Всѣ указанные факторы и особенности не устраняютъ само собой понятно, великаго и неизмѣннаго закона, гласящаго, что костюмъ разрѣшаетъ извѣстную эротическую проблему, а именно проблему пассивнаго, правда, но неизмѣннаго ухаживанія другъ за другомъ обоихъ половъ. Эти факторы и особенности образуютъ только новую рамку для этой неизмѣнной проблемы.

Показать, какимъ разнообразнымъ способомъ эту задачу рѣшаетъ господствующее нравственное лицемѣріе—таково содержаніе этой главы.

Ниже мы приведемъ иллюстраціи и доказательства. Здѣсь же мы можемъ предвосхитить итогъ: наша эпоха разрѣшила эту проблему болѣе рафинированно, чѣмъ всѣ предыдущія.

Такъ какъ мужчина играетъ въ взаимныхъ отношеніяхъ половъ активную роль, то подчеркиваніе половыхъ признаковъ, эротически стимулирующихъ женщину, всегда играло въ костюмѣ мужскомъ менѣе видную роль, чѣмъ въ женскихъ модахъ. Нѣкоторую роль эта тенденція играетъ, конечно, и въ мужскомъ костюмѣ, ибо костюмъ является для обоихъ половъ союзникомъ въ борьбѣ за взаимное расположеніе и симпатію. Эпоха Ренессанса выразила эту



Нѣмецкая мода 1790 г.



Костюмъ ампиръ 1808 г.



Моренъ: Vous voulez me depouiller! me voila. Гл. II.

черту даже очень смѣлымъ, на нашъ современный взглядъ, образомъ также и въ мужскомъ костюмѣ... Сдѣлала и эпоха стараго режима путемъ костюма изъ мужчины фигуру, воздѣйствовавшую на чувства женщинъ въ спеціально эротическомъ духѣ, а именно подчеркивая его моложавость, его роль галантнаго рыцаря на службѣ у женщинъ и т. д.

Такъ какъ, однако, мужчинѣ въ дѣлѣ ухаживанія природа предоставила активную роль, такъ какъ онъ можетъ и даже долженъ дѣйствовать, требовать, нападать словами, недвумысленными жестами и столь же недвусмысленными дѣйствіми, тогда какъ женщина обязана пассивно ждать и имѣетъ право лишь косвенно обращать на себя вниманіе, то мужчина не нуждается въ такой же степени, какъ женщина, въ костюмѣ, чтобы подчеркнуть свою половую индивидуальность.

Вотъ причина, почему смѣна модъ сказывается въ области мужского костюма не въ такихъ разительныхъ и другъ другу противоположныхъ формахъ, какъ въ области женскаго костюма, гдѣ каждая новая мода является почти пощечиной въ лицо только что сошедшей со сцены. Эволюція мужского костюма по той же самой причинѣ видимо логичнѣе эволюціи женской моды, такъ какъ онъ приспособляется къ главнымъ потребностямъ жизни безъ ошеломляющихъ скачковъ. Наконецъ, по той же самой причинѣ торжествующее въ буржуазную эпоху во всѣхъ областяхъ жизни нравственное лицемѣріе и его законы не бросаются такъ ярко въ глаза въ мужскихъ модахъ. Здѣсь пришлось устранить и упразднить лишь очень немногое. Совсѣмъ исчезли только цвѣта, воздѣйствующіе всегда на чувственность: свѣтло-голубой, сіяющій желтый, темно-красный и т. д. Теперь преобладаютъ нейтральные цвѣта. Къ тому же линіи, выражающія въ мужскомъ костюмѣ половую энергію, еще и потому не бросаются въ глаза, какъ специфически половыя качества, что онѣ выражаютъ вообще энергію и могутъ быть безъ всякой натяжки истолкованы, какъ подчеркнутыя указанія на его профессіональную дѣятельность. Такимъ именно образомъ эти линіи обыкновенно и истолковываются. Нужны поэтому совершенно опредѣленные индивидуальные признаки, чтобы мужчина оказывалъ своимъ костюмомъ на женщину воздѣйствіе именно, какъ мужчина.

Исключеніе составляютъ только моды эпохи великой революціи и имперіи. Эти моды подчеркиваютъ, какъ мы увидимъ ниже, очень рельефно и въ мужскомъ костюмѣ специфически половой мужской характеръ.

Сравнительно большее въ эротическомъ отношеніи безразличіе мужского костюма, конечно, не мѣшаетъ тому, что мужская мода всегда слѣдуетъ и соотвѣтствуетъ настроеніямъ данной эпохи. Когда эпоха проникнута жаждой свободы и стремленіемъ къ прогрессу, какъ напр. эпоха 48 года, то мужская мода становится замѣтно мужественнѣе и уже въ костюмѣ соотвѣтствующимъ образомъ отражается эта тяга къ индивидуальной независимости и самостоятельности и къ общественной свободѣ. Въ модѣ явственно сказывается жажда активности и способность къ дѣятельности. Чопорный сюртукъ уступаетъ мѣсто, какъ уже было упомянуто въ предыдущемъ абзацѣ, платью съ удобными свободными формами, которое можно носить по желанію открытымъ и закрытымъ, тогда какъ сюртукъ долженъ быть непремѣнно застегнутъ на всѣ пуговицы.

Въ періоды упадка и реакціи, когда политическая опека суживаетъ умственный горизонтъ, когда отказъ отъ высшихъ идеаловъ располагаетъ господствующіе классы сначала къ чувственнымъ наслажденіямъ, а потомъ къ всеобщей пресыщенности, линіи мужской моды получаютъ оттѣнокъ женственности, блезированности, декаденства. Такими періодами были, напр., годы попытокъ реставраціи абсолютизма послѣ паденія Наполеона, продолжительный реакціонный періодъ, послѣдовавшій послѣ весны 1848 г., приведшій во Франціи ко второй имперіи, и конецъ XIX в., когда буржуазія потеряла вѣру въ будущее своего господства и когда среди матеріальныхъ чувственныхъ наслажденій заглохли всѣ высшіе человѣческіе идеалы.

Неизмѣнной задачей всякой женской моды: все равно, служитъ ли рамкой абсолютизмъ или буржуазное общество, является, какъ уже упомянуто, наиболѣе эффектное и все новое подчеркиваніе красотъ женскаго тѣла, эротически возбуждающихъ мужчину. Все различіе состоитъ только въ томъ, что въ одну эпоху возможно болѣе естественное рѣшеніе этой задачи, въ другую—только странное. Это подчеркиваніе путемъ костюма половыхъ признаковъ женскаго тѣла, эротически воздѣйствующихъ на мужчину, состоитъ въ томъ, что эти признаки, какъ-то: грудь, талія, ляжки, бедра, икры должны бросаться въ глаза по мѣрѣ возможности каждый отдѣльно. На улицѣ или въ салонѣ вы встрѣтите не гармонически развитую красивую женскую фигуру, а молодую даму съ полнымъ пикант-

нымъ бюстомъ, другую съ великолѣпно выступающими ляжками, третью съ упругими бедрами и т. д.

Между тѣмъ, какъ объ общей сущности даннаго явленія вы не получаете никакого представленія, та или другая мода зато прекрасно освѣдомляетъ относительно груди. Вы узнаете, что она упруга, мала или велика, иногда даже, что она имѣетъ форму груши или яблока. Все это вы узнаете очень ясно, потому что все это рельефно выдѣлено модой, и узнаете вы именно только эту одну часть тѣла, все же остальное лишь фонъ, на которомъ эта особенность выступаетъ тѣмъ болѣе ярко. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ болѣе простыхъ случаяхъ соотвѣтствующія методы пускаются въ ходъ безсознательно самими же женщинами, такъ какъ каждая женщина исполняетъ такимъ именно путемъ совершенно инстинктивно одинъ изъ законовъ своей пассивности. Безсознательнымъ является такое рѣшеніе однако только въ болѣе простыхъ случаяхъ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ женщина ставитъ себѣ эту цѣль сознательно и съ все большей рафинированностью. Для каждаго платья и для каждой блузы она продѣлываетъ передъ зеркаломъ безконечное множество репетицій. Одинъ французскій писатель, Жанъ Рикаръ, замѣчаетъ:

«Женщины говорятъ о платонической любви съ величайшимъ восхищеніемъ, однако каждое ихъ платье, каждая шляпка, каждый башмакъ и каждая ленточка разсчитаны на то, чтобы разсѣять всѣ наши платоническіе порывы».

Еще ярче говоритъ Толстой въ «Крейцеровой Сонатѣ»: «Женщины устроили изъ себя такое орудіе воздѣйствія на чувственность, что мужчина не можетъ спокойно обращаться съ женщиной... Я увѣренъ, что придетъ время и можетъ быть очень скоро, что люди поймутъ это и будутъ удивляться, какъ могло существовать общество, въ которомъ допускались такіе нарушающіе общественное спокойствіе поступки, какъ тѣ прямо вызывающія чувственность украшенія своего тѣла, которыя допускаются для женщинъ въ нашемъ обществѣ. Вѣдь это все равно, что разставить по гуляньямъ, по дорожкамъ всякіе капканы,—хуже!».

Въ другомъ мѣстѣ Толстой говоритъ: «Матери знаютъ это, особенно матери, воспитанныя своими мужьями, знаютъ это прекрасно. И, притворяясь, что вѣрятъ въ чистоту мужчинъ, онѣ на дѣлѣ дѣйствуютъ совсѣмъ иначе. Онѣ знаютъ, на какую удочку ловить мужчинъ для себя и для своихъ дочерей. Вѣдь мы, мужчины, только не знаемъ и не знаемъ потому, что не хотимъ знать, женщины же

знають очень хорошо, что самая возвышенная, поэтическая, какъ мы ее называемъ, любовь зависитъ не отъ нравственныхъ достоинствъ, а отъ физической близости и притомъ прически, цвѣта, покроя платья. Скажите опытной кокеткѣ, задавшей себѣ задачу плѣнить человѣка, чѣмъ она скорѣе хочетъ рисковать: тѣмъ, чтобы быть въ присутствіи того, кого она прельщаетъ, изобличенной во лж—, жестокости, даже распутствѣ, или тѣмъ, чтобы показаться при немъ въ дурно сшитомъ и некрасивомъ платьѣ—всякая всегда предпочтетъ первое. Она знаетъ, что нашъ братъ все вретъ о высокихъ чувствахъ—ему нужно только тѣло—и потому она проститъ всѣ гадости, а уродливаго, дурного тона костюма не проститъ.... Но посмотрите на тѣхъ, на несчастныхъ, презираемыхъ, и на самыхъ высшихъ свѣтскихъ барынь: тѣ же наряды, тѣ же фасоны, тѣ же духи, то же оголеніе рукъ, плечъ, груди и обтягиваніе выставленнаго зада, та же страсть къ камушкамъ, къ дорогимъ, блестящимъ вещамъ, тѣ же увеселенія, танцы, музыка, пѣніе. Какъ тѣ заманиваютъ всѣми средствами, такъ и эти. Никакой разницы. Строго опредѣляя, надо только сказать, что проститутки на короткіе сроки—обыкновенно презираемы, проститутки на долгіе—обыкновенно уважаемы».

Не всѣ моралисты однако такъ безпощадны. Одинъ католическій писатель, Фр. Зибертъ, говоритъ въ своей «Половой нравственности»:

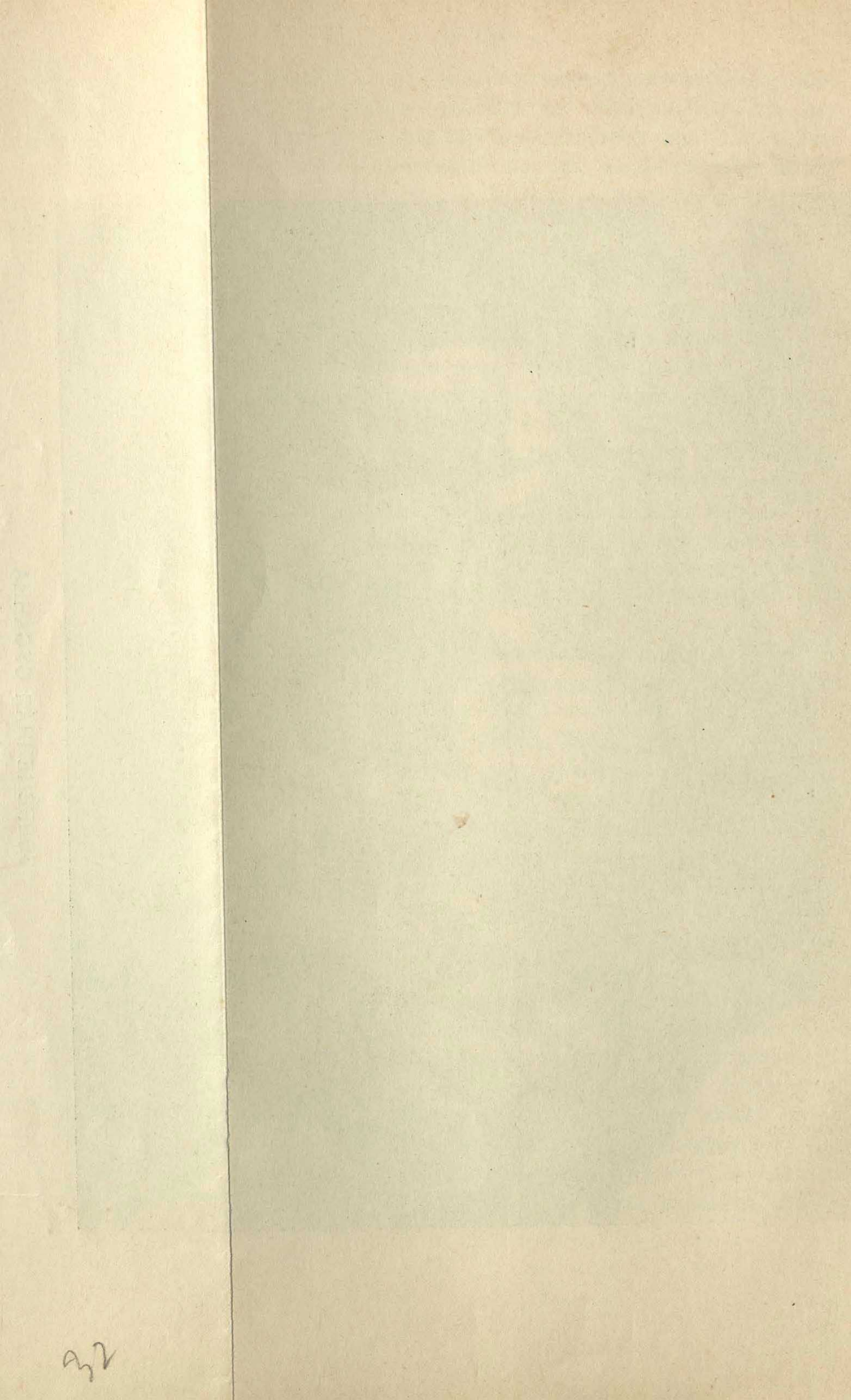
«Было бы неправильно требовать, чтобы дѣвушка избѣгала нравиться мужчинамъ. Есть не мало красивыхъ дѣвушекъ, знающихъ, что онѣ красивы, замѣчающихъ, какъ жадно устремлены на нихъ мужскіе взоры и очень довольныхъ этимъ. Мнѣ думается, будетъ только хорошо, если многія дѣвушки проникнутся самосознаніемъ, сопровождающимъ чувство половой зрѣлости. Мнѣ не вѣрится, будто мысль дѣвушки, что она стала женщиной, которая дастъ когда-нибудь счастье мужу, можетъ пагубно подѣйствовать на ея дѣвственность».

Наиболѣе разумно разсуждаютъ современные эстеты о всеобщей тягѣ женщинъ выставлять на показъ свои специфически эротическіе чары. Такъ небезызвѣстный Шулце Наумбургъ замѣчаетъ въ своей книгѣ: Die Kultur des weiblichen Koerpers:

«Что женское начало вліяетъ на мужское именно половымъ образомъ, а въ особенности если оно преисполнено красоты, это такъ же естественно и такъ же неоходимо, какъ то, что яблоня цвѣтетъ, что цвѣты насыщаютъ воздухъ своимъ ароматомъ. Здѣсь



СОВРЕМЕННАЯ СУСАННА.
Французская литографія по картинѣ ле-Пуатевено.





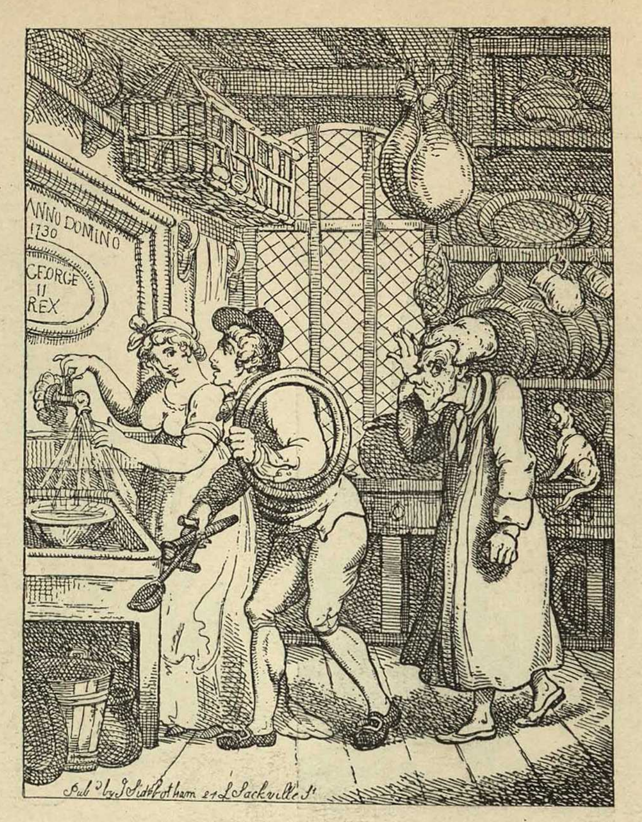
Травьэ: Женщины изъ простонародья.



Мѣщане. Гл. IV.

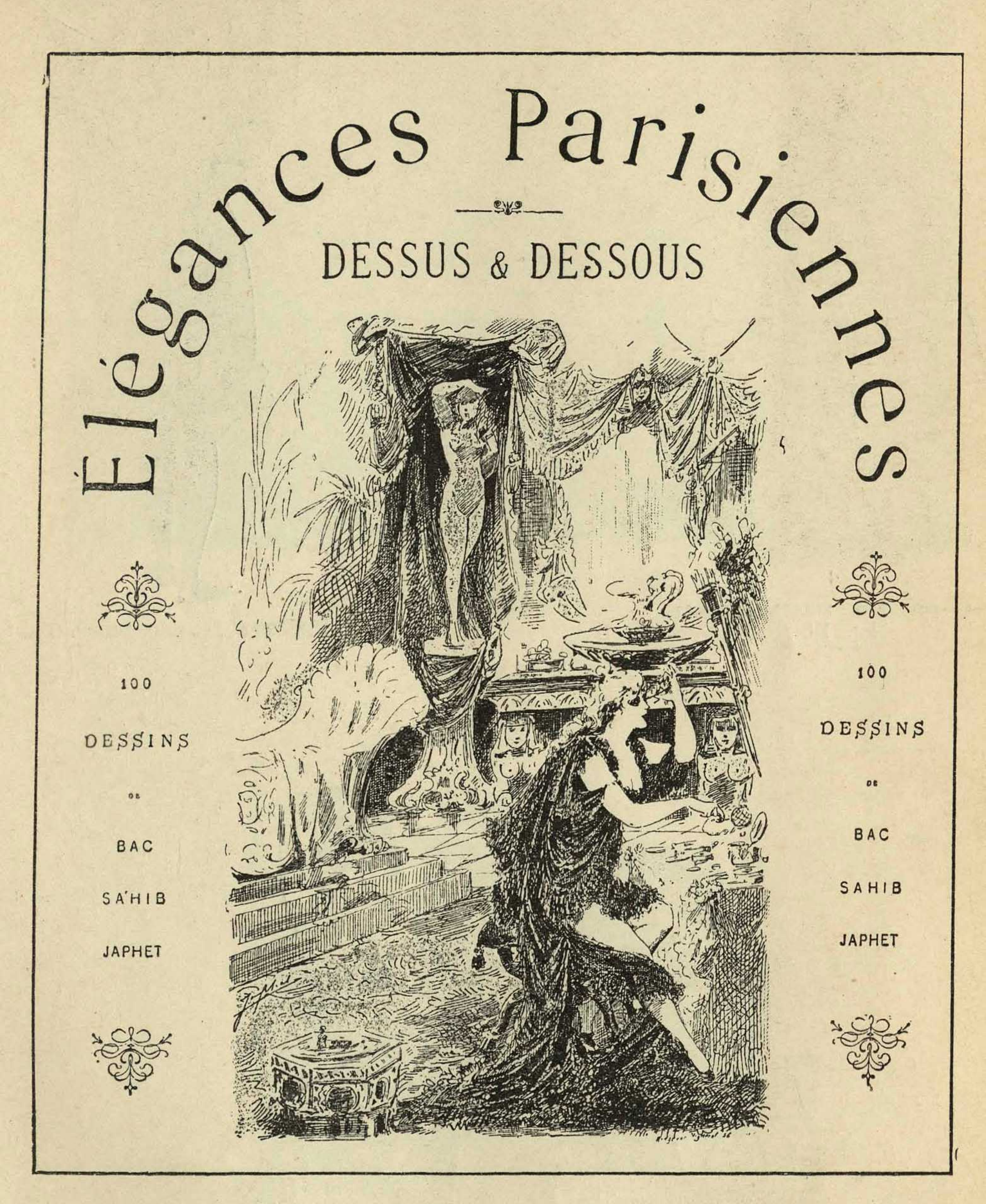


Dessous невѣсты. Гл. III.

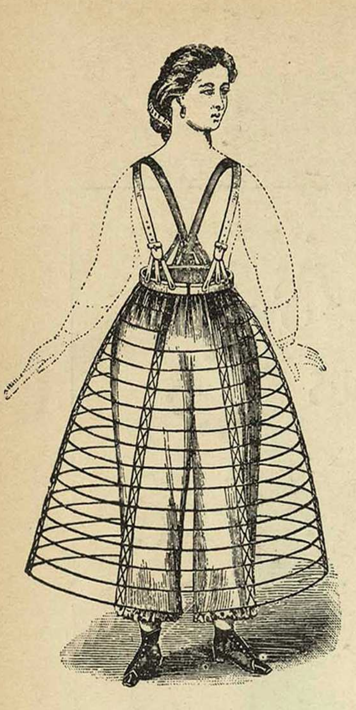


Англійская эротика—символическая гравюра. Гл. IV.

Берталль: Послѣ бала. Гл. VI.



Заглавный листъ иллюстрированнаго изданія. Elegances Parisiennes. Гл. III.



Платье—реформъ миссъ Джонсъ. Гл. III.



Рубашка демимонденки. Гл. III.



Корсетъ. Гл. III.

Моренъ: Это мужъ! Гл. IV.



Фрелихъ: Невинность. Гл. II.

Кринолинъ. Англ. литографія. Гл. III.



Родландсонъ: Карикатура. Гл. III.

передъ нами раскрывается одно изъ чудесъ природы, которыя такъ своеобразны, велики и чудесны и которыя должны были бы быть священными для насъ. Ихъ нечего скрывать и нечего стыдиться!»

Необходимо замѣтить однако, что современные эстеты потому и стремятся, чтобы эта въ высшей степени похвальная по существу тенденція обнаруживалась не грубо и не ординарно, а, напротивъ, благородно и со вкусомъ.

Подобное очищенное отъ всякой грубой и грязной примѣси рѣшеніе вопроса объ эротическомъ воздѣйствіи на мужчину женскаго костюма интересовало однако XIX столѣтіе такъ же мало, какъ и всѣ предыдущія эпохи. На одинъ случай побѣды эстетизированной чувственности приходились всегда сотни случаевъ, когда прибѣгали къ самымъ скабрезнымъ средствамъ, даже если эти послѣднія разрушали гармонію красоты.

Фактъ этотъ, впрочемъ, станетъ вполнѣ естестественнымъ, если принять во вниманіе, что въ теченіе всего буржуазнаго вѣка, какъ и въ предыдущія эпохи, главными законодательницами моды являются наиболѣе яркія представительницы галантности, а именно верхній слой демимонденокъ. Такое распредѣленіе ролей также вполнѣ понятно. Галантная дама всегда, естественно, найдетъ наилучшее рѣшеніе любой эротической проблемы. Уже одного этого обстоятельства было бы поэтому достаточно, чтобы провозгласить демимонденку наслѣдственною законодательницей моды. Есть однако еще другая причина, вполнѣ объясняющая намъ, почему мода подчиняется исключительно ея желаніямъ и потребностямъ. Богатыя и извѣстныя демимонденки всегда были—въ чемъ открыто признаются крупные парижскіе портные и портнихи—лучшими заказчицами.

По этимъ двумъ причинамъ вкусъ верхняго слоя проститутокъ и получилъ такое рѣшающее значеніе и вотъ почему онъ является, по выраженію одного парижскаго портного, чѣмъ-то въ родѣ «божьяго закона, къ которому прислушиваются женщины трехъ частей свѣта». Вѣчная проблема—не кокетства, а кокотства—сразу воздѣйствовать на эротику мужчины рѣшалась, естественно, съ теченіемъ времени тѣмъ болѣе рафинированно, чѣмъ большія суммы тратились на эту цѣль. Нынѣ эти суммы превосходятъ все ранѣе намъ въ этомъ направленіи извѣстное и онѣ растутъ къ тому же изо дня въ день. Въ наше время сотни милліардеровъ могутъ выдавать своимъ любовницамъ на одни только платья двадцать, пятьдесятъ, сто тысячъ и даже вдвое болѣе и сотни такихъ богачей такъ въ самомъ дѣлѣ и поступаютъ.

Въ послѣднее время, вмѣстѣ съ возникновеніемъ салонной драмы, другой законодательницей моды стала артистка, являющаяся также очень цѣннымъ и требовательнымъ кліентомъ модныхъ мастерскихъ. Эротическій характеръ моды отъ этого, однако, не измѣнился, такъ какъ артистка вынуждена выставлять тѣ же самыя требованія. Не можетъ же она сыграть роль свѣтской дамы или искательницы наслажденій или богатой кокотки въ безразличномъ костюмѣ наивно-невинной Гретхенъ: она сдѣлалась бы въ такомъ случаѣ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. И она, разумѣется, объ этомъ и не помышляетъ. Гораздо чаще ставитъ она себѣ прямо противоположныя цѣли. Уже по одному тому, что не одна мечтаетъ сыграть роль жуирующей дамы и блестяще обставленной метрессы не только на подмосткахъ, но и въ жизни. А эту цѣль она достигнетъ только въ томъ случаѣ, если сумѣетъ возбудить въ заинтересованныхъ людяхъ соотвѣтствующія чувства. Неоходимо считаться, наконецъ, и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что театральная игра сама по себѣ требуетъ уже нѣкоторой утрировки фигуры исполнительницы, а подобное преувеличеніе можетъ, естественно, обнаружиться только въ направленіи пикантности.

Если тонъ женской модѣ даетъ въ XIX в.—какъ и въ XVIII ст.—Парижъ, то это объясняется не только романскимъ характеромъ, въ которомъ преобладаетъ чувственная сторона, но и общей культурой этого города. Парижъ обладаетъ древнѣйшей и богатѣйшей цивилизацiей изъ всѣхъ европейскихъ городовъ, а она кульминируетъ, какъ мы знаемъ, въ совершенно единственномъ въ своемъ родѣ культѣ женщины. Все, что такъ или иначе связано съ женщиной, какъ съ художественнымъ произведеніемъ эротики, имѣетъ здѣсь свою традицію и получаетъ здѣсь свое логическое оправданіе. Въ этой области Парижъ ушелъ такъ далеко впередъ, что другіе города и страны никогда его не догонятъ.

Двѣ особенности характеризуютъ женскую моду XIX в.: съ одной стороны стремленіе «несмотря на платье быть раздѣтой», а съ другой—тенденція прямо противоположная—кринолинъ, вуалирующій нижнюю часть женскаго тѣла такъ же смѣшно, какъ въ XVI, XVII и XVIII вв. такого же рода юбки, фижмы и т. д. Если кринолинъ знаменовалъ собою—еще и по другимъ причинамъ—возвратъ къ абсолютистическому прошлому, то «одѣтая нагота» была специфически новымъ завоеваніемъ буржуазнаго вѣка. Эта послѣдняя тен-

денція была поэтому главной и именно ея все болѣе рафинированнымъ рѣшеніемъ эпоха и была всегда болѣе всего озабочена.

Мода является публичнымъ актомъ. Она — выставляемый на показъ плакатъ, указывающій на то, какъ люди намѣрены оффиціально отнестись къ вопросу объ общественной нравственности. Въ модѣ общая историческая ситуація находитъ всегда свою наиболѣе точную формулировку. Такой наиболѣе точной формулировкой является принципъ «одѣтой наготы». Ибо онъ представляетъ ничто иное, какъ подсказанное нравственнымъ лицемѣріемъ рѣшеніе вопроса о женской модѣ, вопроса, какъ одѣваться такъ, чтобы быть одѣтой отъ шеи до пятокъ и въ то же время стоять передъ воображеніемъ мужчинъ въ эротической наготѣ.

Впрочемъ, первое рѣшеніе этой проблемы, а именно такъ часто описанныя моды эпохи великой революціи, доводившія эротическую наготу женскаго тѣла до послѣдней крайности, было продиктовано не нравственнымъ лицемѣріемъ, а его прямой противоположностью, такъ какъ оффиціальное нравственное лицемѣріе восторжествовало, какъ господствующая мораль буржуазіи, лишь тридцать лѣтъ спустя. Пусть между этой основной формой буржуазнаго костюма—а ею, несомнѣнно, является мода эпохи революціи—и болѣе поздними буржуазными модами, въ особенности модами нашихъ дней и недавняго прошлаго, существуетъ рядъ точекъ соприкосновенія, все же она представляетъ нѣчто принципіально отличное.

Вотъ почему ее и слѣдуетъ разсмотрѣть особо.

Подобно новому идеалу физической красоты, мода эпохи революціи коренится въ Англіи. Правда, только «коренится». Только первыя ея линіи, представлявшія принципіальную противоположность костюму эпохи Рококо, возникли въ Англіи. Ея наиболѣе характерныя формы развились въ Парижѣ, въ эпоху революціи. Но и въ Парижѣ революціонный костюмъ, костюмъ, подражавшій греческому, появился не сразу готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, а существовалъ уже задолго до революціи—впродолженіи всего того времени, когда буржуазныя идеи революціи подтачивали старый общественный строй. Даже настоящій революціонный костюмъ, греческая одежда, встрѣчается уже задолго до революціи, правда, не какъ всеобщая мода, а только у нѣкоторыхъ лицъ, предвосхитившихъ ее.

Въ своихъ мемуарахъ французскій придворный графъ Тилли сообщаетъ слѣдующее объ одной молодой дамѣ (сообщеніе относится приблизительно къ 1785 г.).

«Отъ нея первой я услышалъ, что женскій костюмъ (костюмъ

Рококо)) противоестественъ, что онъ и неудобенъ и неграціозенъ, что онъ даже вредитъ здоровью. Вмѣсто платья она носила длинную бѣлую тунику, подвязанную подъ грудью розовой лентой. Весь головной уборъ состоялъ изъ цвѣтка въ волосахъ. Никогда мнѣ не приходилось видѣть болѣе красивыхъ формъ, болѣе благородныхъ контуровъ, болѣе приличной наготы отдѣльныхъ частей тѣла. Трудно составить себѣ понятіе о ея привлекательномъ и вмѣстѣ столь простомъ туалетѣ. Казалось, она создана, чтобы осчастливить ближнихъ. Она была такъ любезна, что описала мнѣ въ коротенькой пояснительной запискѣ всю систему ея костюма. Я познакомилъ съ этой запиской нѣкоторыхъ изъ моихъ парижскихъ подругъ, но у нихъ не было мужества уже тогда воспринять въ свой костюмъ античную грацію и разумность. Необходимо, впрочемъ, согласиться, что подобный костюмъ предполагаетъ иной климатъ, чѣмъ климатъ Парижа, гдѣ слишкомъ легкая одежда заставляетъ не одну красотку увядать, какъ увядаютъ преждевременно распустившіеся цвѣты, лишенныя защиты отъ суровой непогоды».

Главная тенденція, проникавшая и толкавшая впередъ буржуазную моду, было стремленіе къ освобожденію. Люди хотѣли двигаться свободно и непринужденно. И вотъ они сбрасываютъ чопорный костюмъ Рококо, ощущавшійся и физически, какъ каторжная куртка, надѣтая на нихъ абсолютизмомъ, и облекаются въ столь же свободныя и подвижныя формы костюма.

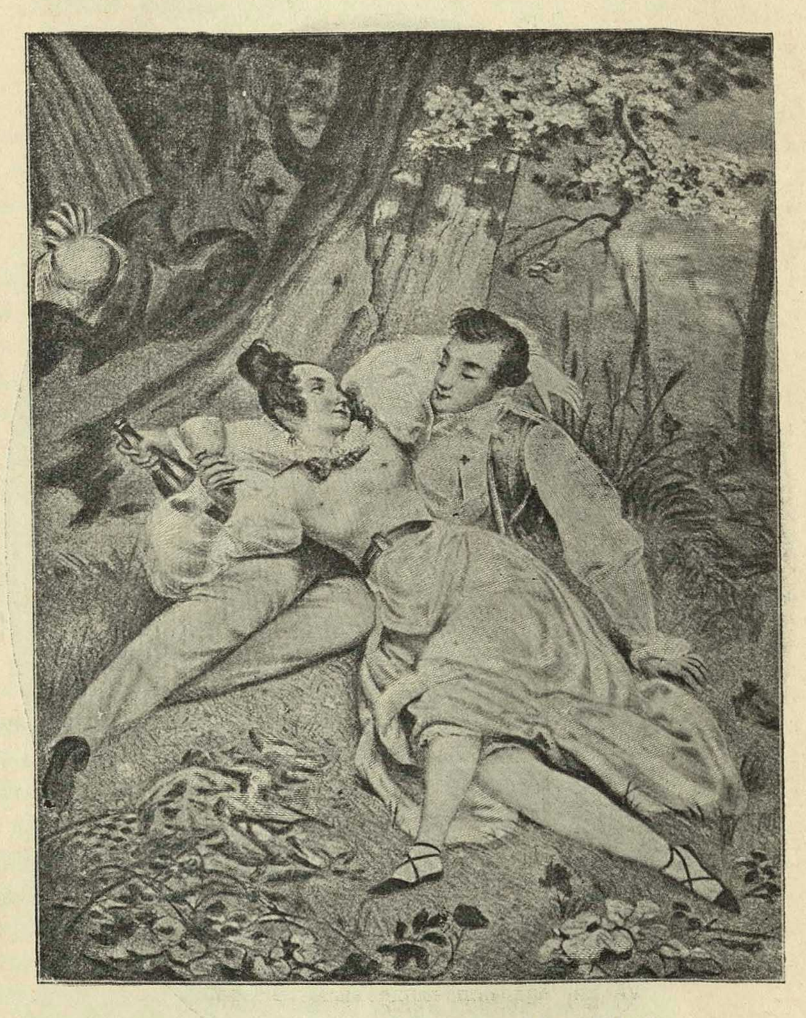
Такъ какъ эти люди объявили къ тому же войну цѣлому міру, то они хотѣли показать при помощи одежды, что у нихъ имѣются нужные для этого мускулы, крѣпкія икры и массивныя ляжки, что они народъ здоровый, а не поколѣніе фарфоровыхъ фигуръ и куколъ-манекеновъ. Эти тенденціи обнаружились въ мужскомъ костюмѣ въ видѣ удобнаго открытаго фрака, свободно положеннаго вокругъ шеи шарфа, плотно облегающихъ ноги панталонъ, сапогъ съ отворотами и мягкой фетровой шляпы, которой можно было придавать какую угодно форму. У франтовъ конца эпохи революціи, у такъ называемыхъ incroyables эпохи директоріи, эта мода получила свое крайнее карикатурное выраженіе.

Въ женскомъ костюмѣ эта тенденція обнаружить такъ сказать свою физическую способность перестроить весь міръ могла, естественно, выразиться лишь въ видѣ систематическаго оголенія. Женщины отказывались отъ похожаго на панцырь корсажа, отъ нижнихъ юбокъ и отопыривающихся фижмъ, а ноги обували не въ гро-



Лефевръ: Фавнесса. Гл. II.

36



Моренъ: Еще одинъ поцѣлуй! Гл. IV.

тескный башмачекъ на высокомъ-высокомъ каблукѣ, не позволявшій какъ слѣдуетъ ходить, а въ сандаліи.

Если эта главная тенденція новаго буржуазнаго костюма облекалась въ античныя формы, то это было вполнѣ логично. Здѣсь дѣйствовали тѣ же выше уже изложенныя причины, которыя привели къ тому, что идеаломъ новаго человѣка сдѣлался именно человѣкъ античной древности. Такъ какъ люди нашли въ древнемъ Римѣ то героическое поколѣніе, которымъ сами хотѣли стать, то они и переняли его костюмъ.

Когда рѣчь заходитъ о модахъ революціи, то обычно вспоминается пресловутый костюмъ наготы, въ который въ концѣ-концовъ превратилась—подъ названіемъ Costume á la grec—женская мода этой эпохи. Сомнительная слава или—вѣрнѣе—осужденіе, которыя эта мода нашла и находитъ одинаково какъ у болѣе тонко чувствующихъ натуръ, такъ и у чопорныхъ духомъ лицъ, не особенно удивительны. Ибо тенденція, къ которой стремилась женская мода эпохи революціи, а именно тенденція показываться публично въ возможно болѣе оголенномъ видѣ, была всецѣло осуществлена. Женщины были не только голы несмотря на костюмъ, а просто голы. При этомъ рѣчь шла о преднамѣренно-безстыдной наготѣ...

Если бы на показъ выставлялось все тѣло и, разумѣется, только красивое тѣло въ его гармоніи, въ художественномъ ритмѣ его движеній, то это было бы чистой и благородной формой наготы. Кромѣ того оба пола должны были бы стремиться къ этой наготѣ въ одинаковой мѣрѣ. Ни того, ни другого мы однако не видимъ. Мужчина оставался одѣтымъ, раздѣвалась одна только женщина. И раздѣвалась она именно для него. Эта черта имѣетъ рѣшающее значеніе. Модницы выставляли свою половую наготу: груди, лоно, чары Венеры Каллипигосъ, бедра и икры. Къ тому же онѣ украшались такъ, чтобы привлекать вниманіе мужчинъ именно на эти ихъ прелести. И притомъ такъ же смѣло на улицѣ, какъ и въ салонѣ. И не только лѣтомъ, но и зимой.

Впрочемъ, слѣдуетъ указать на то, что, если мужчина и былъ одѣтъ, онъ въ извѣстномъ смыслѣ также былъ въ сущности раздѣтъ. Такое по крайней мѣрѣ значеніе приписывали современники мужскимъ панталонамъ, плотно облегавшимъ тѣло. Въ веймарскомъ журналѣ о роскоши и модахъ въ отдѣлѣ модъ говорится слѣдующее о Muscadins, о мужчинахъ, носившихъ такіе панталоны (1795)):

«Если скончавшійся недавно папа запретилъ носить такіе узкіе панталоны, дабы не вводить въ соблазнъ цѣломудренныхъ оби-

тательницъ его столицы, то развѣ онъ былъ неправъ? Конечно, нѣтъ. Съ такимъ же основаніемъ можно было бы ходить и голыми».

Стоявшая передъ женской модой проблема была, какъ уже упомянуто, разрѣшена самымъ простымъ образомъ отказомъ отъ всего, кромѣ рубашки, причемъ эта послѣдняя получила форму муслиновой накидки. Первоначально женщины носили подъ рубашкой трико тѣлеснаго цвѣта, такъ что пластика формъ выступала во всей своей отчетливости. Когда же нравственная распущенность уничтожила одну за другой всѣ грани, то часто отказывались и отъ трико. а для уцѣлѣвшей муслиновой рубашки употребляли возможно болѣе прозрачную ткань, позволявшую любопытствующимъ взорамъ видѣть самыя интимныя прелести. Особый способъ украшеній подчеркивалъ еще эротическое воздѣйствіе этихъ прелестей. Золотые кольца и браслеты должны были еще ярче выявить красоту рукъ и икръ, даже бедеръ. Чтобы любопытствующіе глаза могли все это и еще многое другое видѣть, какъ можно яснѣе, муслиновая накидка была съ обѣихъ сторонъ раскрыта и частью подобрана, такъ что во всякомъ случаѣ всегда видны были украшенныя золотыми лентами и кольцами икры. Золотыя, украшенныя алмазами кольца носили даже на пальцахъ ноги.

Цѣлый рядъ современниковъ подробно освѣдомляетъ насъ на счетъ этой моды. Мадамъ Тайенъ, столь же красивая, сколь и развратная любовница будущаго члена директоріи Барра, первая, говорятъ, одѣвалась такимъ образомъ. Слѣдующее сообщеніе рисуетъ ея первое появленіе въ такомъ костюмѣ на балу въ оперѣ.

«На ней было платье въ греческомъ вкусѣ изъ бѣлаго атласа, поверхъ него (синій) римскій переникъ, богато затканный золотомъ, сзади завязанный золотыми кистями, а вокругъ таліи красная золотомъ затканная лента. Головной ея уборъ состоялъ изъ бѣлой атласной, унизанной драгоцѣнными камнями каскетки, сквозь которую всюду просвѣчивали ея красивыя черные кудри. Прекрасныя округлыя руки были обнажены и украшены тремя золотыми браслетами, сверкавшими жемчугомъ и брилліантами. Колѣни были затянуты въ шелковое тѣлеснаго цвѣта трико, а ноги до икръ покрыты крестъ на крестъ положенными лентами. На каждомъ пальцѣ руки и ноги виднѣлось драгоцѣнное колечко. Платье было съ обѣихъ сторонъ подобрано до колѣнъ и здѣсь пристегнуто алмазной застежкой, такъ что вся нога выше колѣнъ была совершенно обнажена. Ея сережки, аг-

рафы на плечахъ, равно какъ и всѣ остальныя украшенія состояли изъ брилліантовъ баснословной цѣнности».

Такъ какъ этотъ костюмъ произвелъ сенсацію, то появилось нѣсколько гравюръ, изображавшихъ мадамъ Тайенъ въ такомъ костюмѣ. Но то было только началомъ. Въ эпоху директоріи эта мода дошла до своего апогея, и именно объ этой эпохѣ у насъ и имѣется наибольшее количество свѣдѣній. Писатель Лакуръ замѣчаетъ:

«Нѣтъ больше корсетовъ! Нѣтъ больше нижнихъ юбокъ! Весь костюмъ состоитъ изъ рубашки—было время, когда даже отпадала и эта часть костюма, считающаяся существенной,—поверхъ нея одѣвалась или сшитая по античнымъ образцамъ туника или еще лучше длинная накидка изъ муслина или linon, газообразной матеріи, плотно облегавшей тѣло и заставлявшей явственно выступать формы—вотъ и все! На шеѣ и груди, въ волосахъ и ушахъ, на рукахъ нѣсколько камней и медальоновъ изъ разнаго камня и разной формы, въ рукѣ сумочка, ballantine или ridicule, привязанная къ кушаку. Дамы любили казаться въ интересномъ положеніи».

Въ такомъ видѣ дамы, какъ уже упомянуто, показывались даже на улицѣ, цѣлыми часами гуляя мужчинамъ на удовольствіе на публичныхъ променадахъ. «Какое наслажденіе,—писалъ одинъ уроженецъ Франкфурта домой изъ Парижа,—видѣть передъ собой такую грацію, на которой даже нѣтъ рубашки. Можно вполнѣ безпрепятственно наслаждаться прелестями этихъ красавицъ, такъ какъ онѣ гордятся жадными взглядами, бросаемыми на нихъ со всѣхъ сторонъ и вслушиваются съ удовольствіемъ въ циничный разговоръ мужчинъ объ ихъ красотѣ». Другой современникъ пишетъ: «Такъ какъ красавицы носятъ нынѣ обыкновенно лишь рубашку, то достаточно легкаго порыва вѣтра, чтобы разсѣить всякое сомнѣніе относительно неподдѣльности ихъ прелестей». Такіе случаи были для гуляющихъ не рѣдкостью. Если дама маломальски красивая обнажалась такимъ образомъ на улицѣ, то она отнюдь не стѣснялась этого. Художники безчисленное множество разъ изображали подобные сцены. Долгое время онѣ были излюбленнѣйшей темой иллюстраторовъ и карикатуристовъ.

Если такимъ образомъ дамы эпохи директоріи одѣвались вообще болѣе чѣмъ откровенно, то на балахъ нагота праздновала свои наиболѣе пышные тріумфы, такъ какъ здѣсь она имѣла своимъ союзникомъ сіяющій свѣтъ люстръ, такъ что прозрачная муслиновая накидка часто походила скорѣе на одежду изъ сверкающаго свѣта..

Въ своемъ вышедшемъ въ 1798 г. «Новомъ хромомъ бѣсѣ» пи-

сатель Шоссаръ такъ описываетъ балъ, на которомъ онъ побывалъ: «Вотъ идетъ съ блестящими глазами, погруженная въ сладкое раздумье Феба. Я послѣдовалъ за ней, упиваясь ея фигурой. Я падалъ на колѣни передъ Венерой, преклонялся передъ Граціями, восхищался Юноной, опьянялся ароматомъ розъ богини Флоры. Прозрачная, какъ кристалъ, вуаль колыхалась вокругъ ея очаровательнаго тѣла. Здѣсь въ толпѣ безсмертныхъ нашелъ я всѣ виды, всѣ детали женской красоты: тутъ шея, бѣлая какъ лилія, тамъ бюстъ Діаны, тамъ дальше ноги богини, рожденной изъ пѣны... Сіяющая красота, свѣжесть юности и грація соперничали другъ съ другомъ!»

Было бы однако совершенно неправильно видѣть въ этихъ крайностяхъ женской моды эпохи революціи только результатъ вызванной революціей въ Парижѣ нравственной разнузданности. Въ послѣднемъ случаѣ эта мода никогда не сдѣлалась бы интернаціональной въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова. А она сдѣлалась такой международной и притомъ въ высшей степени. Англичанки увлекались ею такъ же, какъ и почтенныя нѣмки. Даже больше. Иниціаторшами этой моды, такъ назыв. fashion of nakednes, были именно англичанки. Въ Лондонѣ эта мода встрѣчается уже въ 1794 г. Прообразомъ г-жи Тайенъ была нѣкая леди Шарлота Кэмбель.

Въ одномъ сообщеніи изъ Лондона, относящемся къ 1799 г., говорится: «Въ концѣ минувшаго года среди дамъ вошло въ моду появляться полуголыми и выставлять на показъ скрытыя прелести тѣла, такъ что значительная часть здѣшняго женскаго бомонда, которой природа не дала пышнаго бюста, прибѣгала къ искусственному, сдѣланному изъ воска, дабы мода не выдала этого ихъ недостатка».

Искусственная, возможно точно воспроизведенная грудь была, естественно, для многихъ женщинъ необходимымъ реквизитомъ при такой модѣ.

Она и была изобрѣтена въ эту эпоху и всюду скоро вошла въ употребленіе. Сначала она дѣлалась изъ воску, потомъ изъ кожи тѣлеснаго цвѣта съ нарисованными жилками. Особая пружина позволяла ей ритмически вздыматься и опускаться. Подобные шедевры, воспроизводившіе иллюзію настоящаго бюста, были въ большомъ спорсѣ и оплачивались очень дорого.

Въ Англіи не только красавицы культивировали этотъ костюмъ наготы, но и безобразныя старухи щеголяли въ немъ...

Аналогичныя данныя имѣются у насъ и относительно Германіи. Въ веймарскомъ «Журналѣ роскоши и модъ» (1795), говорится слѣдующее объ одномъ костюмѣ, состоявшемъ только изъ «длинной рубашки, стянутой подъ грудью кушакомъ»: «Всѣ эти женщины, вѣроятно, матери или кормилицы?—спросилъ кто-то: «Нѣтъ—отвѣтилъ я—это въ большинствѣ случаевъ молодыя дѣвушки. Всѣ онѣ умѣютъ придавать такую пышность груди, что скоро мы будемъ видѣть груди женщины раньше лица, спрятаннаго за ней». А когда потомъ настоящая «голая мода» вторглась и въ Германію, то дамы рядились въ нее въ Берлинѣ и Вѣнѣ, въ Франкфуртѣ и въ Дрезденѣ, словомъ вездѣ. И онѣ заходили въ этомъ отношеніи такъ же далеко, какъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Въ одномъ ганноверскомъ сообщеніи о модахъ 1801 г. говорится: «Недавно одна дама держала пари, что выйдетъ гулять только въ одной рубашкѣ и съ шарфомъ вокругъ шеи, причемъ никто не замѣтитъ, что она почти не одѣта—и она блестяще выиграла пари».

Подобное интернаціональное единообразіе лучше всего доказываетъ, что интересующая насъ мода была вовсе не экстравагантностью, порожденной великой революціей, а коренилась въ общихъ условіяхъ тогдашней культуры. И потому безплодно было и всякое моральное негодованіе. Это послѣднее не преминуло, конечно, сказаться. При помощи разнообразнѣйшихъ аргументовъ и съ самыхъ противоположныхъ сторонъ подвергалась эта мода критикѣ, какъ сторонниками стараго режима, такъ и буржуазными моралистами. Моралисты заявляли, что женщина, въ такой степени обнажающаяся передъ мужчинами, тѣмъ самымъ предлагаютъ себя каждому встрѣчному. Это, стало быть, ничто иное, какъ костюмъ публичной женщины. Врачи и филантропы указывали въ свою очередь на то, что эта—мода, убійственно дѣйствующая на здоровье. Послѣднее утвержденіе можно было въ самомъ дѣлѣ подкрѣпить многими случаями внезапнаго заболѣванія и скорой смерти, безъ всякаго сомнѣнія вызванными такой чрезмѣрной легкой одеждой. Но ни моральное негодованіе, ни голосъ благоразумія не могли, какъ уже упомянуто отучить женщинъ отъ ихъ фанатическаго увлеченія даже крайностями этой моды.

Въ своемъ трудѣ объ эпохѣ директоріи П. Лакруа замѣчаетъ: «Все, что говорилось и писалось тогда противъ неприличнаго, но привлекательнаго, вреднаго для здоровья, но соблазнительнаго и опьянявшаго мужскіе взоры греко-римскаго костюма, было безсильно что-нибудь измѣнить: молодымъ красивымъ женщинамъ эта мода

позволяла царить». А въ другомъ мѣстѣ: «Несмотря на то, что подобный туалетъ шелъ въ разрѣзъ съ стыдливостью, нельзя не признаться, что никогда не было столько очаровательныхъ, соблазнительныхъ женщинъ, какъ тогда. Онѣ были олицетвореніемъ граціи, элегантности, были высшимъ воплощеніемъ внѣшняго совершенства».

Этимъ замѣчаніемъ Лакруа хочетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вскрыть рѣшающую причину слабаго успѣха критики. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать, что мода эпохи революціи раскрывала женщинѣ самыя благопріятныя условія эротическаго воздѣйствія на мужчину въ эпоху, которая сознательно возвращалась отъ неестественности стараго режима къ природѣ. Правда, то, что эпоха выставляла, какъ природу, было на самомъ дѣлѣ только похотливой карикатурой на нее. Это объясняется однако интересами классоваго обособленія со стороны господствующихъ группъ. «Голый костюмъ» былъ всюду костюмомъ господствующихъ классовъ. «Чѣмъ болѣе знатной была дама, тѣмъ болѣе по-гречески, тѣмъ болѣе обнаженной одѣвалась она». Это также понятно, какъ и тотъ фактъ, что мелкая буржуазія не переняла эту моду или ограничивалась лишь ея наиболѣе приличными формами. Мелкая буржуазія и на практикѣ дѣлала наиболѣе рѣзкую оппозицію этой модѣ, осыпая насмѣшками и издѣвательствами дамъ, появлявшихся на улицѣ въ особо «греческомъ» костюмѣ.

Только проститутки конкурировали съ дамами въ наготѣ. Превзойти смѣлостью знаменитыхъ модницъ онѣ однако были не въ состояніи.

Если мода имущихъ классовъ отличалась отъ моды среднихъ такимъ безобразнымъ образомъ, если стремленіе къ освобожденію, лежащее въ основѣ модъ эпохи революціи, сказалось именно въ стремленіи къ безстыдно-эротической наготѣ, то это, впрочемъ, вполнѣ логично. Способы рѣшенія вопроса о костюмѣ со стороны стремящихся къ обособленію классовъ и слоевъ всегда подсказываются имъ специфическими условіями ихъ существованія.

Мы знаемъ: первыми эксплоататорами новаго времени были, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи разбогатѣвшіе парвеню, классъ, для котораго женщина могла имѣть значеніе только, какъ предметъ наслажденія. Эти люди уже не нуждались въ женщинѣ, какъ въ союзницѣ въ борьбѣ за свои политическія права, такъ какъ послѣднія были ими уже завоеваны и обезпечены.

Такъ какъ съ другой стороны не было никакой принудительной

причины разыгрывать по отношенію къ низшимъ классамъ людей высоко нравственныхъ, то общая тенденція моды, естественно, и развивалась въ томъ же грубомъ направленіи, какъ и чувственныя удовольствія и развлеченія этого класса. Также логично и то, что мелкая буржуазія по этому пути пойти не могла, да и въ самомъ дѣлѣ не пошла, такъ какъ здѣсь условія жизни и классовые интересы носили прямо—противоположный характеръ: здѣсь женщина была прежде всего матерью, хозяйкой и товарищемъ.

Въ эпоху имперіи эта разнузданная оргія проявлялась во всѣхъ областяхъ, а слѣдовательно и въ области моды, уже не такъ рѣшительно. Однако самый принципъ моды революціонной эпохи уцѣлѣлъ. И это понятно. Базисъ общественнаго зданія не измѣнился. По прежнему буржуазія оставалась новымъ властителемъ міра. Несмотря на Наполеона во всѣхъ странахъ настоящимъ императоромъ была она. По прежнему нуждалась она также въ силѣ и въ мускулахъ, чтобы продолжать свое завоеваніе міра. Все это должно было символизироваться въ модѣ такимъ же образомъ, какъ и прежде. Такъ какъ съ другой стороны Наполеонъ былъ никѣмъ инымъ, какъ представителемъ фирмы новаго времени, то опять-таки не только во Франціи, но и во всемъ мірѣ люди охотно восприняли въ свой костюмъ линію величія, сложившуюся на почвѣ побѣды Наполеона во Франціи.

Одна изъ главныхъ задачъ буржуазной женской моды состояла въ томъ, чтобы устранить характерную черту моды всего стараго порядка, а именно разъединеніе женскаго тѣла на грудь, лоно и бедра, и снова вернуть ему также и въ области костюма гармоническое единство. Эта задача и была разрѣшена, какъ видно, модой революціонной эпохи.

Въ концѣ ампира мода снова вернулась назадъ къ прежнимъ своимъ тенденціямъ: она должна была отражать теперь тотъ же фактъ, что и идеалъ физической красоты, а именно, что женщина была свободнымъ человѣкомъ только въ идеѣ. Въ качествѣ же предмета наслажденія, цѣнимая лишь въ зависимости отъ ея эротическихъ качествъ, женщина всегда, во всѣ времена, была лишь соединеніемъ груди, лона и бедеръ. Поэтому и была вновь провозглашена эта формула. Ибо костюмъ эпохи революціи позволялъвыставлять на показъ только грудь, что и дѣлала эта мода въ самомъ преувеличенномъ размѣрѣ.

Подчеркивать при помощи костюма не только грудь, но и другія

части тѣла возможно только путемъ затягиванія таліи. Если въ эпоху революціи талія затягивалась подъ грудью, то теперь спустились снова ниже, и въ 1820 г. цѣль была достигнута. При помощи корсета, процвѣтаніе котораго относится, какъ разъ къ этой эпохѣ, можно было не только груди придать какую угодно форму, но и продемонстрировать кромѣ того взорамъ талію и бедра. Такимъ путемъ снова дошли до такъ называемой осиной таліи (Wespentaille), раздѣляющей фигуру положительно на двѣ половины.

Затаенная похотливость эпохи Biedermeirzeit праздновала здѣсь впервые настоящія оргіи.

Рядомъ съ корсетомъ той же цѣли должна была служить юбка. Приблизительно въ это же время стали увеличивать число юбокъ, чтобы сдѣлать талію еще болѣе тонкой. Этимъ шли на встрѣчу всеобщей и все болѣе ярко выступавшей тенденціи воздѣйствовать какъ можно откровеннѣе на чувственность. Такъ наз. Wespentaille придавала таліи стройность, которой она на самомъ дѣлѣ не обладала. На этомъ пути пришлось однако остановиться раньше, чѣмъ хотѣли, такъ какъ число юбокъ нельзя произвольно увеличивать до безконечности: иначе тяжесть костюма стала бы слишкомъ ощутительной, да и производила фигуру женщины въ такомъ случаѣ скорѣе неуклюжее, чѣмъ чувственное впечатлѣніе.

Необходимо было отыскать новое рѣшеніе задачи и его нашли, какъ и раньше, въ фижмахъ, вошедшихъ въ сороковыхъ годахъ въ употребленіе, а въ пятидесятыхъ годахъ ставшихъ знаменитымъ кринолиномъ.

При помощи кринолина можно было придавать бедрамъ уже какую угодно пышную форму. Какъ видно, кринолинъ вовсе не произвольная выдумка второй имперіи во Франціи, и еще менѣе онъ изобрѣтеніе императрицы Евгеніи, а является итогомъ всѣхъ тенденцій моды, дѣйствовавшихъ послѣ исчезновенія идей великой революціи.

И только поэтому кринолинъ и совершилъ свое тріумфальное шествіе по всѣмъ странамъ.

Какъ ни органиченъ и логиченъ кринолинъ въ качествѣ результата долголѣтней эволюціи, ни одна мода XIX в. не отличалась такими смѣшными формами. И потому онъ нашелъ наряду съ модами революціонной эпохи, наиболѣе яркій отголосокъ въ летературѣ и въ искусствѣ. Онъ вызвалъ не только огромное число газетныхъ статей во всѣхъ странахъ, но и рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій, всецѣло посвященныхъ ему. Изъ нѣмецкихъ сочиненій достаточно ука-

«Невидимые» Гл. III.

Неудобства кабріолета. Гл. III.

Бракъ по разсчету. Гл. IV.

Застигнутый любовникъ. 1815 г. Гл. IV.

зать на статью эститика Фр. Фишера въ 3-мъ томѣ его Kritische Gaenge. Большинство этихъ статей и сочиненій объявляли кринолину войну, какъ вершинѣ безвкусія, какъ модѣ ординарной, какъ заблужденію и т. д. Для карикатуристовъ кринолинъ былъ такъ сказать «даровымъ кормомъ», на который они и набросились во всѣхъ странахъ съ величайшей жадностью. Въ парижскомъ Charivari содержатся болѣе ста карикатуръ на кринолинъ. Лучшіе принадлежали, конечно, Домье.

Въ 1856 г., когда кринолинъ вошелъ въ моду, на страницахъ Charivari помѣщалось ежедневно отъ двухъ до трехъ карикатуръ на него. Въ такомъ же духѣ дѣйствовалъ и лондонскій Punch. Многія изъ появившихся тогда—въ видѣ отдѣльныхъ листовъ—роскошныхъ литографій, служившихъ главнымъ образомъ цѣли украшенія стѣнъ, какъ болѣе позднія олеографіи, также изображали смѣшныя формы и неудобства кринолина.

Если всѣмъ критикамъ кринолина остались тайной какъ причина его распространенности, такъ и его конечныя тенденціи, то все же нѣкоторые изъ нихъ, и прежде всего Фр. Фишеръ, высказали не мало цѣнныхъ замѣчаній объ этой модѣ. Такъ, послѣдній мѣтко замѣчаетъ, что начавшаяся послѣ 1848 г. политическая реакція, превратившая мужчинъ въ бабъ, въ особенности благопріятствовала господству кринолина.

«Въ 1848 г. настроеніе было бодрое, мужественное, активное, богатое надеждами и—иллюзіями. Потомъ послѣдовала реакція, а въ такія эпохи люди охотно отказываются не только отъ своихъ грёзъ, но и отъ надеждъ, отъ мужественнаго стремленія впередъ, отъ вѣры въ высшія блага человѣчества, отъ всякаго паѳоса. Буржуазія набрасывается на индустрію и деньги. Тонъ снова задаетъ аристократія, свѣтское общество, пріучающее и буржуазію предаваться рафинированнымъ удовольствіямъ и находить высшее наслажденіе въ ироніи пресыщенія. Имѣть убѣжденія считается смѣшнымъ, быть энергичнымъ провозглашается наивнымъ. Какъ не стать и костюму безцвѣтнымъ, висящимъ и вмѣстѣ узкимъ. Въ такія изысканно-блезированныя эпохи обычно тонъ задаютъ женщины. И не впервые, и не во второй, нѣтъ, уже въ третій разъ это женское господство находитъ свое внѣшнее выраженіе кринолинѣ.

Аналогичную мысль проводитъ Пельтанъ въ своей уже цитированной книгѣ о второй имперіи: «Современный Вавилонъ».

«Неопровержимой исторической истиной является тотъ фактъ, что костюмъ становится тѣмъ объемистѣе, чѣмъ скуднѣе умственная

жизнь эпохи. Въ наше время размѣры его почти превзошли границы возможнаго и требуется не мало искусства, если дама въ такомъ колоссальномъ облаченіи не теряетъ равновѣсія».

Самымъ злымъ замѣчаніемъ Фр.Фишера по адресу кринолина— и въ этомъ усматриваетъ онъ ея исконную цѣль—являются однако слѣдующія его слова:

«Говорятъ, враги утверждаютъ, будто столь прославленная прохладность этого костюма часто приводила къ простудамъ, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ преждевременный конецъ состоянія, скрыть которое и стремился первоначально кринолинъ».

Выражаясь яснѣе: кринолинъ часто приводилъ къ болѣзни нижней части живота, имѣвшей своимъ слѣдствіемъ, желанный для большинства беременныхъ дамъ абортъ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь можетъ итти рѣчь только объ отдѣльныхъ случаяхъ, не въ этомъ заключалось истиное назначеніе кринолина. Какъ мы показали, тенденція моды слѣдуетъ совершенно инымъ законамъ. Модой становится лишь то, что обслуживаетъ интересы всѣхъ. Гораздо правильнѣе поэтому предположить, что быстрота, съ которой воцарился кринолинъ, и продолжительность его господства объясняются въ значительной степени тѣми преимуществами, которыя онъ даетъ женскому кокетству, принуждая то и дѣло прибѣгать къ нему даже порядочную даму. Отопыривающійся кринолинъ заставлялъ постоянно дѣлать retroussé. Садясь, гуляя, проходя въ дверь, поднимаясь по лѣстницѣ, танцуя и т. д.—всегда приходилось придавливать кринолинъ. Вслѣдствіе этого онъ, естественно, вздувался въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, обнаруживая самыя интимныя части тѣла.

Кринолинъ былъ въ своемъ родѣ послѣднимъ этапомъ, такъ какъ итти дальше въ этомъ отношеиін было уже невозможно. Когда пробилъ его часъ, необходимо было задаться прямо противоположными задачами. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что кринолинъ рѣшилъ только проблему выявленія таліи. Подчеркнуть при помощи кринолина бедра было прямо невозможно, да и то, что въ этомъ отношеніи было сдѣлано предыдущей модой, кринолинъ свелъ на нѣтъ. При имѣющей форму круга юбки задняя часть ничѣмъ не отличается отъ передней. И однако хотѣлось подчеркнуть и эту заднюю часть, которая какъ-никакъ есть и остается самой чувственной прелестью женщины. И не только подчеркнуть ее хотѣли, но и дѣйствовать при помощи ея, а это въ кринолинѣ было невозможно.

Ко всему этому необходимо прибавить, что все болѣе торжествовавшее нравственное лицемѣріе буржуазіи, должно было стремиться

создать другія болѣе приличныя, чѣмъ кринолинъ, формы костюма. И это тѣмъ настойчивѣе, что эти болѣе приличныя формы очень скоро оказались еще болѣе рафинированными. Принципіальный поворотъ былъ въ этой области, стало быть, вполнѣ логиченъ. Новая цѣль, къ которой теперь устремилась мода, заключалась въ томъ, чтобы найти такой костюмъ, въ которомъ женщина казалась бы раздѣтой.

Поворотъ осуществился, когда стала шататься соціально-политическая система, т. е. вторая имперія, если и не создававшая кринолинъ изъ ничего, то во всякомъ случаѣ обезпечившая ему его существованіе и наложившая на него свой отпечатокъ.

Всегда, когда падаетъ герцогъ, падаетъ и тотъ плащъ, въ который онъ офиціально рядился [1]).

Такъ какъ постепенный поворотъ отъ кринолина исходилъ изъ стремленія снова и въ большей степени, чѣмъ прежде, ввести въ арсеналъ женскихъ средствъ соблазна эротическое воздѣйствіе бедеръ, то послѣдующія моды должны были привести къ гротескному подчеркиванію красотъ Венеры Каллипигосъ. Женщины хотѣли теперь не только показать, но и возвѣстить всему міру, что онѣ обладаютъ именно этой прелестью. Для этой цѣли сначала изобрѣли украшеніе изъ лентъ, матеріи, пестрыхъ бантовъ, розетокъ и т. д., прикрѣпляемое на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, а потомъ такъ наз. Cul de Paris и такъ наз. турнюръ.

Этотъ искусственный горбъ, которымъ отнынѣ украшала себя каждая дама, который становился съ каждымъ сезономъ все огромнѣе, который составлялъ гордость всѣхъ женщинъ, былъ, разумѣется, очень далекъ отъ красоты. Онъ былъ, быть можетъ, грубѣе даже кринолина, и все-таки путь къ цѣли, хотя въ большинствѣ случаевъ безсознательно, былъ намѣченъ. Эту возвышенную цѣль казаться несмотря на полный костюмъ почти совершенно раздѣтой,—эту «непроизвольную наготу», какъ выразился Золя о Нана,—женская мода осуществила въ началѣ девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Начиная съ этого момента всѣ измѣненія въ модѣ не имѣли долгое время иной задачи, какъ все болѣе усовершенствовать и сдѣлать все болѣе пикантнымъ впечатлѣніе наготы женскаго тѣла. «О, Боже! *Все,* рѣшительно все видно, и притомъ болѣе, чѣмъ отчетливо!»—

*) Намекъ на слова Верины въ „Загаворѣ Фіеско" Шиллеръ (въ концѣ пьесы).

таково было отнынѣ высшее блаженство множества восторженныхъ модницъ. Самыя порядочныя дамы, съ устъ которыхъ никогда не срывалось слово, способное хотя отдаленнѣйшимъ образомъ оскорбить чувство приличія, дамы, боящіяся на улицѣ поднять юбку, предпочитающія ихъ лучше волочить по грязи, позволяютъ, нисколько не смущаясь, портному выявлять съ пикантной отчетливостью интимнѣйшія части ихъ тѣла.

Здѣсь прежде всего идетъ рѣчь о наготѣ груди и поясницы, но и ногъ и въ особенности бедеръ. Чего не могли добиться благоразумныя наставленія гигіены, достигло кокетство. Изъ одного только желанія воздѣйствовать на мужчину пикантностью завуалированныхъ и все же явственно видимыхъ интимныхъ прелестей груди сотни тысячъ женщинъ отказывались въ расцвѣтѣ лѣтъ отъ корсета или довольствовались скуднымъ суррогатомъ. Въ имущихъ классахъ увлекались кромѣ того всѣми видами спорта, такъ какъ кокетливый спортивный костюмъ позволяетъ видѣть каждому, у кого есть глаза, что «подъ нимъ никакого другого одѣянія нѣтъ». Ловко сшитый спортивный костюмъ позволяетъ различать не только форму груди, но и всѣ ея движенія. Въ фешенебельныхъ зимнихъ курортахъ множество женщинъ, обладающихъ твердой, упругой грудью, носить плотно облегающій тѣло sweater. У этого костюма то преимущество, что онъ позволяетъ видѣть даже цезуру, раздѣляющую обѣ груди, такъ какъ онъ облегаетъ тѣло плотно, какъ кожа. А развѣ не шикъ, если такимъ образомъ бутоны грудей вырисовываются вызывающе, какъ два острія стрѣлы.

Такъ какъ грудь, къ сожалѣнію, самая преходящая изъ всѣхъ женскихъ прелестей, то щеголять такими и подобными рафинированными трюками можетъ собственно только молодость и невинность. Кокетство обратилось поэтому кромѣ того и еще въ большей степени къ выявленію тѣхъ прелестей, которыя въ противоположность груди наиболѣе прочны, пышность которыхъ становится особенно эффектной какъ разъ въ зрѣлые годы, а именно къ выявленію прелестей Венеры Каллипигосъ.

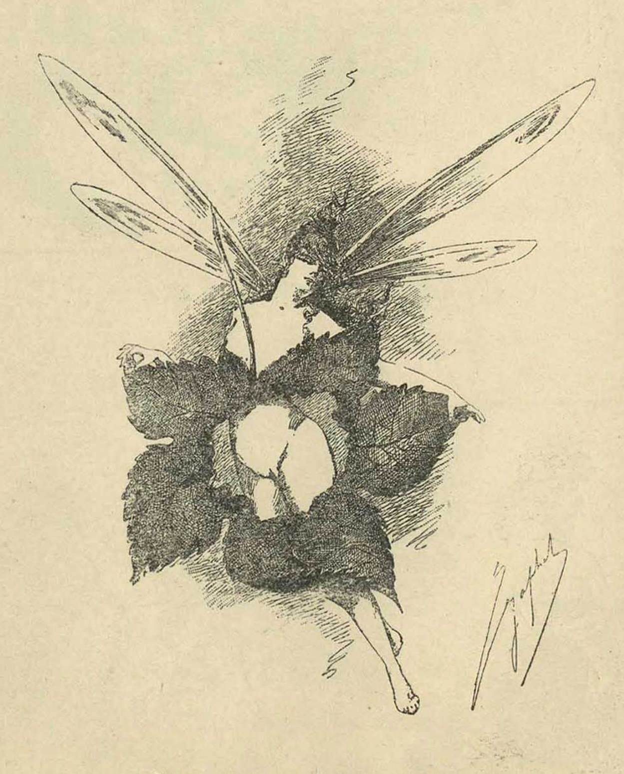
Филистерская мораль требовала, чтобы тѣло женщины было подобно крѣпости окружено цѣлымъ валомъ юбокъ. Такъ была женщина не только защищена отъ всякаго нападенія, но и къ низу герметически закупорена. Ибо даже самый сильный порывъ вѣтра не позволялъ ни одному кусочку тѣла проглянуть сквозь этотъ ворохъ матерій. Теперь надлежало эмансипироваться прежде всего отъ этой массы юбокъ, чтобы возстановить не только частично, но и



Гаваринъ: Первоначальная форма кринолина.

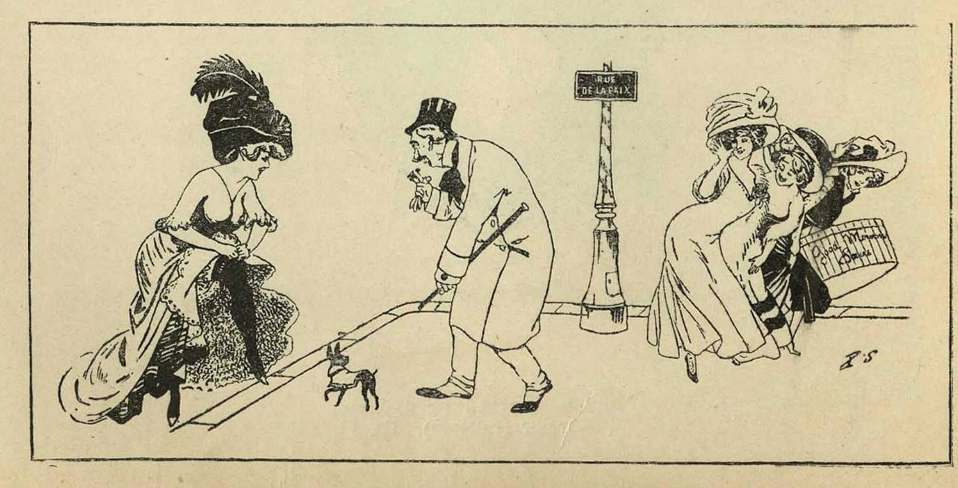


Бертайль: Мода 1874 г.



Мораль третьей республики
(Conrrier fransais). Гл. I

Старая исторія. (Изъ Gic Blas). 1899. Гл. IV.



Сажъ: Парижская уличная сцена. Гл. III.



Травьэ: Женщины изъ простонародья.

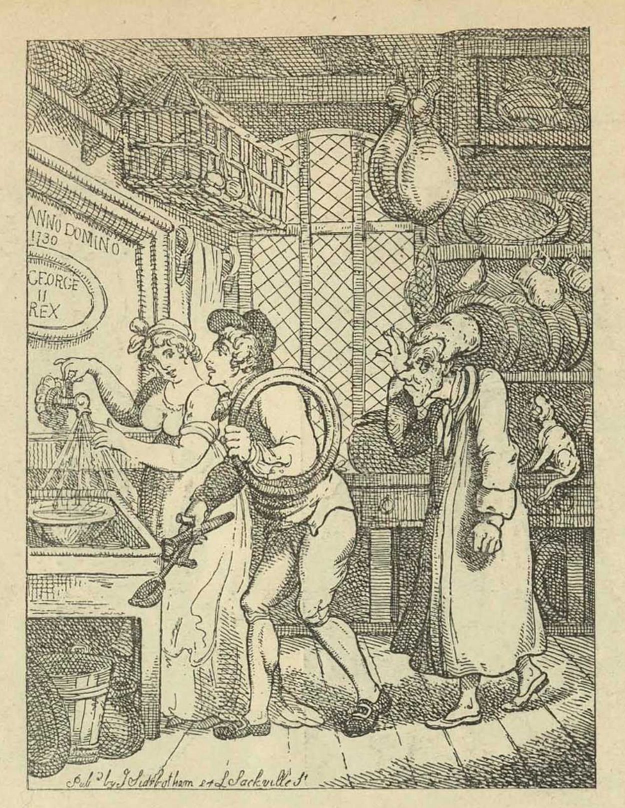


Мѣщане. Гл. IV.



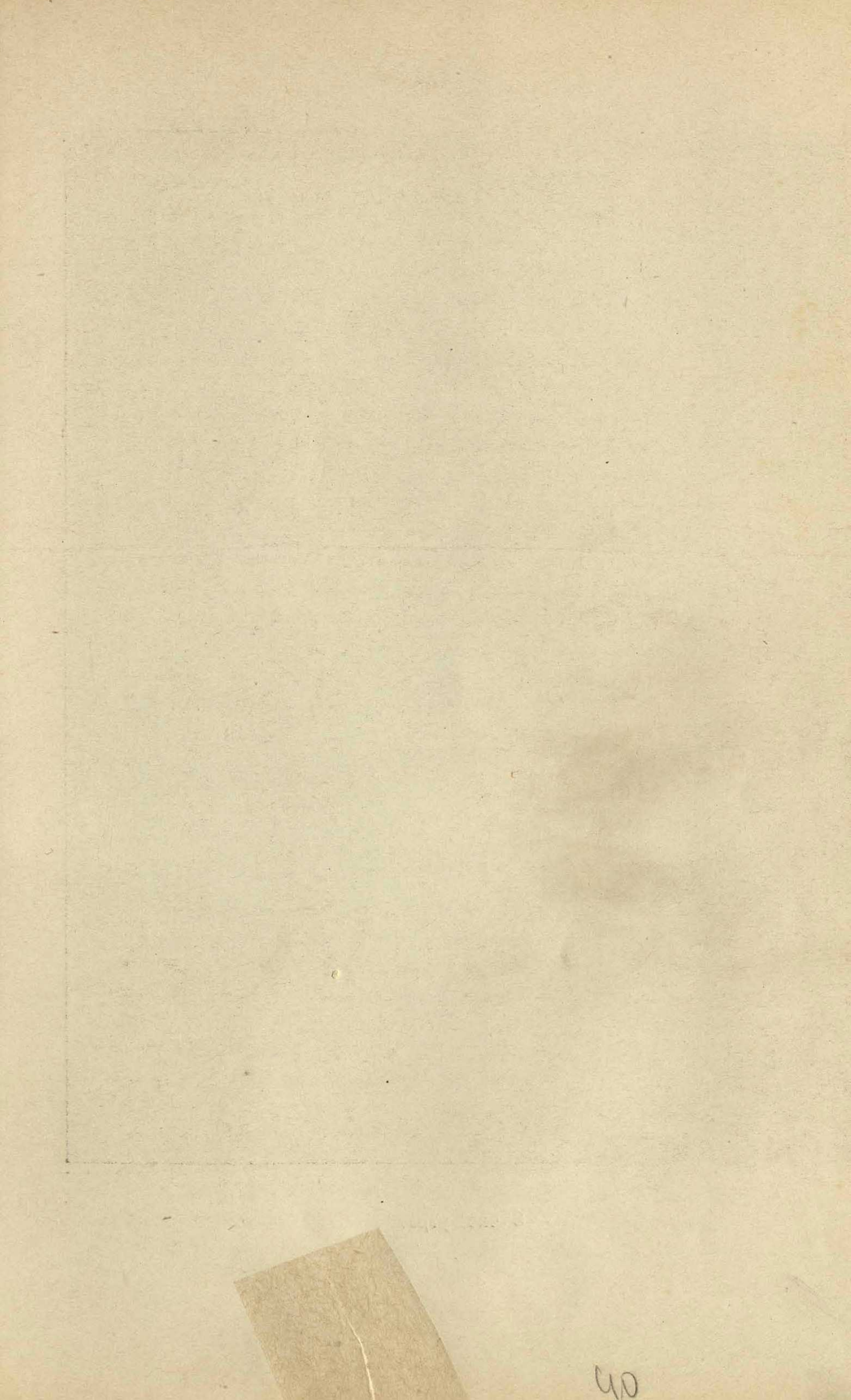
Dessous невѣсты. Гл. III.

38



Английская эротика—символическая гравюра. Гл. IV.

Берталль: Послѣ бала. Гл. VI.


40



8 час. утра.

всецѣло въ своихъ правахъ тѣло. И эта эмансипація изъ-подъ власти юбокъ, мѣшавшихъ эффектному выявленію своихъ достоинствъ, зашла такъ далеко, что въ концѣ-концовъ и совсѣмъ упразднили юбку.

Можно утверждать, что этимъ способомъ хотѣли до извѣстной степени вознаградить себя за необходимость отказаться въ будничномъ костюмѣ отъ декольтэ, о которомъ намъ еще придется говорить. Роль, которую раньше исполняла декольтированная грудь, должна была теперь исполнять задняя часть тѣла. Таковъ былъ выходъ, найденный нравственнымъ лицемѣріемъ. И это нравственное лицемѣріе обнаруживало этимъ путемъ, естественно, больше безстыдства, чѣмъ эпоха Ренессанса или эпоха Рококо, позволявшія женщинѣ открыто щеголять красотой бюста. Конечно, нѣтъ такихъ тѣлесныхъ прелестей, которыя были бы сами по себѣ безстыдны или достойны презрѣнія. Женщина, отличающаяся красотою Венеры Каллипигосъ, само собою понятно, не обязана вовсе стыдиться этого своего достоинства.

И однако кто будетъ спорить противъ того, что впечатлѣніе, производимое грудью, все же гораздо чище. Грудь не только производитъ эротическое впечатлѣніе, она является вмѣстѣ съ тѣмъ символомъ вообще женственности. Красота же поясницы имѣетъ специфически и исключительно эротическій характеръ. Она, какъ уже упомянуто, наиболѣе провоцирующая изъ всѣхъ прелестей женскаго тѣла. Нѣтъ другого болѣе прямого и болѣе яснаго указанія на половой актъ. Стремясь декольтировать заднюю часть женскаго тѣла путемъ упраздненія нижней юбки и путемъ—связанной съ этимъ упраздненіемъ—узкой верхней юбки, мода ставила себѣ задачей воздѣйствовать самымъ чудовищнымъ образомъ на эротическую возбудимость мужчины.

Необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ фанатизмѣ, который здѣсь царитъ, иначе мы не представимъ себѣ отчетливо и правильно послѣдствій этой моды. Впродолженіи цѣлыхъ десятилѣтій снова и снова возрождается тенденція подчеркивать не только эти указанныя прелести, но прежде всего именно эти интимные половые признаки и тѣмъ самымъ насильно привлекать къ нимъ и останавливать взоры на нихъ мужчинъ. Сотни тысячъ портныхъ и портнихъ заняты исключительно рѣшеніемъ этой одной задачи: найти все новыя упрощенія, достигнуть все новыхъ неслыханныхъ эффектовъ. Платью придается такой покрой, чтобы оно отражало какъ можно отчетливѣе сокровеннѣйшіе изгибы и линіи и, слѣдовательно,

какъ можно болѣе подчеркивало ихъ эротическій характеръ. Не только упраздняется нижняя юбка, для верхней выбирается плотно облегающая тѣло матерія.

И это совершенно сознательная тенденція. Было бы нелѣпо предположить, будто портные такъ наивны, что при этомъ ровно ни о чемъ не думаютъ, видѣть здѣсь случайное явленіе или произвольное толкованіе. Также нелѣпо однако предполагать, будто женщины—невинныя жертвы покушеній портныхъ, будто онѣ тоже не подозрѣваютъ, какія рафинированныя тенденціи преслѣдуютъ подобныя моды. Женщины прекрасно знаютъ, въ чемъ дѣло. Знаютъ онѣ не хуже и то, что должно произойти въ мужчинѣ подъ вліяніемъ подобныхъ трюковъ моды. Вѣдь онѣ же главныя вдохновительницы портныхъ. Онѣ же являются кромѣ того ловкими въ большинствѣ случаевъ исполнительницами этихъ тенденцій, дѣлая во время ходьбы или стоя на мѣстѣ соотвѣтствующія движенія. Онѣ умѣютъ такъ носить платье, чтобы оно облекало тѣло плотно, какъ кожа. Различнѣйшимъ путемъ оживляютъ онѣ эти выступающія части тѣла, на которыхъ, какъ онѣ знаютъ, покоится взоръ мужчинъ. Онѣ точно придаютъ этому назадъ обращенному лицу свою особую мимику. Чего не достигло искусство портного, то достигается ими.

Множество женщинъ исполняютъ такимъ образомъ свою роль на всѣхъ улицахъ города. Осанка, походка, жесты женщины—все единое, демонстративно обращенное къ мужскому полу предложеніе: оцѣни эти совершенства и насладись въ воображеніи этимъ пиршествомъ. Смотри, какая упругость, смотри, какъ элегантно! какъ индивидуально! И каждая спрашиваетъ всѣхъ: «ты знаешь теперь все, надѣюсь?»

Послѣднюю попытку рѣшить вопросъ о томъ, какъ одѣваться такъ, чтобы казаться раздѣтой, попытку, оставшуюся на улицѣ лишь смѣлымъ опытомъ, въ бальной же залѣ нашедшую не мало подражательницъ, представляетъ кажущійся возвратъ къ модамъ эпохи революціи. Ими можно было любоваться въ 1908 г. въ Лоншанъ (Longchamp) во время обычнаго въ день скачекъ смотра костюмовъ. Корреспондентъ газеты «Berliner Tageblatt» сообщалъ въ свое время слѣдующее:

«Возрождается прошлое. Современная фантазія отличается больше стремленіемъ къ декоративности, чѣмъ творческими способностями. Вотъ почему неудивительно, что красивыя женщины вспомнили тѣ времена, когда онѣ имѣли возможность показывать какъ можно больше свою красоту. Для греческой наготы нашъ кли-

мать не подходитъ. И вотъ дамы прибѣгли къ помощи сбоку разрѣзаннаго платься эпохи директоріи. Во время послѣднихъ скачекъ въ Лоншанъ появились четыре дамы, при видѣ которыхъ съ сенаторомъ Беранжэ случился бы припадокъ пляски св. Витта. Одна была одѣта въ бѣлое, другая въ голубое, третья въ свѣтло-коричневое платье, а четвертая,—впрочемъ, ради эффекта четвертую мы прибережемъ къ концу.

Упомянутыя уже красавицы были, какъ сказано, одѣты одна въ бѣлое, другая въ голубое, третья въ свѣтло-коричневое платье, при чемъ онѣ однако были вовсе неодѣты. Онѣ носили поверхъ плотно облегавшаго тѣло трико (изъ кожи, какъ мнѣ сообщила одна изъ нихъ) еще болѣе узкія платья, обрисовывавшія каждый контуръ ихъ тѣла. Когда онѣ проходили на нѣкоторомъ разстояніи, приплясывая на цыпочкахъ, онѣ казались тремя обнаженными граціями: одна въ голубомъ, другая въ бѣломъ, третья въ свѣтло-коричневомъ. А четвертая!

Передъ вами точно стояла вставшая изъ гроба г-жа Тайенъ! На ней было платье, сбоку разрѣзанное отъ таліи до ноги, а сквозь разрѣзъ просвѣчивало розовое трико. Такъ какъ погода была дождливая и прохладная, то подобный костюмъ предполагалъ не только большую безцеремонность, но и много мужества. Ибо что сдѣлаете вы съ вашей красотой, когда схватите насморкъ».

Это уже не послѣдствіе нравственнаго лицемѣрія, а, напротивъ, торжество рафинированности, которой нѣтъ дѣла до морали, которая хочетъ проявиться á tout prix. Въ такомъ направленіи явно идетъ дальнѣйшее развитіе моды.

Такъ какъ современная историческая ситуація все еще нуждается въ нравственномъ лицемѣріи, какъ въ необходимой этикеткѣ, то этотъ опытъ былъ однако обреченъ пока остаться однимъ лишь опытомъ.

Уже выше было упомянуто, что въ вѣкъ господства буржуазіи декольтэ исчезло изъ будничной жизни и допускалось исключительно въ бальной залѣ. Это произошло однако только послѣ крушенія имперіи. Мода эпохи революціи и имперіи предпочитала, напротивъ, смѣлое декольтэ въ салонѣ и на улицѣ.

Молодыя красивыя женщины показывали почти все, достойное вниманія. Если же въ эту эпоху иногда для разнообразія отказывались отъ декольтэ, то дѣлалось это, какъ уже упомянуто, съ цѣ-

лью вызвать иллюзію очень пышнаго бюста, что инымъ путемъ сдѣлать было для большинства женщинъ невозможно.

Въ бальной залѣ декольтировались разно. Декольтэ становилось тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ шире распространялась и чѣмъ интенсивнѣе становилась жажда наслажденія, и достигло въ пятидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія своего апогея. Въ этомъ отношеніи ни одна страна не уступала другой. Само собой понятно, что въ Парижѣ въ эпоху второй имперіи дамы особенно смѣло оголяли грудь.

Но и мнимо неприступныя представительницы чопорной Англіи отличались не меньшей въ этомъ отношеніи откровенностью. Англійскіе журналы модъ сообщаютъ въ 1855 г., что въ свѣтскомъ обществѣ вновь вошло въ моду «совершенно обнажать грудь, какъ нѣкогда при Карлѣ II».

Тоже самое узнаемъ мы и о Германіи. Противъ этой всеобщей помѣшанности на возможно болѣе глубокомъ декольтэ ратовалъ, негодуя, Фр. Фишеръ. «Вы, mesdames, выставляете на показъ, какъ булочникъ сайку, то, что должно осчастливить собственно одного только, именно того, кто васъ любитъ и кого любите вы. Ужели вы такъ наивны, что вамъ не жаль вашего будущаго мужа, который въ брачную ночь, несомнѣнно, подумаетъ: не малую часть этой красоты уже видалъ не одинъ приказчикъ и не одинъ знатный фатъ, которые объ этомъ потомъ, вѣроятно, и разсказали съ шутками и прибаутками какой-нибудь нимфѣ изъ міра продажной любви».

Современныя картины и иллюстраціи позволяютъ въ достаточной степени проконтролировать правильность выставленныхъ здѣсь утвержденій.

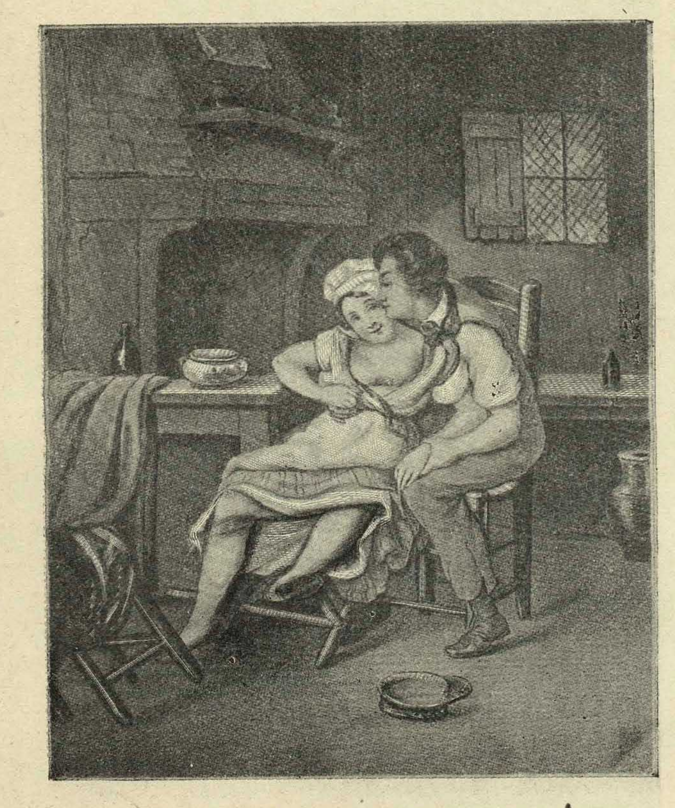
Нынѣ охотно смотрятъ на нравы эпохи второй имперіи, какъ на нѣкій Содомъ. Говоря по правдѣ: съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось, а если что измѣнилось, то лишь въ томъ смыслѣ, что люди научились поступать и дѣйствовать съ большей рафинированностью, чѣмъ прежде. Уже давно существуетъ цѣлая наука о декольтэ, измыслившая наивозможно болѣе благопріятныя условія для любой формы груди, для любой фигуры, для любого возраста. Женщина, обладающая одними только физическими достоинствами, выберетъ декольтэ en coeur, заключающееся въ томъ, что корсажъ поднимается лишь немного выше таліи и состоитъ въ дальнѣйшемъ изъ однихъ бантовъ, поддерживающихъ его подъ мышками и на плечахъ, при чемъ эти банты то и дѣло соскальзываютъ съ плечъ. Дама, обладающая только красивой шеей, выберетъ такъ называемое «круглое декольтэ», при которомъ можетъ обладать и плоской грудью. Та,

LES ECOSSAIS A PARIS ou LA CURIOSITE DES FEMMES

Шотландецъ въ Парижѣ или женское любопытство. 1815 г. Гл. III.



Нижнее бѣлье на сценѣ (Танцовщица Сахаретъ). Гл. III.



Лезюръ: Не балуйся! Гл. II.



Утренній урокъ институтки. Англійская гравюра 1835 г. Гл. IV.

у которой красивая спина, предпочтетъ корсажъ съ острымъ вырѣзомъ сзади и спереди и т. д.

Соотвѣтственно съ этимъ развивается и умѣніе использовать всякую возможность избранной формы декольтэ. Если мода или какое-нибудь особое соображеніе требуютъ въ данную минуту, чтобы корсажъ былъ нѣсколько выше, чѣмъ это въ интересахъ красиваго бюста, или если дама хочетъ показать своему партнеру время отъ времени больше, чѣмъ другимъ, то она сумѣетъ такъ ловко наклониться впередъ, что корсажъ позволитъ красивой груди выступить по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время изъ платья. Въ своемъ извѣстномъ романѣ «Полудѣвы» Марсель Прево слѣдующимъ образомъ описываетъ балъ:

«Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ она, подобно маленькой, легкой трясогузкѣ, припорхнула и сѣла за рояль. Поставивъ одну ногу на педаль, она скользнула пальцами по клавишамъ, такъ быстро склоняясь впередъ, что ея молодая грудь казалась совершенно обнаженной, несмотря на маленькій вырѣзъ платья».

Ни въ одномъ городѣ ни одинъ балъ не обходится безъ того, чтобы подобные «даровые подарки алчнымъ мужскимъ взорамъ» не раздавались цѣлыми десятками. Впрочемъ, это относится уже къ темѣ о флиртѣ. Наука о декольтэ является отнюдь не строго оберегаемой тайной дамъ, передаваемой шопотомъ опытными невѣдующимъ, нѣтъ, въ настоящее время объ этомъ подробно толкуютъ самые разнообразные журналы, читаемые въ такъ называемомъ элегантномъ обществѣ, причемъ обычно всякія сообщенія и разъясненія объясняются при помощи иллюстрацій.

Имущіе классы всегда считали декольтированное бальное платье своей исключительной привиллегіей. Въ этихъ кругахъ будутъ такъ же возмущены, если горничная пойдетъ декольтированная на унтеръ-офицерскій балъ, какъ здѣсь считается естественнымъ, если дѣвушки самымъ безстыднымъ образомъ оголяются для похотливыхъ взоровъ кавалеровъ ихъ среды.

Если на балахъ неимущихъ не встрѣчается настоящее декольтэ, то причина не въ томъ собственно, что имущіе классы усматриваютъ въ немъ свою личную привиллегію. На это не посмотрѣла бы ни одна хорошенькая женщина менѣе обезпеченныхъ классовъ. Нѣтъ, здѣсь эту моду обходятъ только потому, что она предполагаетъ такую роскошь костюма, которую могутъ себѣ позволить только болѣе богатые люди. Съ другой стороны является — мягко выражаясь—безсмысленнымъ утвержденіемъ, если въ наше время воз-

растающееe увлеченіе декольтэ на балахъ и торжествахъ имущихъ часто объясняется, какъ симптомъ «роста чувства красоты и уваженія къ наготѣ». Эти чувства сказываются въ крайнемъ случаѣ въ болѣе изящной формѣ декольтэ. Въ принципѣ это послѣднее служитъ и теперь еще прежде всего средствомъ эротическаго воздѣйствія на мужчинъ, позволяя имъ, какъ выразился Хиртъ въ своей книгѣ Wege zur Kunst мысленно раздѣть женщину и мысленно насладиться ея тѣломъ. Большинство женщинъ вовсе не желаетъ праздновать при помощи декольтэ праздникъ красоты, оно хочетъ только вѣрнѣйшимъ образомъ возбудить въ мужчинахъ желаніе. Съ одной стороны женщинѣ такъ пикантно сознавать, что многіе—и притомъ одновременно—мысленно наслаждаются ею, а съ другой это повышаетъ для нея шансы достигнуть поставленной въ данномъ случаѣ цѣли.

«Возвышенное служеніе» со стороны женщины чистой красотѣ, которое будто сказывается въ примѣненіи декольтэ, заключается на самомъ дѣлѣ въ томъ, что она при помощи его спрашиваетъ всѣхъ мужчинъ: «не правда-ли, вы были бы не прочь, если бы имѣли возможность увидѣть и еще кое-какія сокровища, которыми я владѣю».

Въ вопросѣ о декольтэ нельзя собственно говорить о торжествѣ нравственнаго лицемѣрія или только развѣ въ томъ смыслѣ, что оно было постепенно ограничено одними только праздничными случаями (до начала двадцатыхъ годовъ оно изрѣдка встрѣчается и при уличномъ костюмѣ) и что офиціально оно провозглашается «возвышеннымъ служеніемъ—свободной будто бы отъ эротики—красотѣ».

Тѣмъ болѣе яркимъ торжествомъ нравственнаго лицемѣрія была блузка, новѣйшее завоеваніе техники женскаго костюма. Блузка должна быал, все скрывая, многое обнаруживать. И притомъ не только, подобно верхнему платью, скрывающіяся за ней и ею подчеркиваемыя пластическія формы вообще, но и тѣ десятки интимныхъ тайнъ, до которыхъ такъ падки мужчины и которыя такъ возбуждающе дѣйствуетъ на ихъ желаніе. Здѣсь прежде всего идетъ рѣчь о пикантномъ нижнемъ бѣльѣ.

Подобно тому, какъ умѣлое retroussé показываетъ любопытнымъ взорамъ украшенныя кружевами нижнія юбки, а подчасъ даже и кружева кальсонъ, такъ блуза далжна была позволить угадать не менѣе пикантный лифчикъ. Сквозь нея должна была далѣе просвѣчивать пестрая, иногда болѣе узкая, иногда болѣе широкая шелковая лента, обычно стягивающая лифчикъ; она должна была далѣе позволить угадать благодаря просвѣчивающимъ кокетливымъ кружевамъ

тонкую батистовую рубашку, которую носятъ дамы; наконецъ, она должна была обнаруживать также розовую шею. Все это и многое еще другое входило въ задачу блузки.

Къ рѣшенію этой проблемы стремились впродолженіи десятилѣтій самыми разнообразными путями, пока не нашли лучшаго осуществленія этого благороднаго стремленія въ такъ называемой «блузкѣ съ верхнимъ просвѣтомъ». Она рѣшила тайну полуодѣтости, производящей, какъ извѣстно, гораздо болѣе эротическое впечатлѣніе, чѣмъ настоящая нагота. Эта идеальная блузка состояла въ слѣдующемъ: наверху и безъ того обычно прозрачной блузы дѣлался глубокій вырѣзъ, заполняемый прозрачной вставкой, позволяющей видѣть все, что есть подъ ней. Теперь было достигнуто все, что въ этомъ отношеніи можно было вообще достигнуть. Теперь мужчина могъ совершенно безпрепятственно дѣлать всякія для него столь интересныя, а для женщины столь лестныя наблюденія. Точно притягиваемые непобѣдимымъ магнитомъ покоились взоры мужчинъ на этой пикантно декольтированной выставкѣ, ибо ничѣмъ иным, какъ настоящей ловко устроенной выставкой, былъ этотъ вырѣзъ, заботившійся о томъ, чтобы у мужчинъ не оставалось никакихъ сомнѣній относительно того, что данная женщина носитъ изящныя dessous, что у нея есть, чѣмъ щегольнуть, что она не лишена чувства пикантности и т. д.

Если у женщины являлось желаніе пойти какъ можно больше навстрѣчу мужчинѣ, то ей стоило только во время разговора наклониться соотвѣтствующимъ образомъ впередъ, и осчастливленный партнеръ получалъ возможность получить отчетливѣйшее представленіе объ интересующихъ его подробностяхъ. И такія очаровательныя шутки можно было позволить себѣ теперь каждый день и съ любымъ мужчиной, нисколько не нарушая правилъ приличія. Другими словами: женщина могла теперь физически совершенно разоблачиться передъ однимъ, продолжая быть для всѣхъ другихъ одѣтой. А что важнѣе всего: женщина при этомъ рѣшительно ничѣмъ не рисковала. Мужчина былъ вынужденъ ограничиться однимъ лишь созерцаніемъ. Блузка, прозванная нѣмецкимъ простонародьемъ Draufguckbluse, застегивается на спинѣ, такъ что при всемъ желаніи, даже со стороны дамы, ничего не подѣлаешь.

Но вѣдь въ этомъ и заключается преимущество выставки въ окнѣ магазина. Раскрывающееся передъ взорами публики великолѣпіе возбуждаетъ только аппетиты, желанія и въ концѣ-концовъ, конечно, желаніе—купить. Т. е. купить все сразу.

Право же, трудно представить себѣ болѣе гордаго торжества нравственнаго лицемѣрія.

Ничто не обнаруживаетъ такъ наглядно огромнаго различія между настоящимъ и прошлымъ въ области чувственной жизни, какъ нижнее бѣлье, употребляемое женщиной. Оно лучше всего показываетъ, какъ примитивны въ этомъ отношеніи были прежнія эпохи и какъ далеко ушло отъ нихъ наше время.

Верхнее платье всегда имѣло своей цѣлью соблазнять вообще всѣхъ мужчинъ, тогда какъ цѣлью dessous является эротическое возбужденіе одного, того, кому дается предпочтеніе. Чѣмъ глубже проникаете вы въ низины женскаго костюма, тѣмъ сложнѣе и вмѣстѣ эротичнѣе становится этотъ костюмъ: кружева, вышивки, ленты, банты, благоухающій батистъ, рафинированные красочные контрасты и т. д.—во всемъ этомъ, конечно, сказывается глубокій смыслъ. Ибо такая чудовищная трата воображенія, какую обнаруживаетъ гардеробъ свѣтской дамы или выставка корсетнаго магазина или магазина дамскаго бѣлья, не можетъ быть вызвана въ конечномъ счетѣ однимъ только пустымъ капризомъ или какой-нибудь второстепенной тенденціей. На самомъ дѣлѣ здѣсь и сказывается нѣчто другое, а именно одно изъ важнѣйшихъ рѣшеній задачи отведенной женщинѣ природой: быть пассивнымъ предметомъ ухаживанія мужчины и все-таки соблазнять его рафинированнѣйшимъ образомъ и все снова и снова подчинять его своимъ чарамъ.

Остроумный писатель Оскаръ Паница посвятилъ какъ-то этой проблемѣ довольно пространное разсужденіе въ своихъ Zuericher Discussionen. Выводъ его гласитъ: тѣмъ, что нижнее бѣлье становится все свѣтлѣе, чѣмъ ближе оно къ тѣлу, подъ конецъ становясь совсѣмъ бѣлымъ, женщина хочетъ подчеркнуть свой болѣе свѣтлый въ сравненіи съ мужскимъ цвѣтъ тѣла. Этотъ бѣлый цвѣтъ производитъ особенно возбуждающее вліяніе на половые центры мужчины и потому женщина самымъ разнообразнымъ образомъ говоритъ мужчинѣ: «смотри, какая я бѣлая!».

Этотъ возгласъ «смотри, какая я бѣлая!», съ которымъ женщина обращается къ мужчинѣ при помощи своихъ dessous, является однако только конечной подпочвенной причиной. Онъ, конечно, объясняетъ намъ въ значительной степени, почему продукты производства дамскаго бѣлья, раньше предназначавшіеся почти исключительно для высшихъ классовъ, нынѣ обслуживаютъ до извѣстной степени всѣхъ. Если же у женщины, «обращающей на себя вни-

маніе», нынѣ ни одна часть нижняго бѣлья не служитъ исключительно гигіеническимъ цѣлямъ, а по меньшей мѣрѣ также, если не исключительно, цѣлямъ эротическаго возбужденія; если далѣе современная элегантная дама носитъ зимою такія же воздушныя dessous, какъ и лѣтомъ, несмотря на то, что она такимъ образомъ подвергаетъ свое здоровье опасности,—то это должно имѣть свои особыя причины.

Важнѣйшей изъ нихъ является вѣчная борьба за мужчину. Болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, вынуждена теперь женщина поймать на удочку мужчину, который «клюнулъ», иначе могутъ пропасть даромъ всѣ потраченныя ею усилія и всѣ достигнутые ею успѣхи. Мы уже показали, что этой цѣлью задается рафинированнымъ образомъ уже верхнее платье. И однако верхнее платье можетъ при всей своей рафинированности выразить ея намѣренія только въ завуалированномъ видѣ. Совсѣмъ иначе можетъ женщина поступать, когда рѣчь идетъ о нижнемъ бѣльѣ. Здѣсь она можетъ устраивать настоящія оргіи совращенія, такъ какъ нижнее бѣлье не подвержено контролю публичной нравственности. Здѣсь поэтому и были пущены въ ходъ всѣ силы воображенія. Здѣсь къ тому же можно вознаградить себя за все то, чего не допускаетъ въ публичномъ поведеніи нравственное лицемѣріе.

Стоитъ только «умной» женщинѣ немножечко раскрыть свое платьице, чтобы выяснилось, что она «вовсе не такая», что ея истиннымъ существомъ является вовсе не скучная обыденщина или чопорная неприступность. Если же о большинствѣ женщинъ въ виду сладострастной пышности ихъ dessous можно сказать, что онѣ sont toujours armées pour la grande bataille, то это опять-таки вполнѣ логическое дополненіе къ царящему кругомъ моральному лицемѣрію.

Второй важной причиной небывалой роскоши женщинъ dessous является все болѣе повсюду растущая жажда наслажденія жизнью. Мужчина становится все требовательнѣе въ дѣлѣ эротическаго наслажденія и потому женщина обязана быть въ соотвѣтствующей ситуаціи отъ шеи и до колѣнъ единой via triumphalis для его желаній. Что женщины являются въ большинствѣ случаевъ восторженными исполнительницами его желаній, неудивительно уже потому, что онѣ сами такимъ образомъ повышаютъ свое собственное наслажденіе жизнью.

Наконецъ, необходимо упомянуть, что въ этихъ чудесахъ нижняго костюма скрывается между прочимъ и вполнѣ благородная тен-

денція, а именно стремленіе утончить и эстетизировать формы эротическаго наслажденія. Пусть лицемѣры и люди чопорные ужаснутся, фактъ тѣмъ не менѣе отрадный: настоящая возвышенная любовь цвѣтетъ не только въ безобразныхъ чулкахъ, безформенныхъ фланелевыхъ кальсонахъ и практическихъ нормальныхъ рубашкахъ, но и въ воздушныхъ батистовыхъ рубашечкахъ, пикантныхъ кальсонахъ и плотно облегающихъ ноги чулкахъ.

Высшей цѣлью любви является дѣторожденіе, но видѣть въ дѣторожденіи единственную цѣль любви—значитъ унизить ее до послѣдней степени. Эротика всегда является самоцѣлью. Во имя этой самоцѣли создавать другъ для друга настоящій рай чудныхъ и продолжительныхъ физическихъ наслажденій—таково безспорное право двухъ любящихъ.

А необходимой предпосылкой для достиженія этой цѣли является въ большинствѣ случаевъ эстетическая одежда, облекающая тѣло.

Итакъ: все, что относится къ области женскихъ dessous: чулки, подвязки, нижнія юбки, корсетъ, кальсоны, рубашка—все получило свою форму и свою окраску отъ эротики. Описать здѣсь въ подробностяхъ этотъ праздникъ формъ и красокъ, конечно, невозможно и придется ограничиться нѣсколькими общими замѣчаніями и особенно характерными иллюстраціями.

Понятно, что башмаки, вообще говоря, не относятся къ области dessous.

Съ какой рафинированностью однако придумываетъ эротическая фантазія новые виды женскихъ башмаковъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго сообщенія о сапогахъ, бывшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ модѣ среди дамъ.

«Во время дождливой погоды появляются на улицахъ піонерками новой моды отдѣльныя дамы, одѣтыя въ доходящіе до колѣнъ сапоги. Эта новая мода позволяетъ имъ, не оскорбляя чувства стыдливости, поднимать платье до самыхъ колѣнъ. Ибо то, что предстаетъ взорамъ, является не болѣе, какъ почтеннымъ сапогомъ, правда, сапогомъ совсѣмъ особаго рода; то элегантный башмакъ съ приставленнымъ голенищемъ изъ тонкой кожи, которое, плотно облегая ногу, ясно обрисовываетъ ея линіи. Наверху у колѣнъ голенища украшены бантиками и лентами изъ чернаго и золотистаго шелка».

Непосредственно къ женскимъ dessous относятся, конечно, чулки.

Чулки играли во всѣ времена очень видную роль среди технически-костюмныхъ средствъ, которыми женщина пользуется для

эротическаго воздѣйствія на мужчину. (См. второй томъ нашей исторіи нравовъ). Въ XIX в. долго предпочитали бѣлый цвѣтъ. Въ появившемся въ 1820 г. сексуально-физіологическомъ словарѣ «Эросъ» о преимуществахъ бѣлыхъ чулокъ говорится:

«Тонкій, бѣлый чулокъ, облегающій благодаря своей эластичности икры и ногу такъ плотно, что прекрасныя пышныя формы этихъ частей тѣла выступаютъ нѣжно-округлыми, весьма способенъ пріятно дѣйствовать на глаза, а иногда и прямо очаровать. Темные болтающіеся чулки производятъ какъ разъ обратное впечатлѣніе».

Нынѣ господствуетъ иной взглядъ на этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ относительно дѣйствія темныхъ цвѣтовъ. Люди поняли теперь великое значеніе контрастовъ. Кромѣ того выяснилось разнообразное вліяніе на усиленіе и смягченіе извѣстныхъ линій пестрыхъ цвѣтовъ, голубого, розоваго, краснаго, коричневаго и т. п., и потому ими ежедневно пользуются для этой цѣли самымъ дѣйствительнымъ образомъ.

Каждая опытная женщина знаетъ, какъ при помощи чулка можно такъ сказать изваять ногу.

Наибольшую роль играли чулки въ эпоху революціи, являясь наряду съ рубашкою—если только не отсутствовала и эта послѣдняя—единственной нижней одеждой женщинъ: къ тому же они были видимы до самыхъ колѣнъ. Дабы чулки производили иллюзію нагого тѣла, ихъ носили исключительно тѣлеснаго цвѣта.

Такъ какъ только плотно сидящіе чулки дѣйствуютъ на мужчину возбуждающе, то были придуманы подвязки. Кокетство при помощи элегантной подвязки было впродолженіи многихъ десятилѣтій однимъ изъ главныхъ козырей въ рукахъ женщинъ. Путемъ ловкаго retroussé дамы умѣли показать ее въ безчисленныхъ случаяхъ на нѣсколько мгновеній взорамъ. Современная подвязка, позволяющая чулку облегать ногу особенно плотно, вѣроятно, навсегда упразднила прежнюю, которую надѣвали или выше или ниже колѣна,—какъ ни велика была ея соблазнительная прелесть.

Еще значительнѣе роли чулка роль нижней юбки или, какъ гласитъ ея элегатное названіе, жюпона. Нижняя юбка является, такъ сказать, тяжелой артиллеріей среди женскихъ средствъ соблазнять мужчину. Ея подчасъ великолѣпныя красочныя контрасты должны воздѣйствовать на чувства, какъ опьяняющее пламя, ея пикантное шуршаніе должно вызывать любопытство, ея волнующіеся кружева и складки, изъ которыхъ неожиданно выглянетъ кусо-

чекъ чулка, должны возбудить неопредѣлимыя предчувствія, ея легкое retroussé должно воспламенить надежду и т. д. Красотою жюпона можно къ тому же кокетничать и агитировать самымъ безцеремоннымъ образомъ, такъ какъ при современныхъ способахъ сообщенія его приходится то и дѣло обнаруживать. Нижняя юбка является, такъ сказать, первой станціей на пути къ раю, до которой позволено однако ѣхать до извѣстной степени всѣмъ. Будучи типической главной формой женскаго костюма, нижняя юбка, естественно, всегда занимала видное мѣсто среди другихъ частей нижняго платья женщины, за исключеніемъ эпохи революціи и имперіи, когда она была упразднена.

Потомъ она сейчасъ же снова была возстановлена въ своихъ правахъ, и чѣмъ больше входило въ моду retroussé, тѣмъ пикантнѣе становилась она. Та огромная роль, которую она играла въ женскомъ одѣяніи впродолженіи всего XIX в., тотъ фактъ, что въ настоящее время самая простая работница старается обзавестись красивой нижней юбкой, а богатыя дамы носятъ настоящія чудеса роскоши и постоянно мѣняютъ ее, все это ясно указываетъ на ея характеръ эротическаго возбудителя, т.-е. все это доказываетъ, какое большое значеніе приписываютъ женщины retroussé, что это послѣднее одно изъ ихъ надежнѣйшихъ средствъ ловить мужчинъ.

Башмаки, чулки и нижняя юбка являются тѣми частями нижняго костюма женщины, при помощи которыхъ она старается воздѣйствовать на всѣхъ мужчинъ. Корсетъ, кальсоны и рубашка въ свою очередь предназначены для индивидуальнаго совращенія. Они являются, такъ сказать, оружіемъ женщины въ борьбѣ на близкомъ разстояніи и съ однимъ только противникомъ. Здѣсь поэтому все единый гимнъ граціи, доходящій до вакханаліи; все растворяется въ благоуханіи и очарованіи. Похожими на чудо кружевами обвѣяны грудь и колѣни, оба полюса одѣтаго ими женскаго тѣла. Сквозь прозрачный батистъ просвѣчиваетъ нагота, воздушная мягкость гибкой матеріи оттѣняетъ даже самыя деликатныя линіи и контуры женскаго стана. Все это выдержано, какъ уже упомянуто, въ однихъ только бѣлыхъ тонахъ, И однако этотъ единый красочный аккордъ отнюдь не однообразенъ, такъ какъ обнаруживаетъ множество рафинированныхъ оттѣнковъ, а особое дѣйствіе каждаго изъ этихъ оттѣнковъ увеличивается пикантными бантиками и рюшами другихъ цвѣтовъ.

Такъ превращается каждая женщина въ эротическую поэму, дышащую огнемъ и пыломъ. Предстаетъ ли эта поэма передъ муж-

Шубракъ: Реклама (Плакатъ). Гл. II.





Меню: Дамская моды (1808—1813). Гл. III.



Дютайлли: Послѣдствія слишкомъ легкаго костюма. Гл. III.

чиной пышно или скромно, гордо или смиренно, она говоритъ всегда объ одномъ и томъ же: погрузиться въ эти волны есть высшее блаженство, которое можетъ найти на землѣ мужчина.

Если мы лицомъ къ лицу съ подобными изысканными чудесами костюма напомнимъ о ихъ практической цѣли, то это произведетъ почти комическое впечатлѣніе. Такую практическую цѣль, несомнѣнно, преслѣдуетъ корсетъ, на который богатая дама готова истратить сотни марокъ, если онъ только способенъ вызвать иллюзію линій, о которыхъ она мечтаетъ. Если эта практическая цѣль играетъ въ корсетѣ главную роль и только маскируется кокетливо-соблазнительными украшеніями, то у рубашки и кальсонъ она отступаетъ далеко назадъ передъ эротическимъ элементомъ. Обѣ эти части костюма являются на самомъ дѣлѣ по существу не болѣе, какъ простыми сладострастными декораціями тѣла.

Рубашка не только обычно не имѣетъ рукавовъ, когда дама одѣваетъ салонное платье, она имѣетъ къ тому же такой глубокій вырѣзъ, чтобы не пострадала пластика бюста. Такъ и кальсоны становятся все меньше и никогда не доходятъ у элегантной дамы ниже колѣнъ, развѣ только воздушныя кружева могутъ еще ниспадать ниже ихъ. Кальсоны поэтому уже не играютъ роли при retroussé, какъ раньше. Впрочемъ только со времени возрожденія кринолина вошли кальсоны во всеобщее употребленіе. Въ виду оттопыривающихся юбокъ всѣ женщины должны были тогда носить кальсоны, которыя по этой причинѣ были видимы чаще и больше. Носили дамы кальсоны, конечно, и раньше, но—рѣже, особенно элегантныя женщины часто отъ нихъ отказывались.

Не мѣшаетъ здѣсь указать, что кальсоны часто находились на службѣ офиціальнаго нравственнаго лицемѣрія, причемъ въ такихъ случаяхъ они доходили до лодыжекъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ, конечно, никакого основанія говорить о томъ, что рубашка и кальсоны служатъ защитой отъ холода, имѣютъ своимъ назначеніемъ согрѣвать тѣло, хотя дамы упорно утверждаютъ это.

Только когда женщина становится старше и отказывается окончательно отъ всякихъ эротическихъ удовольствій, становится она болѣе доступна благоразумію, и ея нижнее бѣлье служитъ ей уже въ самомъ дѣлѣ средствомъ согрѣвать тѣло.

Хотя женскіе dessous и не подвержены модѣ въ такой же степени, какъ видимыя части женскаго костюма, но и они находятся въ большей или меньшей степени подъ ея вліяніемъ. Все болѣе обнаруживающаяся тенденція «быть раздѣтой несмотря на

костюмъ», а также декадентское отвращеніе къ пышнымъ формамъ имѣли въ этомъ отношеніи особенно рѣшающее значеніе. Первымъ послѣдствіемъ вліянія этой моды было упраздненіе нижней юбки. Такъ какъ рубашку и кальсоны нельзя было устранить, то стали для нихъ предпочитать самыя тонкія матеріи и такія формы, которыя не придаютъ фигурѣ пышности. Нынѣ каждая дама, отличающаяся «вкусомъ», носитъ такъ называемыя короткія кальсоны въ стилѣ директоріи. Вмѣсто отдѣльныхъ частей нижняго костюма стали далѣе придумывать разныя комбинаціи изъ нихъ, кальсоны, соединенные съ рубашкой, или съ юбкой. Всякія такія комбинаціи диктовались, конечно, всегда закономъ интимнѣйшей эротической пикантности и упраздненіе нижней юбки не значило, конечно, отказаться и отъ ея эротическаго воздѣйствія, теперь эту роль просто должны были исполнять кальсоны...

Что наше указаніе на эротически возбуждающее и соблазняющее значеніе нижнихъ частей женскаго костюма является не произвольнымъ толкованіемъ, а всѣми открыто признаннымъ фактомъ, доказываютъ не только сообщенія о модахъ и нравахъ элегатнаго общества, но и въ особенности рисунки и картины XIX в. Разоблачить передъ взоромъ зрителя женскія dessous, таково неизмѣнное стремленіе всѣхъ сколько-нибудь галантныхъ рисовальщиковъ и художниковъ, отъ иллюстраторовъ въ духѣ классицизма эпохи ампира и до Гилльома.

Всѣ онѣ любятъ показать женщину въ какой-нибудь пикантной ситуаціи: въ нижней юбкѣ, въ корсетѣ, въ кальсонахъ или въ рубашкѣ. И здѣсь замѣчается постоянное стремленіе идти какъ можно дальше, все болѣе рафинированная разрисовка подробностей.

Мы видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ каждая эпоха создаетъ цѣлый культъ той или другой интимной части нижняго женскаго бѣлья. Затаенно похотливая мораль эпохи Biedermeierzeit открыла пикантность чулка и нижней юбки. Если красавица этой эпохи бываетъ неожиданно застигнута врасплохъ во время туалета, то она всегда въ нижней юбкѣ. Эпоха второй имперіи, любившая все помпезное, открыла кромѣ того еще особую прелесть корсета и упивалась поэтому имъ. Конецъ XIX в. въ свою очередь открылъ очарованіе кальсонъ и не знаетъ въ этомъ отношеніи ни конца, ни границъ. По его мнѣнію, это самая пикантная ситуація, въ которой только можно себѣ представить хорошенькую женщину. Когда галантные рисовальщики изображаютъ женщину на улицѣ, то они придумываютъ сотни счастливо-несчастныхъ случаевъ, дающихъ

возможность показать ея dessous и притомъ самымъ пикантнымъ образомъ. То вѣчно старые и вѣчно новые поводы: порывъ вѣтра поднимаетъ верхнее платье дамы, или дама должна пройти по грязной дорогѣ и поэтому вынуждена высоко поднять юбки, не обращая вниманія на законы приличія, или хорошенькая женщина падаетъ съ лошади, съ коляски или съ велосипеда, и всегда весь міръ получаетъ возможность насладиться, не стѣсняясь, зрѣлищемъ пикантныхъ кружевъ и красочныхъ чудесъ.

Очень краснорѣчивымъ доказательствомъ въ пользу всеобщаго спроса на созерцаніе красивыхъ dessous является театръ. И прежде всего, вошедшія года три тому назадъ въ моду и съ тѣхъ поръ постоянно вновь встрѣчающіяся сцены раздѣванія. Многочисленныя театральныя пьесы и обозрѣнія не имѣютъ иной цѣли, какъ служить эффектной рамкой для элегантной и красивой дамы, которая при всѣхъ раздѣвается, чтобы лечь спать или совершить пикантный интимный туалетъ. Такимъ образомъ зритель можетъ насладиться по очереди созерцаніемъ всѣхъ женскихъ dessous вплоть до послѣдняго. Впродолженіи многихъ лѣтъ въ этомъ отношеніи царилъ настоящій фанатизмъ. Въ особенности въ циркѣ и въ варіэтэ измышлялись самыя смѣлыя возможности. Напр., салонная дама садится на неосѣдланную лошадь и начинаетъ постепенно разоблачаться, въ то время, какъ лошадь галопомъ мчится по аренѣ: въ концѣ концовъ наѣздница предстаетъ передъ публикой въ одномъ только трико. Такіе же трюки пускаютъ въ ходъ акробатки на трапеціи, на канатѣ и т. д. А изъ года въ годъ переполненныя мѣста и оглушительные апплодисменты доказываютъ, что такія представленія, какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ вкусамъ публики.

Противъ каждой моды всегда во всѣ времена велась принципіальная война. Принципіальнѣе же всего боролись противъ женской моды XIX вѣка. Нападки мотивировались законами красоты, явно безнравственными тенденціями женской моды и въ особенности указаніемъ на вредъ большинства этихъ модъ для здоровья женщины.

Если подвергнуть анализу мотивы этихъ принципіальныхъ критиковъ моды, то придется согласиться, что они въ большинствѣ случаевъ совершенно основательны. Нѣтъ болѣе убѣдительныхъ аргументовъ противъ моральныхъ, физическихъ и эстетическихъ недостатковъ этихъ модъ, аргументовъ, выдвигавшихся и все сызнова выдвигаемыхъ. Осужденіе, произнесенное надъ нашими модами, на-

иболѣе мотивированное изъ всѣхъ когда-либо произносившихся въ этой области. И однако всѣ эти аргументы безполезно отскакиваютъ отъ большинства женщинъ, такъ что до сихъ поръ всѣ реформаторы моды, стремившіеся основать ее на началахъ гигіены и эстетики, неизмѣнно терпѣли фіаско. Передъ этимъ чудовищнымъ фактомъ большинство реформаторовъ моды стоитъ безпомощно и недоумѣнно, не въ состояніи объяснить его иначе, какъ прирожденной будто бы и неизлѣчимой неразумностью женскаго пола.

Неразумность въ данномъ случаѣ всецѣло на сторонѣ самихъ реформаторовъ, обращающихъ вниманіе только на одну сторону вопроса и не отдающихъ себѣ отчета въ другой. Иными словами: отъ ихъ взора ускользаетъ то, что въ данномъ случаѣ какъ разъ самое главное, то, что заставляетъ мириться со всякой тайной и открытой безнравственностью костюма, со всѣми его неудобствами и муками, а именно глубокая сокровенная разумность, коренящаяся въ такъ называемой женской неразумности—логика, не идеальной, правда, зато неустранимой конкуренціи въ борьбѣ за обладаніе мужчиной. Отъ ихъ взоровъ ускользаетъ далѣе тотъ фактъ, что по этимъ причинамъ вопросъ о модѣ является составной частью великаго соціальнаго вопроса и что, слѣдовательно, и въ этой области нельзя устранить послѣдствій, не устранивъ предварительно самыхъ причинъ этого явленія.

Такъ какъ все это ускользаетъ отъ вниманія принципіальныхъ критиковъ моды, въ своей наивности мечтающихъ образумить женщинъ, то они и поступаютъ всегда, какъ всѣ утописты. Въ глубинѣ своей наивной души они находили и все снова и снова находятъ самое «лучшее» рѣшеніе этого вопроса.

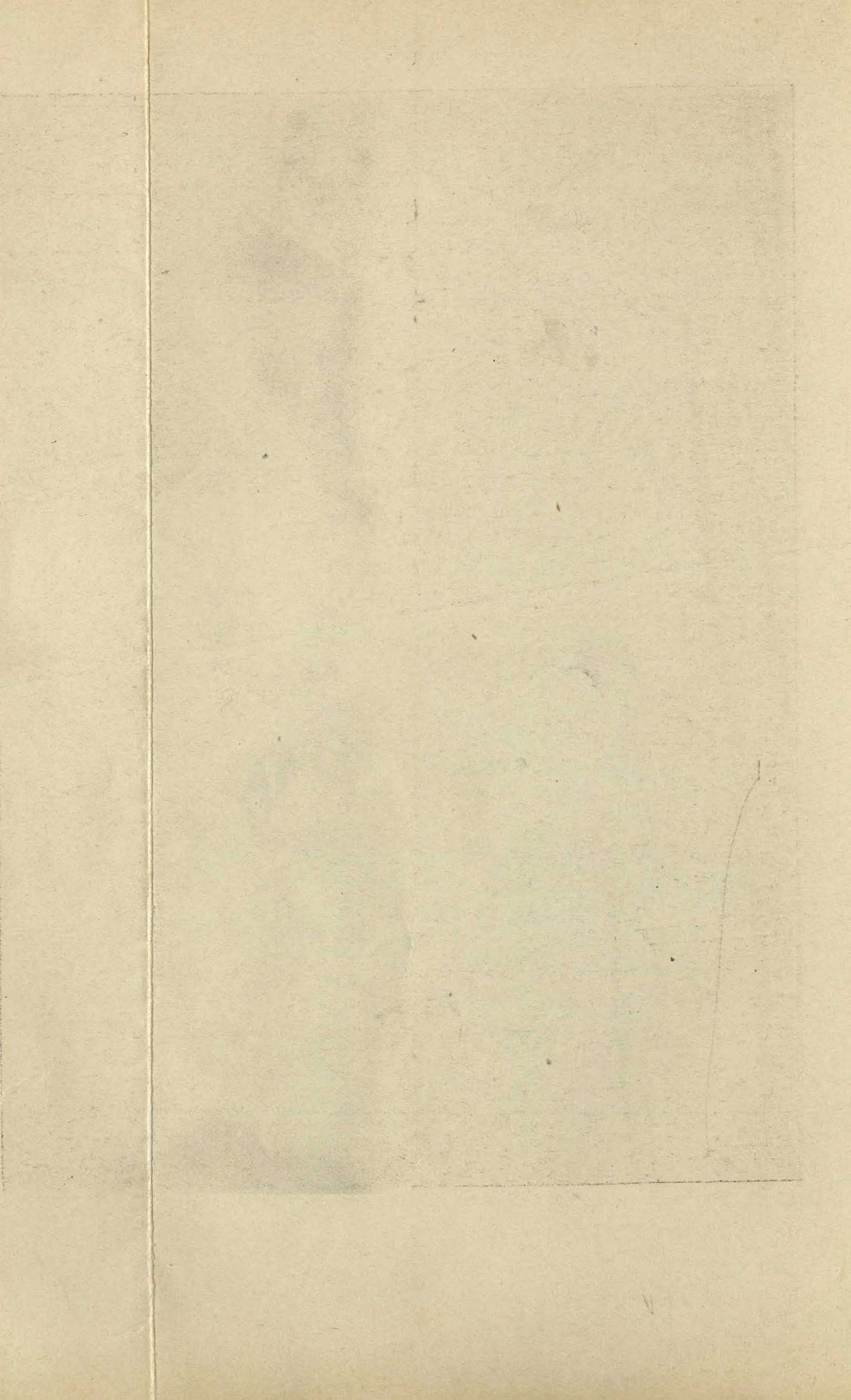
Однимъ изъ наиболѣе раннихъ проявленій этого стремленія къ реформѣ моды была предпринятая въ шестидесятыхъ годахъ практическая агитація американки Маріи Джонсъ. Эта дама сконструировала на ея взглядъ разумный костюмъ, не преслѣдовавшій никакихъ эротическихъ тенденцій. Она сама носила этотъ костюмъ.

Однако ея реформа не имѣла никакого успѣха и вызвала только негодованіе уличной толпы, не дававшей прохода реформаторшѣ, о чемъ она сама разсказала въ докладѣ о своей агитаціи въ Нью-Іоркѣ. Нынѣ люди стали снисходительнѣе. Они привыкли къ реформамъ во всѣхъ областяхъ, въ особенности же въ области моды.

Въ послѣдніе тридцать лѣтъ агитація въ пользу принципіальной реформы костюма никогда не прекращалась, чтобы—именно въ Германіи—получить въ 1903 г. практическое рѣшеніе въ извѣстной



Портретъ возлюбленнаго.





Мода 1818 г.



Английская красавица 1820 г.



Валлу: Что за станъ!

модѣ на «реформъ-костюмъ». Обратите вниманіе: именно только въ модѣ на этотъ костюмъ. Этотъ Reform-kostüm—этотъ мундиръ женской эмансипаціи—былъ въ самомъ дѣлѣ только модой, а не прочной побѣдой. И не могъ онъ побѣдить по выше изложеннымъ причинамъ.

Правда, линіи этого костюма и теперь не совсѣмъ исчезли. Напротивъ, многія и теперь еще существуютъ, но уцѣлѣли онѣ и носторжествовали онѣ только, добровольно приспособившись къ «вѣчнымъ» тенденціямъ моды. Другими словами: такъ называемый реформъ-костюмъ получилъ очень скоро такой же пикантный оттѣнокъ, какъ и всякій костюмъ. И потому онъ самъ сдѣлался въ концѣ концовъ такимъ же неразумнымъ и антигигіеничнымъ, какими были тѣ моды, противъ которыхъ онъ когда-то протестовалъ. Трудно придумать болѣе позорнаго пораженія этихъ реформаторскихъ идей! Вотъ почему не встрѣтитъ серьезнаго массового противодѣйствія попытка возродить, напр., черезъ годъ такъ наз. Wespentaille, а еще черезъ годъ ,какую-нибудь иную противоестественную моду.

Не окажетъ въ этомъ отношеніи никакого противодѣйствія и самоновѣйшая реформаторская тенденція, такъ называемая Nackt-kultur, сколько бы ни было у нея сторонниковъ. Эти люди отличаются въ сущности особеннымъ отсутствіемъ логики именно потому, что ихъ стремленія представляютъ наиболѣе послѣдовательную формулировку современныхъ реформаторскихъ идей въ этой области. При всей основательности основной мысли и многихъ сторонъ ея критики эта «культура наготы» есть въ сущности революція умственной ограниченности. Богато диференцированный костюмъ является такимъ же неупразднимымъ культурнымъ завоеваніемъ, какъ, напр. автомобиль и желѣзная дорога. Человѣкъ, къ счастью, уже не лѣсной звѣрь, мы, современные люди, не хотимъ уже быть столь наивными, какъ дикари съ передникомъ или безъ онаго. Мы хотимъ, чтобы костюмъ диктовался воображеніемъ и между прочимъ также воображеніемъ эротическимъ. Мы цѣнимъ костюмъ, какъ украшеніе и какъ эротически возбуждающій покровъ.

Мы протестуемъ только противъ такой соціальной организаціи человѣчества, которая все это принижаетъ до гнуснаго торга, которая придаетъ драгоцѣннѣйшимъ и прекраснѣйшимъ чудесамъ эротики характеръ пріемовъ, практикуемыхъ въ публичномъ домѣ. Только соціальныя причины возводятъ далѣе негармоничное на

степень хорошаго вкуса, только онѣ обусловливаютъ собой и физическій вредъ большинства модъ.

Вотъ противъ чего надо бороться.

Пока такая борьба однако не можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ и всякое завоеваніе въ этой области можетъ быть только частичной побѣдой.

IV.

Бракъ и любовь.

Уже въ первой главѣ мы достаточно подробно выяснили то нравственное возрожденіе, которое было послѣдствіемъ побѣды буржуазіи надъ абсолютизмомъ и которое нашло свое характерное выраженіе въ видѣ возвышенной любовной идеологіи. Тамъ же было указано въ общихъ чертахъ и на то, какъ этотъ возвышенный идеалъ превратился быстро и чудовищно въ свою прямую противоположность. Однако тамъ рѣчь могла итти только объ общемъ и принципіальномъ. Частности, а именно разнообразныя проявленія этого превращенія идеи въ свою противоположность, должны быть разсмотрѣны въ этой главѣ.

Высшей потребностью буржуазнаго вѣка было снова упрочить половыя отношенія, санкціонированныя бракомъ. Поэтому, какъ только буржуазія окончательно консолидировалась, она декретировала: не любовь ведетъ къ браку, а наоборотъ: бракъ ведетъ къ любви. Исходной точкой должна быть поэтому оцѣнка буржуазнаго брака.

Въ вѣкъ господства буржуазіи бракъ сталъ ярко выраженнымъ бракомъ по разсчету. Исключеніе составляетъ только бракъ въ средѣ рабочихъ. Да и то только до извѣстной степени. Десятки тысячъ рабочихъ и работницъ вступаютъ въ бракъ также только потому, что хозяйство вдвоемъ обходится дешевле, чѣмъ два отдѣльныхъ хозяйства. Само собою понятно: это обычное явленіе не мѣшаетъ тому, что изъ года въ годъ во всѣхъ классахъ бываютъ браки по любви, что природа то и дѣло опрокидываетъ самый заманчивый разсчетъ. Для насъ однако важны: правило, тенденція, основная и главная черта явленія. А преобладаетъ бракъ по разсчету, игнорирующій всѣ истинно человѣческіе узы, въ противоположность выставленному буржуазной идеологіей браку по любви, исключающему

также категорически всякія матеріальныя соображенія во имя союза двухъ душъ.

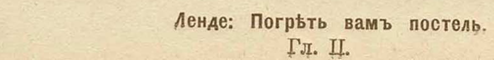
Конечно, всегда, во всѣ времена, бывали браки по разсчету, всегда господствующіе и имущіе классы принимали во вниманіе положеніе, связи и т. д., даже выдвигали эти сображенія на первый планъ, когда вступали въ бракъ, и однако товарный характеръ любви никогда раньше не выступалъ такъ наглядно, какъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ. И потому эта черта сообщаетъ буржуазному браку его характерную особенность. Только люди, склонные къ идеализаціи, будутъ отрицать этотъ фактъ. Купецъ хочетъ открыть самостоятельное дѣло, слѣдовательно—онъ женится на богатой. Другой хочетъ расширить свое дѣло и поступаетъ поэтому также. Третій весь въ долгахъ: первымъ и единственнымъ серьезно обсуждаемымъ имъ выходомъ является бракъ на женщинѣ съ деньгами. Четвертый хочетъ сдѣлать карьеру, не затрачивая при этомъ много умственнаго труда и вотъ онъ беретъ жену со связями или съ капиталомъ, а еще лучше съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Women is money. «Женщина-деньги».

Женщина также руководится преимущественно разсчетомъ. Она обмѣниваетъ свои деньги, а также свою красоту на положеніе въ обществѣ. Свою родню она капитализируетъ въ видѣ прочнаго обезпеченнаго существованія. Если разсчетъ оправдался, то все обстоитъ благополучно. Въ такомъ случаѣ избранница—красавица, хорошая хозяйка, умѣетъ представительствовать, словомъ обладаетъ всѣми достоинствами, а мужъ прекрасный человѣкъ, видный дѣлецъ, красавецъ собой и т. д. Такъ укрывается моральное лицемѣріе подъ сѣнь имъ же созданной иллюзіи.

Это уже не отдѣльные, индивидуальные случаи, а явленія типическія. Ходячая мораль находитъ, естественно, для всего этого десятки оправданій. Всѣ выдвигаемые мотивы доказываютъ однако все то же самое, а именно, что возрастаніе числа браковъ по разсчету является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ растущаго процесса капитализаціи общественныхъ отношеній, подчиняющаго своимъ законамъ ужъ не только отдѣльные слои, но постепенно всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Все больше становятся для всѣхъ деньги и собственность синонимами могущества, вліянія и успѣха, а отсутствіе собственности безжалостно превращается въ отсутствіе могущества, вліянія и успѣха. Въ наши дни личное дарованіе безъ денегъ почти безсильно и становится съ каждымъ днемъ все безсильнѣе, а бездарность, имѣющая деньги, можетъ добиться и все болѣе и болѣе

Деверіа: Подруги.
Гл. І.



Ленде: Погрѣть вамъ постель.
Гл. Ц.

Гаварни: Романъ 1835.
Гл. II.



Пріятный сюрпризъ (Гравюра 1912).
Гл. III.

добивается ошеломляющихъ успѣховъ. Кто богатъ, тотъ командуетъ. Не удивительно поэтому, что люди преклоняются только передъ собственностью.

Все это, конечно, очень банальныя истины, но эта ихъ банальность не умаляетъ, къ сожалѣнію, ихъ привильности. Надъ жизнью царитъ одна только тенденція, какъ можно скорѣе разбогатѣть. Самымъ же кратчайшимъ путемъ къ этой цѣли является бракъ въ формѣ коалиціи двухъ капиталовъ или капитала и положенія или капитала и связей, легко претворимыхъ въ денежные знаки. Въ дѣловомъ денежномъ бракѣ часто, конечно, замѣтную роль играетъ и личность вступающихъ въ бракъ, но именно только съ точки зрѣнія ея наивозможно большей матеріальной рентабельности. Подобное воззрѣніе все больше входитъ въ кровь и плоть все большаго количества лицъ, такъ что они считаютъ такое положеніе вещей единственнымъ естественнымъ и нравственнымъ. Мужчина и барышня начинаютъ любить и уважать другъ друга съ того самаго момента, когда придуманная ими или ихъ родителями комбинація оказывается, по ихъ мнѣнію, самой выгодной, и потому ликвидируютъ другія болѣе раннія связи, продиктованныя влеченіемъ, какъ юношескія заблужденія или шалости. Если мужчина является человѣкомъ «нравственнымъ», то онъ спѣшитъ «отдѣлаться» отъ такой связи—деньгами.

Это торжество брака по разсчету безжалостно сводящаго на почвѣ денежныхъ соображеній всѣхъ—молодыхъ и старыхъ, красивыхъ и безобразныхъ, равнодушныхъ и страстныхъ, можно отчетливо прослѣдить во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. И притомъ на основаніи многообразныхъ имъ созданныхъ учрежденій. Раньше почти единственными публичными рынками любовнаго торга были балы и салоны. Но то формы мелкаго производства. Конечно, и теперь еще часто завязываются связи на публичныхъ и домашнихъ балахъ, въ насмѣшку называемыхъ «мясными рынками». Но все чаще эту роль берутъ на себя профессіональные посредники, которыхъ извѣщаютъ о своихъ спеціальныхъ желаніяхъ и которые совершаютъ самую важную и потому, естественно, самую щекотливую предварительную работу: а именно—выясненіе возможныхъ шансовъ, указаніе опредѣленныхъ лицъ и круговъ, наведеніе надежныхъ справокъ объ имуществѣ, семьѣ, характерѣ, физическихъ недостаткахъ или достоинствахъ заинтересованныхъ лицъ и т. д. Такимъ образомъ все дѣло получаетъ съ самаго начала болѣе прочную почву, чѣмъ при случайномъ личномъ знакомствѣ. Обѣ

стороны менѣе подвержены ошибкамъ, обнаруживающимся при случайномъ личномъ знакомствѣ всегда лишь позднѣе и часто приводящимъ къ расторженію уже завязанныхъ сношеній, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ непріятно.

Число профессіональныхъ брачныхъ посредниковъ нынѣ во всѣхъ странахъ чрезвычайно велико. Если раньше они дѣйствовали тайно, то теперь они предлагаютъ свои услуги открыто во всѣхъ газетахъ.

Есть и такія учрежденія, которыя находятся въ сношеніяхъ со всѣмъ міромъ. Они возникли тогда, когда мелко-буржуазный бытъ смѣнился повсюду бытомъ буржуазнымъ. Первыя такія публичныя объявленія встрѣчаются поэтому въ Лондонѣ въ сороковыхъ годахъ, въ Парижѣ въ шестидесятыхъ, а въ Берлинѣ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ. Большинство людей не имѣетъ яснаго представленія о томъ, какъ обширна и успѣшна дѣятельность этихъ бюро, которыя уже работали раньше, чѣмъ обѣ заинтересованныя стороны познакомились гдѣ-нибудь въ семьѣ, обществѣ, на балу, въ курортѣ, во время игры въ теннисъ и т. д. Такое невѣдѣніе однако совершенно понятно, такъ какъ дѣятельность этихъ бюро должна быть до послѣдней минуты въ интересахъ успѣха дѣла не открытой, а тайной.

Если о размѣрахъ дѣятельности этихъ посредническихъ бюро можетъ существовать неясное представленіе, если не для всѣхъ, быть можетъ, ясно и то, что въ переговорахъ съ ними главной темой являются чисто матеріальныя соображенія, лежащія въ основѣ создаваемыхъ при ихъ помощи браковъ, то въ образѣ современнаго брачнаго объявленія передъ нами институтъ, который ставитъ все это внѣ всякаго сомнѣнія и рисуетъ передъ глазами каждаго, кто умѣетъ видѣть, святость семьи и брака съ положительно ужасъ нагоняющей ясностью и наглядностью.

Какъ мы уже указали во второмъ томѣ нашей Исторіи нравовъ, брачныя объявленія встрѣчаются впервые въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ въ Англіи въ XVIII в.—первыя немногочисленныя восходятъ еще къ 1635 г.,— а въ срединѣ этого столѣтія они встрѣчаются и въ другихъ странахъ, хотя и въ менѣе распространенномъ видѣ. Нынѣ едва ли есть какая-нибудь страна, которая уступала бы въ этомъ отношеніи другой. А съ другой стороны стоитъ только бросить мимолетный взглядъ въ любую болѣе значительную газету, чтобы понять, что въ настоящее время бракъ по разсчету, бракъ ради денегъ, сдѣлался безусловно офиціальнымъ

учрежденіемъ, причемъ идеологическая драпировка, къ которой иногда все же прибѣгаютъ, покажется всякому, умѣющему видѣть, болѣе, чѣмъ жалкой маскировкой простого коммерческаго дѣла.

Хотя брачное объявленіе нынѣ явленіе всѣмъ извѣстное—въ одномъ только номерѣ. «Berliner Tageblatt» сочли мы однажды не менѣе 167 такихъ объявленій,—все же необходимо привести здѣсь нѣсколько характерныхъ, т. е. типическихъ примѣровъ. Мы выберемъ ихъ изъ самыхъ разнообразныхъ газетъ. Для купца или сельскаго хозяина самымъ выгоднымъ является «при помощи брака войти» въ уже готовое дѣло (einheiraten). Въ одномъ номерѣ «Berliner Tageblatt» появились однажды наряду съ многими другими однородными объявленіями слѣдующія три: 1) «Еврей, 30 лѣтъ, желаетъ жениться на представительницѣ крупнаго берлинскаго производства блузокъ и платьевъ...», 2) «Помѣщикъ, 40 лѣтъ, еванг. вѣроисповѣданія, ищетъ знакомства съ дамой состоятельной, въ особенности, если она помѣщица...», 3) «Образованный администраторъ изъ очень хорошей семьи, бывшій управляющимъ большихъ имѣній, здоровый, высокаго роста, стройный, статный, 38 лѣтъ, не очень богатый, желаетъ вступить въ переписку съ образованной дамой, любительницей природы, ради вступленія въ бракъ и покупки имѣнія...»

Какъ уже сказано, легче всего пріобрѣсти капиталъ для расширенія дѣла путемъ брака. Купцы или фабриканты помѣщаютъ поэтому такія объявленія. «Владѣлецъ фабрики, офицеръ въ отставкѣ, съ хорошимъ положеніемъ, 31 года, честный, видная, симпатичная внѣшность, слишкомъ занятый, чтобы тратить время на знакомства, желаетъ путемъ объявленія вступить въ счастливый бракъ въ недалекомъ будущемъ съ молодой особой пріятной наружности. Желательно состояніе въ 150 или 200,000. Просятъ о присылкѣ (не анонимно) данныхъ о возрастѣ и состояніи, если возможно съ присоединеніемъ фотографической карточки, которая немедленно же будетъ возвращена. Посредниковъ просятъ не являться. Знакомство съ родственниками желательно. За строжайшую тайну ручаюсь честнымъ словомъ, требуя взамѣнъ такой же строгой тайны». Съ 150 или 200,000 въ самомъ дѣлѣ не такъ трудно устроить «счастливый бракъ»!

Современный интеллигентъ знаетъ, что сдѣлаетъ карьеру гораздо быстрѣе, если будетъ съ самаго начала независимъ, и печатаетъ поэтому слѣдующее объявленіе: «Интеллигентъ съ университетскимъ образованіемъ, брюнетъ, съ темпераментомъ, пріятной

наружности, честный и добропорядочный, хочетъ познакомиться съ элегантной особой, независимой въ семейномъ и финансовомъ отношеніяхъ, изъ хорошей семьи, вдовой или разведенной. Посредниковъ просятъ не являться...» Современный человѣкъ чуждъ, разумѣется, всякихъ предразсудковъ. Разъ на лицо деньги—они его единственный предразсудокъ!—то все прочее для него безразлично: возрастъ, внѣшность, вѣроисповѣданіе. Онъ готовъ примириться и со многимъ другимъ, напр. съ прежней жизнью женщины, съ которой хочетъ соединиться, съ прежними ея связями, отъ которыхъ остались послѣдствія, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что человѣкъ отсталый считаетъ недостаткомъ.

Вотъ, напр., объявленіе. «Студентъ-юристъ, на послѣднемъ курсѣ, очень красивый молодой человѣкъ съ хорошими манерами и симпатичнымъ характеромъ, дѣятельный и энергичный, не имѣющій долговъ, ищетъ богатую подругу жизни. Безразличны какъ внѣшность, возрастъ и вѣроисповѣданіе (все равно христіанка или еврейка), такъ и другія обстоятельства, часто считающіяся недостатками. Не исключается и вдова (безъ дѣтей или съ дѣтьми)». Также разсуждаетъ нынѣ и геніальный художникъ, ибо кому какъ не генію такъ разсуждать. «Геніальный скульпторъ, 35 лѣтъ, желаетъ познакомиться съ дамой, интересующейся искусствомъ, съ цѣлью женитьбы. Вѣроисповѣданіе безразлично. Можетъ быть и богатой вдовой съ дѣтьми...» И такимъ же практическимъ настроеніемъ проникнутъ въ наши дни и мужчина въ рясѣ священника. Одинъ евангелическій пасторъ помѣщаетъ слѣдующее объявленіе. «Молодой пасторъ, имѣющій приходъ въ красивой мѣстности Тюрингіи, желаетъ вступить съ цѣлью женитьбы въ сношенія съ молодой, образованной и состоятельной особой. Единственными допустимыми посредниками являются родственники. Предложенія и карточку просятъ послать по слѣдующему адресу...»

Молодая дѣвушка, которую хотятъ выдать замужъ, предлагается обыкновенно отцомъ, братомъ или другими родственниками. Можно ли представить себѣ болѣе соблазнительное предложеніе со стороны заботливаго отца, чѣмъ слѣдующее объявленіе: «Въ виду преклоннаго возраста ищу въ качествѣ отца, тайно отъ всѣхъ родныхъ, для дочери, евангелическаго вѣроисповѣданія, 28 лѣтъ, пріятной наружности, съ хорошимъ образованіемъ, знающей музыку и языки, также рукодѣлія, домовитой и скромной, благороднаго поведенія и характера, жениха, университетски образованнаго молодого человѣка симпатичной наружности, высокаго роста,

съ крѣпкимъ здоровьемъ, солиднымъ характеромъ, приблизительно 30 лѣтъ, предпочтительно врача, юриста, высшаго чиновника, преподавателя, аптекаря. (Вдовцы исключаются). При хорошемъ приданомъ ежегодно 5000 марокъ процентовъ съ капитала въ 100,000...»

И все-таки бракъ долженъ быть бракомъ по любви. Да и въ самомъ дѣлѣ, предлагая за дочерью 50, 100 или болѣе тысячъ марокъ, какъ не имѣть права требовать взамѣнъ глубокаго чувства? И вотъ заботливый родственникъ помѣщаетъ въ газетахъ объявленіе. «Для родственницы, 20 лѣтъ, красивой, интеллигентной еврейки, блондинки, съ большими музыкальными способностями, единственной дочери, ищу жениха, который будетъ ее любить, приданое 50,000 мар. Просятъ отвѣчать только господъ съ первоклассньмъ воспитаніемъ и образованіемъ, значительнымъ доходомъ, привлекательной наружности, изъ хорошей семьи, къ тому же живущихъ въ столицѣ...»

Разведенная элегантная дама, жившая въ первомъ бракѣ въ роскоши, естественно, желаетъ продолжать и впредь такой образъ жизни. Она поэтому предлагаетъ себя въ качествѣ предмета роскоши. «Элегантная, красивая дама, статная фигура, въ лучшемъ возрастѣ, изъ знатной семьи, разведенная безъ всякой съ ея стороны вины, желаетъ выйти замужъ за состоятельнаго господина, готоваго вести элегантный образъ жизни и быть для ея дѣтей вторымъ отцомъ...» Прибавимъ: желая намекнуть, что у нея есть незаконный ребенокъ или состоятельный другъ, съ которымъ она не желаетъ разставаться и въ бракѣ, или что у нея есть сомнительная родня, женщина всегда ищетъ мужчину «безъ предразсудковъ» или съ «зрѣлыми воззрѣніями на жизнь».

Какъ ни любопытны приведенные до сихъ поръ случаи, наиболѣе интенсивной и важной въ культурно-историческомъ отношеніи главой являются браки офицеровъ. Они доказываютъ, быть можетъ, лучше всего исключительно денежный и товарный характеръ всѣхъ такъ называемыхъ идеальныхъ благъ, такъ какъ офицерство представляетъ собою ту касту, которая оправдываетъ свои привиллегіи въ обществѣ и государствѣ всегда весьма взвинченными требованіями личной чести. Это особое понятіе чести, не терпящей малѣйшаго пятнышка, нисколько не мѣшаетъ тому, что именно въ этихъ кругахъ бракъ является въ наименѣе грубой и отвратительной формѣ простой сдѣлкой. Можно даже сказать: въ офицерскихъ кругахъ вообще не существуетъ такого брака, который не былъ бы построенъ на основѣ денежнаго разсчета. Лишь немногія офицерскія

жены являются въ настоящее время чѣмъ-то болѣе простого «залога» за мужа.

Прочтите слѣдующія объявленія и вы убѣдитесь въ этомъ. «Офицеръ, аристократъ по происхожденію, тридцати съ лишнимъ лѣтъ, привлекательной наружности, хочетъ познакомиться съ дамой въ цѣляхъ женитьбы. Требуется по меньшей мѣрѣ состояніе въ 30,000. Вѣроисповѣданіе безразлично...» Или: «Офицеръ, гвардейскій кавалеристъ, красивая, статная фигура, изъ старой родовитой фамиліи, 27 лѣтъ, желаетъ жениться на особѣ съ деньгами...» Вотъ два примѣра изъ сотни аналогичныхъ, которые было бы нетрудно подобрать изъ наиболѣе читаемыхъ газетъ. Этихъ двухъ примѣровъ достаточно, такъ какъ и въ данномъ случаѣ мы должны повторить: то явленія не единичныя, а типичныя.

Въ высшей степени не только характерно, но и логично, что цинизмъ открытаго объявленія своихъ матеріальныхъ требованій растетъ въ такой же степени, въ какой имя и феодальное происхожденіе могутъ служить имъ противовѣсомъ. Вотъ, напр., объявленіе изъ вѣнской «Neue Freie Presse». «Ищу для друга, иностранца, изъ высшей аристократіи (имѣются высшіе дворянскіе титулы, орденъ Золотого Руна и т. д.), молодого и очень богатаго, привлекательной и симпатичной наружности, богатую партію, также изъ haute finance». Въ той же газетѣ было помѣщено слѣдующее объявленіе. «Для нѣмецкаго князя, лѣтъ сорока, консервативныхъ убѣжденій, ищутъ жену (можетъ быть и крещенной еврейкой). Приданаго требуется по меньшей мѣрѣ два милліона, десятая часть которыхъ должна быть выдана на имя супруга въ видѣ обезпеченія, а также для погашенія его обязательствъ...»

Или вотъ другое объявленіе изъ газеты Pester Lloyd: «Маркизъ, австрійскій аристократъ, 40 лѣтъ, служащій въ одномъ изъ австрійскихъ государственныхъ банковъ, солидный, симпатичный, здоровый, средняго роста, брюнетъ, пользующійся любовью и извѣстностью, желаетъ жениться на особѣ не старше 40 лѣтъ, симпатичной, съ приданымъ въ два милліона гульденовъ (или 4 мил. марокъ, или 5 мил. франковъ). Вѣроисповѣданіе и положеніе безразличны. Долговъ нѣтъ. Непремѣнное условіе: въ день свадьбы невѣста передаетъ ради обезпеченія независимости жениха въ его неограниченную собственность по крайней мѣрѣ одинъ милліонъ гульденовъ въ видѣ движимыхъ цѣнностей».

И такихъ примѣровъ можно было бы также привести множество. По мѣрѣ того, какъ въ эпоху капитализма бракъ сталъ въ

особености въ аристократическомъ классѣ откровенной коммерческой сдѣлкой, превращался и графскій и княжескій титулъ все больше въ предметъ торга, предлагаемый тому, кто за него больше дастъ. Въ одномъ и томъ же номерѣ «Berliner Tageblatt» были помѣщены два объявленія: «Графъ готовъ усыновить богатую особу. Предложенія адресовать...» И далѣе: «Князь готовъ передать имя и титулъ богатой особѣ путемъ усыновленія, иначе имя угаснетъ...»

Логическимъ послѣдствіемъ такого положенія вещей является тотъ фактъ, что женщина въ такихъ случаяхъ интересуется вообще только именемъ.

Такія торговыя сдѣлки передъ алтаремъ или въ меріи называются довольно звучнымъ именемъ: «браковъ ради имени». Если выражаться яснѣе, то рѣчь идетъ въ сущности о болѣе древнемъ и болѣе отвратительномъ институтѣ такъ называемыхъ «укрывателей позора», Schanddeckel. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Какой-нибудь графъ или князь долженъ объявить свою готовность дать свое звонкое имя за соотвѣтствующій гонораръ какой-нибудь богатой кокоткѣ или содержимой богатымъ любовникомъ демимонденкѣ, на которой онъ такъ сказать женится. Требовать чего-нибудь кромѣ денегъ этотъ графъ или князь не имѣетъ права. Сейчасъ же послѣ свадьбы онъ обязанъ стушеваться. Его имя должно служить только тому, чтобы доставить данной кокоткѣ болѣе выгодныя дѣла или—что въ сущности одно и то же—дать знатному любовнику данной дамы возможность ввести свою любовницу въ изысканнѣйшее общество.

Этотъ графскій или даже княжескій Schanddeckel является, какъ показано примѣрами во второмъ томѣ (см. Галантный вѣкъ), старымъ и испытаннымъ институтомъ. Но никогда раньше этотъ институтъ такъ не процвѣталъ, никогда не стоялъ онъ такъ на очереди дня, какъ въ наше время. Лицомъ къ лицу съ такими неоспоримыми фатальными фактами всполошилась даже газета «Deutsche Tages Zeitung», эта фанатическая представительница феодально-сословныхъ интересовъ. Уже въ 1906 г. она серьезно взывала къ юридическому вмѣшательству, которое могло бы лишить мнимыя сдѣлки, скрывающіяся за этими «браками ради имени», ихъ юридической силы.

Тѣмъ же самымъ являются по существу пресловутые браки наслѣдницъ американскихъ милліонеровъ съ европейскими графами, князьями и герцогами, браки, ставшіе столь обычнымъ явленіемъ, что въ Америкѣ даже уже обсуждался вопросъ, какъ помѣ-

шать этому переселенію американскихъ милліонершъ и милліардершъ въ объятія европейскихъ аристократовъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними въ Европу эмигрируютъ вѣдь и огромныя состоянія .Роль этихъ представителей старой европейской аристократіи по существу ничѣмъ не отличается отъ роли только что охарактеризованныхъ Schanddeckel, такъ какъ всѣ эти благородные представители своего класса безъ исключенія покупаются и притомъ никогда ради ихъ личности, а всегда ради ихъ имени, ради княжеской или герцогской фирмы. Сами они въ большинствѣ случаевъ являются лишь тягостнымъ придаткомъ.

Прочтите, напр., какъ иллюстрацію къ сказанному, слѣдующія два объявленія, представляющія также типическіе примѣры. «Воззваніе къ аристократамъ. Солидный посредникъ отправляется въ скоромъ времени въ Америку, гдѣ онъ имѣетъ хорошія связи въ финансовомъ мірѣ и гдѣ онъ думаетъ найти для нѣсколькихъ аристократовъ милліонныхъ невѣстъ...» Если приведенное объявленіе было помѣщено въ вѣнской «Neue Freie Presse», то слѣдующее въ иллюстрированномъ берлинскомъ еженедѣльникѣ «Sport im Bild.»: «Принца или джентльмена изъ старой аристократической семьи ищетъ въ цѣляхъ скорой женитьбы американка, лѣтъ 20 съ лишнимъ, круглая сирота, совершенно одинокая, съ ежегоднымъ доходомъ въ 100,000 мар., видная, привлекательная внѣшность, любительница спорта и музыки».

Второе объявленіе производитъ такое впечатлѣніе, точно ищутъ родовитаго жеребца для благородной породы кобылы. Вся разница лишь та, что жеребецъ долженъ отличаться и физическими достоинствами. Послѣдній случай, стало быть, болѣе и разуменъ и моралень.

Если американскія деньги стремятся такимъ сводническимъ путемъ соединиться съ европейской аристократіей, то это часто объясняютъ инстинктивнымъ желаніемъ американокъ пріобщиться къ болѣе высокой и менѣе грубой культурѣ, чѣмъ та, которая родится въ дикой погонѣ за долларомъ и которую даже самыя строгія свѣтскія правила и формы могутъ замаскировать лишь до извѣстной степени. Это стремленіе къ болѣе утонченнымъ и культурнымъ нравамъ играетъ въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, *извѣстную* роль, но не главную и не рѣшающую. Желаніе американскихъ милліонершъ украсить свой денежный мѣшокъ путемъ брака большой или маленькой короной является въ гораздо большей степени результатомъ грубыхъ инстинктовъ крупно-капиталистической мо-



Моренъ. Семейнос счастье.
Гл. II.

Манэ: Олимпія

Гл. II.

Герар: Порывъ вѣтра.

Гл, III.

рали денежнаго мѣшка: за деньги можно купить себѣ всякія ощущенія, даже самыя дорого стоющія, и потому покупають себѣ корону, такъ какъ она, естественно, стоитъ дороже всего.

Второй, не менѣе важной, причиной является въ данномъ случаѣ то соображеніе, что такимъ путемъ лучше всего осуществляется тенденція классоваго обособленія, желаніе быть въ качествѣ отдѣльнаго индивидуума высшимъ существомъ и ярко выразить это передъ лицомъ всего міра. А это возможно только въ предѣлахъ идейнаго міра монархизма. Только здѣсь есть граница, которую не перешагнетъ ни даровитость, ни геніальность. На самомъ дѣлѣ здѣсь дѣйствуютъ, стало быть, въ гораздо большей степени низменные мотивы, чѣмъ стремленіе къ болѣе утонченной культурѣ. А эта низменность является въ свою очередь естественнымъ послѣдствіемъ наличности колоссальныхъ богатствъ. Печальная ихъ логика заключается въ томъ, что ихъ не сочетаешь настоящимъ образомъ ни съ однимъ неподдѣльнымъ идеаломъ. Ибо, чтобы накопить подобное состояніе, необходимо было затоптать самые элементарные человѣческіе идеалы. Пріобрѣсти милліоны возможно только цѣною безправія и кровавыхъ страданій массъ. Сколотить милліардъ можно только, превративъ безъ всякихъ зазрѣній совѣсти все общество въ своего данника. И всегда относительно и абсолютно значительную часть дани должны вынести на своихъ плечахъ бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ.

Такова горькая логика капитализма.

Если отдѣльные милліардеры являются владѣльцами великолѣпныхъ художественныхъ коллекцій или жертвуютъ огромные капиталы на научныя и гуманитарныя цѣли, то это можетъ ослѣпить только людей, не умѣющихъ мыслить. И только такіе люди усмотрятъ въ этомъ оправданіе подобной крупной собственности.

При такомъ ростѣ числа браковъ по разсчету, браковъ ради денежныхъ соображеній, неудивительно, что и художники то и дѣло отводятъ въ своимъ картинахъ мѣсто ихъ характеристикѣ. Чаще всего, разумѣется, въ произведеніяхъ, разсчитанныхъ на широкую публику. Но и въ такъ называемомъ «высокомъ» искусствѣ бракъ былъ временами весьма излюбленной темой. Лучшими картинами, ставшими къ тому же наиболѣе популярными благодаря цѣлому ряду репродукцій, являются картины Шлезингера, и Фраппы. Онѣ изображаютъ сводническій союзъ между красотой и богатствомъ, между бурной молодостью и безстрастной старостью. Обѣ онѣ въ самомъ дѣлѣ прекрасно характеризуютъ собременный бракъ, явля-

ются цѣнными культурно-историческими документами и потому ихъ нельзя было здѣсь обойти. Обѣ картины относятся къ восьмидесятымъ годамъ истекшаго столѣтія, что также очень важно отмѣтить. То было время, когда критика общества переживала свою послѣднюю великую эпоху во Франціи и Германіи. Нынѣ буржуазія уже переросла этотъ возрастъ и встрѣтила бы подобныя картины, только сострадательно пожимая плечами. Вѣдь надъ тѣмъ или другимъ явленіемъ люди смѣются лишь до тѣхъ поръ, пока думаютъ, что могутъ его измѣнить и пока они серьезно хотятъ его измѣнить. Ну, а теперь кто же вѣритъ, что можно что-нибудь измѣнить!!

Слѣдуетъ здѣсь указать еще и на то, что обычно женщина—оно и понятно—изображается жертвой, хотя на самомъ дѣлѣ не менѣе часто жертвой является мужчина. Также понятно и то, что обычно эта тема трактуется если не открыто-сатирически, то съ сатирическимъ оттѣнкомъ. По этой причинѣ на заднемъ фонѣ уже виднѣется актъ мести, которую проданная красавица думаетъ совершить въ одинъ прекрасный день и,несомнѣнно, и совершитъ надъ старымъ денежнымъ мѣшкомъ.

Можно легко впасть въ соблазнъ и усмотрѣть въ цинизмѣ, съ которымъ обнаруживается товарный и денежный характеръ любви и брака, въ особенности въ институтѣ брачныхъ объявленій, факты, отрицающіе господствующій вообще законъ офиціальнаго моральнаго лицемѣрія. На самомъ дѣлѣ это не такъ. На самомъ дѣлѣ такого противорѣчія нѣтъ. Цинизмъ брачныхъ объявленій объясняется всецѣло ихъ анонимностью. Никогда никто не подписалъ бы своего имени подъ такимъ объявленіемъ и никогда ни одна парочка не имѣла бы мужества признаться въ дѣловыхъ и техническихъ прелиминаріяхъ, предшествовавшихъ ихъ болѣе близкому личному знакомству. Напротивъ, обѣ стороны стараются соблюсти видимость брака по любви не только въ взаимныхъ отношеніяхъ, но и по отношенію къ обществу. Когда готовятся выгодно выдать дочку замужъ, то въ каждой семьѣ разыгрывается безпрерывная и величайшая комедія. И всѣ, вся родня, участвуютъ въ ней.

Новѣйшій романъ неоднократно изображалъ эту комедію, эту «выдачу замужъ», это выуживаніе хорошей партіи, эти способы благополучно втащить на ложе дочери жирную клюнувшую щуку. Какъ на хорошій примѣръ можно указать на «Совѣты холостякамъ» Марселя Прево. Эти совѣты вложены въ уста свѣтской дамы, и даетъ она ихъ молодому другу, мечтающему жениться. О томъ лицемѣріи, которымъ опутываютъ молодого человѣка, желающаго вступить въ

бракъ, разъ его нашли достойнымъ претендентомъ, эта умная дама говоритъ:

«Вдругъ все вокругъ него становится ложью. Родители дѣвушки говорятъ неправду о своихъ денежныхъ средствахъ и о характерѣ дочери, обо всемъ. Таковъ старинный обычай. На его глазахъ ведутъ семейную жизнь настолько же отличную отъ обычной, насколько представленіе балета разнится отъ репетиціи. Дѣвушка лицемѣрно выставляетъ на показъ добродѣтели, привычки и таланты, которыхъ у нея нѣтъ и—что особенно гадко—любовь, которую она не чувствуетъ. Я—женщина, знающая ту ложь и то лицемѣріе, къ которымъ мы обыкновенно прибѣгаемъ, бываю ошеломлена при видѣ того, какъ наши милыя дѣвушки маневрируютъ во время этой ловли жениха. Откровенны онѣ или застѣнчивы—всѣ лгутъ. Невинная рѣчь и стыдливое возмущеніе одной такъ же дѣланны, какъ безцеремонность и полоуготовность другой отдаться. Если дѣвушка разразится слезами въ отвѣтъ на поцѣлуй, который вы у нея похитили, если она будетъ осыпать васъ упреками, если будетъ грозить, что позоветъ своихъ родителей—не вѣрьте ей. А если другая отъ вашего поцѣлуя придетъ въ неописуемое блаженство—не вѣрьте и ей. Какъ та, такъ и другая скрываетъ за ширмой готовности или возмущенія ту же самую мысль, которую можно выразить приблизительно слѣдующими словами: «кажется, на этотъ разъ онъ клюетъ».

Приблизительно въ такомъ же духѣ, хотя и гораздо подробнѣе, изображаетъ положеніе вещей Гансъ фонъ-Каленбергъ въ своемъ очень извѣстномъ, неоднократно конфискованномъ и снова освобожденномъ отъ ареста романѣ «Русалочка», гдѣ въ формѣ переписки очень ярко и потому очень мѣтко разоблачается отвратительное нравственное лицемѣріе высшихъ классовъ. Содержаніе романа слѣдующее. Молодая дѣвушка, которая должна найти себѣ мужа съ деньгами, такъ какъ сама ничего не имѣетъ, кромѣ хорошаго имени, бросилась на шею жуиру Герберту Грендалу, разыгрывающему изъ себя моралиста. Она позволяетъ ему посвятить ее во всѣ тайны, отчаянно флиртуетъ съ нимъ, ища въ этомъ вознагражденіе за бракъ, который будетъ такимъ банальнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣряетъ ему всѣ свои мысли и чувства. Она посвящаетъ его во всѣ семейные секреты, въ нищету, скрытую подъ блестящей мишурой, и въ особенности во всѣ тѣ темные пріемы, которые были пущены въ ходъ, чтобы выдать обѣихъ старшихъ сестеръ и которые теперь хотятъ примѣнить со всей рафинированностью, чтобы уловить въ сѣть и для нея очень богатаго дворянина, который, наконецъ, «клюнулъ».

А жуиръ, удостоившійся благосклонности и довѣрія дѣвушки, исправно сообщаетъ своему другу, юнкеру Ахиму фонъ-Вустро свои интимныя переживанія и чужія тайны. Самое пикантное во всемъ этомъ то, что этотъ Ахимъ фонъ-Вустро и есть никто иной, какъ именно тотъ богатый дворянинъ-помѣщикъ, котораго «русалочка» и особенно ея мать поймали на удочку. Для насъ интересно здѣсь слѣдующее письмо Герберта Грѣндаля къ Ахиму фонъ-Вустро:

«У меня есть талантъ стать духовникомъ. Вся жизнь семьи лежитъ передо мной, какъ раскрытая книга. Я вижу ихъ всѣхъ насквозь. Мать тщеславна, честолюбива, напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы при скудныхъ средствахъ оплатить вечеринки и туалеты. Въ домѣ поэтому постоянно ссоры и стычки. Темой утренняго, обѣденнаго и вечерняго разговора служатъ—деньги. Каждой вечеринкѣ всегда предшествуетъ ссора. Онъ (мужъ) противъ, онъ старъ, дряхлъ, усталъ. Онъ мечтаетъ снять гдѣ-нибудь въ провинціи квартиру въ четыре комнатки и ухаживать за своими розами. Но онъ подчиняется, одѣваетъ фракъ и продолжаетъ тянуть лямку. Такъ дослужится онъ когда-нибудь до директора департамента. «Русалочка», конечно, на сторонѣ матери. «Мама»—великая женщина. Что мама захочетъ, то и дѣлается! И мама всегда права! Обѣихъ старшихъ дочерей она, наконецъ, сплавила. Съ первой дѣло не клеилось. Періодъ помолвки продолжался долго. Женихъ—дальній родственникъ, передъ которымъ карьера лишь въ будущемъ. Въ семьѣ сцены и слезы. Его поймали на честномъ словѣ и «устроили». У нихъ теперь каждый годъ потомство. Мама возмущена. Даже «русалочка» негодуетъ. «Безобразіе! Могли бы что-нибудь предпринять. онъ даже еще не майоръ». Объ этомъ «что-нибудь» она, повидимому, имѣетъ очень ясное представленіе. Въ семьѣ тайнаго совѣтника не очень стѣсняются, когда во время разговора разыгрываются страсти. Вторая дочь была гордостью семьи. Ей пророчили блестящую будущность, посылали въ роскошныхъ туалетахъ и декольтированныхъ платьяхъ съ визитами къ роственникамъ и сіятельствамъ. Маленькому сентиментальному интермеццо съ двоюроднымъ братомъ, морякомъ, мама очень быстро и настойчиво положила конецъ. Мужъ ея отвратительный, импотентный человѣкъ, но богатый. Дада сумѣла вознаградить себя. Ея двоюродный братъ, морякъ, получилъ свое. «Русалочка» посвящаетъ меня во все... У нихъ тутъ гдѣ-то по близости квартира для свиданій. Дада поэтому не раскаивается.

Сынъ—любимецъ матери, отъявленный безпутникъ, дѣлаетъ

Ваубини: Франтихи.

Удобства зонтика 1815 г.

Непріятности верховой ѣзды.



Карикатура на моду 1784 г.

Шефферъ: Студенческiе годы.



Бассажэ: Студенческiе годы.



Англійскій придворный бальный костюмъ 1800 г.

долги, играетъ, бѣгаетъ за женщинами, не исключая и кухарки, что очень забавляетъ «русалочку». Отсюда постоянныя сцены. Богатый шуринъ взаймы не дастъ. Есть долги и у мамы. «Знаешь, иногда у насъ прямо невозможно жить». Я охотно вѣрю этимъ словамъ «русалочки».

Поймала и «русалочка» во время своего перваго пробнаго рыболовнаго путешествія жениха, богатаго деревенщину, изъ знатной семьи. Кажется, онъ немного глуповатъ. «А потомъ у него такія большія руки». «Ты гораздо лучше!» И она начинаетъ плакать, хотя и рѣшила твердо за него выйти. Она поплачетъ и въ вѣнкѣ изъ флеръ-д-оранжъ. О женщины! Сообщила она мнѣ нѣсколько интересныхъ подробностей о техникѣ «ловли». «Всегда необходимо дѣлать видъ, словно ничего не знаешь. Это главное. Когда онъ является, я удивлена и бѣгу причесываться, хотя мама и такъ все утро его сторожила, а я надѣла новую блузку. Всему вѣрить, что онъ говоритъ. Никогда не спрашивать. Точно мы не навели точнѣйшихъ справокъ у тети Отти, сколько у него и откуда онъ родомъ. Мама говорить обо мнѣ всегда, какъ о ребенкѣ, о томъ, что меня еще разъ надо отдать въ пансіонъ. А сама уже мысленно устроила всѣ комнаты въ его усадьбѣ. Она думаетъ, что я отдамъ тайкомъ часть денегъ брату, когда выйду замужъ. Я не такъ глупа. И такъ надоѣла нищета дома.

Она—миніатюрное изданіе Лукреціи и Гонерильи. Но она дѣвушка очаровательная, въ своемъ родѣ очень страстная, восхитительны ея нѣсколько чопорная нѣжность, ея ручка, которой она хватаетъ меня за волосы, ея поцѣлуи—чтобы они были по жарче, она сильно прижимаетъ уста и т. д.»

Вотъ въ заключеніи, что говоритъ Л. Н. Толстой о ловлѣ мужчинъ въ Крейцеровой сонатѣ:

«Дѣвка созрѣла, надо ее выдать. Кажется, какъ просто, когда дѣвка не уродъ и есть мужчины, желающіе жениться. Такъ и дѣлалось въ старину. Вошла въ возрастъ дѣвка, родители устраивали бракъ. Такъ дѣлалось, дѣлается во всемъ человѣчествѣ: у китайцевъ, индѣйцевъ, магометанъ, у насъ въ народѣ; такъ дѣлается въ родѣ человѣческомъ, по крайней мѣрѣ въ 0,99 его части. Только въ $^{1}/_{100}$ или меньше насъ, распутниковъ, нашли, что это нехорошо и выдумали новое. Да что же новое-то? А новое то, что дѣвы сидятъ, а мужчины, какъ на базарѣ, ходятъ и выбираютъ. А дѣвы ждутъ и думаютъ, но не смѣютъ сказать: «батюшка, меня! нѣтъ, меня! Не ее, а меня: у меня, смотри какія плечи и другое». А мы,

мужчины, похаживаемъ, поглядываемъ и очень довольны. Знаю, молъ, а не попадусь». Похаживаютъ, посматриваютъ,—очень довольны, что это такъ все для нихъ устроено. Глядь, не поберегся—хлопъ, тутъ и есть!

— Такъ какъ же быть?—сказалъ я.—Что же женщинѣ дѣлать предложеніе?

— Да, ужъ я не знаю какъ; только если равенство, такъ равенство. Если нашли, что сватовство унизительно, то ужъ это въ 1000 разъ больше. Тамъ права и шансы равные, а здѣсь женщина или раба на базарѣ, или приводъ—«выѣзжать въ свѣтъ»—въ канканъ. Скажите какой-нибудь матушкѣ или самой дѣвушкѣ правду, что она только тѣмъ и занята, чтобы ловить жениха. Боже мой, какая обида! А вѣдь онѣ всѣ только это и дѣлаютъ, а больше имъ дѣлать нечего. И что вѣдь ужасно—это видѣть занятыхъ этимъ иногда совершенно молоденькихъ, бѣдныхъ невинныхъ дѣвушекъ. И опять, если бы это открыто дѣлалось, а то все обманъ. «Ахъ, происхожденіе видовъ, какъ это интересно! Ахъ, Лили очень интересуется живописью! А вы будете на выставкѣ. Какъ поучительно! А на тройкахъ, а спектакли, а симфонія? Ахъ, какъ замѣтно! Моя Лили безъ ума отъ музыки. А вы почему не раздѣляете этихъ убѣжденій?» А мысль одна: возьми, возьми меня, мою Лили! Нѣтъ, меня! Ну хоть попробуй!..» О, мерзость! Ложь!»

Если, какъ уже упомянуто, жертвой является далеко не всегда дѣвушка, а также часто и мужчина, то поведеніе мужчины, улавливающаго золотую рыбку, по существу ничѣмъ не отличается отъ аналогичнаго поведенія дѣвушки. Можно было бы переиначить приведенныя описанія и они подходили бы также хорошо и къ мужчинѣ. Находясь въ такомъ положеніи, мужчина сразу становится образцовымъ человѣкомъ съ опредѣленными взглядами на жизнь, онъ ненавидитъ всякія незаконныя любовныя связи, мечтаетъ только о тихой и прекрасной семейной жизни. Онъ солиденъ, не пьетъ, не куритъ, думаетъ только о работѣ, о томъ, чтобы проложить себѣ дорогу и т. д.

Въ этихъ пріемахъ есть только оттѣнки, опредѣляемые разнообразными классовыми интересами, сущность же ихъ одинаковая у всѣхъ классовъ, владѣющихъ собственностью: бракъ долженъ быть наиболѣе выгоднымъ коммерческимъ дѣломъ, причемъ однако публично выставляются самые благородные принципы.

Такъ какъ *кокетство* является важнѣйшимъ оружіемъ женщины въ борьбѣ за мужчину, то оно играетъ нынѣ, какъ и прежде, въ репертуарѣ женщины ту же значительную—или если угодно—преобладающую роль. Все поведеніе женщины сводится къ тому, чтобы очаровать мужчину. Въ «Крейцеровой сонатѣ» Толстой замѣчаетъ относительно этого пункта:

«Женщина счастлива и достигаетъ всего, чего она можетъ желать, когда она обворожитъ мужчину. И потому главная задача женщины умѣть обвораживать его. Такъ это было и будетъ. Такъ это въ дѣвичьей жизни въ нашемъ мірѣ, такъ продолжается и въ замужней. Въ дѣвичьей жизни это нужно для выбора, въ замужней для властаванія надъ мужемъ.»

Легче же всего очаровать и подчинить себѣ мужчину можно при помощи постояннаго кокетства. Имъ женщина привлекаетъ мужчину, имъ же она привязываетъ его къ себѣ. Поэтому даже самые серьезные поступки женщины получаютъ извѣстный кокетливый оттѣнокъ, если только они не иная форма этого кокетства. Этотъ фактъ нисколько не мѣшаетъ тому, что самыя формы женскаго кокетства стали несравненно скромнѣе и пристойнѣе, чѣмъ онѣ были, напр., въ эпоху стараго режима. Кокетка уже не является массовымъ явленіемъ и не кокетство прежде всего бросается въ глаза въ женщинѣ. Женщина уже не кокетничаетъ, какъ прежде, въ одинаковой мѣрѣ съ каждымъ мужчиной, и кокетство ея перестало быть публичнымъ зрѣлищемъ для всѣхъ. Эта перемѣна опредѣлялась по мѣрѣ того, какъ женщина становилась независимѣе—въ въ экономическомъ отношеніи—отъ мужчины.

Такъ какъ пріемы кокетства остались тѣми же, какими они были прежде, какъ при нападеніи на массу, если можно такъ выразиться, такъ и при нападеніи на отдѣльнаго мужчину, то нѣтъ надобности снова повторять раньше сказанное. Если формы кокетства стали пристойнѣе, то это не мѣшаетъ тому, что нѣкоторыя изъ нихъ стали рафинированнѣе. Въ доказательство достаточно привести хотя бы духи или неглижэ. Духи относятся къ области кокетства, такъ какъ должны обратить вниманіе мужчины на женщину и такъ какъ они имѣютъ своимъ—очень обдуманно практикуемымъ—назначеніемъ вліять на психику мужчины (см. второй томъ нашей Исторіи нравовъ). Умная дама—духи являются, конечно, прежде всего оружіемъ женщинъ имущихъ классовъ—обнаруживаетъ при помощи духовъ очень ловко и часто очень отчетливо свою индивидуальность, свои склонности и претензіи и за-

ставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ мужчину приспособляться къ ней въ своемъ поведеніи. Побѣдоносное развитіе химіи въ XIX в. помогаетъ женщинѣ лучше, чѣмъ прежде, въ этомъ ея стремленіи, позволяетъ ей выражать множество и притомъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, тогда какъ раньше она должна была ограничиться лишь очень общими эффектами. Не мѣшаетъ указать, что въ настоящее время большинство дамъ предпочитаетъ сложные духи, чтобы самимъ казаться сложными, трудно опредѣлимыми натурами. Не въ модѣ поэтому простые цвѣточные духи: они легко могутъ набросить на женщину тѣнь, что и она сама недалека, и потому ихъ употребляютъ только подростки.

Что и неглижэ стало болѣе диференцированнымъ оружіемъ женскаго кокетства видно уже изъ упомянутой въ предыдущей главѣ богатой отдѣлки женскихъ dessous Въ послѣднее время замѣчается между прочимъ стремленіе соединить пикантное неглижэ съ салоннымъ костюмомъ. Это дѣлается такимъ путемъ, что домашнее или уличное платье сближается или цѣликомъ или въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ съ неглижэ. Весь костюмъ долженъ производить впечатлѣніе неглижэ. Вышеупомянутая Draufgückbluse является въ сущности также только однимъ изъ многочисленныхъ рѣшеній этой задачи. Воспроизводится это впечатлѣніе и многими другими способами. Даже шубѣ, наименѣе интимному виду костюма, ставится порой эта цѣль и она не только ставится, но и осуществляется. Такая попытка дать иллюзію неглижэ при помощи шубы была придумана въ 1908 г., и состояла она въ томъ, что дама носила боа или шаль такъ, что болѣе длинный конецъ висѣлъ спереди на лѣвой сторонѣ, а другой сзади тоже съ лѣвой стороны. Такой пріемъ «дѣйствуетъ возбуждающе на мужчинъ, такъ какъ преднамѣренно стремится воспроизвести неглиже», О. Б.)

Совершенно новой формой неглижэ является возникшій вмѣстѣ съ вошедшими въ моду курортами и курортной жизнью купальный костюмъ, несомнѣнная разновидность неглижэ. Это до извѣстной степени настоящее, а не только искусственное неглижэ, въ которомъ можно къ тому же появляться при всѣхъ, и потому въ этой области придуманы съ теченіемъ времени самыя рафинированныя формы. Современный монденный купальный костюмъ долженъ казаться какъ бы второй кожей и въ немъ женщинѣ разрѣшено публично быть неодѣтой. Въ фешенебельныхъ курортахъ жизнь служитъ воообще въ значительной степени только этой цѣли, а купанье является для многихъ женщинъ лишь предлогомъ. Это видно







C'est pour votre papa..... Passez donc dans mon cabinet.







хотя бы уже изъ того, что въ такихъ курортахъ, какъ Трувиллъ, Остенде и т. д., очень и очень многія женщины вообще не купаются, а только показываютъ свою облеченную въ элегантный купальный костюмъ пикантную наготу цѣлыми часами на штрандѣ.

Увлеченіе курортами впервые обнаружилось въ эпоху второй имперіи, слѣдовательно въ пятидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія. И тогда же вошли въ моду и купальные костюмы. Въ своей книгѣ о нравахъ этой эпохи Пельтанъ говоритъ: «часто на этомъ галантномъ плажѣ вы увидите, какъ дамы изъ хорошей семьи разыгрываютъ роль выходящей изъ моря Афродиты, возвращаясь съ купанья въ простомъ трико, послѣдней уступкѣ господствующимъ предразсудкамъ: такъ шествуютъ онѣ мимо рядовъ восторженно ихъ созерцающей молодежи».

Нынѣ такіе нравы давно стали господствующими въ любомъ интернаціональномъ курортѣ.

Флиртъ является новѣйшимъ изобрѣтеніемъ только, какъ слово, тогда какъ его сущность и его содержаніе очень стары и, какъ уже выяснено во второмъ томѣ нашей Исторіи нравовъ, одинаковы во всѣ времена. Все сказанное тамъ примѣнимо и къ XIX вѣку. Разница лишь въ томъ, что нынѣ флиртуютъ уже не такъ открыто, какъ прежде. Болѣе строгій контроль общественной морали привелъ и здѣсь, какъ въ вопросѣ о кокетствѣ, къ болѣе скромнымъ формамъ. Правда, границы флирта отъ этого не стали уже. И нынѣ въ флиртѣ идутъ такъ же далеко, какъ въ эпоху стараго режима, т. е. почти до послѣдней грани. А такъ какъ классы и группы, представители которыхъ посвящаютъ этому занятію свое время, нынѣ во сто разъ многочисленнѣе по своему составу, то въ наши дни и флиртуютъ во столько же разъ больше, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ.

Весьма существеннымъ факторомъ, обусловившимъ собой ростъ и распространеніе флирта, является выше описанная эволюція брака въ сторону условнаго. Если что-нибудь способствуетъ развитію до огромныхъ размѣровъ естественной склонности къ флирту, такъ это усиливающаяся тенденція свести бракъ къ простой ариѳметической задачѣ. Флиртъ становится какъ бы предвосхищеннымъ вознагражденіемъ за отсутствіе въ условномъ бракѣ эротическихъ наслажденій.

Не менѣе видную роль играетъ и тотъ фактъ, что въ имущихъ классахъ мужчины въ среднемъ теперь вступаютъ въ бракъ все позже, о чемъ намъ еще придется подробно говорить. Въ очень бо-

гатой матеріаломъ книгѣ о современной половой жизни Г. Эллисъ правильно замѣчаетъ:

«Въ своей элементарной формѣ флиртъ совершенно нормаленъ и естественъ. Онъ встрѣчается даже у животныхъ. То просто начало ухаживанія, моментъ, когда сближеніе можетъ быть еще прервано. У насъ флиртъ часто нѣчто большее. Условія современной жизни затрудняютъ бракъ, такъ что любовь и первыя ея шаги становятся чѣмъ-то весьма серьезнымъ, къ чему уже нельзя относиться легкомысленно. Флиртъ приспособился къ этимъ условіямъ. Переставъ быть прелюдіей нормальнаго ухаживанія, онъ превратился въ суррогатъ полового удовлетворенія».

И общество признало за флиртомъ его право на существованіе. Оно идетъ самымъ предупредительнымъ образомъ навстрѣчу этой потребности. Не только мужчинѣ, но и женщинѣ и въ особенности молодой дѣвушкѣ предоставлено право флирта. Въ свѣтскомъ обществѣ находятъ совершенно естественнымъ, если каждая дѣвушка флиртуетъ. Лучше всего описали пріемы флирта, а также вскрыли границы, до которыхъ порой доходятъ въ этомъ отношеніи дамы, оба уже цитированныхъ писателя, Марсель Прево и Гансъ фонъ-Каленбергъ.

Первое, что должно броситься въ глаза провинціалу, попадающему въ такъ называемое хорошее парижское общество, это, по словамъ Марселя Прево, тотъ фактъ, что флиртуютъ рѣшительно всѣ. Такъ какъ новичку, выросшему въ атмосферѣ провинціальной морали, недозволеннымъ кажется всякое интимное общеніе не связанныхъ бракомъ мужчинъ и женщинъ, то столичный флиртъ производитъ на него угнетающее впечатлѣніе.

«Или я родился въ совсѣмъ другомъ мірѣ? Ужели таковы нравы современнаго свѣта, ужели таковъ его языкъ? Эти громкія кабацкія остроты, и что еще хуже, это постоянное шушуканье и этотъ шопотъ по угламъ! Это безцеремонное прижиманіе другъ къ другу мужчинъ и дамъ! А потомъ это безобразное слово, то и дѣло прорывающееся сквозь разговоръ, какъ постоянно повторяющійся призывъ къ легкомыслію. «Мой флиртъ... Она имѣла флиртъ... У насъ былъ флиртъ... Флиртъ моей дочери...»

Въ какой степени свѣтское общество идетъ навстрѣчу всеобщей потребности въ флиртѣ, иллюстрируетъ слѣдующее описаніе ужина во время семейнаго бала.

«Буфетъ былъ замѣненъ маленькими столиками, разставленными въ столовой и сосѣдней курительной комнатѣ. Обѣ залы были

путемъ декораціи превращены въ нормандскія таверны. Можно было усѣсться небольшими уютными группами и призывать слугъ, какъ въ ресторанѣ. Вотъ до чего доходитъ изобрѣтательность въ современной свѣтской жизни! Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе забавное, какъ если молодыя дѣвушки и женщины усаживаются вдвоемъ или вчетверомъ, съ какими хотятъ кавалерами, чтобы не стѣсняясь продолжать кокетливую игру, которой онѣ такъ преданы, тогда какъ родители и мужья снисходительно посматриваютъ на нихъ».

Марсель Прево показываетъ далѣе очень хорошо, въ чемъ заключается въ такихъ случаяхъ бесѣда, такъ какъ флиртъ прежде всего состоитъ въ особаго рода разговорахъ. Нѣкій все извѣдавшій жуиръ разговариваетъ слѣдующимъ образомъ съ своей дамой, которую,—замѣтьте!—видитъ въ первый разъ:

«Mademoiselle! Думали ли вы когда-нибудь о томъ, какъ жестоко складывается свѣтская жизнь въ Парижѣ? Мы встрѣтились сегодня вечеромъ съ вами. Случай пожелалъ, чтобы мы съ вами подружились. Я могу на мгновеніе представить себѣ, что вы, такая нѣжная, такая красивая, принадлежите мнѣ. Я предчувствую, какой міръ безграничной нѣжности раскроется когда-нибудь въ вашей душѣ. Я предчувствую это... и однако мы разойдемся и, быть можетъ, навсегда. Другому достанется этотъ кладъ. Для другого страстью затуманятся ваши прекрасные глаза, другому будутъ принадлежатъ этотъ лобъ, эти губы и все остальное, о красотѣ чего я догадываюсь по тому, что вижу...» «Monsieur! —пробормотала Жанна. Она чувствовала, какъ его взгляды раздѣвали ее, она была близка къ обмороку, а онъ безжалостно продолжалъ, опьяненный своими собственными словами, запутавшійся въ собственной западнѣ. «Не я буду этимъ счастливцемъ... но мечтать о васъ, кто можетъ мнѣ запретить и помѣшать. Я вижу васъ, я держу васъ въ своихъ объятіяхъ. Въ часы одиночества вы придете ко мнѣ въ моихъ мечтахъ. И пусть вы далеки, вся ваша юная красота будетъ принадлежать мнѣ; ни одно пятнышко на вашемъ тѣлѣ не будетъ мнѣ...»

Какъ часто говорилъ онъ эти страстныя слова молодымъ дѣвушкамъ, увѣренный, что онѣ затрепещутъ, какъ подъ прикосновеніемъ ласки».

Все это еще довольно безобидно. Въ другомъ романѣ «Совѣты холостякамъ и помолвленнымъ» Прево замѣчаетъ:

«Я знаю, что въ Парижѣ, въ этомъ мірѣ праздности, мужчины

и женщины ведутъ такіе разговоры, за которые студента исключилъ бы изъ университета».

Было бы неправильно предполагать, что женщины не являются достойными партнерами мужчинъ въ подобныхъ дуэтахъ, хотя онѣ и выражаются, естественно, скромнѣе. Одна опытная дама признается:

«Я всегда умѣла обращаться съ мужчинами. Мнѣ доставляло удовольствіе волновать его (молодого человѣка), такъ какъ онъ былъ только полумужчиной. Думаю, что такъ чувствуютъ многіе сластолюбцы, когда разжигаютъ невинную дѣвушку».

Это взаимное разжиганіе достигается, естественно, не одними только словами, а какъ извѣстно, кромѣ того болѣе или менѣе откровенными ласками, поцѣлуями, удовлетвореніемъ обоюднаго эротическаго любопытства, ради чего отыскиваютъ и находятъ сотни случаевъ. Въ обществѣ такимъ интимностямъ благопріятствуетъ въ особенности танецъ. Мужчина, не умѣющій использовать подобныхъ случаевъ, часто считается дурачкомъ, котораго настоящая женщина можетъ только презирать.

Какъ флиртуютъ дѣвушки изъ хорошаго общества въ Берлинѣ, подробно описано въ четвертомъ письмѣ уже цитированной «Русалочки» Каленберга. Это письмо кромѣ того подтверждаетъ выше высказанную мысль, объясняющую флиртъ, какъ суррогатъ отсутствующихъ въ условномъ бракѣ эротическихъ радостей.

Гербертъ Грендаль пишетъ своему другу Ахиму фонъ-Вустро: «Приключеніе начинаетъ меня интересовать болѣе съ психологической, чѣмъ съ личной точки зрѣнія. Такъ далеко я уже ушелъ впередъ. Впрочемъ, въ этомъ виновато ремесло, привычка къ анализу. Итакъ: въ среду получаю изящное розовое письмецо, почеркъ гимназистки, крутой, манерный, капризный. «Милостивый государь! Ждите меня завтра въ это же время. Приду одна. Ваша Ж.» Открываю самъ. Это усиливаетъ таинственность и доказываетъ внимательность и нетерпѣливость. Она стоитъ передо мною въ темносинемъ платьицѣ, вся красная. Я ее, конечно, поцѣловалъ на этотъ разъ. Ты знаешь, на мой взглядъ поцѣлуи—искусство. Есть люди, которые этого никогда не поймутъ. Напр. ты! Въ поцѣлуѣ—все: вопросъ, утвержденіе, граница. Вся будущая любовная мелодія въ видѣ легкой, тихой прелюдіи! Она не протестовала, особенно не отвѣчала, но стояла тихо. Сердечко билось, готовое разорваться, наполовину отъ страха. А вдругъ кто-нибудь увидитъ? Я успокоилъ ее. «Этажемъ выше живетъ фотографъ, вы могли бы пойти наверхъ, если бы

встрѣтили кого-нибудь на лѣстницѣ. Изъ спальни есть выходъ и во дворъ. Мартынъ молчаливъ, какъ могила». Она обо всемъ этомъ и сама подумала. И мило позволила поцѣловать себя еще разъ.

Потомъ зашла рѣчь о моральныхъ гарантіяхъ. «Надѣюсь, ты обо мнѣ не плохого мнѣнія, если я пришла ради «этого». Скажи: нѣтъ. Неправда ли: нѣтъ! Я пришла просто потому, что читала твои романы, да и дома такая отчаянная скука, а ты такой милый». Я отвѣчаю: «Конечно, нѣтъ! И цѣлую ее бѣлую шейку до красна, кусаю ея ушко. Какія у нея грудки, бѣлыя, упругія и сладкія, какъ двѣ половинки яблока! А что за шейка! А ручки, которыя обнимаютъ крѣпко-крѣпко, тонкія, мягкія, неразрывныя, какъ шелковыя нитки. Въ ея голосѣ трогательныя дѣтскія нотки, призывы и жалобы. Голосъ сирены! Я придумалъ для нея и имя: «русалочка», имя, удивительно подходящее. Оно прекрасно характеризуетъ ея жанръ, ея характеръ сластолюбивый, плутоватый, созданный для любви, ни къ чему въ сущности не способный. Съ рыбьимъ хвостомъ! Холоднымъ, какъ ледъ! Такова она, несмотря на свои клятвы въ любви. Слишкомъ уже гладко у нея выходитъ: «какъ я тебя люблю, Герри! Ужасно я тебя люблю! Ты—единственный, милѣйшій, другого такого нѣтъ на свѣтѣ». И все таки выходитъ это у нея очень мило. При этомъ ни одного громкаго слова, ни одного некрасиваго жеста, всегда настоящая маленькая дама, чистенькая, бѣленькая, воздушная, хрупкая.

Она распрашиваетъ меня о моихъ приключеніяхъ. Въ этомъ отношеніи она ненасытна. То воображеніе маленькаго чудовища, которое ищетъ удовлетворенія: насиліе, кровосмѣшеніе, противоестественная любовь—все ее интересуетъ. Вся міровая исторія, все искусство, половина религіи для нея только въ этомъ. Все это она знаетъ, помнитъ. И въ этой ея поразительной односторонности есть что-то импонирующее и страшное. Всѣ подробности моей холостецкой квартиры занимаютъ ее, бездѣлушки, слуга, bric-á-brac. А въ промежуткахъ мы цѣлуемся. Шампанское не производитъ на нее никакого впечатлѣнія. Для этого она слишкомъ субтильна, слишкомъ неестественна. Она только играетъ, какъ котеночекъ. Я цѣлую ее, глажу, прикасаюсь къ ней. И вдругъ движеніе точно извивающейся змѣйки, страхъ передъ болью, передъ ребенкомъ, передъ потерей возможности выйти замужъ. И вдругъ она становится дѣловитой. «У насъ нѣтъ состоянія. Эльза и Дада тоже вышли замужъ». О бракѣ она думаетъ безъ всякихъ иллюзій. Бракъ это то, что диктуется благоразуміемъ, это—матеріальная обезпеченность. Быть можетъ, она

даже будетъ вѣрной мужу женой. Да и можно ли ихъ особенно осуждать?

Ложное, неестественное воспитаніе, вѣчное скрываніе и секретничанье! На что онѣ могутъ разсчитывать? Выйти за человѣка, не способнаго дѣйствовать на нихъ возбуждающе, за человѣка, котораго къ тому же не онѣ сами выбираютъ, который купитъ ихъ такъ же грубо, какъ любую кокотку. Удивительно ли, если онѣ хотятъ до брака немного опьяниться пѣной отъ шампанскаго! И какъ умно поступаетъ она при этомъ, совершенно инстинктивно! Въ ея головкѣ нѣтъ мозговъ даже на десять пфениговъ, она совершенно необразованна настоящая дама изъ гарема. И однако такая маленькая гусыня инстинктивно знаетъ: «Вотъ кого мнѣ надо. Онъ знаетъ толкъ въ любви Il sait aimer». «А если узнаютъ!»—вотъ ея единственное опасеніе, единственный сладко-жуткій страхъ. И она принимается посмѣиваться надъ глупыми людьми, надъ папой и мамой, надъ прохожими на улицѣ, которые всѣ не знаютъ, что она здѣсь одна, въ квартирѣ распутнаго холостяка. А что я такой, въ этомъ она глубоко убѣждена. «Ты такой безнравственный!»—Въ отвѣтъ я ее цѣлую, а она обвиваетъ мою шею своими рученками, называетъ ангеломъ, любимымъ, сладкимъ и клянется, что вѣчно будетъ любить меня. Ахъ, эта маленькая каналья! Всѣ онѣ такія! Достойной удивленія остается одна только неизмѣнная глупость мужчинъ, вѣра въ чудо, вѣра въ то, что ты, молъ, единственный, съ которымъ случается это чудо».

Почему замужняя женщина флиртуетъ, въ чемъ заключается для нея наслажденіе флирта, почему она флиртуетъ съ возможно большимъ числомъ мужчинъ, все это хорошо объясняетъ героиня въ «Бракѣ Жюліенны» Марселя Прево.

«Кажется мы, женщины, всѣ очень любимъ глядѣться въ зеркало. Взглядъ на наше лицо говоритъ намъ: «ты, право же, не дурна, маленькая Жюліенна». Выслушивать такія слова очень пріятно. Но еще пріятнѣе было бы, если бы такія слова говорило само зеркало, неправда ли? Такъ вотъ: флиртъ и есть ни что иное, какъ говорящее зеркало. У меня такая масса зеркалъ, что я могла бы ими наполнить цѣлую галлерею. И они говорятъ мнѣ это одно громче другого!»

Замужняя дама флиртуетъ, конечно,, не только ради этого, но и потому, что мужчины говорятъ ей при этомъ и другія вещи, которыя пріятно выслушивать, потому что въ высшей степени пикантно испытывать сладострастное волненіе лицомъ къ лицу со многими муж-

чинами и потому, что не менѣе пикантно—мы уже привели выше подтверждающую эту истину цитату—эротически разжигать мужчинъ.

Молодая дама начинаетъ поэтому флиртовать какъ можно раньше. Многіе знатоки и критики современнаго общества утверждаютъ, что нынѣ даже множество флиртующихъ дѣвушекъ доходятъ въ флиртѣ часто до послѣднихъ границъ, а что мужчина всегда охотно идетъ какъ можно дальше, это, кажется, не нуждается въ особомъ доказательствѣ. Все позволено, рѣшительно все, только «не то». Другими словами: проблема флирта состоитъ въ томъ, чтобы, сохраняя свою дѣвственность, испытать всѣ утѣхи любви.

Въ романѣ Марселя Прево: «Demi-vierges» говорится:

«Въ глазахъ дѣвушки онъ прочелъ ея согласіе. Какъ добычу внесъ онъ ее въ комнату. Прижавшись устами другъ къ другу, они опустились на ложе, на которомъ впродолженіи четырехъ лѣтъ Модъ покоилась уже дважды, не потерявъ ни разу своей невинности».

А въ другомъ мѣстѣ настоящая demi-vierge характеризуется слѣдующимъ образомъ:

«Какъ всѣ гордые люди, ведущую теоретическую борьбу противъ общественнаго строя, она предначертала себѣ сама извѣстную границу, руководимая своего рода чувствомъ справедливости. Для того, кто дастъ ей свое имя и свое состояніе, приберегла она послѣднее высшее доказательство любви».

«Это «послѣднее» доказательство является, слѣдовательно, единственнымъ, предназначеннымъ умными дѣвушками законному супругу. Этого одного достаточно, чтобы узаконить и освятить свое прошлое на брачномъ ложѣ. Г-жа докторъ Г. Пауль замѣчаетъ очень основательно въ статьѣ «О переоцѣнкѣ дѣвственности»: «Есть дѣвушки, которыя уже дѣтьми проституировали себя фактически или мысленнымъ развратомъ. Чистота души давно уже потеряна, нѣтъ ничего, чего бы онѣ не знали, но... физическую дѣвственность онѣ сохранили... для будущаго мужа. Пусть же кто нибудь заподозритъ ихъ невинность при такомъ неопровержимомъ доказательствѣ!..»

Авторъ правъ также, когда продолжаетъ:

«А если дѣвушка, въ дѣтствѣ хранившая безусловную чистоту, потомъ въ порывѣ бурной страсти пробудившейся женщины отдастся по любви мужчинѣ, то всѣ кричатъ: «Посмотрите какой позоръ!» Громче же другихъ кричитъ и бросаетъ самые большіе камни именно проституировавшая себя дѣвушка, сохранившая свою физическую дѣвственность. «Обезчестившая» себя тѣмъ не

менѣе остается здоровой женщиной съ здоровой чувственностью, послѣдовавшей естественному инстинкту, а не противоестественной склонности и не извращеннымъ прихотямъ полудѣвы. И все-таки она предана опалѣ! Ни одинъ мужчина не пожелаетъ жениться на ней. Онъ предпочитаетъ ей—полудѣву. Вѣдь у нея есть доказательство физической нетронутости».

Настоящая полудѣва поступаетъ, разумѣется, совершенно сознательно.

Молодая свѣтская дѣвушка говоритъ напр. другу, съ которымъ флиртуетъ:

«Приближается возрастъ, когда остается все меньше шансовъ выйти замужъ. Притомъ я не испытала ни одного приключенія, которое доставило бы мнѣ хоть немного удовольствія, а непріятностей было пропасть. Съ меня довольно! Я тоже хочу выйти замужъ! Развѣ я плохая партія? Я вышла изъ хорошей семьи, у меня приданое въ 200,000 франковъ, которымъ могу свободно располагать. Конечно, это немного, но въ наши плохія времена пріятно имѣть и это. Можетъ быть, я немного легкомысленна! Въ этомъ, конечно, виновата моя юность, какъ только я выйду замужъ, я уже сумѣю остепениться. А что касается нетронутости, то вы можете обслѣдовать весь Парижъ и еще весь Орлеанъ и вы не найдете другой дѣвушки, которая была бы въ такой же степени Орлеанской Дѣвой, какъ я. Боже! Я, конечно, прекрасно знаю, что не аистъ приноситъ дѣтей. Я не бѣлая гусыня, какъ говоритъ мой другъ, Гекторъ. И тѣмъ не менѣе мой мужъ получитъ полное удовлетвореніе. Онъ будетъ первымъ, который посвятитъ меня во все это».

Она встала, скользнула пальцами по клавишамъ рояли и прибавила, словно думая вслухъ: «И мнѣ думается, что это будетъ вовсе не скучно».

Обычная программа флирта: всегда во всемъ, въ словахъ и дѣйствіяхъ, доходитъ до самой границы, и считается обѣими сторонами его самой привлекательной стороной. Все снова отважно играть съ огнемъ, не обжигая себѣ пальцевъ—какое блаженство! Подобныя удовольствія ставятся поэтому и мужчинами все чаще выше знакомства съ предупредительными дамами полусвѣта, о которыхъ заранѣе знаешь, что въ любой моментъ можешь получить все.

Такъ сдѣлалась полудѣва постепенно опаснѣйшей конкуренткой

Легранъ: Пробужденіе весны. Гл. II.



Гильомъ: Воспоминанія. Гл. III.



Бракоразводный процессъ. 1780 г. Англ. гравюра. Гл. IV.



Форекъ: Былъ ли ты, по крайней мѣрѣ, остороженъ. Гл. IV.

не только замужней женщины, мечтающей о разнообразіи въ любви, но даже и профессіональной кокотки.

Если же флиртъ тѣмъ не менѣе приводитъ противъ желанія къ послѣднему, къ непредвидѣнному, если чувство перехитритъ разумъ,—а это бываетъ, разумѣется, очень и очень часто—то это не принимается особенно къ сердцу. Вѣдь этого не хотѣли. И эта мысль служитъ достаточнымъ оправданіемъ—по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ. А будущаго мужа можно и обмануть.

Если родители разрѣшаютъ и помогаютъ дочери флиртовать, то это имѣетъ однако еще другую причину, кромѣ желанія дать ей возможность насладиться «невинными радостями» сношеній съ мужчинами. Подобное великодушіе объясняется также стараніями родителей облегчить дочкѣ ловлю мужа. Что дѣвушка, умѣющая флиртовать, легче всего выйдетъ замужъ, такое мнѣніе довольно распространено. Ибо, какъ извѣстно, мужчину легче всего возбудить, идя ему навстрѣчу, равно какъ такимъ путемъ легче всего и удержать его такъ, что онъ уже не уйдетъ. Свѣдующій въ такихъ вопросахъ Прево иллюстрируетъ и эту сторону вопроса интересными примѣрами.

Молодая дѣвушка, сумѣвшая такимъ образомъ заставить сдѣлать предложеніе даже жуира и принципіальнаго противника брака, излагаетъ другу, передъ которымъ охотно вообще исповѣдуется, слѣдующимъ образомъ пріемы пущенные ею въ ходъ:

«На мнѣ было платье съ очень небольшимъ вырѣзомъ. Хочу довѣрить вамъ кстати тайну. Я знаю по опыту, какое впечатлѣніе иногда производитъ такой маленькій вырѣзъ. И въ самомъ дѣлѣ, уже во время обѣда Лестранжъ запылалъ, да такъ, что не могъ ни ѣсть ни пить. Знаете, почему я такъ расположена къ нему, хотя онъ вовсе не красивъ. Видите ли... я чувствую, какъ я дѣйствую на него возбуждающе. Вы отвѣтите: это чувствуютъ всѣ женщины. Нѣтъ, я больше другихъ. Послѣ обѣда пошли мы въ зимній садъ. Вашъ зимній садъ, дорогой Летессье, удивительно какъ приспособленъ къ флирту, особенно мѣстечко за пальмами. Сестра играла Берліоза. Мама раскладывала пасіансъ. Я и Люкъ были совсѣмъ одни, какъ въ отдѣльномъ кабинетѣ. Сидѣли и болтали. Я сдѣлала первый выпадъ, разсказавъ ему, что мнѣ надоѣло быть дѣвушкой, что мнѣ хочется чего-то другого. Сообщила, что по ночамъ вижу особые сны... «Правда?»—прервалъ ее Гекторъ. «Конечно! Это то и есть самое курьезное во всей этой

исторіи. Но право же, мнѣ кажется, мой мудрый другъ, что это и на васъ дѣйствуетъ возбуждающе!.. Лестранжъ тотъ совсѣмъ вышелъ изъ себя. Онъ схватилъ мою руку и пролепеталъ, какъ двадцатилѣтній влюбленный юноша: «Жаклина! Жаклина!» А потомъ я ему еще довѣрила, что видѣла во снѣ именно его!—«И это тоже правда?»—спросилъ Гекторъ. «Ну, да, конечно,—можете быть спокойны, мой милый!—Теперь мой Ромео былъ окончательно побѣжденъ. Онъ уже не думалъ о противодѣйствіи и съ устъ его сорвалось: «Жаклина, вы должны стать моей! Вы знаете, какъ я боюсь брака, но на васъ я женюсь!»

Флиртъ молодыхъ дѣвушекъ, доведенный до послѣднихъ границъ, явленіе интернаціональное. Совершенно нелѣпо видѣть въ немъ нѣчто специфически американское или французское. Также невѣрно однако и утвержденіе Прево, заявившаго въ отвѣтъ на взведенное на него обвиненіе, что онъ несправедливо дискредитируетъ передъ всѣмъ свѣтомъ парижанку: «Типъ полудѣвы за границей распространенъ даже больше, чѣмъ во Франціи». Если у насъ нѣтъ такихъ же откровенныхъ и точныхъ описаній флирта въ Англіи, какія у насъ имѣются для Франціи и Германіи, то это объясняется тѣмъ, что въ Англіи, какъ уже выяснено въ другомъ мѣстѣ, всевластно царитъ нравственное лицемѣріе. Для англо-саксонскихъ странъ у насъ имѣется документально-достовѣрный фактическій матеріалъ, въ совершенствѣ замѣняющій собой описанія романистовъ. Для Англіи достаточно указать на упомянутое въ первой главѣ дѣло полковника Бэкера. Этотъ случай подчеркиваетъ типичныя стороны англійскаго флирта. Англійская миссъ изъ хорошаго общества флиртуетъ также охотно, идетъ въ своемъ флиртѣ также далеко, какъ и дѣвушки остальныхъ странъ, отдавая при этомъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ остальныхъ предпочтеніе флирту дѣйствіями. Болѣе другихъ она развѣ охраняетъ дѣвственность слуха. Отвергая слова, она тѣмъ самымъ отвергаетъ однако и духовную сторону любви, такъ какъ слова не только являются рафинированнымъ возбудителемъ, но и элементомъ, оправдывающимъ и возвышающимъ флиртъ.

Для характеристики флирта молодыхъ американокъ также достаточно будетъ привести одинъ примѣръ, а именно бытовую картину, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ развернуло передъ всѣмъ міромъ въ такихъ яркихъ краскахъ убійство Эльси Сигель. Благовоспитанная американка не знаетъ большаго наслажденія, какъ спасать души желтокожихъ и потому сотни изъ

нихъ становятся миссіонерками въ грязныхъ китайскихъ кварталахъ американскихъ городовъ. Еще большимъ наслажденіемъ является однако для многихъ изъ этихъ извращенно благочестивыхъ дамочекъ сопровождающій обращеніе этихъ желтыхъ дьяволовъ откровенный флиртъ съ ними, желаніе отдать свое молодое тѣло взамѣнъ души «готовой обратиться.»

Объ этомъ писалъ въ свое время очень мѣтко Г. Урбанъ, знатокъ американской жизни, въ газетѣ «Berliner Tageblatt».

«Это можетъ показаться невѣроятнымъ. Но кто знаетъ американокъ, не будетъ удивленъ. Американка натура нервозная (ея нервы, какъ шелкъ), весьма склонная къ истеріи, избалованная, неприспособленная къ домашне-семейной жизни, мастерица въ флиртѣ, съ дѣтства воспитанная въ свободномъ общеніи съ мужчинами. Влюбить въ себя одного изъ этихъ гибкихъ людей востока, душу котораго она спасла, развѣ это не соблазнительно, не чистѣйшая романтика! Душу за душу, а потомъ въ заключеніе и тѣло за тѣло!»

Подобно тому, какъ ревностная миссіонерка хочетъ спасти не одну только душу, такъ не отличается она особенной односторонностью и въ флиртѣ. Она охотно разрѣшаетъ второму то, что продѣлать было такъ пріятно съ первымъ. Конечно, здѣсь бываетъ рискъ, что восточная ревность можетъ положить неожиданный конецъ очаровательнымъ развлеченіемъ этихъ Gibson-girles. Такъ оно и случилось съ Эльси Сигаль Она предпочла флиртовать заразъ съ нѣсколькими китайскими язычниками и однажды ея голый трупъ нашли въ запертомъ сундукѣ въ комнатѣ одного изъ ея ревнивыхъ китайскихъ друзей. Въ комнатѣ благоразумно скрывшагося убійцы Леона Линга полиція нашла однако и еще коечто, а именно сотни компрометирующихъ любовныхъ писемъ очаровательныхъ миссіонерокъ и другихъ юныхъ американокъ къ нему, Леону Лингу. Нашлось не мало и фотографическихъ карточекъ этихъ дамъ. Притомъ карточекъ весьма пикантнаго свойства. Нѣкоторыя изъ флиртующихъ дамъ нашли нужнымъ представиться своему другу или въ рубашкѣ или совсѣмъ обнаженными. Если бы имена корреспондентокъ и изображенныхъ на карточкахъ дамъ стали извѣстными, то Нью-Іоркъ сдѣлался бы свидѣтелемъ чудовищнаго скандала. Такого скандала, конечно, не произошло. Ибо въ Долларикѣ (Америкѣ) полиція, какъ и въ другихъ странахъ, существуетъ не для того, чтобы компрометировать «верхніе десять тысячъ.»

Здѣсь не мѣшаетъ напомнить распространенную во всѣхъ странахъ среди дамъ тенденцію флиртовать съ мужчинами иного цвѣта. Предпочтеніе, которое въ Америкѣ дается «желтымъ дьяволамъ», въ Европѣ выпадаетъ на долю экзотическихъ труппъ, ежегодно объѣзжающихъ города и устраивающихъ въ нихъ спектакли. Въ 1870—71 гг. возвращавшіеся изъ Франціи раненые нѣмецкіе солдаты съ изумленіемъ видѣли, какъ сострадательныя нѣмки осыпали подарками темнокожихъ зуавовъ, тогда какъ на нихъ никто не обращалъ вниманія.

Если существуетъ какое- нибудь различіе въ флиртѣ, то оно коренится въ классовыхъ различіяхъ. Разница поэтому касается не существа, а только степени большей или меньшей рафинированности флирта. Мужикъ флиртуетъ, естественно, грубѣе рабочаго. Въ этихъ классахъ и языкъ и жесты должны отличаться недвумысленностью и грубостью, чтобы имѣть возбуждающее дѣйствіе. Мелкая буржуазія въ массѣ флиртуетъ въ свою очередь скромнѣе буржуазіи и аристократіи или—вѣрнѣе—и отдаленно не такъ рафинированно, какъ послѣднія.

Это зависитъ отъ условій существованія мѣщанства, уже достаточно выясненныхъ нами въ другомъ мѣстѣ. Такъ какъ съ другой стороны нравственное лицемѣріе играетъ и должно играть, какъ нами тоже уже выяснено, особо видную роль въ средѣ мелкой и средней буржуазіи, то понятно, что въ этихъ классахъ флиртъ облекается въ наиболѣе невинныя формы.

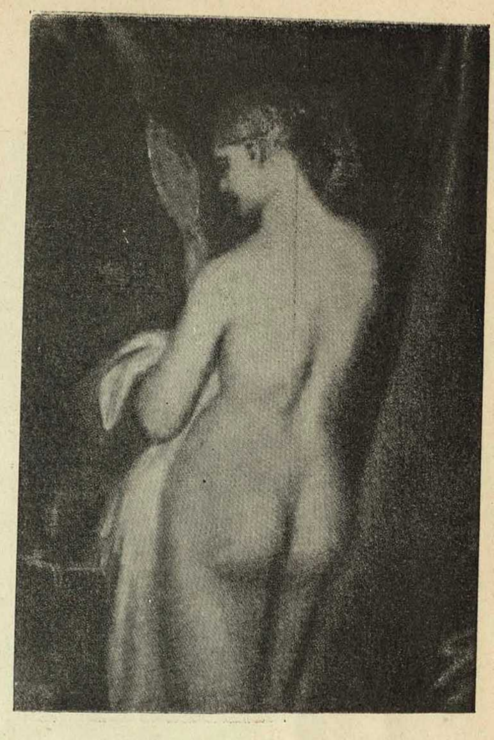
У фабричнаго пролетаріата флиртъ носитъ характеръ такой же безобидный, хотя и болѣе грубый. Оно и понятно. Рабочій стоитъ цѣлый день за станкомъ или за машиной, не сводя глазъ съ работы. Гдѣ ужъ думать о томъ, какъ бы по пикантнѣе разнобразить эротическія удовольствія, не говоря уже о томъ, что нѣтъ и времени для осуществленія подобныхъ проектовъ. А флиртъ требуетъ прежде всего именно свободнаго времени.

Кто хочетъ дойти до болѣе утонченныхъ формъ флирта, тотъ не долженъ быть вынужденъ насильно за волосы притягивать случай, а долженъ быть въ состояніи выбирать его самъ и на досугѣ оформливать.

Въ средѣ пролетаріата флиртъ для холостыхъ часто не болѣе какъ, такъ сказать, воскресное развлеченіе, слѣдовательно отдыхъ, и притомъ отдыхъ съ нравственной точки зрѣнія совершено законный. На этомъ необходимо особенно настоять. Уже



Виртцъ: Передъ зеркаломъ.



Виртцъ: Передъ зеркаломъ.



Шапленъ: Робкая.



Мюнхенскіе мѣщане 1850 г.

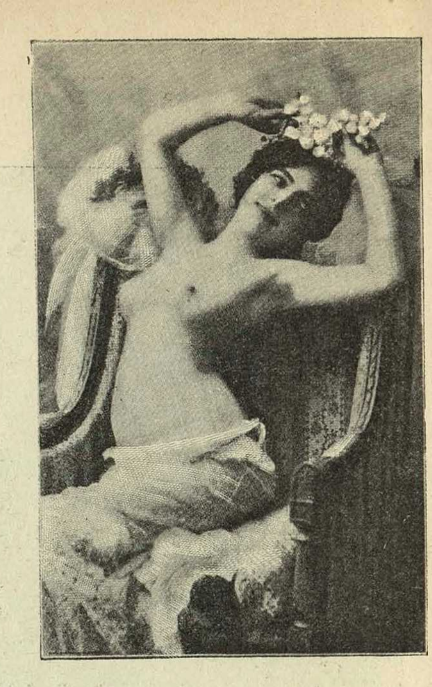


Нюрнбергскія мѣщанки 1850 г.



Дютайли: Античный идеалъ. Гл. II.

52

За туалетомъ (Фотографія). Гл. II.



Реньо: Три граціи. Гл. II.

разъ цитированный нами католическій писатель Зибертъ говорить совершенно правильно въ своей «Половой морали.»

«Дѣвушка всю недѣлю сидѣвшая, съ утра до вечера, склонившись надъ шитьемъ, вѣчно окруженная заботами и нуждой, естественно, мечтаетъ о воскресномъ днѣ, когда пойдетъ гулять съ студентомъ. Отъ великаго счастья она научилась отказаться, но ей хочется испить хоть немного таинственнаго блаженства. Для многихъ такихъ дѣвушекъ связь единственный случай въ жизни, когда ихъ цѣнятъ, какъ человѣка, а не какъ рабочую силу.»

Совершенно въ иномъ положеніи находятся имущіе классы. Здѣсь флиртъ встрѣчаетъ лишь ничтожныя преграды и за то тѣмъ болѣе стимуловъ къ своему развитію и процвѣтанію, особенно среди женщинъ этихъ классовъ. Эти послѣднія въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ серьезнымъ не заняты. И потому у нихъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ иной потребности, какъ сдѣлать себѣ жизнь возможно болѣе пріятной. А дѣлаютъ онѣ это при помощи флирта. Флиртъ становится такимъ образомъ ихъ важнѣйшей жизненной задачей, становится ихъ «занятіемъ»—съ утра до вечера...

Можно говорить далѣе о различныхъ формахъ флирта въ разныя эпохи буржуазнаго вѣка. Какъ видно, приведенные примѣры относятся всѣ безъ исключенія къ нашему времени или къ ближайшему прошлому, къ эпохамъ, несомнѣнно, знаменующимъ въ этомъ направленіи одну изъ кульминаціонныхъ точекъ, какъ въ смыслѣ распространенности флирта, такъ и въ отношеніи рафинированности его формъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ неизбѣжнымъ различіемъ между мелкобуржуазной и крупнобуржуазной эрой, а мы все болѣе вступаемъ именно на путь настощей буржуазной культуры. Подобно тому, какъ мелко буржуазная среда должна стремиться къ умѣренности въ этой области, такъ умѣренностью отличаются въ этомъ отношеніи и мелкобуржуазныя эпохи. Въ такія эпохи флиртъ холостыхъ людей носитъ довольно невинный характеръ. Нѣжные взоры, болѣе крѣпкое рукопожатіе, легкое прикосновеніе—были въ такія эпохи въ глазахъ большинства самыми крайними выраженіями флирта и считались многими необыкновенной смѣлостью.

Тоже приложимо и къ разговору, во время котораго ограничивались невинными любезностями и невинными комплиментами. Настоящія двусмысленности, не говоря уже о циническихъ выраженіхъ, считались какъ мужчинами, такъ и женщинами страшнымъ преступленіемъ.

Повторяемъ: въ мелкобуржуазныя эпохи люди флиртуютъ въ общемъ такъ, какъ нынѣ и всегда флиртовали и флиртуютъ въ мелкобуржуазной средѣ.

Когда же въ исторіи встрѣчаются эпохи, похожія на нашу въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, то размѣры и формы флирта всегда вполнѣ совпадаютъ съ таковыми нашего времени. Такой эпохой была напр., вторая имперія во Франціи. Если вы прочтете серьезные мемуары этой эпохи—ихъ, правда, не много,—т.-е. такіе, авторы которыхъ имѣли мужество открыто называть вещи своими именами, ясно и мужественно высказывать то, что было, то вы увидите, что различіе между этой и нашей эпохой ничтожно. И во всякомъ случаѣ различіе не въ томъ, что прошлое было въ этомъ отношеніи сдержаннѣе. Прочтите, напр., злые мемуары Вьель Кастеля и вы увидите, что въ высшемъ парижскомъ свѣтѣ тогда флиртовали словесно и дѣйственно не хуже, чѣмъ въ тѣхъ же кругахъ въ настоящее время. Мы узнаемъ, напр., что молодая дама считала за комплиментъ, если кавалеръ, съ которымъ она познакомилась какія-нибудь пять минутъ назадъ, шепталъ ей на ухо, что хотѣлъ бы побесѣдовать съ ней о такихъ предметахъ, о которыхъ говорятъ безъ постороннихъ свидѣтелей.

Мы слышимъ далѣе, что многія и многія женщины считали высшимъ шикомъ провоцировать самыми пикантными пріемами эротическое любопытсво флиртовавшихъ съ ними кавалеровъ. «Юбки нашихъ дамъ похожи на театральный занавѣсъ, который въ одинъ вечеръ поднимается и опускается нѣсколько разъ»—это циническое изреченіе относится къ эпохѣ второй имперіи. Мы узнаемъ далѣе, что подобныя бесѣды на интимныя темы въ обществѣ считались всѣми признакомъ хорошаго тона, а также, разумѣется, и соотвѣтстующее имъ поведеніе. Графъ Вьель Кастель, несомнѣнно, злой клеветникъ, но стоитъ только прочесть «Нана» Зола, быть можетъ, наиболѣе смѣлую, но именно въ виду своего смѣлаго описанія тогдашнихъ нравовъ наиболѣе мѣткую картину времени, и вы поймете, что Вьель Кастель не былъ вовсе уже такимъ клеветникомъ.

Само собой понятно, рѣчь идетъ здѣсь только о тогдашнихъ крупныхъ городахъ, какъ Парижъ, Лондонъ, Вѣна, пользовавшихся тогла весьма плохой репутаціей, вошедшей въ поговорку, репутаціею, заставлявшей обывателя—провинціала открыто разводитъ руками по поводу царящей въ этихъ вертепахъ гнусности, тогда какъ въ глубинѣ души онъ лелѣялъ, какъ величайшую мечту, же-

ланіе хотя бы одинъ разъ погрузиться съ головой въ волны этого гнуснаго вертепа.

Флиртъ былъ названъ не безъ основанія «общественно насаждаемымъ цвѣткомъ эротики». Это не значитъ, конечно, что его наиболѣе развитыя формы являются вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и наиболѣе благородными,—приведенные изъ романовъ Прево и Каленберга примѣры доказываютъ съ достаточной убѣдительностью, что это не такъ. Изъ этого опредѣленія однако вытекаетъ само собою, что флиртъ никогда не ограничивался и не ограничивается холостыми. Женатые и замужнія флиртуютъ такъ же усердно, какъ и холостые, и многіе даже усерднѣе послѣднихъ, притомъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и послѣдніе: флиртъ вознаграждаетъ ихъ за то, чего одна или обѣ стороны не находятъ въ условномъ бракѣ. Сюда присоединяется у многихъ еще то вынесенное изъ опыта убѣжденіе, что можно серьезно любить послѣ того, какъ заключенъ бракъ съ другимъ.

Подобная ситуація приводитъ неизбѣжно къ флирту. У сильныхъ и тонко организованныхъ натуръ такой флиртъ облекается порой въ самыя благородныя формы. Есть люди, которые умѣютъ превращать свое чувство и свою чувственность при такихъ условіяхъ въ настоящее художественое произведеніе.

Всѣ формы общественной жизни должны служить флирту, всѣ безъ исключенія, и нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы не флиртовали. Чувственность является имманентнымъ закономъ бытія и потому въ ея проявленіяхъ не можетъ быть перерывовъ. А въ тѣхъ классахъ, гдѣ къ тому же чувственныя наслажденія провозглашены высшимъ смысломъ жизни, все, естественно, становится поводомъ къ флирту.

Описывая въ одномъ мѣстѣ богатую свадьбу, Прево замѣчаетъ: «Нѣкоторые забывались до того, что вели себя въ церкви, какъ въ комнатѣ, примыкающей къ бальной залѣ, и забавлялись тѣмъ, что прижимались другъ къ другу, пользуясь, какъ предлогомъ, стоявшей кругомъ сутолокой».

Настоящимъ организованнымъ флиртомъ является въ современныхъ имущихъ классахъ спортъ. Разнообразные виды спорта нашли въ послѣднія десятилѣтія въ высшемъ обществѣ такое огромное распространеніе не потому, что выяснилось ихъ большое значеніе для укрѣпленія здоровья, а скорѣе потому, что оказалось: нѣтъ лучшаго средства для безпрепятственнаго флирта. Только наивные люди могутъ ошибаться на счетъ истинной сущности спор-

та. Спортъ ничто иное, какъ современное рѣшеніе вопроса, какъ удовлетворить празднымъ мужчинамъ и женщинамъ имущихъ классовъ свою потребность въ флиртѣ.

Господствующіе въ данную эпоху размѣры добрачнаго полового общенія могутъ быть до извѣтной степени выяснены среднимъ числомъ незаконныхъ рожденій. Это число, правда, не только абсолютно, но въ особенности относительно иное въ каждой странѣ и въ каждомъ классѣ, и однако можно констатировать ихъ безпрерывный ростъ. Пусть для болѣе раннихъ столѣтій нѣтъ статистики незаконныхъ рожденій—въ нашемъ распоряженіи есть достаточно сообщеній, позволяющихъ придти къ приблизительно точному выводу. А этотъ выводъ гласитъ: никогда раньше число незаконыхъ браковъ не достигало такой относительной высоты, какъ въ настоящее время.

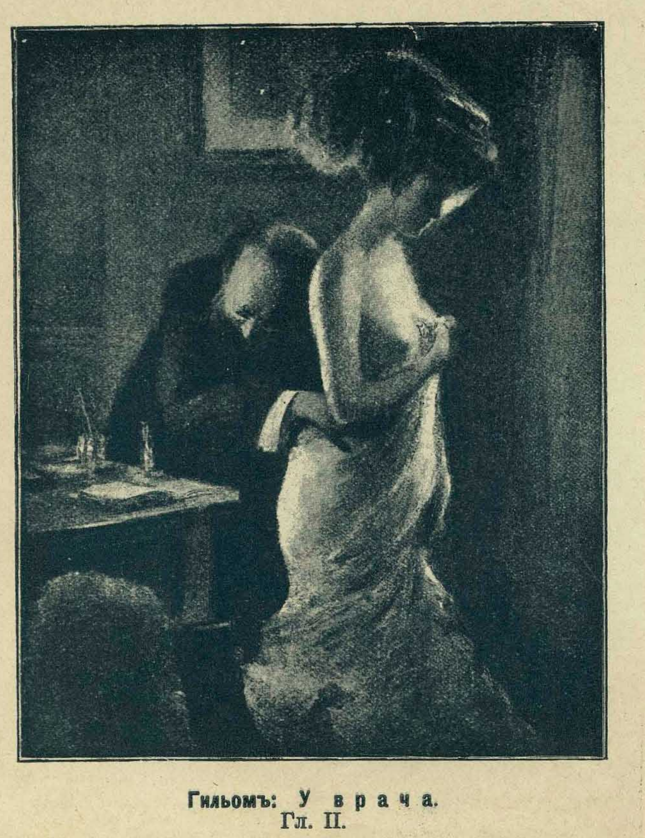
То, что раньше было исключеніем, десять разъ повторявшимся, стало теперь правиломъ, тысячи разъ подтверждаемымъ. Въ особенности это приложимо къ пролетарскимъ слоямъ населенія.

Необходимо считаться съ тѣмъ, что оба пола умѣютъ нынѣ лучше, чѣмъ прежде, предотвращать нежеланную беременность. Послѣднее неопровержимо доказывается прямо поразительнымъ сокращеніемъ числа многодѣтныхъ семействъ, составляющихъ особенно въ имущихъ классахъ все болѣе рѣдкое исключеніе.

Если размѣры добрачнаго полового общенія невозможно установить даже приблизительно, все же изъ общихъ условій возможно вывести господствующій законъ. А этотъ послѣдній гласитъ: число лицъ, вступающихъ въ бракъ невинными, становится съ каждымъ днемъ все меньше. Среди мужчинъ вообще найдутся лишь очень немногіе, не имѣвшіе до брака никакихъ половыхъ сношеній, за то есть тѣмъ больше лицъ, имѣвшихъ до брака сношенія со многими женщинами, нѣкоторые съ десятками, нѣкоторые съ сотнями, иногда мимолетныя, иногда болѣе продолжительныя. О свѣтскомъ обществѣ эпохи второй имперіи графъ Вьель Кастель замѣчаетъ: «Каждый представитель такъ называемаго хорошаго общества въ бытность свою холостякомъ можетъ гордиться пятью или шестью соблазненными невинностями, другими словами столькими же связями».

Въ своей «Крейцеровой сонатѣ» Толстой замѣчаетъ:

«Изъ тысячи женившихся мужчинъ не только въ нашемъ быту, но, къ несчастью, и въ народѣ едва ли есть одинъ, который бы



Гильомъ: У врача.
Гл. II.



Жераръ: Амуръ и Психея.
Гл. II.

Малле; Передъ каминомъ.
Гл. II.

Лоссо: Секретъ купидона.
Гл. II.

не былъ женатъ уже разъ десять, а то и сто и тысячу, какъ Донъ-Жуанъ прежде брака. (Есть теперь, правда, слышу я и наблюдаю, молодые люди чистые, чувствующіе и знающіе, что это не шутка, а великое дѣло. Помоги имъ Богъ!). И всѣ знаютъ это и притворяются, что не знаютъ. Во всѣхъ романахъ до подробностей описаны чувства героевъ, пруды, кусты, около которыхъ они ходятъ, но описывая ихъ великую любовь къ какой нибудь дѣвицѣ, ничего не пишется о томъ, что было съ нимъ—съ интереснымъ героемъ—прежде, ни слова о его посѣщеніи домовъ, о горничныхъ, кухаркахъ, чужихъ женахъ».

Женщина, конечно, находится въ иномъ положеніи въ виду болѣе серьезныхъ естественныхъ и искуственныхъ преградъ. Но и половина женщинъ вступаетъ въ настоящее время въ бракъ, потерявъ свою физическую дѣвственность. И притомъ большая часть этихъ женщинъ имѣли половыя сношенія до брака не только одинъ разъ, будучи противъ воли совращены, а сознательно и преднамѣренно и потому, если не регулярно, то во всякомъ случаѣ часто. Значительно по сравненію съ прежними эпохами также число тѣхъ женщинъ, добрачныя половыя сношенія которыхъ распростирались ни на одного человѣка, на будущаго мужа, а на многихъ мужчинъ.

Такое положеніе вещей является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ капиталистическаго развитія. Подобные случаи зависятъ поэтому въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ прежнія эпохи, отъ большей или меньшей высоты личной морали. Капитализмъ систематически разлагаетъ семейные узы и разрушаетъ ихъ охранительное вліяніе на отдѣльныхъ достигшихъ половой зрѣлости членовъ семьи. Достаточно уже одного этого обстоятельства, чтобы ежедневно сотни тысячъ юныхъ существъ обоего пола подпали власти инстинкта раньше и быстрѣе прежняго. Еще болѣе роковую роль играетъ въ этомъ отношеніи поздній возрастъ, въ которомъ теперь люди вступаютъ въ бракъ. Причины и этого явленія носятъ чисто экономическій характеръ и не имѣютъ никакого отношенія къ морали.

Если начать съ массы населенія, то необходимо сказать: капитализмъ стремится, какъ извѣстно, только къ одной цѣли, а именно получить какъ можно болѣе высокую прибыль и поэтому онъ низводитъ заработную плату до минимума средствъ существованія. Несомнѣнно, благодаря рабочимъ организаціямъ этотъ минимумъ за послѣдніе годы значительно поднялся, но еще больше или же почти настолько же повысилась дороговизна жизни, такъ что можно

говорить въ лучшемъ случаѣ только о незамѣтномъ экономическомъ улучшеніи быта массы.

При такихъ условіяхъ милліоны пролетаріевъ и пролетарокъ лишены впродолженіи многихъ лѣтъ возможности сколотить средства, необходимыя для обзаведенія семьей. Безчисленное множество гражданскихъ браковъ—таково неизбѣжное послѣдствіе такого положенія вещей, тѣмъ болѣе, что немного любви—вотъ единственное положительное счастье, предоставляемое наемнымъ рабочимъ капиталистическимъ рокомъ. Очень хорошо освѣтилъ эту сторону вопроса Вилли Гельпахъ въ своей книгѣ Liebe und Liebesleben. О готовности трудящихся дѣвушекъ вступить въ «связь» онъ замѣчаетъ:

«Днемъ эти дѣвушки работаютъ. Возвращаясь вечеромъ домой онѣ имѣютъ передъ собой перспективу очутиться въ нищенской обстановкѣ, присутствовать при тяжелыхъ семейныхъ сценахъ, лечь спать и на другое утро снова пойти на работу. И такъ каждый день! То не очень заманчивая программа, тѣмъ болѣе, что часто путь домой лежитъ мимо сіяющихъ огнями дворцовъ, кафе, театровъ и концертныхъ залъ. И все это приходится переживать въ пору половой зрѣлости, когда горячее желаніе зажигаетъ кровь. Удивительно ли, если въ душѣ такой дѣвушки пробуждается мысль: какъ было бы хорошо послѣ трудового дня хоть немного насладиться назойливо навязывающимся глазамъ великолѣпіемъ большого города, какъ было бы хорошо не вернуться прямо изъ тѣсноты магазина въ тѣсноту семьи, а извѣдать хоть немного удовольствія и радости! И притомъ въ плѣнительной формѣ маленькой любовной связи!

А соціальныя условія уже позаботились о возможности удовлетворенія этой мечты. Вѣдь тысячи молодыхъ приказчиковъ, сотни студентовъ, чиновниковъ, унтеръ-офицеровъ предпочитаютъ вечеръ провести вдвоемъ съ дѣвушкой, чѣмъ въ одиночествѣ. Проститутки не годятся для этого. Не всегда хочется «итти на все», завершить вечеръ ночью любви. Зато хочется поболтать съ дѣвушкой, пошутить съ ней, быть можетъ, обнять ее и поцѣловать. Такъ оно въ самомъ дѣлѣ и началось. «Онъ» заговорилъ съ продавщицей, проводилъ ее кусокъ дороги, условились встрѣтиться завтра вечеромъ. Въ этотъ вечеръ они пошли куда-нибудь повеселиться. Онъ видитъ, какъ дѣвушка влюбляется въ него. Онъ переходитъ на «ты», переходитъ къ поцѣлуямъ и вотъ счастливая дѣвушка сама горячо ожидаетъ послѣдняго приглашенія «пойти съ нимъ».

Связь съ продавщицей оказалась во всѣхъ отношеніяхъ пріятнѣе связи съ проституткой. Продавщица не такъ дорога, не такъ требовательна, сговорчива, влюблена и—здорова. Молодой человѣкъ самъ привязывается къ ней. Связь съ ней перестаетъ быть неизбѣжнымъ зломъ, становясь очаровательнымъ удовольствіемъ».

Одинъ католическій священникъ, нами уже цитированный, такъ же энергично оправдываетъ замѣчаемыя въ рабочей средѣ добрачныя любовныя связи. Онъ говоритъ:

«Фабричная работница, обязанная съ утра до вечера исполнять въ затхломъ помѣщеніи свою механическую, смертельно скучную работу, молодой человѣкъ, вынужденный сидѣть съ понедѣльника утра до поздняго субботняго вечера за конторкой, продавщица, обреченная день-деньской исполнять приказанія и пожеланія покупателей—всѣ они вполнѣ имѣютъ право на то небольшое счастье, иллюзію котораго имъ даритъ любовь въ продолженіи нѣсколькихъ радостныхъ часовъ. Нельзя же требовать отъ нихъ, чтобы они вѣчно работали до изнеможенія для другихъ, не имѣя ни отдыха, ни счастья. Какъ «отдыхъ» имъ рекомендуется посѣщеніе церкви. Плохой тотъ знатокъ человѣческаго сердца, кто думаетъ такимъ средствомъ уврачевать ненормальное положеніе вещей. А когда имѣется «связь», то съ ней врывается въ незавидную жизнь сразу и солнечное сіяніе... Паденіе, конечно, глупость, которой дѣвушка могла бы избѣжать. Но отдадимъ себѣ по крайней мѣрѣ отчетъ въ психологическихъ причинахъ этого паденія. Любовь къ избраннику, радость, что она чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь можетъ доказать свою любовь—вотъ какія чувства и мысли наполняютъ сердце многихъ такихъ дѣвушекъ, слишкомъ рѣдко считающихся съ возможностью «паденія»!»

Тоже самое надо сказать и о массѣ женской прислуги въ городѣ и въ деревнѣ, обычно находящейся къ тому же въ возрастѣ, когда человѣкъ имѣетъ больше всего права на правильное удовлетвореніе своей половой потребности... Завоевать себѣ эту чуточку любви путемъ брака было бы для очень многихъ изъ нихъ равносильно безпрерывной цѣпи заботъ и горя, именно потому, что скудное матеріальное положеніе едва достаточно для прокормленія семьи. Это прекрасно извѣстно современному капитализму и потому онъ, правда, не повышаетъ заработной платы настолько, чтобы обезпечить людямъ возможность содержать семью, за то позволяетъ себѣ, насколько это въ его власти, чудовищнымъ образомъ вторгаться въ личную жизнь своихъ работниковъ, запрещая

имъ безъ всякихъ разсужденій вступать въ бракъ или выставляя непремѣннымъ условіемъ особое на то разрѣшеніе.

Нынѣ—особенно въ Германіи—существуютъ сотни фабрикъ и предпріятій, уставъ которыхъ прямо содержитъ запрещеніе вступать въ бракъ, т. е. разрѣшаетъ работникамъ и служащимъ вступать въ бракъ только послѣ предварительной просьбы, оставляя за хозяиномъ право отказать въ ней. Приведемъ, какъ типическій примѣръ, циркуляръ, розданный въ 1895 г. однимъ страховымъ обществомъ своимъ служащимъ:

«Въ послѣднее время учащаются до нельзя случаи, когда молодые служащіе, получающіе лишь небольшое жалованіе, достаточное только для собственнаго прокормленія, вступаютъ въ бракъ. Рѣшеніе основать семью, имѣя небольшія средства, очень скоро приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ домѣ появляется нужда, неизбѣжны денежныя затрудненія, а домашнія заботы лишаютъ служащихъ возможности исполнять свои обязанности, какъ того требуютъ наши интересы, не говоря уже о томъ, что вслѣдствіе такого неблагоразумнаго образа дѣйствія къ намъ то и дѣло предъявляются требованія повышенія жалованія, кои удовлетворить мы, естественно, не въ состояніи. Симъ постановляемъ, поэтому, чтобы каждый молодой служащій, намѣревающійся вступить въ бракъ, заблаговременно докладывалъ намъ объ этомъ своемъ намѣреніи, дабы мы имѣли возможность взвѣсить, будемъ ли мы впредь нуждаться въ его услугахъ.» Франкфуртъ. 9 марта 1895 г. Дирекція.

Если въ этомъ документѣ что-нибудь дѣйствуетъ примиряюще, такъ это откровенность, съ которой провозглашается здѣсь неприкосновенность акціонерной прибыли. А послѣдняя достигла въ 1895 г. у этого стараго и богатаго общества не болѣе и не менѣе какъ 35%.

Всегда и теперь еще найдутся, конечно, люди наивные, которые вообразятъ, что подобные ригористическіе указы—при всей ихъ распространенности—объясняются лишь индивидуальной психологіей отдѣльныхъ не вполнѣ сознавшихъ свою отвѣтственность предпринимателей или директоровъ. Подобное утвержденіе было бы совершенно неправильнымъ: отеческая опека государства надъ своими низшими чиновниками проявляется обычно также властно и оперируетъ тѣми же грубыми средствами. Въ особенности это вѣрно по отношенію къ Германіи. Здѣсь низшіе чиновники, состоящіе на государственной службѣ, также должны предварительно

испрашивать на бракъ разрѣшеніе своего ближайшаго начальства. Если же они этого не дѣлаютъ или, если они женятся вопреки неразрѣшенію, то они рискуютъ цѣлымъ рядомъ матеріальныхъ преимуществъ и могутъ даже совсѣмъ лишиться своего мѣста. Доказательствомъ пусть послужитъ слѣдующій отрывокъ изъ постановленія одногс изъ главныхъ нѣмецкихъ почтовыхъ управленій, постановленія, относящагося къ самому недавнему времени:

«Симъ доводится до свѣдѣнія, что впредь каждый почтальонъ, намѣревающійся вступить въ бракъ, обязанъ объ этомъ доложить своему начальству. Послѣднее во всякомъ случаѣ обязано навести подробныя справки объ экономическихъ и личныхъ условіяхъ жизни почтоваго чиновника, а также его невѣсты... Означенному чиновнику необходимо внушить, что въ случаѣ вызваннаго его преждевременнымъ бракомъ затруднительнаго положенія ему нечего особенно разсчитывать на помощь кассы, что въ качествѣ нештатнаго низшаго служащаго онъ въ каждый моментъ можетъ быть перемѣщенъ, не имѣя при этомъ права претендовать на возмѣщеніе расходовъ на переѣздъ и, наконецъ, что въ случаѣ его смерти, его семья не можетъ разсчитывать на выдачу вдовьихъ и сиротскихъ денегъ... Въ концѣ совмѣстнаго съ нимъ обсужденія вопроса ему слѣдуетъ указать, что отъ почтовой дирекціи будетъ зависить, будетъ ли онъ оставленъ на службѣ или нѣтъ...»

Само собой понятно, что подобныя постановленія—аналогичныя можно было бы привести и изъ другихъ отраслей государственнаго хозяйства—диктуются тѣми же мотивами, какъ и такіе же циркуляры частныхъ предпріятій. Казнѣ извѣстно, что заработная плата служащихъ такъ невелика, что едва хватаетъ на пропитаніе одного человѣка, а такъ какъ самымъ выгоднымъ является урѣзываніе жалованія низшихъ чиновниковъ, то она и пользуется всѣми имѣющимися въ ея распоряженіи насильственными средствами, чтобы какъ можно дольше продлить положеніе, позволяющее держать заработную плату низшихъ служащихъ на возможно низкомъ уровнѣ, а такимъ положеніемъ является именно ихъ безбрачіе.

Еще хуже поставлены, впрочемъ, чиновницы. Ихъ должность прямо предполагаетъ, что онѣ есть и останутся незамужними. Телефонисткамъ, почтовымъ служащимъ, учительницамъ во многихъ странахъ запрещено выходить замужъ, т.-е. выходъ замужъ для нихъ равносиленъ лишенію мѣста, такъ какъ замужнія женщины

не имѣетъ права находиться на казенной службѣ. Здѣсь дѣйствуютъ тѣ же мотивы: работоспособность замужней нельзя даже «при всемъ желаніи» эксплуатировать въ такой же мѣрѣ, какъ рабочую силу незамужней, и потому въ данномъ случаѣ побѣда остается на сторонѣ не морали, а интересовъ прибыли.

Всѣ лица, принадлежащія къ указаннымъ категоріямъ, обречены, слѣдовательно, искать удовлетворенія своей половой потребности въ внѣбрачномъ половомъ общеніи, если только они не захотятъ насиловать природу, а это—къ счастью—удается на продолжительное время лишь очень немногимъ.

Если тѣмъ не менѣе въ среднемъ пролетарій вступаетъ въ бракъ раньше представителей другихъ классовъ, то это объясняется тѣмъ, что, какъ уже указано въ началѣ главы, одно общее хозяйство все же обходится дешевле, чѣмъ два самостоятельныхъ. Правда, въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о фабричныхъ рабочихъ и притомъ только о тѣхъ, жены которыхъ также заработываютъ насущный хлѣбъ. О половыхъ отношеніяхъ въ средѣ фабричнаго пролетаріата намъ, впрочемъ, еще придется говорить по поводу вопроса о «свободной любви».

Положеніе въ деревнѣ измѣнилось лишь тамъ, гдѣ возникла промышленность. Если же утверждаютъ, что это измѣненіе свелось къ ухудшенію специфическихъ деревенскихъ нравовъ, то это не болѣе, какъ тенденціозная клевета. Или иначе: неправильно, будто безспорно существующая деревенская безнравственность была въ ея рѣзкихъ формахъ лишь послѣдствіемъ перемѣщенія въ деревню фабричной индустріи. Подъ безнравственностью офиціальные стражи морали подразумѣваютъ прежде всего добрачное половое общеніе. Не боящіеся правды знатоки деревни держатся на этотъ счетъ иного мнѣнія.

Въ баварскихъ горахъ и понынѣ еще нѣтъ слѣдовъ фабричной индустріи. А вотъ послушайте, что спеціалистъ-знатокъ этой мѣстности, самъ выходецъ изъ нея, Георгъ Квери говоритъ о нравахъ своихъ земляковъ въ своей книгѣ: Bauernerotik und Bauernfehme in Obebrayern.

«Кто принесетъ съ собой въ баварскій оберландъ высокое представленіе о чистотѣ и простотѣ нравовъ, тотъ будетъ глубоко разочарованъ. Здѣсь царитъ безграничная свобода половыхъ отношеній и обычай добрачныхъ половыхъ сношеній (такъ называем. Kammerfenstern), получилъ здѣсь такую же, къ сожалѣнію, санкцію, какъ въ Швейцаріи (такъ назыв. Kiltgang). Если женихъ и невѣста

подходятъ къ алтарю съ семьей изъ четырехъ или пяти дѣтей, то это не рѣдкость и не позоръ.»

Надо, впрочемъ, указать на то, что подчасъ и болѣе значительное число незаконныхъ дѣтей иной верхнебаварской невѣсты,—а то же самое встрѣчается и въ другихъ деревенскихъ областяхъ—не столько служитъ доказательствомъ въ пользу деревенской безнравственности, а объясняется специфическими имущественными отношеніями, господствующими въ этой средѣ, являясь послѣдствіемъ баварскаго имущественнаго и наслѣдственнаго права, въ силу котораго уже вырѣшенный бракъ часто откладывается на много лѣтъ.

Такое же мнѣніе, какъ Квери, высказалъ недавно о пресловутой деревенской чистотѣ нравовъ одинъ католическій священникъ въ либеральной газетѣ Muenchener Neueste Nachrichten съ тою только разницею, что по его мнѣнію нравы баварской равнины тѣ же, что и въ горахъ. Онъ писалъ:

«Главнѣйшимъ изъ заблужденій всѣхъ союзовъ для поднятія нравственности является убѣжденіе, будто безнравственность исходитъ отъ городовъ и зачумляетъ также деревню. Эти господа воображаютъ, будто въ деревнѣ еще царитъ рай невинности. Я вовсе не хочу сказать, что наши крестьяне безнравственны, но на основаніи долголѣтняго опыта я могу утверждать, что не вижу въ сексуальномъ отношеніи различія между городомъ и деревней. Вездѣ люди! Если бы эти господа, громящіе безнравственность города, впродолженіи года были духовниками въ деревнѣ, они очень скоро бы обратились. Могутъ возразить, что я знаю только одну общину и не имѣю право обобщать свои наблюденія. На это я могу только возразить, что ознакомился съ сотнею общинъ и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, въ горахъ и въ долинѣ, съ богатыми и бѣдными. Всюду тѣ же нравы и та же безнравственность!»

О сельскихъ нравахъ Англіи мы говорили уже въ первой главѣ, гдѣ привели мнѣніе спеціалиста и потому нѣтъ надобности вновь возвращаться къ этому вопросу. Кто хочетъ познакомиться съ такъ называемой простотой нравовъ французской деревни, пусть прочтетъ грандіозный романъ Зола La Terre. Самая короткая, иллюстрирующая деревенскіе нравы цитата гласитъ: «Начался сборъ винограда. Всѣ ѣли виноградъ съ утра до вечера. И кончалось всегда тѣмъ, что мужики были пьяны, а дѣвки—беременны». Еще характернѣе слѣдующая сцена:

«Жезюсъ—опустившійся мужикъ—былъ только въ одномъ пунктѣ щепетиленъ—въ вопросѣ о морали. Онъ только что гото-

вился покинуть свое убѣжище, какъ празднично одѣтый мужикъ снизу крикнулъ ему: «Эй, Жезюсъ!»—Что такое!»—«Твоя дочь лежитъ во рву на полѣ, Гильома!»—«Во рву?»—«Да, а съ ней мужчина!». Съ бѣшенствомъ воздѣлъ Жезюсъ руки къ небу: «Спасибо! Я возьму кнутъ!» «Что за чортъ! Дѣвка позоритъ мое имя!» Онъ снова отперъ дверь и снялъ со стѣны огромный извозчичій кнутъ, которымъ наказывалъ обычно дочь. Потомъ отправился въ путь. Крадучись шелъ онъ около изгородей, чтобы накрыть парочку. Когда онъ хотѣтъ незамѣченнымъ выйти на шоссе, его увидѣлъ Эрнестъ, взявшій на себя обязанности стража, тогда какъ его другъ Дельфинъ оставался съ Грязнухой. Оба парня поочереди сходились съ ней и поочередно сторожили. «Осторожно! Жезюсъ идетъ!»—вскричалъ парень. Онъ видѣлъ кнутъ и какъ заяцъ помчался по полю. Грязнуха сбросила Дельфина и вскочила: «Отецъ!» У нея хватило еще присутствія духа, чтобы протянуть любовнику пятифранковую монету. «Спрячь деньги и бѣги!» Какъ буря приближался Жезюсъ. «Дѣвка! Научу я тебя приличіямъ». Онъ узналъ сына полевого сторожа, но тотъ быстро убѣжалъ. Не такъ посчастливилось дѣвушкѣ. Со свистомъ разсѣкая воздухъ, палъ первый ударъ на ея полныя ноги—и началась охота».

Что оказываемое стоящимъ въ деревняхъ на постоѣ солдатамъ гостепріимство во всѣхъ странахъ часто доходитъ до открытой съ ними связи дочерей и женъ, это знаютъ тысячи отбывавшихъ воинскую повинность солдатъ. А статистика подтверждаетъ это указаніемъ на многочисленные случаи незаконныхъ рожденій въ тѣхъ округахъ, гдѣ девятью мѣсяцами ранѣе происходили маневры или солдаты стояли на постоѣ. Когда въ 1907 г. въ Виртембергѣ предстояли маневры, то въ одной мѣстной католической газетѣ появилось письмо католическаго священника, предостерегавшаго деревенскихъ бабъ и дѣвокъ отъ заигрыванія съ солдатами. Люди, знающіе жизнь деревни, усумнятся, конечно, принесло ли это письмо какую-нибудь пользу. Несмотря на все моральное лицемѣріе въ угоду церкви крестьянинъ считаетъ половое наслажденіе дѣломъ естественнымъ. Его эротика не отличается сложностью и почти исчерпывается одними объятіями: за ухаживаніемъ почти непосредственно слѣдуетъ удовлетвореніе.

Здѣсь необходимо вспомнить и о такъ называемыхъ Kaisergeburtstags—Kinder. Въ день рожденія императора солдатъ получаетъ болѣе продолжительный отпускъ и въ этотъ день онъ можетъ вести себя особенно свободно, поэтому въ этотъ день—помо-

Моня: На берегахъ Сены. (1855).
Гл. II.

Бонли: Ревнивыя жены. (1795).
Гл. VI.

Шапленъ: Тайна букета.
Гл. II.



Пруве: Кающаяся Магдалина.
Гл. II.

гаетъ, конечно, и алкоголь!—онъ имѣетъ особенный успѣхъ въ любви. Доказательствомъ можетъ служить обычное переполненіе родильныхъ пріютовъ и клиникъ въ гарнизонныхъ городахъ девять мѣсяцевъ послѣ дня рожденія главнаго шефа арміи.

Здѣсь же необходимо напомнить и о продолжающемъ существовать во многихъ мѣстахъ обычаѣ совмѣстнаго спанья служанокъ и батрачекъ съ работниками. Противъ этого закрѣпощенія и нынѣ не существуетъ защиты ни для одной служанки или работницы и потому большинство примиряется съ нимъ, какъ съ неотвратимымъ рокомъ. Чувственныя дѣвушки—а ихъ подавляющее большинство—находятъ даже удовольствіе въ томъ, чтобы сегодня отдаваться одному, а завтра—другому.

Романъ Золя La Terre служитъ и въ этомъ отношеніи иллюстраціей.

«Когда жнецы и жницы подошли, онъ узналъ среди бабъ одну, которой онъ обладалъ два года тому назадъ, когда она еще была дѣвушкой. И вотъ однажды ночью мысль о ней такъ возбудила его, что онъ вскочилъ и тихо покрался въ овчарню, гдѣ она спала между мужемъ и братомъ, и потянулъ ее за ногу. Женщина отдалась ему безъ всякаго сопротивленія. Они не обмѣнялись ни единымъ словомъ. Въ безмолвной, какъ могила, удушливой темнотѣ низкой овчарни, отъ выскобленнаго пола которой исходилъ острый запахъ прошлогодняго навоза, пытался онъ утишить свою клокочущую кровь: впродолженіи двадцати дней, которые работники провели на фермѣ, онъ каждую ночь приходилъ сюда».

Безчисленное множество сельскихъ работницъ вообще обязаны служить своимъ тѣломъ всѣмъ безъ исключенія работникамъ, и потому иногда отдаваться въ одну ночь даже нѣсколькимъ, какъ уже указано въ первой главѣ.

Такова истинная сущность патріархальныхъ деревенскихъ нравовъ. И это не удивительно. Уровень образованія мужика самый низкій, слово «культурность» въ примѣненіи къ нему звучитъ издѣвательствомъ и потому онъ безпрепятственно отдается во власть инстинкта.

Деревенская нетронутость нравовъ существуетъ только въ идеализирующей болтовнѣ романистовъ въ родѣ Ауербаха, М. Шмидта и др. Въ средѣ буржуазіи и дворянства добрачныя половыя сношенія играютъ еще гораздо болѣе видную роль, чѣмъ въ среднихъ и крестьянскихъ слояхъ населенія. Здѣсь если они и не бываютъ чаще, зато длятся дольше. Разница и притомъ существенная состоитъ

въ данномъ случаѣ въ томъ, что въ этихъ классахъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о мужчинахъ, тогда какъ женская половина осуждена на безусловное воздержаніе. О мужчинахъ этихъ классовъ можно даже безъ преувеличенія сказать, что у нихъ важнѣйшій періодъ любовной жизни протекаетъ именно до брака. Горькая фраза, срывающаяся съ устъ не одной женщины высшихъ классовъ: «на нашу долю приходятся лишь скудные остатки любви нашихъ мужей» являются тысячекратно истиной.

Объясняется это явленіе тѣмъ уже указаннымъ обстоятельствомъ, что мужчина этихъ классовъ вступаетъ въ бракъ очень поздно. Жить, какъ того требуетъ общественное положеніе—таковъ безжалостный законъ, царящій въ этой средѣ. А это возможно только при значительномъ жалованіи. Чиновникъ и офицеръ должны сначала дослужиться до извѣстнаго чина; врачъ и адвокатъ должны предварительно заручиться практикой; писатель и ученый должны составить себѣ имя; купецъ долженъ имѣть солидное и пользующееся извѣстностью дѣло. Всего этого добиться можно не раньше тридцати или тридцати пяти лѣтъ. Молодые супруги, мужчины моложе тридцати лѣтъ являются поэтому исключеніемъ въ этой средѣ. Необходимо напомнить здѣсь и о препятствіяхъ, поставленныхъ во многихъ странахъ браку офицеровъ. Офицеръ безъ средствъ не имѣетъ право жениться на любой женщинѣ, онъ долженъ представить «залогъ», другими словами, онъ долженъ жениться на богатой, которая обезпечитъ ему жизнь въ духѣ занимаемаго имъ положенія. Ибо жить такъ, какъ того требуетъ «принадлежность къ сословію», является первымъ параграфомъ офицерскаго кодекса.

Чѣмъ дороже становится жизнь, чѣмъ больше растетъ жажда роскоши, чѣмъ труднѣе становится жить сообразно занимаемому общественному положенію, тѣмъ позднѣе, естественно, наступаетъ моментъ, когда можно «содержать жену». Такъ какъ жизнь давно уже развивается именно въ указанную сторону, то не приходится констатировать оздоровленія этого положенія вещей, напротивъ, мужчины буржуазныхъ классовъ вступаютъ въ бракъ все въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и притомъ во всѣхъ странахъ. Положеніе становится еще болѣе запутаннымъ въ виду того, что заработокъ мужчинъ въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ профессій вообще никогда не бываетъ достаточенъ для жизни сообразно общественному положенію, такъ что приходится неизбѣжно брать жену съ деньгами. За деньги, на которыя женщина покупаетъ себѣ мужа, она требуетъ имени и чина и

притомъ хочетъ имъ имѣть сейчасъ же, и не желаетъ ждать, пока мужъ добудетъ ихъ.

Такъ, остается мужчинамъ этихъ слоевъ одинъ только выходъ, а именно удовлетворять свои половыя потребности въ добрачномъ общеніи, преимущественно съ проститутками, что, впрочемъ, у пролетаріата является рѣдкостью. Рабочій не имѣетъ возможности покупать любовь, онъ долженъ ждать, когда получитъ ее въ подарокъ.

Для мужчинъ имущихъ классовъ добрачныя половыя сношенія являются однако лишь въ исключительныхъ случаяхъ неизбѣжнымъ зломъ, обычно же, напротивъ, очень пріятнымъ состояніемъ. Рѣчь идетъ вѣдь о наслажденіи, свободномъ отъ всякихъ обязательствъ. Ничто не мѣшаетъ вступать въ интимныя отношенія съ нѣсколькими женщинами подъ рядъ или даже одновременно и эти отношенія можно оборвать въ тотъ самый день или даже часъ, когда они надоѣли или когда другая женщина покажется заманчивѣе. Отказаться отъ такого удобнаго положенія раньше, чѣмъ того потребуетъ настоятельная необходимость, или раньше, чѣмъ испита до дна чаша наслажденія—противорѣчитъ логикѣ міровоззрѣнія, усматривающаго въ наслажденіяхъ неприкосновенную классовую привилегію, тѣмъ болѣе, что бракъ по разсчету, съ которымъ приходится заранѣе считаться, не представляетъ въ эротическомъ отношеніи ничего заманчиваго.

Если добрачное половое общеніе является въ силу всего сказаннаго неотвратимымъ рокомъ, то отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія продолжаетъ по прежнему быть несправедливымъ. Правда, въ средѣ пролетаріата оно считается вполнѣ естественнымъ и не роняетъ человѣка въ глазахъ его товарищей. Но это примѣнимо только къ этому классу. Конечно, это не значитъ, чтобы верхніе слои общества совсѣмъ не понимали принудительной логики даннаго положенія вещей. Какъ доказательство можно привести слѣдующій приговоръ, которымъ вѣнскій Bezirksgericht fuer Handelsachen въ 1910 г. отклонилъ заявленіе хозяина конторы о своемъ правѣ немедленнаго увольненія незамужней служащей, которая сдѣлалась беременной отъ жениха.

«Хотя общественное мнѣніе заклеймляетъ,—основательно ли или нѣтъ,—какъ безнравственность уже самый фактъ добрачнаго полового общенія, все же на основаніи одного только факта еще нельзя говорить о безнравственномъ образѣ жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что современныя жизненныя условія—въ особенности въ большомъ городѣ—все болѣе и болѣе затрудняютъ возможность

брака. Въ значительной части рабочаго класса добрачныя половыя сношенія очень распространены и не считаются предосудительными. Группа служащихъ, къ которой принадлежитъ истица, зарабатываетъ себѣ средства къ жизни при тѣхъ же тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ въ городѣ и потому добрачныя сношенія и въ этой средѣ не могутъ считаться при современныхъ условіяхъ порочащими».

Но это только исключеніе!

Въ особенности церковь—тамъ, гдѣ она еще представляетъ силу,—такъ же нетерпима, какъ прежде, если только не болѣе нетерпима. Пусть на голову павшей невѣсты уже нельзя надѣть, какъ прежде, вѣнокъ изъ соломы, вмѣсти вѣнка изъ флеръ-д'оранжа, зато попы пытаются лишить ее по крайней мѣрѣ права на этотъ послѣдній, являющійся символомъ дѣвственности. Отвратительнѣе всего обнаруживается въ данномъ случаѣ нетерпимость протестантскаго духовенства. Приведемъ одинъ лишь примѣръ изъ огромнаго матеріала, иллюстрирующаго эту нелѣпую форму нетерпимости и обогащаемаго каждый день все новыми яркими случаями. Въ своемъ «Церковномъ Вѣстникѣ» одинъ мекленбургскій пасторъ сообщаетъ слѣдующее о церковномъ 1907-омъ годѣ:

«Сочетались бракомъ 63 пары, среди нихъ шесть невѣстъ въ вѣнкѣ и семь безъ онаго. Среди первыхъ одна, оказалось, не имѣла права на вѣнокъ. Въ прошломъ году мы были опечалены четырьмя случаями незаконнаго присвоенія себѣ вѣнка... Очень грустно, что любовь къ правдѣ все болѣе исчезаетъ и мы должны напомнить, что тотъ, кто обманомъ добивается права носить въ день свадьбы вѣнокъ, обманываетъ Бога и что Богъ накажетъ тѣхъ, кто употребляетъ Его имя во зло».

Само собой понятно, что такихъ поповъ водятъ за носъ по дѣломъ. Впрочемъ, католическая церковь въ этомъ отношеніи менѣе нетерпима, въ особенности въ деревенскихъ округахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Верхней Баваріи, Штиріи, Тиролѣ, Каринтіи и т. д. само наслѣдственное право часто заставляетъ откладывать на многіе годы уже рѣшенный той или другой парой бракъ. Обычно католическіе священники считаются съ логикой подобнаго положенія вещей. Разумѣется, и среди нихъ находятся такіе, которые громятъ всеобщую безнравственность, въ особенности безнравственность прислуги. Одинъ католическій писатель (Леуте) замѣчаетъ:

«Если бы деревенская прислуга не имѣла постоянно дѣло съ



Леженъ: Ловля креветокъ. Гл. III.



Томмази: Ловля креветокъ. Гл. III.

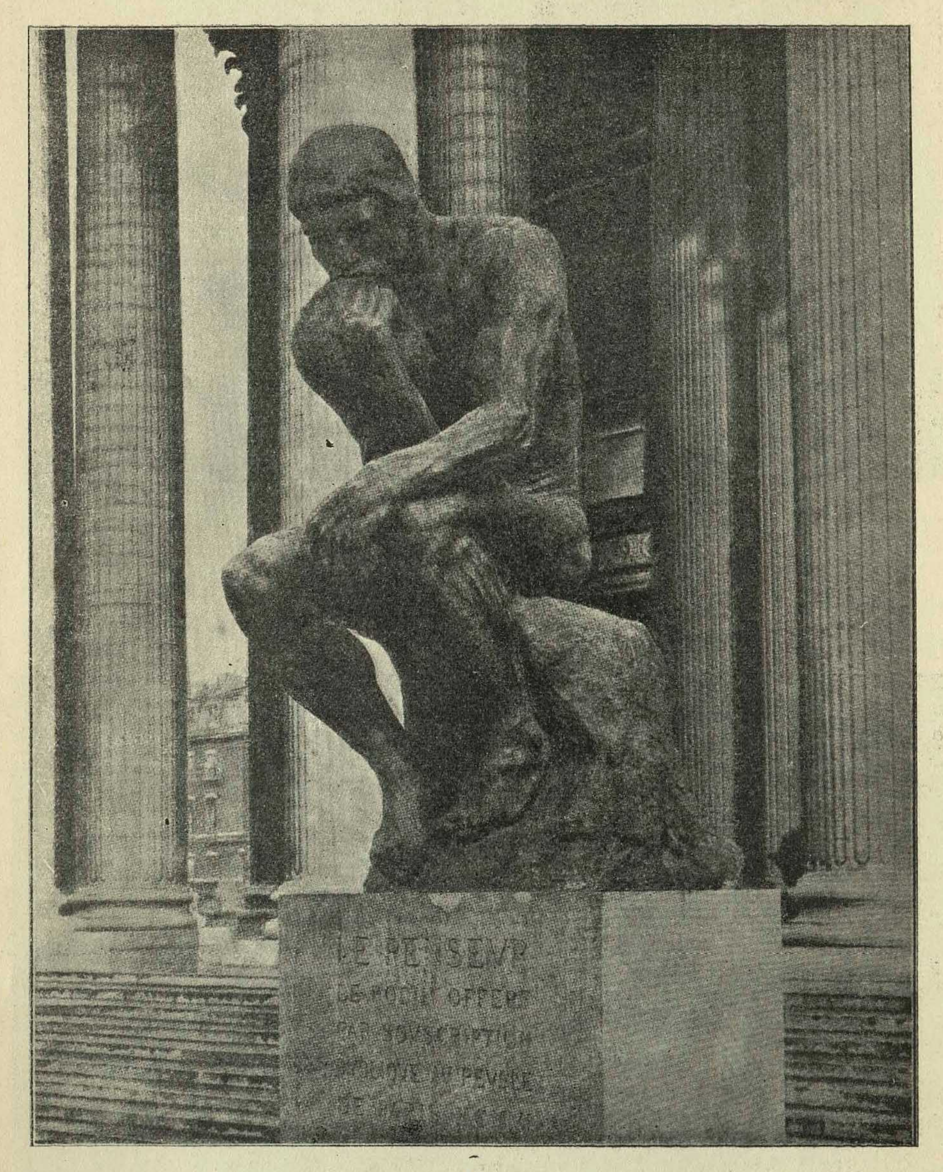


Грей: Рисунокъ. Гл. II.

Вернэ. Франты. 1795 г. Гл. III.

Порывъ вѣтра. Гл. III.

Крюкшенкъ: Храбрыя лэди. Гл. III.



Роденъ: Мыслитель.

моралистами, не дающими ей прохода, то не ощущался бы въ деревняхъ недостатокъ въ прислугѣ. Такъ какъ этимъ людямъ и безъ того живется не очень сладко, то они, естественно, не хотятъ позволить попу испортить имъ и тѣ нѣсколько пріятныхъ минутъ, на которыя они могутъ въ жизни разсчитывать. Молитвами и исповѣдью не рѣшишь вопроса о деревенской прислугѣ».

Пусть подобное объясненіе ухода изъ деревни сельской прислуги является весьма спорнымъ,—во всякомъ случаѣ здѣсь указана только одна изъ причинъ этого явленія—тѣмъ правильнѣе слѣдующія замѣчанія Леуте:

«Тѣмъ, кто проповѣдуетъ противъ жажды наслажденія бѣдняковъ, не трудно это дѣлать. День-деньской сидятъ они на мягкихъ креслахъ или у теплой печи, ѣдятъ и пьютъ такъ, что столъ сгибается подъ тяжестью яствъ и напитковъ, работаютъ или бездѣльничаютъ смотря по желанію. Право же, боги должны притти въ восторгъ при видѣ того, какъ на каѳедру взбирается упитанный патеръ, настолько толстый, что ему негдѣ повернуться. При такихъ условіяхъ всѣ эти проповѣди о жаждѣ удовольствій и наслажденій—чистѣйшая иронія надъ жизнью, какой она есть».

Такъ какъ иныя могучія причины обусловливаютъ собой добрачное половое общеніе, то весь поповскій гнѣвъ, разумѣется, пропадаетъ безъ всякой пользы.

Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о томъ, какъ реагируетъ на добрачныя половыя сношенія «общественное мнѣніе» въ средѣ мелкой буржуазіи и господствующихъ классовъ, такъ какъ все необходимое уже было сказано въ первой главѣ при анализѣ нравственнаго лицемѣрія.

Особаго освѣщенія заслуживаетъ та форма добрачнаго полового общенія, которая носитъ принципіальный характеръ и практикуется не тайно, а совершенно открыто подъ девизомъ «свободная любовь».

Добрачныя половыя сношенія являются въ большинствѣ случаевъ, какъ уже выяснено выше, непроизвольнымъ, продиктованнымъ необходимостью удовлетвореніемъ половой потребности, не могущей разсчитывать на удовлетвореніе въ бракѣ. Но они могутъ выражать собой также и стремленіе къ освобожденію отъ гнета брака. Въ такомъ случаѣ въ нихъ можетъ обнаруживаться и болѣе высокое самосознаніе личности, желаніе основать свободный отъ всякихъ условностей и всякихъ денежныхъ соображеній союзъ двухъ

душъ, двухъ сердецъ, союзъ, при которомъ обѣ стороны отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что ихъ связываетъ только искренняя любовь, что мужчина и женщина не прикованы другъ къ другу, когда любовь исчезнетъ или окажется ошибкой. Только такой союзъ и имѣетъ право называться «свободной любовью».

О такихъ связяхъ можно сказать, что онѣ представляютъ собой, быть можетъ, наиболѣе нравственный союзъ среди сексуальнаго хаоса, порожденнаго капитализмомъ и вполнѣ ему соотвѣтствующаго. Такъ какъ хаосъ въ области половыхъ отношеній является адэкватнымъ выраженіемъ капиталистическаго общества, то немудренно, если нравственное лицемѣріе всегда клеймитъ именно свободную любовь, какъ безпорядочное смѣшеніе, какъ проявленіе необузданныхъ инстинктовъ, какъ стремленіе къ половому общенію, свободному отъ всякихъ обязательствъ, которое только прячется подъ идеализирующей маской, словомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если «свободная любовь» осуждалась самымъ безцеремоннымъ образомъ, такъ какъ ничто такъ не ненавистно лицемѣрію, какъ добродѣтель.

Какъ болѣе частое явленіе, «свободная любовь» встрѣчается только въ буржуазный вѣкъ, такъ какъ предполагаетъ индивидуальную независимость, характерную для культуры большого города, т. е. возможность для отдѣльной личности осободиться какъ разъ въ своей половой жизни изъ-подъ безжалостной диктатуры своего класса, не подвергаясь со стороны этого класса неизбѣжному бойкоту, отъ котораго она легко можетъ погибнуть. Такая эмансипація невозможна въ рамкахъ маленькаго города. Только развѣ отдѣльные герои способны на такой подвигъ, но имъ приходится несказанно страдать отъ безжалостной диктатуры моральнаго лицемѣрія: доказательствомъ можетъ служить свободный бракъ Гёте съ Христиной Вульпіусъ. Какъ разъ этотъ бракъ показываетъ, какое рѣзкое противодѣйствіе вызываютъ подобныя связи въ рамкахъ маленькаго города.

Всѣ смотрѣли на Христину Вульпіусъ съ верху внизъ ,ее считали просто наложницей поэта и мирились съ ней лишь, какъ съ капризомъ Гёте. Даже Шиллеръ не сумѣлъ возвыситься до болѣе независимаго отношенія къ этой великолѣпной женщинѣ. Перелистайте переписку обоихъ великихъ людей и вы увидите, какъ старательно избѣгаетъ Шиллеръ упоминать о Христинѣ Вульпіусъ. Почти никогда онъ не кланяется ей въ своихъ письмахъ, хотя Гёте съ своей

стороны проситъ въ каждомъ письмѣ Шиллера передать привѣтъ его—ничѣмъ не выдающейся—женѣ.

Но и въ болѣе крупныхъ городахъ подобные свободные браки долго оставались единичными исключеніями несмотря на восторженное ихъ прославленіе такими людьми, какъ Гёте, Шелли, Шлегель, Рахель фонъ-Варнгагенъ, Доротея Шлегель и т. д. И это понятно. Всегда наиболѣе везвышенныя идеи разбиваются о грубую логику фактовъ. Этими фактами является въ данномъ случаѣ выстраивающійся на частной собственности буржуазный общественный порядокъ и въ особенности безправное положеніе дѣтей, происшедшихъ отъ такого такъ называемаго свободнаго брака. Никакой свободный союзъ не можетъ обойти или замѣнить собой юридическихъ послѣдствій буржуазнаго брака. А такъ какъ верховная нравственная обязанность родителей состоитъ въ томъ, чтобы облегчить дѣтямъ ихъ жизненный путь, и прежде всего въ томъ, чтобы оградить ихъ отъ опасностей, коренящихся исключительно въ взаимныхъ отношеніяхъ самихъ родителей, опасностей, которыхъ родители могли бы избѣжать, то законный бракъ является неизбѣжной уступкой существующему порядку вещей.

Только болѣе высокая форма общественнаго развитія сдѣлаетъ поэтому свободную любовь, какъ болѣе нравственную форму общенія двухъ людей, достигшихъ половой зрѣлости, возможностью для всѣхъ.

Совершенно неправильно видѣть, какъ это часто дѣлается, осуществленіе идеала свободной любви въ любовныхъ связяхъ такъ называемой богемы. Это возраженіе имѣетъ въ виду какъ опоэтизированную Анри Мюрже въ своихъ Scénes de la vie Bohême любовь богемы, такъ и любовныя связи, прославленныя въ восьмидесятыхъ годахъ преемниками этого поколѣнія, какъ якобы протестъ противъ принудительнаго буржуазнаго брака. Конечно, въ эпоху Мюрже, какъ и въ восьмидесятыхъ годахъ, были свободные браки, носившіе идеальный характеръ и заслуживающіе только похвалы. Есть такіе браки и въ наше время. И все-таки это только рѣдкія исключенія. Въ большинствѣ случаевъ любовныя связи богемы не болѣе, какъ временные, представляющіе для извѣстныхъ слоевъ интеллигенціи и художниковъ самую удобную и привлекательную форму добрачнаго удовлетворенія половой потребности. И это вполнѣ соотвѣтствуетъ общественному положенію этихъ слоевъ. Обычно для нихъ жизнь богемы только переходная стадія, которой можно,

правда, нѣсколько лѣтъ восхищаться, но съ которой каждый надѣется рано или поздно покончить. Любовныя связи богемы приспособлены именно къ этимъ особымъ условіямъ жизни.

Если подобныя любовныя связи всегда прославляются людьми, пока они сами ихъ поддерживаютъ, то это вполнѣ естественно. Характеру молодежи какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ стремленіе какъ превращать необходимость въ добродѣтель, такъ и пропагандировать такія соціальныя формы, которыя кажутся протестомъ противъ старины. Ибо молодежь хочетъ быть прежде всего піонеромъ новыхъ отношеній.

Восхваляя то или другое положеніе вещей, люди кромѣ того повышаютъ связанное съ нимъ чувство счастья. Повѣсть Отто Юліуса Бирбаума Waschermadlhistorie, исторія связи мюнхенскаго студента-юриста съ миловидной прачкой, можетъ служить характерной иллюстраціей современныхъ любовныхъ связей богемы. Добродушный юмористъ Бирбаумъ приводитъ, конечно, связь своихъ героевъ къ благополучному концу.

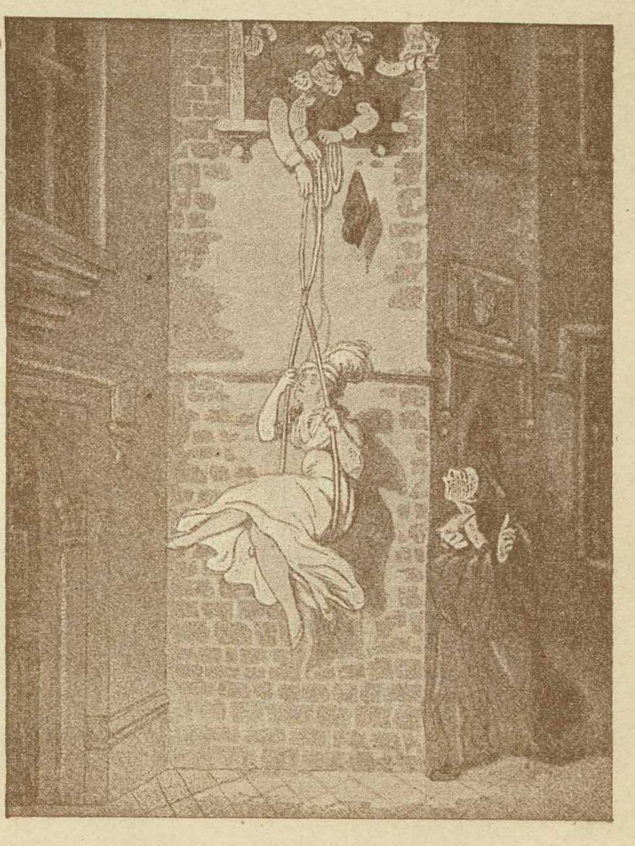
Въ жизни же подобные свободные браки кончаются обычно не примирительнымъ аккордомъ, а гораздо чаще трагедіей. Если заинтересованные продолжаютъ свою связь, то часто она, когда-то столь веселая и беззаботная, становится для обѣихъ сторонъ тяжелой пожизненной мукой: ибо онъ сошелся съ ней только потому, что у нея было молодое тѣло, а она только потому, что онъ былъ такъ агрессивенъ, но молодое тѣло покрылось въ одинъ прекрасный день морщинами старости, а бурный юноша «остепенился». Вмѣстѣ съ этимъ исчезло и то, что когда-то сглаживало классовое между ними разстояніе. Что же касается стремленія развивать такую жену, то это дѣло въ большинствѣ случаевъ не легкое. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ девяти изъ десяти случаевъ рѣчь идетъ въ такихъ любовныхъ связяхъ богемы о связи дѣвушки изъ низшаго класса съ мужчиной изъ буржуазіи или по меньшей мѣрѣ изъ среднихъ слоевъ, а не о свободныхъ союзахъ между сыновьями и дочерьми буржуазіи или вообще одного и того же класса.

Когда же онъ и она въ концѣ концовъ расходятся, то послѣдствіемъ такого расхожденія бываетъ для женщины обычно трагедія. Сколько женскихъ самоубійствъ, сколько дѣтоубійствъ, сколько новыхъ проститутокъ являются оборотной стороной этого «идеала». А такое расхожденіе рано или поздно неизбѣжно. Такъ какъ міръ богемы для интеллигента обычно только переходный моментъ, о

57



Англійскій придворный костюмъ 1795.
Гл. III.



Роуландсонъ. Тайный гость въ коллежѣ.

Норскотъ: **Добродѣтельная и порочная дочь** (1791).
Гл. II.



Ланаре: Гадалка.
Гл. II.

которомъ заранѣе знаютъ, что онъ кончится, то мужчина—или большая ихъ часть—становится въ одинъ прекрасный день «благоразуменъ». Это обычно тотъ день, когда онъ выходитъ въ люди. Забываетъ тогда онъ вдругъ и свое прошлое, и своихъ прежнихъ товарищей и свою недавнюю любовницу. Въ этомъ и заключается то, что онъ сталъ «благоразуменъ». Между тѣмъ, какъ мужчина примиряется съ своей весьма сносной судьбой въ объятіяхъ законной жены, дочери изъ хорошей и обыкновенно также и богатой семьи, женщина, цвѣтущей юностью которой онъ насладился, можетъ говорить о счастьѣ, если скудный остатокъ ея любви привлечетъ какого-нибудь ремесленника или рабочаго.

Такъ кончается выше упомянутая повѣсть Бирбаума. И однако такой исходъ, повторяемъ, является еще поистинѣ счастливымъ случаемъ. Гораздо чаще веселая шалунья-гризетка изъ беззаботной студенческой мансарды или изъ жизнерадостной кельи художника кончаетъ очень плачевно, и притомъ одинаково плачевно, будетъ ли она старѣющей дѣвой за нѣсколько копѣекъ шить до изнеможенія или же жить въ поддѣльномъ блескѣ меблированныхъ комнатъ для гуляющихъ дѣвицъ.

Вернемся еще разъ къ свободнымъ связямъ въ средѣ фабричнаго пролетаріата. Въ началѣ этой главы было указано, что если въ буржуазный вѣкъ восторжествовалъ бракъ по разсчету, то исключеніе составляетъ только бракъ въ рабочемъ классѣ. Тамъ же было нами подчеркнуто однако, что многія тысячи рабочихъ вступаютъ въ бракъ только потому, что хозяйство вдвоемъ дешевле двухъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Стало быть и здѣсь передъ нами какъ будто тотъ же бракъ по разсчету. И однако такой выводъ правиленъ только отчасти и только съ виду. На самомъ же дѣлѣ здѣсь гораздо чаще идетъ рѣчь о вынужденной уступкѣ буржуазному обществу въ интересахъ ожидаемыхъ дѣтей, объ уступкѣ, которая въ рабочей средѣ дѣлается тѣмъ охотнѣе, что гражданская форма бракосочетанія отличается такой простотой. Другими словами: такіе браки являются все же до извѣстной степени свободной любовью, соединенной съ чувствомъ отвѣственности передъ потомствомъ. Извѣстный берлинскій знатокъ полового вопроса А. Блашко замѣчаетъ въ своей цѣнной книгѣ «Проституція въ XIX в.» совершенно правильно:

«Свободная любовь никогда не считалась позоромъ среди пролетаріата. Тамъ, гдѣ нѣтъ собственности, для которой нуженъ законный наслѣдникъ, тамъ, гдѣ людей влечетъ другъ къ другу го-

лось сердца, никогда особенно не дорожили благословеніемъ церкви. И если бы не была такъ проста гражданская форма бракосочетанія, если бы незаконнымъ матерямъ и дѣтямъ не чинились такія затрудненія, кто знаетъ, современный пролетаріатъ быть можетъ давно уже упразднилъ бы бракъ!»

Было бы однако неправильно воспѣть хвалу вообще браку въ рабочей средѣ, видѣть въ немъ достиженіе желаннаго идеала. Ибо и эта свободная любовь часто для обѣихъ сторонъ ничто иное, какъ послѣдствіе принудительныхъ условій сексуальной жизни. Рабочій и работница, занятые съ утра до вечера на фабрикѣ, имѣютъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ возможность свободнаго выбора... А такой свободный выборъ является необходимой предпосылкой для созданія идеальнаго союза любви, такъ какъ только такимъ образомъ возможна продолжительная связь на основѣ взаимной духовной и душевной близости. Обычно рабочій и работница совершаютъ выборъ подъ вліяніемъ мгновеннаго эротическаго возбужденія, именно оно является, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ «голосомъ сердца», половые нервы дѣйствуютъ на сердце, а не наоборотъ: не сердце на половые нервы, и рѣшающее значеніе имѣетъ все же случай.

Если денежный бракъ имущихъ является гротескной логикой капитализма, то типическій рабочій бракъ является его трагической логикой, потому именно, что въ основѣ послѣдняго лежатъ чаще чувства благородныя.

Господствующая въ данную эпоху степень объективнаго пониманія сущности половой жизни, ея индивидуальнаго и соціальнаго значенія, ея счастья и ея опасностей можетъ всегда служить прекраснымъ средствомъ выясненія общаго уровня публичной нравственности. Ибо степень большого или меньшаго пониманія этихъ вопросовъ обнаруживаетъ степень всеобщаго чувства отвѣтственности. Если послѣдняя значительна, то и публичная нравственность стоитъ высоко, въ противномъ же случаѣ она падаетъ.

Одной только просвѣщенности, одного только «знанія» этихъ вопросовъ, конечно, недостаточно, такъ какъ подобное «знаніе» еще не есть объективное пониманіе. Въ эпоху стараго порядка, какъ было выяснено во второмъ томѣ нашей исторіи нравовъ, люди были въ половыхъ вопросахъ довольно «просвѣщенны», но эта просвѣщенность не была тогда связана съ болѣе или менѣе развитымъ чувствомъ отвѣственности. Напротивъ, очень низкая степень чув-

ства соціальной и индивидуальной отвѣтственности было тогда обычнымъ явленіемъ. Просвѣщенность состояла тогда просто въ освѣдомленности въ области техники наслажденія, въ знаніи, какъ его разнообразить.

Въ наше время все это измѣнилось къ лучшему. Упомянутыя знанія и теперь, конечно, довольно распространены, за то нынѣ въ большей, чѣмъ прежде, степени распространено въ значительныхъ слояхъ населенія также пониманіе индивидуальнаго и соціальнаго значенія половой жизни.

Здѣсь сказались послѣдствія продолжающихся уже много лѣтъ попытокъ встряхнуть общественную совѣсть, попытокъ, которыя, естественно, должны были привести къ возникновенію интесивно практикуемой сексуальной педагогики. И въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ настоящеее время не занимаются съ такимъ фанатизмомъ просвѣщеніемъ и воспитаніемъ, какъ въ области половыхъ отношеній. Это, конечно, нисколько не мѣшаетъ тому, что и здѣсь нѣтъ еще вполнѣ яснаго пониманія положенія вещей, что и здѣсь все еще царитъ хаосъ.

Какъ уже выяснено въ другомъ мѣстѣ, нравственное лицемѣріе является ничѣмъ инымъ, какъ распространеніемъ на всѣ классы мелкобуржуазной морали. Пока процвѣтала эта послѣдняя,—а процвѣтала она, къ сожалѣнію, почти впродолженіи всего XIX вѣка,— ни взрослые не имѣли объективнаго, яснаго представленія объ этихъ вопросахъ, ни подрастающее поколѣніе не имѣло въ этой области никакихъ истинныхъ знаній. Молодое поколѣніе даже обязано было ничего не знать объ этихъ вопросахъ. По понятіямъ мѣщанства абсолютное незнаніе въ этомъ отношеніи является признакомъ высшей нравственности. И въ самомъ дѣлѣ молодежь, по крайней мѣрѣ женская ея половина, отличалась полнымъ незнаніемъ этихъ вопросовъ. Мелкобуржуазная мораль имѣла, конечно, какъ и всякая мораль, очень реальный базисъ и отнюдь не была порожденіемъ одной только идеи.

Истинной ея пружиной было убѣжденіе, что незнаніе является лучшей защитой отъ опасностей, грозящихъ цѣломудрію и въ особенности физической нетронутости дѣвушекъ — этому неизмѣнному фетишу.

Здѣсь не мѣшаетъ напомнить, что такъ называемыя правила приличія, которымъ подчинена женщина, которымъ она въ «обществѣ» обязана такъ строго подчиняться, имѣютъ тотъ же фундаментъ и преслѣдуютъ тѣже цѣли. Они тоже не болѣе, какъ идеали-

зированныя запретительныя мѣры, а на практикѣ не болѣе, какъ предохраняющія отъ искушенія средства. Въ своемъ изслѣдованіи Der Zweck im Recht Іерингъ замѣчаетъ очень мѣтко:

«Тонъ высшихъ слоевъ общества запрещаетъ дѣвушкѣ и женщинѣ выходить по вечерамъ на улицу одной, навѣщать мужчинъ въ ихъ квартирахъ или комнатѣ и т. п. Почему? Эстетическій мотивъ красоты тутъ не причемъ, такъ какъ нѣтъ никакого нарушенія красоты въ томъ, что дѣвушка отправляется, напр., въ красивую лунную ночь въ пустынный лѣсной уголокъ, чтобы насладиться пѣніемъ соловья или луннымъ сіяніемъ. Въ даномъ случаѣ не трудно уяснить себѣ истинную причину этихъ запрещеній. Ограниченія, возлагаемыя на женщину обычаемъ, должны охранять ее отъ искушеній, которымъ она можетъ подвергнуться, они придуманы, какъ средство охраны женской добродѣтели... Замки и задвижки не вполнѣ обезпечиваютъ отъ воровъ и все-таки на нихъ тратятся деньги. Стоятъ ли упомянутыя ограниченія дѣлаемыхъ на нихъ затратъ? Что они ихъ стоятъ, доказываютъ дѣвушки низшихъ классовъ, служебное положеніе которыхъ часто подвергаетъ ихъ соблазнамъ и приводитъ къ ихъ паденію. Часто ихъ паденіе объясняется именно неблагопріятными внѣшними условіями.»

Необходимо, однако уже здѣсь подчеркнуть, что вѣра въ охранительное дѣйствіе незнанія покоится на неправильномъ умозаключеніи.

Незнаніе не мѣшаетъ тому, что созрѣвающее воображеніе придумываетъ невольно самыя разнообразныя комбинаціи, такъ какъ каждый человѣкъ хочетъ уяснить себѣ эти вопросы, наиболѣе важные для него въ извѣстномъ возрастѣ. Многіе въ годы половой зрѣлости ни о чемъ другомъ вообще не думаютъ. Если поэтому во время не направить умъ, то въ большинствѣ случаевъ воображеніе становится извращеннымъ. И этого потомъ ничѣмъ не исправишь; святое невольно стало дьявольскимъ, самое чистое—грязнымъ. И это одинаково касается какъ дѣвушекъ, такъ и юношей.

Въ статьѣ «Воспитаніе дѣвушекъ» (въ сборникѣ «Полъ и общество» т. II) писательница Гедда Дронекъ говоритъ на основаніи собственнаго опыта.

«Жеманство, лицемѣрная стыдливость лицомъ къ лицу съ половыми вопросами — вотъ настоящій возбудитель чувственности... Этого нельзя дѣлать и того нельзя дѣлать и, конечно, не при мужчинахъ и не по близости съ ними! Всѣ половые вопросы обсуждаются такъ осторожно, что мы, дѣвушки, приходимъ въ не-

доумѣніе... Нерѣшительность, двусмысленность сужденій ставятъ насъ въ тупикъ. Мы начинаемъ искать рѣшеніе сами и, конечно, находимъ. Намъ, естественно, самимъ становится понятнымъ, какъ не легко обращаться съ такими вопросами и вотъ мы идемъ по стопамъ нашихъ воспитателей, родителей, учителей, старшихъ подругъ и т. д.: мы сами становимся чопорными, жеманными. Но мы кое-что узнали, нѣчто такое, что доставило намъ совершенно неожиданно удовлетвореніе. Внезапно пробудился чувственный голодъ, онъ доходитъ до остраго желанія, весь реестръ чувственности пережить, и не понимая нравственнаго величія и святости полового инстинкта, мы злоупотребляемъ имъ... Инстинктъ вырождается. Да и могъ ли онъ не выродиться? Большинство моихъ товарокъ по послѣднему классу, въ возрастѣ между 17 и 18½ лѣтъ, мысленно уже такъ сказать проституировали мужчину. Я говорю «такъ сказать». Живо помню я во всякомъ случаѣ, что мы тогда часто представляли себѣ мужчину не только обнаженнымъ, но и при исполненіи полового акта... А потомъ въ одинъ прекрасный день, когда мы стали спокойнѣе—вѣдь любая страсть въ концѣ-концовъ проходитъ или начинаетъ горѣть тише,—мы узнаемъ, что должны выйти замужъ. И какъ разъ передъ тѣмъ мужчиной, имя котораго станетъ нашимъ, мы особенно рьяно разыгрываемъ комедію. Малѣйшая «двусмысленность», малѣйшій «намекъ» на проблему любви возмущаетъ насъ или мы дѣлаемъ видъ, будто возмущаемся, причемъ мы часто, какъ я теперь достовѣрно знаю, ошибались, сами вкладывая «двусмысленность» и «намекъ» въ самыя невинныя слова. Мы, нравственно испорченныя «матери будущаго», жнемъ именно то, что посѣяли».

Во что иногда обращается основанная на незнаніи мораль, когда дѣвушка выйдетъ замужъ, объясняетъ намъ исповѣдь героини въ повѣсти Марселя Прево: «Бракъ Жюліенны». Она говоритъ:

«Мужчины лучше насъ. По крайней мѣрѣ они видятъ въ бракѣ нѣчто болѣе благородное и серьезное. Еще нѣчто другое узнала я съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, и это касается лично меня. Въ какія-нибудь три недѣли я стала невѣроятно нецѣломудренна. Все зданіе стыдливости, сооруженное во мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ рѣчами матери, увѣщаніями духовниковъ, и такъ называемыми правилами приличія, разлетѣлось въ какой-нибудь мѣсяцъ. Есть на свѣтѣ мужчина, передъ которымъ я не испытываю никакого стыда. Никакое его прикосновеніе, никакой взглядъ его не возбуждаютъ во

мнѣ непріятнаго чувства. Напротивъ, когда я бываю съ нимъ, я люблю циничныя слова и жесты.

Правда, я знаю, что этотъ мужчина мой мужъ, что, слѣдовательно, религія и законъ соединяются вмѣстѣ, чтобы ободрить эти мои безпорядочные инстинкты. И все-таки я не могу отдѣлаться отъ мысли, что моя стыдливость, вѣроятно, была очень хрупка, если она могла такъ скоро сломаться на части: и меня охватываетъ страхъ при мысли о томъ, какимъ бы я могла подвергнуться опасностямъ, если бы кто сдѣлалъ серьезное нападеніе на меня, когда я была еще дѣвушкой... Эта увѣренность въ моемъ глубоко засѣвшемъ нецѣломудріи заставляетъ меня относиться очень скептически къ приписываемой намъ, женщинамъ, добродѣтели цѣломудрія. Офиціальная добродѣтель женщины состоитъ въ томъ, чтобы не отдаваться мужчинамъ. Ея офиціальная стыдливость состоитъ въ томъ, чтобы густо покраснѣть, если мужчина увидитъ ея колѣни или грудь, осли онъ скажетъ ей слишкомъ явно влюбленное слово, если онъ коснется ея таліи или другого мѣста, около таліи...

А я! Я отдалась мужчинѣ, котораго въ прошломъ году даже и не знала. Если кто скажетъ, что я принудила его къ этому шагу, то и это будетъ справедливо. Съ того достопамятнаго дня этотъ мужчина видитъ мои голыя ноги и руки и все, что ему захочется, и я отъ этого нисколько не страдаю. Я люблю, когда онъ со мною говоритъ о пикантныхъ вещахъ и когда онъ молчитъ, я сама вызываю его на такія темы. Я нашла, что нѣкоторыя мои позы и взгляды побуждаютъ его невольно,—вопреки его немного наивному принципу «уважать жену»,—разговаривать со мной, какъ разговариваютъ другъ съ другомъ испорченныя маленькія дѣвочки.

И я это дѣлаю даже каждый день. Если бы баронъ Ниверъ не былъ моимъ мужемъ, я, вѣроятно, была бы не болѣе, какъ куртизанкой. Но онъ мой мужъ и потому я при тѣхъ же инстинктахъ, словахъ и жестахъ—не куртизанка, а дама, пользующаяся всеобщимъ уваженіемъ.

Эта милая игра очень скоро завершила мое образованіе. Я научилась всему или отгадала, кажется, все, что человѣчество придумало для опьяненія своихъ бѣдныхъ пяти чувствъ. Мой мозгъ я заполнила множествомъ неприличныхъ анекдотовъ, которыя я ловко сумѣла вырвать у барона. Онъ слишкомъ любитъ странное выраженіе моихъ глазъ, которое у меня, вѣроятно, появляется подъ вліяніемъ такихъ мыслей.

И вотъ теперь, когда мы бываемъ одни, мы говоримъ уже только объ этомъ и всегда я думаю только объ этомъ.»

Конечно, не этимъ кончается обычно дѣло. Женщина, говорящая съ мужемъ только объ «этомъ», будетъ въ одинъ прекрасный день говорить только объ «этомъ» и съ другими симпатичными мужчинами и не только говорить объ этомъ, но и—таково неизбѣжное послѣдствіе,—вести себя соотвѣтствующимъ образомъ. Таковъ истинный финалъ. И онъ наступаетъ, естественно, скорѣе всего въ чисто условныхъ бракахъ. Здѣсь съ самого начала «то другое» является наиболѣе интереснымъ, такъ какъ мужъ вѣдь только фирма прикрывающая коммерческое дѣло. Объ этомъ намъ придется говорить еще разъ ниже при освѣщеніи другого вопроса.

Просвѣтить женщину по части всего, касающагося половой жизни,—а это въ концѣ-концовъ вѣдь неизбѣжно,—господствующее нравственное лицемѣріе предоставляетъ мужу. Что мужъ въ этомъ отношеніи «просвѣщенъ», это предполагается само собой и никому не придетъ въ голову порицать его за эту освѣдомленность или спросить, откуда она у него повилась. Да и отвѣтить было бы для него дѣломъ довольно щекотливымъ, такъ какъ въ девяти изъ десяти случаевъ онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ одного источника, а именно изъ своего общенія съ проститутками. И потому какъ его свѣдѣнія, такъ и его методы просвѣщенія жены совершенно въ этомъ духѣ.

Эти его знанія касаются почти исключительно чисто механической стороны полового акта и часто его наиболѣе извращенныхъ и дикихъ способовъ удовлетворенія. О деликатныхъ подготовительныхъ пріемахъ, о болѣе тонкомъ искусствѣ соблазнять, стремящихся къ тому, чтобы каждое новое объятіе было съ одной стороны новымъ завоеваніемъ, а съ другой—новымъ принесеніемъ себя въ даръ,—приводимъ только самыя внѣшнія черты, являющіяся, впрочемъ и самыми важными—обо всемъ этомъ имѣютъ представленіе лишь очень и очень немногіе. Но именно благодаря законамъ господствующаго нравственнаго лицемѣрія очень часто то, что мужчина можетъ и ищетъ, совпадаетъ какъ разъ съ тѣмъ, что женщина знаетъ или о чемъ она догадывается.

Такъ какъ вопросы половой жизни являются въ возрастѣ полового созрѣванія наиболѣе важными для большинства людей, то едва ли хоть одна дѣвушка доживаетъ, несмотря на всѣ попытки ея духовнаго огражденія, до извѣстнаго возраста, не говоря уже до брачнаго возраста, безъ того, чтобы не имѣть объ извѣстныхъ

вещахъ хоть нѣкотораго представленія. А знаетъ или предугадываетъ она только грубо механическую сторону акта, какъ это видно изъ выше приведеной исповѣди г-жи Гедды Дронекъ. Это полузнаніе описываетъ и Марсель Прево въ слѣдующей замѣткѣ, которую Жюліенна вноситъ въ свой дневникъ, та самая Жюліенна, которая какъ мы знаемъ, обнаружила потомъ въ бракѣ такую опытность.

Она пишетъ:

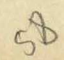
«То, что я знаю о бракѣ или о чемъ догадываюсь, повергаетъ меня въ меланхолію А я знаю еще далеко не все! Только себѣ довѣряю я, что знаю. Во-первыхъ, надо съ мужемъ раздѣлять ложе и это съ первой же ночи. Объ этой обязанности я не мало думала. Есть мужчины, которые вызвали бы во мнѣ отвращеніе, если бы спали со мной на одной постели. Говоря откровенно, есть и нѣкоторые такіе, которые... но не могу же я написать или сказать, что я думаю: впрочемъ я знаю, что хочу сказать. Но что дѣлаютъ въ постели? На этотъ счетъ я не увѣрена. Думаю только, что не ограничиваются одними поцѣлуями. Я почти догадываюсь, что дѣлаютъ. Но я совсѣмъ не могу себѣ представить, какъ это дѣлается, какъ изъ этого потомъ происходятъ дѣти? Точныя свѣдѣнія имѣю я уже только съ того момента, когда находишься въ такомъ положеніи.

Говоря по правдѣ, если я, представляю себѣ, я, Жюліенна, груди и колѣни которой не видалъ еще ни одинъ мужчина, что въ январѣ я буду все это дѣлать съ мужчиной, то это для меня не очень страшно. Вѣроятно же, это пріятно. Во всякомъ случаѣ я не безпокоюсь. Никто зато не знаетъ, что меня печалитъ. и возмущаетъ: только себѣ я признаюсь въ этомъ. Никто, по крайней мѣрѣ, не будетъ смѣяться. Меня ввергаетъ въ отчаяніе мысль, что моя бѣдная невинность, которой я, впрочемъ, не особенно дорожу, такъ скоро, въ одну ночь, должна быть принесена въ жертву. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы она медленно-медленно угасала, точно въ чахоткѣ, чтобы все, что отъ меня требуютъ, я отдавала только послѣ настойчивыхъ и страстныхъ просьбъ. Каждый разъ я думала бы: «да, я люблю его такъ, что готова отдать ему и это». Такъ продолжалось бы недѣли, мѣсяцы, быть можетъ, цѣлый годъ. Я спрашивала замужнихъ, можно ли требовать отъ мужа такого медленнаго и постепеннаго завоеванія моей особы. Онѣ разсмѣялись мнѣ прямо въ лицо.

Ну, что-жъ! Приготовься, моя бѣдная дѣвственность, къ тому,

Бозіо: Политикоманія. (1812).
Гл. II.

Порывъ вѣтра или неудобства слишкомъ легкаго костюма.
Гл. III.



Письмо возлюбленнаго. (Англ. гравюра. 1835).
Гл. II.



Lacrymae Christi **(Изъ серіи „Вина"). Нѣмецкая литографія.**
Гл. II.

чтобы умереть въ одну ночь—и все-таки тебѣ было бы такъ пріятно угаснуть медленно-медленно, въ объятіяхъ избраннаго человѣка!»

Если молодая женщина знаетъ именно столько и именно это, то это объясняется тѣмъ, что есть нѣкто, кто шелъ навстрѣчу ея любопытству, кто «просвѣтилъ» ее, хотя, быть можетъ, только наполовину, такъ какъ самъ зналъ далеко не все. То былъ первый ухаживатель, которымъ обычно является двоюродный братъ. «Въ началѣ былъ кузенъ». Онъ всегда подготовляетъ почву будущему мужу. «Просвѣщеніемъ» начинаетъ онъ обыкновенно свое совращеніе, такъ какъ просвѣтиться жаждетъ каждая дѣвушка. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ: чтеніе запрещенныхъ книгъ, эротическаго характера картины, случайно подслушанныя фразы и т. д.

Указываетъ на эту «просвѣтительную дѣятельность» и Гансъ фонъ-Каленбергъ въ своемъ уже цитированномъ романѣ «Русалочка». Грендаль сообщаетъ объ этихъ своихъ наблюденіяхъ надъ русалочкой слѣдующее:

«А потомъ психологическая сторона! Она прямо восхитительна! Въ такихъ случаяхъ русалочка становится учителемъ, а я смиренно-слушающимъ ученикомъ. Прямо поразительно, какъ много она знаетъ. Откуда? Она смѣется: «Это мы всѣ знаемъ». И она начинаетъ разсказывать. Передо мною развертывается цѣлый соціально-подпочвенный міръ, о которомъ мы не имѣемъ никакого представленія, міръ гарема, бѣлыхъ кроватокъ, на которыхъ близко другъ около друга спятъ воспитанницы, потомъ исторіи, случившіяся съ прислугой, слова, подслушанныя у замочной скважины, сладострастное заглядываніе въ книги, сладострастное переживаніе впечатлѣній. Даже юморъ отличается въ этомъ мірѣ чѣмъ-то скрытнымъ, хихикающимъ, коварнымъ, то юморъ задворокъ и будуара въ стилѣ Ватто. Вотъ, напр., исторія одной сорокалѣтней знакомой, удравшей подъ носомъ у мужа съ любовникомъ изъ цирка, тогда какъ мужъ стоялъ на перронѣ съ ея саквояжемъ и зонтикомъ! Этотъ зонтикъ и этотъ саквояжъ приводятъ русалочку въ самое веселое настроеніе, щекочутъ ея коварные, безвредные, звѣриные инстинкты».

Въ особенности наталкивается Грендаль на слѣды просвѣтительной дѣятельности кузена. Онъ пишетъ дальше:

«Потомъ у нея есть братья, кузены. Въ особенности, «кузенъ» заслуживалъ бы отдѣльной главы въ естественной исторіи. «Кузенъ» не совсѣмъ братъ и не совсѣмъ «чужой». Съ нимъ можно быть откровенной, не производя впечатлѣнія дерзкой. Это не ком-

прометируетъ, ни къ чему не обязываетъ. Природа точно нарочно создала это половинное и серединное существо для такого полудремотнаго переходнаго состоянія. Порою я осязаю подготовительную работу «кузена». Всегда во всемъ она чувствуется. Ты можешь напрягать, какъ хочешь, твое остроуміе и дѣлать какія угодно тонкіе силлогизмы: «въ началѣ былъ кузенъ». Дарю тебѣ эту аксіому».

Въ приведенныхъ описаніяхъ передъ нами развертывается, къ сожалѣнію, отнюдь не трагедія незнанія. И таковымъ было еще двадцать лѣтъ тому назадъ общее положеніе вещей. Нынѣ замѣчается въ этомъ отношеніи уже нѣкоторое улучшеніе. Въ широкіе слои проникло пониманіе трагизма такого положенія, отъ котораго изъ года въ годъ страдаютъ милліоны браковъ и людей. Широкіе слои начинаютъ сознавать, что какъ во всѣхъ сферахъ жизни, такъ и въ области половыхъ отношеній нѣтъ худшаго союзника порока, несчастья и тысячекратнаго отчаянія, какъ именно незнаніе. И потому, какъ уже выше упомянуто, вопросъ о сексуальной педагогикѣ стоитъ нынѣ почти во всѣхъ странахъ—менѣе всего въ Англіи—въ центрѣ всеобщаго вниманія. На эту тему уже написана масса статей и книгъ. Имя имъ—легіонъ.

Сознаніе необходимости разумной сексуальной педагогики возникло, правда, не только въ недалекомъ прошломъ. Опасность незнанія была извѣстна уже и раньше. Для осуществленія своей исторической миссіи буржуазія нуждалась прежде всего въ здоровьѣ и въ силѣ. Созданіе свободной отъ скабрезности сексуальной педагогики было поэтому одной изъ ея наиболѣе раннихъ задачъ. Въ началѣ буржуазной эры и появились въ самомъ дѣлѣ первые серьезные педагогическіе совѣты въ этомъ направленіи. Какъ доказательство можно привести слѣдующее примѣчаніе, которымъ снабдилъ Христіанъ Зальцманъ одно мѣсто переведеннаго имъ и изданнаго въ концѣ XVIII в. сочиненія Мэри Вольстонкрафтъ, «Защита женскихъ правъ», перваго произведенія современнаго эмансипаціоннаго движенія женщинъ.

«Я считаю не только безвреднымъ, но и очень полезнымъ знакомить дѣвочекъ съ ботаникой и въ частности съ половыми органами растеній. Этимъ можно было бы подготовить почву для разговоровъ родителей съ дочерьми о половыхъ органахъ человѣка. Мать, которая не въ состояніи бесѣдовать съ дочерью на эту тему, является матерью только на половину и подвергаетъ дочь опасности потерять за отсутствіемъ необходимымъ знаній здоровье и честь. Изъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій наиболѣе нелѣпымъ является боязнь

говорить съ молодыми людьми о половыхъ органахъ и объ ихъ назначеніи, причемъ однако путемъ разныхъ двусмысленностей и игры словами не боятся обращать ихъ вниманіе на удовольствіе, связанное съ удовлетвореніемъ половой потребности».

Эта задача осталась однако, какъ мы уже видѣли, не осуществленной почти цѣлое столѣтіе. И не была она осуществлена, потому, что неограниченное господство нравственнаго лицемѣрія сдѣлалось очень скоро для буржуазнаго общества болѣе насущной потребностью.

Что разумность остается лишь «благочестивымъ пожеланіемъ» отдѣльныхъ умныхъ людей, лучше всего доказываетъ офиціальная мораль, предписанная молодымъ людямъ высшихъ классовъ, вступающимъ въ бракъ, мораль, которую здѣсь будетъ болѣе всего умѣстно освѣтить. Эта мораль является однимъ изъ наиболѣе отвратительныхъ проявленій до сихъ поръ практикующагося взаимнаго воспитанія къ браку, т. е. нравственнаго лицемѣрія. Чтобы это вскрыть, надо, впрочемъ, обладать мужествомъ безжалостно разоблачать факты и додумать до конца ихъ логику, что до сихъ поръ сдѣлано сравнительно немногими. Если же поступить указаннымъ образомъ, то станетъ яснымъ, что въ этой области до сихъ поръ легкомысленнымъ образомъ самое гнусное принималось за самое естественное и что и теперь это еще дѣлается въ той же широкой степени во всѣхъ слояхъ отъ средняго мѣщанства и вплоть до вершинъ общества.

Или читатель найдетъ, что такая характеристика слишкомъ сурова, если узнаетъ, что сущность этой морали состоитъ, по словамъ Роберта Михельса, автора распространенной брошюры на эту тему, въ томъ, что женихъ и невѣста съ самаго дня помолвки положительно «возводятся или унижаются до степени безполыхъ существъ». Дѣлается это, по словамъ Михельса, слѣдующимъ образомъ».

«Обычно въ этотъ періодъ, предшествующій ихъ браку, т. е. времени наивысшаго исполненія ими половой функціи, молодыхъ людей «охраняетъ» со строгостью аргуса цѣлое войско родителей, родственниковъ и друзей, а иногда еще и прислуги. Имъ запрещается болѣе или менѣе строго—здѣсь встрѣчаются естественно тысячи разныхъ оттѣнковъ въ зависимости отъ соціальнаго положенія и характера лицъ, составляющихъ окружающую среду—говорить много о любви, слишкомъ страстно цѣловаться и обниматься, шептаться и т. д. Оставить ихъ дома однихъ, хотя бы даже на чет-

верть часа, кажется многимъ изъ ихъ сторожей—истиннымъ преступленіемъ. Часто имъ не разрѣшается даже выходить на улицу вдвоемъ безъ особаго предназначеннаго для ихъ охраны chaperon.

Эта прекрасная система имѣетъ обыкновенно своимъ послѣдствіемъ, что молодой человѣкъ и молодая дѣвушка, которые до помолвки въ большинствѣ случаевъ мало знали другъ друга—а можетъ быть даже впервые увидали другъ друга въ день помолвки!—не могутъ душевно сблизиться и въ бытность свою женихомъ и невѣстой. Въ странахъ, гдѣ эта мораль еще близка къ средневѣковью и потому отличается особенной строгостью, стало быть въ Италіи, Франціи, Германіи и Австріи, такое отношеніе къ вступающимъ въ бракъ молодымъ людямъ является правиломъ и—что еще хуже!—это правило имѣетъ очень мало исключеній».

Этотъ періодъ безполаго существованія завершается такимъ же «достойнымъ образомъ» тѣмъ, что въ день свадьбы мужъ уже свободно выпускается на молодую женщину, какъ быкъ въ періодъ течки. А этотъ грубый праздникъ лишенія невинности превращается къ тому же въ публичное торжество. За нѣсколько недѣль міръ оповѣщается о томъ, что «въ ночь съ такого-то дня на такой-то господинъ А дастъ (пока еще) дѣвицѣ Б первый практическій урокъ любви, причемъ начнетъ онъ съ конца». Пусть оповѣщеніе дѣлается въ другой формѣ, отъ этого не мѣняется его сущность. Этотъ пріемъ представляетъ самую гнусную профанацію самаго интимнаго момента, такъ какъ онъ устраняетъ грубой рукой изъ взаимныхъ отношеній молодыхъ людей самое драгоцѣнное, ставя на его мѣсто въ лучшемъ случаѣ дикое проявленіе оттѣсненнаго назадъ желанія. Именно поэтому мораль, обязательная для жениха и невѣсты, является одной изъ вершинъ торжества нравственнаго лицемѣрія.

Послѣднимъ требованіемъ сексуальной педагогики является систематическое воспитаніе во имя искусства любви. Необходимо не только знать и понимать, не только проникнуться чувствомъ отвѣтственности, надо умѣть въ то же время превращать физическое наслажденіе въ настоящее художественное произведеніе. Эта особая задача въ послѣднеее время все чаще входитъ въ программу полового воспитанія. Въ статьѣ: «Эстетика полового инстинкта» (въ сборникѣ Geschlecht und Gesellschaft) д-ръ Г. Ломеръ замѣчаетъ:

«Правда, возродить вакхическія празднества древнихъ, почитавшихъ въ культѣ Фаллуса, Пріапа или Мелитты неисчерпаемо-щедрое лоно матери-природы, мы не сможемъ и не захотимъ. Міръ постарѣлъ, чувство стыдливости утончилось, чувство любви одухо-

Циръ. Красавица. Гл. II.



Деверіа: Кокетство 1821 г.

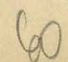


Обложка серіи картинъ: «L'amour dans ses meubles». Гл. II.

Рамбергъ: Галантная пародія. 1827. Гл. II.



Рамбергъ: Подглядываетъ!





Мосли: Неожиданное возвращеніе. 1770. Гл. I.

Дорэ: Кокотки. 1860. Гл. V.

Крюйкшенкъ: Раздѣлъ добычи. (Въ С.-Джемсѣ).

Гофманъ: Репетиція балета. Гл. VI.

Дорэ: Балетъ. Гл. VI.

творилось. Если мы снова приблизимся—а это можно утверждать на основанiи нѣкоторыхъ данныхъ—къ состоянiю большей обнаженности, то она не будетъ похожа на «грубую» до извѣстной степени наготу нашихъ предковъ, она будетъ скорѣе свободнымъ порожденнымъ слишкомъ долголѣтнимъ гнетомъ костюма рѣшенiемъ здоровочувствующихъ людей, не боящихся ни солнца, ни воздуха, такъ какъ они поняли, гдѣ коренятся основы лучшихъ ихъ силъ».

Должно въ этомъ же направленiи измѣниться и отношенiе къ половому акту. Свободные отъ предразсудковъ знатоки жизни знаютъ, что между актомъ и актомъ можетъ быть огромная разница и что осуждаемый до сихъ поръ фанатическими аскетами культъ тѣла, высочайшимъ выраженiемъ котораго является половой актъ, способенъ безконечно развиваться въ направленiи все большаго его облагораживанiя.

Для этой облагороженной формы полового акта лучшимъ опредѣленiемъ является слово «искусство любви». Отъ мужчины, а въ такой же мѣрѣ, быть можетъ, и отъ женщины зависитъ превратить грубую борьбу половъ въ грацiозную любовную игру...

Воспитанiе человѣка для искусства любви по существу, конечно, старая проблема. Ее ставитъ уже Ars amandi Овидiя. И все-таки это только кажущееся совпаденiе, такъ какъ по отношенiю къ прошлому имѣется несомнѣнное и существенное отличiе. Въ пору античной древности и вплоть до послѣднихъ лѣтъ искусство любви было исключительно искусствомъ прелюбодѣянiя, воспитанiемъ, способнымъ создать наиболѣе удачливаго прелюбодѣя; теперь оно, напротивъ, должно подготовить людей къ высочайшему счастью въ бракѣ, къ высочайшему осуществленiю идеи брака. Это искусство должно явиться высшимъ и истиннымъ мастерствомъ любовнаго искусства. То проблема «какъ скажу я объ этомъ женѣ!» или «какъ скажу я объ этомъ мужу?»—проблема, нынѣ считаемая не менѣе важной, какъ и проблема: «какъ скажу я объ этомъ моимъ дѣтямъ»? А то, о чемъ считаютъ нужнымъ сказать, заключается въ желательности привить себѣ и другому способность сдѣлать и въ бракѣ эротическое наслажденiе все снова и снова привлекательнымъ для обѣихъ сторонъ.

Въ своей книгѣ «Полъ и общество» Х. Эллисъ говоритъ совершенно правильно: «Въ большинствѣ браковъ счастье или несчастье супруговъ зависитъ отъ того, насколько они свѣдущи въ искусствѣ любви». Это искусство имѣетъ своимъ назначенiемъ предотвратить столь опасное для брака пресыщенiе обоихъ супруговъ, равнодуш-

ное отношеніе ихъ къ половому общенію, рано или поздно обычно наступающее. Другими словами: какъ избѣжать, чтобы въ бракѣ наступилъ моментъ, или какъ сдѣлать такъ, чтобы возможно позже наступилъ моментъ, когда супруги уже не испытываютъ взаимной любознательности, такъ какъ имъ нечего сказать другъ другу новаго въ половомъ отношеніи.

Предлагавшійся до сихъ поръ рецептъ во избѣжаніе такого печальнаго финала не имѣетъ однако ничего импонирующаго. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать жену кокоткой, правда, такой, которая только съ мужемъ является кокоткой, сдѣлать ее, если такъ можно выразиться, «кокоткой только для себя». Женщинамъ также дается совѣтъ всячески итти навстрѣчу такому воспитанію и вести себя по отношенію къ мужу, въ особенности на брачномъ ложѣ, какъ проститутка, такъ какъ проститутки избаловали мужа и онъ поэтому легко можетъ найти радости супружеской жизни пустыми и скучными. Подобные совѣты давались женщинамъ даже духовниками. Въ своемъ дневникѣ Гонкуры сообщаютъ о слѣдующемъ совѣтѣ, данномъ священникомъ женщинѣ, которая жаловалась, что мужъ ея становится холоднѣе и въ эротическомъ отношеніи равнодушнѣе. «Дорогое дитя, даже самая почтенная жена должна немного походить на женщину полусвѣта».

Эту теорію выставлялъ уже сорокъ лѣтъ тому назадъ Золя, причемъ онъ поступилъ однако такъ умно, что вложилъ эту теорію въ уста проститутки, а именно въ уста Нана. Эта послѣдняя читаетъ своему любовнику-графу, съ которымъ обманываетъ его жену, слѣдующую лекцію:

«Что ты сказала? спросилъ графъ, восхищенный довѣрчивымъ поведеніемъ Нана. Она же снова впала въ свой прежній грубый тонъ и уже не стѣснялась. «Ахъ, да, я говорила о продавцѣ фруктовъ и его женѣ... Такъ вотъ, мой милый, они никогда не познали другъ друга. Она, разумѣется, была въ бѣшенствѣ, онъ же оставался неловкимъ и не зналъ, какъ приступиться. Рѣшивъ, что она деревяшка, онъ вступилъ на другой путь и сошелся съ проститутками, у которыхъ прошелъ хорошую школу, а она утѣшилась съ молодыми людьми, которые были ловчѣе мужа. И такъ бываетъ всегда, когда супруги не столкуются.

Мюффа поблѣднѣлъ и понявъ, наконецъ, намекъ, хотѣлъ Нана заставить замолчать. Но она только что вошла во вкусъ. «Не прерывай меня! Если бы вы мужчины не были такъ глупы, вы должны были бы вести себя съ вашими женами, какъ съ нами, а если бы

ваши жены не были такими тщеславными, онѣ также стремились бы приковать васъ къ себѣ, какъ мы стараемся привлечь васъ къ себѣ. Все зависитъ отъ манеръ. Вотъ что я хотѣла тебѣ сказать. Запомни это себѣ!»—«Не говорите о порядочныхъ женщинахъ!—возразилъ онъ рѣзко. Вы не знаете ихъ!»

Нана вдругъ поднялась съ пола. «Я не знаю ихъ!»—воскликнула она.—«Онѣ даже грязны, ваши порядочныя женщины. Да, грязны. Держу пари, ни одна не отважится показаться въ такомъ видѣ, въ какомъ теперь я! Оставь пожалуйста! Не смѣши своими порядочными дамами!»

Рѣшеніемъ этого деликатнаго вопроса былъ занятъ и Марсель Прево. Такую простую формулировку этого рецепта онъ нашелъ однако опасной. Онъ боялся, что тотъ, кто превращаетъ жену въ кокотку, только повидимому дѣлаетъ изъ нея кокотку для себя одного. Рано или поздно она станетъ кокоткою и для другихъ. Мужъ, слѣдовательно, слишкомъ рискуетъ. Прево воображалъ, что нашелъ очень хитроумный выходъ, давая слѣдующій совѣтъ: «Можно обращаться съ женой, какъ съ метрессой, но говорить объ этомъ съ ней не слѣдуетъ». Совѣтъ такой же жалкій, какъ и выше упомянутый рецептъ. Или вѣрнѣе: такой же плохой. Въ сущности здѣсь также сказывается логика пресыщенности, для которой любовь всегда была и есть не болѣе, какъ развлеченіе.

Нѣтъ, искусство любви должно принципіально отличаться отъ того, которому мужчина научился въ обществѣ кокотокъ. Супруги должны, какъ уже было упомянуто, научиться тонкому искусству все снова подносить другъ другу свою любовь какъ даръ, какъ дивное чудо. Только при такихъ условіяхъ не настанетъ пресыщеніе, тогда какъ перецъ вызываетъ потребность все въ новыхъ возбуждающихъ средствахъ и имѣетъ своимъ конечнымъ послѣдствіемъ не только охлажденіе, но и обоюдное отвращеніе.

Подобный рецептъ, правда, предполагаетъ величіе и глубину чувства. А такъ какъ подобныя качества совмѣстимы только съ бракомъ по любви, покоящимся на душевномъ общеніи, а не съ бракомъ условнымъ, то для этого послѣдняго остается въ самомъ дѣлѣ одинъ только исходъ—прибѣгать къ перцу. А это для него не спасеніе, а только наркозъ.

И концомъ всего—въ лучшемъ случаѣ!—является то, что Толстой облекъ въ Крейцеровой Сонатѣ въ слова:

«И живутъ себѣ дальше, какъ свиньи».

Имущіе всегда во всѣ времена имѣли меньше дѣтей, чѣмъ бѣдняки. Это безусловно достовѣрный фактъ. Отсюда слѣдуетъ, что искусственное сокращеніе потомства всюду сопутствуетъ благосостоянію. Связь между этими двумя явленіями ясна до очевидности.

Въ первую голову здѣсь дѣйствуютъ заботы о сохраненіи состоянія, стремленіе обезпечить за своей семьей блестящее положеніе. Эту цѣль можно съ успѣхомъ достигнуть только наивозможно большимъ сокращеніемъ потомства. Въ прежнія эпохи эта тенденція сохранить фамильное наслѣдство въ нетронутомъ видѣ приводила, какъ было выяснено въ двухъ первыхъ томахъ нашей Исторіи нравовъ, къ тому, что наслѣдникомъ имущества часто являлся только старшій сынъ, тогда какъ остальныя дѣти лишались наслѣдства. Въ католическихъ странахъ вторые сыновья дѣлали духовную карьеру, а дочери, если не выходили замужъ, отдавались въ институты. Еще и нынѣ въ католическихъ странахъ второй сынъ часто надѣваетъ рясу, въ особенности въ деревенскихъ округахъ, чтобы избѣжать такимъ образомъ раздѣла хутора, раздѣла земельной собственности.

Вторая причина систематически практикуемаго въ средѣ имущихъ классовъ сокращенія потомства также бросается въ глаза довольно отчетливо. То желаніе родителей возможно спокойно наслаждаться благами жизни. Разъ имѣются матеріальныя средства пользоваться жизнью, почему не пользоваться ею? А частая беременность мѣшала бы женщинѣ въ этомъ отношеніи. Ибо если уходъ за дѣтьми можно съ перваго же дня взвалить на плечи наемныхъ лицъ—что и дѣлается въ большинствѣ случаевъ, то ношеніе ихъ подъ сердцемъ и роды уже нельзя взвалить на чужихъ. Но и мужу многочисленное потомство мѣшало бы наслаждаться жизнью, онъ не могъ бы уже предаваться въ такой же степени удовольствіямъ и развлеченіямъ, такъ какъ жена исполняетъ обыкновенно роль хозяйки салона.

По этимъ причинамъ избѣгаютъ въ этихъ слояхъ имѣть большое потомство, ограничиваясь въ крайнемъ случаѣ двумя или тремя дѣтьми. Въ этихъ слояхъ идутъ однако еще дальше: самый моментъ появленія на свѣтъ этого небольшого числа дѣтей сообразуютъ съ потребностями въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Это доказывается какъ нельзя лучше тѣмъ обстоятельствомъ, что всюду въ имущихъ классахъ растетъ количество браковъ, гдѣ первый ребенокъ родится лишь на второмъ или третьемъ году супружеской жизни. Отдѣльные подобные факты могутъ быть случайностью, но





Плакатъ. Гл. VII.



62

Артистка Зуттеръ въ роли Саломеи. Гл. VI.

Валлэ: Плакатъ. Гл. VII.

Легранъ: Канканъ. Гл. VI.

не можетъ быть случайностью массовый характеръ этого явленія, которое противорѣчитъ природѣ и является поэтому преднамѣреннымъ. Объяснить это явленіе нетрудно. Только въ бракѣ получаетъ женщина имущихъ классовъ впервые свободу дѣйствія. Театръ, спортъ, общество, путешествія все должно ее манить и соблазнять. Въ качествѣ замужней женщины она имѣетъ по господствующему моральному кодексу право участвовать въ сотнѣ удовольствіяхъ, недоступныхъ ей, пока она дѣвушка.

Женщина хочетъ поэтому предварительно насладиться жизнью. «Не правда ли, въ первый годъ брака у меня не будетъ ребенка? Хочется пожить!» Безчисленное множество невѣстъ ставитъ подобное условіе женихамъ въ минуты перваго интимнаго сближенія. «Любить» можно, но при этомъ необходимо надуть природу. Умѣть это сдѣлать—такова верховная задача благоразумнаго супруга. Чѣмъ больше развлеченій ожидаетъ жену, тѣмъ болѣе противится она беременности. Лицомъ къ лицу съ этимъ страстно выраженнымъ стремленіемъ совершенно стушевывается столь часто выдвигаемое въ наше время «право женщины на ребенка»—«der Schrei der Frau nach dem Kinde». Напротивъ безконечно чаще срывается съ устъ женщины крикъ: «Не хочу ребенка». Да и выражается въ этомъ «громкомъ требованіи право на ребенка», нѣчто по существу совсѣмъ иное. То на самомъ дѣлѣ лишь требованіе обойденныхъ судьбой женщинъ имѣть право на отправленіе нормальной половой жизни. То мечта и тоска обойденныхъ женщинъ о болѣе полной и совершенной жизни. А такъ какъ эта послѣдняя кульминируетъ для женщины въ ребенкѣ, то онъ и становится ея девизомъ, но именно въ глазахъ большинства женщинъ девизомъ вообще цѣлесообразно и всесторонне изжитой жизни. Этотъ «крикъ о ребенкѣ» является неизбѣжнымъ отголоскомъ уже указаннаго факта, что множество женщинъ нынѣ не только вступаютъ въ бракъ очень поздно, но все чаще и совсѣмъ не вступаютъ въ бракъ. Ибо отъ подобнаго положенія вещей женщина страдаетъ, естественно, гораздо больше, чѣмъ мужчина, въ особенности женщина среднихъ и высшихъ слоевъ общества, такъ какъ въ виду господствующаго моральнаго лицемѣрія этой послѣдней приходится, какъ мы знаемъ, особенно дорого расплачиваться за внѣбрачныя половыя сношенія.

Насколько близокъ многимъ мужчинамъ и женщинамъ имущихъ классовъ девизъ: «любовь безъ дѣтей», лучше всего доказываютъ все чаще практикуемые въ этихъ кругахъ пріемы и про-

цедуры. Многія женщины не рѣдко заходятъ такъ далеко, что уже послѣ второго ребенка подвергаются операціи, послѣ кототорой вообще исключена возможность беременности, т. е. позволяютъ вырѣзать себѣ яичникъ. Послѣ этого можно предаваться любви уже безбоязненно и нечего бояться досадныхъ случайностей. Подобная операція имѣетъ еще и ту выгоду, что позволяетъ женщинѣ итти навстрѣчу любовнику, въ самообладаніи котораго она не очень увѣрена. Этой опасности теперь тоже нѣтъ. Въ своемъ изслѣдованіи о «Половомъ вопросѣ» И. Блохъ замѣчаетъ, что оваріотомія въ особенности распространена среди дамъ высшаго французскаго общества. Что это средство въ модѣ однако не только во Франціи, видно изъ слѣдующихъ словъ Толстого въ «Крейцеровой сонатѣ», гдѣ онъ протестуетъ противъ систематичести практикуемаго предотвращенія беременности.

«Мужчинѣ нужно удовлетворять свою похоть, а тутъ замѣшалось дѣторожденіе и кормленіе дѣтей, мѣшающія удовлетворенію этой потребности.

Какъ же быть-то!.. И вотъ для женщины только два выхода: одинъ сдѣлать изъ себя урода, уничтожить или уничтожать въ себѣ, по мѣрѣ надобности, способность быть женщиной, т. е. матерью, для того, чтобы мужчина могъ спокойно и постоянно наслаждаться, или другой выходъ, даже не выходъ, а просто, грубое, прямое нарушеніе законовъ природы, которое совершается во всѣхъ такъ называемыхъ честныхъ семьяхъ»...

Что подобные чудовищные методы, какъ оваріотомія, могутъ примѣняться и въ самомъ дѣлѣ примѣняются только въ средѣ имущихъ классовъ, ясно уже потому, что подобныя операціи стоятъ очень дорого.

Если прежде обязанность заботиться о созданіи потомства возлагалась исключительно на плечи неимущихъ и мало имущихъ классовъ, то послѣдніе также давно уже начали уклоняться отъ этой обязанности. Неопровержимымъ доказательствомъ можетъ служить всеобщее паденіе числа рожденій во всѣхъ восходящихъ культурныхъ странахъ. Что долгое время было примѣнимо только къ Франціи, а именно въ лучшемъ случаѣ отсутствіе прироста населенія, замѣчается теперь и въ Германіи. Недавно еще столь ощутительный перевѣсъ рождаемости все болѣе убываетъ и въ Германіи. «Теперь уже нельзя сомнѣваться»—пишетъ Отто Эгингеръ, знатокъ статистики населенія: «что все болѣе широкіе слои насе-

ленія уже не подчиняются безъ заботы о послѣдствіяхъ своимъ физическимъ потребностямъ, а начинаютъ спрашивать себя: «желаемъ ли мы имѣть дѣтей» и обыкновенно отвѣтъ гласитъ: «не желаемъ!»

Несомнѣнно, большинство супруговъ желаетъ и теперь еще имѣть одного, двоихъ или троихъ дѣтей, но очень и очень немногіе хотятъ имѣть больше. Въ большинствѣ семействъ считается неудачей, а порой и прямо несчастіемъ, если послѣ второго или третьяго ребенка жена снова находится въ такомъ положеніи. Такъ называемое Zmeikindersystem превращается все болѣе изъ специфически французскаго явленія въ явленіе интернаціональное и притомъ даже въ средѣ пролетаріата. Неопровержимымъ доказательствомъ можетъ служить тотъ статистически доказанный фактъ, что во всѣхъ странахъ среди ежегодно появляющихся на свѣтъ дѣтей преобладаютъ первенцы.

Здѣсь также вліяютъ чисто экономическія причины, а вовсе не растущая будто бы безнравственность и во всякомъ случаѣ не вторгшаяся изъ городовъ въ деревни безнравственность понизила такъ цифру рожденій... Ибо какъ разъ крестьяне всегда были наряду съ имущими классами сторонниками Zmeikindersystem правда, только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне являлись и являются еще собственниками земли. А тамъ, гдѣ «появляется энергически выраженное желаніе, средства появляются сами собой». Это лучше всего доказывается тѣмъ, что даже у первобытныхъ народовъ существуютъ и примѣняются средства искусственнаго предотвращенія беременности.

Матерью этого энергически выраженнаго желанія сократить потомство является у малоимущихъ прежде всего трудность прокормленія большой семьи. Борьба за существованіе становится въ эпоху капитализма все сложнѣе. Съ каждымъ новымъ ребенкомъ затрудняется эта задача и каждый вновь родившійся ребенокъ можетъ получить воспитаніе уже только за счетъ прежде родившихся. Раньше положеніе вещей было инымъ, не только въ средѣ пролетаріата, но и въ средѣ мелкаго крестьянства. Въ этюдѣ о причинахъ убыли населенія во Франціи Нувьенъ говоритъ объ этомъ прошломъ:

«Воспитаніе дѣтей стоило не дорого, а съ другой стороны дѣти могли уже съ десятилѣтняго возраста помогать родителямъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ домашней промышленности, дочери же легко пристраивались въ качествѣ служанокъ.

Въ сферѣ ремесла сынъ становился ученикомъ отца и замѣнялъ ему потомъ подмастерье. Для мелкаго ремесленника было выгоднымъ пользоваться рабочей силой только членовъ семьи».

Такъ обстояло дѣло когда-то вездѣ, а не только во Франціи. Теперь ничего подобнаго нѣтъ и не только во Франціи, но и нигдѣ. Искусственное сокращеніе потомства и является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой экономической перемѣны и носитъ поэтому международный характеръ.

Законъ, гласящій, что съ благосостояніемъ неразлучно связано убывающее число дѣтей, или тотъ фактъ, что растущее благосостояніе ведетъ всегда къ такому результату, долженъ, естественно, обнаруживаться и въ средѣ самого пролетаріата. Другими словами меньшее число дѣтей должно всегда встрѣчаться въ тѣхъ слояхъ рабочаго класса, которые лучше поставлены, тогда какъ наибольшимъ потомствомъ должны отличаться бѣднѣйшіе слои. И это въ самомъ дѣлѣ такъ, и можетъ быть доказано путемъ статистики рѣшительно для всѣхъ странъ. Выше цитированный д-ръ Отто Эгингеръ такъ резюмируетъ свои наблюденія надъ этимъ явленіемъ:

«Франція и Англія далеко опередили въ этомъ отношеніи Германію. Тамъ сельское населеніе богаче и почти не размножается. Даже благочестивая Бретань, лежащая въ сторонѣ отъ большой дороги жизни, нищета и плодовитость которой вошли въ сороковыхъ годахъ въ поговорку, стала экономически богатой и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдной дѣтьми. И эта перемѣна произошла несмотря на отсутствіе современныхъ путей сообщенія и близости большого города. Даже въ настоящее время въ Англіи и Франціи нищета и плодовитость городского пролетаріата превосходятъ нужду и многодѣтность въ средѣ сельскаго населенія. Побуждающіе къ сокращенію потомства матеріальныя причины сказываются къ тому же менѣе у рабочихъ, чѣмъ у крестьянъ, такъ какъ судьба дѣтей тамъ не зависитъ въ такой же степени отъ наслѣдства. Оба промышленныхъ департамента на сѣверѣ Франціи одни поэтому только и отличаются ежегодно довольно значительнымъ приростомъ населенія.

Если бы это, быть можетъ, печальное явленіе было порождено ядомъ крупнаго города, а не растущимъ вмѣстѣ съ благосостояніемъ стремленіемъ къ соціальному восхожденію, то почему у бѣдныхъ крестьянъ одной и той же мѣстности больше дѣтей, чѣмъ у состоятельныхъ?

Почему болѣе бѣдные слои рабочаго класса многодѣтнѣе бо-

лѣе зажиточныхъ его слоевъ въ томъ же городѣ? Почему далѣе соціально хуже поставленные нѣмецкіе поляки имѣютъ больше дѣтей, чѣмъ нѣмцы той же провинціи? Почему такое же отношеніе существуетъ между русскими евреями и самыми плодовитыми славянами, тогда какъ напр., этого не замѣчается въ средѣ нѣмецкихъ евреевъ? Почему, наконецъ,—и это одно изъ самыхъ достопримѣчательныхъ явленій—почему католическія мѣстности отличаются несмотря на существованіе исповѣди большимъ приростомъ населенія въ сравненіи съ протестантскими только въ томъ случаѣ, если они вмѣстѣ съ тѣмъ и беднѣе?

Не слѣдуетъ ли предположить, что вина всецѣло на сторонѣ эгоизма средняго человѣка, эгоизма, пробуждающагося, какъ только массы начинаютъ освобождаться изъ подъ гнета притупляющей матеріальной нужды?»

Вина въ самомъ дѣлѣ на сторонѣ эгоизма средняго человѣка. Потому именно, что ростъ благосостоянія массъ всегда сопровождается соотвѣтствующимъ восхожденіемъ на болѣе высокую ступень сознательности. А болѣе высокая сознательность выражается прежде всего въ томъ, что человѣкъ начинаетъ понимать, что живетъ не только для сегодняшняго, но и для завтрашняго дня, а слѣдовательно и вообще для будущаго. Человѣкъ начинаетъ проникаться сознаніемъ, что въ настоящемъ коренится до извѣстной степени счастье или несчастье будущаго. А кто предвидитъ, кто думаетъ о будущемъ, тотъ знаетъ, что чѣмъ многочисленнѣе семья, тѣмъ трудѣе борьба за существованіе. Онъ знаетъ далѣе, что не только самимъ кормильцамъ многочисленной семьи, но и всѣмъ дѣтямъ такой семьи предстоитъ тяжелая борьба за жизнь. Ибо послѣдніе вступаютъ въ жизнь хуже вооруженными, чѣмъ дѣти вышедшія изъ немногочисленной семьи.

Такова первая мысль взрослыхъ, достигшихъ болѣе высокой ступени сознательности, и потому «любовь безъ дѣтей» становится все болѣе программой жизни и для массы. Уже одинъ взглядъ на газетныя объявленія подтверждаетъ истинность этого положенія. Каждый день восхваляются новыя средства и пріемы достигнуть этой цѣли, а цѣна ихъ указываетъ на то, что фабриканты и поставщики обращаются именно къ массамъ, что рѣчь идетъ о массовомъ производствѣ. Брошюры на эту тему находятся въ наше время въ рукахъ если не всѣхъ, то очень многихъ женщинъ. А что подобная «безнравственная любознательность» отличаетъ уже не только иррелигіозные умы, но и вѣрующихъ, видно изъ того, что

все чаще обращаются за совѣтами въ этомъ направленіи и къ священникамъ.

Бывшій католическій священникъ Леуте сообщаетъ, что во время исповѣди женщины часто спрашиваютъ духовника о томъ, какъ предотвратить беременность, не совершая грѣха, такъ какъ по ученію католической церкви грѣхомъ является всякое употребленіе презервативовъ. А другой католическій священникъ добавляетъ, что это встрѣчается не только въ городѣ, но все чаще и въ деревнѣ.

По всѣмъ указаннымъ причинамъ нѣтъ основанія предполагать, что стремленіе къ искусственному сокращенію потомства ослабѣетъ, оно, напротивъ, охватитъ все болѣе широкіе круги и потому съ нимъ придется считаться, какъ съ непреложнымъ закономъ природы. Менѣе всего можетъ помочь здѣсь, конечно, возмущеніе моралистовъ, объявляющихъ это стремленіе безнравственнымъ. И это тѣмъ понятнѣе, что нравственное лицемѣріе пропагандируетъ,—сознательно ли или безсознательно—своими требованіями наиболѣе безнравственную точку зрѣнія, какая только возможна въ области половой жизни. Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ ничего болѣе близкаго къ животному міру, какъ видѣть въ любви только средство порождать потомство. Мудрость, годящаяся для коннаго завода или кроличьей конуры, недостойна культурнаго человѣка. Къ счастью, эта истина также все больше входитъ въ сознаніе людей.

Такъ какъ нѣтъ болѣе животнаго взгляда на любовь, какъ тотъ, который усматриваетъ въ ней только средство производить потомство, то болѣе высокая нравственность, несомнѣнно, на сторонѣ тѣхъ, кто убѣжденъ, что любовь имѣетъ кромѣ того еще и самодовлѣющую цѣль, и кто поэтому выполняетъ эту цѣль сознательно и обдуманно. Такъ перестаетъ искусственное сокращеніе потомства, поскольку оно не служитъ только цѣлямъ простого беззастѣнчиваго наслажденія жизнью, быть позорнымъ пятномъ на нашей культурѣ, становясь, напротивъ, одной изъ важнѣйшихъ предпосылокъ духовнаго и физическаго прогресса человѣчества. Только такимъ путемъ можно напр., устранить извѣстныя болѣзни и дегенеративныя явленія изъ общей картины жизни. Человѣкъ имѣетъ право наслаждаться жизнью, но не долженъ забывать, что онъ пользуется этимъ своимъ правомъ во зло и тягость какъ своимъ современникамъ, такъ и потомству, когда не думаетъ о послѣдствіяхъ.

Сознательное сокращеніе потомства имѣетъ однако еще большее значеніе: руководимое болѣе глубокимъ пониманіемъ желаніе искусственнаго предотвращенія беременности обусловливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ *сознательную волю къ производству* потомства. Грядущія поколѣнія перестаютъ быть простыми продуктами случая.

Беременность женщины все чаще совпадаетъ поэтому съ возрастомъ, когда обѣ стороны достигли высоты физическаго и духовнаго развитія. А это и есть единственная достойная человѣка форма производства на свѣтъ потомства, когда высшій моментъ утвержденія жизни совпадаетъ съ высшей ступенью чувства отвѣтственности. Только при такихъ условіяхъ производство на свѣтъ дѣтей становится возвышеннѣйшимъ событіемъ жизни.

Не менѣе искусственнаго предотвращенія беременности важно для правильной оцѣнки общаго уровня нравственности искусственное уничтоженіе плода беременныхъ женщинъ. Здѣсь передъ нами явленіе, въ которомъ можетъ выражаться какъ повышенное, такъ и пониженное чувство индивидуальной отвѣтственности. Само собою понятно, что критеріемъ, опредѣляющимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ повышеннымъ или же съ пониженнымъ чувствомъ отвѣтственности, является тотъ же самый, что и при оцѣнкѣ искусственнаго предотвращенія беременности.

Получить правильное представленіе о размѣрахъ искусственнаго уничтоженія плода въ разныхъ классахъ и разныхъ странахъ, конечно, невозможно, потому, что большая часть подобныхъ случаевъ остается тайной. И однако, на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, имѣющихся въ распоряженіи изслѣдователя этого вопроса, можно утверждать, что абортъ нынѣ не менѣе распространенъ, чѣмъ предотвращеніе беременности. Другими словами: абортъ практикуется нынѣ гораздо больше, чѣмъ въ прежнія эпохи, и его распространенность особенно возрасла въ послѣднія десятилѣтія. Достаточно заглянуть въ отдѣлъ объявленій наиболѣе читаемыхъ газетъ и сотни разъ вы натолкнетесь на объявленія съ девизомъ: «Даются совѣты и оказывается помощь въ щекотливыхъ случаяхъ». Или «Лучшее средство для урегулированія менструаціи» и т. д. Подобныя рекламы обычно не болѣе, какъ замаскированныя формы объявленія, что данное лицо или данное средство могутъ освободить отъ нежеланной беременности.

Далѣе можно констатировать, что о размѣрахъ практики акушерокъ и врачей, сдѣлавшихъ изъ подобныхъ совѣтовъ и подобной дѣятельности свою профессію, трудно составить себѣ правиль-

ное представленіе. Многіе изъ нихъ изъ года въ годъ должны помогать огромному числу кліентокъ. Англійскій изслѣдователь Pisanus Fraxi пишетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій о Лондонѣ (цит. у Ив. Блоха):

«Мнѣ извѣстенъ случай, что однажды дѣвушка, отправившаяся къ одному врачу, встрѣтила въ его пріемной шесть или семь молодыхъ женщинъ, которыя всѣ хотѣли подвергнуться той же операціи. Тоже самое повторилось еще два раза, когда ей пришлось прибѣгнуть къ помощи этого врача. Большинство изъ нихъ были балеринами или актрисами. Гонораръ, который надо было платить впередъ, составлялъ 5 ф. (50 руб.)».

Подобные факты можно констатировать цѣлыми десятками и относительно другихъ городовъ. Доказываетъ это устрашающимъ образомъ и уголовная статистика. Въ настоящее время едва ли найдется городъ, гдѣ бы врачи не судились за професcіонально практикуемый абортъ. Какъ иллюстрацію приведемъ только одинъ процессъ, имѣвшій мѣсто въ Дрезденѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, процессъ, скомпрометировавшій женщинъ изъ всѣхъ классовъ и круговъ. Вотъ что говорилось въ одномъ сообщеніи объ этомъ процессѣ:

«Довольно хорошую иллюстрацію къ нравамъ саксонской столицы даетъ происходящій въ настоящее время передъ судомъ присяжныхъ процессъ, вызваный преступленіемъ противъ зарождающейся жизни. Уже одинъ арестъ около 65 лицъ указывалъ на то, что процессъ будетъ сенсаціоннымъ, будетъ процессомъ—монстръ. Надежды оправдались: разоблаченія, сдѣланныя во время процесса, бросили яркій свѣтъ на нравы Дрездена. Всѣ классы общества, отъ простой фабричной дѣвушки и до жены директора гимназіи, уже украсили собою въ послѣдніе дни скамью подсудимыхъ. Дочери помѣщиковъ—аристократовъ сидѣли рядомъ съ падшими продавщицами. Дочь извѣстнаго политика покончила съ собой въ темницѣ, чтобы не попасть на скамью подсудимыхъ. Между тѣмъ, какъ «паціентки» отдѣлались болѣе или менѣе продолжительной тюрьмой, нѣкоторыя акушерки были присуждены къ 10 и 3 годамъ каторжныхъ работъ».

Американская уголовная статистика приводитъ для одного Нью-Іорка ежегодно 20,000 случаевъ искусственнаго аборта.

Въ низшихъ слояхъ общества женщинъ толкаетъ на этотъ путь обычно нужда. Въ своей книгѣ «Преступная женщина» (1890 г.) Камиллъ Гранье упоминаетъ о практиковавшей въ про-



Вильетъ: Горе—вдвоемъ полгоря! Гл. III.

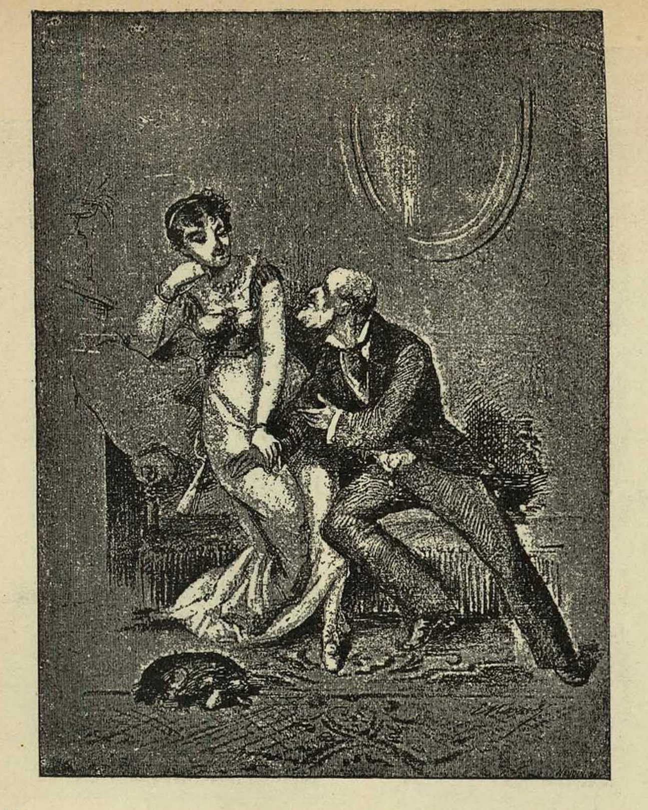


Веберъ: Солдаты въ притонѣ. Гл. V.



Проститутка. Франц. Гравюра. 1798. Гл. V.

63



Можешь не бояться ребенка (изъ Le Boudoir). 1881. Гл. IV.



Къ чему же такія предосторожности. Ты же не мужъ! Гл. IV.

летарскомъ кварталѣ акушеркѣ, оказавшей за нѣсколько франковъ подобнаго рода помощь тысячѣ бѣдныхъ беременныхъ женщинъ:

«Продавщица хлѣба изъ Батиньоллъ, по прозванію La Mort aux Gosses, призналась, что имѣла подъ своими руками почти двухтысячъ женщинъ. Одна изъ этихъ женщинъ, за юбку которой держались семь человѣкъ дѣтей, со слезами на глазахъ сказала ей: «Вотъ уже эти не наѣдаются до сыта». И новый ребенокъ былъ принесенъ въ жертву любви матери къ остальнымъ дѣтямъ».

Если раньше дѣтоубійство было для деревни столь же характернымъ явленіемъ, какъ для города абортъ, то въ послѣднее время абортъ сталъ и въ деревнѣ столь же распространеннымъ явленіемъ. Уже въ 1898 г. въ Берлинѣ привлекалась одна сводня, обвиняемая въ томъ, что «у нея обучались двѣсти деревенскихъ служанокъ, которыя всѣ хотѣли перенять у нея пріемы аборта!» Подумайте только: двѣсти женщинъ намѣреваются сдѣлать изъ тайнаго аборта свою профессію! Изъ одного только «университета», гдѣ преподается это ужасное искусство, вышло двѣсти спеціалистокъ! А такихъ «университетовъ», вѣроятно, нѣсколько въ каждомъ болѣе крупномъ городѣ. Какъ ни чудовищна картина, развертываемая этими нѣсколькими фактами, можно сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, что она отражаетъ только до извѣстной степени истинное положеніе вещей. Это въ особенности касается фактовъ уголовной хроники. Только незначительное число ихъ доходитъ до публичнаго разбирательства. Это касается далѣе въ особенности имущихъ классовъ, такъ какъ безнаказаннымъ и безопаснымъ можетъ быть искусственый абортъ въ настоящее время только для женщинъ имущихъ классовъ.

Новѣйшее гражданское уложеніе допускаетъ прекращеніе беременности, если она по мнѣнію врачей можетъ быть опасной для жизни матери. Само по себѣ это, конечно, чрезвычайно важное и благодатное завоеваніе. Но этотъ законъ является вмѣстѣ съ тѣмъ удобнѣйшимъ выходомъ для тысячи женщинъ имущихъ классовъ, которыя могли бы безъ ущерба для своего здоровья произвести на свѣтъ и прокормить здороваго ребенка, но не желаютъ имѣть дѣтей изъ удобства и ради большей свободы. Въ имущихъ слояхъ съ каждымъ днемъ все больше становится правиломъ каждую новую беременность, случившуюся послѣ перваго или второго ребенка, прерывать преждевременными родами. Во всѣхъ большихъ

городахъ поэтому давно уже существуютъ богато обставленныя частныя лѣчебницы, преслѣдующія спеціально указанную цѣль.

Такъ какъ плата за оперативное вмѣшательство и за пребываніе въ лѣчебницѣ, продолжающееся отъ двухъ до трехъ недѣль, обычно очень высока, то вполнѣ естественное право женщины не имѣть дѣтей, если она того не желаетъ, является въ этомъ его безапасномъ видѣ въ большинствѣ случаевъ привиллегіей лишь женщинъ имущихъ классовъ.

Подобно тому, какъ поздній возрастъ и все увеличивающаяся трудность вступленія въ бракъ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ болѣе частыя добрачныя половыя сношенія извѣстныхъ лицъ и классовъ, такъ уже теоретически можно сказать, что въ виду преобладанія браковъ по разсчету должны получать все большіе размѣры внѣбрачныя половыя сношенія также и лицъ женатыхъ и замужнихъ.

Иначе, какъ теоретически, правда, невозможно обслѣдовать этотъ вопросъ. Можно только выяснить внѣшнія формы этого внѣбрачнаго полового общенія, но онѣ косвенно ставятъ внѣ сомнѣнія и самый фактъ.

Нетрудно обосновать мысль, что большинство браковъ по разсчету должны рано или поздно привести къ обоюдной невѣрности. Не только душевная, но даже просто эротическая гармонія двухъ людей разнаго пола является одной изъ самыхъ сложныхъ проблемъ. Большинство мужчинъ не реагируетъ въ половомъ отношеніи на любую женщину и во всякомъ случаѣ не реагируетъ на любую женщину продолжительное время. Въ молодости большинство мужчинъ еще скорѣе находится въ такомъ состояніи и если ихъ и не возбуждаетъ каждая юбка, то, несомнѣнно, очень многія. Въ извѣстномъ же возрастѣ большинство мужчинъ уже находится въ иномъ состояніи. Но даже если мужчина и сохраняетъ свою физическую способность по отношенію къ каждой женщинѣ, то одинъ этотъ фактъ, хотя онъ и первичный, играетъ здѣсь все же лишь самую незначительную роль.

Все сказанное приложимо и къ женщинѣ, какъ это не покажется на первый взглядъ страннымъ. Она тоже до извѣстной степени неодинаково реагируетъ въ половомъ отношеніи на любого мужчину.

Тысячи женщинъ, считающіяся холодными и равнодушными въ общеніи съ мужемъ, становятся въ объятіяхъ другого мужчины

настоящимъ вулканомъ. Въ половомъ общеніи мужчина и женщина всегда думаютъ найти—сознательно или безсознательно—грандіозный заключительный аккордъ, мечтаютъ—сознательно или безсознательно—раствориться безъ остатка одинъ въ другомъ. Эта мечта и эта тоска остаются однако во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ неудовлетворенными, послѣдствіемъ чего является разочарованіе супруговъ. Постоянная неудовлетворенность въ бракѣ приводитъ, естественно, неизбѣжно къ желанію испытать это великое событіе въ объятіяхъ другого или другой. Обѣ стороны ищутъ поэтому постоянно, если такъ можно выразиться, спасителя. А такое стремленіе является съ точки зрѣнія морали, ставящей вѣчныя права человѣка выше искусственныхъ постановленій, если не вполнѣ законнымъ, то во всякомъ случаѣ вполнѣ понятнымъ.

И уже одно это дѣлаетъ въ обществѣ, гдѣ преобладаетъ бракъ по разсчету, адюльтеръ явленіемъ постояннымъ и всеобщимъ.

Сюда необходимо присоединить еще цѣлый рядъ другихъ моментовъ, коренящихся спеціально въ нѣдрахъ нашего времени, располагающихъ то одну, то другую сторону къ невѣрности.

Наиболѣе важнымъ изъ этихъ моментовъ является огромная трата нервной силы, постоянная гипертрофія нервной системы, неизбѣжныя въ эпоху крупно-капиталистической культуры. Эта гипертрофія нервовъ побуждаетъ главнымъ образомъ многихъ мужчинъ разрѣжать ее въ половыхъ сношеніяхъ, дѣйствующихъ на натянутыя нервы отчасти какъ наркозъ, отчасти, какъ возбуждающее средство. Въ бракѣ они находятъ только до извѣстной степени удовлетвореніе этимъ потребностямъ и поэтому ищутъ его внѣ брака. Впрочемъ, многіе мужчины стараются достигнуть этой цѣли и въ бракѣ, а именно тѣмъ, что они превращаютъ собственную жену въ кокотку, какъ мы уже выяснили, говоря о сексуальномъ воспитаніи. Уже по одной этой причинѣ жена-кокотка нынѣ во всѣхъ странахъ явленіе массовое.

Чаще всего встрѣчается, естественно, «кокотка въ костюмѣ почтенной супруги» въ имущихъ классахъ, такъ какъ здѣсь на лицо условія, позволяющія женѣ войти въ роль простого объекта наслажденія.

А это какъ нельзя болѣе подготовляетъ почву для частой невѣрности этихъ женщинъ, такъ какъ жена-кокотка очень скоро, какъ уже указано, становится интимной подругой и другихъ мужчинъ,—недаромъ же разнообразіе одинъ изъ существенныхъ пунктовъ въ программѣ каждой кокотки. Начинается съ разнообразія

въ наслажденіи, а отсюда скоро родится сама собой и жажда разнообразія предметовъ наслажденія.

Внѣбрачному половому общенію женщины способствуетъ еще въ большей степени то обстоятельство, что изнуряющее нервы стремленіе мужчины къ пріобрѣтенію дѣлаетъ его уже въ среднемъ возрастѣ или совсѣмъ неспособнымъ или же малоспособнымъ къ отправленію половой функціи. Конечно, и раньше существовали мужчины импотентные или преждевременно состарившіеся. Массовымъ же это явленіе стало,—а такимъ оно безусловно является въ наше время—только въ вѣкъ электричества, въ вѣкъ капитализма съ его лихорадочнымъ темпомъ жизни.

Достаточно краснорѣчивымъ комментаріемъ могутъ служить газетныя объявленія съ ихъ восхваленіемъ всевозможныхъ средствъ противъ преждевременнаго истощенія мужчинъ, какъ принято деликатно выражаться.

Совершенно естественно, что и въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ преимущественно объ имущихъ классахъ и объ интеллигенціи. Умственное переутомленіе подтачиваетъ сексуальность мужчины въ гораздо большей степени, чѣмъ тяжелый физическій трудъ. Вспомните, какую огромную затрату нервной силы требуетъ въ настоящее время торговая дѣятельность коммерсантовъ, промышленная дѣятельность техниковъ, работа чиновниковъ, служащихъ на почтѣ, желѣзной дорогѣ и т. д. Такія требованія никогда не предъявлялись даже отдаленно къ отдѣльной личности и притомъ къ массѣ отдѣльныхъ личностей въ эпохи, предшествовавшія развитію крупной индустріи. Не было еще въ исторіи такого времени, которое требовало бы такой концентраціи работы, такой отвѣтственности и главнымъ образомъ, такого лихорадочнаго темпа труда, которое давало бы такъ мало отдыха, такъ мало позволяло бы собраться съ силами, какъ эпоха, въ которую человѣчество всюду вступило пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Раньше человѣку въ годъ не приходилось столько работать, какъ теперь въ какіе нибудь два или три мѣсяца, а если такіе факты и встрѣчались, то они были не болѣе, какъ чисто индивидуальными явленіями. Что подобное положеніе вещей толкаетъ женщинъ этихъ круговъ и слоевъ, обойденныхъ въ удовлетвореніи своихъ половыхъ потребностей, постоянно искать это удовлетвореніе въ внѣбрачныхъ связяхъ, понятно само собой и не нуждается въ доказательствѣ. Если же принять во вниманіе обусловленное экономическимъ положеніемъ этихъ классовъ и слоевъ настроеніе

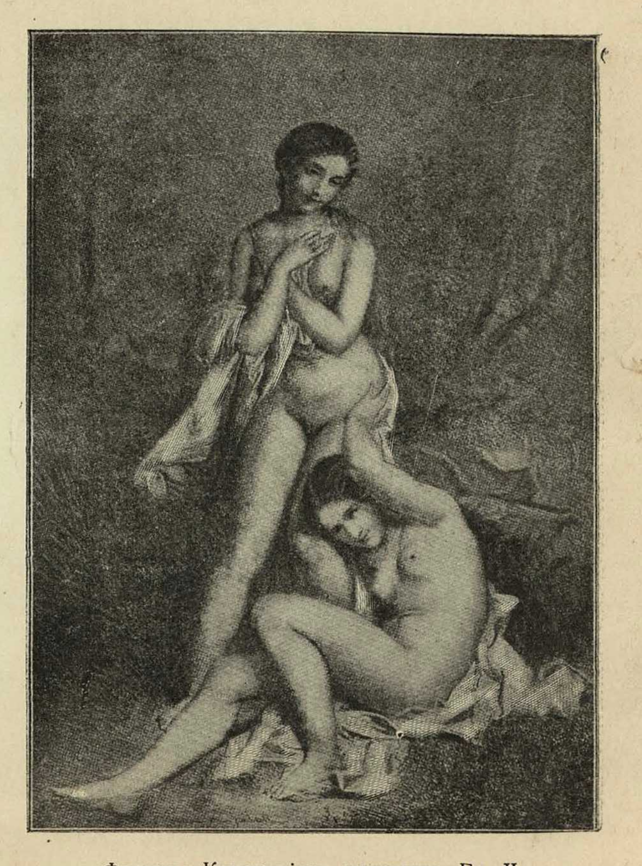
A Félicien Rops







Косвэ: Г-жа Рекамье. Гл. III.



Фелонъ: Купающіяся женщины. Гл. II.



Лами: Мода 1898 г. Гл. III.



Кликъ: Утренній капотъ. Гл. III.



Кликъ: Неглиже. Гл. III.



Роуландсонъ: Возвращеніе игрока. 1788 г. Гл. II.

Монто: На берегахъ Мансанареса. Гл. II.



Въ мечтахъ. Вѣнская гравюра. Гл. II.

этихъ женщинъ, то ихъ сильно выраженное стремленіе вознаградить себя внѣбрачными связями получитъ уже прямо характеръ стихійной неизбѣжности.

Между тѣмъ, какъ мужья переутомлены работой, жены рѣшительно ничего не дѣлаютъ. Собственность позволяетъ имъ въ большинствѣ случаевъ вести самый комфортабельный образъ жизни. За дѣтьми смотритъ прислуга, за хозяйствомъ смотритъ прислуга, словомъ все дѣлается наемными, оплачиваемыми людьми. Умственныя и физическія привычки этихъ женщинъ обычно таковы, что дѣлаютъ изъ нихъ пассивно наслаждающихся жизнью паразитовъ, а это, естественно, особенно располагаетъ къ половой дѣятельности.

Одна писательница рисуетъ такой портретъ монденки:

«У нея одна только цѣль въ жизни: быть красивой и сохранить свою красоту. Спокойствіе и удобства помогаютъ ей въ этомъ. Она встаетъ поздно, беретъ ванну, облекается въ идущій къ лицу утренній капотъ и садится пить кофе, когда мужъ уже давно на службѣ, а дѣти—въ школѣ. Появляется парикмахеръ и т. д.».

Такъ продолжается программа дня. Накопившаяся подъ вліяніемъ обильной вкусной пищи, подъ вліяніемъ спокойной жизни, возбужденія театромъ, романами и искусствомъ способность къ чувственному наслажденію не находитъ себѣ противовѣса въ работѣ, такъ какъ эти женщины лишь изрѣдка являются сотрудницами мужей и все, что онѣ дѣлаютъ, не болѣе, какъ игра, какъ простое времяпрепровожденіе. Въ результатѣ: если у мужа слишкомъ мало эротическаго желанія, то у жены его слишкомъ много. Изъ такого ненормальнаго положенія нѣтъ, естественно, другого выхода, какъ слишкомъ частая невѣрность жены и—какъ уже упомянуто—болѣе чѣмъ частая снисходительность мужа. Пусть многія изъ такихъ «находящихся въ пренебреженіи» женъ ограничиваются однимъ только флиртомъ, пусть есть и такія, которыя сохраняютъ благодаря развитому чувству самообладанія, нѣжной любви или холодному темпераменту физическую вѣрность мужу—обѣ эти группы составляютъ однако, несомнѣнно, меньшинство.

Въ среднихъ классахъ, а также въ пролетаріатѣ, супружеская вѣрность и отдаленно не подвержена такимъ же опасностямъ. Уже по одной той причинѣ, что здѣсь, гдѣ приходится страшно работать для поддержанія жизни, люди въ короткое свободное время совершенно отупѣли и обезсилены. Но и въ этой средѣ супружеской вѣрности грозятъ въ настоящее время большія опасности,

чѣмъ прежде. Обычно, какъ на главную причину этого явленія, указываютъ на то, что для этого теперь чаще, чѣмъ прежде, представляется удобный случай. Это, конечно, весьма существенная причина. Однако болѣе существенной причиной является разрушеніе капитализмомъ семейной жизни.

Если два человѣка бываютъ вмѣстѣ всего нѣсколько жалкихъ часовъ, если одинъ изъ нихъ, а порою и оба, находятся въ эти немногіе часы въ состояніи крайней истощенности, то ихъ души уже не могутъ звучать такъ созвучно, чтобы дѣйствовать другъ на друга съ все новой возбуждающей силой. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что въ рабочей средѣ, гдѣ разсчетъ при вступленіи въ бракъ играетъ сравнительно небольшую роль, его мѣсто такъ же часто занимаетъ мимолетное половое возбужденіе, сопутствуемое, конечно, выше упомянутымъ категорическимъ императивомъ, побуждающимъ рабочаго вступать въ бракъ. А половое возбужденіе, не соединенное ни съ какими сильными душевными переживаніями, очень скоро испаряется, а «привычка», часто у многихъ появляющаяся, служитъ лишь жалкой и недостаточной замѣной. Это послѣднее замѣчаніе касается не только брака въ пролетарской и мелкобуржуазной средѣ, но и вообще всякаго брака. Въ средѣ мелкой буржуазіи и пролетаріата обоюдное равнодушіе представляетъ потому болѣе опасное явленіе, что здѣсь ни мужчина, ни женщина не въ состояніи сдѣлать изъ половой любви нѣчто больше, чѣмъ простой животный актъ.

Выше было сказано, что иллюстрировать фактами можно собственно однѣ только формы внѣбрачнаго полового общенія. Въ этомъ отношеніи буржуазный вѣкъ отличается, надо признаться, весьма разительно отъ эпохи абсолютизма. Само собой понятно, что эти новыя формы также продиктованы закономъ нравственнаго лицемѣрія. Это послѣднее уже не позволяетъ замужней женщинѣ имѣть офиціальнаго любовника, который ежедневно является къ ней съ визитомъ, или карета котораго стоитъ по цѣлымъ часамъ передъ ея домомъ, какъ обращенный ко всему свѣту демонстративный плакатъ, какъ то было въ эпоху стараго режима. Нравственное лицемѣріе уже не разрѣшаетъ замужней женщинѣ имѣть около себя всегда и повсюду чичисбея, cavaliere servente и т. д.

Лишенъ и мужъ нынѣ права имѣть офиціально рядомъ съ женой метрессу, открыто содержать другихъ женщинъ, даже уха-

живать слишкомъ открыто за другими женщинами. Холостой не имѣетъ право жить въ конкубинатѣ и т. д.

И однако, по вышеизложеннымъ причинамъ, все это случается на каждомъ шагу. Невѣрность супруговъ стала, какъ мы видимъ, общераспространеннымъ фактомъ. Даже и въ тѣхъ странахъ, разумѣется, гдѣ съ внѣшней стороны царятъ самыя корректныя формы. Въ одномъ фельетонѣ въ газетѣ Frankfurter Zeitung (2 мая 1910 г.) писатель Гутманъ, полунѣмецъ-полуангличанинъ, говоритъ объ англійской pruderie:

«Въ Англіи законы нравственности нарушаются такъ же, какъ во всѣхъ остальныхъ странахъ, гдѣ царитъ такой же водоворотъ жизни. Но уваженіе къ общественной морали такъ прочно засѣло въ англичанинѣ, что внѣ среды знатныхъ жуировъ никто не желаетъ прослыть безпутнымъ».

И дальше:

«Многіе англичане обвиняютъ на этомъ основаніи націю въ моральномъ лицемѣріи. Одинъ писатель по соціально-политическимъ вопросамъ, котораго я недавно встрѣтилъ въ клубѣ, сказалъ мнѣ: «Посмотрите на всѣхъ сидящихъ здѣсь мужчинъ. Быть можетъ, ни одинъ изъ нихъ не сохраняетъ вѣрности женѣ, но передъ другими онъ будетъ дѣлать видъ, что онъ вѣренъ ей, а другіе прекрасно знаютъ, какая цѣна подобной респектебельности».

Ничто не отражаетъ такъ хорошо принципіальную, происшедшую въ внѣшнихъ формахъ этого явленія перемѣну, какъ искусство, серьезное и сатирическое. Ни невѣрная жена, ни невѣрный мужъ нынѣ уже не прославляются, какъ герои, а невѣрность уже не восхваляется, какъ дессертъ за супружескимъ обѣдомъ.

О явно выраженныхъ галантныхъ произведеніяхъ литературы и живописи мы здѣсь не говоримъ. Невѣрность изображается теперь просто, какъ фактъ въ его внѣшнемъ проявленіи, и кромѣ того обосновывается индивидуальными или соціальными причинами. Если же сатирикъ тѣмъ не менѣе издѣвается надъ обманутымъ мужемъ, то по совсѣмъ иной причинѣ, чѣмъ въ XVIII в., да и обнаруживается въ такихъ случаяхъ скорѣе цинизмъ самого обвинителя. Эта нотка была совершенно чужда сатирѣ эпохи абсолютизма.

Среди современныхъ изобразителей незаконныхъ любовныхъ связей выдаются въ особенности: элегантный и галантный Альберъ Гилльомъ и безжалостный циникъ Форенъ. Произведенія обоихъ этихъ французскихъ художниковъ являются важнѣйшимъ

и потому незамѣнимымъ комментаріемъ къ исторіи современныхъ нравовъ. Гилльомъ показываетъ только элегантность «порока», его пикантность, то, что въ немъ дѣйствуетъ соблазняюще на вкусъ современнаго человѣка. А въ этой области нѣтъ ни единой подробности, которую онъ обошелъ бы молчаніемъ: отъ удовольствія быть зрителемъ того, какъ элегантная дама подъ воротами приводитъ въ порядокъ подвязку и до того момента, когда она въ спальнѣ разыгрываетъ олицетвореніе стыдливости. Будуаръ, театръ, бальный залъ,— всѣ тѣ мѣста, гдѣ любовь появляется въ одеждѣ элегантности, проходятъ мимо зрителя, весь монденный свѣтъ съ его сверкающимъ соблазнительнымъ блескомъ.

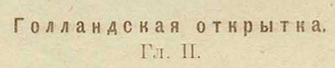
Форенъ прямая противоположность Гилльому. Безжалостно снимаетъ онъ съ любви всѣ пышныя фразы, выставляя на показъ истинную сущность этихъ отношеній, ихъ неискренность, ихъ лицемѣріе, лежащій въ ихъ основѣ обманъ—словомъ, рисуя вещи, какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Репертуаръ Форена поэтому, быть можетъ, еще шире, чѣмъ репертуаръ Гилльома, и охватываетъ онъ въ большей степени, чѣмъ у послѣдняго, область незаконныхъ любовныхъ отношеній. Форенъ написалъ въ краскахъ до извѣстной степени всю исторію лжи въ любви и во всякомъ случаѣ наиболѣе выдающуюся исторію этого вопроса.

На ряду съ Гилльомомъ и Фореномъ необходимо указать еще на цѣлый рядъ другихъ рисовальщиковъ-карикатуристовъ, посвятившихъ себя изображенію современныхъ публичныхъ и частныхъ нравовъ, какъ то: Бакъ, Каранд'ашъ, Гейдбринкъ, Легранъ, Люпель, Резничекъ, Тёни, Видгопфъ и Вильеттъ... Перечисленные художники являются только наиболѣе выдающимися и потому ихъ произведенія приводятся нами чаще всего, какъ пластическій комментарій къ излагаемымъ фактамъ.

Супружеская вѣрность замужней женщины подвержена нынѣ такой же, если только не большей опасности, чѣмъ прежде. Нѣтъ такой мало-мальски хорошенькой женщины, которой не дѣлались бы изъ году въ годъ незаконныя предложенія любви. И притомъ съ перваго же дня ея замужества. До ея слуха съ перваго же дня доносится и постоянно вновь доносится мелодія на слова: Vous me plaisez, vous parler á mes sens, venez partager mon lit ou me, flites partager le vorte jusqu'á ce que ma frautaisie soit éta inte. Эта мелодія звучитъ иногда отчетливо, иногда завуалированно. Съ этимъ предложеніемъ обращаются къ ней ея друзья, пріятели мужа, кузены, шурины, случайные знакомые. И не только они одни.

Смитъ: **Моралистъ** (1785)
Гл. I.

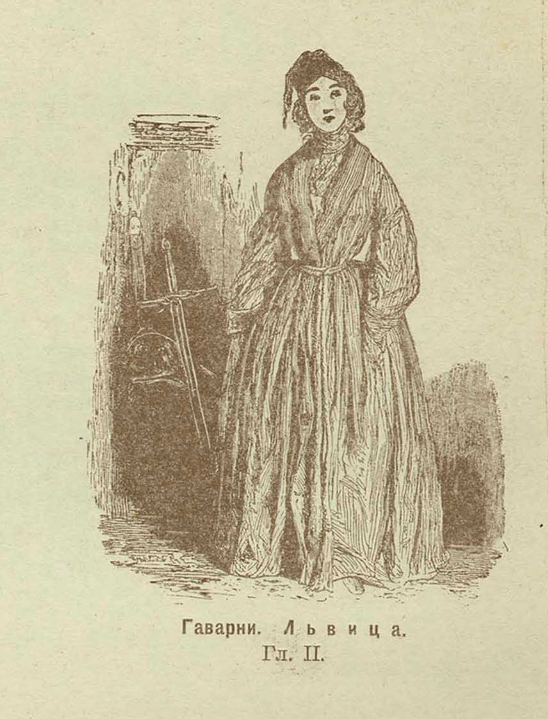




Голландская открытка.
Гл. II.

67

Бонно. Дуэль.
Гл. II.



Гаварни. Львица.
Гл. II.

Въ современномъ большомъ городѣ нынѣ множество чужихъ и посторонних осмѣливается обращаться къ ней на каждомъ шагу съ подобнымъ предложеніемъ. Раньше страстно желаннымъ поводомъ къ сближенію съ женщиной служили или предложеніе зонтика во время внезапно разразившагося дождя или возвращеніе потеряннаго предмета. Въ настоящее время большинство ищущихъ приключеній мужчинъ уже не выжидаетъ такихъ болѣе или менѣе подходящихъ случаевъ, чтобы сдѣлать женщинѣ самыя дерзкія предложенія. Въ трамваѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги, въ уличной толпѣ, въ кафэ, въ магазинѣ, словомъ всюду можетъ она услышать слова: «Можно васъ проводить?»—«Я выйду съ вами!»—«Вы мнѣ очень нравитесь».—«Буду васъ ждать на углу».

Все это еще наиболѣе приличныя формы, въ которыхъ дѣлаются подобныя предложенія. Ибо нынѣ считается самымъ обычнымъ явленіемъ, если порядочная женщина подвергается самымъ грубо-циничнымъ приставаніямъ. Успѣхъ многихъ мужчинъ объясняетъ, правда, въ достаточной степени, почему подобныя дерзкія предложенія такъ часты. Одинъ знатокъ этого вопроса дѣлаетъ изъ своихъ собственныхъ наблюденій слѣдующій выводъ:

«Изъ десяти порядочныхъ женщинъ, которымъ вы подмигнете на улицѣ, въ трамваѣ или въ магазинѣ, или съ которыми вы прямо вступите въ разговоръ, только двѣ будутъ искренно возмущены, три останутся равнодушными, такъ какъ привыкли къ подобнымъ предложеніямъ, всѣ же остальныя будутъ польщены, вступятъ однѣ сейчасъ-же, другія послѣ нѣкотораго колебанія въ разговоръ, позволятъ вамъ пригласить ихъ покататься или выпить кофе, «гдѣ можно уютно поболтать», и по крайней мѣрѣ двѣ согласятся послѣдовать за вами въ тихій уголокъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ можно поболтать на досугѣ... Этимъ уголкомъ являются, конечно, меблированныя комнаты. Чтобы постоянно или нѣсколько разъ получить отказъ, мужчина долженъ быть уже очень неловкимъ».

Разнообразныя причины объясняютъ намъ, почему подобныя предложенія и въ наше время дѣлаются преимущественно замужнимъ и порядочнымъ женщинамъ. Многіе мужчины стали въ дѣлахъ любви очень требовательными. Знакомство съ проститутками уже не удовлетворяетъ ихъ, такъ какъ носитъ слишкомъ дѣловой характеръ. Имъ довольствуется только человѣкъ нетребовательный или же изголодавшійся. Гораздо пріятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ общеніе съ мѣщаночкой или вообще съ такъ называемыми порядочными женщинами. Уже самое вступленіе здѣсь интереснѣе. Съ

замужней женщиной изъ средней или высшей буржуазіи можно—особенно въ большомъ городѣ—всюду показаться, не компрометируя себя, не бросаясь даже въ глаза, что невозможно, конечно, съ профессіональной проституткой. Съ ней можно пойти далѣе въ кафэ, въ театръ или циркъ, съ ней можно гулять, путешествовать, заниматься спортомъ и т. д.

Интереснѣе и дальнѣйшее развитіе связи съ порядочной женщиной. Такъ какъ порядочная женщина отдается—по крайней мѣрѣ, офиціально—всегда только по любви, то мужчина найдетъ у нея болѣе интенсивныя наслажденія, чѣмъ у проститутки. Важно и то, что половое общеніе съ замужней женщиной не грозитъ болѣзнью. Въ «Крейцеровой сонатѣ» Толстой влагаетъ въ уста героя слѣдующія слова:

«Братъ Трухачевскаго, я помню, разъ на вопросъ о томъ, посѣщаетъ ли онъ публичные дома, сказалъ, что порядочный человѣкъ не станетъ ходить туда, гдѣ можно заболѣть, да и грязно и гадко, когда всегда можно найти порядочную женщину».

Подобная вѣра, впрочемъ, не болѣе, какъ иллюзія. И въ особенности, если рѣчь идетъ о дамахъ буржуазіи. Директоръ большой и извѣстной женской клиники въ Берлинѣ, гдѣ лѣчатся и принимаются только дамы изъ богатой буржуазіи, сообщилъ намъ, что по его мнѣнію нигдѣ такъ не велика опасность заразиться, какъ именно отъ такъ называемыхъ порядочныхъ дамъ богатаго бюргерства. Потому, конечно, что многое множество этихъ дамъ заразились отъ супруговъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ онѣ, а порой даже и они, ничего не подозрѣваютъ. По словамъ этого врача въ рабочей средѣ гораздо меньше женъ съ половыми болѣзнями, такъ какъ здѣсь мужчины до брака рѣже имѣютъ дѣло съ проститутками. Всѣ эти дамы заражаютъ, конечно, и своихъ любовниковъ, если флиртъ съ ними доходитъ до послѣдней границы.

Если замужняя женщина можетъ, слѣдовательно, поспорить съ профессіональной проституткой, то ей должна уступить первенство и незамужняя женщина. Если дѣвушка отдается мужчинѣ, то она въ огромномъ большинствѣ случаевъ думаетъ выйти за него замужъ. Если она отдается, то часто для того, чтобы именно выйти замужъ. Для нея главное не любовь, а бракъ. По этой причинѣ мужчина, которому важно только наслажденіе, предпочтетъ дѣвушкѣ замужнюю. Эротическое удовольствіе, получаемое имъ отъ замужней, для него заманчивѣе еще и потому, что онъ можетъ не бояться беременности. Если замужняя женщина, съ которой муж-

чина находится въ тайной связи, становится беременной, то ея беременность относится—за счетъ мужа. Наконецъ, послѣдняя причина, почему мужчина предпочитаетъ сходиться съ замужними, заключается въ томъ, что связь съ ней часто, хотя и не всегда—какъ мы уже знаемъ и скоро узнаемъ еще подробнѣе—самая дешевая изъ всѣхъ.

Этимъ постоянно грозящимъ опасностямъ, окружающимъ со всѣхъ сторонъ мало-мальски хорошенькую женщину, многія и многія не въ силахъ противостоять. И опять таки по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Наиболѣе распространенной изъ этихъ причинъ является, несомнѣнно, неудовлетворенность женщины въ бракѣ. Объ этомъ уже было говорено. Здѣсь необходимо указать еще на одно обстоятельство, потому что оно также одно изъ наиболѣе важныхъ, а именно, что женщина въ половомъ отношеніи если не требовательнѣе, то во всякомъ случаѣ неутомимѣе мужчины. Это физіологическое отличіе уже само по себѣ дѣлаетъ для множества замужнихъ женщинъ, въ особенности праздныхъ, тайнаго любовника предметомъ по меньшей мѣрѣ затаенной мечты.

Подобныя затаенныя мечты живутъ однако не только въ сердцѣ «испорченной столичной дамы», но и въ сердцѣ провинціалки. И въ самомъ дѣлѣ: каждую недѣлю пріѣзжаютъ провинціалки, являющіяся дома олицетвореніями порядочности, въ большой городъ съ страстнымъ желаніемъ пережить галантное приключеніе.

Замужняя женщина, съ которой мужъ обращается, какъ съ кокоткой, подпадаетъ этому соблазну, естественно, быстрѣе всякой другой, какъ уже было выше указано. Здѣсь необходимо еще подчеркнуть тотъ фактъ, что въ настоящее время многія женщины могутъ свободно сами искать такихъ случаевъ потому, что имѣютъ на то разрѣшеніе самихъ—мужей. Тысячи получаютъ молчаливое, а многія и чаще, чѣмъ обычно думаютъ—открыто выраженное согласіе мужей. Другъ дома, удовлетворяющій любовный голодъ супруги, нынѣ для многихъ мужей скорѣе желанный спаситель, освобождающій ихъ отъ тягости всегда брюзжащей, сексуально неудовлетворенной жены, чѣмъ смертельно ненавидимый соперникъ. Если же онъ не желанный спаситель, то часто онъ во всякомъ случаѣ терпимый соперникъ.

Бываетъ однако и такъ, что другъ дома офиціально признанъ, какъ таковой, мужемъ. Не только все больше мужей находятъ въ себѣ мужество сказать своимъ неудовлетвореннымъ женамъ: «разрѣшаю тебѣ имѣть любовника, безъ котораго ты не можешь

обойтись»! или же предоставляетъ имъ то же право, которое они присвоили себѣ,—часто жена, находящаяся въ половыхъ сношеніяхъ съ другими мужчинами, дѣйствуетъ на мужа сильнѣе почтенной и цѣломудренной супруги. Многіе мужья сами поэтому приводятъ къ женѣ любовника и сами устраиваютъ такъ, чтобы его и ея друзья достигли всѣми одинаково желанной цѣли. Женѣ въ такихъ случаяхъ обычно ставится одно только условіе—чтобы она не очутилась въ «такомъ» положеніи.

Послѣдней существенно важной причиной роста случаевъ мимолетной или регулярной невѣрности замужнихъ женщинъ является все увеличивающаяся жажда роскоши. Объ Англіи конца XVIII в. писатель Гюттнеръ говорилъ:

«Вотъ уже нѣсколько лѣтъ я поставилъ своей цѣлью выяснить причины частыхъ процессовъ, вызванныхъ прелюбодѣяніемъ, и я нашелъ, что изъ пяти женъ, разведенныхъ съ мужьями, по крайней мѣрѣ трое впадаютъ въ искушеніе пожертвовать золоту соблазнителя то, чего бы онъ никогда не добился своими личными качествами, изъ любви къ роскоши и благодаря отсутствію средствъ для удовлетворенія этой потребности».

Нынѣ жажда роскоши такъ велика, какъ никогда раньше, и потому она и приводитъ къ аналогичнымъ послѣдствіямъ. «Жить, какъ того требуетъ положеніе», т. е. одѣваться и жить такъ же элегантно, какъ это принято въ общественной средѣ, къ которой принадлежишь,—эта задача становится для многихъ и многихъ семействъ все болѣе сложной задачей. Если необходимость рѣшить эту задачу побуждаетъ мужчинъ нынѣ къ рискованнымъ спекуляціямъ, то, быть можетъ, въ еще большей степени побуждаетъ она женщинъ эксплуатировать свою любовь, на которую имѣется такой спросъ. Невозможность удовлетворять общественнымъ требованіямъ ложится особенной тяжестью именно на жену, такъ какъ часто мужъ не только не можетъ, но и не хочетъ итти навстрѣчу ея повышенной потребности въ роскоши. Отказываться же приходиться ей, конечно, прежде всего отъ множества мелкихъ желаній и потребностей, являющихся въ глазахъ многихъ одной изъ главныхъ предпосылокъ счастливой жизни: отъ драгоцѣннаго украшенія, новой шляпы, шали, новаго платья, билета въ театръ и т. д.

При такихъ условіяхъ, что можетъ быть естественнѣе для маломальски хорошенькой и не страдающей особенной щепетильностью женщины, какъ не мысль, получить все это въ подарокъ отъ друга?

Въ своей книгѣ, посвященной второй имперіи во Франціи, К. Пельтанъ такъ характеризуетъ этотъ женскій типъ:

«Взгляните на эту молодую, красивую женщину, покоящуюся въ креслѣ, какъ статуя скорби! Безмолвныя слезы текутъ по ея щекамъ, а отъ ея судорожнаго рыданія поднимаются и опускаются на ея груди сверкающіе брилліанты подобно тому, какъ волна отражаетъ на своей поверхности тысячекратно преломленный свѣтъ звѣздъ! Почему плачетъ она, почему она такъ блѣдна и такъ взволнована, точно Гекуба? Похитила ли смерть ея ребенка? Поглотила ли биржевая спекуляція все ея состояніе? О нѣтъ! Просто мужъ не захотѣлъ ей купить украшеніе у Фроманъ Мориса, и въ этотъ часъ униженія она вспоминаетъ знакомую даму, которая можетъ истратить десять тысячъ франковъ на головной уборъ. Она вздыхаетъ, дрожитъ всѣми фибрами своего существа. Но она получитъ украшеніе, о которомъ такъ мечтаетъ! Она поклялась! Весь вопросъ только въ томъ, кто заплатитъ за него?»

Въ первый разъ оплачиваютъ счетъ поцѣлуемъ. Потомъ тѣмъ, что не очень возмущаются назойливостью друга, а подъ конецъ ему разрѣшается и визитъ, когда мужа нѣтъ, а то соглашаются и посѣтить его въ его холостецкой квартирѣ, какъ на картинѣ Биссона: «Первое rendez-vous».

Такимъ путемъ покрываются не только маленькіе, но и большіе расходы. Такимъ путемъ можно содержать требовательнаго любовника, у котораго дорого стоющія привычки и который постоянно въ денежныхъ затрудненіяхъ; такимъ путемъ удовлетворяется собственная жажда роскоши; такимъ путемъ поддерживается даже изъ году въ годъ бюджетъ многочисленныхъ, большихъ хозяйствъ. Что мы не преувеличиваемъ, что здѣсь рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ случаяхъ, а о массовомъ явленіи, неопровержимо доказываетъ уже описанный въ первой главѣ институтъ такъ называемыхъ maisons de rendez-vous, главная цѣль которыхъ въ томъ и заключается, чтобы позволить «порядочнымъ» замужнимъ дамамъ быстро и успѣшно дѣлать подобныя «дѣла».

Такъ какъ эти maisons de rendez-vous являются, несомнѣнно, чрезвычайно характерными показателями современной частной и общественной нравственности, то необходимо сдѣлать еще нѣсколько добавленій къ сказанному о нихъ въ первой главѣ. Мы воспользуемся для этого чрезвычайно богатымъ матеріаломъ, собраннымъ Морисомъ Тальмейромъ въ его книгѣ «Конецъ одного общества».

Эти дома свиданій расположены обыкновенно вблизи большихъ

магазиновъ. Это даетъ дамамъ возможность незамѣтно войти. Дама офиціально идетъ въ магазинъ и покидаетъ его съ противоположнаго выхода. Съ внѣшней стороны домъ ничѣмъ особеннымъ не отличается. Можно приходить и уходить, никому не бросаясь въ глаза. Вотъ что говорится объ этомъ пунктѣ:

«На фасадѣ дома нѣтъ никакихъ признаковъ позорнаго ремесла. Ничѣмъ онъ не бросается въ глаза. То домъ, какъ домъ, куда (по мнѣнію полиціи) всякъ, мужчина и женщина, могутъ войти, не компрометируя себя. Отличаясь элегантной внѣшностью, расположенный обычно въ красивой части города, на одной изъ лучшихъ улицъ, такой домъ похожъ на одинъ изъ болѣе богатыхъ домовъ, гдѣ сдаются квартиры, или на барскій домъ.

Вы не проживете въ плохой обстановкѣ, безъ того, чтобы этого не замѣтить. Но вы можете десять лѣтъ подъ рядъ жить бокъ-о-бокъ съ домомъ свиданій и не будете объ этомъ даже подозрѣвать.

Таинственныя карточки—впрочемъ, нынѣ онѣ уже лишены своей таинственности—приглашаютъ васъ прислать для выставки «художественные предметы». Посылка такихъ карточекъ теперь считается, впрочемъ, уже избитымъ средствомъ и завѣдующая хорошимъ maison de rendez-vous уже не пользуется нынѣ такими грубыми двусмысленностями. Она пришлетъ вамъ, даже не зная васъ, гораздо болѣе простое приглашеніе: «Г-жа Z. приглашаетъ на такой-то день—въ такой-то часъ... на чашку чая». Она даетъ даже настоящія soirées, на которыя приглашаетъ всѣхъ, занимающихъ видное общественное положеніе, бывшихъ префектовъ и генераловъ въ отставкѣ. Иногда она дѣйствуетъ и болѣе открыто, чтобы не слишкомъ сузить поле своей коммерческой дѣятельности, обращаясь къ вамъ съ просьбой «удостоить ея салонъ вашимъ присутствіемъ», стараясь, по мѣрѣ возможности, выдержать тонъ или же выбирая вѣжливо дѣловой стиль».

Возбуждаютъ полное довѣріе и завѣдующія этими домами свиданій, такъ что никому не придетъ въ голову относиться къ нимъ съ предубѣжденіемъ. Современная сводня этого типа всегда элегантная дама, знакомство которой не скомпрометируетъ ни мужчинъ, ни дамъ, прибѣгающихъ къ ея услугамъ. Тальмейръ рисуетъ слѣдующій портретъ завѣдующей подобнымъ учрежденіемъ:

«Мы находимся у Ж. Это все еще довольно молодая женщина съ смуглымъ цвѣтомъ лица, вся утопающая въ кружевахъ. Она находится въ маленькомъ салонѣ, богато обставленномъ портретами, коврами, диванами, подушками Liberty. Со вкусомъ раз-

ставленныя лампочки распространяютъ матовый свѣтъ. Я въ первую минуту пораженъ увѣренной ловкостью, съ которой она принимаетъ меня и моего гида. Передо мною женщина, которой соблюденіе свѣтскаго лоска не представляетъ никакой трудности. Она ведетъ себя ни подобострастно, ни вульгарно. Ничто въ ней не дѣйствуетъ отталкивающе.

Жестомъ руки приглашаетъ она насъ сѣсть и сама опускается въ кресло. Несмотря на все, что мнѣ говорили, я всетаки думалъ найти женщину, которая будетъ смущена моимъ намѣреніемъ. Ничего подобнаго. Она нисколько не была удивлена и по ея лицу, я могъ даже понять, что я не первый, обнаруживающій соціологическій интересъ къ руководимому ею дому».

О среднемъ числѣ замужнихъ женщинъ, пользующихся услугами такихъ домовъ, освѣдомляютъ слѣдующіе отвѣты завѣдующихъ:

«Много ли замужнихъ?.. Конечно, очень много! У меня бываетъ около пятидесяти, среди нихъ около пятнадцати дамъ свѣта».

Еще характернѣе слѣдующій отвѣтъ:

«Вы спрашиваете о замужнихъ женщинахъ? Ихъ слишкомъ много? «Какъ слишкомъ много?»—«Да, слишкомъ много». И обратившись къ вошедшей г-жѣ А., она замѣтила: «Не правда ли, ихъ у насъ слишкомъ много!»—«О да!»—отвѣтила та, улыбаясь. Охъ ужъ эти замужнія дамы»!—«Скажите, а въ какомъ соотношеніи онѣ находятся къ незамужнимъ»?—«Въ какомъ соотношеніи? Онѣ составляютъ болѣе четвертой части. Я теперь занята тѣмъ, что отваживаю дамъ изъ порядочнаго общества. Въ настоящее время онѣ всѣ хотятъ разыгрывать кокотокъ, какъ всѣ онѣ разыгрываютъ салонную комедію».

О значительномъ процентѣ дамъ изъ хорошаго и лучшаго общества завѣдующій парижскимъ сыскнымъ отдѣленіемъ далъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Вы только что говорили о полицейскомъ сыскѣ, и я могу вамъ разсказать объ обыскѣ въ одномъ домѣ, даже не перворазрядномъ, гдѣ коммиссаръ нашелъ жену одного консула. Трудно представить себѣ, какое изумленіе охватило бы публику, если бы она узнала всѣ грѣшки иныхъ носителей именъ, на которыхъ, повидимому, нѣтъ и тѣни подозрѣнія. Къ счастью, эти имена навсегда останутся тайной, но вы и не представите себѣ, какія вещи вы узнали бы, если бы въ одинъ прекрасный день разоблачить эти тайны».

Все снова слышимъ мы утвержденіе, что замужнія дамы приходятъ въ такіе дома прежде всего ради заработка.

«Завѣдующая сообщила намъ, что эти замужнія дамы имѣютъ одну только страсть, а именно деньги, и что онѣ требуютъ отъ мужского «персонала» только хорошихъ манеръ, пристойнаго поведенія и нѣкотораго умѣнія вести бесѣду».

Для историка нравовъ большой интересъ представляетъ также вопросъ: какъ находятъ эти дамы подобные дома? И прежде всего, конечно, тѣ многія женщины, которыя ежедневно предлагаютъ свои услуги по части любви. Разумѣется, не случайность наталкиваетъ ихъ. Многочисленныя женщины сами ищутъ дорогу туда и находятъ не мало лицъ помогающихъ имъ въ этомъ отношеніи. Въ большинствѣ случаевъ адресъ даетъ близкая подруга. Но не только она указываетъ на этотъ исходъ и даетъ адресъ, часто знаютъ его и мужчины ихъ круга, являясь сами кліентами этихъ учрежденій. Иногда это дѣлаетъ и способный на самопожертвованіе любовникъ, которому надоѣло тратить на свою связь такъ много денегъ, или которому «хотѣлось бы помочь любимой женщинѣ выйти навсегда изъ вѣчныхъ денежныхъ затрудненій», что сдѣлать онъ самъ не въ состояніи.

Всѣми этими лицами еще не исчерпанъ однако списокъ тѣхъ, кто помогаетъ замужней женщинѣ найти дорогу въ домъ свиданій. Не только подруга, не только расположенный другъ, не только готовый къ самопожертвованію любовникъ помогаютъ ей, но иногда даже и самъ супругъ посылаетъ туда свою хорошенькую молодую жену или даже самъ вводитъ ее въ такой домъ. Вотъ доказательство:

«Что скажете вы, если я вамъ сообщу, что сейчасъ у меня бываетъ дама, которую прислалъ ея собственный мужъ»...—«Женатый сутенеръ, стало быть!»—«О, нисколько!.. Ничего подобнаго, или по крайней мѣрѣ не въ обычномъ смыслѣ этого слова. Женатый сутенеръ занимается вымогательствомъ и живетъ этимъ. Тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, не нуждается въ этомъ, онъ самъ занимаетъ видный постъ».—«Чѣмъ же онъ занимается?»—«Онъ архитекторъ! И притомъ хорошо поставленный. У него есть свое бюро, есть кліенты, есть служащіе. Онъ въ самомъ дѣлѣ занятый своимъ дѣломъ архитекторъ. И всетаки онъ послалъ свою жену сюда! Онъ просто снисходительный мужъ, которому его снисходительность выгодна и который предпочитаетъ дома свиданій, чтобы не возиться съ любовниками. Словомъ, домъ свиданій является для мужа тѣмъ

Діасъ: Развратный монахъ.
Гл. II.



Англійское утреннее платье (1794).
Гл. III.

Норскотъ: Добродѣтельная дочь (1796).
Гл. I.



Любовная парочка въ Бретани.
Гл. IV.

же этапомъ, до котораго уже дошла жена. Жена, у которой раньше были одинъ или нѣсколько любовниковъ, промѣняла ихъ теперь на домъ свиданій. Въ такомъ же положеніи находится мужъ: если раньше онъ долженъ былъ закрывать глаза на одного или нѣсколькихъ любовниковъ, то теперь ему приходится закрывать глаза на «дѣла» жены. Если я только не ошибаюсь, такихъ мужей гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Что раньше считалось непристойнымъ, нынѣ считается дозволеннымъ. Это называется эволюціей!»

Что это не исключительныя явленія, видно изъ сообщенія, сдѣланнаго другой завѣдующей на вопросъ о мужскихъ кліентахъ подобныхъ домовъ. А это сообщеніе рисуетъ положеніе вещей даже еще въ гораздо болѣе чудовищномъ видѣ.

«На вопросъ, какіе мужчины являются посѣтителями ея дома, завѣдующая отвѣтила: «Молодые люди изъ хорошей семьи и много иностранцевъ. Въ Англіи недавно эти дома свиданій были закрыты, и съ тѣхъ поръ многіе англійскіе аристократы, лорды и члены парламента пріѣзжаютъ сюда. Самое путешествіе они предпринимаютъ исключительно ради этой цѣли. Что же касается молодыхъ людей, то они желаютъ имѣть любовницъ, а нѣкоторые также жену, такъ какъ ихъ семья разорена!»—«Жену, чтобы жениться!»—«Да, конечно!»—«Ради чего же?»—«Чтобы имѣть доходы!»—«Это правда?»—«Сущая правда!»—«И часто это бываетъ?»—«Не очень часто, но все же бываетъ!»

И такъ: въ настоящее время есть и браки, построенные на такомъ «дѣловомъ» базисѣ!

Всѣ эти данныя касаются современнаго Парижа и пока для другихъ странъ у насъ нѣтъ такихъ же исчерпывающихъ и убѣдительныхъ свѣдѣній. Было бы однако неправильно дѣлать отсюда выводъ, что въ другихъ странахъ нѣтъ такихъ сводническихъ учрежденій. Подобныя учрежденія, несомнѣнно, существуютъ нынѣ incognito во всѣхъ крупныхъ городахъ. И вездѣ царятъ тѣ же методы и тѣ же внѣшнія формы. Немолодая дама содержитъ пансіонъ—самая простая и самая удобная вывѣска—или у нея салонъ, гдѣ друзья дома могутъ найти въ любое время случай познакомиться съ хорошенькими женами-мѣщанками, съ которыми можно «пріятно и свободно провести время». Обычно это женщины, находящіяся въ данный моментъ въ затруднительномъ денежномъ положеніи и потому вынужденныя найти «человѣколюбца», который

помогъ бы имъ выпутаться. А такими «человѣколюбцами» и являются обыкновенно мужскіе посѣтители.

Часто подобныя заведенія скрываются также подъ маской брачныхъ бюро. Въ такихъ случаяхъ доставляется знакомство съ такъ называемыми молодыми вдовами. Довольно богатый матеріалъ для характеристики подобныхъ учрежденій заключается въ полицейскихъ актахъ всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ. И однако власти вмѣшиваются лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Уже по одному тому, что даже, если бы полиція имѣла свѣдѣнія о дѣятельности такой сводни, ей было бы въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно трудно доказать, что старая дама занимается этой профессіей, а хорошенькія молодыя женщины, навѣщающія ее разъ или два раза въ недѣлю, повинны въ профессіональномъ развратѣ. Съ другой стороны полиція никогда не чувствуетъ потребности компрометировать богатыхъ и пользующихся извѣстностью лицъ.

Если тѣмъ не менѣе дѣло иногда доходитъ до процесса, то обычно лишь послѣ публичнаго скандала. Но и въ такихъ случаяхъ стараются затушевать какъ можно больше подробностей. Иногда, правда, противъ желанія властей, но иногда и съ ихъ молчаливаго согласія. «Общественные интересы не заставляютъ вмѣшаться въ данный случай»—такъ приблизительно гласитъ въ подобныхъ случаяхъ соотвѣтствующая формула на всѣхъ языкахъ, которой или отклоняются сдѣланные доносы или прекращается уже начатое разслѣдованіе.

Необходимо въ заключеніе замѣтить, что было бы безусловно неправильно усматривать въ этихъ домахъ свиданій исключительно современное учрежденіе. Современной является лишь ихъ организація въ такомъ крупномъ масштабѣ.

Здѣсь, впрочемъ, не мѣшаетъ указать и на безчисленные случаи, когда замужнія женщины оплачиваютъ своей любовью повышеніе мужа на службѣ, обезпеченіе своего собственнаго или его положенія, или когда артистка отдается, чтобы получить эффектную роль или добиться благопріятной рецензіи.

Послѣ всего сказаннаго какъ бы самъ собою всплываетъ вопросъ, какой выводъ необходимо сдѣлать относительно большей или меньшей склонности женщины по сравненію съ мужчинами къ адюльтеру въ вѣкъ господства буржуазіи? Отвѣтъ долженъ былъ бы гласить: замужнія женщины такъ же часто невѣрны, какъ и мужья, и во всякомъ случаѣ въ среднихъ слояхъ невѣрность нынѣ

болѣе частое явленіе, чѣмъ въ прежнія эпохи. Прево влагаетъ въ уста одного жуира слова:

«Къ нашимъ услугамъ всегда больше женщинъ, чѣмъ нужно... Всѣ онѣ такъ похожи другъ на друга. Всѣ онѣ такія маленькія похотливыя животныя. Ихъ цѣломудріе, ихъ порядочность коренятся всегда только въ боязни, что скажетъ свѣтъ, въ тщеславіи или въ привычкѣ... Ихъ душа подобна тряпкѣ, получающей свою окраску отъ мужчины. Только тѣломъ отличаются онѣ другъ отъ друга».

О женщинахъ эпохи отъ 50 до 70-хъ годовъ прошлаго вѣка Альфонсъ Карръ замѣчаетъ:

«Если бы мужчины знали, какъ думаютъ женщины, онѣ были бы въ десять разъ болѣе дерзкими, чѣмъ они теперь».

Многіе говорятъ: это исключенія. Циникъ отвѣтитъ: «Нисколько! Не всѣ женщины только находятъ спросъ». А Шницлеръ съ своей стороны утверждаетъ: всѣ мужчины и всѣ женщины одинаково измѣняютъ и доказываетъ это въ «Хороводѣ», гдѣ графъ обманываетъ актрису, актриса поэта, поэтъ—das süsse Mädel, эта послѣдняя мужа, мужъ свою молодую жену, молодая жена—своего любовника, этотъ послѣдній горничную, а горничная солдата—или наоборотъ.

И еще другой вопросъ всплываетъ здѣсь передъ нами: каковы размѣры невѣрности замужнихъ женщинъ отдѣльныхъ націй. Приведенные нами факты подтверждають на первый взглядъ столь распространенное мнѣніе, будто именно француженка является истымъ олицетвореніемъ супружеской невѣрности, классической представительницей незаконныхъ любовныхъ связей вообще.

Это столь распространенное мнѣніе объясняется тѣмъ, что—какъ прекрасно выясняетъ въ своемъ этюдѣ о Парижѣ К. З. Шмиттъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ современныхъ французскихъ нравовъ—обычно смѣшиваютъ Францію съ Парижемъ и въ частности,—что также недопустимо—такъ называемую flaneuse парижскихъ бульваровъ съ парижанкой.

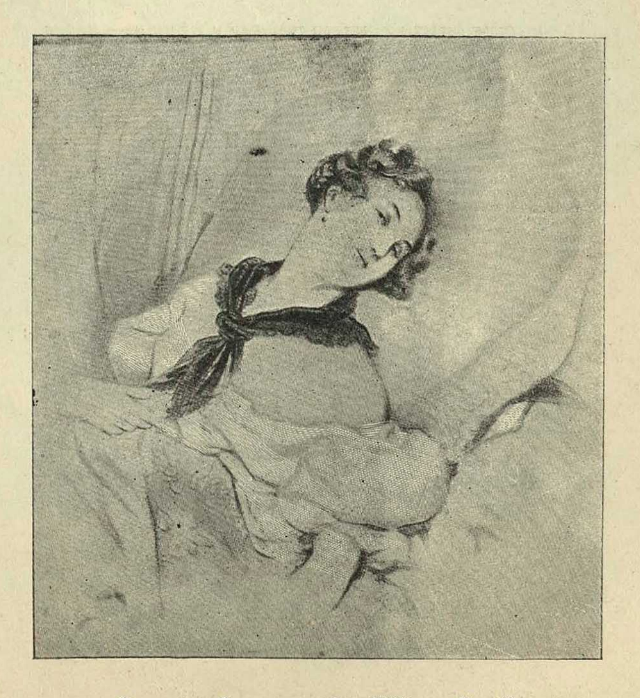
«Мнѣ думается—говоритъ онъ,—что во Франціи женская добродѣтель ни хуже и ни лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Разумѣется, не слѣдуетъ сопоставлять Парижъ съ какимъ нибудь провинціальнымъ гнѣздомъ. Но сравните парижанку съ англичанкой изъ Лондона, съ вѣнкой, съ жительницей Берлина, и я убѣжденъ, что парижанка ни въ какомъ отношеніи не окажется ниже ихъ. Сравните женщину изъ Бовэ, Шатоденъ или Пуатье съ дамами изъ

Аугсбурга, Линца или Гейльброна и вы увидите, что различіе между ними невелико. Большинство чужестранцевъ, посѣщающихъ Парижъ, являются провинціалами и то, что они принимаютъ за безнравственность француженки, необходимо отнести просто за счетъ большого города. Прибавьте сюда еще то, что иностранецъ имѣетъ возможность познакомиться только съ такими француженками, которыхъ можно увидѣть въ публичныхъ мѣстахъ: съ мельничихами изъ Moulin rouge съ садовницами изъ Jardin de Paris съ танцовщицами изъ Ball Buillier и съ бульварными дѣвицами. Что эти дамы, существующія любовью, не лучше своей репутаціи и не лучше своихъ иностранныхъ товарокъ, понятно само собой. А когда потомъ чужестранецъ видитъ, что всѣ дамы, съ которыми онъ встрѣчается на улицѣ, одѣты также ярко, какъ жрицы Венеры, то онъ смѣшиваетъ всѣхъ въ одну кучу и возвращается на родину съ чувствомъ удовлетворенія, что мы—дикари—болѣе хорошіе и добродѣтельные люди».

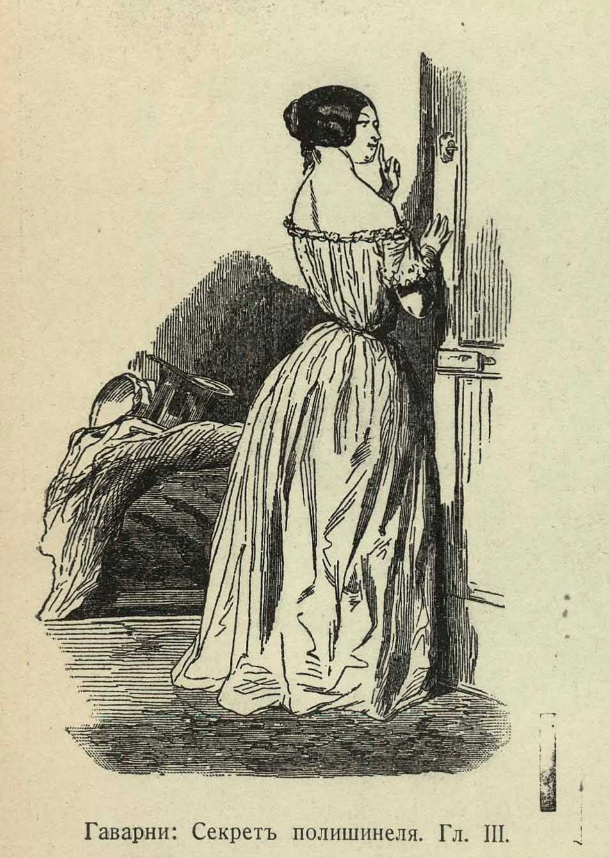
Но и Шмиттъ неправъ. На самомъ дѣлѣ дѣло обстоитъ даже наоборотъ. Француженка въ массѣ отличается въ этомъ отношеніи даже чрезвычайно выгодно отъ женщинъ другихъ націй. Дѣло въ томъ, что въ такихъ вопросахъ—какъ уже было выяснено во вступительной главѣ перваго тома,—рѣшающую роль играетъ принадлежность не столько къ той или другой расѣ, сколько къ тому или другому классу, т. е. большая или меньшая разнузданность зависитъ отъ даннаго экономическаго положенія, воздвигающаго или же устраняющаго преграды для нравственности. Это не значитъ, конечно, что расовый темпераментъ не играетъ въ такихъ вопросахъ никакой роли. Подобное утвержденіе было бы нелѣпостью. Болѣе холодная кровь, естественно, прежде всего мѣшаетъ переступать искусственныя общественныя постановленія подобно тому, какъ горячая кровь является первымъ стимуломъ пренебрегать ими.

Тѣмъ не менѣе специфическое экономическое положеніе играетъ въ данномъ случаѣ гораздо болѣе важную роль. Оно или мѣшаетъ или же содѣйствуетъ какъ естественнымъ склонностямъ, такъ и внѣшнимъ стимуламъ. Только оно и создаетъ поэтому типическую картину. А это специфическое экономическое положеніе обусловливаетъ сравнительно болѣе прочную супружескую вѣрность француженки. Она во всякомъ случаѣ лучше своей репутаціи. Дѣло въ томъ, что Франція до сихъ поръ еще преимущественно страна мелкобуржуазная. Крупная индустрія была до послѣднихъ

Шлезингеръ: Бракъ по разсчету. Гл. IV.



Деверіа; Сладострастіе. 1832 г. Гл. II.



Гаварни: Секретъ полишинеля. Гл. III.

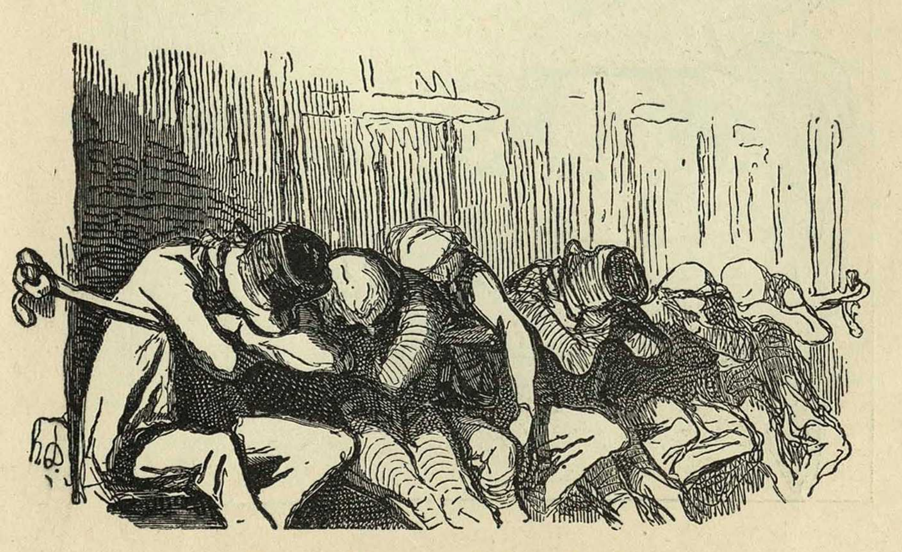


Невѣнчанная мать. Гл. IV.

Валлэ: За туалетомъ. Гл. III.



Гаварни: На маскарадѣ. Гл. VI.



Домье: Ночлежка 1840 г. Гл. I.

LIBRAIRIE NATIONALE, 15, rue du Croissant, Paris

Demain, Lundi 14 Juillet 1880

Paraîtra en livraisons splendidement illustrées

LES

AMOURS DE DUMOLLARD

ROMAN ÉTRANGE

PAR

MAURICE JOGAND

Auteur de l'ENFANT DE LA FOLLE

50 CENTIMES LA SÉRIE

De 5 Livraisons

10 CENTIMES LA LIVRAISON

De 8 pages

Il paraîtra deux livraisons de huit pages par semaine

Chaque livraison contient une magnifique illustration de MARSAL, gravée sur bois

L'ouvrage complet formera un splendide volume d'environ 500 pages

Реклама бульварнаго романа. Гл. VII.



Ньютонъ: Неглижэ. 1796 г. Гл. III.

десятилѣтій мало развита, за исключеніемъ сѣверныхъ департаментовъ. У массы населенія должны поэтому преобладать свойственныя мѣщанству добродѣтели. А въ мелкой буржуазіи господствуетъ больше, чѣмъ въ другихъ классахъ, супружеская вѣрность, такъ какъ экономическія предпосылки воздвигаютъ здѣсь наивеличайшія преграды склонности къ измѣнѣ и въ особенности склонности къ ней именно женщины (см. первый томъ нашей Исторіи нравовъ).

Такъ какъ съ другой стороны наименьшія задерживающія невѣрность данныя имѣются въ крупнобуржуазной средѣ, гдѣ къ тому же, какъ мы видѣли, постоянно дѣйствуютъ причины, побуждающія къ невѣрности, то отсюда слѣдуетъ, что, если уже необходимо разсматривать вопросъ по національностямъ, то англичанка должна наоборотъ отличаться большей склонностью къ невѣрности, чѣмъ француженка. И, повидимому, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

По крайней мѣрѣ ни въ одну эпоху буржуазнаго вѣка ни въ какой другой странѣ невѣрность женъ не была такимъ распространеннымъ и открыто выражавшимся явленіемъ, какъ въ Англіи въ эпоху возникновенія крупной буржуазіи, слѣдовательно въ періодъ между послѣдней четвертью XVIII в. и 30 годами XIX ст. Не то, чтобы потомъ положеніе вещей измѣнилось, оно стало только болѣе завуалированнымъ, такъ какъ моральное лицемѣріе буржуазіи стало съ теченіемъ времени для буржуазіи необходимымъ условіемъ ея существованія. Въ указанный періодъ совращеніе и похищеніе женщинъ стояли на столько на очереди дня, что служили однимъ изъ главныхъ мотивовъ сатиры.

Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу всевозможныхъ формъ адюльтера въ тогдашнемъ англійскомъ обществѣ являются частые разводы, имѣвшіе мѣсто въ эту эпоху. Въ своихъ британскихъ анналахъ Архенхольцъ писалъ (1796 г.).

«Никогда разводы не были въ Англіи такимъ частымъ явленіемъ, какъ въ настоящее время, благодаря чему значительно уменьшился позоръ, связанный раньше съ процессами, вызванными прелюбодѣяніемъ. Къ этому роду безнравственныхъ явленій стали относиться теперь очень снисходительно, такъ что въ іюлѣ 1796 г. люди были свидѣтелями такого скандала: нѣкто объявилъ въ газетахъ объ изданіи серіи подобныхъ процессовъ подъ заглавіемъ: A general History of modern Galantry. На театральныхъ

афишкахъ въ маленькихъ городахъ часто красовались заглавія извѣстныхъ комедій: Now to ged married, The Wedding day, The divorce.

Какъ мало измѣнилось это положеніе вещей въ эпоху господства буржуазіи, доказываетъ современная бракоразводная статистика Америки.

Въ Соединенныхъ Штатахъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ насчитывалось ровно милліонъ разводовъ, а въ двухъ съ половиной милліонахъ случаевъ судъ отклонилъ искъ о разводѣ. Само собой понятно, въ этомъ не слѣдуетъ видѣть доказательства только частой супружеской невѣрности. Ростъ числа разводовъ въ особенности нынѣ скорѣе положительное, чѣмъ отрицательное явленіе. Въ немъ обнаруживается съ неменьшей ясностью ростъ самостоятельности женщины, все болѣе сознающей себя равноправнымъ человѣкомъ. А это явленіе относится въ особенности къ Америкѣ и Англіи. Въ учащающихся случаяхъ развода сказывается въ крайнемъ случаѣ развѣ только легкомысліе, съ которымъ заключаются браки. Оказывается, что для многихъ бракъ съ самаго начала пустая формула, къ которой они прибѣгаютъ, такъ какъ она представляетъ наиболѣе удобную возможность физическаго схожденія. А когда это становится скучнымъ или когда появляется желаніе сойтись съ кѣмъ нибудь другимъ, супруги просто разводятся. Или не прибѣгаютъ даже къ этому. Ибо нѣтъ другой страны, въ которой двоеженство и даже троеженство были бы такъ распространены, какъ въ Америкѣ.

Приблизительно такъ же, какъ въ Англіи, обстояло дѣло во Франціи, когда тамъ вмѣстѣ съ побѣдой директоріи въ 1797 г. власть перешла въ руки крупной буржуазіи. Одинъ писатель эпохи реставраціи говоритъ о нравахъ директоріи слѣдующее:

«Нравственная разнузданность, свобода нравовъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ—вотъ наиболѣе характерныя черты парижскаго общества эпохи директоріи. Въ Moniteur каждый день появлялось больше объявленій о разводахъ, чѣмъ о свадьбахъ. Бракосочетаніе было не болѣе, какъ прогулкой въ мерію, послѣ чего каждый могъ дѣлать, что хотѣлъ. Послѣ ужасовъ и трагедій гильотины женщина и физическая любовь были тѣми двумя силами, которыя вмѣстѣ управляли Франціей. «Odore di femina» вытѣснилъ запахъ крови. Изъ парламента, какъ и въ парламентъ, дорога лежала черезъ спальню».

Если о Германіи подобное сужденіе можно произнести только

теперь, то потому, что крупная буржуазія развивалась здѣсь медленно, лишь постепенно выростая изъ мѣщанства, и потому часъ ея рожденія не сопровождался здѣсь такимъ же переворотомъ, заставлявшимъ колебаться и шататься всѣ унаслѣдованныя отъ прошлаго воззрѣнія. Въ Германіи такое положеніе вещей могло быть только конечнымъ результатомъ развитія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ опубликованъ рядъ писемъ, какъ доказательство легкомыслія, съ которымъ «прусскіе придворные и аристократическіе круги, какъ и бюргерство отнеслись къ національному несчастію 1807 г.». Прусскій тайный совѣтникъ фонъ Штегеманъ писалъ въ 1807 г. женѣ о жизни въ Мемелѣ, гдѣ тогда находились королевская семья и императоръ Александръ I:

«Пишу тебѣ снова подъ звуки музыки русскаго гвардейскаго оркестра... Твое предостереженіе, чтобы я щадилъ свое здоровье, такъ какъ изъ Кенигсберга прибыло сто хорошенькихъ дѣвушекъ, заставило меня улыбнуться... Здѣсь ведутъ языческій образъ жизни, быть можетъ, потому, что передъ ратушей стоитъ статуя античнаго бога, похожаго на бога садовъ... (Пріапа)...»

Въ такомъ же духѣ писалъ нѣсколько позже герцогъ Фридрихъ Голштейнъ-Бекъ той же дамѣ:

«Здѣсь (въ Кенигсбергѣ) въ общемъ довольны французами въ большей степени, чѣмъ думали. Въ особенности довольны ими дамы, болѣе же всего горничныя. Говорятъ, многія послѣдовали за своими гостями и безъ священническаго благословенія. Одна дѣвушка произвела такое впечатлѣніе на губернатора Савари, что тотъ хотѣлъ взять ее съ собой и предложилъ родителямъ 20,000 тал., а такъ какъ тѣ потребовали 30,000, то дѣло разстроилось. Какъ она, такъ и многія другія женщины и дѣвушки всякаго положенія приглашались имъ (Савари) къ себѣ и возвращались домой только на слѣдующее утро... Не слышно, чтобы среди нихъ нашлась вторая Лукреція или чтобы отецъ, похожій на старика Галотти, кинжаломъ освободилъ дочь отъ угрожавшей ей опасности».

Приведенныя письма подтверждаютъ въ самомъ дѣлѣ, что въ указанныхъ кругахъ царила всеобщая распущенность.

Для характеристики нравственнаго безстыдства, господствовавшаго въ Парижѣ, въ особенности въ эпоху директоріи, имѣется теперь чрезвычайно богатый матеріалъ, собранный съ теченіемъ времени и постепенно опубликованный. Такъ напр., мы слышимъ,

что къ числу свѣтскихъ развлеченій въ домѣ Барра, одного изъ трехъ правителей Франціи, принадлежало и такое, что Барра вдругъ исчезалъ совершенно безцеремонно съ одной изъ дамъ въ сосѣдней комнатѣ и потомъ также безцеремонно появлялся въ залѣ.

«Одна роялистка жаловалась, что Барра во время вечернихъ пріемовъ иногда уходилъ съ madame Тайенъ во внутренніе покои, а потомъ снова появлялся съ ней, обхвативъ рукой ея талію».

Мы слышимъ далѣе изъ достовѣрныхъ источниковъ, что устраиваемые тогда въ свѣтскомъ обществѣ балы и празднества не рѣдко кончались тѣмъ, что самыя хорошенькія женщины соглашались танцовать совершенно обнаженными, что не составляло, впрочемъ, ни особенности труда ни особеннаго различія, такъ какъ весь костюмъ исчерпывался, какъ мы знаемъ, часто одной только рубашкой. Мы слышимъ далѣе о такихъ балахъ, которые устраивались спеціально для этой цѣли, такъ что всѣ участницы появлялись голыми. Подобные балы не имѣли, разумѣется, ничего общаго съ такъ называемыми «праздниками красоты», такъ какъ они всегда завершались всеобщей оргіей.

Аналогичныя свѣдѣнія имѣются у насъ и относительно буржуазной Англіи. Нѣтъ такой формы массоваго разврата, которая не стояла бы тогда на очереди дня. Самые дикіе капризы имѣли и здѣсь своихъ типическихъ представителей. Достаточно привести для примѣра слѣдующій разговоръ Казановы съ лордомъ Пемброкомъ:

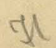
«На слѣдующій день навѣстилъ меня лордъ Пемброкъ. «Goddam! воскликнулъ онъ. И король живетъ не лучше въ С. Джемсѣ! Три квартиры, это уже слишкомъ! Кто мѣшаетъ вамъ принимать въ верхнихъ этажахъ женщинъ!»—«Милордъ, именно объ этомъ я и мечтаю. Можетъ быть, вы знаете какую-нибудь хорошенькую женщину, которой можно было бы воспользоваться?»—«Я могъ бы рекомендовать ихъ вамъ десятками, да было бы неприлично, если бы вы получали остатки съ моего стола изъ моихъ же рукъ!»—«Вы, стало быть, очень перемѣнчивы?»—«Я никогда не могъ имѣть дважды одну и туже женщину!»—«Вы женаты?»—«Это то и приводитъ меня въ бѣшенство. Впрочемъ, это мнѣ нисколько не мѣшаетъ вести образъ жизни холостяка. Каждый день я имѣю дѣло съ новымъ лицомъ. Приходится, конечно, много тратить, такъ какъ обѣдая каждый день внѣ дома, какъ тутъ не разориться!»

Въ Лондонѣ часто основывались тогда богатыми жуирами, такъ

Моренъ: Счастье въ мансардѣ. 1835 г. Гл. IV.



Вольфъ: Chambre Separée. Гл. IV.



Любовь и кокетство. Анонимная литографія. Гл. IV.



Стваль: Безстыдство. Гл. II

называемые «эротическіе клубы», въ цѣляхъ совмѣстнаго разврата. На этотъ счетъ имѣется такой богатый матеріалъ, что въ своей книгѣ Geschlechtsleben in England E. Дюренъ могъ имъ наполнить цѣлую пространную главу.

Имѣются у насъ аналогичныя свѣдѣнія и относительно мелко-буржуазной Германіи. Мы узнаемъ напр. о массовыхъ оргіяхъ въ видѣ баловъ, на которыхъ танцовали голыми. Въ особенности изъ Берлина и Вѣны идутъ подобныя свѣдѣнія. Еще характернѣе для внутренней шаткости мелко буржуазнаго быта является однако то обстоятельство, что такой развратъ царилъ не только въ большихъ, но даже въ провиціальныхъ городахъ, что объ этомъ всѣ прекрасно знали и сотни существовали за счетъ неизбѣжныхъ при этомъ своднических услугъ. Одинъ болѣе, чѣмъ классическій примѣръ можетъ подтвердить это положеніе. То бракоразводный процессъ графини Софіи Гацфельдъ съ ея мужемъ графомъ Эдмундомъ Гацфельдомъ, разыгравшійся въ 40 и 50 гг. въ Дюссельдорфѣ.

Этотъ процессъ получилъ міровую извѣстность, такъ какъ онъ связанъ съ именемъ Фердинанда Лассаля, ставшаго защитникомъ и спасителемъ этой угнетенной и гнусно оклеветанной мужемъ женщины.

Получить болѣе точное представленіе о разоблаченныхъ этимъ процессомъ гнусностяхъ можно нынѣ только на основаніи написаннаго Лассалемъ иска о разводѣ, предъявленнаго имъ дюссельдорфскому ландгерихту. Передъ нами лежитъ какъ разъ экземпляръ этого прошенія, занимающаго 87 страницъ in folio мелкой печати. Оно неизвѣстно болѣе широкимъ слоямъ публики и находилось тогда въ рукахъ только лицъ, принимавшихъ ближайшее въ процессѣ участіе, т. е. въ рукахъ властей и членовъ семьи Гацфельдъ. Этотъ документъ, къ сожалѣнію слишкомъ пространный, чтобы привести его здѣсь хотя бы въ выдержкахъ, позволяетъ сдѣлать слѣдующій выводъ: не много найдется другихъ столь цѣнныхъ для исторіи нравовъ документовъ, такъ ярко разоблачаетъ онъ почти невѣроятную нравственную распущенность, царившую въ этихъ кругахъ.

Нѣтъ такой формы разврата, которой не предавался бы графъ Гацфельдъ, ни одна форма адюльтера не была для него слишкомъ низкой, ни одна женщина не была въ безопасности отъ него, ни камеристки жены, ни жены его друзей.

Къ его услугамъ постоянно находился цѣлый штатъ своденъ и

сводниковъ. Каждая проѣзжавшая черезъ Дюссельдорфъ проститутка приводилась въ графскій замокъ, а иногда и двѣ сразу, которыя и устраивались тамъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Нѣсколько проститутокъ всегда жили во дворцѣ. Во всѣхъ домахъ терпимости въ Дюссельдорфѣ и Кельнѣ не было, кажется, ни одной проститутки, съ которой графъ не имѣлъ бы сношеній.

Женская прислуга нанималась въ томъ разсчетѣ, что она или пополнитъ графскій гаремъ, или же будетъ исполнять сводническія обязанности. Женатымъ людямъ давались мѣста только въ томъ случаѣ, если жена изъявляла готовность въ любой моментъ быть къ услугамъ графа. Только на такихъ условіяхъ отдавались въ аренду и графскія земли или возобновлялся договоръ съ прежними арендаторами.

Самымъ характернымъ является здѣсь то, что все это не было строго охраняемой тайной. Напротивъ, графъ предавался такому разврату открыто на глазахъ у всѣхъ, безцеремоннѣе же всего на глазахъ собственной жены. Въ ея присутствіи ласкалъ онъ гостившихъ въ замкѣ женщинъ или наносилъ имъ ночные визиты, порой онъ даже насильно заставлялъ ее быть свидѣтельницей его свинскихъ похожденій. Приведемъ со словъ Лассаля по крайней мѣрѣ самый безстыдный изъ этихъ актовъ насилія (стр. 3).

«Графу Гацфельду принадлежитъ и будетъ принадлежать честь изобрѣтенія столь жестокаго и неестественнаго оскорбленія, до котораго не додумались и полуживотные-дикари. Въ 1823 г. графиня Гацфельдъ разрѣшилась первымъ ребенкомъ. Роды были очень тяжелые, врачи опасались за жизнь графини, ребенокъ былъ извлеченъ хирургическимъ путемъ и родился мертвымъ. Еще восемнадцать дней спустя жизнь графини находилась въ опасности, и врачи не вѣрили въ ея выздоровленіе. Въ ночь послѣ родовъ, когда молодая графиня извивалась въ страшныхъ мукахъ, графъ— пять свидѣтелей подтвердятъ это своими показаніями—вступилъ въ половыя сношенія съ графиней Несельроде при полуоткрытыхъ дверяхъ. Боровшаяся со смертью молодая женщина видѣла это и громко и горько заплакала. Такъ были звѣрскимъ поступкомъ опозорены имя и образъ человѣка».

Несмотря на все это графиня однако должна была подчиняться похотливымъ желаніямъ мужа всегда, когда это ему приходило въ голову, причемъ онъ требовалъ отъ нея исполненія всѣхъ тѣхъ отвратительныхъ пріемовъ, которымъ онъ научился отъ послѣдней проститутки, «наслажденій—говорится въ прошеніи Лассаля—

порожденныхъ въ своей неестественности духомъ дома терпимости». Нѣтъ ничего удивительнаго, конечно, что графъ нѣсколько разъ заражалъ свою жену самыми отвратительными болѣзнями.

Могутъ возразить, что графъ Эдмундъ Гацфельдъ былъ патологическимъ чудовищемъ и потому его гнусность и развращенность не типичны для его класса. Если такое возраженіе и основательно, то оно нисколько не умаляетъ однако культурно-исторической цѣнности бракоразводнаго иска Лассаля. Ибо послѣдній доказываетъ еще многое другое: а именно, что сотни жителей деревни и города должны были обслуживать развратные капризы графа, если хотѣли существовать, и далѣе то, что вся феодальная родня, включая и братьевъ графини, палецъ о палецъ не ударили, чтобы вырвать несчастную женщину изъ когтей развратника, хотя они и знали обо всѣхъ его гнусностяхъ, такъ какъ имъ о нихъ сообщали. Графъ Гацфельдъ могъ открыто позволять себѣ самыя отъявленные дебоши, могъ совратить цѣлую провинцію, и никто серьезно не протестовалъ, все разрѣшалось ему, и власти ни разу не вмѣшались, хотя и было у нихъ для того не мало основаній. По этимъ причинамъ можно спокойно утверждать, что процессъ Гацфельда освѣщаетъ не только индивидуальные эксцессы одного чудовищнаго развратника, но и феодальныя привиллегіи и феодальную извращенность домартовской Германіи.

Что массовый развратъ снова усилился въ эпоху второй имперіи и въ особенности во Франціи, было тогда общеизвѣстнымъ фактомъ. Каждый кто занимается въ настоящее время этой эпохой, хотя бы даже поверхностно, и тотъ найдетъ все новыя доказательства въ области какъ литературы, такъ и искусства. Этотъ фактъ поэтому лишь изрѣдка и оспаривается. Непредубѣжденные историки современныхъ нравовъ находятъ однако нужнымъ въ виду дурной славы, которой пользуется эта эпоха господства кокотки, постоянно указывать на то, что было бы большой ошибкой предполагать, будто нынѣ уже нѣтъ слѣдовъ подобныхъ нравовъ.

Наше время въ этомъ отношеніи не только не отличается большей невинностью, а совсѣмъ напротивъ: многое изъ того, что когда то производило сенсацію, нынѣ считается пустякомъ, вызываетъ лишь снисходительную улыбку и очень скоро забывается. И то и другое не только не удивительно и не только, разумѣется, не непостижимо, а неизбѣжно.

Въ эпоху, отличающуюся небывалымъ до сей поры накопленіемъ капитала, въ эпоху, когда этими богатствами распоряжаются

значительные слои, половыя отношенія должны отличаться по необходимости разнузданностью. Столь же неизбѣжнымъ является однако, по уже изложеннымъ причинамъ и то обстоятельство, что крупные пороки могутъ нынѣ проявляться лишь за запертыми дверями и занавѣшанными окнами. Вотъ почему большинство людей имѣютъ такое превратное представленіе о чудовищности разврата, царящаго въ современномъ большомъ городѣ. Но уже по многочисленнымъ сжатымъ замѣткамъ, то и дѣло появляющимся въ печати, можно судить о томъ, на какомъ грязномъ болотѣ выстраивается эта жизнь.

Вотъ для примѣра корреспонденція изъ Кракова, относящаяся къ новѣйшему времени:

«Здѣшняя полиція накрыла общество, которое устраивало афинскіе вечера и развратныя оргіи. Общество состояло изъ 300 молодыхъ людей и 50 дѣвушекъ изъ лучшихъ семействъ. Оно сняло въ городѣ цѣлый домъ, гдѣ предавалось всевозможнымъ эксцессамъ. Скандалъ обнаружился лишь случайно. У одной изъ дѣвушекъ полиція нашла гектографированное воззваніе съ приглашеніемъ вступить въ кружокъ. Къ нему былъ приложенъ проспектъ, болѣе подробно рисовавшій его дѣятельность. Полиція закрыла домъ. Эмблемой членовъ кружка былъ серебряный паукъ. Дѣло вызвало въ здѣшнихъ свѣтскихъ кругахъ угнетающее впечатлѣніе».

Подобныя сообщенія появляются каждую недѣлю, то въ одномъ, то въ другомъ городѣ. Многіе изъ такихъ случаевъ хоронятся полиціей безъ шума, такъ что никто о нихъ ничего не узнаетъ. Еще больше случаевъ вообще не доходитъ даже до свѣдѣнія властей, такъ какъ способы затушевать порокъ организованы нынѣ, въ вѣкъ всеобщей планомѣрной организаціи, такъ же хорошо, какъ и самый порокъ.

Репертуаръ сексуальной извращенности почти одинаковъ во всѣ времена. Первую роль играютъ здѣсь флягелляція и гомосексуализмъ.

Далѣе слѣдуютъ: изнасилованіе дѣтей, манія лишать дѣвушекъ ихъ невинности, нѣкоторыя формы колоніальныхъ ужасовъ, экгибиціонизмъ, содомія и т. д. Самая распространенность отдѣльныхъ этихъ пороковъ однако различная въ различныя эпохи. Отсюда слѣдуетъ, что если большинство изъ этихъ пороковъ носитъ патологическій характеръ, то общее состояніе нравовъ содѣйствуетъ большему или меньшему ихъ развитію. Болѣзненный случай ста-

новится такимъ образомъ порокомъ, интереснымъ уже не только для врача, но и для историка нравовъ.

Наиболѣе важнымъ является здѣсь то обстоятельство, что всѣ эти аномаліи получили въ послѣднее время особенно сильное распространеніе. Онѣ снова всюду становятся явленіемъ массовымъ. Поэтому и средства ихъ удовлетворенія практикуются и организуются, такъ сказать, въ размѣрахъ крупнаго производства.

Этотъ ростъ противоестественнаго полового удовлетворенія вызванъ тѣми же причинами, какъ и въ эпоху абсолютизма (см. второй томъ нашей Исторіи нравовъ), а именно тѣмъ, что въ широкихъ кругахъ пресыщенные нервы уже не реагируютъ на естественное возбужденіе. А этими широкими кругами являются главнымъ образомъ жуирующіе слои имущихъ классовъ.

Наибольшую сенсацію произвела въ послѣднее время огромная распространенность—въ особенности среди мужчинъ—гомосексуализма. Нынѣ уже не подлежитъ сомнѣнію, что въ каждой странѣ десятки тысячъ мужчинъ склоняются къ этому культу противоестественныхъ сексуальныхъ отношеній. Правда, въ данномъ случаѣ главную роль играетъ болѣзненное предрасположеніе, тогда какъ благопріобрѣтенная склонность имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

И все таки эта аномалія составляетъ также важную черту въ картинѣ именно современныхъ нравовъ. Если мы все чаще узнаемъ о массовыхъ гомосексуальныхъ оргіяхъ, то въ этомъ сказывается то же самое, что и въ выше освѣщенномъ оргіастическомъ развратѣ нормальнаго характера, а именно всеобщій упадокъ нравовъ, царящій въ опредѣленныхъ кругахъ. Приблизительно то же самое надо сказать и о женскомъ гомосексуализмѣ, также, повидимому, все болѣе распространяющемся въ наше время, хотя въ данномъ случаѣ надо имѣть въ виду, что онъ часто является ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ трудности для женщины найти естественное удовлетвореніе своей половой потребности, ничѣмъ инымъ, какъ замѣной затрудненнаго соціальными условіями полового общенія съ мужчинами.

Существенно иную подкладку имѣютъ другія аномаліи половой жизни, такъ какъ онѣ служатъ преимущественно средствами возбужденія. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ флягелляція. О размѣрахъ флягелляціи, становящейся во всѣхъ странахъ все болѣе массовымъ явленіемъ, лучше всего можно судить по массовой распространенности тѣхъ институтовъ, подъ маской которыхъ удовлетвореніе

этого порока приняло характеръ настоящаго коммерческаго дѣла. Мы говоримъ о массажисткахъ. Въ Германіи еще недавно каждый грамотный могъ узнать изъ газетъ,—а въ Австріи, Франціи и Англіи дѣло обстоитъ еще и теперь такъ—десятки адресовъ квартиръ, гдѣ мужчинамъ и женщинамъ предлагалось ради удовлетворенія эротической потребности въ любой часъ удовольствіе подвергнуться самимъ поркѣ или же возможность ради той же цѣли подвергнуть поркѣ другихъ. Ибо болѣе половины массажистокъ или частныхъ массажо-лѣчебницъ служатъ исключительно этой именно цѣли. Изъ этого факта явствуетъ какъ огромный спросъ въ этой области, такъ и всеобщая сексуальная притупленность: множество людей нуждаются въ искусственномъ возбужденіи, чтобы вообще быть въ состояніи испытать какое-нибудь возбужденіе.

На той же почвѣ распустилось и такъ пышно практикуемое въ Африкѣ жестокое обращеніе съ неграми, доходящее до частаго ихъ истязанія, всѣ ужасы колоніальной политики, нашедшіе въ современной Германіи такихъ навѣки покрывшихъ себя позоромъ представителей, какъ Лейстъ, Велау, и Аренбергъ. Кто порѣтъ другихъ, всегда является садистомъ.

Еще болѣе возмутительнымъ признакомъ вырожденія, также обыкновенно являющимся послѣдствіемъ половой пресыщенности, служитъ развратъ, чинимый съ дѣтьми, причемъ сюда слѣдуетъ отнести и описанную уже въ первой главѣ манію лишать невинности дѣвушекъ. Едва ли можно преувеличить опасность, грозящую въ этомъ отношеніи дѣтямъ въ большомъ городѣ. Въ каждомъ крупномъ городѣ найдется не мало сладострастниковъ, гнусныя вожделѣнія которыхъ направлены исключительно на незрѣлыхъ дѣтей. На каждомъ шагу нынѣ заманиваютъ дѣтей ради безнравственныхъ цѣлей. Одинъ изъ высшихъ чиновниковъ парижской сыскной полиціи замѣчаетъ по этому поводу:

«Если что получило теперь всеобщее распространеніе, такъ это дикая страсть мужчинъ гоняться за несовершеннолѣтними дѣтьми. Вы можете встрѣтить на улицѣ мужчинъ съ прекрасной внѣшностью,въ которыхъ никто не открылъ бы ничего подозрительнаго, за которыми ни одному полицейскому не вздумается слѣдить. И однако вы могли бы видѣть, какъ эти господа пристаютъ къ нянькамъ и матерямъ, гуляющимъ съ дѣтьми, дѣлая имъ чудовищныя предложенія. Нѣчто подобное случилось недавно съ женой одного чиновника. Она гуляла съ дочкой и вотъ къ ней подошелъ

какой то господинъ такъ же нахально и съ тѣми же невѣроятно-ми предложеніями».

Въ особенности грозитъ эта опасность пролетарскимъ дѣтямъ, и безчисленное множество этихъ послѣднихъ падаютъ въ самомъ дѣлѣ жертвами подобной гнусности. Приведемъ для характеристики слѣдующее письмо, напечатанное 15 авг. 1910 г. въ Welt am Montag, бросающее яркій свѣтъ на подобные факты, имѣвшіе мѣсто на островѣ Гельголандѣ. Письмо написано однимъ гельголандскимъ жандармомъ знакомому, а этотъ послѣдній передалъ письмо редакціи означенной газеты.

«Что скажете вы о дѣлѣ Бекера? Впродолженіи семи лѣтъ онъ поддерживалъ сношенія съ дѣтьми школьнаго возраста, нѣкоторымъ изъ которыхъ было только восемь лѣтъ. Одна тринадцатилѣтняя дѣвочка оказалась беременной. Отецъ ея довелъ объ этомъ до моего свѣдѣнія, такъ что я былъ вынужденъ арестовать Бекера, тѣмъ болѣе, что онъ въ этотъ день собирался покинуть островъ... Во время разслѣдованія вскрылось еще много подробностей. Кромѣ Бекера замѣшаны: одинъ оберъ-лейтенантъ, одинъ врачъ, одинъ флотскій офицеръ, одинъ флотскій унтеръ-офицеръ и пять жителей острова. Рѣчь идетъ о семи дѣвочкахъ въ возрастѣ отъ семи до четырнадцати лѣтъ»...

Достаточно извѣстны случаи, когда учителя или священники пользуются своей властью надъ ввѣренными имъ дѣтьми для той же гнусной цѣли, хотя мы и не можемъ судить о распространенности подобныхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, въ такихъ случаяхъ дѣло лишь изрѣдка доходитъ до судебнаго преслѣдованія. Многія родители боятся на всю жизнь скомпрометировать своихъ дѣтей. Если же рѣчь идетъ только о попыткѣ, то родители, естественно, страшатся, что судебное преслѣдованіе раскроетъ ребенку то, чего онъ по своей неопытности не понималъ.

Въ выше описанныхъ парижскихъ домахъ свиданій кліенты часто требуютъ не только замужнихъ женщинъ, но и незрѣлыхъ дѣтей. Подобныя требованія выставляются, повидимому, преимущественно англичанами, пріѣзжающими спеціально съ этой цѣлью изъ Лондона въ Парижъ. Это общеизвѣстно, и потому этимъ сводням не только предлагаютъ свои услуги замужнія женщины, но то и дѣло къ нимъ приводятъ и несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ. На вопросъ, бываютъ ли среди кліентовъ иностранцы, завѣдующая такимъ учрежденіемъ заявила:

«Много, преимущественно англичане. Въ Лондонѣ дома сви-

даній были закрыты и потому они пріѣзжаютъ въ Парижъ. Путешествіе длится вѣдь не долго, да и все остальное можно устроить быстро. Только они обыкновенно требуютъ несовершеннолѣтнихъ, а ихъ я не могу имъ достать».—«Вы не принимаете ихъ?»—«Нѣтъ».—«Но развѣ не являются къ вамъ и несовершеннолѣтнія, предлагая свои услуги?»—«Теперь нѣтъ! Онѣ знаютъ, что я имъ откажу и потому онѣ и не приходятъ. Но не такъ давно онѣ являлись ко мнѣ, приходили даже и матери, предлагая своихъ маленькихъ дочекъ!»—«И много приходило?»—«Порядочно!»—«Изъ какой среды?»—«Обычно изъ среды галантныхъ женщинъ... Но не только кокотки приводили мнѣ своихъ дѣтей, а также жены рабочихъ и даже женщины изъ сравнительно хорошей среды!»—«Какъ! Женщины изъ хорошей семьи предлагали вамъ своихъ дочерей!»—«Ну, да! Матери, находившіяся въ нуждѣ... разоренныя вдовы. Это бывало не очень часто, но все же бывало».

Этотъ отвѣтъ, разумѣется, менѣе всего доказываетъ, что подобныя гнусныя требованія въ самомъ дѣлѣ встрѣчаютъ отказъ въ домахъ свиданій. Такъ понятно, что полиціи не скажутъ правды.

Въ Англіи совращеніе или—вѣрнѣе—изнасилованіе незрѣлыхъ дѣвушекъ практикуется, какъ мы видѣли въ первой главѣ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Необходимо сдѣлать здѣсь еще нѣсколько добавленій къ сказанному. Однимъ изъ наиболѣе обычныхъ—и старыхъ (см. второй томъ нашей Исторіи нравовъ) пріемовъ ловли несчастныхъ жертвъ В. Стедъ, разоблачившій эти ужасы, считаетъ слѣдующій:

«Самый дьявольскій и гнусный пріемъ состоитъ въ томъ, что пользуются, какъ приманкой, женщиной, одѣтой сестрой милосердія. Какъ мнѣ сообщила особа, опытная въ такихъ дѣлахъ, такія женщины съ успѣхомъ примѣняются для ловли бѣдныхъ дѣвушекъ.

Когда ирландская католическая дѣвушка выходитъ на берегъ, къ ней подходитъ сестра милосердія и говоритъ ей, что она послана настоятельницей отвести ее на хорошую квартиру, гдѣ она можетъ легко найти себѣ и мѣсто... Дѣвушка, естественно, соглашается и послѣ быстрой ѣзды въ закрытой каретѣ она пріѣзжаетъ,—и почва для гибели дѣвушки готова. Она не имѣетъ никакого представленія о томъ, гдѣ она. Всѣ относятся къ ней хорошо. Сводня входитъ къ ней въ довѣріе. Къ ея услугамъ всегда какіе угодно напитки, ее возятъ въ театръ и на балы. И вотъ однажды ночью, когда она устала и полупьяна, открывается дверь спальни—она откры-

Берделей: За туалетомъ. Гл. III.



Модистка въ поискахъ приключеній. Гл. V.



Треска: Франтъ эпохи революціи. Гл. III.

вается снаружи при помощи пружины, хотя бы была изнутри заперта—и гибель ея неизбѣжна».

О томъ, какія приняты мѣры, чтобы никто не мѣшалъ развратникамъ, Стедъ сообщаетъ слѣдующее:

«Мнѣ показалось невѣроятнымъ, какъ это всѣ акты насилія остаются нераскрытыми. Акушерка, къ которой я обратился за разъясненіями, сообщила мнѣ, что никакой опасности не бываетъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ имѣются подвальныя комнаты и de facto никто еще ни разу не попадалъ въ руки правосудія... «Вотъ здѣсь—сказала мнѣ управительница богатой виллы—здѣсь, гдѣ въ былыя времена одинъ принцъ пряталъ своихъ многочисленныхъ любовницъ, комната, гдѣ вы будете въ полной безопасности. Стѣны плотны, въ коридорѣ—двойной коверъ. Единственное окно, выходящее въ садъ, вдвойнѣ закрыто: ставнями и тяжелыми занавѣсками. Заприте дверь и вы можете дѣлать, что хотите. Дѣвушка можетъ кричать благимъ матомъ, никто ее не услышитъ. Прислуга находится обычно на противоположной половинѣ дворца. Я одна уже позабочусь о томъ, чтобы все было тихо».

Да и развѣ возможно, чтобы слабый, робкій крикъ заманеннаго ребенка проникъ сквозь закрытыя и занавѣшеныя окна или достигъ слуха подкупного сторожа, женщины, задача которой вѣдь въ томъ и заключается, чтобы позаботиться о полной безопасности кліента? Имѣются вѣдь и средства заглушить крикъ: подушка, простыня, платокъ—словомъ нѣтъ никакой опасности. Для многихъ мужчинъ, впрочемъ крикъ страха самое главное наслажденіе, и они ни за что не лишатъ себя этого удовольствія.

Что подобная организація этого промысла въ крупномъ масштабѣ существуетъ и въ другихъ странахъ, доказываетъ, хотя бы тотъ фактъ, что совсѣмъ недавно былъ открытъ такой вертепъ въ Лодзи. Газета Berliner Tageblatt сообщала въ номерѣ отъ 15 марта 1912 года слѣдующее:

«Какъ намъ сообщаетъ частная телеграмма изъ Варшавы, недавно на Николаевской улицѣ въ Лодзи, въ заднихъ комнатахъ кондитерской Мюллера натолкнулись на запертую комнату, гдѣ было изнасиловано свыше сорока несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ напали на слѣдъ еще другой такой квартиры на улицѣ П., куда сводня заманивала даже девятилѣтнихъ дѣвочекъ. Въ обоихъ случаяхъ были замѣшаны богатые лодзинскіе фабриканты и домовладѣльцы, нѣкоторые изъ нихъ были немедленно же арестованы, но выпущены на свободу подъ крупный залогъ.

Начато строгое разслѣдованіе. Дѣло раскрылось случайно. Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка украла у одного изъ этихъ господъ бумажникъ съ большой суммой денегъ. Тотъ донесъ объ этомъ полиціи. Такъ и обнаружилось дѣло».

Къ довольно частымъ аномаліямъ половой жизни относится также содомія, въ которой повинны оба пола, но преимущественно женщины, что объясняется, какъ и при гомосексуализмѣ отсутствіемъ часто возможности естественнаго удовлетворенія половой потребности...

До какихъ предѣловъ можетъ порою дойти гипертрофія женской похотливости, какъ часты къ тому же подобные случаи именно въ наше время, доказываетъ скандальное поведеніе дамъ высшаго общества во время сенсаціонныхъ процессовъ. Кровожадный преступникъ становится для эротическаго воображенія чрезмѣрно чувствительныхъ дамъ весьма желаннымъ лакомствомъ. Въ особенности убійцы-эротоманы дѣйствуютъ возбуждающе на дамъ этихъ круговъ. Многіе изъ такихъ убійцъ получаютъ массу любовныхъ писемъ, имъ присылаютъ въ темницу лакомства и деньги. А во время процесса происходятъ настоящія битвы между элегантными дамами, желающими попасть въ залу и получить хорошее мѣсто. Достаточно привести одинъ только примѣръ, а именно недавно имѣвшій мѣсто процессъ парижскаго убійцы-эротомана Соллейльланъ, сначала изнасиловавшаго, а потомъ убившаго маленькую дѣвочку. Многія дамы изъ «общества» открыто становились во время процесса на сторону этого чудовища.

Помѣщенная въ Vossische Zeitung корреспонденція можетъ дать представленіе о томъ, какъ вели себя элегантныя дамы:

«Зала суда была такъ переполнена, что булавкѣ негдѣ было упасть. Всюду элегантные лѣтніе костюмы, новѣйшаго фасона шляпы, драгоцѣнные вѣера. Очаровательныя дамы заполняли всѣ мѣста, сидѣли на перилахъ, безстыдно ломились на эстраду, гдѣ сидѣли судьи, и только съ трудомъ удалось удалить ихъ съ ручекъ судейскихъ креселъ, гдѣ онѣ уже хотѣли пристроиться. Съ шумомъ обмахивались онѣ вѣерами, ѣли конфеты, причмокивая, точно бульварныя дѣвицы, и пожирали своими взглядами обвиняемаго, разсматривая его въ лорнетки. Время отъ времени онѣ мѣшали разбору дѣла, вцѣпляясь другъ другу въ искусно сдѣланныя прически, сражаясь изъ-за мѣста, какъ настоящія дамы изъ halles, или требуя, чтобы сѣла дерзкая особа, ставшая на стулъ, чтобы лучше видѣть. Въ перерывахъ молодые адвокаты, ободренные ихъ по-

веденіемъ, позволяли себѣ по отношенію къ нимъ вести себя такъ, какъ это можно наблюдать развѣ на балахъ des Quatzarts· Царилъ настоящій Содомъ и никому въ голову не приходило образумить этихъ охваченныхъ эротическимъ безуміемъ женщинъ, напомнить имъ о чувствѣ стыда и объ уваженіи къ мѣсту, гдѣ онѣ находились. Газеты были настолько деликатны, что не называли по именамъ свѣтскихъ дамъ, бросавшихся въ эту оргію садизма и похоти, за то не стѣсняясь приводили имена актрисъ, отличавшихся на этомъ шабашѣ безуміемъ разнузданныхъ вакханокъ».

Заявленіе, будто подобныя сцены возможны только во Франціи, заявленіе равносильное фарисейскому самохваленію, было бы особенно неумѣстнымъ лицомъ къ лицу съ такого рода вспышками женской разнузданности. Бывали такіе случаи и въ Англіи и въ Германіи.

Проституція.

Есть одно явленіе, которое нравственное лицемѣріе при всемъ своемъ стараніи не въ силахъ скрыть отъ взоровъ людей— то проституція. А если это ему порой и удается съ виду, то лишь на весьма непродолжительное время. Одна какая нибудь запрещенная или искорененная форма розничной торговли любовью сейчасъ же порождаетъ сотни новыхъ. Въ буржуазный вѣкъ проститутка—всюду и вездѣ. Всѣ такъ или иначе связаны съ ней, всѣ такъ или иначе существуютъ ею, многочисленныя отрасли индустріи работаютъ только на нее, дѣлаютъ свои лучшія дѣла съ нею, вдохновляются ею къ наиболѣе выгоднымъ комбинаціямъ. Ни въ одной отрасли розничной торговли не занято столько лицъ, какъ въ той, во главѣ которой стоитъ Венера.

Подобное положеніе вещей вызвано огромнымъ спросомъ на любовь, которую можно купить въ любой моментъ. Что покупаемая въ розницу, за сдѣльную плату, любовь женщины является въ настоящее время еще въ большей, чѣмъ прежде, степени всеобщей потребностью, этотъ фактъ не нуждается здѣсь послѣ всего сказаннаго въ предыдущихъ главахъ болѣе детальнаго обоснованія. Изъ всего ранѣе изложеннаго въ достаточной степени объясняетъ эту потребность хотя одинъ тотъ фактъ, что въ значительныхъ слояхъ браки заключаются нынѣ въ позднемъ возрастѣ. Еще на двѣ другія причины, усилившія въ послѣднее время возможность покупать себѣ любовь, слѣдуетъ здѣсь указать.

Это во первыхъ тотъ фактъ, что многіе промыслы потеряли свой прежній характеръ прикрѣпощенія къ опредѣленному мѣсту. По мѣрѣ того какъ основнымъ закономъ производства становилась интернаціональность обмѣна, фундаментомъ существованія всѣхъ народовъ сдѣлалось постоянное передвиженіе изъ города въ городъ, изъ страны въ страну. Такъ превратились милліоны людей самыхъ разнообразныхъ профессій въ кочевниковъ, для которыхъ уже не



Шапонье: Гротъ Гименея. Гл. I.

83

Жена—измѣница. Англійская гравюра. Гл. I.



Подвязка. Гл. III.

Хитрость кокетки.

Благословеніе любви. 1795 г. Гл. I.

Левилльи: Удобный моментъ. 1795 г. Гл. I.

существуетъ понятія «родина», которые сегодня здѣсь, а завтра тамъ, которые каждый день должны быть въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, которые поэтому лишены возможности основать свою семью или вынуждены большую часть года отсутствовать изъ дому. Подобные кочевники наводняютъ ежедневно цѣлыми ордами каждый современный большой городъ. Такъ какъ эти толпы состоятъ главнымъ образомъ изъ мужчинъ и притомъ находящихся въ расцвѣтѣ силъ, то для нихъ единственной возможностью удовлетворить половую потребность является всегда готовая къ услугамъ проститутка.

Вторымъ факторомъ, съ которымъ приходится считаться, является перемѣна, происшедшая въ области развлеченій. Эти послѣднія уже не ограничиваются семейнымъ очагомъ, они стали массовыми удовольствіями: здѣсь также приходится удовлетворять уже массовыя потребности. Необходимое возбужденіе при такихъ условіяхъ, индивидуальное или массовое, можетъ, естествено, исходить только отъ проститутки, такъ какъ она одна является какъ бы безличнымъ понятіемъ, личностью, обязанной быть къ услугамъ каждаго, кто нуждается въ возбужденіи. Такъ какъ нынѣ наслаждаются массы, такъ какъ въ возбужденіи нуждаются массы, то въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ городѣ должны находиться цѣлыя полчища проститутокъ, чтобы удовлетворить эту потребность въ возбужденіи.

Гораздо больше спроса является однако предложеніе. Такъ оно было, правда, всегда, но для XIX в. это справедливо еще въ гораздо большей степени. Это приводитъ насъ къ самому важному явленію. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время составъ арміи проститутокъ значительно измѣнился въ сравненіи съ прошлымъ. Раньше если и не всѣ проститутки, то большинство жили въ домахъ терпимости, теперь число живущихъ въ этихъ заведеніяхъ все сокращается и его значительно превосходитъ число вольнопромышляющихъ. Кромѣ этого перемѣщенія необходимо принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Общее число женщинъ открыто промышляющихъ своей любовью, значительно сократилось, если не абсолютно, то во всякомъ случаѣ относительно въ сравненіи съ прежними эпохами. Въ этомъ не трудно убѣдиться. Если поэтому огромному спросу на розничную продажу любви противостоитъ еще болѣе значительное предложеніе, то отсюда надо сдѣлать выводъ, что замаскированная проституція, проституція подъ маской порядоч-

ности, получила въ буржуазный вѣкъ такіе размѣры, какіе она не имѣла ни въ одну изъ предыдущихъ эпохъ.

Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Этимъ обходнымъ путемъ мы подойдемъ къ рѣшенію вопроса о причинахъ, порождающихъ проституцію, ближе, чѣмъ если бы мы разсмотрѣли одну только профессіональную проституцію. Дѣло въ томъ, что при изслѣдованіи замаскированной проституціи въ особенности ярко бросается въ глаза ея экономическая подоплека. Достаточно вспомнить хотя бы причины, толкающія столькихъ женщинъ въ дома свиданій! Характерная для эпохи господства крупнаго капитализма экономическая нужда, экономическія осложненія, опутывающія жизнь какъ отдѣльной личности, такъ и большой массы—таковы причины, содѣйствующія огромному, все увеличивающемуся, подобно лавинѣ, росту числа женщинъ, готовыхъ проституировать себя.

Людямъ, толкующимъ слово «голодъ» такъ примитивно, что говорятъ о немъ только, когда у человѣка ѣсть нечего, людямъ, отрицающимъ гнетъ экономическихъ условій, если горничная пойдетъ на улицу, тогда какъ она могла бы снова найти мѣсто горничной, все нами только-что сказанное покажется китайской грамотой. Эти наивные люди упускаютъ изъ виду, что «нужда» является всегда понятіемъ относительнымъ, что масштабомъ для оцѣнки матеріальнаго положенія является не то, въ которомъ мы сами находимся, что онъ диктуется положеніемъ тѣхъ, съ которыми мы связаны процессомъ труда. Работница, обязанная создавать роскошныя туалеты, тогда какъ сама вынуждена ходить въ простенькомъ платьицѣ, ощущаетъ свое положеніе, какъ нужду, даже въ томъ случаѣ, когда можетъ наѣсться до сыта. А подобная «нужда» особенно легко порождаетъ мысль, что при извѣстныхъ условіяхъ легче заработать шелковый «жюпонъ», чѣмъ шерстяную нижнюю юбку.

А такіе и тому подобные мотивы являются экономическими причинами.

Что въ XVII и XVIII вв. касалось только маленькихъ и среднихъ городовъ,—а именно обязанность промышляющей на улицѣ проститутки одѣваться въ не бросающійся въ глаза костюмъ порядочной женщины, носить который ей строго запрещалось въ эпоху Ренессанса,—стало въ буржуазный XIX вѣкъ категорическимъ условіемъ ея существованія также и въ крупныхъ городахъ. Такъ какъ нравственное лицемѣріе клеймитъ офиціальное схожденіе съ про-

ституткой, какъ актъ безнравственности, то проститутка должна, естественно, одѣваться, какъ порядочная дама. Во всякомъ случаѣ ея профессія должна быть завуалирована для поверхности взгляда. Для такого положенія вещей Гейне нашелъ очень мѣткую характеристику въ слѣдующемъ извѣстномъ четверостишіи:

«Не компрометируй меня, красавица, и не кланяйся мнѣ, когда мы встрѣтимся съ тобой «Подъ Липами»; когда мы будемъ дома, все уладится». Изъ всѣхъ признаковъ, отличающихъ съ внѣшней стороны проститутку отъ добродѣтельной женщины, остались только развѣ нѣкоторыя подчеркнутыя подробности моды, вызывающій способъ поднимать юбку, ободряющіе взгляды и болѣе или менѣе откровенныя въ удобный моментъ приглашенія или требованія сопровождать ее.

Какъ всѣ подобныя перемѣны и эта совершалась лишь медленно, притомъ лишь съ того момента, когда офиціально началась эра нравственнаго лицемѣрія. Впродолженіи всей великой революціи, въ дни юности французской буржуазіи, проститутка занимала еще въ картинѣ парижской уличной жизни такое же чудовищно-видное мѣсто, какъ въ эпоху стараго режима, даже больше, въ эти бурные годы цинизмъ ея публичныхъ выступленій доходилъ, быть можетъ, до своего наивысшаго апогея. Не успѣли наступить дни директоріи, какъ главныя улицы Парижа превратились въ единое, наводненное проститутками корсо, гдѣ только онѣ и задавали тонъ.

Трудно представить себѣ при этомъ, что это былъ за дерзкій и безстыдный тонъ. Съ устъ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ то и дѣло срывались скабрезныя восклицанія. Надѣвъ платье съ глубочайшимъ вырѣзомъ, поднявъ юбки, какъ можно выше, прогуливались жрицы любви до поздней ночи на глазахъ у всѣхъ.

Начало этихъ галантныхъ массовыхъ шествій, изображенное Дебюкуромъ на знаменитой гравюрѣ «Гуляніе въ саду Пале Рояль» (1793 г.) было сравнительно еще прилично въ сравненіи съ положеніемъ вещей въ болѣе позднее время, когда каждый мужчина проходилъ подъ перекрестнымъ огнемъ взоровъ и восклицаній фланирующихъ проститутокъ, которыхъ возбуждали сами же мужчины. Такую же картину представлялъ и тогдашній Лондонъ. На публичныхъ рынкахъ любви и здѣсь царили грубость и безстыдство. Сидя въ коляскахъ или верхомъ на лошади катались болѣе видныя проститутки по Гайдъ-Парку или по другимъ улицамъ—

корсо. Но и многочисленные маленькіе города—даже и въ Германіи—представляли по существу такую же картину съ той только разницей, что здѣсь за отсутствіемъ большой массы не царило такой сутолоки.

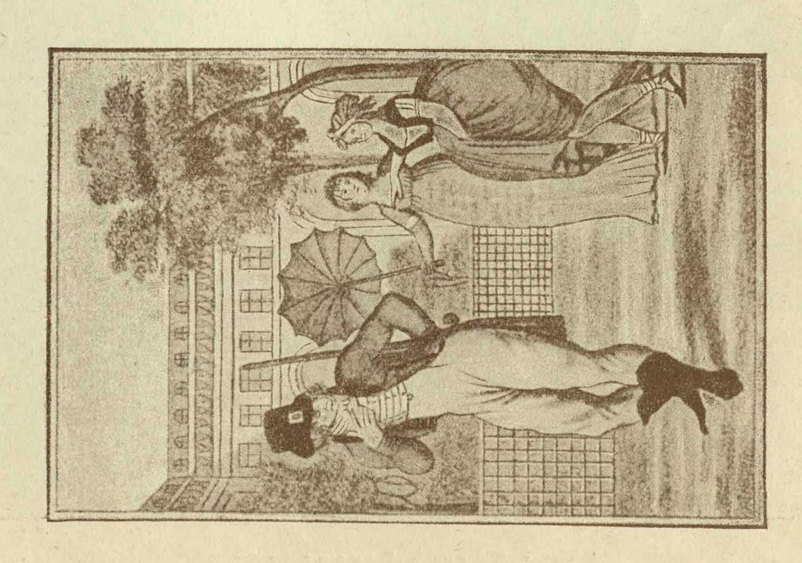
Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX в. эта дикая оргія нѣсколько утихла, чтобы вскорѣ снова начаться, въ особенности въ эпоху второй имперіи во Франціи, слѣдовательно въ 60 годахъ истекшаго столѣтія. Именно тогда сложилась свойственная и теперь еще почти всѣмъ болѣе крупнымъ городамъ физіономія уличной жизни съ неизбѣжной фланирующей проституткой. Въ своей книгѣ о Парижѣ второй имперіи публицистъ Т. Мунтъ писалъ, а все это можно было бы примѣнить и къ Лондону эпохи королевы Викторіи:

«Бульвары стали какъ бы постоянно находящимся въ движеніи калейдоскопомъ французской жизни. Въ эпоху конституціонной монархіи Луи Филиппа, въ дни республики и наполеоновской имперіи бульварная жизнь не претерпѣла никакихъ существенныхъ видоизмѣненій. Только въ отношеніи общественной нравственности замѣтенъ въ послѣднія указанныя эпохи неоспоримый прогрессъ. Хотя эра короля-буржуа и украсила себя вывѣской приличія и добропорядочности, все же она относилась съ нѣкоторой официальной терпимостью къ проституціи, которая бѣсновалась во всю на бульварахъ, гдѣ раскинулась настоящимъ лагеремъ. Луи-Филиппъ очистилъ, правда, авгіевы конюшни Палэ-Рояля отъ прежнихъ посѣтительницъ съ голой грудью и запретилъ въ особенности входъ въ галлерею Орлеанъ скитающимся по ночамъ жрицамъ любви. Всю эту толпу полиція Луи-Филиппа направила теперь на бульвары, которые въ извѣстные часы проститутки наводняли цѣлыми полчищами... Въ дни республики 1848 г. эти фигуры уже начали исчезать изъ уличной жизни, становившейся замѣтно болѣе нравственной. Республика на мгновеніе пыталась дебютировать и болѣе высокой нравственностью, соотвѣтствующей республиканскому принципу.

Но если республика стремилась первоначально создать болѣе трезвую и очищенную отъ непристойныхъ элементовъ уличную жизнь, то это знаменовало собой только начало процесса, въ силу котораго дурные и грязные пороки стали уходить во внутрь соціальной жизни, чтобы найти себѣ въ самомъ общественномъ организмѣ мѣсто, откуда они могли бы разъѣдать его.

Наполеоновская имперія позволила окончательно опредѣлиться

Шпицвегъ: Прогулка.
Гл. III.



Франтъ и проститутка (1808).
Гл. V.

Деверіа. Она ждетъ. (1835).
Гл.

Канова: Полина Бонопарте.
Гл. II.

этому процессу. Проститутки и куртизанки, раньше скитавшіяся только за предѣлами «общества», теперь въѣлись въ самую его сердцевину и притомъ въ дотолѣ никогда не бывалыхъ размѣрахъ».

Что нынѣ все обстоитъ такъ же, какъ въ пятидесятыхъ годахъ, доказываетъ слѣдующая картина изъ эпохи второй имперіи во Франціи въ романѣ Зола «Нана», картина, точно списанная съ современной дѣйствительности и приложимая къ любому современному большому городу:

«Обыкновенно онѣ начинали свой походъ въ 9 часовъ вечера. По тротуарамъ улицы Нотръ Дамъ де Лореттъ тянулись два ряда дѣвушекъ, спѣшившихъ по направленію къ бульварамъ, подобравъ юбки. Нана и Сатенъ шли всегда вдоль церкви по улицѣ Лепелетье. Недалеко отъ кафе Ришъ, по близости отъ мѣста ихъ маневровъ, онѣ опускали подолъ платья и начиналась прогулка по грязи и пыли. Передъ кофейнями онѣ замедляли свои шаги. Здѣсь онѣ были въ своей стихіи. Поднявъ голову, громко разговаривая и смѣясь, онѣ время отъ времени оглядывались на слѣдовавшихъ за ними мужчинъ. До 11 часовъ продолжалось это веселое настроеніе, лишь изрѣдка прерываемое бранью, «грязное животное», бросаемой по адресу неловкаго прохожаго, толкнувшаго ихъ или наступившаго имъ на ногу. Иногда онѣ садились за столъ въ кафе, фамильярно кланяясь съ офиціантами, охотно принимая угощеніе отъ перваго встрѣчнаго, такъ какъ это давало имъ возможность сидѣть и ждать окончанія театра. Когда же приближалась ночь, охота становилась отчаянной. Подъ сѣнью деревьевъ на пустыхъ бульварахъ происходили безобразныя сцены. Торговались съ мужчинами, обмѣнивались грубой бранью и пинками, между тѣмъ какъ мимо нихъ проходили почтенныя семейства, отцы, матери и дочери, привыкшіе къ такому зрѣлищу. Совершивъ десять разъ дорогу отъ оперы къ театру Gymnase, Нана и Сатенъ останавливались на бульварахъ улицы Фобуръ Монмартръ, такъ какъ мужчинъ становилось все меньше. Зато здѣсь рестораны, кабаки и харчевни были открыты и освѣщены до двухъ часовъ. Передъ кофейнями толпились проститутки. То былъ послѣдній освѣщенный и оживленный уголокъ ночного Парижа, послѣдній открытый рынокъ для продажи любви на одну ночь, гдѣ торгъ совершался громко и безъ стѣсненія. Такъ шли онѣ отъ одного конца до другого, какъ по открытому коридору публичнаго дома. Тихо покоилась длинная, пустынная улица Нотръ Дамъ де Лореттъ. Только изрѣдка промелькнетъ тѣнь жен-

шины. То возвращались запоздавшія путницы. Несчастныя дѣвушки, пришедшія въ отчаяніе, такъ какъ не нашли себѣ на ночь заработка, хрипло бранились съ запоздавшимъ пьяницей, задержавшимъ ихъ на углу улицы.

Бывали однако и вечера удачные. Не рѣдко перепадали имъ луидоры отъ мужчинъ съ положеніемъ, которые шли съ ними, спрятавъ въ карманъ орденскіе ленты и другіе значки. У Сатенъ былъ нюхъ по части этого сорта кліентовъ. Въ дождливые вечера, когда Парижъ тонулъ въ сырости и скуки, эти господа—она это знала—шли въ темные углы города. А она выуживала самыхъ богато одѣтыхъ. Она узнавала ихъ по ихъ вялому взору. Въ такіе вечера городъ бывалъ точно охваченъ настоящей бѣшенной жаждой наслажденія.

Правда, она немного боялась этихъ господъ. Она знала, что самые изысканные были самыми отвратительными. Покрывавшая ихъ лакировка быстро сходила и наружу выступалъ звѣрь съ отвратительными вожделѣніями и рафинированной порочностью. Сатенъ не чувствовала также никакого почтенія къ господамъ, пріѣзжавшимъ въ колясках. Она утверждала, что ихъ кучера болѣе порядочные люди, такъ какъ не убиваютъ своихъ женъ нравами полусвѣта».

Обычно уличная проститутка имѣетъ свою частную квартиру, гдѣ реализуется начатая на улицѣ любовная сдѣлка. Если же у нея такой квартиры нѣтъ, то она не прочь сопровождать мужчину въ его квартиру или предложенныя имъ меблированныя комнаты, существующія въ огромномъ количествѣ въ каждомъ болѣе или менѣе большомъ городѣ. Къ категоріи меблированныхъ комнатъ относятся и особыя помѣщенія въ ресторанахъ, такъ называемыя chambres separées, служащія исключительно цѣлямъ мимолетной любви, существующія также не только въ большихъ, но и въ среднихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ во многихъ ресторанахъ найдется уютная задняя комнатка. Всѣ эти мѣста служатъ не только для сношеній съ проститутками, а само собой понятно не менѣе часто и для галантныхъ похожденій всякихъ законныхъ или незаконныхъ парочекъ, не имѣющихъ дома подходящаго случая или желающихъ послѣ концерта или театра тайкомъ отпраздновать праздникъ любви.

Самую угнетающую подробность въ картинѣ уличной проституціи большихъ городовъ составляютъ малолѣтнія проститутки. Въ Англіи число послѣднихъ все растетъ и не только по мнѣнію пес-

симистически настроенныхъ моралистовъ, но и по мнѣнію комиссіи верхней палаты, специально назначенной въ 1885 г. для болѣе тщательнаго разслѣдованія этого вопроса.

«Для комиссіи не подлежитъ сомнѣнію, что число малолѣтнихъ проститутокъ возросло до ужасающихъ размѣровъ во всей Англіи и въ особенности въ Лондонѣ... Большая часть этихъ несчастныхъ жертвъ находится въ возрастѣ отъ тринадцати до пятнадцати лѣтъ».

Что этотъ отвратительный порокъ распространенъ не только въ большихъ городахъ, доказываетъ приведенный въ прошлой главѣ случай, имѣвшій мѣсто на островѣ Гельголандѣ. Чаще всего въ проститутки идутъ, конечно, дѣти самихъ же проститутокъ, причемъ ихъ посвящаютъ въ это ремесло обычно сами же матери, сводящія ихъ съ извращенными развратниками и забирающія деньги. Есть однако не мало и такихъ двѣнадцати и тринадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, которыя промышляютъ собой на собственный страхъ и рискъ. Лондонъ кишѣлъ въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій этими несчастными существами. Вышедшими изъ низовъ люмпенпролетаріата. Такъ какъ у нихъ не имѣется собственной квартиры, такъ какъ онѣ проводятъ ночь въ темныхъ углахъ, въ амбарахъ, на площадяхъ или подъ мостомъ, то въ этихъ же мѣстахъ находится и ихъ ложе любви, т. е. онѣ отдаются покупателю въ ближайшемъ углу, подъ воротами или въ сѣняхъ дома, если только ихъ не приглашаютъ къ себѣ. Въ настоящее время дѣтская проституція существуетъ въ такой формѣ главнымъ образомъ въ Испаніи.

Отъ уличной проститутки неотдѣлимъ сутенеръ. Рѣдко найдется проститутка, которая не имѣла бы своего «Луи» или «Люде», какъ говорятъ въ Германіи, своего «Альфонса», какъ выражаются во Франціи. Въ сутенерѣ обычно видятъ необходимаго дѣлового компаньона проститутки, который доставляетъ ей кліентовъ, помогаетъ ей обирать ихъ и въ особенности активно защищаетъ ее въ ея подверженной всевозможнымъ опасностямъ дѣятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сутенеръ на самомъ дѣлѣ исполняетъ всѣ эти и тому подобныя функціи и однако не въ этомъ его главная роль при содержащей его проституткѣ. Онъ прежде всего ея любовникъ. Онъ единственный мужчина, котораго она сама избираетъ, который удовлетворяетъ ея потребность въ любви, въ противоположность всѣмъ остальнымъ мужчинамъ, которые ее выбираютъ и потребность въ любви которыхъ удовлетворять она должна.

Нѣтъ болѣе глубокаго заблужденія, какъ утвержденіе, будто проститутка отдается, когда исполняетъ свою профессію. А это

непремѣнно имѣло бы мѣсто, если бы она промышляла изъ любви къ дѣлу, т. е. изъ чрезмѣрно развитой чувственности. Что это въ большинствѣ случаевъ не такъ, доказываетъ какъ разъ то обстоятельство, что каждая проститутка имѣетъ любовника, а имъ является именно сутенеръ... Въ изданномъ Маргаритой Бёме «Дневникѣ падшей» говорится:

«Люди, не имѣющіе достаточно правильнаго понятія объ этой средѣ, представляютъ себѣ взаимныя отношенія этихъ мужчинъ и дѣвушекъ иными, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Я тоже думала, что «Луи» это человѣкъ, приводящій дѣвицамъ кліентовъ, охраняющій ихъ, напоминающій скандалящимъ или не желающимъ платить посѣтителямъ деликатнымъ образомъ объ ихъ обязанности быть ощипанными, а во всемъ прочемъ являющійся ничѣмъ инымъ, какъ своего рода рабовладѣльцемъ проститутки. Все это, конечно, бываетъ, однако, обычно дѣвицы относятся къ этимъ такъ-называемымъ сутенерамъ, какъ къ своимъ любовникамъ. Оно и понятно. Въ каждой проституткѣ живетъ такъ или иначе женщина со свойственнымъ ей желаніемъ опереться на мужчину, съ ея любовнымъ томленіемъ, не находящимъ удовлетворенія въ чисто дѣловомъ характерѣ обычныхъ ея половыхъ сношеній. Нѣчто подобное испытываю и я. Сколько бы дала я за то, чтобы имѣть хоть одного человѣка, который принадлежалъ бы мнѣ, на котораго я могла бы опереться, о которомъ я знала бы, что онъ мой, какъ я—его!»

Именно такъ только становится понятнымъ другое типическое явленіе, а именно, что проститутка не только содержитъ сутенера— если бы его главная функція состояла въ томъ, чтобы доставлять ей кліентовъ и охранять ее, было бы естественнѣе, если бы они дѣлили доходъ пополамъ,—но и положительно осыпаетъ его порою деньгами, и что между проститутками существуетъ настоящее соревнованіе, кто лучше содержитъ своего альфонса. Вращавшійся въ этой средѣ О. Узингеръ говоритъ въ своемъ этюдѣ о сутенерѣ слѣдующее объ этой сторонѣ дѣла:

«Достойно примѣчанія и то соревнованіе, которое царитъ среди проститутокъ и которое заключается въ томъ, что каждая старается принести своему сутенеру какъ можно больше денегъ. Сутенеръ старается по очень понятной причинѣ поддержать проститутку въ этомъ ея стремленіи. Ему обычно живется въ матеріальномъ отношеніи хорошо. Молодыя красивыя проститутки приносятъ въ недѣлю сотни, даже тысячи. Но даже и опустившаяся проститутка,

«la marmite ponr dix sous» доставляетъ своему любовнику отъ десяти до двѣнадцати марокъ въ день».

Паразитическая роль сутенера ставитъ его, естественно, такъ низко въ общественомъ отношеніи, что онъ является, быть можетъ, самымъ низкимъ человѣческимъ существомъ, и потому на такую профессію соглашаются обыкновенно только послѣдніе отбросы. Сутенеры выходятъ изъ всѣхъ классовъ и если большинство изъ нихъ и является выходцами изъ люмпенпролетаріата, то все же среди нихъ встрѣчается не мало и деклассированныхъ элементовъ изъ интеллигенціи, буржуазіи и въ особенности дворянства.

Видныя кокотки нерѣдко содержатъ настоящихъ графовъ и бароновъ, ведущихъ аристократическій образъ жизни. Что эти послѣдніе могутъ вести такой именно образъ жизни, и составляетъ предметъ гордости данной кокотки. Достойно вниманія и то, что во всѣхъ странахъ многіе полицейскіе и унтеръ-офицеры исполняютъ между прочимъ и профессію сутенера, т. е. получаютъ отъ нея свои главныя доходы.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на то, что сутенеръ служитъ связующимъ звеномъ между проституціей и уголовнымъ міромъ. Въ большинствѣ случаевъ сутенеръ вмѣстѣ съ тѣмъ и преступникъ и прежде всего и больше всего, конечно, вымогатель. Это такъ естественно и логично, что не нуждается въ особыхъ доказательствахъ.

Жизнь и бытъ въ низшихъ кварталахъ проституціи, сохранившихся въ настоящее время въ наиболѣе чистомъ видѣ въ портовыхъ городахъ, почти не поддаются описанію. Въ странныхъ костюмахъ, напоминающихъ костюмъ дамъ изъ варіетэ или цирка, стоятъ проститутки десятками у открытыхъ дверей на узкихъ улицахъ, приглашая гуляющихъ мужчинъ войти. Дѣйствіе неприличнаго костюма, обнаруживающаго всю почти грудь, и одѣтыхъ въ пестрыя чулки ногъ, видныхъ вплоть до самыхъ колѣнъ, еще усугубляется безстыдными жестами и восклицаніями...

Если проститутки безстыдно поднимаютъ юбки передъ проходящими, если онѣ выставляютъ впередъ оголенную грудь, если онѣ окружаютъ мужчинъ, пристаютъ къ нимъ съ циничными жестами, если онѣ пытаются вырвать ихъ шляпы, чтобы заставить ихъ послѣдовать за ними домой, то это самыя обычныя явленія. Такую картину можно было еще недавно видѣть въ кварталѣ Ст. Паули въ Гамбургѣ, гдѣ ютились проститутки низшаго разряда, да и теперь еще можно наблюдать въ Марселѣ и многочисленныхъ другихъ фран-

цузскихъ и англійскихъ портовыхъ городахъ. Такъ какъ эта категорія проститутокъ живетъ, какъ сказано, обыкновенно въ узкихъ и тѣсныхъ переулкахъ, то здѣсь все до послѣдней степени примитивно, и стоя на улицѣ вы часто можете быть свидѣтелями того, что происходитъ въ домахъ. Словомъ, жизнь отличается здѣсь крайнимъ безстыдствомъ и можетъ дѣйствовать только на низшіе инстинкты изголодавшихся матросовъ и мужиковъ, да еще развѣ только возбуждать любопытство. Отъ дальнѣйшихъ подробностей можно воздержаться, такъ какъ передъ нами по существу та же картина, которую представлялъ напр. Лондонъ въ XVIII в., картина, уже описанная во второмъ томѣ нашей Исторіи нравовъ.

Упомянемъ лишь, что такіе нравы можно въ настоящее время наблюдать еще на многихъ даже первоклассныхъ улицахъ испанскихъ городовъ.

«Въ Мадридѣ есть не мало домовъ на хорошихъ улицахъ, гдѣ съ девяти часовъ утра дѣвицы стоятъ въ дверяхъ съ величайшимъ безстыдствомъ и цинизмомъ. Здѣсь вы увидите huespadas съ нарумяненными лицами, подкрашенными глазами, съ такимъ глубокимъ вырѣзомъ въ платьѣ, что выступаетъ наружу вся грудь, съ сигаретками во рту. Онѣ останавливаютъ всѣхъ прохожихъ и становятся иногда нахальными (полицейскій протоколъ отъ 24 іюля 1900 г., цитированный въ книгѣ де Киросъ: «Преступленія и проституція въ Мадридѣ).

Въ кварталахъ, посѣщаемыхъ болѣе состоятельной публикой, жизнь носитъ съ внѣшней стороны въ настоящее время, естественно, совсѣмъ иную физіономію. Здѣсь проститутки сами не заманиваютъ посѣтителей. Въ крайнемъ случаѣ только привратница полугромко приглашаетъ проходящихъ или прогуливающихся мужчинъ войти. Обычно же не прибѣгаютъ и къ этому пріему и только красный фонарь или опущенныя шторы указываютъ путь находящемуся въ поискахъ любви мужчинѣ. Внѣшняя благопристойность должна затушевать скандальность нравовъ. Когда въ Берлинѣ въ 1851 г. снова открылись дома терпимости, на время закрытыя, то полиція требовала строгаго соблюденія внѣшняго приличія.

Одинъ современный писатель замѣчаетъ по этому поводу:

«Пришлось затушевать порокъ съ внѣшней стороны, т. е. затушевать его мѣстопребываніе. И въ этомъ зашли дальше, чѣмъ было нужно, его положительно окружили тайной. Дома терпимости, на видъ элегантные, казались заколдованными, окна были занавѣшаны, не видно было ни единаго живого существа: особыя таин-

ственныя двери и т. д.,—все должно было возбудить любопытство или по крайней мѣрѣ дать удобный поводъ для посѣщенія».

Именно поэтому болѣе элегантные дома терпимости зависятъ вдвойнѣ отъ рекламы, которую и пускаютъ въ ходъ какъ бы между прочимъ. Отчасти это дѣлается при помощи листиковъ, вручаемыхъ мужчинамъ на углу улицы или прилагаемыхъ къ безобидному проспекту какого нибудь торговаго дѣла. Иногда распространяются каталоги проститутокъ, съ пикантными иллюстраціями, повѣствующіе открыто или замаскированно объ ожидающихъ посѣтителей чудесахъ. До пятидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія было въ обычаѣ раздавать литографированныя карточки съ эротической сценой, а подъ ней значился адресъ дома терпимости или проститутки. Въ настящее время подобное явленіе встрѣчается только еще въ Италіи. Въ Парижѣ и теперь еще въ ходу медали, на одной сторонѣ которыхъ изображена женская головка или пикантно-обнаженная женщина, а на оборотной сторонѣ помѣщенъ адресъ дома терпимости или проститутки. Передъ нами какъ разъ находится такая медаль парижскаго происхожденія, женская головка окружена надписью: arts d'agrément, а на оборотной сторонѣ написано: Жюли, артистка и затѣмъ слѣдуетъ адресъ.

Во всѣхъ странахъ и теперь еще существуютъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ дома терпимости, число которыхъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ, а иногда даже сотенъ. Въ Мадридѣ въ 1895 г. насчитывалось ровно 300 такихъ домовъ, и въ одинъ только годъ возникло 127 новыхъ. Въ Германіи особенно многочисленны эти дома въ Кельнѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ, Любекѣ, Килѣ, Дортмундѣ, Эссенѣ, Бременѣ, Маннгеймѣ и Нюрнбергѣ. Изъ университетскихъ городовъ заслуживаютъ упоминанія: Грейфсвальдъ, католическій Фрейбургъ и Лейпцигъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ, напр., въ Франкфуртѣ, Бременѣ и въ особенности въ Гамбургѣ, есть цѣлыя улицы, занятыя такими притонами. Каждому пріѣзжему швейцаръ гостиницы укажетъ на нихъ, какъ на одну изъ достопримѣчательностей города. Если путешественникъ кажется на видъ богатымъ человѣкомъ, то въ Гамбургѣ ему называютъ улицу Ульрикусъ; если онъ коммивояжеръ или принадлежитъ къ среднему бюргерству, то ему указываютъ на Клефекергассе, а кто желаетъ посмотрѣть на настоящій «шабашъ», того посылаютъ въ кварталъ С. Паули, гдѣ, впрочемъ, въ послѣднее время произвели генеральную чистку.

Внутренній обиходъ въ такихъ домахъ по существу мало измѣ-

нился въ сравненіи съ прошлымъ, развѣ только ведутся они теперь раціональнѣе, въ еще болѣе коммерческомъ духѣ. Въ среднихъ притонахъ, т. е. стало быть въ большинствѣ, теперь все разсчитано на массовое удовлетвореніе спроса. Трудно составить себѣ ясное представленіе о томъ, какія требованія предъявляются при этомъ къ отдѣльнымъ дѣвушкамъ. Въ хорошо посѣщаемыхъ домахъ терпимости онѣ нерѣдко должны принимать ежедневно отъ десяти до двадцати мужчинъ. Въ случаѣ народныхъ или пѣвческихъ праздниковъ число это часто удваивается и даже утраивается.

Такъ напр., профессоръ Ландэ, мэръ города Бордо, установилъ, что въ такіе дни одна проститутка должна была принять до 82 мужчинъ.

Нѣтъ надобности особенно доказывать, что при такомъ грубодѣловомъ массовомъ удовлетвореніи кліентовъ не можетъ быть рѣчи о болѣе тонкихъ и изящныхъ линіяхъ, не можетъ быть тѣни ухаживанія и увлеченія. Тѣмъ чаще дѣло доходитъ до дикихъ сценъ. Такъ обычнымъ явленіемъ считается, если цѣлая группа мужчинъ беретъ одну проститутку, которая и должна отдаваться по очереди имъ всѣмъ.

Въ особенности часто это бываетъ въ университетскихъ городахъ. Въ болѣе хорошихъ домахъ терпимости, гдѣ разсчитываютъ всегда только на немногихъ богатыхъ посѣтителей и гдѣ поэтому къ нимъ и предъявляются болѣе повышенныя требованія, господствуютъ, конечно, болѣе утонченные нравы. Здѣсь обычно всѣ незанятыя дѣвицы представляются въ салонѣ посѣтителямъ, заигрываютъ съ ними, выставляютъ на показъ свои прелести, такъ что тѣ могутъ спокойно и обдуманно совершить свой выборъ. Въ Венгріи и Франціи дѣвицы одѣты при этомъ только въ чулки, туфельки и спереди открытую кружевную рубашку, которую онѣ въ зависимости отъ большей или меньшей степени кокетства или держатъ закрытой или же раскрываютъ, чтобы прельстить гостя, за которымъ ухаживаютъ.

Обычные средней руки дома терпимости устроены въ большинствѣ случаевъ довольно примитивно, только развѣ стѣны пріемной и спаленъ украшены репродукціями галантныхъ или эротическихъ картинъ. Въ такихъ домахъ имѣется обыкновенно и нѣчто въ родѣ ресторана, такъ что посѣтитель можетъ заказать по дорогой цѣнѣ бутылку вина, пива или ликера, распить ее въ компаніи съ дѣвицами, полюбезничать съ ними довольно откровенно и цинично, при чемъ онъ не обязанъ пойти съ одною изъ нихъ въ

Нола: **Купальный костюмъ** (1885).
Гл. III.

Де ла Ришардьеръ: **Желаніе.**
Гл. II.

Буальче: Нѣвеста въ опасности. 1796.
Гл. II.

Канова: Полина Бонапарте.
Гл. II.

ея комнату. Таковъ обычай въ большинствѣ нѣмецкихъ домовъ терпимости. Болѣе видныя заведенія обставлены, напротивъ, часто съ большой роскошью, дорогой, хотя и безвкусной мебелью, большими зеркалами, удобными мягкими креслами, бездѣлушками, дорогой посудой, большими эротическими картинами на стѣнахъ, порой кисти даже выдающихся художниковъ. Костюмъ дѣвицъ отличается въ такихъ домахъ, естественно, также большой роскошью.

Положеніе дѣвушекъ, живущихъ въ домахъ терпимости, самое жалкое и печальное, какое только можно себѣ представить. Онѣ находятся въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ вольнопромышляющія. Въ девяноста изъ ста случаяхъ такая дѣвушка въ полномъ смыслѣ слова рабыня хозяина. Проданная торговцемъ живого товара или инымъ какимъ нибудь путемъ заброшенная въ притонъ, она съ перваго же дня въ долгу у содержателя, берущаго обычно на себя ея прежніе долги и поставляющаго ей необходимый для ея профессіи туалетъ. Такъ какъ за все это, а равно и за комнату и содержаніе берутъ въ три дорога, то проститутка, естественно, несмотря на порой высокій заработокъ въ большинствѣ случаевъ всю жизнь въ когтяхъ этого вампира. Необходимо принять во вниманіе, что съ такой жизнью, всецѣло посвященной наслажденію, неизбѣжно тѣсно связана расточительность, которую содержатели домовъ терпимости поддерживаютъ и эксплуатируютъ самымъ рафинированнымъ образомъ въ интересахъ своего же кошелька.

Все это ставитъ этихъ дѣвушекъ въ возмутительную зависимость отъ хозяина и онѣ отданы всецѣло во власть какъ его самого, такъ и посѣтителей дома. Вольнопромышляющая проститутка можетъ отклонить предъявляемыя къ ней гнусныя требованія—какія, объ этомъ можно прочесть въ Psychopathia sexualis Крафтъ-Эбинга!—а это удается сдѣлать лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ дѣвушкѣ, прикованной къ дому терпимости, такъ какъ хозяинъ не желаетъ отказаться отъ дохода, хотя бы онъ проистекалъ изъ самаго отвратительнаго порока. Такая дѣвушка совершенно беззащитна и совершенно безправна. Возможное бѣгство хозяинъ предупреждаетъ тѣмъ, что всегда самъ сохраняетъ въ безопасномъ мѣстѣ ея уличный костюмъ. Если она идетъ гулять, то въ сопровожденіи другой проститутки, на которую хозяинъ можетъ положиться, или же служанки.

Лишь очень немногія дѣвушки, живущія въ домѣ терпимости, не проникаются поэтому очень скоро ненавистью къ притону, хотя бы онѣ и вступили въ него добровольно. Веселость, съ которой онѣ

развлекаютъ посѣтителей, совершенно искусственная, если только она—что бываетъ чаще—не служитъ проявленіемъ одичалости, къ которой очень быстро приводитъ эта профессія. Подумайте только, что значитъ имѣть ежедневно половыя сношенія съ дюжиной мужчинъ и притомъ въ большинствѣ случаевъ сношенія, проявляющіяся въ отвратительной формѣ. Какъ тутъ въ концѣ концовъ не одичать такъ, что ко всему будешь относиться равнодушно и даже чувствовать себя въ грязи, какъ въ своей стихіи.

Такъ какъ «все чаще только самыя безпомощныя или самыя отупѣлыя проститутки склонны подчиниться игу дома терпимости», то уже одинъ этотъ фактъ объяснялъ бы въ достаточной степени выше отмѣченное сокращеніе во всѣхъ странахъ числа домовъ терпимости. Существуетъ однако цѣлый рядъ еще другихъ причинъ, обусловившихъ это явленіе. Среди нихъ самой важной является также уже отмѣченная огромная конкуренція замаскированной проституціи, множества кафешантановъ, танцзаловъ, домовъ свиданій—словомъ не пользующихся концессіей домовъ терпимости, предлагающихъ или по крайней мѣрѣ обѣщающихъ мужчинамъ болѣе пикантныя наслажденія.

Домъ терпимости нуждается для постояннаго пополненія своего состава въ посредничествѣ профессіональнаго торговца живымъ мясомъ, такъ какъ въ большинствѣ этихъ заведеній дѣвушки быстро изнашиваются и потому является необходимость постоянно замѣнять ихъ новыми. Выше описанная жизнь въ домахъ терпимости объясняетъ въ достаточной степени это явленіе. Сюда необходимо присоединить еще то, что наличность «свѣжаго товара» служитъ для заведенія самой лучшей притягательной силой. Многіе содержатели видятъ себя поэтому и безъ того вынужденными показывать гостямъ какъ можно чаще новыя лица. Это стремленіе обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче круги, на которые разсчитано данное заведеніе.

Нѣкоторые дома предъявляютъ къ тѣлу и юности своихъ «дамъ» самыя повышенныя требованія. Въ особенности во Франціи существовали, да и теперь еще существуютъ богатыя заведенія, гдѣ изъ пятнадцати или двадцати дѣвушекъ ни одна не бываетъ старше двадцати или двадцати трехъ лѣтъ и всѣ отличаются безупречнымъ сложеніемъ, а порой и прямо удивительно красивымъ тѣломъ. Въ тотъ день, когда грудь уже не отличается прежней твердостью и упругостью, дѣвушка уступается или вѣрнѣе перепро-

дается другому менѣе притязательному дому. Съ другой стороны вновь поступившая дѣвушка сначала предоставляется всѣмъ почетнымъ и постояннымъ гостямъ и уже только послѣ этого поступаетъ во всеобщее пользованіе. Если такая вновь поступившая дѣвушка отличается красотой, то она нерѣдко заранѣе расписана на цѣлыя недѣли.

Такъ какъ со всѣми подобными половыми эксцессами связаны постоянно такіе же эксцессы въ употребленіи алкоголя, то рано или поздно должно сдаться и самое крѣпкое тѣло, т. е. оно должно по меньшей мѣрѣ потерять свою прежнюю свѣжесть, даже если случай убережетъ данную дѣвушку отъ зараженія дурной болѣзнью. При такихъ условіяхъ немудрено, что въ хорошихъ домахъ дѣвушку рѣдко держатъ болѣе одного или двухъ лѣтъ. Требующійся «свѣжій» и притомъ способный привлечь вниманіе «товаръ» могутъ доставить, естественно, только профессіональные торговцы дѣвушками, такъ какъ только самыя несамостоятельныя женщины идутъ, какъ уже упомянуто, добровольно въ домъ терпимости. Рѣже всего начинаютъ свою карьеру добровольнымъ вступленіемъ въ такой домъ именно молодыя и красивыя дѣвушки. По этой причинѣ торговецъ можетъ добыть свои жертвы въ большинствѣ случаевъ только обманомъ или инымъ преступнымъ образомъ, обѣщая хорошенькимъ горничнымъ, камеристкамъ, продавщицамъ и т. д. выгодныя мѣста за-границей или даже замужество, побуждая ихъ отправиться съ ними въ другой городъ, гдѣ обманутыя слишкомъ поздно узнаютъ, что попали въ руки обманщика.

Часто дѣвушки попадаютъ въ цѣпкія лапы торговцевъ живымъ мясомъ или содержателей заведеній также и путемъ объявленій, гласящихъ: «ищутъ камеристку или секретаршу для богатой дамы» и т. п.

Отъ большой массы проститутокъ кокотка отличается только тѣмъ, что умѣетъ брать за свою любовь дороже и тѣмъ, что она находится на содержаніи только у одного или только у нѣсколькихъ мужчинъ. По этой же причинѣ она ускользаетъ отъ полицейскаго надзора. Число такихъ содержанокъ нынѣ очень и очень велико, въ особенности въ сравненіи съ эпохой абсолютизма, когда только государи, да еще нѣкоторые богатые финансисты могли себѣ позволить подобную роскошь. Напротивъ, въ настоящее время существуетъ благодаря огромному накопленію капитала безчисленное множество плутократовъ, многіе изъ которыхъ могутъ себѣ поз-

волить роскошь содержать дорого стоющую подругу или временно, или впродолженіи цѣлыхъ лѣтъ.

Какъ уже было выяснено въ одной изъ предыдущихъ главъ, кокотка въ первую голову задаетъ тонъ модѣ. Она же въ значительной степени налагаетъ свой отпечатокъ и на общественную жизнь. Въ особенности жизнь и нравы опредѣленныхъ изысканныхъ круговъ большого города получаютъ отъ нея свою характерную физіономію. А въ цѣломъ рядѣ фешенебельныхъ курортовъ и иныхъ центровъ жуирующаго свѣта—достаточно указать на Монте-Карло—она вообще является осью всей жизни. Въ такихъ мѣстахъ все разсчитано на потребности и вкусы элегантной кокотки. Какъ ни велика однако роль femme entretenue еще и въ настоящее время, она перестала однако быть прежней царицей, за которой всѣ ухаживали, которая привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе, ради которой забывали все и всѣхъ. Такую роль играла она еще въ эпоху второй имперіи во Франціи.

Пельтанъ писалъ въ 1855 г.:

«Недавно я присутствовалъ при представленіи пьесы «Шарлотта Кордэ». Въ самый драматическій моментъ, когда публика отъ волненія затаила дыханіе, въ театрѣ вдругъ поднимается шумъ, всѣ оборачиваются, перешептываются, наводятъ наконецъ на опредѣленное мѣсто летучую артиллерію биноклей. Что случилось! То явилась львица! Вы не знаете ее? Это дама, посыпающая колеса своей кареты золотымъ пескомъ, разорившая уже не одного подававшаго надежды молодого человѣка. Спокойная и мужественная, подъ перекрестнымъ огнемъ взглядовъ и лорнетокъ, принимаетъ она расточаемое ей вниманіе, какъ естественную дань ея красотѣ и ея извѣстности, и ощипывая вырванное изъ накидки на лебяжьемъ пуху перо, она точно говоритъ мужчинамъ: «такъ поступаю я и съ вами».

Если сравнить прежнюю роль grande cocotte съ ея теперешней, то можно почти говорить о ея развѣнчаніи. Это развѣнчаніе было однако слѣдствіемъ не торжества въ этихъ кругахъ болѣе высокой нравственности, какъ, можетъ быть, будутъ предполагать многіе, а конкуренціи, которую кокоткѣ дѣлаетъ женщина имущихъ классовъ.

Кокотка была оттѣснена на задній планъ, потому что ея пріемы и нравы были восприняты также женщинами имущихъ классовъ. Нынѣ эти послѣднія почти всѣ вышли изъ подъ сѣни домовитости, культивируютъ во всемъ и вездѣ ту же безумную роскошь, отличаются такими же экстравагантными склонностями, словомъ: онѣ стали

Послѣ бала. Французская гравюра. Гл. III.



Гойя: Насиліе. Гл. II.

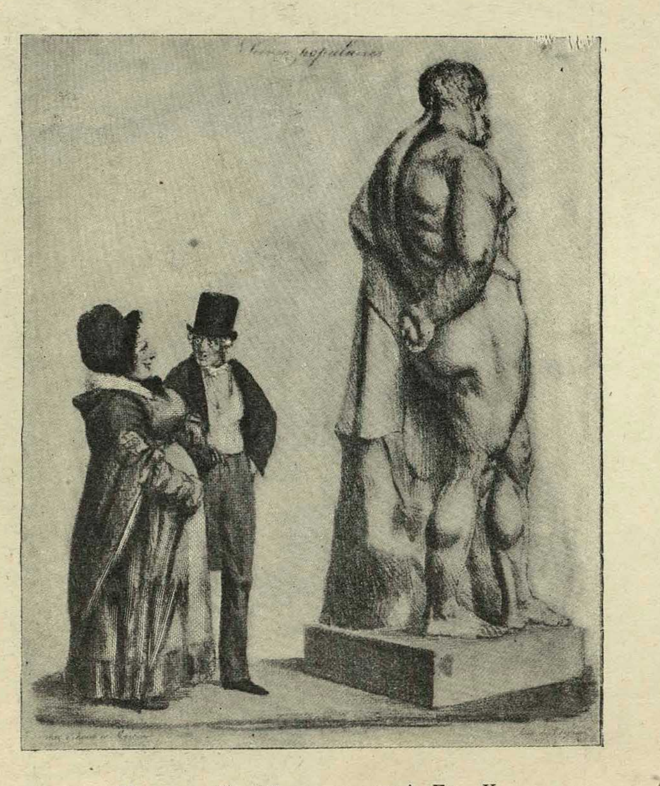


Макартъ: Зрѣніе.

Лоссо: Венера и Купидонъ. Гл. III.



Макартъ: Вкусъ.



Пигаль: Какой красавецъ! Гл. II.



Танцовщица Суламифь Руфь. Гл. VI.

Вѣнская литографія 1856 г.

Невѣста. 1855 г.

такими же монденками, какими прежде, лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, были однѣ только кокотки. Въ тысячѣ случаевъ даму теперь уже трудно отличить отъ кокотки. Или же наоборотъ. Въ 1869 г. Лейбль написалъ лучшій какой есть портретъ парижской дамы и назвалъ картину «Парижанка». Публика же окрестила картину «кокотка», и это названіе такъ за ней и осталось. Въ виду этого кокотка уже не бросается въ глаза, какъ нѣчто изъ ряда выдающееся, а это и было предпосылкой ея успѣха. И потому она оказалась побѣжденной.

Кокотка въ болѣе узкомъ смыслѣ слова была развѣнчана, такъ какъ по всей линіи восторжествовалъ типъ вообще кокотки.

Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что размѣры замаскированной проституціи многимъ превосходятъ проституцію открытую и незавуалированную. Именно въ этомъ и заключается, какъ уже сказано, отличіе нашего времени отъ прежнихъ эпохъ: между тѣмъ какъ открытая проституція сократилась если не абсолютно, то относительно, замаскированная розничная торговля любовью увеличилась абсолютно и относительно самымъ невѣроятнымъ образомъ.

Здѣсь прежде всего необходимо упомянуть такъ называемыхъ полушелковыхъ, т. е. такихъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя, правда, существуютъ исключительно проституціей, но скрываютъ свою профессію за мнимой дѣятельностью учительницы или модистки и тѣмъ спасаютъ себя отъ полицейскаго контроля. Существуютъ даже цѣлые такіе замаскированные дома терпимости, модныя мастерскія, относительно которыхъ никто ничего не подозрѣваетъ и только посвященные знаютъ, что «работницы», такъ сосредоточенно занятыя иглой, когда вы входите, обслуживаютъ гораздо чаще мужскихъ, чѣмъ женскихъ кліентовъ. О Туринѣ Р. Михельсъ сообщаетъ въ своей книгѣ Die Geschlechtsmoral, что здѣсь есть не мало модныхъ мастерскихъ, гдѣ всѣ 20 или 30 работницъ тайно занимаются проституціей и притомъ въ самой мастерской.

«Во многихъ городахъ, напр. въ Туринѣ,—говоритъ онъ—существуютъ модныя мастерскія, расположенныя обыкновенно во второмъ или третьемъ этажѣ густо населенныхъ домовъ. Съ внѣшней стороны ихъ не отличишь отъ другихъ такихъ мастерскихъ. Дѣвушки въ самомъ дѣлѣ заняты работой модистокъ. Онѣ въ самомъ дѣлѣ исполняютъ эту профессію. Если вы войдете въ мастерскую, то всегда найдете ихъ за работой, даже больше, вы найдете ихъ погру-

женными въ работу и ведущими себя вполнѣ прилично и благопристойно. Эти модистки берутъ заказы и на домъ. Только посвященный знаетъ, что шитье представляетъ одну сторону предпріятія, тогда какъ другая состоитъ въ исполненіи совсѣмъ другой профессіи. Здѣсь извращенные мужчины, находящіеся въ обезпеченныхъ матеріальныхъ условіяхъ, уже вышедшіе изъ юношескаго возраста, принадлежащіе къ высшимъ сословіямъ, находятъ то, чего ищутъ: тайныя, не компрометтирующія половыя сношенія съ порядочными дѣвушками, а дѣвушки со своей стороны находятъ то, что имъ нужно: сравнительно высокій заработокъ, не сопряженный съ позоромъ.

Я взялъ на себя трудъ разспросить нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣвушекъ объ ихъ экономическомъ положеніи. Если бы онѣ были только модистками, то онѣ зарабатывали бы въ мѣсяцъ въ среднемъ только 90 лиръ, тогда какъ при комбинированной системѣ ихъ заработокъ доходитъ до 200 лиръ. Въ соціальномъ же отношеніи онѣ сохраняютъ незапятнанную репутацію. Возможно, что нѣкоторые родители знаютъ о двойной профессіи дочерей и объ источникѣ происхожденія денегъ, которыя онѣ имъ вечеромъ приносятъ. Все же это только исключеніе. Одна модистка, съ которой я бесѣдовалъ на этотъ счетъ, хорошенькая, немного блѣдная дѣвушка, съ приличными, цѣломудренными манерами подняла, какъ бы ради убѣдительности аргумента, юбку и показала мнѣ свое нижнее бѣлье. На ней были длинные, толстые, шерстяные чулки и закрытые кальсоны. «Горе мнѣ!—сказала она—если бы мой костюмъ позволилъ родителямъ вечеромъ угадать то, что я дѣлаю днемъ. Не сдобровать бы мнѣ!»

Какъ бы тамъ ни было, эти полупроститутки ведутъ съ внѣшней стороны ту же жизнь, что и ихъ товарки. Свободные обѣденные часы онѣ проводятъ обыкновенно дома. Вечеромъ онѣ отправляются спать домой. По воскресеньямъ онѣ не работаютъ, а идутъ на прогулку съ семьей, взявъ за руку маленькаго брата, а, быть можетъ, подъ руку и жениха. За исключеніемъ узкаго круга ихъ посѣтителей никто не догадывается о ихъ двойственной общественной функціи».

Не мало такихъ замаскированныхъ домовъ терпимости существуетъ въ Англіи.

Еще значительнѣе, однако, число такихъ женщинъ, для которыхъ проституція лишь подсобный заработокъ, способъ увеличить свой скудный бюджетъ, удовлетворить потребность въ роскоши или же заработать себѣ приданое. Въ указанной книгѣ Р. Михельса имѣется описаніе и этого явленія, причемъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о Римѣ.

«Мать или завѣдующая мастерской или, наконецъ, смотря по обстоятельствамъ владѣлица магазина посылаетъ дѣвушку съ порученіями. И вотъ дѣвица спѣшитъ въ танцзалъ на часокъ, полчаса или даже четверть часа. Здѣсь она часто встрѣчаетъ милаго. Чаще же это незнакомецъ, который приглашаетъ ее выпить у буфета стаканъ вина и потанцовать съ нимъ. Въ передней и гардеробѣ лежатъ необозримой вереницей пакеты, коробки, мѣшечки, связки съ книгами. Послѣднія принадлежатъ нѣсколькимъ учительницамъ. Рядомъ съ буфетомъ есть еще комната, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ позади магазина. Сюда охотно приходятъ молодые люди, чтобы «освѣжиться», и забавляются тѣмъ, что тушатъ газъ. Швейцаръ, почтенный мужчина съ длинной бородой, стражъ порядка и нравственности въ этомъ домѣ, спѣшитъ снова зажечь его. То и дѣло слышится его хриплый голосъ:

«Чортъ возьми! или вы забываете, гдѣ находитесь».

Часто танцы продолжаются долго, вплоть до самой квартиры предпріимчиваго кавалера и тогда матери, завѣдующія и т. д. не скоро дождутся возвращенія голубки домой.

Что побуждаетъ всѣхъ этихъ дѣвушекъ посѣщать танцзалъ? Не страсть къ танцамъ! Здѣсь рѣчь идетъ просто о болѣе приличной, болѣе чистоплотной формѣ проституціи. Здѣсь вы встрѣтите женщинъ среднихъ классовъ, въ шляпѣ, перчаткахъ и накидкѣ. Между тѣмъ, какъ несчастный мужъ сидитъ въ конторѣ и работаетъ до изнеможенія за письменнымъ столомъ, жена отправляется «танцовать», чтобы привести въ равновѣсіе бюджетъ, получившій въ виду ея любви къ роскоши трещину, которую трудъ мужа уже не въ силахъ исправить. Преобладаютъ здѣсь однако дѣвушки. Съ ними можно себѣ многое позволить. Если онѣ краснѣютъ, то это не страшно. Охотно выслушивается галантное слово, даже скабрезная острота не возмущаетъ, а кто сумѣетъ уловить удобный моментъ, можетъ себѣ позволить и поцѣлуй, щипокъ, даже нецѣломудренный жестъ. Во всемъ прочемъ «руки прочь». Всѣ эти дѣвушки усматриваютъ «главную аферу» въ бракѣ, и мужа онѣ себѣ находятъ въ другомъ мѣстѣ. Въ танцзалѣ онѣ устраиваютъ только маленькія дѣлишки, при которыхъ онѣ ничѣмъ не рискуютъ. Онѣ идутъ до извѣстной границы и останавливаются. Почти у всѣхъ имѣется въ виду женихъ, а дома ихъ считаютъ маленькими святыми. Если вы встрѣтите такую дѣвушку на улицѣ, то вы до того будете поражены ея приличнымъ и цѣломудреннымъ поведеніемъ, что будете готовы считать ее за Лукрецію или Сусанну».

Въ настоящее время въ самомъ дѣлѣ едва ли найдется какая нибудь женская профессія, представительницы которой не занимались бы въ то же время коммерческимъ образомъ также и любовью. Впереди идутъ кельнерши, продавщицы, горничныя. Испанскій писатель Эслава говоритъ о мадридскихъ горничныхъ:

«Извѣстныя мнѣ меблированныя комнаты, и теперь еще существующія, дали въ одно только воскресенье въ часъ гулянія не менѣе какъ девяносто двумъ горничнымъ возможность проституировать себя». Замѣтимъ здѣсь въ скобкахъ, что ряды офиціальныхъ проститутокъ пополняются во всѣхъ странахъ преимущественно горничными. Во всѣхъ крупныхъ городахъ множество продавщицъ выходятъ каждый вечеръ на улицу въ надеждѣ, что кто-нибудь пригласитъ ихъ съ собой. Если для нѣкоторыхъ такое знакомство является средствомъ увеличить свое жалованье, то другія пользуются имъ, чтобы поужинать, попасть въ театръ и т. д., третьи берутъ взамѣнъ за оказанную услугу драгоцѣнное украшеніе и т. п.

Являются обыкновенно не болѣе, какъ замаскированными своднями также мужскіе и женскіе посредники по отысканію мѣстъ. Многіе спеціально находятъ мѣста секретаршамъ, компаньонкамъ, экономкамъ. Повышенный окладъ, получаемый дѣвушками и женщинами на такихъ мѣстахъ, предполагаетъ съ ихъ стороны готовность «по ночамъ не запирать своей спальни», какъ писала одна посредница искавшей мѣсто дѣвушкѣ. Другая еще откровеннѣе. Дѣвушкѣ, желавшей получить мѣсто секретарши, она писала: «сообщите болѣе подробныя свѣдѣнія о вашей груди и вообще о вашихъ формахъ. Если вы обладаете упругой грудью, то я могла бы вамъ немедленно достать нѣсколько мѣстъ къ мужчинамъ съ очень хорошимъ положеніемъ. Хочется мнѣ также знать, понимаете ли вы шутки и умѣете ли вы соотвѣтственнымъ образомъ отвѣчать на нихъ»?

Многіе, даже лучшіе рестораны во всѣхъ почти городахъ нанимаютъ принципіально только хорошенькихъ кельнершъ и обыкновенно только такихъ, которыя готовы сносить приставанье всѣхъ или по крайней мѣрѣ постоянныхъ посѣтителей. Въ особенности въ ходу это въ провинціи. Здѣсь считается принятымъ, да и является однимъ изъ требованій хозяина, чтобы симпатичная гостямъ кельнерша позволяла имъ посѣщать ее въ ея каморкѣ. Посредники всегда при этомъ довольно беззастѣнчиво намекаютъ именно на эту обязанность.

Недавно во всѣхъ баварскихъ газетахъ появилось объявленіе:



Крюкшенкъ: Проститутки-воровки. Гл. V.



Англійскія проститутки. 1796. Гл. V.

Корбэ: Идиллія. Гл. IV.



Деревенская проститутка. Гл. V.

«Требуется 30 кельнершъ, жалованье 300 мар. въ мѣсяцъ. Могутъ быть и новички. Адресъ такой-то». Желавшія получить это мѣсто, соблазненныя выгоднымъ предложеніемъ дѣвушки получили отъ «посреднической конторы Швейнфуртъ» гектографированный отвѣтъ:

«Милостивая государыня! ваше предложеніе мы получили и сообщаемъ вамъ, что имѣется еще свободное мѣсто. Особо хорошее мѣсто приберегли мы спеціально для васъ, но просимъ васъ предварительно выслать карточку или подробное описаніе вашей внѣшности (ростъ, возрастъ, фигура, полнота, грудь и т. д.) Какія заведенія вамъ больше по сердцу? Могли бы вы пріѣхать немедленно по полученіи телеграммы»?

Кажется, нельзя откровеннѣе обставить торговлю человѣческимъ мясомъ!

Та же готовность итти на встрѣчу мужскимъ кліентамъ предполагается, если только прямо не требуется, въ провинціи отъ пѣвицъ, танцовщицъ и статистокъ маленькихъ сценъ или театровъ варіетэ. Иногда прямо однимъ изъ условій ангажемента является обязанность актрисы послѣ представленія принять приглашеніе посѣтителей выпить стаканъ вина или шампанскаго.

Ничѣмъ инымъ, какъ замаскированной проституціей является, конечно, и обычай такъ называемыхъ «порядочныхъ» дамъ устраивать денежныя дѣла въ домѣ свиданій, о чемъ уже было подробно говорено. Все сказанное на эту тему также относится къ главѣ о замаскированной проституціи. А каковы матери, таковы и многія дочери порядочныхъ семействъ. Какъ ни дико звучитъ утвержденіе, что среди такъ называемыхъ Demi vierges всѣхъ странъ значительная часть соединяетъ съ «любовью къ дѣлу» очень развитое коммерческое чутье, умѣющее брать взаймы у друга съ заранѣе заготовленнымъ рѣшеніемъ не отдавать назадъ и т. д., оно однако соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Выше цитированный испанскій писатель Эслава говоритъ: «На основаніи добросовѣстнаго изученія вопроса и собственныхъ наблюденій я могу утверждать, что 80 % всѣхъ институтокъ проституируетъ себя самымъ легкомысленнымъ образомъ». Во время процесса женщины-врача Шапиро, оклеветанной однимъ совѣтникомъ медицины, выяснилось, что многія нѣмецкія дочери бюргерскихъ семействъ занимаются проституціей.

Необходимо здѣсь еще разъ подчеркнуть другую тоже вышеупомянутую форму замаскированной проституціи, а именно готовность многихъ женщинъ отдаваться мужчинамъ въ интересахъ соб-

ственной карьеры или карьеры мужа. Множество фабричныхъ работницъ любезны съ мастеромъ, чтобы при распредѣленіи работы получить наиболѣе выгодную или чтобы онъ не слишкомъ усердно контролировалъ ихъ трудъ. Многія продавщицы разрѣшаютъ хозяину тѣ или другія вольности, чтобы повыситься на службѣ, добиться большаго жалованья или большей свободы. Есть не мало фабрикъ и торговыхъ дѣлъ, гдѣ женскія служащія являются дичью, за которой можетъ безнаказанно охотиться начальство и гдѣ онѣ часто въ самомъ дѣлѣ составляютъ гаремъ завѣдующаго, директора или владѣльца. Печальнѣе всего и въ этомъ отношеніи положеніе актрисъ. Сценическая карьера часто начинается проституціей и каждый ея этапъ связанъ съ проституціей. Многіе театральные агенты идутъ навстрѣчу хорошенькой начинающей актрисѣ только въ томъ случаѣ, если она готова показать свой талантъ и совсѣмъ въ другой области. Не одинъ вліятельный режиссеръ настраивается на милостивый ладъ только послѣ интимнаго пробнаго спектакля, а на ложе директора не рѣдко раздаются самыя эффектныя роли. Похвальная рецензія также заслуживается часто не на подмосткахъ, а въ альковѣ или въ отдѣльномъ кабинетѣ. Присоедините сюда еще неизбѣжнаго «друга», оплачивающаго туалетъ. Есть не мало видныхъ театральныхъ звѣздъ, которыя сдѣлали карьеру, только перебывавъ во всѣхъ этихъ постеляхъ. Съ другой стороны много актрисъ и статистокъ только потому не достигли извѣстности, что не вступили на этотъ путь или ихъ вытѣснили болѣе хорошенькія конкурентки.

Если многія женщины поступаютъ такъ ради собственной карьеры, то не мало и такихъ, которыя готовы на такой шагъ и ради карьеры мужа. Галантная хорошенькая жена является для тысячи чиновниковъ отъ низшихъ и до высшихъ во всѣхъ странахъ главнымъ доказательствомъ ихъ права на болѣе высокое мѣсто, о которомъ они хлопочутъ.

Освѣтить цифрами этого рода путь къ счастью, конечно, невозможно, но вся историческая ситуація позволяетъ утверждать, что отдѣльные извѣстные случаи являются лишь симптомами массового явленія.

Отношеніе къ проституціи полиціи, олицетворяющей собой въ данномъ случаѣ государственную власть, отличалось всегда двойственностью. А именно по той простой причинѣ, что терпимость и неразрывно съ ней связанная охрана проституціи не могутъ быть

уложены въ рамки идеи кульминирующаго въ единобрачіи «нравственнаго міропорядка» безъ явнаго издѣвательства надъ этой фикціей. А съ другой стороны неизбѣжность проституціи, какъ коррелата единобрачія, была всегда слишкомъ явной, чтобы всѣ попытки искоренить «зло проституціи» запрещеніемъ или строгимъ наказаніемъ промышляющихъ своей любовью женщинъ и помогающихъ имъ своденъ не кончались самымъ комическимъ образомъ.

Наиболѣе откровенно и просто справилась, какъ мы видѣли въ первомъ томѣ, съ этой дилеммой эпоха Ренессанса; наиболѣе сбивчиво и противорѣчиво выходитъ изъ нея, какъ можно наблюдать на каждомъ шагу, современное буржуазное общество. Вотъ почему между прочимъ всѣ предпринимаемыя противъ проституціи мѣры производятъ нынѣ впечатлѣніе жестокости и злоупотребленія. Вотъ почему полиція, равно какъ и отдѣльныя ея органы, такъ часто на самомъ дѣлѣ и злоупотребляютъ находящейся въ ихъ рукахъ властью надъ проститутками.

Начиная съ конца XVIII в. въ основу всѣхъ полицейскихъ мѣръ противъ проституціи легла главнымъ образомъ мысль охранить здоровье мужчинъ, потребителей проституціи. Отсюда: регистрація проститутокъ, контроль надъ ними, полицейски-врачебный надзоръ, учрежденіе домовъ терпимости или особыхъ улицъ, облава на гуляющихъ проститутокъ и т. д. Все это, разумѣется, страшно принижаетъ соціальное положеніе проститутки и не смотря на всѣ постановленія, изданныя будто бы въ ея интересахъ, офиціально заклеймленная проститутка никогда въ самомъ дѣлѣ не стояла въ соціальномъ положеніи такъ низко, какъ въ нашъ буржуазный вѣкъ.

Полицейское заклеймленіе женщины проституткой приводитъ къ полному униженію ея человѣческаго достоинства, а именно благодаря принудительному врачебному надзору. Проститутка становится такимъ образомъ безвольной вещью. Во многихъ странахъ этотъ актъ совершается къ тому же въ формѣ настоящаго насилія. Женщина, заподозрѣнная въ «безнравственномъ промыслѣ», приведенная въ участокъ подвергается здѣсь обычно гнусному физическому осмотру со стороны полицейскаго врача. Очень часто противъ желанія и безъ предварительнаго судебнаго приговора. Достаточно показаній городового, чтобы привести къ этому и навсегда омрачить душу женщины. Полицейски-врачебный осмотръ внушаетъ многимъ проституткамъ такой ужасъ, что онѣ никогда не могутъ къ нему привыкнуть, даже такія, которыя готовы подчиниться ка-

кому угодно эротическому капризу посѣтителей. Въ этотъ моментъ проститутка особенно ясно сознаетъ, что она перестала быть человѣкомъ, что она стала безвольной вещью. А самымъ трагическимъ въ этомъ институтѣ является то, что онъ къ тому же и не достигаетъ своей цѣли, а именно охраны здоровья мужчинъ, прибѣгающихъ къ услугамъ проститутокъ.

Нынѣ очень хорошо извѣстно, что опасность зараженія отъ находящихся подъ надзоромъ проститутокъ такъ же велика, какъ и отъ освобожденныхъ отъ него. Ибо подобная охрана отъ зараженія могла бы быть дѣйствительной только въ томъ случаѣ, если бы врачебному осмотру подвергались и мужчины до ихъ схожденія съ проститутками... Вотъ въ чемъ неразрѣшимая проблема. И потому и не удалось хотя бы отчасти сократить размѣры половой заболѣваемости. Половыя болѣзни нынѣ даже распространеннѣе, чѣмъ когда бы то ни было, хотя необходимо при этомъ констатировать, что эти болѣзни уже не отличаются прежней опустошительностью—вѣроятно благодаря всеобщему отравленію ими!

Ничто не характеризуетъ безправное положеніе проститутки въ современномъ буржуазномъ обществѣ такъ хорошо, какъ предпринимаемыя время отъ времени во всѣхъ большихъ городахъ облавы, при чемъ оцѣпляются цѣлые кварталы и всѣ гуляющія женщины безъ разбора задерживаются и препровождаются въ участокъ. Здѣсь онѣ подвергаются осмотру и кто не можетъ засвидѣтельствовать своей личности, подвергается аресту. Иногда эти облавы распространяются и на извѣстные дома и меблированныя комнаты, причемъ также задерживаются всѣ женщины, не могущія засвидѣтельствовать своей личности. Такія облавы составляютъ предметъ особаго страха проститутокъ, преимущественно тѣхъ, кто сумѣлъ избѣжать полицейскаго надзора или тѣхъ, кто занимается замаскированной проституціей. Очень яркую картину какъ этого страха, такъ и способовъ, примѣняемыхъ во время облавы, далъ Зола въ своемъ романѣ «Нана».

«Сатенъ внушила Нана безпредѣльный ужасъ передъ полиціей. Она была неистощима на подобные разсказы. Нѣкоторое время она жила съ агентомъ нравственой полиціи, чтобы обезопасить себя съ этой стороны.Дважды онъ спасъ ее изъ ея рукъ. Теперь она жила въ вѣчномъ страхѣ, ибо если ее еще разъ задержатъ, она погибла. Чтобы получить награду, агенты стараются изловить какъ можно больше женщинъ. Если несчастныя кричатъ, то получаютъ пощечины. Агенты знаютъ, что полиція помогаетъ имъ и награ-

ждаетъ ихъ, даже если они задержатъ среди массы проститутокъ порядочную женщину. Лѣтомъ десять или пятнадцать агентовъ становятся на бульварахъ и задерживаютъ въ одинъ вечеръ до тридцати дѣвушекъ. Сатэнъ, однако, знала ихъ мѣсто.

Едва замѣтивъ издали агента, она исчезала въ толпѣ. Эти дѣвушки такъ боялись закона, такъ боялись префектуры, что многія изъ нихъ, какъ разбитыя параличемъ, останавливались передъ дверью кафе. Еще болѣе боялась Сатэнъ доносовъ. Торговецъ паштетами былъ настолько низокъ, что когда она его бросила, онъ пригрозилъ ей доносомъ. Да, есть такіе мужчины, которые подобной угрозой заставляютъ проститутокъ содержать ихъ. А потомъ сколько есть женщинъ, готовыхъ изъ зависти донести на всякую, у которой смазливенькое личико.

Нана слушала съ возрастающимъ ужасомъ. С. Лазаръ мерещился ей въ видѣ ямы, въ видѣ темной дыры, куда живыми бросаютъ женщинъ, послѣ того, какъ имъ обрѣзали волосы. Тщетно, успокаивала она себя тѣмъ, что стоитъ ей только бросить Фонтана и она найдетъ покровителей, тщетно увѣряла ее ея подруга, что агенты полиціи нравственности имѣютъ при себѣ списокъ и фотографіи дѣвушекъ, которыхъ нельзя трогать. Она тѣмъ не менѣе дрожала передъ полиціей, видѣла, какъ ее тащатъ за волосы на допросъ и подвергаютъ осмотру. Въ особенности осмотръ нагонялъ на нее страхъ, на нее, которая сотни разъ швыряла въ воздухъ свою рубашку.

Однажды въ сентябрскій вечеръ, когда она гуляла съ подругой по бульвару Пуассоньеръ, та вдругъ принялась бѣжать, крича ей:

«Агенты! Бѣги!» Толпа бросилась въ дикую скачку. Развѣвались юбки, многія были тутъ же разорваны. Крикъ и драка! Какая-то женщина упала. Толпа съ грубымъ хохотомъ слѣдила, какъ полиція тѣснѣе замыкала кругъ. Нана утеряла изъ вида подругу. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и ей уже грозила опасность быть арестованной. Вдругъ къ ней подошелъ мужчина, взялъ ее подъ руку и увелъ на глазахъ разсвирѣпѣвшей полиціи».

При такихъ условіяхъ совершенно понятно, что проститутки стараются всѣми силами войти въ дружбу съ исполнительными органами полицейской власти. Достигаютъ онѣ этого или подкупомъ или, какъ видно изъ приведеннаго мѣста Зола, тѣмъ, что отдаются въ рабство низшимъ полицейскимъ чинамъ, своевременно предостерегающимъ ихъ о грозящей опасности. Если многія проститутки имѣ-

ютъ своими сутенерами, какъ уже упомянуто, городовыхъ, полисменовъ и т. д., то и это объясняется ихъ убѣжденіемъ, что такимъ образомъ онѣ лучше всего обезопасятъ себя отъ самой полиціи, т. е. отъ вѣчной опасности надзора. Объ этомъ подробно говорится въ брошюрѣ «Дѣвичья дань въ современномъ Вавилонѣ», изображающей этотъ вопросъ въ англійскихъ условіяхъ.

«Власть полиціи надъ уличными проститутками нынѣ чрезвычайно широка и разнообразна. Она сводится не только къ тому, чтобы слѣдить за порядкомъ, ограждать публику отъ неприличныхъ и назойливыхъ выходокъ съ ихъ стороны, но и позволяетъ ей вмѣнять несчастнымъ ложныя обвиненія. Одинъ тюремный священникъ,—а онъ болѣе всякаго другого имѣлъ, конечно, возможность говорить съ этими женщинами,—сообщилъ мнѣ, что если эти дѣвушки не даютъ полиціи взятокъ, то ихъ забираютъ... Однѣ платятъ деньгами, другія—своимъ тѣломъ, многія несчастныя и тѣмъ и другимъ. Есть, конечно, порядочные полицейскіе, не берущіе взятокъ съ проститутокъ и не выпивающіе съ ними, но есть и очень многіе, считающіе это доходомъ, связаннымъ съ ихъ профессіей и поступающіе соотвѣтственно съ этимъ убѣжденіемъ. Полисменъ имѣетъ надъ проституткой неограниченную, деспотическую власть и поговорка «если проститутка поссорится съ полицейскимъ, она погибла» не очень далека отъ истины».

А что подобное положеніе вещей является не исключеніемъ, видно изъ того, что въ Берлинѣ въ августѣ 1911 г. сразу получили отставку не менѣе шести полицейскихъ чиновниковъ, такъ какъ выяснилось, что они или находились въ интимныхъ сношеніяхъ съ проститутками или же принимали отъ нихъ подарки. Такимъ же образомъ стараются себя обезопасить и содержатели домовъ терпимости, такъ какъ они находятся въ такой же зависимости отъ полиціи.

Во многихъ городахъ, гдѣ существуютъ дома терпимости, полиція постоянно получаетъ взятки отъ ихъ содержателей и пользуется кромѣ того правомъ безплатнаго ихъ посѣщенія. Въ Лондонѣ это одно время до того было въ ходу, что существовалъ настоящій альянсъ между хозяевами домовъ терпимости и органами полиціи, какъ выяснилъ на основаніи собраннаго имъ фактическаго матеріала В. Стедъ.

«Неизбѣжнымъ результатомъ является слѣдующее:—замѣчаетъ онъ:—каждый домъ терпимости становится въ большей или меньшей степени для полиціи источникомъ дохода. «Полиція лучшій

другъ содержателя заведенія»!—сказалъ мнѣ съ серьезнымъ выраженіемъ лица одинъ хозяинъ. Она держитъ все въ секретѣ. А содержатель дома терпимости въ свою очередь лучшій другъ полиціи. Онъ платитъ ей».—«А сколько платите вы ей?»—спросилъ я. «Три фунта (30 руб.) въ недѣлю, а мое заведеніе не изъ крупныхъ. Мнѣ говорили однако, что одно пользующееся дурной славой заведеніе въ истендѣ платитъ полиціи ежегодно 500 ф. (5000 р.), не говоря уже о безплатномъ посѣщеніи для полисменовъ и сыщиковъ».

А результатъ? То—тѣсный алльянсъ между содержателями заведеній и полицейскими».

Такіе же нравы процвѣтаютъ и въ Америкѣ, какъ выяснилось изъ цѣлаго ряда скандальныхъ процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время. Главнѣйшая мѣра обществъ, ставящихъ своей цѣлью спасеніе несчастныхъ несовершеннолѣтнихъ изъ когтей безчеловѣчныхъ содержателей заведеній, должна поэтому заключаться въ томъ, чтобы держать свои планы въ тайнѣ отъ полиціи.

Тотъ же авторъ замѣчаетъ:

«Одна испытанная въ дѣлахъ спасенія дама, являющаяся, несомнѣнно, авторитетомъ въ данномъ вопросѣ, сказала мнѣ, что когда она задается цѣлью спасти какую нибудь дѣвушку изъ дурного дома, она старается прежде всего, чтобы полиція ничего не узнала. Иначе оказывается, что дѣвушки уже нѣтъ, бѣдную отправили въ другое заведеніе. Если вы хотите спасти дѣвушку изъ когтей порока, не сообщайте объ этомъ полиціи».

Полиція, какъ ангелъ хранитель священныхъ правъ содержателей домовъ терпимости,—то поистинѣ достойный символъ нравственнаго лицемѣрія!

VI.

Развлеченія и удовольствія.

Если въ эпоху абсолютизма развлеченія большой массы населенія отличались примитивностью, то въ буржуазный вѣкъ они стали весьма дифференцированными, такъ какъ они, какъ и всѣ стороны жизни, должны были подчиниться закону экономическаго развитія и потому и они сдѣлались въ высокой степени предметомъ капиталистической эксплуатаціи. Такъ какъ капитализмъ требуетъ во всѣхъ областяхъ массового потребленія, то главной задачей коммерческой эксплуатаціи общественныхъ развлеченій было пріобщеніе къ нимъ массъ. Это и сообщило имъ въ XIX в. ихъ специфическую нотку: они демократизировались.

Или вѣрнѣе, развлеченія снова демократизировались. Въ эпоху Ренессанса почти всѣ люди знали другъ друга; даже когда устраивались публичные праздники, почти всѣ были другъ съ другомъ знакомы. Большинство общественныхъ развлеченій было тогда поэтому до извѣстной степени ничѣмъ инымъ, какъ расширенными семейными праздниками. Естественнымъ отсюда послѣдствіемъ было то, что всѣ зрители были въ большей или меньшей степени также и активными участниками въ предстоявшемъ развлеченіи.

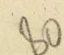
Въ настоящее время другъ друга знаютъ лишь немногіе. Главнѣйшія формы развлеченій уже не связаны въ такой же степени, какъ прежде, съ семьей, поэтому люди уже не связаны при устройствѣ этихъ развлеченій, какъ прежде, чувствомъ солидарности.

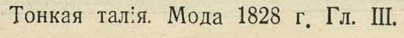
Теперь уже не мы сами создаемъ себѣ развлеченія, мы предоставляемъ другимъ ихъ создавать. Эту обязанность взяло теперь на себя множество капиталистовъ-предпринимателей. Изъ участника масса все болѣе превращается въ простого зрителя. Таково одно изъ главныхъ отличій современнаго массоваго доставленія удовольствій отъ прежнихъ пріемовъ развлеченій.

Верньe: Прозрачный костюмъ при заходящемъ солнце. Гл. III.



Гревенъ: Мода 1864 г.





Тонкая талія. Мода 1828 г. Гл. III.



Дебюкуръ: Мода 1813 г. Гл. III.

Потерявъ свой прежній интимный и семейный характеръ, современныя развлеченія значительно выиграли въ другомъ отношеніи. Качество главнѣйшихъ общественныхъ развлеченій значительно улучшилось. Достаточно вспомнить хотя бы публичные, т. е. всѣмъ доступные спектакли. Послѣдніе стоятъ нынѣ на такой высотѣ, что въ сравненіи съ ними кажется ничтожнымъ все, что предлагалось избраннымъ придворнымъ кругамъ. Всѣ завоеванія науки и техники отданы нынѣ на служеніе программѣ общественныхъ развлеченій подобно тому, какъ они примѣняются и ко всѣмъ остальнымъ областямъ жизни.

Еще важнѣе однако то обстоятельство, что общественныя развлеченія стоятъ въ наше время не только въ художественномъ и техническомъ отношеніяхъ несоизмѣримо выше, чѣмъ прежде, они получили теперь и болѣе импонирующій характеръ по крайней мѣрѣ въ одномъ направленіи. Вся наша публичная жизнь насыщена теперь въ огромной степени политическими и умственными интересами. Интересъ къ политикѣ, наукѣ и искусству не является уже, какъ прежде, побочнымъ занятіемъ—забавы ради—однихъ только имущихъ и господствующихъ классовъ, а составляетъ нынѣ главное содержаніе образа мыслей и чувствъ настоящей массы, т. е. трудящагося народа. Благодаря имено этой особенности общественныя развлеченія нашего времени оставили далеко позади себя таковыя предыдущихъ эпохъ. А это оказало большое вліяніе также и на формы проявленія въ нихъ полового элемента.

Съ одной стороны исчезли наиболѣе грубые пріемы, а съ другой обнаружились такая концентрація и такая рафинированность, въ сравненіи съ которыми все ранѣе бывшее въ этой области кажется наивнымъ.

Еще въ большей степени, чѣмъ въ XVII и въ XVIII вв. въ центрѣ публичной жизни сталъ въ буржуазный вѣкъ ресторанъ, и даже больше: ресторанъ, трактиръ сдѣлались вообще средоточіемъ жизни массы. Произошло это, конечно, отнюдь не потому, что масса, какъ лгутъ, закатывая глаза, мудрецы дешевой морали, такъ огрубѣла, что потеряла всякій интересъ къ интимной семейной жизни и чувствуетъ себя хорошо только въ чаду трактира за рюмкой водки или за стаканомъ пива. Къ сожалѣнію, иныя и болѣе трудно преоборимыя причины приковываютъ массы въ такой сильной степени къ трактиру.

Для семейной жизни нужно имѣть и время и достойное чело-

вѣка жилище. Ни того, ни другого въ настоящее время нѣтъ у большой массы пролетаріата. Вотъ почему огромныя массы населенія нынѣ безжалостно приговорены къ мукѣ ежедневнаго посѣщенія кабака и, къ сожалѣнію, еще, вѣроятно, долго будутъ вынуждены нести этотъ крестъ. Трактиръ для нихъ единственное мѣсто, предоставляющее имъ сравнительную свободу движенія и кромѣ того позволяющее имъ хоть на время забыть «идиллію» семейнаго счастья, складывающуюся для милліоновъ изъ усталости, бѣдности, плохого воздуха, болѣзней и никогда не прекращающейся заботы. Трактиръ для нихъ отдыхъ и развлеченіе и притомъ развлеченіе до извѣстной степени въ хорошемъ, возвышающемъ смыслѣ слова, такъ какъ въ трактирѣ протекаетъ значительная часть освободительной борьбы массы, борьбы, которая выведетъ ее въ одинъ прекрасный день изъ ада вынужденной кабацкой жизни наверхъ къ свѣту солнца.

Въ зависимости отъ этого новаго значенія трактира для общихъ интересовъ роль его стала, естественно, въ рамкахъ публичной половой морали болѣе благородной, чѣмъ прежде. Онъ пересталъ быть только удобнымъ мѣстомъ для словесныхъ и дѣйственныхъ скабрезностей... Эту функцію исполняютъ нынѣ уже только одни темные притоны люмпенпролетаріата, нѣкоторые деревенскіе трактиры, а также танцовальные помѣщенія, связанныя во многихъ странахъ съ харчевнями и кабаками.

Самостоятельный публичный танцзалъ, разумѣется, не изобрѣтеніе послѣднихъ дней. Впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ во многихъ странахъ танцуютъ каждое воскресенье въ трактирѣ: когда-то плясали подъ звуки одной волынки, скрипки или цитры, потомъ изъ нихъ образовалась цѣлая капелла, мѣсто которой занимаетъ въ настоящее время часто механическій граммофонъ или пронзительный оркестріонъ.

Какъ уже было выяснено въ первыхъ двухъ томахъ нашей Исторіи нравовъ, танецъ всегда былъ самымъ удачнымъ сводникомъ и такимъ онъ остался и въ буржуазный вѣкъ. Публичные танцовальные вечера являются въ настоящее время въ самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ публичнаго разврата. Они потому и посѣщаются такъ усердно мужчинами и женщинами, что даютъ имъ возможность перебѣситься. Въ 1711 г. англичанинъ Аддисонъ помѣстилъ въ своемъ «Зрителѣ» письмо нѣкоего «почтеннаго купца», приходившаго въ ужасъ отъ тогдашнихъ свободныхъ танцевъ, во время которыхъ «молодые люди обходи-

лись съ его дочерью свободно и фамильярно», а она въ свою очередь «бѣсновалась» съ ними. Кто знакомъ съ нашими современными танцзалами, тотъ знаетъ, что и теперь еще здѣсь господствуютъ такіе же нравы...

Съ какой сознательной преднамѣренностью танецъ всегда превращается въ средство свести оба пола, наглядно доказываетъ развитіе современныхъ танцевъ. Въ доказательство того, что и буржуазный вѣкъ шелъ въ данномъ случаѣ принципіально по тому же пути и преслѣдовалъ здѣсь тѣ же цѣли, будетъ достаточно привести и вкратцѣ охарактеризовать главнѣйшіе вновь возникшіе типы танцевъ.

Первымъ и важнѣйшимъ созданіемъ буржуазнаго вѣка въ этой области надо считать нѣмецкій вальсъ. Такъ какъ его рафинированное использованіе въ этомъ направленіи было уже достаточно выяснено во второмъ томѣ нашей Исторіи нравовъ, то мы можемъ здѣсь обойти его молчаніемъ. Слѣдующій специфически новый танецъ возникъ въ эпоху, когда жажда наслажденій въ буржуазіи достигла своего апогея, а именно въ эпоху второй имперіи. Именно эта эпоха изобрѣла канканъ, одинъ изъ самыхъ дикихъ и безстыдныхъ танцевъ, когда-либо придуманныхъ. Въ сравненіи съ нимъ кажутся блѣдными, даже испанскія и итальянскія народныя пляски: фанданго и тарантелла, представляющіе именно поэтому и болѣе благородныя формы танца. Канканъ это переложенная на языкъ танца непристойность. Именно поэтому онъ и является истиннымъ продуктомъ своей эпохи. Она отражается въ немъ, она живетъ въ немъ со всей своей беззастѣнчивой дикостью, не знавшей ни мѣры ни цѣли для своихъ вожделѣній, не знавшей никакихъ идеаловъ, развѣ только одинъ: глумиться и издѣваться надъ всѣмъ благороднымъ и чистымъ. Все это ярко обнаруживается и въ канканѣ.

Какъ пикантно поднять юбку у красивой женщины! Насколько пикантнѣе, если красивая женщина дѣлаетъ это сама въ порывѣ разнузданности! И притомъ для удовольствія не одного, а заразъ цѣлой сотни, и не благодаря желанной случайности, а преднамѣренно и демонстративно, такъ что зритель видитъ рѣшительно все, не только бѣлыя кружевами украшенныя нижнія юбки, не только красивые чулки, полныя икры, кокетливую подвязку, но и кальсоны, обтягивающіе крѣпкія бедра, и въ особенности какъ можно больше тѣла, голаго тѣла. Самымъ же пикантнымъ является для эротически-разнузданной фантазіи, если женщина съ сладострастнымъ упоеніемъ декольтируется на глазахъ своего партнера сверху

до низу, если она подъ конецъ въ порывѣ неистовства совершенно обнажается передъ нимъ, точно говоря ему безстыднѣйшими жестами, которые яснѣе словъ:

«Смотри! Все это я показываю тебѣ, потому, что ты такъ любишь это видѣть! Да и для меня величайшее удовольствіе обнажаться передъ тобой, показывать тебѣ всѣ мои секреты, и вотъ я не разъ, а десятки разъ поднимаю юбки. Ногой я касаюсь кончика твоего носа. Я попридерживаю юбки, чтобы онѣ опустились не слишкомъ рано. Я кружусь передъ тобой, показываюсь тебѣ со всѣхъ сторонъ, чтобы ничто отъ тебя не ускользнуло!» Все это, доведенное до бѣшенства—таковъ смыслъ канкана.

Такъ какъ канканъ былъ въ самомъ дѣлѣ лучшимъ отраженіемъ духа времени, то неудивительно, что изъ среды тогдашнихъ любительницъ танцевъ выходили настоящія канканныя геніи. Такова была напр. знаменитая танцовщица Ригольбошъ, описавшая между прочимъ свои ощущенія во время пляски.

«Для канкана существуетъ одинъ только синонимъ—бѣшенство. Ученые утверждаютъ, что канканъ изобрѣтенъ неграми. Это не вѣрно. Негры жестикулируютъ, но не танцуютъ канкана. Канканъ по существу французскій танецъ, и сдѣлается со временемъ національнымъ танцемъ. Онъ—воплощенная парижская фантазія. Канканъ пренебрегаетъ съ презрѣніемъ всѣмъ, отзывающимся правилами, правильностью, методичностью... Чтобы умѣть танцовать его, надо имѣть совершено особый талантъ, совершенно исключительный умъ. Душа танцующаго должна быть такой же фантастичной, какъ его ноги,такъ какъ рѣчь идетъ не о томъ, чтобы воспроизвести нѣчто традиціонное, нѣчто согласованное съ правилами. Необходимо изобрѣтать и создавать, и притомъ создавать въ одно мгновеніе. Правая нога не должна, такъ сказать, знать что дѣлаетъ лѣвая. Въ какой нибудь данный моментъ вы должны быть неизвѣстно почему мрачны, угрюмы, меланхоличны, чтобы въ слѣдующую минуту безумствовать, какъ менада. Въ случаѣ надобности необходимо испытать все это одновременно. Необходимо быть и веселой и грустной, равнодушной и страстной, словомъ необходимо rigolbocher...

Канканъ можетъ быть всѣмъ или ничѣмъ. Онъ міръ или деревня, трагедія или пѣсенка. Канканъ—это бѣшенство ногъ».

О томъ, съ какимъ безстыдствомъ иногда танцовали канканъ—многія разнузданныя танцовщицы напр. танцовали его безъ кальсонъ—можно судить по тому, что тогда въ Парижѣ было издано



Моренъ: Корсажъ. Гл. III.

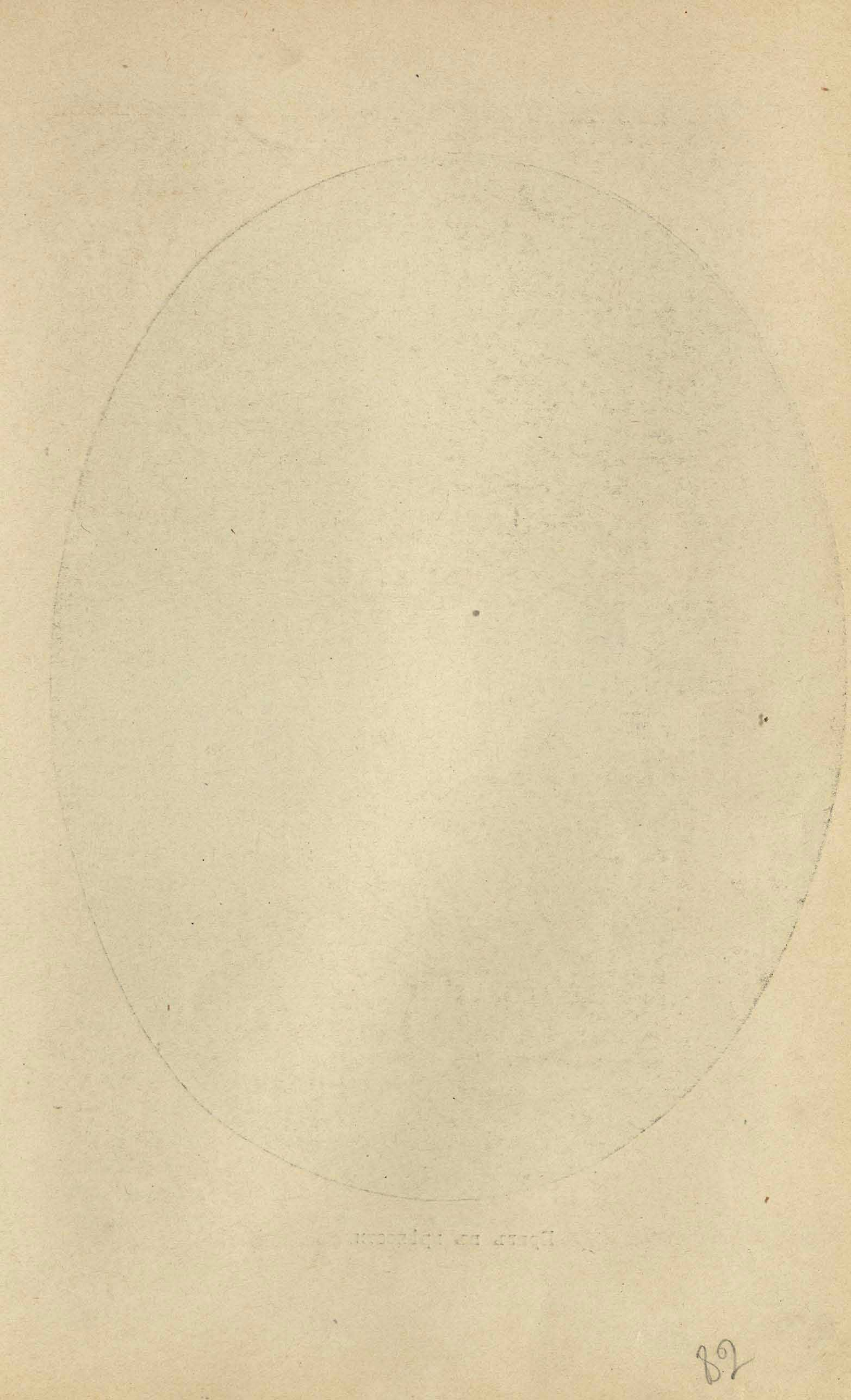


Суялка: Подвязка. Гл. III.

Послѣднее сопротивленіе. Вѣнская главюра. Гл. VI.



Дамскіе дессу 1820 г. Гл. III.





Врагъ въ крѣпости.

полицейское постановленіе, въ силу котораго въ залѣ долженъ былъ находиться sergeant de ville, обязанный предупреждать самое худшее, выводя изъ залы даму, которую канканъ вдохновилъ къ слишкомъ смѣлымъ вольностямъ.

Тотъ фактъ, что это практиковавшееся въ интересахъ разнузданнѣйшей эротики «бѣшенство ногъ» совершило свое тріумфальное шествіе по всему міру, какъ и специфическая мода второй имперіи, кринолинъ, доказываетъ нагляднѣйшимъ образомъ, что оно какъ нельзя болѣе отвѣчало духу времени. Это положеніе еще болѣе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что канканъ плясали не только въ публичныхъ танцзалахъ, но и съ бѣшенымъ упоеніемъ на семейныхъ праздникахъ средней и высшей буржуазіи.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ всеобщее увлеченіе канканомъ нѣсколько ослабѣло. Вмѣстѣ съ политической ситуаціей, породившей этотъ танецъ, онъ до извѣстной степени сошелъ со сцены. Что онъ однако не умеръ совсѣмъ, лучше всего доказываетъ его веселое возрожденіе на подмосткахъ варіэтэ въ началѣ девяностыхъ годовъ. Пляска пяти сестеръ Баррисонъ и ихъ многочисленныхъ подражательницъ была собственно ничѣмъ инымъ, какъ новой варіаціей канкана, главная суть которой состояла въ рафинированномъ использованіи dessous, внезапно и гротескно разоблачаемыхъ. Значительнымъ подспорьемъ явились въ данномъ случаѣ рафинированные красочные контрасты, придуманные тѣмъ временемъ, какъ средство воздѣйствовать на эротическое чувство. Изъ подъ темнаго верхняго платья вдругъ показывалась ослѣпительная пѣна развѣвающихся бѣлыхъ кружевныхъ нижнихъ юбокъ и кальсонъ, а изъ нихъ точно вылетали элегантныя ноги въ черныхъ чулкахъ, продѣлывая на глазахъ у зрителей самыя рафинированныя движенія.

Достигнуть элегантности и рафинированности, развертываемыхъ сестрами Баррисонъ, еще не было дано канкану шестидесятыхъ годовъ. Потому ихъ пляска и произвела сенсацію. Ни одинъ другой танецъ не дѣйствовалъ въ такой степени на мужскую чувственность, какъ эта новая рафинированная разновидность канкана. То было за послѣднее время самымъ смѣлымъ публичнымъ встряхиваніемъ мужской чувственности. И чтобы испытать и насладиться этой встряской, люди массами посѣщали спектакли сестеръ Баррисонъ и т. д., брали съ боя мѣста, а богатые тунеядцы добивались не менѣе безумно личной благосклонности отдѣльныхъ танцовщицъ. Впрочемъ первоначальная форма канкана никогда окон-

чательно не вымирала: въ Парижѣ его постоянно танцовали и танцуютъ въ такихъ учрежденіяхъ, какъ Moulin rouge, Moulin la galette и др.

Если танцы, придуманные въ послѣднія десятилѣтія и не имѣли такого безспорнаго, распространившагося на весь міръ, т. е. весь міръ возбуждавшаго, успѣха, какой выпалъ на долю канкана, то нѣкоторые изъ нихъ все же отличаются такимъ рафинированнымъ эротическимъ недвусмысліемъ, и потому такимъ сводническимъ характеромъ, какіе трудно представить себѣ даже воображенію, насквозь насыщенному такими представленіями. Это: занесенный изъ Испаніи матчишъ, вывезенный изъ Америки кекуокъ, танецъ апашей, подаренный міру Франціей, и наконецъ спеціально нѣмецкіе варіанты этихъ танцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Schiebetaenze. Всѣ они очень скоро сдѣлались весьма популярными во всѣхъ слояхъ и пользуются этой популярностью до извѣстной степени еще и теперь.

Если кекуокъ и танецъ апашей производятъ свое воздѣйствіе благодаря соединенію грубости и дикости, то нѣмецкіе Schiebetaenze благодаря своимъ доходящимъ до послѣдней границы эротико-порнографическимъ трюкамъ. По самому своему существу каждый танецъ носитъ, что необходимо постоянно подчеркивать, эротическій характеръ, такъ какъ онъ изображаетъ символически взаимное ухаживаніе половъ, а порой и самый половой актъ. Если эта послѣдняя сторона во всѣхъ остальныхъ танцахъ завуалирована, то въ такъ называемыхъ Schiebetaenze она выступаетъ совершенно открыто. Они въ сущности ничто иное, какъ возможно болѣе точное воспроизведеніе въ формѣ плясового ритма движеній при половомъ актѣ... Трудно представить себѣ болѣе порнографическую форму танца. И потому чрезвычайно важно снова и снова подчеркивать, что популярность этихъ танцевъ распространяется не только на танцзалы предмѣстій, гдѣ танцуетъ простонародіе, но и на самыя изысканныя учрежденія жуирующаго богатаго свѣта, что эти танцы не только танцовались съ величайшимъ упоеніемъ въ домахъ высшихъ слоевъ буржуазіи, но и теперь еще тамъ въ модѣ... Ибо передъ дверью частныхъ квартиръ кончается власть полиціи. Изъ публичныхъ помѣщеній для танцевъ полиція могла устранить угрозою наказанія наиболѣе порнографическія формы канкана, какъ недавно это имѣло мѣсто въ Берлинѣ, въ частномъ же салонѣ ей не мѣсто и потому здѣсь никто и не обращаетъ вниманія на ея запреты.

Въ связи съ развитіемъ танцевъ необходимо сказать нѣсколько словъ также о нѣкоторыхъ публичныхъ празднествахъ, такъ какъ ихъ апогеемъ считается и является всегда такъ или иначе именно танецъ. Рѣчь идетъ о балахъ, сезонъ которыхъ обыкновенно совпадаетъ съ зимой и которые часто бываютъ связаны съ карнаваломъ.

Только въ нѣкоторыхъ немногихъ городахъ—въ Германіи преимущественно въ рейнской провинціи, въ Кёльнѣ, Майнцѣ и Дюссельдорфѣ, а кромѣ того еще въ Мюнхенѣ—карнавалъ происходитъ еще на улицѣ, да и въ этихъ городахъ только незначительная его часть, а именно самая масляница. Главный праздникъ и въ данномъ случаѣ перенесенъ въ закрытыя помѣщенія, гдѣ балы и карнавальное веселье царятъ впродолженіи не только нѣсколькихъ дней, но и—обыкновенно—многихъ недѣль. Тѣмъ не менѣе необходимо прежде всего упомянуть объ уличномъ весельи карнавала. Оно и въ настоящее время не отличается особеннымъ благородствомъ.

То въ сущности вымученное веселье, пользующееся ради возбужденія весьма банальными, а подчасъ и грубыми средствами. Веселье и радость сказываются главнымъ образомъ въ дикомъ шумѣ и нелѣпыхъ выходкахъ. Апогеемъ удовольствія является обычно приставаніе безъ разбора ко всѣмъ дѣвушкамъ и женщинамъ, обоюдные поцѣлуи, дерзкіе и циничные жесты. Женщина, выражающая протестъ, объявляется дурой, портящей праздникъ. А съ наступленіемъ темноты эта уличная жизнь переходитъ всегда въ дикую и отвратительную оргію, переносящуюся постепенно съ улицы въ разныя учрежденія, гдѣ можно позволить себѣ гораздо больше, такъ какъ противящаяся женщина уже не можетъ уйти, а въ сутолокѣ такъ легко скрыть самые грубые жесты.

Часто указывалось на необходимость облагородить именно эти формы карнавала. Въ этомъ направленіи даже дѣлались попытки. Всѣ онѣ имѣли очень мало успѣха. И такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока масса будетъ жить въ политической и соціальной несвободѣ, и потому усматривать въ такихъ праздникахъ единственную данную ей въ видѣ уступки возможность безпрепятственнаго проявленія своей жажды удовольствія. Только когда исчезнетъ эта соціальная и политическая несвобода, можно будетъ надѣяться на возникновеніе болѣе благородныхъ формъ праздничнаго веселья. Ибо только такимъ образомъ можетъ расшириться вообще горизонтъ массы, а это является необходимой предпосылкой какъ для того, чтобы публичное эротическое наслажденіе облекалось въ

болѣе высокія формы, такъ и для того, чтобы это послѣднее уже не становилось въ центрѣ общественныхъ развлеченій.

Тамъ, гдѣ есть на лицо политически просвѣщенная масса, праздники въ самомъ дѣлѣ носятъ гораздо болѣе пристойный характеръ.

Во время праздниковъ организованнаго пролетаріата такихъ дикихъ оргій никогда и не бываетъ.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ, особенно на публичныхъ балахъ, очень видную роль играетъ проститутка. И однако ведетъ она себя уже иначе, чѣмъ въ эпоху Ренессанса. Въ настоящее время проститутка болѣе сдержанна, менѣе экстравагантна, чѣмъ даже порядочная дама. Кокотки ведутъ себя на публичныхъ балахъ всегда приличнѣе послѣднихъ и потому балы кокотокъ относятся къ числу наиболѣе приличныхъ баловъ сезона. Когда танцуетъ и флиртуетъ шикарная кокотка, зрителямъ всегда удается, конечно, увидѣть многое, но не столько, сколько они иногда увидятъ въ приличномъ обществѣ. Это отличіе станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе разныя цѣли, преслѣдуемыя въ такихъ случаяхъ порядочной дамой и кокоткой.

Для многихъ дамъ изъ общества балъ является удобнѣйшимъ, а часто и единственнымъ случаемъ отъ души повеселиться, отдаться во власть затаенныхъ порывовъ, позволить расцѣловать себя и т. д. Бальная свобода разрѣшаетъ ей все это. Порядочная дама хочетъ и должна использовать именно этотъ случай. Это и приводитъ къ пресловутымъ характернымъ сценамъ, имѣющимъ мѣсто на балъ-маскарадахъ или благотворительныхъ балахъ въ Мюнхенѣ, на аналогичныхъ увеселительныхъ вечерахъ въ Берлинѣ, на балахъ парижскихъ художниковъ и т. д.

Въ совершенно иномъ положеніи находится кокотка. У нея уже нѣтъ потребности, быть «ощупанной» мужчинами, для нея балъ не болѣе, какъ удобный случай завязать дѣло, которое все равно будетъ реализовано лишь послѣ бала. Ей поэтому не къ спѣху. А флиртъ, какъ самоцѣль, ее вообще не интересуетъ. Вотъ почему въ этихъ особыхъ случаяхъ кокотки и ведутъ себя приличнѣе дамъ.

До какой смѣлости доходятъ порой и въ настоящее время праздники и балъ-маскарады, устраиваемые художниками, доказываютъ классическимъ образомъ балы Quat's arts парижскихъ художниковъ Монмартра. На этихъ празднествахъ дамы обычно щеголяютъ почти полнымъ отсутствіемъ костюма. Считается совершенно естественнымъ, чтобы красивая грудь и красивыя ноги не



Английская мода. 1794. Гл. III.



Английская мода. 1800. Гл. III.

Роуландсонъ: Влюбленные. Гл. I.



Рамбергъ: Счастливый бракъ. 1802. Гл I

скрывались. Бывали и случаи, что особо красивыя дамы появлялись совсѣмъ обнаженными. Впрочемъ, онѣ не были, конечно, совсѣмъ голыми, «этого бы онѣ постыдились». На одномъ процессѣ, вызванномъ такимъ баломъ, одна дама серьезнѣйшимъ образомъ заявила, что она была вовсе не голой, такъ какъ повыше праваго колѣна на ней была кокетливая лента шириной въ три сантиметра, а на пальцахъ ноги золотыя кольца. «Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о наготѣ?» Можно возразить, что большинство этихъ дамъ, блиставшихъ отсутствіемъ костюма, были натурщицами, и однако среди нихъ были и законныя жены художниковъ, а зрителемъ на этихъ балахъ бываетъ tout Paris, весь богатый праздный Парижъ, смотрящій на танцы изъ ложъ, куда потомъ устремляются и всѣ участники.

Глядя на такіе праздники, невольно на мгновеніе проникаешься мыслью, что возродились времена безпорядочнаго полового смѣшенія. На нихъ царитъ дикая сутолока, причемъ оба пола флиртуютъ самымъ безстыднымъ образомъ, чему способствуетъ и эротически пикантный маскарадный костюмъ. Разумѣется, это явленіе не относится только къ послѣднему времени, какъ видно уже изъ прежнихъ главъ. Балы эпохи директоріи и имперіи во Франціи, а также англійскіе балы этой эпохи отличались достаточной разнузданностью. Именно тогда уже вошелъ въ моду обычай, въ силу котораго женщины такъ охотно одѣваютъ мужской костюмъ. Потомъ, когда тонъ задавала мелкая буржуазія, болѣе чопорная и щепетильная, воцарилась нѣкоторая бо̀льшая сдержанность. Но уже въ 1830 г., когда снова побѣдоносно выступила крупная буржуазія, снова произошелъ поворотъ.

Въ особенности балы художниковъ этой эпохи достигали апогея вакхической разнузданности. Въ Парижѣ на долгіе годы снова установилась мода, что женщины являлись на балъ въ мужскомъ костюмѣ. Мужской костюмъ давалъ возможность свободнаго и непринужденнаго времяпрепровожденія, такъ какъ большинство мужчинъ ведутъ себя сдержанно только въ присутствіи дамъ, тогда какъ въ мужской компаніи они не стѣсняются. Женщину устранили тѣмъ, что она одѣвалась по мужски. А чтобы доказать, что она и въ самомъ дѣлѣ стала истиннымъ мужчиной, она часто вела себя беззастѣнчивѣе мужчинъ. Теперь она могла уже свободно наслаждаться всѣми ею столь желанными удовольствіями. Множество картинъ, относящихся къ домартовской эпохѣ, даютъ наглядное представленіе о разнузданности тогдашнихъ празднествъ.

Не слѣдуетъ при этомъ однако упускать изъ виду, что такіе нравы царили спеціально въ артистическихъ кругахъ и имѣли въ значительной степени значеніе протеста противъ филистерскаго мѣщанства.

Тоько въ пятидесятыхъ годахъ эта разнузданность получаетъ болѣе общій характеръ. На сцену выступила крупная буржуазія, и всѣ остальные слои, даже артистическая богема, отступили на задній планъ. Все получило грубый, даже скотскій оттѣнокъ. Парвеню накладывалъ отпечатокъ своихъ манеръ на общественныя развлеченія, какъ онъ накладывалъ его и на политическую жизнь. Въ эту эпоху даже жены мѣщанъ находили наивысшее удовольствіе въ томъ, чтобы блистать на балахъ наготой. Декольтэ достигало своихъ крайнихъ предѣловъ; даже при англійскомъ дворѣ декольтировались такъ, что была видна почти вся грудь. На маскарадахъ преобладали классическіе костюмы, отличавшіеся возможно большимъ отсутствіемъ костюма. Вспомнимъ хотя бы костюмъ, въ которомъ однажды явилась на придворный балъ красавица графиня Кастильоне, любовница Наполеона III.

Въ одномъ современномъ сообщеніи говорится:

«На послѣднемъ костюмированномъ вечерѣ при дворѣ красавица графиня Кастильоне, извѣстная главнымъ образомъ своими пышными формами, явилась въ костюмѣ Тиссы, одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ новомъ романѣ Флобера: «Саламбо». На ней было высоко подобранное платье, сандаліи, на каждомъ пальцѣ удивительно сложенной бѣлоснѣжной ноги сверкало брилліантовое кольцо, а надъ лѣвымъ колѣномъ драгоцѣнное запястіе изъ алмазовъ и смарагдовъ».

Съ тѣхъ поръ разнузданность уже не ослабѣвала, чтобы достигнуть въ наше время, какъ уже показано, своего апогея. Почти безпомощны противъ этого, естественно, всякія полицейскія мѣры, запрещающія напр. устроителямъ публичныхъ баловъ и маскарадовъ сооружать искусственныя бесѣдки, гдѣ влюбленныя парочки могутъ спокойно предаваться любви и т. д. Въ такихъ случаяхъ любители подобныхъ развлеченій спасаются на время подъ сѣнь семейнаго дома и бѣснуются здѣсь, пока не пройдетъ гроза нравственнаго ригоризма.

Кто хотя поверхностно знакомъ съ жизнью жуирующаго бомонда, тому извѣстно, что здѣсь часто не знаютъ ничего высшаго, какъ предаваться самымъ грязнымъ неприличіямъ. «Вѣдь мы сре-

ди своихъ... Какъ очаровательно имѣть возможность, хоть разъ въ жизни не стѣсняться».

Начинается обыкновенно съ того, что кто нибудь продекламируетъ явно скабрезные стихи, модные въ томъ или другомъ кабарэ, и нерѣдко эти стихи лучше всего знаетъ и помнитъ именно дама, которую не очень приходится упрашивать повторить ихъ со всѣми подчеркиваніями. Потомъ переходятъ къ танцамъ. Стоитъ ли стѣсняться! Если свѣтскія дамы второй имперіи подражали на своихъ семейныхъ вечерахъ самымъ разнузданнымъ танцовщицамъ канкана изъ Bal mabille, то въ девяностыхъ годахъ онѣ соперничали также рьяно съ сестрами Баррисонъ—вѣдь носили же и онѣ такія же пикантныя dessous. А нынѣ? Нынѣ, какъ уже упомянуто, танцуютъ матчишъ или кекуокъ такъ дико-сладострастно, какъ не осмѣлился бы его протанцовать сутенеръ съ своей проституткой.

Картина этихъ нравовъ вездѣ одна и таже. Тамъ, гдѣ процвѣтаютъ полудѣвы, дѣвушка не умѣетъ лучше доказать свое презрѣніе къ мѣщанству, какъ тѣмъ, что прежде всего эмансипируется изъ-подъ власти чувства стыдливости.

У М. Прево встрѣчается такая сцена:

«Она быстро сѣла на стулъ передъ роялью и заиграла прелюдію, прежде чѣмъ ее могла остановить Модъ, которой это не нравилось. Съ необыкновеннымъ талантомъ подчеркивала она всѣ двусмысленные стихи. Мужчины аплодировали. Пѣсенка произвела на нихъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ они хотѣли признаться. Контрастъ между неприличнымъ содержаніемъ пѣсни и дѣвичьими устами, произносившими ее, и дѣвичьимъ слухомъ, ловившимъ ее, зажегъ въ нихъ искру желанія. Искрящаяся пѣна рискованной пѣсенки опьянила и дѣвушекъ, этихъ полудѣвъ. Смѣхъ ихъ звучалъ неестественно-прерывисто и онѣ опирались съ еще большей томностью на руку своихъ кавалеровъ».

Многіе мужчины этихъ круговъ считаютъ для себя высшей честью имѣть жену, обнаруживающую въ этомъ отношеніи и пониманіе и склонность. Что изъ того, если она при этомъ позволитъ другому поцѣловать ее или если она перешептывается съ тѣмъ или другимъ кавалеромъ, спрятавшись за вѣеръ! Вѣдь и самъ мужъ ведетъ себя не иначе съ своей партнершей! А если жена покажетъ во время танца ногу и кальсоны больше, чѣмъ то позволяетъ приличіе, онъ утѣшается тѣмъ, что громко заявляетъ: «Какъ ихъ не показать, они такъ хороши».

Тамъ, гдѣ по прежнему тонъ задаетъ мѣщанство, въ особен-

ности, стало быть, въ маленькихъ и среднихъ городахъ, дѣло никогда не доходитъ до такихъ экстравагантностей. Публично сдерживаемая похотливость мужчинъ обнаруживается здѣсь во всю развѣ гдѣ нибудь въ меблированныхъ комнатахъ или же во время «неотложныхъ дѣловыхъ» поѣздокъ въ сосѣднiй большой городъ, тогда какъ жены вынуждены сидѣть дома и разыгрывать невинныхъ.

Такъ какъ въ настоящее время почти всѣ развлеченія переросли рамки семейной жизни, то игры уже не исполняютъ прежней роли: во всякомъ случаѣ въ жизни взрослыхъ онѣ занимаютъ уже второстепенное мѣсто и только развѣ дѣвушки-подростки и юноши еще отдаютъ имъ время. Поскольку такія игры еще сохранились, онѣ стали гораздо скромнѣе, чѣмъ тѣ, которыя были въ ходу въ эпоху Ренессанса. Это не значитъ, что половой элементъ совершенно упраздненъ. Эротическая нотка лежитъ все еще въ основѣ множества такихъ игръ для взрослыхъ. Шарады, фанты и т. д.—все сводится въ концѣ концовъ въ поцѣлуямъ.

Болѣе скромный характеръ этихъ игръ находится въ тѣсной связи съ нравственнымъ лицемѣріемъ. Какъ уже неоднократно указывалось нами, внѣшнее поведеніе должно было стать все болѣе сдержаннымъ, все болѣе скромнымъ. Если мы поэтому вернемся отъ нашей эпохи назадъ къ первымъ десятилѣтіямъ буржуазнаго вѣка, когда все кипѣло и бурлило, то мы увидимъ, что тогда игры отличались приблизительно такими же грубыми пріемами, какіе были въ ходу въ эпоху Возрожденія, что онѣ давали мужчинамъ и женщинамъ возможность вступать другъ съ другомъ ради эротическаго возбужденія прямо въ рукопашную. Такія игры позволяли хватать другъ друга довольно безцеремонно, позволяя оголить участницъ «безобиднымъ образомъ» такъ, что онѣ охотно простятъ и т. п. Особенно интересныя и для нашихъ современныхъ понятій ошеломляющія данныя имѣются у насъ относительно Бельгіи и въ особенности Англіи. Словесные и пластическіе документы рисуютъ намъ такіе свободные нравы во время игръ, которые ничѣмъ не уступаютъ Ренессансу. Самые дерзкіе жесты были явленіемъ обычнымъ.

Это сходство съ эпохой Возрожденія неудивительно, такъ какъ восшествіе современнаго буржуазнаго общества знаменовало собой, какъ мы знаемъ, побѣду силы и здоровья, а эти послѣднія всегда облекаются на первыхъ порахъ въ необузданную грубость.

Въ настоящее время большинство игръ стало спортомъ. Спортъ, правда, нѣчто большее. Онъ ничто иное, какъ раціональная форма прежнихъ игръ, исправленная нравственнымъ лицемѣріемъ и очищенная проникновеніемъ въ гигіеническую цѣль общественныхъ развлеченій.

Насъ интересуютъ здѣсь, естественно, только тѣ формы спорта, въ которыхъ одинаково участвуютъ оба пола.

Въ послѣднія пятнадцать или двадцать лѣтъ спортъ занялъ главное мѣсто среди общественныхъ развлеченій: сначала процвѣталъ велосипедный спортъ, а теперь процвѣтаютъ главнымъ образомъ—лѣтомъ теннисъ, а зимой катаніе на колесикахъ, на лыжахъ и т. д., и въ ограниченномъ размѣрѣ катаніе на конькахъ, когда-то бывшее единственнымъ зимнимъ спортомъ. Мы привели только наиболѣе извѣстные виды спорта. Но именно они и должны быть приняты въ разсчетъ при оцѣнкѣ публичной и частной нравственности. Для ея характеристики они даже весьма важны. Офиціально спортъ служитъ прежде всего цѣлямъ здоровья, укрѣпленію нервовъ; кто хочетъ закалить себя, похудѣть и т. д., тотъ занимается спортомъ. Несомнѣнно, спортъ преслѣдуетъ эту цѣль, но именно потому, что перечисленные его виды являются вмѣстѣ съ тѣмъ очень удобными случаями для флирта, и занимаются ими не только такъ планомѣрно, но и съ такимъ фанатическимъ рвеніемъ. Удобство, представляемое этими видами спорта для флирта, и служитъ звеномъ, связующимъ отдѣльные пары, колонны и группы.

Житейскій опытъ давно сдѣлалъ поэтому изъ этихъ видовъ спорта правильный выводъ. Между тѣмъ, какъ прежде матери таскали дочерей-невѣстъ съ одного бала на другой, теперь онѣ посылаютъ ихъ играть въ теннисъ или туда, гдѣ зимою спортъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Обергофъ, С.-Морицъ и десятокъ другихъ зимнихъ курортовъ представляютъ нынѣ международныя брачныя биржи. А лѣтомъ ими служатъ всѣ скверы и площадки въ большомъ городѣ, гдѣ играютъ въ теннисъ.

Мѣсто прежней бани и такъ называмыхъ купальныхъ поѣздокъ заняли съ середины XIX в. морскіе курорты, а въ самое послѣднее время купальный спортъ, достигшій особеннаго развитія въ Берлинѣ. И въ данномъ случаѣ насъ будутъ интересовать только тѣ мѣста, гдѣ оба пола купаются совмѣстно. Такой обычай давно уже существуетъ въ большихъ морскихъ курортахъ Франціи, Бельгіи

и Италіи, въ Германіи же только въ нѣкоторыхъ, да и то только въ видѣ семейнаго купанья, форма, которую впрочемъ не трудно обойти и всякимъ влюбленнымъ парочкамъ.

Посѣщеніе морского или рѣчного курорта служитъ, само собой понятно, какъ и разумное занятіе спортомъ, укрѣпленію здоровья, но и здѣсь существуетъ таже связь съ эротикой. Такъ какъ совмѣстное купаніе обоихъ половъ представляетъ такой удобный случай для флирта, то это и привело если не теперь, то раньше, когда посѣщеніе международныхъ морскихъ купаній, какъ-то: Біарицъ, Трувилль, Остенде и Басъ, было только спортомъ богатыхъ людей, въ первую голову къ организаціи совмѣстнаго купанія. При помощи плотно облегающаго тѣло купальнаго костюма могла предусмотрительная мамаша дать всѣмъ наиболѣе достовѣрное, потому что наиболѣе интимное понятіе о тѣлесныхъ достоинствахъ своихъ дочерей-невѣстъ. Жизнерадостная, жаждущая любви дама въ свою очередь могла такимъ образомъ доказать наиболѣе убѣдительно широкому кругу мужчинъ, что она далеко еще не passée, что она, напротивъ, какъ разъ на высотѣ и потому вполнѣ достойна самого рьянаго ухаживанія. «Убѣдитесь, пожалуйста: хороши мои ноги? не безупречный ли у меня или пикантный бюстъ? не изящна ли линія спины?»

Плотно облегающій тѣло купальный костюмъ не только позволяетъ нагляднѣйшимъ образомъ убѣдиться въ наличности этихъ достоинствъ; удачно сшитый костюмъ,—а это важнѣе всего!—способенъ придать тѣлу какую угодно желанную линію. Такъ какъ купальный костюмъ до извѣстной степени стягиваетъ тѣло, то онъ часто придаетъ ему эластичность и породистость, которыхъ оно лишено въ нагомъ видѣ. Это впечатлѣніе можетъ быть къ тому же значительно усилено благодаря покрою и умно подобранной матеріи. Ловко придуманный покрой часто только и придаетъ тѣлу надлежащую форму. Въ случаѣ надобности можно прибѣгнуть и къ помощи корсета и т. д. Съ другой стороны предпочтительно выбираютъ самое тонкое шелковое трико, облегающее тѣло плотно, какъ кожа, или трико прозрачное, позволяющее выставить на показъ даже покрытыя волосами части тѣла...

Здѣсь необходимо указать на то, что вопреки отрицанію отдѣльныхъ лицъ и несмотря на безсознательность въ большинствѣ случаевъ этого стремленія во многихъ людяхъ чрезвычайно сильно развито желаніе выставлять себя на показъ въ обнаженномъ видѣ и притомъ обнаженномъ въ эротическомъ смыслѣ. Та же тенденція

сказывается отчасти и въ такъ называмой культурѣ наготы, культурѣ нагого тѣла, Nacktkultur.

Преднамѣренно эротическая форма купальнаго костюма доказываетъ это наглядно для жизни въ морскихъ курортахъ, посѣщаемыхъ богатыми слоями. Если бы люди относились въ данномъ случаѣ равнодушно къ тѣлу, то это привело бы къ безразличному въ эротическомъ отношеніи костюму.

Жизнь въ фешенебельныхъ морскихъ курортахъ, расцвѣтъ которой относится къ пятидесятымъ годамъ истекшаго столѣтія, является поэтому между прочимъ и той общественной формой, которая позволяя обнаруживаться этому эксгибиціонизму въ рамкахъ буржуазной морали, не уничтожая самихъ этихъ рамокъ. Не слѣдуетъ забывать, что фешенебельныя морскія купанья являются поэтому также мѣстами сборища для всего элегантнаго демимонда, для котораго они представляютъ послѣ всего сказаннаго, естественно, самую выгодную возможность показать всему міру, т. е. всему платежеспособному міру, всѣ тѣ физическія достоинства, курсъ которыхъ стоитъ особенно высоко. По этой причинѣ такіе курорты, какъ Трувилль, Остенде и т. д., всегда были и еще теперь являются центрами жизни, посвященной рафинированнымъ эротическимъ наслажденіямъ.

Со временъ античной древности театръ никогда не игралъ въ умственной жизни такой всеобъемлющей роли, какъ въ теченіе всего буржуазнаго вѣка. Театръ былъ той ареной, гдѣ впервые въ XVIII в. пропагандировались буржуазныя идеи, и всегда, когда потомъ всплывали новыя идеи, подмостки становились для нихъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ полей битвъ. Вся жизнь буржуазнаго общества праздновала свое возрожденіе на подмосткахъ театра.

Насъ интересуетъ здѣсь иная сторона дѣла, а именно тотъ связанный съ только что указанной чертой фактъ, что театръ былъ впродолженіи всего XIX в. вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ наиболѣе важныхъ духовныхъ развлеченій массъ. Благодаря этому онъ сыгралъ и все еще играетъ чрезвычайно видную роль въ исторіи публичной нравственности, ибо еще въ большей степени, чѣмъ борьбѣ общественныхъ силъ служилъ онъ интересамъ работающихъ всѣми средствами предпринимателей-капиталистовъ. Стало это возможнымъ потому, что лишь меньшинство ищетъ въ театрѣ просвѣщенія и вдохновенія, только меньшинство хочетъ получить въ театрѣ художественное наслажденіе, тогда какъ большинство просто идетъ

туда ради пикантной забавы. Авторъ и директоръ, считающіеся съ этими наклонностями толпы, дѣлаютъ лучшія дѣла.

Такъ возникли фарсъ и оперетка съ ихъ специфическимъ содержаніемъ и вотъ почему многіе писатели стараются дѣйствовать подъ видомъ серьезной комедіи и бытовой драмы на половое чувство. Конечно, съ подобными спекуляціями не слѣдуетъ смѣшивать или ставить на одну доску мужество тѣхъ поэтовъ, которые въ серьезномъ духѣ изображали на сценѣ половые проблемы и конфликты. Такое смѣшеніе достойно развѣ лишь лицемѣровъ-піэтистовъ. Такъ какъ подобный мужественный анализъ половыхъ отношеній, облеченный въ драматическую форму, встрѣчается теперь все чаще и чаще, то это даетъ намъ, конечно, право говорить о ростѣ въ обществѣ чувства отвѣтственности лицомъ къ лицу съ такими вопросами, причемъ безразлично, будетъ-ли авторъ трактовать ихъ серьезно, сатирически или же юмористически.

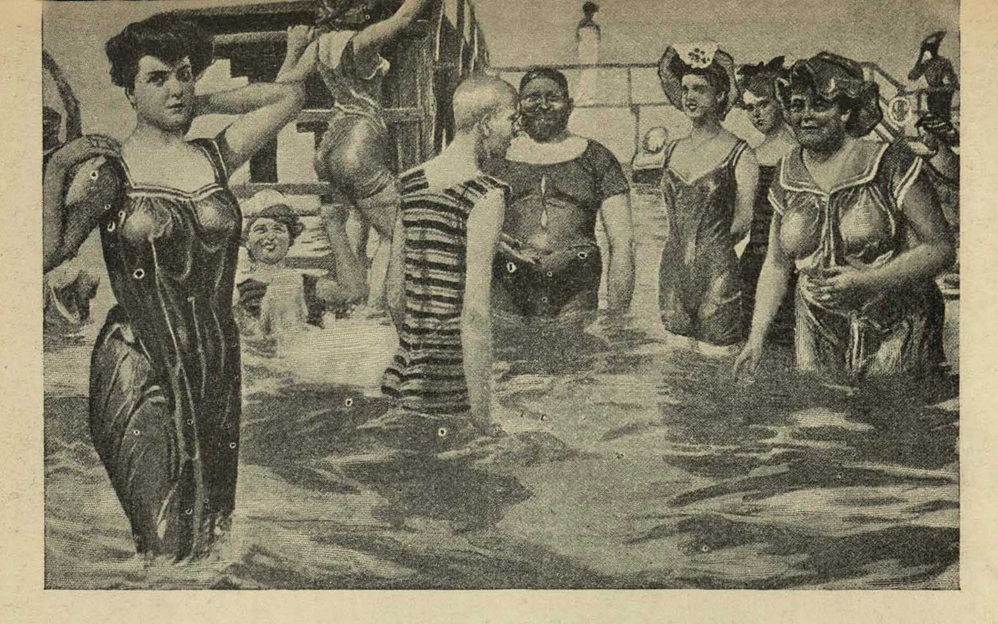
Такъ какъ однако гораздо легче производить впечатлѣніе однимъ только сюжетомъ, чѣмъ претворить сюжетъ въ художественную форму и тѣмъ оправдать его, то первый способъ всегда казался болѣе заманчивымъ тѣмъ болѣе, что онъ былъ часто и гораздо выгоднѣе. Поддаться открыто такому соблазну было большинству писателей однако невозможно, пока господствующіе классы еще видѣли въ театрѣ важное педагогическое учрежденіе, кафедру публичной морали; было это также невозможно и въ рамкахъ мелкобуржуазнаго быта и отношеній. Открыто и беззастѣнчиво эксплуатировать театръ въ этомъ направленіи стало возможнымъ только послѣ того, какъ онъ былъ возведенъ на степень простой забавы и лишь послѣ того, какъ развились отношенія и нравы, характерные для большого города. И то и другое явленіе началось съ середины XIX в. Съ этого момента театръ и сталъ исполнять роль пропагандиста выгодныхъ для предпринимателей порнографическихъ спекуляцій. Какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, исходной точкой долженъ былъ стать Парижъ, такъ какъ обѣ указанныя предпосылки впервые опредѣлились отчетливо, именно здѣсь.

Первоначально эта программа осуществлялась скудно и жалко. На сценѣ изображалось, какъ влюбленнныя парочки раздѣваются, причемъ такія сцены старались нѣсколько осложнить въ томъ смыслѣ, что свидѣтелями являлись не только публика, но и другія дѣйствующія лица. Такъ какъ пускали впередъ самые сильные эффекты, то, естественно, ихъ нельзя уже было усиливать, можно было только придумывать варіаціи. Апогей, котораго сейчасъ же и достигли,

Неожиданное возвращеніе мужа. Англійская гравюра. Гл. IV.



Стейнленъ: У театральнаго агента. Гл. IV.



Морское купаніе (изъ Lustige Blatter). Гл. III.

Флиртъ въ санаторіи (изъ Assiette an beurre). Гл. IV.

состоялъ въ томъ, что на сценѣ устраивались сразу двѣ спальни съ двумя влюбленными парочками, такъ что раздающаяся въ одной комнатѣ musique de chambre дѣйствуетъ возбуждающе на находящуюся въ другой комнатѣ пару, представляющую къ тому же уже немолодыхъ супруговъ.

Таково напр. содержаніе пьесы «Брачная зима», дѣлавшая въ пятидесятыхъ годахъ полные сборы. Одинъ современный рецензентъ такъ передаетъ ея содержаніе.

«На сценѣ видны двѣ спальни, позволяющія притомъ одновременно знакомиться съ интимной жизнью только что обвѣнчавшихся молодоженовъ и другой пары, уже успѣвшей въ силу времени и привычки значительно остыть. Обѣ пары дѣйствуютъ другъ на друга возбуждающе, съ шумомъ переставляя кровати, такъ что старая пара, только что поссорившаяся, пытается теперь разжечь себя счастіемъ молодой четы. На сценѣ раздѣваются, идутъ на глазахъ публики, нисколько не стѣсняясь, спать и обнаруживаютъ такую наивность нравовъ, что зрителю начинаетъ казаться, что передъ нимъ разыгрывается катехизисъ для новобрачныхъ. Вы точно присутствуете при представленіи дикарей, соединившихъ въ одной праздничной пьесѣ всѣ свои варварскіе обычаи и обряды въ честь свадьбы одного изъ членовъ племени».

Подъ вліяніемъ развивавшагося коммерческаго духа были придуманы и другіе подробности и трюки, въ особенности былъ использованъ столь пикантный мотивъ смѣшенія одного лица съ другимъ. И хотя въ концѣ концовъ всегда торжествовала добродѣтель, какъ это обычно бываетъ въ порнографическихъ произведеніяхъ, по существу всѣ эти пьесы были восхваленіемъ того, что по офиціальнымъ понятіямъ считалось безнравственнымъ. Это прославленіе выражалось въ томъ, что все недозволенное изображается въ возможно болѣе очаровательномъ и соблазнительномъ видѣ. По этому рецепту поступаютъ вплоть до нашихъ дней, добиваясь дешевой цѣной значительныхъ успѣховъ. Важной союзницей въ такихъ дѣлахъ всегда была музыка, такъ какъ она способна изобразить половыя отношенія не только намеками, но и такъ ярко, какъ это никогда не въ силахъ сдѣлать слово.

Опера превратилась въ оперетку, при помощи которой можно было достигнуть ряда пикантнѣйшихъ эффектовъ. Оперетка всегда была ничѣмъ инымъ, какъ прославленіемъ эротически-пикантныхъ положеній. Многіе композиторы оперетокъ не болѣе, какъ композиторы скабрезностей. Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что

музыка можетъ выражать эротическое напряженіе, для котораго нѣтъ терпимыхъ словъ, также и въ такихъ звукахъ, которые могутъ дѣйствовать освобождающимъ и возвышающимъ образомъ. Можно далѣе эротическую тему облечь въ звуки такъ умно и остроумно, что даже смѣлая мысль получитъ право гражданства. Вотъ почему такіе композиторы, какъ Оффенбахъ и Іоганнъ Штраусъ, не являются порнографами. Другимъ союзникомъ, стремившимся культивировать на сценѣ скабрезность, былъ балетъ, также достигшій своего высшаго расцвѣта въ XIX в., о чемъ намъ еще придется говорить. Здѣсь необходимо упомянуть лишь о томъ, что онъ былъ включенъ въ видѣ массового или единичнаго танца въ каждую оперу. До выступленія Рихарда Вагнера, возстававшаго также и противъ этого униженія театра, ни одна опера не обходилась безъ балета. Отсюда слѣдуетъ, что поэты и композиторы являются лишь косвенно совратителями публики, будучи лишь болѣе или менѣе предусмотрительными исполнителями ея же воли. Истиннымъ диктаторомъ является публика.

Будетъ ли театръ каѳедрой пропаганды высшихъ идеаловъ человѣчества или же станетъ онъ навозной ямой порнографіи, это всецѣло зависитъ отъ данной исторической ситуаціи. Она виновата также въ томъ, что иногда артистъ настолько затемняетъ самую пьесу, что главный интересъ обращенъ на него, а не на ея идею. Это бываетъ обычно въ такія эпохи, когда люди довольствуются позой дѣйствія, чтобы избѣжать самаго дѣйствія. А такую эпоху переживаемъ мы какъ разъ теперь. Въ настоящее время все сводится къ эстетизму, а этотъ послѣдній связанъ въ значительной степени съ личностью посредника, т. е. артиста. Отсюда нелѣпое преклоненіе передъ актеромъ. Въ такія эпохи люди воображаютъ, что поступаютъ какъ революціонеры, или по крайней мѣрѣ смѣло, если порываютъ съ старыми традиціями формы и превозмогаютъ чувство чопорности и стыдливости.

Такимъ «революціоннымъ подвигомъ» было напр., появленіе Монны Ванны безъ трико, такъ что при откидываніи плаща публика видѣла ея полную грудь, или появленіе Юдифи и Саломеи, верхняя часть тѣла которыхъ также была обнажена. На самомъ дѣлѣ это, конечно, не болѣе, какъ ухищренія спекулянтовъ, отвлекающихъ вниманіе публики отъ идеи въ сторону пикантной детали. Обнаженная грудь Монны Ванны и Саломеи выдвигается въ центръ представленія, тогда какъ эта подробность должна была быть только жестомъ. Что эта скабрезная пикантность считалась въ са-

момъ дѣлѣ гвоздемъ всей роли, лучше всего доказываетъ тотъ фактъ, что одно время хорошенькія исполнительницы этой роли съ какой-то маніей снимались именно въ тотъ моментъ, когда Монна Ванна откидываетъ плащъ и показываетъ грудь, и выставляли себя въ такомъ видѣ въ витринахъ всѣхъ художественыхъ магазиновъ. Другимъ послѣдствіемъ этой тенденціи было то, что большая публика знала изъ всей пьесы только одну эту подробность и что именно эта подробность и привлекала ее въ театръ.

Какой выводъ нужно сдѣлать изъ всего сказаннаго? Выводъ гласитъ: всѣ притупились, и актеры и публика, и всѣ поэтому жаждутъ сенсаціонныхъ переживаній: одни представляя, другіе—созерцая. А затушевываются и оправдываются эти сенсаціонныя переживанія высокими фразами о «мужественномъ служеніи правдѣ»

Танецъ, какъ представленіе, какъ спектакль, въ противоположность танцу, какъ развлеченіе, въ которомъ каждый можетъ участвовать, представляетъ, какъ уже сказано, нѣчто особое. Впрочемъ, только съ точки зрѣнія исторической оцѣнки. По существу они одно и тоже. Каждый танецъ ничто иное, какъ чувственный экстазъ, какъ чувственное опьяненіе, выражающееся въ ритмическихъ движеніяхъ, соотвѣтствующихъ истинному переживанію этихъ чувствъ въ ихъ стилизованномъ видѣ. На этой особенности и покоится увлеченіе, съ которымъ участвуютъ въ танцахъ, а также никогда не ослабѣвающій интересъ къ балету и къ танцамъ-соло.

Что танецъ позволяетъ переживать самому и передавать другимъ чувственное возбужденіе, коренится именно въ этой его сущности, о которой мы неоднократно уже упоминали. Вотъ почему танецъ былъ однимъ изъ лучшихъ средствъ массового совращенія, практикуемаго на крупно-капиталистическихъ началахъ. Вотъ почему съ другой стороны характеръ балета и танца-соло долженъ былъ измѣниться въ буржуазный вѣкъ по сравненію съ эпохой абсолютизма. Соотвѣтствующая сущности абсолютизма, застывшая въ своей строгости форма должна была смѣниться вакхической разнузданностью, символизировавшей разнузданность наслажденія. Этотъ переворотъ совершился, правда, уже въ XVIII в., когда все общественное зданіе стало шататься, и потому уже тогда балетъ и танцы отличались крайней страстностью. Первой видной представительницей этого новаго темпа была знаменитая Комарго. Она принадлежала, между прочимъ, къ числу тѣхъ танцовщицъ, которыя прибѣгали къ излюбленному публикой трюку танцовать

безъ кальсонъ, что до крайности повышаетъ эротическое любопытство зрителей, отчасти, конечно, потому, что это послѣднее никогда не получаетъ удовлетворенія. Такъ какъ танецъ оказываетъ особенно сильное впечатлѣніе на чувственность зрителя, то интересъ къ балетнымъ звѣздамъ доходилъ въ извѣстныхъ кругахъ часто до настоящаго безумія. Было время, когда даже самыя видныя газеты не знали болѣе настоятельной задачи, какъ подогрѣвать это безуміе.

Когда въ концѣ XVIII в. въ лондонскомъ Drury Lane-театрѣ подвизались съ огромнымъ успѣхомъ танцовщицы Паризо, Каро и Кемпъ, то въ выходившей въ Веймарѣ газетѣ «London und Paris» имъ посвящалось больше мѣста, чѣмъ французской революціи. Обычнымъ явленіемъ было тогда, что свихнувшіе съ ума поклонники выпрашивали у балерины старый изношенный башмакъ, обѣщая хранить его, какъ святыню, или если изъ-за туфельки, слетѣвшей съ ноги танцовщицы въ партеръ, начиналась въ публикѣ такая драка, что многіе получали серьезныя поврежденія, и успокоеніе наступало только послѣ того, какъ туфелька была разорвана на части и каждый изъ участниковъ драки могъ назвать своимъ какой-нибудь обрывокъ трофеи.

Портреты знаменитыхъ балеринъ продавались въ видѣ драгоценнѣйшихъ гравюръ. Эта помѣшанность на балетѣ длилась очень долго. Выступленіе Фанни Эльслеръ, «балерины двухъ міровъ», Тальони, Пепиты и т. д. вызывали «взрывы восторга». Каждый ихъ шагъ отмѣчался газетами, каждый успѣхъ увѣковѣчивался ими, объ ихъ огромныхъ гонорарахъ съ тріумфомъ докладывалось всему міру. «Когда Фанни Эльслеръ впервые выступала въ Ричмондѣ, ея пріѣздъ въ городъ встрѣтили пушечными выстрѣлами. Ея въѣздъ напоминалъ тріумфальное шествіе; балерину сопровождала длинная вереница лицъ, среди которыхъ находились: городской мэръ, государственные совѣтники, судьи и т. д.»

Нынѣ обыкновенно указываютъ на то, что этотъ длившійся до середины XIX в. культъ балерины и пѣвицы, уже не въ ходу, и отсюда дѣлаютъ выводъ, что мы живемъ въ эпоху болѣе высокой культуры. Такое утвержденіе и вѣрно и невѣрно. Оно не вѣрно, поскольку рѣчь идетъ о тратахъ на танцовщицъ. Культъ, устраиваемый нынѣ тунеядцами въ желтыхъ жилетахъ такимъ дамамъ, какъ Отеро, Клео де Меродъ и тому подобнымъ знаменитостямъ, для тѣхъ также выгоденъ въ матеріальномъ отношеніи, какъ это было и прежде. Если бы присмотрѣться къ банковому конто этихъ дамъ,



Врагъ у порога.

85

Въ дни великаго поста. Французская литографія. Гл. VI.

Гейдбринкъ: Весеннія бури. Гл. IV.



Гаварни: Плакатъ, иллюстрирующій романъ Бальзака. Гл. VII.



Ньютонъ: Англійскій танецъ. 1800. Гл. VI.

то выяснилось бы, вѣроятно, что гонораръ, полученный и получаемый отъ своихъ покровителей такими «знаменитостями», какъ la belle Otero, превосходитъ даже тотъ, который «страстноокая испанка» Лола Монтесъ получала когда-то изъ личныхъ средствъ Людовика I.

Если имѣть въ виду траты на балеринъ, то нельзя, слѣдовательно, говорить объ ихъ уменьшеніи. Приходится скорѣе констатировать повышеніе. Зато вѣрно утвержденіе, что вообще замѣчается убыль этого культа. Въ этомъ смыслѣ необходимо констатировать отрадный культурный прогрессъ. Въ настоящее время только уже очень исключительные общественные круги восторгаются трюками знаменитыхъ танцовщицъ до такой степени, точно рѣчь идетъ о высочайшихъ проблемахъ человѣчества. Выступленіе ловкихъ балеринъ давно уже перестало быть общественнымъ событіемъ, вызывающимъ всеобщій интересъ.

Приблизительно то же самое необходимо сказать и о развитіи балета. Цѣль его заключалась въ эротическомъ возбужденіи зрителя: показать пикантнымъ образомъ какъ можно больше женскаго тѣла, нѣсколько десятковъ обнаженныхъ женскихъ грудей и вдвое больше элегантныхъ женскихъ ногъ и бедеръ, облеченныхъ въ трико—вотъ главная притягательная сила балета. И множество лицъ посѣщали только ради этого дѣйствующаго на половые нервы зрѣлища даже оперу, не обходившуюся вплоть до нашего времени безъ болѣе или менѣе искусно вставленнаго балета.

Если въ настоящее время въ этомъ отношеніи замѣчается несомнѣнное улучшеніе, то его нельзя отнести только за счетъ общаго художественнаго подъема театра, въ этомъ въ еще гораздо большей степени виновато то обстоятельство, что театръ нынѣ уже не является единственной пищей для глазъ, такъ какъ существуютъ иныя учрежденія, рѣшающія эту задачу въ гораздо болѣе рафинированномъ духѣ, учрежденія, подъ сѣнь которыхъ и укрылись теперь балетъ и танецъ-соло.

Это прежде всего варіетэ.

Эпоха абсолютизма изобрѣла оперу. Буржуазный вѣкъ демократизировалъ ее сначала въ видѣ оперетки, потомъ въ видѣ варіетэ.

Въ данномъ случаѣ подъ демократизаціей слѣдуетъ подразумѣвать ея превращеніе въ простое увеселительное зрѣлище, ставящее себѣ преимущественно грубо-чувственныя цѣли. А ничто такъ не дѣйствуетъ на эротическую возбудимость людей, какъ непри-

стойкость. Ничто ихъ такъ не привлекаетъ или отталкиваетъ, смотря по характеру, какъ непристойность. Использовать ее такъ, чтобы она дѣйствовала возбуждающе, такова была задача, поставленная и разрѣшенная театромъ-варіетэ. Непристойность, облеченная въ слова, музыку, пляску, костюмъ, цвѣта и т. д.—таково варіетэ. На лицо всѣ оттѣнки отъ грубой сальности до высшей артистичности.

Существующее вотъ уже нѣсколько десятилѣтій варіетэ является въ этомъ отношеніи наиболѣе рафинированнымъ шедевромъ. Упразднено все, что можетъ ослабить впечатлѣніе непристойности, подчеркивается все, что можетъ ему содѣйствовать. Нѣтъ поэтому другой формы публичнаго представленія, которое было бы въ такой же степени характерно для нашего времени.

Начало этой формы публичнаго увеселенія, въ центрѣ котораго стоитъ скабрезность, относится, правда, къ давнему времени. Его надо искать въ примитивныхъ шантанахъ, возникшихъ еще въ XVIII ст., простую программу которыхъ составляли музыкальныя пьесы, пѣніе, а потомъ и танцы. Уже тогда предпочтеніе отдавалось фривольному жанру, двусмысленнымъ шансонеткамъ, эротически-подчеркнутымъ танцамъ. Какъ ни стары эти спектакли, ихъ изобрѣтеніе все же относится къ XIX в., а именно къ пятидесятымъ годамъ, когда возникли настоящіе шантаны, предтечи варіетэ и ихъ до сихъ поръ сохранившаяся побочная примитивная разновидность.

Колыбелью шантана былъ Парижъ второй имперіи, гдѣ нашли свое первое яркое выраженіе вообще всѣ формы удовольствій. Вскорѣ подобныя предпріятія возникли повсюду, повсюду находя восторженную публику. Въ Германіи, разумѣется, прежде всего, въ новой столицѣ, въ Берлинѣ. Здѣсь шантаны вошли въ моду особенно въ семидесятыхъ годахъ. Нѣсколько лѣтъ спустя они насчитывались уже десятками. «Обыкновенно то были пивныя, гдѣ въ углу на невысокой эстрадѣ сильно декольтированныя женщины въ коротенькихъ пестрыхъ юбкахъ распѣвали двусмысленныя пѣсенки». Прошло еще десятилѣтіе и уже не было на свѣтѣ ни одного болѣе значительнаго города, въ которомъ не имѣлось бы одного или нѣсколькихъ такихъ всегда переполненныхъ увеселительныхъ учрежденій. Въ болѣе значительныхъ городахъ и въ особенности въ портовыхъ городахъ они насчитываются даже десятками и сотнями. Во всѣхъ этихъ шантанахъ царила во всю скабрезность. Подражали Парижу. Французы считались въ этой области неподражаемыми ма-

стерами и потому гвоздемъ всѣхъ программъ всегда служило объявленіе: «при участіи знаменитой парижской шансонетной пѣвицы такой-то». Въ послѣднее время было однако сдѣлано открытіе, что по части непристойности любая страна можетъ свободно поспорить съ французами.

Главными номерами программы шантана были долгое время куплеты, болѣе или менѣе плохо исполняемыя двусмысленныя пѣсенки, или вѣрнѣе для знатоковъ вовсе не двусмысленныя. Секретъ публично произносимой скабрезности въ томъ именно и заключается, что она облекается въ невинную внѣшнюю форму. Скабрезность состоитъ въ скрытомъ двойномъ смыслѣ ловко подобранныхъ словъ, въ рафинированныхъ паузахъ, въ подчеркиваніи извѣстныхъ мѣстъ, въ мимическихъ движеніяхъ, сопровождающихъ шансонетку...

Съ цинизмомъ словъ соединяется цинизмъ жестовъ. При помощи соотвѣтствующихъ жестовъ все перекидывается въ область эротики, все получаетъ такимъ образомъ порнографическій характеръ. При плясовой пѣснѣ и вообще при пляскѣ можно было особенно удобно рѣшить эту задачу, такъ какъ здѣсь непристойность получала сильнаго союзника въ лицѣ музыки. Безъ музыки, отданной съ середины прошлаго столѣтія въ особенно широкихъ размѣрахъ на служеніе скабрезности, шантанъ и варіетэ не сыграли бы своей огромной роли. Какъ уже упомянуто, музыка способна звуками выразить самое общее и самое рискованное и къ тому же изобразить это чрезвычайно подробно и пластично. Эта способность музыки и была планомѣрно использована театрами-варіетэ. Слова и жесты сопровождаются рафинированно живописующей музыкой, идущей на помощь воображенію тамъ, гдѣ слова и жесты упираются въ непреодолимыя преграды. Ни одно искусство поэтому не было такъ беззастѣнчиво-тѣсно слито съ непристойностью, какъ шантанная музыка.

Служилъ непристойности съ самаго начала и костюмъ. Главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, здѣсь рѣчь идетъ о женскомъ костюмѣ. Первоначально—то была форма еще примитивная—шансонетныя пѣвицы появлялись на эстрадѣ или на сценѣ въ коротенькихъ платьицахъ, такъ что публика видѣла всегда по крайней мѣрѣ икры ногъ, а при извѣстныхъ движеніяхъ и кое-что еще. Къ откровенной нижней части костюма вскорѣ присоединилась такая же откровенность верхней его части. Эти пробѣлы костюма и должны были вознаграждать публику за недочеты въ пѣніи и

декламаціи и публика была въ самомъ дѣлѣ вполнѣ удовлетворена, такъ какъ большинство предпочитаетъ не слушать, а смотрѣть, и только немногіе протестуютъ, если пѣніе служитъ лишь средствомъ развернуть эротически-пикантное зрѣлище. Во всякомъ случаѣ сбратное явленіе никогда не имѣло мѣста: красивое пѣніе, хорошая декламація никогда не примиряли публику съ скромностью костюма. Это обстоятельство привело постепенно къ такой рафинированности въ костюмѣ, которая превосходитъ всякія границы. Каждый цвѣтъ, каждый оттѣнокъ должны воздѣйствовать на эротическое чувство зрителя.

Это касается даже такихъ номеровъ программы, которые по существу не имѣютъ никакого отношенія къ эротикѣ, стало быть выступленія жонглеровъ, дрессировщиковъ, гимнастовъ, атлетовъ и т. д. Костюмъ этихъ артистовъ выдержанъ въ такомъ же духѣ.

Наибольшаго эффекта въ этомъ направленіи можно было достигнуть опять таки при помощи танца, не только потому, что этотъ послѣдній всегда дѣйствуетъ на чувственность, но и потому, что его эксцентрическія разновидности позволяли рафинированнымъ образомъ выставлять на показъ пикантное dessous. Всѣ танцы въ театрахъ-варіетэ преслѣдуютъ поэтому только одну цѣль: давать танцовщицѣ какъ можно чаще возможность показывать публикѣ кружевныя юбочки и кальсоны и разоблачать то, что послѣдніе должны собственно скрывать.

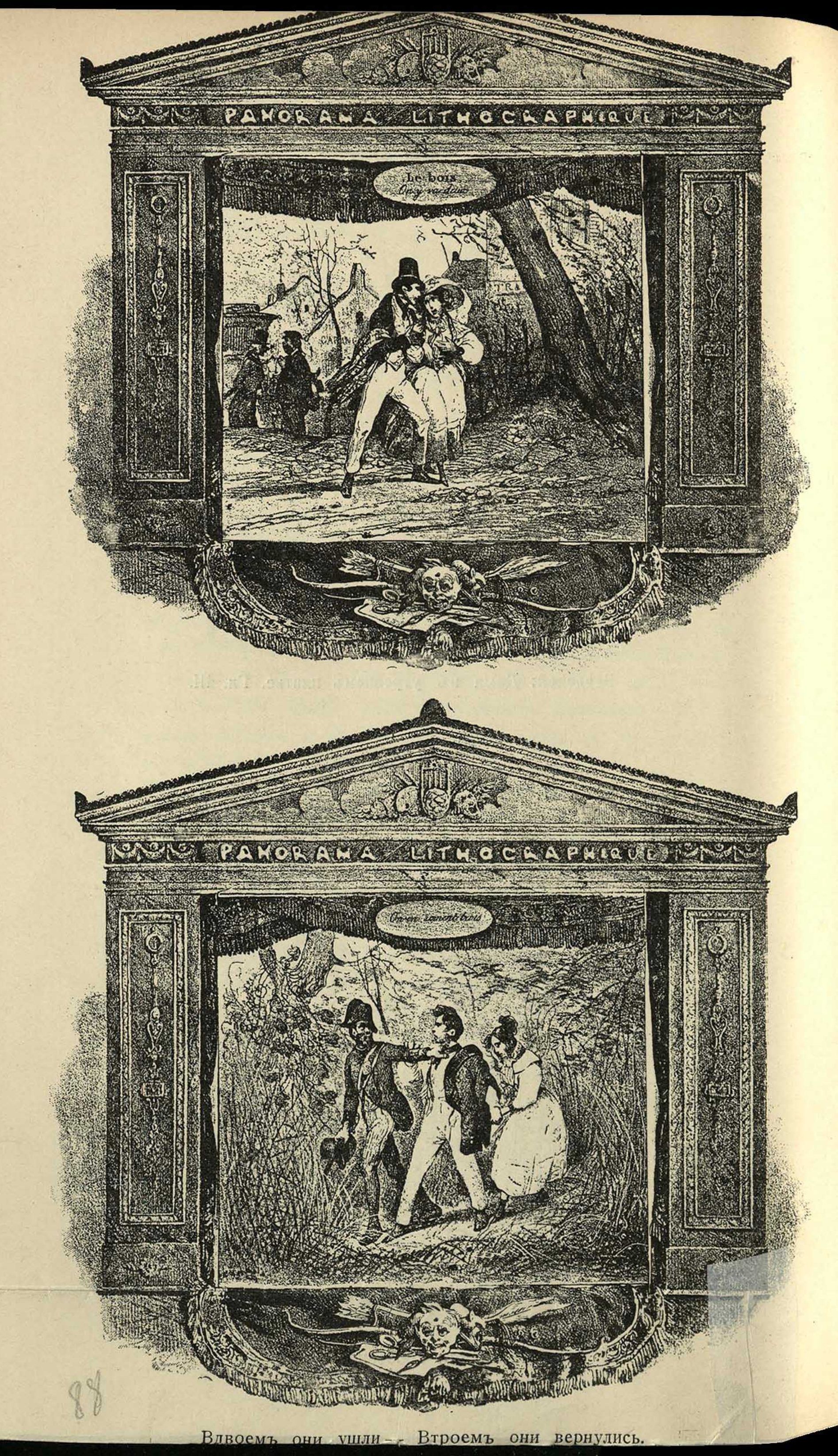
При помощи такихъ эффектовъ работаютъ вотъ уже почти полстолѣтіе театры-варіетэ. Конечно, не только при помощи ихъ. Публика требуетъ не только все большаго усиленія этихъ эффектовъ въ отдѣльности, но и разнообразія, все новыхъ трюковъ, все новыхъ не виданныхъ и не слышанныхъ еще непристойностей. И публику удовлетворяютъ. Однимъ изъ особенно популярныхъ средствъ привлеченія публики сдѣлались уже упомянутыя выше сцены раздѣванія. Можно ли придумать нѣчто болѣе пикантное, какъ присутствовать при интимномъ туалетѣ свѣтской дамы? Такія сцены не только были сдѣланы центральными мѣстами театральныхъ пьесъ, но и самодовлѣющими пантомимами. Элегантная дама входитъ поздно вечеромъ въ спальню, въ салонномъ туалетѣ, и начинаетъ медленно, съ перерывами, раздѣваться. Сначала она снимаетъ перчатки, потомъ накидку, шляпу, башмаки. Публика начинаетъ настораживаться, вотъ сейчасъ она увидитъ «кое-что». Этимъ «кое-что» являются икры, пикантныя нижнія юбки и кальсоны, когда дама кладетъ не стѣсняясь ногу на ногу, чтобы удобнѣе



Берделей: Дама въ утреннемъ платье. Гл. III.



Рамбергъ: Любовная сцена.



Вдвоемъ они ушли — Втроемъ они вернулись.

было растегнуть башмаки. Потомъ она доходитъ до блузки или корсажа.

Эротическое любопытство публики возрастаетъ, такъ какъ уже видна грудь дамы. Такъ какъ публика жаждетъ въ особенности этого зрѣлища, то дама находитъ достаточно причинъ, чтобы наклониться, въ силу чего грудь какъ бы случайно выступаетъ изъ подъ рубашки или изъ корсета. Послѣ корсажа падаютъ юбки и т. д. Ситуація становится съ каждымъ моментомъ все пикантнѣе: наконецъ дама ложится въ постель и тушитъ огонь. Иногда процедура развертывается и въ обратномъ порядкѣ.

Другимъ гвоздемъ такихъ представленій сдѣлалось выставленіе на показъ эротической женской наготы вообще. На этотъ трюкъ напали очень рано, еще въ шестидесятыхъ годахъ. Во вступительной главѣ своего романа «Нана» Зола описалъ съ почти пластической выпуклостью этотъ трюкъ и производимое имъ на публику впечатлѣніе. Вотъ небольшой отрывокъ:

«Клакеры зааплодировали по адресу декораціи. Она представляла гротъ въ горѣ Этнѣ, высѣченный въ серебряной рудѣ. Стѣны сверкали какъ только что вышедшіе изъ чеканки деньги. На заднемъ фонѣ виднѣлась кузница Вулкана. Во второй сценѣ Діана уговаривалась съ Вулканомъ, что послѣдній сдѣлаетъ видъ, будто уѣзжаетъ, чтобы освободить мѣсто для Венеры и Марса. Едва Діана осталась одна, какъ появилась Венера.

Дрожь пробѣжала по рядамъ публики. Нана стояла передъ ней нагая. Она выставляла свою наготу на показъ съ спокойной смѣлостью, увѣренная во всемогуществѣ своего тѣла. Только прозрачная вуаль скрывала ея члены. Ея круглыя плечи, ея грудь амазонки, розовые бутоны которой поднимались прямо, какъ острія копья, ея широкія сладострастно раскачивающіяся бедра, словомъ все ея тѣло было видно сквозь легкій покровъ во всей его подобной пѣнѣ бѣлизнѣ.

То была Венера, выходящая изъ моря и кромѣ своихъ волосъ не имѣющая никакого другого одѣянія.

Когда Нана поднимала руки, то при свѣтѣ лампъ видны были золотистые волосы подъ мышками. Никто не хлопалъ, никто не смѣялся. Лица мужчинъ вытягивались и становились серьезными. Носы втягивались, губы дрожали и становились сухими.

Надъ театромъ, казалось, проносится легкое дуновеніе, чреватое неясной угрозой. Добродушное существо, какимъ до сихъ поръ представляли себѣ Нана, превратилась вдругъ въ женщину,—

въ женщину, вселяющую безпокойство, возбуждающую невѣдомыя желанія».

Хотя этотъ рафинированный трюкъ и былъ придуманъ давно, популярность его сохранилась до послѣднихъ дней. Такъ въ 1907 г. въ Миланѣ въ театрѣ Олимпія подвизалась очень красивая артистка Лида Борелли, выступавшая въ такомъ же приблизительно костюмѣ, какъ Нана, причемъ на этотъ разъ, какъ сообщала корреспонденція изъ Милана, публика была—что вообще большая рѣдкость,—возмущена слишкомъ большимъ отсутствіемъ костюма на этой дамѣ.

Публика не удовольствовалась однако и этими зрѣлищами, она хотѣла видѣть сразу цѣлыя массы женскихъ ногъ, женскихъ бедеръ и пикантно выставленныхъ на показъ женскихъ грудей и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ и затѣйливыхъ комбинаціяхъ. Такъ возникли такъ называемыя «обозрѣнія», обходящія вотъ уже цѣлое десятилѣтіе всѣ сцены большихъ театровъ-варіетэ всего свѣта. Въ нихъ непристойность характерная для варіетэ достигла своего апогея, ибо здѣсь все было на лицо: непристойность въ словахъ, въ пѣніи, въ музыкѣ, въ костюмѣ, въ жестахъ, вообщее во всемъ.

Пока это—послѣднее слово, non plus ultra, дальше котораго не пошли. Но будущее покажетъ, что и въ этомъ жанрѣ возможны еще болѣе утонченныя формы—разъ только не прекратится спросъ. А этотъ спросъ не прекратится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать характерный для частно капиталистической системы методъ работы, неизбѣжно вызывающій потребность въ такихъ острыхъ средствахъ возбужденія нервной системы. И потому рѣшительно всѣ слои населенія поставляютъ посѣтителей этихъ увеселительныхъ учрежденій.

Даже верхушка общественнаго зданія сразу дала имъ свою санкцію. Императрица Евгенія пришла въ восторгъ отъ первой по времени парижской шансонетной пѣвицы, знаменитой тогда mademoiselle Терезы, отъ ея шикарной манеры пѣть шансонетки и сдѣлала ее своей офиціальной подругой, а ея примѣру послѣдовала и первая ея придворная дама, княгиня Меттернихъ.

Такъ и Нана интересовался tout Paris. О первомъ ея дебютѣ Зола говоритъ:

«Присутствовалъ весь Парижъ: люди науки, финансисты, жуиры, много журналистовъ, нѣсколько писателей, биржевые дѣльцы, проститутки въ большемъ количествѣ, чѣмъ порядочныя жен-

щины,—странно смѣшанный міръ, воспитанный всѣми геніями, испорченный всѣми пороками, и на всѣхъ лицахъ отражались тѣ же вожделѣнія и та же скука».

О томъ, съ какимъ интересомъ публика слѣдила за непристойными пантомимами на сценѣ, съ какимъ восторгомъ она относилась къ нимъ, Зола говоритъ:

«Публика подхватывала двусмысленности и присоединяла къ нимъ свои непристойности. Уже давно ни въ одномъ театрѣ публика не отдавалась съ такимъ усердіемъ всевозможнымъ выходкамъ. Среди подобныхъ нелѣпостей продолжалось представленіе. Вулканъ, одѣтый какъ юный франтъ, весь въ желтое, въ желтыхъ перчаткахъ, съ моноклемъ въ глазу, бѣгалъ все время за Венерой, одѣтой въ видѣ poissarde, въ платочкѣ, съ обнаженной грудью и шеей, увѣшанной разными золотыми побрякушками. Нана была такъ бѣлоснѣжна, такъ хорошо сложена, такъ естественна въ своей пышной красотѣ, что сразу завоевала весь театръ. Рядомъ съ ней совершенно исчезала Роза Миньонъ, очаровательное бебе въ коротенькомъ муслиновомъ платьицѣ, трогательнымъ голосомъ произносившая жалобы Діаны. Та другая, эта высокая и сильная дѣвушка, ударявшая себя по бедрамъ и кудахтавшая, какъ насѣдка, распространяла кругомъ ароматъ жизни, ароматъ женскаго всемогущества, опьянявшій публику.

Начиная съ второго акта все ей прощалось: ея неумѣніе держать себя на сценѣ, ея плохой голосъ, незнаніе роли. Стоило ей только обернуться и улыбнуться, и слышались апплодисменты. А когда она поворачивала бедрами, весь оркестръ воспламенялся, заражая всѣ ярусы, весь театръ до самаго потолка».

Только мелкая буржуазія относилась отрицательно къ подобныхъ оргіямъ женскаго тѣла. Откровенная непристойность не вяжется съ строгой мѣщанской моралью. Мелкая буржуазія часто и возмущалась подобнымъ безстыдствомъ и открыто протестовала противъ него. Порой мѣщане демонстративно покидали театръ, если попадали невзначай на подобныя представленія. Уже цитированная выше парижская мастерица танцовать канканъ. Риголъбешъ, писала, между прочимъ, слѣдующее о публикѣ, посѣщавшей театръ, гдѣ она подвизалась съ такимъ успѣхомъ.

«Только рѣдко видишь здѣсь такъ называемыя почтенныя семейства. Когда они по недоразумѣнію появляются, то контролеръ Роланъ приходитъ въ веселое настроеніе. Онъ знаетъ, что послѣ пролога они подъ вліяніемъ разговоровъ сосѣдей будутъ вынужде-

ны уйти и онъ можетъ еще разъ продать ихъ ложи. Ему отъ этого двойная польза».

Нѣчто подобное можно видѣть и теперь. Въ настоящее время мелкая буржуазія и корректное чиновничество также поставляютъ наименьшее число посѣтителей такихъ учрежденій. Надо, впрочемъ, считаться и съ высокими цѣнами въ этихъ театрахъ, дѣлающими ихъ недоступными и для рабочей массы, такъ что послѣдняя должна поневолѣ ограничиваться маленькими шантанами въ своихъ рабочихъ кварталахъ, гдѣ плата за входъ рѣдко превышаетъ 50 пф. И однако и изъ этой среды нынѣ появляются уже кое-какіе посѣтители варіетэ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что всѣ шантаны и варіетэ являются вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе посѣщаемыми рынками проституціи.

Въ низкоразрядныхъ шантанахъ преобладаютъ женщины и дѣвушки, для которыхъ проституція служитъ подсобнымъ заработкомъ, тогда какъ въ болѣе роскошныхъ театрахъ-варіетэ доминируютъ настоящія проститутки, и притомъ болѣе дорогія, отъ двадцати марокъ и дороже. Десятками сидятъ и гуляютъ онѣ въ кулуарахъ и въ фойэ. Для самого увеселительнаго учрежденія онѣ представляютъ еще одинъ лишній магнитъ, когда онѣ въ рафинированномъ туалетѣ выставляютъ или все свое тѣло или какія нибудь особыя свои прелести, сидя, смѣло положивъ одну ногу на другую, давая проходящимъ удобный случай убѣдиться въ томъ, какъ пикантно облегаетъ ногу элегантный шелковый чулокъ или какой граціозной кажется изящная ножка, на которую одѣто кокетливое золотое запястіе...

Многіе завсегдатаи театровъ-варіетэ приходятъ спеціально ради этихъ корсо проститутокъ. Предпринимателямъ это прекрасно извѣстно и потому красивѣйшія кокотки не только имѣютъ безплатный входъ, но и получаютъ извѣстный процентъ отъ дохода съ напитковъ, которые требуютъ ихъ гости.

Что театръ-варіетэ уже нельзя было устранить изъ увеселительной программы, было ясно для всѣхъ и каждаго. Можно было, слѣдовательно, только облагородить его, выдвинуть на первое мѣсто болѣе изысканную его разновидность. Къ этой цѣли и стремились почти одновременно съ одной стороны кабарэ, а съ другой продиктованная чувствомъ красоты реформа танцевъ, относящаяся къ послѣднимъ годамъ.

Обѣ реформы потерпѣли крушеніе. Побѣда осталась за порнографіей.

Началось съ реформы танца. Обычная форма балетнаго танца, это балансированіе на пальцахъ ноги, была объявлена неэстетичной, неправдоподобной и безстыдной. Въ подтвержденіе послѣдняго упрека указывалось на то, что выставленіе на показъ облеченныхъ въ трико икръ и бедеръ преслѣдуетъ по существу чисто эротическія цѣли. Что это отчасти вѣрно, объ этомъ уже было сказано. Мѣсто облеченныхъ въ трико ногъ занялъ сначала танецъ босоножки Айседоры Дунканъ, потомъ танцы характерные, главными представительницами которыхъ были сестры Визенталь, Рита Саккетто, Суламифъ Раху, Руфь С.-Дени. Всѣ эти балерины рѣшительнымъ образомъ отказались отъ трико. Между тѣмъ, какъ первыя танцовали въ духѣ древнихъ грековъ, подъ Штрауса и Шопена, послѣдніе воспроизводили индійскіе и египетскіе танцы. Нельзя отрицать, что эти танцовщицы создали рядъ новыхъ и иногда крупныхъ эстетическихъ цѣнностей. И однако онѣ не смогли вытѣснить трико и юбочки изъ газа: «послѣднія оказались слишкомъ внѣдрившимися въ психику публики». Новыя балетныя звѣзды оказались лишь преходящей модой, тогда какъ старыя балетныя богини, хотя и не были неизмѣнно пребывающими въ покоѣ полюсами среди вѣчной смѣны явленій, зато, несомнѣнно, тѣми полюсами, которые именно благодаря своему волнующему и безпокоящему существу сумѣли противостоять всѣмъ возраженіямъ нравственнаго и эстетическаго характера, такъ что нынѣ ихъ побѣда внѣ всякаго сомнѣнія.

Слѣдуетъ, впрочемъ, принять во вниманіе, что на сторонѣ этихъ балеринъ было въ большинствѣ случаевъ и болѣе высокое искусство—достаточно вспомнить русскій балетъ и въ особенности балерину Павлову.

Этимъ, естественно, уже сказано, что крушеніе потерпѣла и крайняя форма эмансипаціи изъ подъ власти трико и газовой юбки, а именно недавно возникшій танецъ наготы. Nackttanz. Этой формой танца, представленной такими танцовщицами, какъ Ольга Демонъ или Вилла Вилланьи, хотѣли достигнуть еще и другой цѣли. Эти танцовщицы хотѣли не только подчеркнуть цѣломудріе красиваго, нагого тѣла въ сравненіи съ эротически дѣйствующимъ одѣтымъ тѣломъ балеринъ, но и пропагандировать идею необезображенной ничѣмъ тѣлесной красоты. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ искренности ихъ намѣреній, зато тѣмъ больше сомнѣваться поз-

волительно въ чистотѣ намѣреній огромнаго большинства посѣтителей этихъ «вечеровъ красоты», въ чемъ и признавались многочисленные рецензенты подобныхъ спектаклей.

Побѣда и здѣсь осталась за непристойностью.

Умерли среди всеобщаго равнодушія и другія реформы, при помощи которыхъ хотѣли облагородить варіетэ. Уцѣлѣвшіе до нашихъ дней жалкіе остатки бывшаго когда-то въ модѣ кабарэ способны продолжать свое похожее на прозябаніе существованіе только, вступая безъ зазрѣній совѣсти въ тѣсный братскій союзъ съ грубѣйшей непристойностью.

Врагъ, противъ котораго ополчились, сдѣлался такимъ образомъ союзникомъ, за которымъ ухаживали съ похотливой улыбкой.

Это одинаково приложимо какъ къ Франціи, такъ и къ Германіи, къ тѣмъ двумъ странамъ, гдѣ возникли такъ называемые кабарэ.

Для Германіи имѣется, правда, смягчающее вину обстоятельство, которое не слѣдуетъ игнорировать, а именно полицейская опека, мѣшающая духу общественности свободно расправить свои крылья. Даже лучшее кабарэ не могло поэтому здѣсь развить цѣликомъ свои возрождающія тенденціи и было вынуждено съ самаго начала и навсегда ограничиться половинчатостью. Это снова доказываетъ рѣшающее значеніе общей исторической ситуаціи. Буржуазія,—ибо о ней здѣсь идетъ главнымъ образомъ рѣчь—готовая примириться съ полицейскимъ въ качествѣ педагога, очевидно, вовсе не стрсмится серьезно къ регинераціи, ни общей, нм частичной. О серьезности такого стремленія можно будетъ говорить только въ томъ случаѣ, когда начнутъ подумывать объ упраздненіи шуцмана въ указанной роли.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о новѣйшемъ завоеваніи въ области публичныхъ представленій, о кинематографѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что и здѣсь очень скоро была пущена въ ходъ непристойность.

Откровеннѣе всего это дѣлалось во Франціи и Италіи. Сцены раздѣванія, любовныя приключенія, самыя разнообразныя варьяціи темы совращенія охотно включались въ программу кинематографа, продолжая и теперь еще служить однимъ изъ главныхъ притягательныхъ средствъ. Подобныя картины тѣмъ опаснѣе, что

значительная часть посѣтителей этихъ театровъ состоитъ изъ молодежи и въ темномъ помѣщенiи такъ легко претворить сценическое представленiе въ несомнѣннѣйшую дѣйствительность. Такъ оно и случилось, какъ видно изъ цѣлаго ряда до сей поры не прекращающихся судебныхъ дѣлъ. Въ Германiи цензура наложила поэтому запретъ на ленты съ эротическимъ содержанiемъ, зато уцѣлѣла похотливо-лживая сентиметальность грубо-сенсацiонныхъ романовъ, дѣйствующихъ съ неменьшей силой на половые центры молодежи.

VII.

Пресса и реклама.

Хотя возникновеніе періодической печати относится еще къ началу XVII в., если только не къ еще болѣе ранней порѣ, все же она можетъ считаться истиннымъ продуктомъ буржуазнаго вѣка. Ибо только въ буржуазную эпоху періодическая печать получила свою специфическую физіономію и сдѣлалась чѣмъ-то большимъ, нежели примитивной формой информаціи: а именно пульсомъ времени.

Въ тотъ самый моментъ, когда буржуазное общество вступило въ серьезную борьбу за власть, и развилось газетное дѣло въ современномъ смыслѣ слова. Печать сдѣлалась важнѣйшимъ средствомъ пропаганды буржуазныхъ идей, важнѣйшимъ средствомъ борьбы за нихъ, она сдѣлалась тѣмъ факторомъ, который духовно объединялъ массы, освѣдомлялъ и направлялъ ихъ. И эта роль осталась за періодической печатью вплоть до нашихъ дней. Трудно представить себѣ болѣе великую роль. Ея значеніе усиливалось по мѣрѣ того, какъ интересы отдѣльной страны, отдѣльнаго города, даже отдѣльной личности все тѣснѣе сливались благодаря эволюціи общественой жизни съ интересами всѣхъ странъ и всѣхъ частей свѣта. Такъ какъ нынѣ уже нѣтъ такой хотя бы ничтожной человѣческой общины, которая могла бы сказать о себѣ, что она живетъ и можетъ жить самодовлѣющей жизнью, то каждый связанъ со всѣми. Звеномъ, духовно всѣхъ связующимъ, позволяющимъ имъ постоянно входить въ соприкосновеніе съ міровой жизнью, сообщающимъ этому соприкосновенію длительный характеръ, и является газета. Именно эта важная функція и создала ея огромное могущество.

И все таки мы сумѣемъ правильно оцѣнить періодическую печать только въ томъ случаѣ, если уяснимъ себѣ предпосылки, кото-

Лоссо: Даная. Гл. II.



Оргія эпохи второй имперіи. Гл. VI.



Виллонъ: Вѣчно вамъ нужна прибавка. Что же вы дѣлаете по вечерамъ? Гл. V.



Радигэ: Театральный критикъ. Гл. V.

рымъ. она обязана своимъ возникновенiемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Исполнять выше указанную функцiю въ интересахъ свободы и прогресса человѣчества—такова обязаность печати въ идеалѣ. Изданiе газетъ является однако въ большинствѣ случаевъ прежде всего коммерческимъ дѣломъ. Ограничимся здѣсь только этой одной, зато фундаментальной предпосылкой. Становясь коммерческимъ дѣломъ, газета подчиняется вмѣстѣ съ тѣмъ специфическимъ законамъ, руководящимъ вообще коммерчаскими предпрiятiями. Содержанiе газеты получаетъ чисто товарный характеръ, а это прямая противоположность ея идеальнаго назначенiя.

На столбцахъ газеты «торгуютъ» тѣмъ, что является для издателя наиболѣе выгоднымъ, а этимъ послѣднимъ никогда не бываютъ интересы человѣчества. Этому закону подвержены даже большiя политическiя газеты, такъ какъ и ихъ издатели хотятъ по крайней мѣрѣ «покрыть свои расходы». Только отдѣльные рѣдкiе печатные органы основываются съ неподкупно-чистымъ намѣренiемъ служить, не взирая на матерiальную выгоду, исключительно высокимъ идеаламъ человѣчества.

Если по ранѣе изложеннымъ причинамъ печать является однимъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ въ области публичной половой нравственности, то по только что указаннымъ причинамъ, а именно въ виду того, что она становилась все болѣе простымъ коммерческимъ дѣломъ, она является вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ наиболѣе пагубныхъ факторовъ. Печать можетъ наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ пропагандировать законы индивидуальной морали, она можетъ поднять чувство личной отвѣтственности и повысить такимъ образомъ уровень общественной нравственности. Но она же можетъ и систематически отравлять воображенiе людей.

Въ настоящее время имѣется значительное число органовъ печати, серьезно и сознательно ставящихъ своей цѣлью нравственное воспитанiе массъ. Подобное явленiе относится однако лишь къ послѣднимъ сорока годамъ. До этого момента въ ежедневной прессѣ преобладала исключительно филистерская мелочность. Все половое обходилось, затушевывалось. О великихъ конфликтахъ, вносимыхъ ежедневно въ жизнь множества людей любовью, читатель узнавалъ въ лучшемъ случаѣ изъ сухихъ или морализующихъ замѣтокъ. Такъ называемыя порядочныя газеты обыкновенно отмалчивались, дѣйствуя сообразно основной аксiомѣ нравственнаго лицемѣрiя: о чемъ не говорятъ, того не существуетъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтiя положенiе измѣ-

нялось. Именно въ шестидесятыхъ годахъ возникли газеты, мужественно и смѣло срывавшія покровъ даже съ самаго интимнаго. Но—и это «но» является здѣсь весьма роковымъ—это было мужество не столько въ интересахъ общественной морали, а скорѣе въ интересахъ коммерческой прибыли. Общая историческая ситуація все болѣе позволяла дѣлать подобными темами не только дѣла, но и очень выгодныя дѣла.

Такъ родилась такъ называемая сплетническая или скандальная пресса, ставившая своей задачей подносить читателю со всевозможными подробностями всякія сенсаціонныя событія и въ особенности изъ области половыхъ нравовъ. Сообщалось напр. о томъ, что такая-то въ широкихъ кругахъ извѣстная дама пользуется особой благосклонностью такого-то господина, говорилось о предполагаемыхъ или разстроившихся бракахъ, приводились подробности о похищеніяхъ или адюльтерахъ, имѣлся постоянно отдѣлъ, посвященный бракоразводнымъ процессамъ. Съ гнуснымъ сервилизмомъ заглядывали въ особенности въ альковы принцевъ и принцессъ. Уже за восемь мѣсяцевъ публика узнавала, въ какой день должна разрѣшиться отъ бремени та или другая аристократка, въ особенности государыня или супруга наслѣдника. Съ подобострастнымъ рвеніемъ сообщались эти отрадныя перспективы падкой до сенсацій массѣ. Замѣтимъ въ скобкахъ, что сенсаціонная и сплетническая пресса вся безъ исключенія «благонадежна и патріотична». Она обычно тѣмъ патріотичнѣе, чѣмъ грязнѣе, чтобы войти въ довѣріе къ власти. Нынѣ подобныя сплетническія газеты существуютъ во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ міра, а въ Америкѣ вся пресса носитъ такой характеръ.

Здѣсь, въ Америкѣ, разоблаченія интимныхъ семейныхъ исторій организованы даже на крупныхъ началахъ. Примѣромъ можетъ служить слѣдующее приведенное лондонскимъ Таймсомъ (январь 1912 г.) письмо одного американскаго редактора одному господину, бывшему управляющимъ во многихъ знатныхъ англійскихъ домахъ и помѣстившему объявленіе о своемъ желаніи поступить на новое мѣсто:

«Милостивый Государь!.. Я плачу хорошо, всегда въ началѣ мѣсяца. Сотрудничаю въ нѣсколькихъ американскихъ газетахъ, читатели которыхъ требуютъ сплетенъ объ извѣстныхъ въ Лондонѣ лицахъ.. Чтобы дать вамъ нѣкоторое представленіе о томъ, что требуется, обращаю ваше вниманіе на лэди Герардъ и Форсетсъ, о которыхъ въ виду предстоящаго дѣла объ оскорбленіи

все охотно печатается. Интересны также дѣла.. (слѣдуетъ перечисленіе длиннаго ряда представителей и представительницъ лондонскаго свѣта, нѣкоторые изъ которыхъ начали бракоразводные процессы). P. S. Можетъ быть у васъ есть знакомые среди официантовъ болѣе видныхъ клубовъ и первоклассныхъ ресторановъ?»

Насколько большая масса читателей интересуется такими темами, видно изъ того, что подобныя происшествія составляютъ теперь постоянный отдѣлъ также въ большинствѣ такъ называемыхъ порядочныхъ европейскихъ газетъ. Ссылка на обязанности репортера служитъ обыкновенно оправданіемъ для подобныхъ сообщеній. На самомъ дѣлѣ газеты спекулируютъ на низменные инстинкты массы.

Необходимо упомянуть здѣсь объ особыхъ пріемахъ въ этомъ направленіи англійской прессы. Она всегда особенно рафинированнымъ образомъ рѣшала нелегкую проблему сочетать чопорнѣйшее приличіе съ сугубымъ развратомъ и все таки оставаться въ глазахъ свѣта «респектебельной». Англійская печать достигла этого путемъ объективной судебной хроники. Она вообще считаетъ своей обязанностью докладывать о судебныхъ процессахъ очень подробно. Это, конечно, очень цѣнная черта. Въ такомъ постоянномъ контролѣ англійскій народъ видитъ лучшую гарантію нелицепріятнаго суда. Чрезвычайно характерно однако, что ни о чемъ такъ подробно не сообщается въ англійскихъ газетахъ, какъ о бракоразводныхъ дѣлахъ, причемъ дословно передаются интимнѣйшіе вопросы и отвѣты судьи, защитника и свидѣтелей. Даже въ самыхъ «респектебельныхъ» газетахъ. И этотъ отдѣлъ является по мнѣнію людей свѣдующихъ наиболѣе читаемымъ.

Отдѣлъ объявленій—какъ бы спинной хребетъ газеты. Не подписка, а объявленія даютъ издателю прибыль. Этимъ обходнымъ путемъ обычно и совершается подкупъ газетъ. Крупныя предпріятія даютъ большія и постоянныя объявленія, что служитъ имъ молчаливой гарантіей, что въ текстѣ о нихъ будутъ говориться только хорошее или во всякомъ случаѣ не будутъ говориться ничего плохого. Каждый знатокъ газетнаго дѣла знаетъ, что нынѣ существуетъ лишь очень немного газетъ, которыхъ не подкупали бы такимъ образомъ ежедневно.

Умное разъединеніе газеты и объявлееній, въ силу котораго большинство редакцій заявляетъ, что не имѣютъ никакого отношенія къ объявленіямъ, что эти послѣднія являются чисто частнымъ коммерческимъ дѣломъ издательства, имѣетъ еще одно для изда-

теля очень выгодное послѣдствіе. Въ отдѣлѣ объявленій можно и не считаться съ текстомъ газеты, можно печатать все, что оплачивается. Такъ оно и дѣлается. Между тѣмъ, какъ газета ратуетъ за мораль, громитъ порою безнравственность отдѣльныхъ лицъ или всего общества, въ отдѣлѣ объявленій пропагандируются всѣ рѣшительно пороки, правда, въ замаскированномъ, но для заинтересованныхъ лицъ достаточно прозрачномъ видѣ. Сводники предлагаютъ свои услуги, продается и покупается, какъ булки, супружеская любовь, проституція рекламируетъ свой товаръ, молодая вдова ищетъ великодушнаго друга, который дастъ ей взаймы извѣстную сумму, причемъ слово «молодая» указываетъ на то, что она извѣстнымъ образомъ отплатитъ за оказанную услугу, богатый господинъ ищетъ компаньонку для путешествія (рѣчь идетъ о бракѣ на четыре недѣли) и т. д.

И точно такимъ же образомъ предлагаются и требуются всѣ пороки, всѣ извращенности. Опытная проститутка предлагаетъ свои услуги подъ видомъ массажистки. лесбійка ищетъ подъ тѣмъ или другимъ девизомъ родственную душу. Далѣе идутъ всевозможныя преступленія. Акушерка предлагаетъ порошки для менструаціи (рѣчь идетъ о средствахъ дѣлать абортъ), другая предлагаетъ свои услуги для тайныхъ родовъ, дѣлательница ангеловъ хочетъ подъ фирмой «бездѣтные родители» усыновить ребенка; сыщицы готовы содѣйствовать въ «брачныхъ дѣлахъ», т. е. готовы доставить дамѣ желающей развестись съ мужемъ въ лицѣ своей собственной особы доказательство адюльтера съ его стороны, безъ котораго она не можетъ развестись, и т. д., и т. д.—безъ конца.

Такимъ чудовищнымъ рынкомъ своднических дѣлъ является отдѣлъ объявленій большинства газетъ и даже многихъ пользующихся хорошей славой. Если въ Германіи въ послѣдніе годы и замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторое улучшеніе, такъ какъ полиція изгнала самое худшее изъ газетныхъ объявленій, и порокъ можетъ въ немъ выступать уже только въ очень ловко замаскированной формѣ, то напр. въ Австріи и въ Венгріи подобные нравы находятся еще въ полномъ расцвѣтѣ. И то же надо сказать о такъ называемыхъ маленькихъ объявленіяхъ въ многочисленныхъ французскихъ газетахъ.

Иллюстрированная періодическая печать имѣла съ самаго начала самое непосредственное отношеніе къ половой области. Половой моментъ былъ даже до извѣстной степени ея акушеромъ,



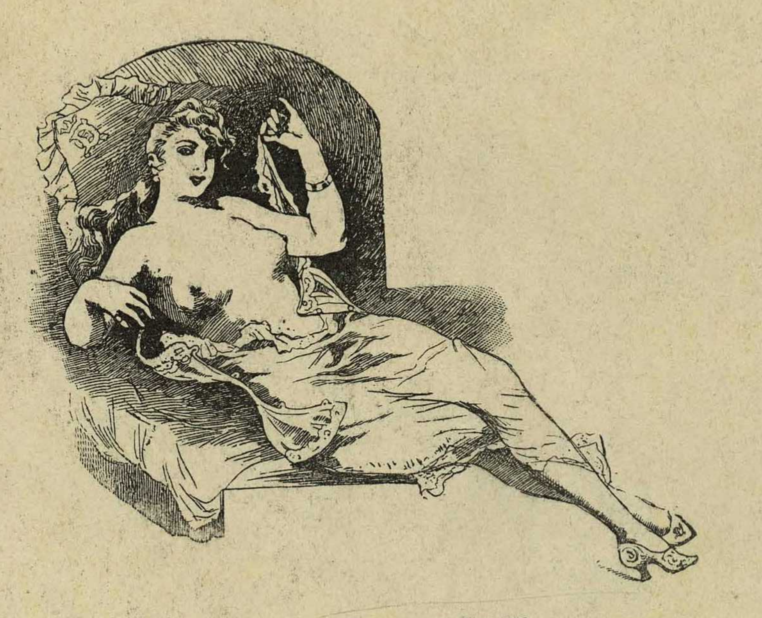
Герар: Вино и любовь. Гл. VI.



Гаварни: Дитя свободной любви. Гл. IV.



Грюнъ: Въ отдѣльномъ кабинетѣ. Гл. VI.



Лебакъ: Декольтэ. Гл. III.



РЕКЛАМА (изъ газеты Frou Frou)

92

Графическое заведенiе „ДРУКАРЬ", Москва.

такъ какъ первые иллюстрированные журналы были въ большинствѣ случаевъ журналами модъ или были ими до извѣстной степени. Чтобы дать наглядное представленіе о той или другой модѣ, приходилось прибѣгать къ помощи иллюстраціи. Съ теченіемъ времени связь иллюстрированныхъ журналовъ съ половой областью становилась все интимнѣе, чтобы стать въ концѣ концовъ и совсѣмъ интимной, такъ какъ возникъ рядъ журналовъ, иллюстраціи которыхъ воспроизводили исключительно эротическіе мотивы.

Значительное число такихъ журналовъ, ихъ большая распространенность—все доказываетъ, что они принадлежатъ къ числу самыхъ характерныхъ документовъ исторіи частной и общественной нравственности въ буржуазный вѣкъ. По нимъ можно получить нагляднѣйшее представленіе объ эволюціи нравственныхъ понятій въ отдѣльныхъ странахъ. По нимъ можно прослѣдить всѣ подробности эротическихъ стимуловъ, вожделѣній и модъ, весь длинный путь, пройденный европейскимъ обществомъ отъ безобидной «наивности» примитивной мѣщанской морали до чрезвычайной сложности крайне повышенныхъ эротическихъ удовольствій современной крупнокапиталистической культуры. Какъ непогрѣшимый термометръ, позволяютъ они судить о всѣхъ высотахъ и низинахъ, о силѣ, воодушевлявшей эпоху, и о жалкомъ ничтожествѣ, въ которое вылилась эта сила. Изъ иллюстрированныхъ журналовъ мы и заимствовали значительную часть иллюстрацій, поясняющихъ текстъ этого тома.

Началомъ этой специфической эволюціи является сатирическая пресса, и притомъ началомъ въ хорошемъ смыслѣ, такъ какъ она изображала половые нравы въ сатирическомъ освѣщеніи. Юмористическая и сатирическая трактовка половыхъ вопросовъ и осталась преобладающей, или вѣрнѣе: въ такой формѣ они воспроизводились чаще всего. И притомъ по той простой причинѣ, что очень скоро выяснилось, что именно въ такой оболочкѣ можно итти дальше всего, «не нарушая приличія». Другими словами: при такихъ условіяхъ можно было разсчитывать на особенно широкіе круги читателей, не завися только отъ узкаго круга любителей пикантной пищи. Значительная часть лучшаго изъ того, что было сдѣлано критикой общественныхъ явленій, необходимо отнести именно за счетъ сатирической прессы. Изъ длиннаго ряда крупныхъ художниковъ, съ которыми приходится въ данномъ случаѣ считаться, назовемъ только немногихъ. Мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду творенія Роуландсона, Дебюкура, Домье, Гаварни, Форена, Ту-

лузъ-Лотрена, Вильета, Бердслея, Т. Т. Гейне, Гюльбрансона, Резничека и др. Изъ соотвѣтствующихъ журналовъ назовемъ: парижскій Charivari, Le courrier français, L'assiette ou beurre, нѣмецкіе Jugend, Simplicissimus.

Иллюстрированный галантный журналъ въ строгомъ смыслѣ слова, журналъ для котораго эротика была самодовлѣющей цѣлью, который открыто спекулировалъ на эти чувства читателя, чтобы дѣлать хорошія дѣла, возникъ впервые въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ странахъ имѣется нѣсколько такихъ журналовъ. Франція, Италія, Австрія, Германія, Англія, Америка—всѣ имѣли и имѣютъ такія клоаки низменнѣйшей спекуляціи.

Чтобы привести нѣсколько конкретныхъ данныхъ, укажемъ на то, что этотъ родъ журналовъ процвѣталъ особенно безстыдно въ Австро-Венгріи: вспомнимъ издававшійся въ Будапештѣ, нынѣ уже не существующій журналъ: Caviar, вѣнскіе Caricaturen и Pschutt, которымъ въ Германіи соотвѣтствуютъ: Sekt, Das Kleine Witzblatt, Die Auster. Во Франціи число ихъ всегда было легіонъ, зато въ художественномъ отношеніи они стояли здѣсь всегда значительно выше.

Эти журналы являются во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ дополненіемъ къ выше охарактеризованнымъ скандальнымъ газетамъ. Подобно тому, какъ послѣднія торгуютъ интимностями законныхъ и незаконныхъ любовныхъ связей, такъ эти журналы торгуютъ вообще пороками, окружая ихъ ежедневно ореоломъ въ видѣ соблазнительныхъ иллюстрацій. Такъ являются они самыми рьяными сводниками въ дѣлѣ разврата. Только ему они и служатъ отъ первой и до послѣдней строчки, такъ какъ здѣсь помѣщаютъ, естественно, свои объявленія люди, эксплуатирующіе съ особенной выгодой сферу безнравственности и непристойности. Вспомнимъ также всевозможные календари, альманахи и т. д. съ соотвѣтствующими иллюстраціями.

Часто иллюстрированные журналы служатъ прямо цѣлямъ сводничества. И опять таки это дѣлается такимъ на видъ безобиднымъ образомъ, что только посвященные знаютъ, въ чемъ дѣло. Слѣдующія слова уже нѣсколько разъ цитированнаго парижскаго писателя Мориса Тальмейръ показываютъ, о какихъ иллюстрированныхъ газетахъ здѣсь идетъ рѣчь и какимъ образомъ они служатъ цѣлямъ сводничества.

«Вы знаете, конечно, всѣ тѣ журналы, въ которыхъ помѣщаются портреты свѣтскихъ дамъ. Большинство этихъ портретовъ

должны дать наглядное представленіе о красотѣ и элегантности этихъ дамъ, имена которыхъ у всѣхъ на устахъ. И однако это не единственная ихъ цѣль, если вѣрить словамъ нѣкоторыхъ своденъ, заслуживающихъ въ этомъ отношеніи, какъ мнѣ кажется, полнаго довѣрія. Онѣ утверждаютъ, что портретъ такой монденки появляется въ журналѣ только затѣмъ, чтобы дать своднѣ возможность показать его своимъ постояннымъ кліентамъ. Это дѣлается, разумѣется, съ согласія дамы. Сводня какъ бы случайно держитъ въ рукахъ журналъ, а портретъ находится среди другихъ тоже, конечно, случайно. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего компрометирующаго ни для дамы, ни для журнала. Никто не можетъ подумать что-нибудь дурное, а журналъ тоже не задавался никакими плохими цѣлями. И однако портретъ къ услугамъ любителя, а сводня всѣми силами старается обратить на него вниманіе. Что за красавица! И что за портретъ! Да, вотъ если бы съ такой... Но это невозможно... И все таки... Почему не попробовать... И кліентъ воспламеняется, надѣется, сомнѣвается, допытывается и рѣшаетъ, наконецъ, испробовать свое счастье. Само собой понятно, что въ такихъ случаяхъ цѣна очень высокая и дѣло, естественно, особенно выгодное».

Другими словами: портреты этихъ элегантныхъ дамъ такъ сказать ничто иное, какъ иллюстрированныя объявленія въ текстѣ. Въ отдѣлѣ объявленій нельзя предлагать себя покупателямъ и вотъ нашли обходный путь, обѣщавшій къ тому же самый прочный успѣхъ. Такъ какъ лицо, въ концѣ-концовъ попадающееся на удочку, не подозрѣваетъ, что имѣли въ виду его и ему подобныхъ, то оно и не скупится. Напротивъ, въ собственномъ воображеніи оно выростаетъ до размѣровъ совратителя и побѣдителя и готово подъ вліяніемъ этого наивнаго самообмана заплатить сколько угодно. Ничѣмъ инымъ, какъ именно объявленіемъ, и являются въ глазахъ издателей подобные портреты и потому дама должна въ той иил иной формѣ платить за него. Она доставляетъ карточку, покрываетъ расходы по изготовленію клише, и обязуется кромѣ того купить пятьдесятъ или сто экземпляровъ этого номера. Такова наиболѣе старая и до извѣстной степени замаскированная форма подобныхъ объявленій.

Въ послѣднее время однако входятъ въ моду повсюду, а также и въ Германіи, простыя дѣловыя отношенія. Вы платите 50, 100 или больше марокъ и за это васъ снимаютъ и вашъ портретъ помѣщается съ пышнымъ панегирикомъ сообразно вашимъ спеціальнымъ желаніямъ: васъ будутъ прославлять или какъ шикарную

красавицу, составляющую сверкающій центръ въ каждомъ салонѣ, гдѣ она появляется, и немедленно обращающую на себя всеобщее вниманіе, или какъ смѣлую наѣздницу или какъ элегантную спортсменку, являющуюся пикантнѣйшимъ украшеніемъ манежа или площадки для тенниса, или какъ обворожительную актрису, у которой больше чѣмъ нижно ангажементовъ и т. д.

Самой пріятной особенностью такихъ своднических дѣлъ является ихъ полная безопасность для заинтересованныхъ лицъ, даже въ томъ случаѣ, если бы такое дѣло всплыло на поверхность. Ибо кто же узнаетъ о томъ, что потомъ происходитъ гдѣ нибудь въ элегантной квартирѣ холостяка или гдѣ нибудь въ меблированныхъ комнатахъ! Вы просто хотѣли прославиться. Если поэтому кто нибудь и узнаетъ, что вы помѣстили въ журналѣ или въ газетѣ такое иллюстрированное объявленіе, то въ худшемъ случаѣ это отнесутъ за счетъ вашего тщеславія.

Страшная конкуренція, къ которой съ середины XIX в. привела съ внутренней необходимостью частнокапиталистическая система производства, побуждала каждаго предпринимателя предлагать массѣ свой товаръ какъ можно нагляднѣе, чтобы она сразу вспомнила именно о немъ въ случаѣ надобности.

Такъ довольно рано возникъ иллюстрированный плакатъ, а недавно и иллюстрированное объявленіе. Несравненно болѣе сильное воздѣйствіе на психику картины, чѣмъ слова, сдѣлало въ концѣ концовъ иллюстрацію самымъ важнымъ въ наши дни средствомъ рекламы. А такъ какъ иллюстрированная реклама лучше всего достигаетъ своей цѣли, когда сразу обращаетъ на себя глаза массы, то безъ всякихъ зазрѣній совѣсти стали предпочитать эротическіе мотивы, такъ какъ все половое невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Подобная реклама можетъ многихъ оттолкнуть, но равнодушно мимо нея пройдетъ меньшее число людей, нежели мимо какой угодно другой иллюстраціи. И потому давно уже масса предметовъ восхваляется въ тѣсномъ единеніи съ эротикой. Первые шаги отличалась робостью. Въ видѣ символа или аллегоріи изображалась почти обнаженная женская фигура. Если рѣчь шла о сельско-хозяйственной выставкѣ, то женщина носила имя Помоны, когда рекламировалась рояль, она играла на струнахъ лиры и т. д. Съ теченіемъ времени масса уже перестала реагировать на такую скромную приманку и потому стали прибѣгать все къ болѣе интим-

нымъ и характернымъ намекамъ. Откровеннѣе всего поступали, естественно, съ самаго начала при плакатномъ рекламированіи монденныхъ увеселительныхъ учрежденій, какъ то цирковъ, варіетэ, баловъ, маскарадовъ, или монденныхъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Въ этихъ случаяхъ, впрочемъ, эротически пикантная форма плаката не удивительна, такъ какъ предлагается именно такого рода товаръ. Несравненно рафинированнѣе и для нашей эпохи характернѣе, если торговецъ, рекламирующій совершенно безразличный товаръ, прибѣгаетъ къ тѣмъ же эротически-возбуждающимъ пріемамъ его восхваленія. И дѣлалось это съ теченіемъ времени все болѣе беззастѣнчивымъ образомъ. На стѣнахъ домовъ, въ витринахъ магазиновъ проносится мимо насъ настоящій шабашъ пикантно обнаженныхъ женскихъ тѣлъ, чтобы приковать вниманіе и сохранить въ помяти ту или другую марку шампанскаго, тотъ или другой сортъ папиросъ, фирму, торгующую сукномъ, обувью, утварью и т. д.

Разжигаемый конкуренціей коммерческій духъ постепенно связалъ съ эротикой рѣшительно все. Магазинъ обуви показываетъ до самыхъ икръ ногу элегантно обутой дамы, а вслѣдъ за ней по ступенькамъ всходитъ пара такихъ же элегантно обутыхъ мужскихъ ногъ. Продавецъ дамскихъ чулокъ демонстрируетъ, какъ пикантно облегаетъ элегантную ногу изящный дамскій чулокъ. Фабрика мебели, предлагающая обстановку для спальни и столовой помѣщаетъ объявленіе, изображающее, какъ въ столовой сидятъ молодые супруги, чокающіеся съ нѣжнымъ взоромъ по поводу того, что будетъ «потомъ», а въ спальнѣ мы видимъ первый актъ этого «потомъ»: раздѣвшаяся до самого корсета молодая жена еще разъ требуетъ, чтобы мужъ подтвердилъ всѣ свои сдѣланныя за столомъ обѣщанія.

Еще дальше идетъ магазинъ, торгующій всякой всячиной. Въ видѣ обложки для своего проспекта онъ выбираетъ иллюстрацію, показывающую, какъ у дверей элегантной спальни подслушиваютъ съ хитрой улыбкой камердинеръ и камеристка. А подпись: «Въ свѣтскомъ обществѣ». «Интересныя разоблаченія» придаетъ проспекту характеръ скандальной брошюры. Всякій, кому его вручатъ, сунетъ его въ карманъ и цѣль будетъ достигнута!

Подобныя рафинированныя рекламныя шутки нынѣ въ ходу во всѣхъ странахъ. Даже въ Англіи. Здѣсь имъ придаютъ впрочемъ часто серьезную внѣшность, какъ показываетъ, напр., въ

художественномъ отношеніи выдающійся плакать Бердслея для издательства, рекламирующаго—дѣтскія книги. Было бы логичнѣе, если бы подобная похотливая женщина служила рекламой для пикантнаго свѣтскаго романа, тогда какъ послѣдняго рода литература наоборотъ рекламируется при помощи плаката, изображающаго наивное дѣтское личико!

Мы привели лишь нѣсколько примѣровъ. На эту тему можно было бы однако написать цѣлый пространный культурно-историческій этюдъ. Въ настоящее время этотъ канканъ рекламы нѣсколько утихъ. Конечно, не потому, что люди поняли безстыдство подобныхъ методовъ, а потому, что большіе расходы, къ которымъ постепенно привели такія художественныя рекламы, не окупались во многихъ отрасляхъ производства. Уменьшеніе прибыли—вотъ, несомнѣнно, главная причина мимолетнаго уменьшенія въ этой области безстыдства. И это въ рамкахъ крупно-капиталистической дикой охоты за прибылью и понятно и естественно! Какое предпринимателю дѣло до морали, разъ дѣло процвѣтаетъ и прибыль повышается. А какъ только чрезмѣрное увлеченіе въ эту сторону приводитъ къ уменьшенію прибыли, люди возвращаются на покинутую стезю добродѣтели, пока не будутъ придуманы новые трюки, если не гарантирующіе, то по крайней мѣрѣ обѣщающіе новые шансы для прибыли.

Ибо существуетъ одинъ только богъ и одинъ только законъ: наивозможно большая прибыльность коммерческаго дѣла!

Заключенiе.

Въ началѣ нашего изслѣдованiя мы указали на то, что ни въ какой области, а слѣдовательно и въ области половой морали, не слѣдуетъ оцѣнивать прошлое современнымъ намъ масштабомъ, такъ какъ каждый вѣкъ требуетъ для своей оцѣнки разныхъ критерiевъ. Въ продолженiи всего нашего изслѣдованiя мы такъ и поступали. И однако все же позволительно поставить вопросъ: стала ли общественная и частная нравственность выше и лучше, чѣмъ прежде? Этотъ вопросъ даже необходимо здѣсь выдвинуть: отвѣчая на него, мы резюмируемъ все сказанное. Этотъ вопросъ является естественнымъ заключительнымъ аккордомъ всего нашего изложенiя. Наряду съ познанiемъ закономѣрности, царящей въ области исторiи нравовъ, это главный пунктъ, интересующiй серьезнаго читателя.

Предвосхитимъ здѣсь отвѣтъ на поставленный вопросъ. Онъ гласитъ просто и кратко: публичная и частная нравственность стала въ наше время несравненно выше и лучше, чѣмъ была прежде!

Можно было бы доказать, что съ одной стороны безнравственность осталась по существу той же, а съ другой—что она не сократилась и по своимъ размѣрамъ, и далѣе, что если «порокъ» и не увеличился, то пользуется онъ все той же, какъ и прежде, симпатiей. Каждая изъ главъ этого третьяго тома можетъ представить сколько угодно убѣдительныхъ доказательствъ. И однако такой способъ аргументацiи привелъ бы къ безусловно-невѣрному выводу, къ мнимому умозаключенiю. А именно по той причинѣ, что болѣе высокiй или низкiй уровень нравственности данной эпохи никогда, какъ уже было сказано въ главѣ о происхожденiи и сущности нравственности въ первомъ томѣ нашей Исторiи нравовъ, не бываетъ проблемой абсолютнаго, а только относительнаго числа. Если мы хотимъ получить правильный отвѣтъ, то вопросъ долженъ

быть поставленъ такъ: въ какомъ размѣрѣ ищетъ нынѣ масса народа осуществленіе возможности счастья еще и въ иныхъ областяхъ жизни, чѣмъ въ области эротики? Только правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ позволитъ намъ произнести заслуживающее довѣрія сужденіе.

Мы имѣемъ полное право предположить, что находящаяся въ распоряженіи отдѣльной личности духовная и физическая сила и сумма энергіи остается по всѣмъ вѣроятіямъ во всѣ времена одинаковой. Чрезмѣрная трата силъ въ одномъ направленіи покупается цѣною меньшей траты силъ въ другомъ направленіи. Или оставаясь въ предѣлахъ нашей темы: люди, интенсивно занимающіеся напр. политическими или научными вопросами, не могутъ тратить на эротику и отдаленно столько силъ — для этого нужно кромѣ того еще время!—какъ люди, умъ и воображеніе которыхъ не заняты болѣе высокими интересами. А не подлежитъ никакому сомнѣнію и не нуждается въ особыхъ доказательствахъ, что въ наше время большинство взрослыхъ людей интересуется въ противоположность всѣмъ прежнимъ эпохамъ въ очень широкой степени политическими и даже научными вопросами. Уже одно это указываетъ на то, что общая нравственность должна быть нынѣ болѣе высокой, чѣмъ во всѣ прежнія эпохи. И оно такъ и есть.

Если фактъ, что въ настояще время масса народа въ большинствѣ культурныхъ странъ въ гораздо большей степени интересуется общимъ благомъ,—а вѣдь въ этомъ суть политики и науки,—не нуждается въ особыхъ доказательствахъ, то необходимо показать, какъ это произошло. Ибо такъ выяснится другая и еще болѣе важная сторона дѣла, а именно, что болѣе высокая нравственность нашего времени опредѣляется не только отрицательнымъ образомъ, въ томъ смыслѣ, что люди имѣютъ теперь меньше времени и силъ для разврата, но и положительнымъ образомъ, именно въ томъ смыслѣ, что у нихъ есть зато время для служенія болѣе высокимъ идеаламъ во всѣхъ областяхъ жизни. Причиной этого положительнаго явленія служитъ также капитализмъ, или вѣрнѣе послѣдствія капиталистическаго развитія. Болѣе высокая нравственность нашей эпохи есть ничто иное, какъ результатъ фаталистическаго превращенія вещей въ ихъ собственную противоположность, къ которому привело и притомъ должно было привести развитіе капитализма.

Съ двумя явленіями надо главнымъ образомъ считаться, такъ какъ они привели къ міровымъ массовымъ движеніямъ.

То эмансипація женщины, кульминирующая въ женскомъ движеніи, и эмансипація четвертаго сословія, кульминирующая въ рабочемъ движеніи.

Оба эти всемірно-историческія движенія не только являются доказательствомъ въ пользу болѣе высокой нравственности; уже въ ихъ существованіи обнаруживается эта болѣе высокая нравственность. Именно благодаря имъ многообѣщающее будущее уже отчасти стало настоящимъ.

Систематическое угнетеніе женщины было первымъ великимъ классовымъ гнетомъ, къ которому всюду привело возникновеніе частной собственности. Женщина была низведена на степень человѣка второго разряда, будь то въ видѣ домашней рабыни, или въ видѣ производительницы дѣтей, или же въ видѣ избалованнаго предмета наслажденія. Пусть во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ ея индивидуальное положеніе было инымъ, по отношенію къ мужчинѣ она стояла во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково низко. Возникшій и развивавшійся капитализмъ систематизировалъ угнетенное положеніе женщины, какъ класса, усугубилъ ея трагедію. Но это только одно изъ послѣдствій этой системы. Создавая почву для освобожденія женщины изъ-подъ власти домашняго хозяйства, капитализмъ вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ и предпосылки для окончательнаго уничтоженія угнетенія женщины, какъ класса.

Освобожденіемъ отъ домашняго хозяйства началась женская эмансипація. То ея первая форма и въ этой формѣ мы встрѣчаемся съ ней уже въ первую эпоху развитія капитализма, въ эпоху Ренессанса. Тогда рѣчь могла итти однако только о женщинахъ имущихъ классовъ и только о нихъ и шла рѣчь вплоть до XVIII ст. Во второй половинѣ этого вѣка положеніе дѣлъ измѣнилось. То было первымъ результатомъ начинавшагося крупно-капиталистическаго развитія. Что было ранѣе возможностью для тѣхъ, кто владѣлъ капиталомъ, а именно освобожденіе отъ домашняго хозяйства, стало однимъ изъ условій развитія капитализма. Женщина въ *массѣ* должна была быть освобождена изъ-подъ власти домашняго хозяйства, не для того, конечно, чтобы рядомъ съ мужемъ въ одинаковой съ нимъ степени наслаждаться жизнью, а для того, чтобы рядомъ съ мужчиной работать на службѣ капитала. Промышленное развитіе нуждалось, какъ было сказано уже въ первомъ томѣ, также и въ женской рабочей силѣ. Такъ неизбѣжно зародилась вмѣстѣ съ тѣмъ и проблема истинной эмансипаціи женщины, эмансипаціи женщины въ массѣ.

Женщина, на которую эволюція возложила ту же тяжесть, что и на мужчину, поняла въ этой фазѣ развитія свое подчиненное положеніе, поняла, что такое положеніе не можетъ считаться естественымъ порядкомъ вещей и потребовала одинаковыхъ съ мужчиной правъ, потребовала экономическаго и политическаго равноправія. Это одна изъ самыхъ крупныхъ датъ въ исторіи цивилизаціи, ибо только съ этого момента начала женщина быть человѣкомъ. Только эмансипація женщины если не завершила, то по крайней мѣрѣ систематически подготовила почву для превращенія мужскихъ правъ въ истинно-человѣческія права. Женщина перестала быть только домашней рабыней, только производительницей дѣтей, только объектомъ наслажденія. Сначала это произошло, правда, только въ идеѣ и долгое время оно и продолжало существовать только въ идеѣ.

И однако всякое освобожденіе всегда начинается въ тотъ самый день, когда недовольство становится сознательнымъ и планомѣрнымъ протестомъ.

А въ тотъ моментъ, когда женщина стала человѣкомъ, все человѣчество сдѣлалось богаче, чѣмъ оно было когда-нибудь раньше. Родились его величайшіе и высочайшіе идеалы. Только съ этого момента стремленіе облагородить любовь стало серьезно осуществляемой программой. Только теперь чувственность, одухотворенная индивидуализмомъ, получила достойную человѣка форму. Только теперь стали понимать, что любовь и красота могутъ и должны быть взаимно покрывающими другъ друга понятіями. Только теперь обязанности родителей перестали быть семейнымъ долгомъ, чтобы стать возвышеннымъ назначеніемъ.

Все это могло имѣть мѣсто только теперь.

Эмансипація женщины, какъ класса, въ противоположность эмансипаціи небольшой группы женщинъ, была неизбѣжной предпосылкой для пробужденія общечеловѣческихъ идеаловъ.

Такое же облагораживающее вліяніе, какъ эмансипація женщины, имѣла на общество и эмансипація пролетаріата. Процессъ и здѣсь совершился въ томъ же направленіи. Капиталистическая система производства непосредственно, правда, порабощаетъ народную массу, зато косвенно она освобождаетъ каждое отдѣльное лицо изъ этой массы и поднимаетъ его въ духовномъ и нравственномъ отношеніяхъ выше, чѣмъ стояла масса въ предыдущія эпохи. Эта эмансипація обнаружилась въ пробужденіи классового самосознанія, что , какъ извѣстно, всегда имѣла мѣсто и теперь еще

имѣетъ во все болѣе прогресирующемъ размѣрѣ мѣсто на извѣстной ступени экономическаго развитія. Съ этого момента для каждаго въ отдѣльности перестаетъ существовать трагическій рокъ, необходимость «погрузиться въ животное состояніе», какъ замѣтилъ въ 1840 г. Энгельсъ объ англійскихъ рабочихъ. А пересталъ этотъ трагическій рокъ существовать уже по одной той выше указанной причинѣ, что для этого отнынѣ не было больше ни времени, ни силъ.

Періодъ возмущенія, совпадающій съ пробужденіемъ классового самосознанія, означаетъ для каждаго въ отдѣльности не только то, что онъ приходитъ въ себя, но и то, что онъ тратитъ значительную часть физическихъ и психическихъ силъ въ другомъ направленіи, и притомъ въ направленіи, враждебномъ эротикѣ, ибо эротика, какъ индивидуальное переживаніе, всегда по существу антисоціальна. Только человѣкъ, индифферентный въ политическомъ отношеніи, располагаетъ нынѣ еще достаточными силами для чисто животной жизни. А индифферентизмъ и обнаруживается обыкновенно какъ разъ въ этихъ областяхъ: политическій индифферентизмъ и нравственная малоцѣнность являются у индивидуумовъ и группъ, чуждыхъ всякихъ высшихъ интересовъ, не только адэкватными, но и часто одновременно на лицо имѣющимися качествами.

Пробужденіе въ массахъ классового самосознанія приводитъ однако не только такимъ механичекимъ путемъ къ нравственной регенераціи. Послѣдняя является кромѣ того сознательно и планомѣрно поставленной и достигаемой цѣлью. Понявъ, что она ведетъ недостойное человѣка существованіе, масса прониклась очень скоро тоской по существованію, достойному человѣка. Такъ началось ея самовоспитаніе. И это самовоспитаніе практиковалось тѣмъ болѣе планомѣрно и сознательно, чѣмъ больше выяснялось, что оно является важнымъ факторомъ борьбы за власть. Какъ восходящій классъ, пролетаріатъ хотѣлъ быть представителемъ болѣе высокой нравственности—правда, не только въ половой области, но между прочимъ и въ ней—и онъ поэтому долженъ былъ провозгласить нравственную безупречность закономъ, обязательнымъ для себя.

А этимъ путемъ восходящіе классы воспитываютъ въ духѣ болѣе высокой нравственности не только себя, но косвенно и тѣ классы, противъ которыхъ они возстаютъ. Правда, у послѣднихъ это приводитъ прежде всего, какъ мы выяснили въ первой главѣ этого тома, къ возникновенію нравственнаго лицемѣрія, но

и оно въ послѣднемъ счетѣ вѣдь ничто иное, какъ уступка, сдѣланная добродѣтели, необходимость которой такимъ образомъ признана во всеуслышаніе.

Такъ какъ мы подробно выяснили уже въ первомъ томѣ ту роль, которую играетъ пробужденіе и укрѣпленіе классового самосознанія въ процессѣ историческаго развитія, то значеніе, которое оно имѣетъ для нравственнаго прогресса человѣчества, то мы можемъ здѣсь ограничиться этими немногими замѣчаніями. Важно однако еще разъ подчеркнуть выводъ, касающійся спеціально рабочаго класса. И этотъ выводъ гласитъ:

Нравственный уровень рабочаго класса нынѣ стоитъ также высоко, какъ низко стоялъ онъ когда-то до его эмансипаціи.

Этотъ выводъ необходимо потому особенно подчеркнуть, что онъ является главнымъ факторомъ при правильномъ отвѣтѣ на выше поставленный вопросъ: повысился ли общій уровень нравственности въ наше время въ сравненіи съ предыдущими эпохами? Именно поэтому и прежде всего поэтому онъ въ самомъ дѣлѣ несосоизмѣримо выше чѣмъ прежде, такъ какъ вопросъ о большей или меньшей нравственоcти данной эпохи является, какъ уже сказано, всегда проблемой не абсолютнаго, а относительнаго числа.

Лицомъ къ лицу съ тѣми фактами, что въ наше время многіе милліоны товарищей въ каждой странѣ стремятся энергично и сознательно къ болѣе высокой нравственности, что эти милліоны пропагандируютъ и стремятся осуществить такія экономическія и политическія условія, которыя уже въ себѣ самихъ содержатъ болѣе высокую нравственность, лицомъ къ лицу съ этими фактами совершенно ничтожное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что и нынѣ еще сотни тысячъ ищущихъ свое индивидуальное счастіе исключительно въ тѣхъ самыхъ областяхъ низменныхъ эротическихъ удовольствій, въ которыхъ въ былыя времена видѣла свой высшій идеалъ вся масса населенія.

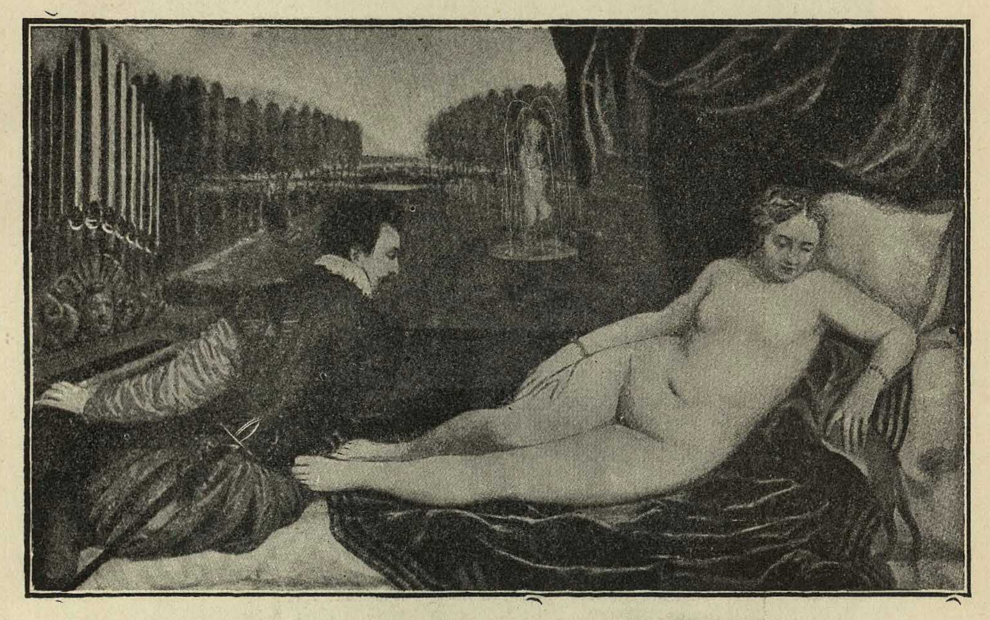
И мы можемъ поэтому заключить съ чувтвомъ гордости и удовлетворенія:

Какъ бы ни была мало привлекательна картина современныхъ нравовъ, развернутая добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ,—причемъ, конечно, подвиги лицемѣрія ничѣмъ не уступаютъ поступкамъ тщательно скрываемымъ,—человѣчество тѣмъ не менѣе идетъ гигантскими шагами все выше и выше.

———



Книгоиздательство „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.
МОСКВА, Б. Никитская, 24.



Тиціанъ. „Наслаждающаяся Венера“.

НАГОТА ВЪ ИСКУССТВѢ.

Д-ра Вильгельма Гаузенштейна.

Съ 150 иллюстраціями. — Цѣна 2 руб.

Изображеніе нагого человѣка (наготы) является центральнымъ пунктомъ всѣхъ художественныхъ произведеній. Въ этой книгѣ представлена въ многочисленныхъ иллюстраціяхъ вся исторія воспроизведенія нагого человѣка съ первыхъ подражаній, исканій некультурныхъ народовъ до эпохи современнаго, высоко развитаго искусства. Искусство египтянъ, грековъ, романской и готической эпохъ, ренессанса, расцвѣтъ искусства въ Голландіи, рококо, современное французское и нѣмецкое искусство,—все это представленно въ этой книгѣ, и книга эта объясняетъ намъ, какъ измѣнялся идеалъ красоты съ каждымъ столѣтіемъ. Теперь, когда мы опять возвращаемся къ естественному развитію тѣла и когда послѣ долгаго односторонняго пониманія рисунка стали вникать въ самую сущность его, эта книга имѣетъ существенное значеніе.



ИСКУССТВО РОКОКО.

Д-ра Вильгельма Гаузенштейна.

Съ 80 снимками съ эстамповъ, гравюръ и картинъ. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Живо и занимательно разсказываетъ Гаузенштейнъ о жизни и произведеніяхъ художниковъ Рококо. Въ то же время онъ указываетъ на лучшія страницы приблизительно ста книгъ того времени и воспроизводитъ ихъ въ натуральную величину. Благодаря этимъ картинамъ получается очаровательная картина общественной и частной жизни того времени. По своей художественности и документальности, эта книга является цѣннымъ трудомъ по исторіи культуры.



НРАВСТВЕННОСТЬ и БЕЗНРАВСТВЕННОСТЬ въ ИСКУССТВѢ.

Д-ра Е. Бредта. Съ **75** рисунками. Цѣна **1** руб. **50** коп.

Ни одинъ вопросъ въ искусствѣ такъ сильно не волновалъ общественное мнѣніе, какъ вопросъ, который разбираетъ въ нашей книгѣ д-ръ Бредтъ. Не предрѣшая вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, авторъ стоитъ на чисто художественной точкѣ зрѣнія. Свою книгу авторъ иллюстрировалъ прекрасными снимками съ художественныхъ произведеній. Успѣхъ книги за границей, разошедшейся тамъ въ теченіе полугода въ количествѣ 25 тысячъ, служитъ прекраснымъ показателемъ ея достоинствъ.

I т. Ренессансъ.

I. **Происхожденіе и сущность нравственности**. Происхожденіе и основа единобрачія.—Измѣнчивость половой морали.—Законы этихъ измѣненій.—Выводъ относительно будущаго.—Планъ изслѣдованія.

II. **Идеалъ физической красоты Ренессанса**. Сущность Ренессанса.—Происхожденіе идеала красоты.—Отношеніе къ наготѣ.—Сущность модъ эпохи Ренессанса.

III. **Любовь и бракъ.** Основной характеръ любви.—Развитіе индивидуальной половой любви.—Чувственное представленіе о любви.—Добрачное половое общеніе.—Обычай пробныхъ ночей.—Формы взаимнаго ухаживанія.—Бракъ и вѣрность.—Супружеская невѣрность.—Свободное половое общеніе и нравственная испорченность.—Употребленіе пояса цѣломудрія.

IV. **Нравственность церкви**. Церковь въ эпоху Ренессанса.—Экономическая основа могущества церкви.—Безбрачіе.—Пороки монашества.—Злоупотребленіе исповѣдью.

V. **Проституція.** Проституція, какъ оффиціальное средство обороны.—Размѣры проституціи.—Солдатская дѣвка.—Сутенеры и сводни.—Отношеніе къ проституціи отдѣльныхъ классовъ общества.—La grande Cocotte Ренессанса.—Способы привлеченія вниманія, практиковавшіеся проститутками.—Проститутка въ искусствѣ.—Регламентація проституціи.—Борьба противъ проституціи.—Сифилисъ.

VI. **Общественныя развлеченія**. Прядильня.—Жизнь въ баняхъ.—Курорты.—Игры и танцы.—Праздники и празднества.—Масляничныя игры.—Мистеріи и театръ.—Свадебное торжество и свадебные обряды.—Частныя развлеченія.

VII. **Сексуальная паталогія.** Историческія причины вѣры въ вѣдьмъ.—Эротическая подкладка преслѣдованія вѣдьмъ.—Оргіи одержимыхъ.

II т. Вѣкъ галантности.

I. **Эпоха абсолютизма**. Психика подданнаго.—Общественная ложь.—Галантность.

II. **Новый Адамъ и новая Ева.** Идеалъ красоты эпохи абсолютизма.—Культъ интимной женской красоты.—Физическій портретъ мужчины и женщины.

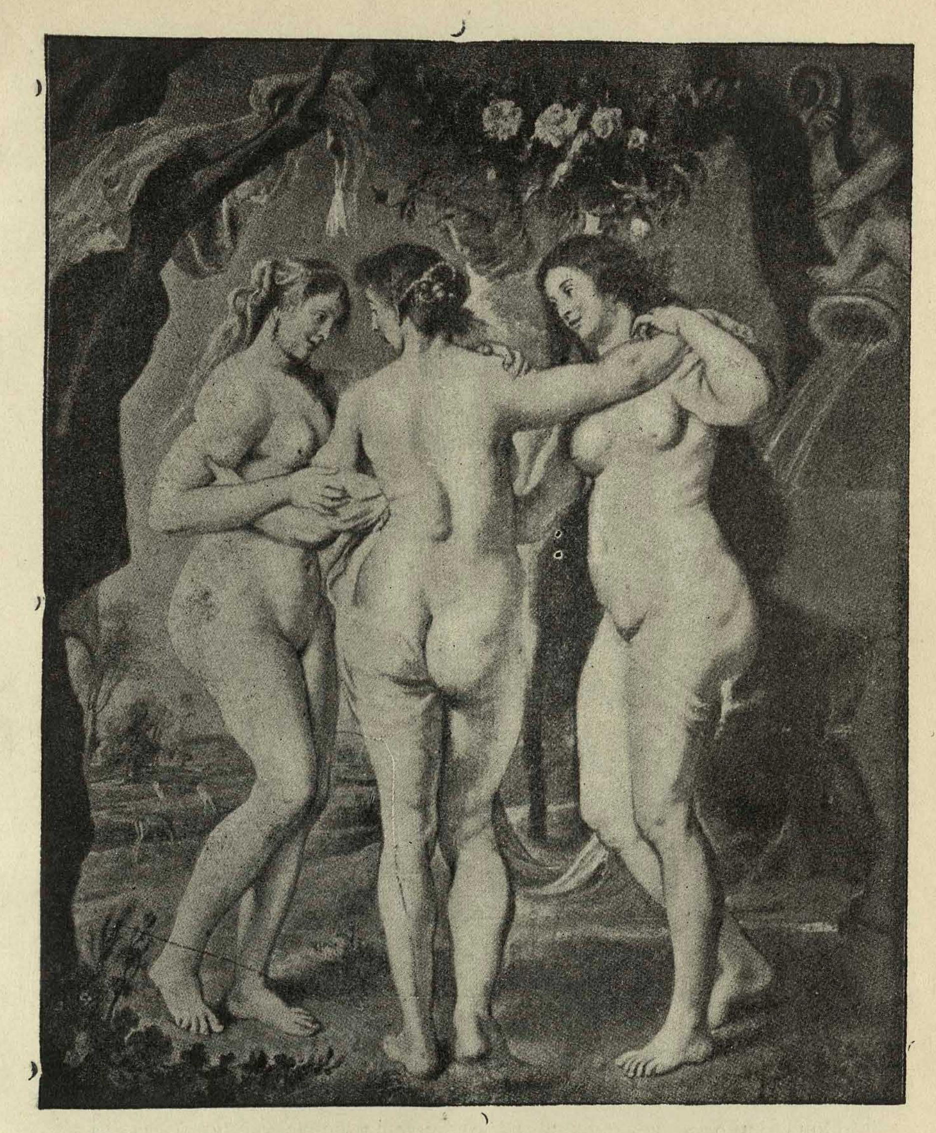
III. **Ливрея распутства.** Шлейфъ, фонтажъ, парикъ.—Роль каблука.—Декольтэ.—Кринолинъ.—Красочная скáла стараго режима.—Роскошь костюма.

IV. **Любовь.** Культъ техники.—Раффинированность и сентиментализмъ.—Сексуальное воспитаніе.—Любовь, какъ произведеніе искусства.—Авансы въ счетъ брака.—Женская потребность въ любви.—Юридическая формула.—Герой стараго режима.—Оргія.—Венера и Пріапъ въ монашескомъ облаченіи.—Кнутъ.

V. **Проституція**. Уличная торговля любовью.—Притоны любви.—Адепты и маклера проституціи.—Полиція и проститутка.—Шипы и розы.

VI. **Въ трактирѣ и въ салонѣ**. Развитіе трактирной жизни.—Семейные праздники.—Народные праздники и развлеченія.—Танцы и игры.—Театръ.—Опера и балетъ.—Салонъ.

III т. Эпоха буржуазіи.




2007332290